

С. Козлов и др. Спецназ ГРУ-2. Война не окончена, история продолжается

С. Козлов и др. Спецназ ГРУ-2. Война не окончена, история продолжается
составитель С.В. Козлов. Спецназ ГРУ-2. Война не окончена, история продолжается. М.: SPSL - "Русская панорама", 2002

История частей спецназ, рассказанная самими спецназовцами. Составитель (и автор части статей) - в недалеком прошлом офицер военной разведки, участвовавший в боевых действиях в Афганистане. Книга, по сути, документальна, в ней нет ничего выдуманного, это рассказы участников или с уст очевидцев.

Структура новой книги аналогична первой, но содержание частей наполнено новыми материалами. В "афганском" разделе автор сделал попытку написать мини-историю спецназовских частей и соединений, принимавших участие в боевых действиях на территории Афганистана. По каждой воинской части дана краткая историческая справка, а также приведены несколько боевых эпизодов. Не замалчиваются неудачи и поражения, по мнению автора, негативный опыт учит лучше всего.

Новый раздел книги посвящен 2-й Чеченской кампании. Специалисты смогут познакомиться с боевыми примерами и узнать, как в действительности проходили те или иные операции.

Предисловие

Командирам групп специального назначения, бывшим, настоящим и будущим, посвящается

Книга «Спецназ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны» состоялась. Я очень рад, что мой труд, труд моих коллег-спецназовцев — моих друзей, был замечен читателями и востребован. Во всяком случае то, что первое издание разошлось за два—три месяца, а вместе с новой, второй, книгой выходит уже третье издание первой, свидетельствует об интересе читателей к этой теме вообще и к нашей книге, в частности.

Многочисленные письма и телефонные звонки читателей, желающих прочесть продолжение этой книги, узнать о действиях спецназа в ходе Второй чеченской кампании, заставили издателей «сделать мне предложение, от которого я не смог отказаться». Одним словом, я приступил к подготовке второй книги о спецназе ГРУ. И вот она перед вами.

Полагая, что более чем пятидесятилетняя история, насыщенная боевыми действиями и другими драматическими эпизодами, не может вместиться даже на шестистах страницах первой книги, я и решил не изменять структуру второй. В разделы, аналогичные первой книге, вошли материалы, которые освещают новые страницы спецназовской истории.

Касаясь афганской эпопеи, я решил подробнее остановиться на У действиях отрядов, описать кратко историю их создания и рассказать о наиболее громких эпизодах их боевой работы. О многих из них, в силу того, что ГРУ никогда не афиширует своей деятельности, знают даже далеко не все спецназовцы. Я уже не говорю о рядовом читателе. Помимо положительных результатов, я решил обязательно рассказать и о действиях, которые нельзя назвать в полной мере успешными. Делаю это я для того, чтобы новые поколения командиров групп, которым посвящена эта книга, не совершали старых ошибок своих предшественников, поскольку именно негативный опыт по-настоящему учит.

Что же касается Второй чеченской, то здесь я решил рассказать не только о действиях спецназа, но и попытаться сделать срез ситуации в Чечне в разные периоды кампании, рассказать о том, чем занимаются там сотрудники МВД, ФСБ и обычные армейские подразделения. Поскольку информация о войне в настоящее время поступает очень дозировано и в причесанном виде, думаю, что читатель не без интереса отнесется и к моим личным впечатлениям от поездки в Чечню и к рассказам людей, периодически бывающих там в командировках.

Как и в предыдущей книге, я постарался наполнить ее описанием боевых ситуаций, поскольку, как и десять, и пятнадцать лет назад, боевой опыт в нашей стране не собирается и не обобщается.

Пройдет время, и сегодняшние события станут историей, как стали историей создание спецназа, его развитие, как стали историей события в Афганистане и многое другое. И сейчас даже мои сверстники уже не могут припомнить, как именно происходили те или иные события. На памятном знаке, изготовленном к 80-летию ГРУ, выбиты замечательные слова: «Величие Родины — в Ваших славных делах». Так давайте же помнить о них.

Как и в предыдущей книге, обо всех событиях рассказывают или пишут участники или очевидцы событий. Иногда о серьезных событиях очевидцы рассказывают с юмором, поэтому, как и в первой книге, здесь присутствуют байки, уже понравившиеся многим читателям.

В завершении хочу поблагодарить всех тех, кто откликнулся на мою просьбу и сумел выбрать время, для того, чтобы рассказать о «делах давно минувших дней» и событиях современной войны. Также выражаю самую искреннюю признательность всем читателям. Без их заинтересованности не было бы второй книги.

Самую большую благодарность я выражаю издателей: Игорю Настенко и Юрию Яшневу. В наше непростое время они все-таки смогли реализовать этот проект.

Сергей Козлов

Москва, январь 2002 г.

Часть I. ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СПЕЦНАЗА

Армейский спецназ

И.Н. Щелоков. У истоков армейского спецназа

Спецназ в своей истории прошел несколько этапов. Свидетелей самого первого — формирования рот осталось немного. Некоторые из тех, кто принимал участие в создании спецназа, многое уже и забыли. Поэтому особенно дороги воспоминания и свидетельства тех, кто формировал первые части специального назначения и тех, кто служил в них.

В конце 1950 года в Советской Армии началось формирование отдельных рот специального назначения. Немного позднее, пришло указание сформировать такую роту и в ЛенВО. Сделать это было поручено 3 му отделу разведуправления штаба округа.

Тогда я проходил службу в этом отделе в должности старшего офицера, имея хорошую подготовку по разведывательно диверсионной работе и звание инструктора парашютно десантной службы (ПДС). На моем счету было 320 прыжков с парашютом с самолетов АН 2, ЛИ 2, Ан 12. Эту подготовку я получил, проходя службу в должностях начальника разведки, а также начальника штаба 237 го гвардейского парашютно десантного полка 76 й гвардейской воздушно десантной Черниговской дивизии ВДВ. В этом полку было разведывательно-диверсионное подразделение, обучением которого я и занимался. Кроме того, после Великой Отечественной войны мне посчастливилось пройти подготовку в Высшей разведывательной школе ГШ СА, после которой определенное время работал за рубежом в агентурной разведке. Видимо, поэтому командование РУ ЛенВО перевело меня из 76 й воздушно десантной дивизии и поручило формирование роты спецназ.

Создать «с нуля» такое подразделение — дело непростое. Во первых, командиры взводов должны не только знать методы разведки, но и иметь диверсионную, парашютную подготовку. Во вторых, обязаны хорошо освоить минно подрывное дело. Надо сказать, что мне очень помог командир 76 й гвардейской ввд генерал майор Ометов. Я, с разрешения командования РУ штаба ЛенВО, поехал в г. Псков и рассказал генералу Ометову о моих трудностях. Он был отличным командиром и очень любил разведку, поэтому разрешил мне подобрать из состава разведподразделений дивизии трех командиров взводов и одного командира взвода из подрывников. Все эти офицеры согласились с моим предложением перейти к нам в роту. Тем более что командир взвода роты спецназа по званию был капитан, а все они были старшими лейтенантами. Кроме того, они меня все хорошо знали по совместной службе в 237-м полку. Остальных офицеров в роту спецназа подобрал штаб ЛенВО. Рядовым составом, годным к службе в ВДВ, рота была укомплектована за счет частей округа.

Большую помощь в оснащении роты специальным вооружением и боевой техникой оказало ГРУ ГШ и лично генерал майор Н. Патрахальцев. Все необходимые тренажеры по парашютно десантной службе были сооружены по месту дислокации роты, и началась плановая боевая подготовка.

Основное внимание уделялось разведывательной, диверсионной, парашютно десантной подготовкам и минно подрывному делу с использованием специальных средств. Для десантирования групп в начальном периоде обучения использовались вертолеты МИ 8, а после длительной наземной подготовки и самолеты: АН 2, ЛИ 2, Ан 12. Личный состав роты принимал участие во всех войсковых учениях, проводимых в округе. На них разведгруппы роты показывали хорошую разведывательно диверсионную и боевую выучку, о чем говорили результаты их деятельности. Следует привести один пример работы разведгруппы. Чтобы убедиться в качестве подготовки личного состава роты спецназа, командующий войсками ЛенВО генерал армии С. Соколов приказал на одном из учений выделить в его распоряжение одну разведгруппу спецназначения (РГСН). Ему направили группу в составе 8 человек под командованием старшего лейтенанта Бойко, которая была оснащена спецсредствами подслушивания и записи телефонных и радиопереговоров. А вместо спецсредств подрыва личному составу разведгруппы было приказано ставить специальные знаки на боевой технике ракетной бригады, если они будут иметь возможность к ней подойти вплотную.

Задача РГ: после высадки из вертолета в районе предполагаемого расположения ракетной бригады или ее подразделения организовать телефонный и радиоперехват, а также его запись, следить за перемещением подразделений и, по возможности, «заминировать» пути их перемещения и боевую технику. Данные разведки докладывать по радио на КП командующему лично.

Задание группа выполнила: была обнаружена линия телефонной связи, по которой удалось найти место расположения одной из частей бригады и ее штаб. Подключив к этой же линии телефонной связи

спецоборудования по прослушиванию и записи переговоров, удалось записать указания командира бригады, переданные им по телефону открытым текстом о передислокации подразделений бригады, что категорически запрещалось.

Группа сумела также поставить специальные знаки «заминировано» на части техники и на пути движения одного из подразделений. Все добытые данные, старший лейтенант Бойко своевременно по радио докладывал на КП командующему. Об одном только не сообщил: используя отсутствие бдительности у некоторых командиров частей, он посылал своих разведчиков к ним на полевую кухню «противника» получать обеды. Эту шутку мы ему простили.

На разборе учений командующий округом поставил хорошую оценку разведгруппе роты спецназа по действиям на учениях и наградил ценным подарком ее командира, а также и командира роты. Ну, а что было с некоторыми командирами ракетной бригады, писать не буду, это и так ясно. Другие разведгруппы роты спецназа на данном учении также весьма успешно выполнили свои задачи.

Следует сказать, что на последующих учениях все командиры частей округа действовали более бдительно по отношению к разведке условного противника, и разведчики роты спецназа уже на чужие кухни не наведывались, а спокойно пользовались сухими пайками, выдаваемыми им на период учений.

Рота спецназа просуществовала в ЛенВО до 1962 года...

С. Козлов. Подстава

Историю эту мне рассказал еще в бытность мою курсантом один из офицеров нашей роты, старший лейтенант Владимир Баландин. Прибыл он к нам из войск, прослужив несколько лет командиром группы в отдельной роте специального назначения, дислоцированной в Новочеркасске.

Это место службы, по словам Владимира, было до того сладким, что он не особо расстраивался по поводу отсутствия служебного роста. Впрочем, судите сами. Во-первых, Новочеркасс — город, отнюдь не маленький. Это подтверждает наличие там университета и ряда других ВУЗов рангом поменьше. Во-вторых, рота располагалась в самом городе, а не в нескольких верстах от него, как это часто бывает. В-третьих, практически все офицеры, служившие в роте, были обеспечены квартирами, а это отнюдь не мало. С продуктами, даже в советские времена, там было неплохо. В четвертых, в пятых... А женщины! Какие женщины живут и учатся в этом прекрасном городе. Нет, бесспорно, новочеркасская отдельная рота была жемчужиной спецназа до тех пор, пока ее не расформировали из-за какого-то ЧП. Но не будем о грустном.

Офицерам, которым посчастливилось попасть в эту отдельную часть, нравилась не только гражданская жизнь в городе. Боевая подготовка шла в роте полным ходом, поэтому служить было интересно. Коллектив офицеров и прапорщиков был небольшим, но дружным. По давно заведенной традиции, все праздники, дни рождения, присвоения званий и свадьбы отмечались сослуживцами за общим столом.

Беда пришла неожиданно. Старого замполита роты, который сам активно участвовал во всех неслужебных мероприятиях, перевели с повышением. На его место прибыл молодой лейтенант, выпускник училища. С первого взгляда он вызвал подозрения у офицерского коллектива, да и у самого ротного тоже.

Не секрет, что курсантов военно-политических ВУЗов учили, что, став замполитами, они будут обязаны следить за своими командирами и своевременно докладывать по линии политотдела обо всех выявленных у них недостатках и просчетах. Это называлось политическим влиянием. Именно этого влияния и опасались старожилы новочеркасской роты. Надо было что-то делать — приближались выходные с выездом на природу.

Решение созрело неожиданно. Один из наиболее опытных взводных предложил как-нибудь подставить замполита и тем самым дискредитировать его для того, чтобы он не смог «политически влиять» в дальнейшем. Идею одобрили и даже придумали, как ее осуществить. Осталось ее реализовать. Не откладывая в долгий ящик, офицеры наметнули молодому лейтенанту, что, по старой офицерской традиции, он обязан накрыть стол в ресторане по поводу прибытия в часть. Так сказать, прописаться. Замполит не спорил и вечером, завершив служебные дела, офицеры отправились в любимый ресторан. Здесь все их знали по именам, причем, как и они прекрасно знали персонал заведения. А одну го официантку, по имени Валентина, все знали очень близко. Свою кличку «Офицерша» она получила из-за того, что некогда была замужем за офицером, который служил в Германии. Однако за слишком пылкую любовь не только к своему мужу, но и к другим офицерам ее и, естественно, супруга выдворили из ГСВГ в двадцать четыре часа. Нужно было сильно отличиться в амурных похождениях для того, чтобы это произошло. Муж, конечно, после этого с ней развелся. Но любовь Валентины к «господам офицерам» в целом не прошла. Вообще Валька была доброй, отзывчивой и хозяйственной бабой, в одиночку воспитывавшей дочь. Единственным минусом была ее единственная и на всю жизнь любовь к военным. Да и минус этот был минусом только для мужа. Особенно

она жаловала спецназовцев. В роте даже ходила такая шутка: «Тот не офицер роты, кто с Офицершей не спал». Разумеется, молодого замполита повели к Вальке «в кабак» для того, чтобы вновь прибывший лейтенант естественным образом влился в дружную офицерскую семью. Прибыв на место и делая заказ, самый опытный, указав Валентине на замполита, сказал: «Валюша, обрати внимание на молодого человека. Не мужчина — вулкан! Но есть проблема. Недавно выпустился из политического училища и несколько скован в общении с женщинами. Надо помочь. Между прочим, холостяк!».

Услышав последние слова, Офицерша бросила на ничего не подпевавшего лейтенанта опытный взгляд, широко улыбнулась и пошла выполнять сделанный ребятами заказ.

Вечер проходил, как принято говорить, «в теплой дружественной обстановке». В финале вся подогретая компания офицеров, не обремененных браком или исполнением супружеских обязанностей в этот вечер, направилась домой к Валентине. Как это обычно бывает, в ходе застолья, не без участия Офицерши, мужская пирушка украсилась представительницами слабого пола. Погудев у Вальки дома, «народ» часам к трем ночи начал расходиться. Наверное, понятно, что молодой замполит угодил в постель к хозяйке квартиры. Самый опытный, затеявший всю эту историю, уходя, ободрил ее: «Утром парня не буди, мы его на разводе прикроем. До обеда он твой».

Как сказал, так и сделал. Утром на разводе командир роты спросил: «А где у нас замполит? » «Он задерживается. Просил передать, что ему надо получить багаж на вокзале», — ответил самый опытный. Командир роты кивнул. Офицеры ухмыльнулись, стоя в строю. Этот «багаж» они получали не раз. Теперь замполит был скомпрометирован перед ними. В случае чего, они всегда смогут ему сказать, что, несмотря на то, что они весело проводят внеслужебное время, на службу-то они прибывают без опоздания, в отличие от него самого.

Однако этого не потребовалось. Замполит оказался хорошим парнем, с которым у всех сложились приятельские отношения. Все пошло, как и прежде. Об истории с Валькой забыли.

Спустя примерно с полгода после описанных событий, замполит на утреннем построении офицеров, сияя как новый полтинник, объявил:

— Сегодня вечером приглашаю всех на свадьбу!

Все кинулись поздравлять, уточняя при этом время и место сбора, и только самый опытный настороженно спросил:

— А кто невеста?

— Валька! — счастливо улыбаясь, ответил замполит.

Возникла немая сцена, как в финале «Ревизора». Командир и самый опытный, молча, взяв под руки жениха, увели его в канцелярию, оставив офицеров обсуждать новость. И тот, и другой понимали, что брак этот допустить нельзя, поскольку вина за эту ошибку молодого офицера пожизненно ляжет на них. Оставшись втроем, старшие товарищи популярно и доходчиво, но в то же время щадя неокрепшую психику недавнего выпускника политического училища, разъяснили ему недопустимость такого опрометчивого шага, не забыв и про то, как определяется принадлежность к новочеркасской роте специального назначения. Конечно, лейтенант и сам догадывался об этом, но человек он был слабохарактерный, чем Офицерша не замедлила воспользоваться. Она-то раскусила его в первый же вечер.

— Как же быть теперь? Я же слово дал, да и столы уже накрывают, — растерянно проговорил жених. — Гости на свадьбу приглашены.

— Свадьбы не будет! — выкрикнул, подражая Шурику из «Кавказской пленницы», самый опытный.

Ротный согласно кивнул и произнес менее импульсивно, похлопав замполита по плечу:

— А за накрытые столы ты не беспокойся.

После этого несостоявшемуся жениху срочно выписали командировочное удостоверение и отправили за молодым пополнением куда-то в Сибирь.

К шестнадцати часам, как и предупреждал замполит, к воротам части подъехала свадебная кавалькада. Валентина решила, что не стоит строго чтить традиционные обряды с выкупом невесты и тому подобными глупостями. Женщина она была тертая и прекрасно понимала, что так можно и «в девках» остаться.

— В наше время, — справедливо рассудила она, — за своим счастьем можно и на машине подъехать.

Но не тут-то было! На беспрестанное гудение авто вышел, прекрасно разыгрывая недоумение, командир роты. Увидев Валентину в свадебном платье, он бросился поздравлять ее и заодно, как ни в чем не бывало, спросил, кому же это такое счастье привалило. Ничуть не смутившись, Валька назвала имя замполита.

— Как? — снова почти искренне изумился ротный.

— Ай-я-яй! И что же это он, ни словом не обмолвился! Вот уж, приедет, я ему задам!

— Приедет? Откуда? — пришла очередь изумиться Офицерше.

— Да понимаешь, Валек, я же не знал, что у вас свадьба, и отправил его в командировку за молодым пополнением. А он — парень исполнительный, ни словом о свадьбе не обмолвился. Козырнул, сказал «Есть!». И уехал.

Валентина была женщиной неглупой, поэтому не стала по таким пустякам устраивать скандал, а сделала широкий жест, пригласив всех к столу. Не пропадать же добру!

Прошло какое-то время. Замполит приехал из командировки и, как и учили, носа не показывал ни у Вальки, ни в ее «кабаке». Все вроде бы успокоилось и забылось, когда после очередного совещания герой нашей истории встал и, краснея, как и в прошлый раз, пригласил всех на свадьбу, которая состоится завтра, то есть в субботу. Все снова кинулись поздравлять, и лишь самый опытный настороженно спросил, кто невеста.

— Валька, — невинно моргая, ответил лейтенант.

Когда после того, как все в очередной раз пришли в себя, начался невообразимый шум. Последовали предложения еще раз «спасти безумца», но, как выяснилось, было поздно. Как-то встретив в городе пропавшего жениха, Валентина поинтересовалась, почему он не заходит. Тот, в свою очередь, ответил, что только что вернулся из командировки. Валентина спросила, не разлюбил ли он ее за это время. Замполит, избегая прямого разговора, немного помявшись, ответил, что нет.

— Ну и чудесно! — сказала Валентина и, остановив такси, скомандовала, как когда-то Гагарин:

— Поехали!

Доверчиво сев в машину, замполит спросил:

— Куда едем?

— Как куда? — удивилась Валька. — Жениться! Чтобы не ждать в городе положенный месяц, распишемся в сельсовете у меня в станице. Там все свои.

Замполит, будучи человеком деликатным, возразить не смог. Спустя пару часов все было кончено.

Свадьба прошла шумно. О ней говорили долго, но через некоторое время забыли, как забыли и всю эту историю. Со временем и чувство вины, имевшееся у офицеров, пропало. И не потому, что Валька изменила свое поведение, выйдя замуж. Нет, все оставалось по-прежнему. Скорее потому, что сам замполит, не заикливаясь на патологической любвеобильности своей супруги, был вполне доволен своей жизнью. Наверное, он был идеальной парой для такой женщины.

С. Козлов. Судьба офицера

Имя Героя Советского Союза, генерала майора Василия Васильевича Колесника знает каждый армейский спецназовец. Но основному населению нашей страны это имя ничего не говорит. О том, что именно он, разработал и провел наиболее известную специальную операцию в мире, долго не упоминали. Под его руководством брали дворец Амина. В последствии он долгое время возглавлял специальную разведку. Однако и жизнь этого человека, насыщенная драматическими эпизодами, может являться материалом для целой книги.

Родители и их потеря

Колесник Василий Васильевич родился 12 декабря 1935 года в станице Славинской Краснодарского Края в семье сельской интеллигенции. Мать преподавала в школе русский язык и литературу, отец был главным агрономом по разведению риса. Он более пяти лет учился в Китае и в Корее рисоводству. Свободно говорил на китайском и корейском языках. В 1934 году, закончив учебу за границей, он начал разбивать первые чеки для разведения риса на Кубани, а в 1939 году руководство компартии, членом которой он был, поставило задачу Василию Колеснику попробовать разводить рис на Украине в Миргородском районе Полтавской области. Семья переехала в деревню Алефировку. Здесь отец получил в свое распоряжение большой дом для оборудования лаборатории по выведению сортов риса. В этом доме жила и семья.

Когда началась война, Колесник старший предпринял все меры по эвакуации в первую очередь именно лаборатории и семенного фонда, поэтому семья эвакуироваться не успела. Когда район захватили немцы и отец и мать, бывшие оба коммунистами, ушли в партизанский отряд. Четверо детей остались на попечении деда и бабушки. Шестого ноября 1941 года родители пришли проводить детей, но по доносу какого-то предателя их и еще одного партизана схватили прямо на улице. Расстреляли на следующий день на глазах у всей деревни и конечно на глазах их детей.

В оккупации семейство выжило благодаря бабке, которая была сведуща в народной медицине, и лечила жителей села. За ее услуги люди платили продуктами.

Новая семья и семья военная

В 1943 году, когда освободили Миргородский район, двух сестер Василия взяла на воспитание средняя сестра их матери, а маленького Васю с братом забрала младшая. Муж сестры был заместителем начальника Армавирского летного училища. В 1944 году его перевели в Майкоп. Здесь Василий впервые увидел суворовцев и захотел стать одним из них. Он постоянно просил своих приемных родителей направить его в училище. В 1945 году братьев Колесников, как детей расстрелянных партизан, приняли в суворовское училище. Василий попал в самую младшую шестую роту Краснодарского училища. Василий Васильевич рассказывал, что училище было укомплектовано замечательным преподавательским составом и офицерами — воспитателями, вкладывавшими в своих подопечных «подранков войны» всю душу. Их теплота и сердечная забота были сравнимы с теплотой родственных отношений.

С особой благодарностью Василий Васильевич вспоминает начальника училища Нерченко Алексея Ивановича, потомственного кубанского казака. В молодости ему довелось охранять В. И. Ленина. Будучи кавалеристом, он безумно любил лошадей и такую же любовь привил своим малолетним подчиненным. В училище были конюшни, укомплектованные лошадьми. У каждого суворовца была своя лошадь. Василий Васильевич до сих пор помнит свою «Долю». Детей обучали не просто езде на лошадях, а и вольтижировке, и джигитовке. От Алексея Ивановича никто из детей, которых он любовно называл «чадушки», никогда не слышал грубого слова. Этот боевой генерал не стеснялся прикрыть полой шинели самого маленького Толика Арцишкина, когда тому в городе «приспичило по малой нужде». Его питомцы сохранили к нему такую же сыновью любовь и часто навещали его в Орджоникидзе вплоть до 1999 года, когда он в возрасте девяносто шести лет скончался.

«Кадетка»

В 1947 году училище перевели в Орджоникидзе. Сначала суворовцев разместили на территории пехотного училища, выделив несколько корпусов. Территория и помещения училища до революции принадлежали кадетскому корпусу. Планировка и постройки отличаются продуманностью. Отопление помещений калориферное, то есть теплый воздух подавался в помещения по специальной системе воздуховодов. Полы были паркетные. В училище был свой стадион. Все службы имели свои помещения, было и свое подсобное хозяйство, где суворовцы проходили практику. Училище находилось на окраине города в окружении садов. Вокруг была прекрасная природа.

В 1948 году училище объединили в суворовское офицерское. Такое же училище было в Свердловске. Суворовцы, окончив свое училище, автоматически зачислялись на первый курс пехотного офицерского училища. Поступать в другие училища, как выпускники остальных «кадеток», они не имели права. По сути, получалось, что суворовцы жили одной дружной семьей в течение десяти тринадцати лет. Эта дружба сохранилась до сих пор и выпускники «Орджо» ежегодно в День Победы собираются у станции метро «Кропоткинская».

Шалости и хитрости

Дети есть дети. Василий Васильевич вспоминает, как однажды с Валькой Бережным они предприняли вылазку в сад начальника училища за черешней. В то время училищем уже командовал генерал — лейтенант Барinov. Его сад славился черешней. Валька стоял «на стреме», а Василий полез за ягодами. Набрав ягод в подвязанные снизу штанины и за пазуху, он уже собрался спускаться с дерева, как вдруг из дома вышел генерал с овчаркой, и привязал ее к дереву, где сидел Василий. Генерал видимо увидел его из окна своего дома. Ждать когда спустится суворовец, он не захотел, и он ушел. Ситуация была не из приятных. Но спускаться вниз все равно надо. Тут Василий увидел, что поводок, которым привязана собака, очень короток. Рассчитав траекторию, он прыгнул с дерева в зону, где собака не могла его достать, и побежал к забору. Василий уже почти перелез через него, когда камень, брошенный меткой рукой генерала, попал в спину. Руки оборвались, и лазутчик упал в руки подбежавшего начальника училища. «Попался подлец!» — радостно воскликнул генерал, сорвал с Василия погоны и продолжил: «Вон! Исключаю тебя из училища!». Василий отправился в свою казарму, где ждали его встревоженные друзья. Черешня осталась у него в качестве трофея. Само собой, что ее тут же и съели, а потом начали думать, как избежать генеральского наказания. И придумали. Погоны пришили строго по тем же меткам и дырочкам от ниток, что и раньше. Утром на построении генерал потребовал, чтобы перед строем вышел тот подлец, которого он ночью поймал у себя в

саду. Строй не шелохнулся. Начали проверять, у кого погоны недавно пришиты, но такового не обнаружили. Так Василий Колесник остался в рядах училища.

Проблемы и их преодоление

Вопреки устоявшемуся стереотипу, рассказывая о Герое, мы не станем говорить, что он был круглым отличником. Были проблемы и особенно с иностранным языком. Учебе в значительной степени мешало то, что Василий Колесник, став свидетелем расстрела своих родителей, стал заикаться. Причем с волнением заикание усиливалось. Некоторые преподаватели по степени заикания даже определяли и то, насколько суворовец Колесник усвоил материал. Если заикался сильно, то и знал слабо. Для преодоления этого недостатка фельдшер училища посоветовал Василию уходить в места, где его никто не мог слышать. Там стараться петь и кричать, но тоже протяжно. Усиленными занятиями удалось снизить заикание к окончанию суворовского училища. В аттестате Колесника было только две тройки. Тем не менее, полностью от заикания избавиться не удалось, поэтому после окончания СВУ, ему, наверно единственному, разрешили поступать в другое военно учебное заведение. Причем в перечне были и такие престижные, как Военно медицинская и Инженерная Академии. Однако Василий отказался и продолжал настаивать на зачислении в родное пехотное училище. В конце — концов, с большими оговорками его зачислили. Спустя год он усиленными занятиями почти полностью преодолел этот недуг. Как результат, стал сержантом.

Мечта

Основной же конек Колесника был спорт. Еще в суворовском училище Василий увлекся гимнастикой и акробатикой. Несколько позже стал заниматься стрельбой и бегом. Будучи уже курсантом стал бегать на марафонские дистанции и занял призовое место по этому виду среди училищ округа. Выполнил нормы кандидата в мастера спорта по марафону и стрельбе. Со спортом Василий Васильевич не расставался никогда. Уже в войсках стал кандидатом в мастера спорта по многоборью и парашютному спорту, по штанге и баскетболу были вторые разряды. Всего по десяти видам. Видимо эта склонность породила в нем желание служить в воздушно десантных войсках. Дважды писал он письма Министру Обороны с просьбой перевести его в Алма-Атинское воздушно десантное училище, но оба раза вместо перевода получал выговор за обращение к старшему начальнику не по команде.

Закончив в 1956 году училище по второму разряду (без троек) лейтенант Колесник получил распределение на Дальний Восток. В то время почти треть училища написала рапорта с просьбой направить их для службы в этот регион. Причина была в том, что в Корею шла война, а также осложнились отношения с Китаем. Многие полагали, что на границе «пахнет жареным».

Все выпускники, попавшие в Даль ВО, были собраны на пересыльном пункте. В течение месяца им предлагали должности командиров минометных взводов, автомобильных взводов и прочие не популярные в войсках должности. Не сумев найти подходящие должности в рамках округа, молодых лейтенантов разбросали по армиям. Штаб двадцать пятой армии, куда был направлен лейтенант Колесник, находился в Шкотово. Ему и еще восьми выпускникам «Орджо» стали предлагать аналогичные должности. Но однажды начальник отдела кадров армии спросил, не желает ли ктонибудь прыгать с парашютом? Вызвался один Колесник. Предварительную беседу с ним провел Герой Советского Союза полковник Гришин. Лейтенант Колесник заверил его, что не испугается прыжков с парашютом даже в тыл противника.

И ее осуществление

Так Василий Колесник попал служить в 92 ю отдельную роту специального назначения двадцать пятой армии, которую недавно принял старший лейтенант В. Е. Бреславский. Остальные угодили в укрепрайоны и на другие не симпатичные должности. Рота располагалась на станции Боец Кузнецова. Личный состав жил в казарме. Женатые офицеры и сверхсрочники — в щитовом доме. В роте по штату было сто двенадцать человек. Из них девять офицеров и десять сержантов и старшин сверхсрочной службы. Лейтенант Колесник принял первый взвод, которым недавно командовал Бреславский. Этот взвод, будучи разведывательным, в то же время готовил командиров отделений для других взводов роты. Ответственность на командире такого подразделения лежит немалая. Сложность была в том, что многие предметы, которые входили в программу боевой подготовки отдельной роты спецназ, в пехотном училище не изучались. Приходилось много работать над собой, постигая тактику специальную и воздушно десантную подготовку, а также минно-подрывное дело. Большую помощь в этом оказывал командир роты Владимир Евгеньевич Бреславский — «фанат» своего дела. Учил он своих подчиненных до изнеможения. Занятия, которые командиры взводов должны были проводить

с личным составом на следующей неделе, ротный отрабатывал с ними на этой. Причем все элементы оттачивались буквально до автоматизма. Василий Васильевич вспоминал, как при подготовке к занятиям по рукопашному бою он после приемов, показываемых ротным, дважды терял сознание. Воздушно — десантную подготовку преподавал инструктор капитан Назаров. Но он преподавал материальную часть и предпрыжковую подготовку. Вопрос же преодоления естественного страха высоты оставался открытым. Несмотря на желание прыгать с парашютом, лейтенант Колесник, как и всякий нормальный человек, побаивался этого. Для адаптации к прыжкам он придумал совершать их с высокого и обрывистого берега реки Сучан. Выбрав внизу подходящий сугроб, он командовал: «За мной!» и первым прыгал вниз, сделав сальто. За ним следовал и весь взвод.

Первые учения

Вскоре подошли и ротные учения. Главным объектом разведки и специальных мероприятий спецназа в то время были первые мобильные средства ядерного нападения противника. Три взвода имели одну и ту же задачу — в течение полутора суток обнаружить в заданном районе и уничтожить батарею «Литл Джон». Возглавлял охрану объекта старшина роты Федор Иванович Соловьев. Человек был редкой душевности, культуры и такта. Район разведки представлял собой сопки, а между ними тек Сучан. Берега были довольно заболоченные. Разведчики, согласно плану командира роты, должны были преодолеть передний край противника, который реально был обозначен, и охранялся личным составом автомобильного и хозяйственного отделения. После этого они должны были приступить к разведке района. Май очень дождливый месяц в Приморском крае и в это время еще довольно холодно. Две группы пошли по сопкам. Лейтенант Колесник повел свою группу там, где труднее — вдоль реки, по болотам. Именно тогда он понял, что такое личный пример. Вода ледяная. Зам. комвзвода Паликов в воду лезть отказался. Тогда первым в воду вошел командир группы и скомандовал: «За мной!». Один за другим разведчики вошли в воду и двинулись во «вражеский» тыл. Пройдя по болоту шесть километров, разведчики незаметно для «противника» преодолели передний край и вечером вышли в район разведки. На выполнение поставленной задачи оставалось больше суток. Командир группы решил дать отдохнуть людям. Группа обсушилась, отогрелась, а утром приступила к наблюдению. «Батарею» обнаружили быстро, но с нападением не торопились — решили посмотреть, как будут развиваться события. По болоту подошли к позициям метров на четыреста, но дальше шел открытый участок местности. Ночью, да и утром на охране было много солдат, бдительность была высокой. Но к обеду на охране остался один портной из хоз. отделения. Остальные ушли отдыхать. К этому времени лейтенант Колесник уже знал, как они незаметно приблизятся к «батарее». Вдоль дороги, по которой прибыл «противник», проходили глубокие кюветы. Он решил не дожидаться темноты, а, используя фактор внезапности, напасть именно сейчас, когда позиции охранял один сонный солдат. Командир группы лично возглавил подгруппу нападения, состоящую из четырех человек, и, используя придорожный кювет, они поползли к позициям «противника». Остальные должны были прикрывать их действия «огнем». Четыреста метров — дальность для автомата вполне реальная. Ползли часа полтора. За это время часового сменили, но охрана не усилилась. Разведчикам удалось подползти так близко, что когда часовой отвернулся, командир группы поднялся у него за спиной и, похлопав по плечу, на ухо сказал: «Ты убит!». Часовой от неожиданности просто опешил. Но еще до того как он пришел в себя, его связали, а в рот сунули кляп. После этого разведчики блокировали палатку, где находилась охрана. «Заминировав» пусковые установки макетами ВВ и взрывпакетом, установили взрыватель МУВ с замедлением на один час, а после этого ушли. На одной из ПУ оставили записку: «С приветом! Задание выполнено!». Примерно спустя час после возвращения разведчиков к основным силам группы, на позициях «противника» прозвучал взрыв. Начались шум, беготня и ругань. Федор Иванович, от которого ни один солдат матерного слова не слышал, ругался матом и орал так, что еще долго после этого солдаты говорили, что старшину они, ни до, ни после этого, таким разъяренным не видели. Группа отошла примерно на километр от объекта и расположилась на отдых. В расположение не спешили, справедливо рассудив, что в роте Бреславский работу найдет. Когда стемнело, было прекрасно видно как «засыпалась» сначала одна группа, а потом и другая. Федор Иванович усилил бдительность, и группы были на подходе обнаружены и обстреляны охраной. Василий Васильевич тогда осознал, насколько важен фактор внезапности и до сих пор считает, что урок, полученный на тех учениях, сыграл немаловажную роль при планировании и проведении операции «Шторм 333».

Прыжки с парашютом и попутные учения

С совершенствованием ядерного оружия противника, естественно, и задачи спецназа изменились. Нужны были формирования, которые могли бы действовать на большую глубину. На территории Польши в то время шло укомплектование 27 го отдельного батальона спецназа, который и пополнили несколькими выпускниками нашего училища. Естественно, предварительно велся отбор, выбирали офицеров, наиболее подготовленных в профессиональном отношении. После учений, в конце мая рота уехала на прыжки. Для выполнения программы ВДП на запасном аэродроме собирались две роты пятой и двадцать четвертой армии. Там лейтенант Колесник совершил свои первые пятнадцать прыжков из самолета Ли 2 с парашютом ПД 47. Василий Васильевич купол оценивает достаточно высоко. В то время это был управляемый парашют в отличие от Д 1. Но был у ПД 47 один серьезный недостаток — при схождении купол складывался. Для неопытных парашютистов это было смертельно опасно.

По завершению прыжков командир роты отправил учебный взвод пешком, через Сухоте Алиньский хребет, в расположение своей части. Общая протяженность перехода через горы и тайгу составляла приблизительно триста километров. Продовольствие было выдано только на трое суток. Остальное разведчики должны были добыть сами.

На прыжки лейтенант Колесник прибыл в «хромочах». И если прыгать в этой обуви еще как то можно, хотя и опасно, то для полевого выхода хромовые сапоги — обувь абсолютно не пригодная. От воды сапоги намокли. При попытке высушить у костра их начало коробить. После этого Василий Васильевич кое как натянул их и оставшиеся пять суток уже не снимал. Подметки в пути оторвались, и их приходилось привязывать шпагатом. Придя в пункт постоянной дислокации, он их просто разрезал ножом.

Испытание было очень тяжелым, но, несмотря ни на что, взвод с задачей справился успешно. Все объекты, которые наметил командир роты, были разведаны. Например, заброшенный леспромхоз условно считался расположением воинской части противника. По емкости барачных помещений необходимо было вычислить численность личного состава. Следующим объектом являлся железнодорожный тоннель. Последней задачей была имитация подрыва моста через реку Сучан. В пути радисты держали связь с командиром роты. В ту пору на вооружении были английские коротковолновые ламповые радиостанции «Бета», полученные нашей армией еще в войну по «Ленд лизу». Радиостанция состояла отдельно из передатчика, приемника и блока питания. Она позволяла держать устойчивую связь на дальности более тысячи километров.

На переход каждому разведчику было выдано по магазину боевых патронов для того, чтобы можно было охотиться. Однако зверя ни одного не убили. Больше рыбачили. В горных речках водилась форель. Когда вышли на Сучан, стала ловиться и другая рыба.

В расположение роты прибыли без происшествий. Конечно, ноги у многих были сбиты, но ребята не жаловались. Сутки отдыха и они снова включились в боевую подготовку.

Переезд к новому месту службы

В середине сентября 1957 года поступила команда сдать имущество и технику роты и подготовиться к убытию эшелонам к новому месту службы. В этом же эшелоне ехала и рота пятой армии. До Москвы они не знали куда едут. Разведчики пятой роты думали, что едут в Геленджик, а попали в пески Средней Азии в Казанджик. Только в столице Бреславский получил в ГРУ ГШ инструкции убыть с ротой в Польшу через Брест в Шекон. В конце сентября были на месте. Но и в дороге боевая подготовка не прекращалась. В то время как один взвод нес службу по охране и на кухне, два других — занимались полит подготовкой, минно-подрывным делом и другими предметами БП, которые можно было проводить в вагоне.

В Польше на базе роты развернули 27 отдельный батальон. Для расположения батальона предоставили бывшие эсэсовские казармы. Бреславский стал командиром первой роты, Колесник так и оставался командиром учебного взвода. Командиры взводов Лобачев и Крылов ушли взводными соответственно во вторую и третью роты и таким образом в каждой роте оказались офицеры, имевшие определенный опыт службы в спецназе. На базе группы связи развернули роту. Инструктор по парашютно десантной подготовке стал начальником парашютно десантной службы. В батальоне по штату было более трехсот человек. Три роты спецназ по восемьдесят одному человеку в каждой, рота связи, учебный взвод, хозяйственный взвод и автомобильный. По первому штату должность командира батальона была полковничьей, а все заместители были подполковниками. В ротах тогда впервые ввели должности переводчика. Но через полгода категории командиру и его заместителям «посрезали».

Боевая подготовка в батальоне шла своим ходом, но по сравнению с Дальним Востоком здесь не было той свободы. Стрельбы и другие полевые занятия проводили только на отведенном полигоне, который находился в пятнадцати километрах от расположения батальона. Он представлял собой бывшие немецкие склады, где

были и бункеры и железная дорога, позволявшие проводить подрывные работы на реальных объектах. Это было удобно, если бы не расстояние.

Но и это неудобство Василий Васильевич обернул преимуществом, проводя попутные тренировки. На занятия и с занятий учебный взвод выдвигался только бегом.

Соревнования и препятствия

В Северной группе войск ежегодно проводились соревнования на первенство взводов и рот по спортивной и военной подготовке. В программу входили соревнования по стрельбе, плаванию, гимнастике и марш — броску. Команды выставляли дивизии и отдельные полки. От батальона специального назначения в 1958 году выступал учебный взвод. Он и занял первое место. Это место оставалось за подчиненными Василия Колесника в течение трех лет. За стабильно высокие показатели Кубок Группы остался в учебном взводе, а командир учебного взвода был назначен командиром 3 роты. Это была высокая оценка заслуг молодого офицера. В то время еще фронтовики были командирами рот. Но назначение не вскружило голову Василию Колеснику, которому на момент назначения не было и двадцати пяти лет. В течение последующих трех лет его рота устойчиво занимала первые места на таких же соревнованиях среди лучших рот Северной группы войск. О Колеснике в то время писали печатные органы Группы. Вырезки Василий Васильевич хранит до сих пор.

Но не стоит думать, что у Василия Колесника все шло, как по маслу. При первом поступлении в Академию его откровенно завалили на экзамене по физике. Свою роль здесь сыграл возраст. Позднее начальник отдела кадров честно объяснил ему, что, завалив его, комиссия позволила поступать офицерам, возраст которых не позволял сделать вторую попытку. При этом его уверили, что в следующий раз его примут обязательно. Однако в батальоне сменился командир, с которым не заладились отношения. Служебные вопросы здесь были не при чем, но, тем не менее, комбат навесил ротному, который гремел на всю Группу, семь взысканий и отказал в поступлении. Благо, что о Колеснике уже знал и командующий группой и, конечно же, начальник разведки. Именно он и вмешался, решив судьбу молодого офицера. С поступлением в академию дорога Василию Колеснику к большой военной карьере была открыта.

Эпилог

Талантливый человек талантлив во всем. Я ничуть не сомневаюсь, что, став гражданским специалистом, Василий Васильевич смог бы достичь не меньших успехов, чем на военном поприще. Об этом свидетельствует такой случай.

Тот, кто служил в армии, знает, что такое строительство хозяйственным способом. Это когда нужно построить объект при минимально выделенных средствах. Остальные средства нужно или зарабатывать или воровать. В мирной жизни на таком строительстве ни один офицер испортил себе карьеру. Но только не Василий Колесник. Талант руководителя помог комбригу заработать материал для строительства, которое поручил ему командующий ТуркВО. Причем это было сделано с минимальным отрывом личного состава от занятий боевой подготовкой.

Настоящий руководитель должен уметь и защитить своих подчиненных от несправедливого взыскания, наложенного руководством. Рискнув навлечь на себя гнев командующего, Колесник не отстранил от руководства работами майора Фазылова. Справедливость такого решения позднее признал и сам командующий.

Все эти качества руководителя и талант спецназовца проявились при подготовке и проведении операции «Шторм 333». Это был «пик формы» полковника Колесника, к которому он шел с суворовских погон.

С.М. Тарасов. На смену ротам приходили батальоны

Полковник в отставке Семен Михайлович Тарасов родился в Рязанской области в семье военнослужащего. Окончил Тамбовское суворовское училище и Рязанское краснознаменное военное училище имени К. Е. Ворошилова, был направлен в Северную группу войск, в батальон специального назначения. Затем служил командиром роты спецназа в Закавказском военном округе. После окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе был назначен командиром бригады специального назначения Московского военного округа. В 80 е годы был начальником курса разведфакультета Военной академии имени М. В. Фрунзе. В 1989 году в звании полковника уволился в запас. Награжден орденом «За службу Родине» 3 степени, отечественными и иностранными медалями. Оба сына Семена Михайловича стали военными: старший сын Андрей долгое время служил в спецназе, сейчас полковник, младший Владимир в звании капитана уволился в запас.

После окончания военного училища в 1957 году я лейтенантом был направлен служить в Северную группу войск. В то время создавались отдельные батальоны специального назначения. Имевшиеся до этого роты спецназа решали задачи в лучшие спортивные результаты. Вместе со мною прибыли лейтенанты Эдуард Степанович Иванов, Олег Михайлович Жаров, Евгений Васильевич Климов, Евгений Андреевич Шумилин, Юрий Михайлович Крылов, Виктор Васильевич Серебряков, Вадим Викторович Иванов. 27-й обсп создавался на базе 92-й отдельной роты специального назначения, которая прибыла с Дальнего Востока. Ею командовал капитан Владимир Евгеньевич Бреславский. Он стал командиром 1-й роты в батальоне. Командиром второй роты был назначен Аркадий Николаевич Абрамкин, 3-й — Петр Григорьевич Волков.

Петр Григорьевич был очень опытным командиром, участником Великой Отечественной войны. Он никогда не повышал голос на подчиненных, и мы, молодые офицеры, старались подражать ему. Было очень стыдно, если мы в чем-то не дорабатывали и делали все, чтобы подобных ситуаций не допускать.

Для повышения боевой готовности придумывали различные соревнования — по снаряжению магазина автомата, по метанию гранаты на дальность и точность, по изготовке к стрельбе из различных положений. Даже собрали деньги, купили кубки и вручали их в качестве переходящих призов за первые, вторые и третьи места. Когда батальон был сформирован, учебно-методическая база была небогатая. Мы мало, что знали тогда о разведке и тем более о специальной разведке, поскольку окончили общеобразовательное училище. Практически с нуля начали изучать минно-подрывное дело, осваивать парашютную, тактико-специальную подготовку. Поскольку не было объемных методических разработок, старались использовать все, вплоть до художественной литературы. Помогло то, что в секретной части обнаружилось информационные сборники по войсковой разведке 40-х годов, привезенные 92-ой орсн. Там мы нашли много полезного по действиям в тылу врага. Изучали опыт партизанского движения, обобщали все, что появлялось в периодических изданиях в связи с действиями в тылу противника.

Мне самому пришлось делать, к примеру, такую разработку, как «Разведывательная группа специального назначения в составе взвода в засаде». Сделал и отправил ее якобы для журнала «Военный вестник», на самом деле она была изучена в управлении, одобрена и рекомендована для использования в практической деятельности.

После пяти лет службы я был назначен командиром учебного взвода. В дальнейшем Олег Жаров, Эдуард Иванов и я были назначены командирами рот. На тактико-специальных учениях были очень большие нагрузки. Но мы были тогда молодыми людьми, с увлечением относились к своему делу, старались максимально обеспечить свою жизнеспособность в тылу «противника». А мы лазили по тылам наших войск часто, о нашем батальоне уже хорошо знали, старались принимать в ходе учений встречные меры. Во всяком случае, часовой в одиночку на пост отказывался заступать, — были случаи, когда часовых «снимали» и уносили с собой.

Например, когда проводились показательные занятия, на которых присутствовал генералитет штаба СГВ, группа спецназа под руководством Олега Жарова должна была проникнуть на центральный склад горюче-смазочных материалов. Все стояли и ждали, когда это произойдет. Тут появляется Жаров и докладывает, что уже побывал там. Пошли, проверили — действительно, все закладки, имитирующие взрывные устройства, были сделаны в указанных местах, там, где было необходимо для того, чтобы вывести склад из строя.

Что было хорошо в нашей службе, — мы практически не занимались хозяйственными работами и строительством, нас не отвлекали. Батальон был отдельный. Мы размещались в бывшей казарме школы «СС», и там все имело для нормального проживания. Действующие группы вооружались и снабжались обычным нашим стрелковым оружием: автоматами АКМС, пистолетами ТТ и Макарова, были средства взрывания — запалы, взрыватели, детонаторы. Короче говоря, был весь необходимый набор для того, чтобы проводить, как мы тогда говорили, специальные мероприятия в тылу противника. В каждой группе, как правило, было два радиста. Радиостанции были поначалу громоздкие, потом появились более компактные — Р-350.

Мы старались использовать все возможности для наращивания своего потенциала, много внимания уделяли физической подготовке. К примеру, я как командир взвода должен был готовить свои отделения, с каждым из которых совершал через день учебные выходы на 25-30 километров. Кроме того, проводились выходы в составе роты, когда расстояние увеличивалось до 40-50 километров, и в составе батальона, когда приходилось совершать 100-километровые марши. Каждую субботу — обязательный кросс 3 километра. Кроме того, проводились ночные марши, летом — на 50 километров, зимой — на 30 километров. Стрельбы в составе отделения проводились не так, как у мотострелков, а фактически по обратной схеме: сначала выход в тыл противника, потом отход со стрельбой по преследователям. А тренировались в тире, поскольку

специально оборудованного стрельбища не было. Личный состав вскоре также в совершенстве освоил минно-подрывное дело. Нам доверяли проводить практические занятия с солдатами.

В то время я совершил более 100 прыжков с парашютом с самолетов Ли 2 и Ан 8, получил звание инструктора парашютно десантной подготовки. Прыгали мы, судя по всему, неплохо, поскольку нас даже посылали на групповые соревнования в Легницу.

Семь лет службы в Северной группе войск дали мне очень много. Когда в звании капитана я прибыл командиром роты спецназа в Закавказский военный округ, то был уже достаточно опытным офицером. Последующая учеба на курсах «Выстрел», в Военной академии имени М. В. Фрунзе позволили мне пополнить теоретический багаж, который очень пригодился, когда я стал командиром бригады специального назначения Московского военного округа.

Многие из тех, кто начинал службу в 27 м отдельном батальоне специального назначения, благодаря хорошей школе и подготовке, прошли достойный служебный путь. Полковник Олег Михайлович Жаров стал начальником разведки Прикарпатского военного округа. Полковник Эдуард Степанович Иванов там же командовал бригадой спецназа, а потом стал командиром дивизии. Василий Васильевич Колесник командовал бригадой в САВО, воевал в Афганистане, стал генерал-майором и получил звание Героя Советского Союза. Но главное, что объединило нас и объединяет до сих пор — нерушимая дружба, войсковое братство, верность идее служения своей Родине.

И.Н. Щелоков. Соединения спецназ в действии

Рота спецназа просуществовала в ЛенВО до 1962 года, когда было получено указание о создании в округе бригады спецназа.

Сразу началась работа третьего отдела разведуправления штаба округа по формированию бригады. Это произошло в конце 1961-го — начале 1962 года. Наша рота спецназа стала основой для создания новой части в ЛенВО. Командиры взводов, которые хорошо себя показали на всех учениях войск ЛенВО, были назначены на майорские должности командиров штатных рот.

Как и положено, командира, замполита и начальника штаба бригады подбирал штаб ЛенВО. Заместителя командира по парашютно десантной службе, общего замкомандира, начальника ПДС, замкомандира по тылу, знающего службу ПДИ, а также командиров отрядов (батальонов) было поручено подыскать мне. Я попросил командование разведуправления штаба округа согласовать вопрос о выделении таких специалистов с командованием ВДВ и 76-й гвардейской воздушно десантной дивизии, откуда я намеревался брать эти кадры, ибо другой возможности у меня не было. Такое заверение командования я получил и принялся за работу.

Место дислокации бригады спецназа было уже определено командованием округа, что сильно помогло мне в подборе офицеров из воздушно десантной дивизии, где были офицеры, хорошо знающие парашютно десантную службу и боевые действия подразделений в «тылу» врага. Имея на руках указание командующего ЛенВО, я направился за кадрами. В дивизии генерал Ометов встретил меня не совсем ласковыми словами, но когда узнал, что у нас в бригаде категории выше, немного успокоился и даже порекомендовал, кого из заместителей комбатом взять на должности командиров отрядов в нашу часть. Кроме того, я отлично знал всех замкомандиров и начальников ПДС батальонов, командиров рот и взводов 237-го парашютно десантного полка, достойных повышения по должности.

Таким образом, мне довольно успешно удалось подобрать нужных для нашей части офицеров, причем каждый из них шел на должность по званию выше, чем занимал в полку.

Командиром бригады был назначен полковник А. Гришаков, прекрасно знающий разведывательную подготовку и занимавший до этого должность начальника разведки в одной из армий войск ЛенВО.

После укомплектования подразделений бригады офицерским составом началась боевая учеба. Дело в том, что подобранные офицеры уже хорошо были подготовлены по ПДС, имели опыт по совершению прыжков с парашютом, знали тактику действий подразделений ВДВ, но не знали тактику действий подразделений и частей спецназа. Кроме того, бригады были кадрированными, командиры отрядов должны были знать порядок и методы работы в военных комиссариатах округа по подбору в часть приписного состава из числа офицеров и рядового состава, находящегося в запасе. Также они нуждались в подготовке по минно подрывному делу с использованием специальных подрывных средств.

Кадровый состав проходил подготовку в течение всего учебного года по периодам, а приписной готовился во время призыва на учебный сбор. Он проводился, как правило, в летний период боевой подготовки в лагере, неподалеку от аэродрома, где базировались транспортные самолеты АН 12.

В период сборов личный состав бригады готовился по тактико специальной и парашютно десантной подготовке. Парашютные прыжки подразделения совершали с самолетов АН 2 и АН 12. Место проведения сбора подразделений нашей бригады по парашютно десантной подготовке оказалось настолько удобным, что командование ГРУ ГШ приняло решение ежегодно направлять к нам на сборы бригады из МВО, КВО, ПрибВО и ОдВО. Командовать сборами начальник разведки ЛенВО генерал майор В. Ходаковский поручал мне.

В 1963 году на территории Белорусского, Прибалтийского и Ленинградского военных округов ГРУ ГШ проводит первые крупномасштабные учения, в ходе которых разведывательные группы реально забрасываются на глубину их деятельности согласно определенным задачам. Радисты обеспечивают связь работающих органов специальной разведки. Группы специального назначения успешно работали против реальных войск и объектов глубокого тыла противника. Одним из организаторов этих учений, позволивших реально отработать многие вопросы, касающиеся боевой работы, был Иван Николаевич Щелоков. Его работа была высоко оценена руководством ГРУ и лично прибывшим на учения заместителем начальника ГРУ генерал полковником Х. Д. Мамсуровым.

Несмотря на успешную работу в ходе учений, к концу 1964 года, в результате очередной реорганизации, спецназ потерял три батальона и шесть рот.

На одном из таких сборов летом 1964 года, где были представлены бригады пяти военных округов, в целях проверки хода специальной и парашютно десантной подготовки присутствовал заместитель начальника ГРУ ГШ Герой Советского Союза генерал полковник Х. Н. Мамсуров. С ним приехали: начальник 5 го управления ГРУ ГШ — генерал лейтенант К. Ткаченко, начальник кафедры разведки и иностранных армий Военной академии имени М. В. Фрунзе генерал майор Р. Симонян, а также начальники разведки всех пяти военных округов. Они присутствовали на тактико специальных учениях подразделений своих бригад, а также на тренировочных прыжках личного состава с самолетов АН 2 и АН 12. Все прошло благополучно, без каких либо ЧП. Претензий к руководству разведуправления штаба ЛенВО по организации сборов не было. Оценку дали «хорошо». А в конце таких сборов ГРУ ГШ провело тактико специальное учение разведгрупп всех пяти бригад. Личный состав десантировался на территорию своих округов, где заранее были подготовлены объекты для разведки и проведения спецмероприятий. На разборе генерал Х. Мамсуров дал высокую оценку подготовке разведгрупп всех частей спецназа, действующих на учениях.

Это воодушевляло на дальнейшее совершенствование боевой подготовки.

Но партийное же руководство страны к 1961 году, в период осложнения международной обстановки, осознало действенность партизанского движения в годы Великой Отечественной войны и учло уроки предвоенного периода, когда созданные в тридцатых партизанские структуры, к началу войны были расформированы, а склады изъяты. Поэтому 20 августа ЦК КПСС издало Постановление «О подготовке кадров и разработке спецтехники для организации и оснащения партизанских отрядов». В соответствии с данным постановлением 5 февраля 1962 года Генштаб издал директиву, которая обязывала командующих военными округами для развертывания партизанского движения в военное время отобрать одну тысячу семьсот военнотружеников запаса, свести их в бригаду и провести в течение месяца с ними сборы. По окончании сборов им присваивались специальные военно учетные специальности, их запрещалось бронировать народным хозяйством и использовать не по прямому назначению.

Директивой Генерального штаба от 27 марта 1962 года были разработаны проекты штатов бригад специального назначения на мирное и военное время. К концу 1962 года в Белорусском, Дальневосточном, Закавказском, Киевском, Ленинградском, Московском, Одесском, Прибалтийском, Прикарпатском и Туркестанском военных округах были сформированы скадрованные бригады специального назначения. Это означало, что в составе бригады часть подразделений были развернуты по штату мирного времени, то есть в угрожаемый период они могли доукомплектовываться приписным составом. Несколько подразделений в бригаде имели только командиров отрядов, все остальные офицеры, сержанты и солдаты находились в запасе. Трудно сказать, насколько эффективна была бы работа таких групп в тылу противника. Кроме того, в этот период в части и соединения начала поступать специальная техника и вооружение, требовавшие хороших знаний и навыков при обращении с ними. Обучить человека, прибывшего на военные сборы специальной тактике, вооружению технике и прыжкам с парашютом — дело архисложное, тем более когда на все это дается всего месяц. Как бы то ни было в результате этого реформирования к первому января

шестьдесят третьего года советский спецназ включал в себя двенадцать отдельных рот, пять отдельных батальонов и десять скадрованных бригад.

В. Бреславский. Развивая лучшие традиции

Когда в 1962 году начали формироваться соединения армейского спецназа — отдельные бригады специального назначения (обрсн), мне довелось участвовать в выборе места дислокации бригады КВО вместе с начальником разведки Киевского военного округа генерал майором Щербининым, его заместителем полковником Вишенцевым и старшим офицером разведотдела полковником Волосатовым. Остановились на городе Кировоград, на юге Украины. Предсказание о том, что это место станет «Меккой» армейского спецназа, вскоре подтвердилось. Главными факторами, влиявшими на стремление офицеров служить в Кировоградской бригаде, стали: удобное географическое положение областного города, поддержка и постоянное внимание к нуждам бригады местных властей и регулярное выделение нуждающимся военнослужащим жилой площади.

Первоначально штатный состав бригады включал шесть отрядов (батальонов) специального назначения. При этом 1-й состоял из двух рот специального назначения, взвода спецоружия и взвода спецрадиосвязи, а в других пяти отрядах были лишь командиры. Командование, штаб и политотдел бригады насчитывали более 30 офицеров. Первым командиром бригады был полковник Леонид Сергеевич Егоров, ранее — командир мотострелкового полка учебной дивизии КВО, дислоцировавшейся в Черниговской области. Спецназом он тяготился, особенно его боевым использованием в составе РГСН (РОСН). На КШУ в Пскове поставленные ему разведывательно диверсионные задачи в тылу противника он выполнял наступлением шести отрядов спецназа и громил противника рассекающими ударами с последующим окружением и уничтожением его группировки по частям. Затем на прыжках с парашютом получил травму позвоночника и был уволен в запас, не получив звание генерал майора, соответствовавшее первоначальной штатной должности комбрига. В дальнейшем 9-й бригадой командовали: полковник Архиреев, прибывший в г. Кировоград после окончания Академии Генерального штаба; полковник Гришаков, заменившийся из ГСВГ, и молодой, талантливый полковник Воронов, который в последствии успешно организовал и провел с ветеранами 9-й бригады 30 летний юбилей ее образования. Во главе штаба бригады стояли: полковник Сафонов, полковник Павлов, подполковник Лавров, полковник Заболотный. Парашютно десантной службой успешно руководил майор Докучаев, выпускник Уфимского пехотного училища, который сумел в короткие сроки в совершенстве овладеть воздушно десантной подготовкой и научить личный состав бригады десантироваться парашютным способом. Затем его сменил майор Сорокин. Слаженно работал политотдел бригады, возглавляемый майором Смирновым, который в дальнейшем стал начальником политуправления Воздушно десантных войск, генерал лейтенантом. В проведении политической и воспитательной работы в лучшую сторону отличался замполит 1 го отряда капитан Гальянов. В последствии он стал полковником. Также хочется отметить начальника политотдела воздушно десантной дивизии и его помощника начальника политотдела по комсомольской работе капитана Нейшович. Он в последствии стал замполитом батальона спецрадиосвязи, занимал должность заместителя начальника политотдела бригады. А закончил он службу полковником, преподавателем кафедры партполитработы Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Имевшаяся материальная база не позволяла развернуть с ходу боевую подготовку не только в бригаде в целом, но и в 1 м отряде специального назначения, которым я тогда командовал. Ему вменялось ежедневное несение караульной и внутренней службы с одновременным созданием необходимой для боевой подготовки материальной базы. Несмотря на это, с первых дней создания батальона начались занятия по тактико специальной подготовке. Программа одиночной подготовки отрабатывалась в окрестностях Кировоградской тюрьмы и на окраине города в Лелековке.

Огневая подготовка проводилась в гарнизонном тире, а затем с выездом на войсковое стрельбище за пределы города. Там же проводились занятия по минно-подрывному делу.

Строевая подготовка проходила на плацу. Физическая — на спортбазе Кировоградского пединститута и в создаваемых парашютном и гимнастическом городках, а также на полосе препятствий в расположении части. С учетом сложившейся обстановки полнокровные занятия без отрыва на работы и несение караульной и внутренней службы проводились под моим контролем лишь с радиотелеграфистами взвода спецрадиосвязи и частично с взводом оружия. Взвод оружия был укомплектован спортсменами, в том числе призванными на службу студентами Кировоградского пединститута. Несмотря на все трудности, первую контрольную проверку личный состав 1 го отряда сдал на «хорошо».

Практические парашютные прыжки с самолетов проводились на базе учебного полка ВДВ в Черехе под Псковом. В сборах принимали участие первые отряды бригад спецназа Ленинградского, Прибалтийского, Московского и Киевского военных округов (в последующем туда привлекался весь состав бригад). Личный состав нашего отряда полностью выполнил программу парашютных прыжков с оценкой «отлично». Он участвовал также в стратегических КШУ, проводимых ГРУ ГШ, и получил хорошую оценку. На проводимых в ходе сборов спортивных соревнованиях отряд КВО и его сборные команды по видам спорта постоянно занимали общее первое место.

В дальнейшем 9 я бригада спецназа перешла на новые штаты, увеличилось количество структурных подразделений и численность личного состава.

Мы получили в свое распоряжение территорию ранее дислоцировавшейся в Кировограде ракетной бригады. В связи с этим расширялась и совершенствовалась учебная база для тактико специальной, физической, воздушно десантной и огневой подготовки под Кировоградом. Там во взаимодействии с Кировоградским областным комитетом ДОСААФ готовились сборные команды по парашютному спорту и пулевой стрельбе для участия в различных соревнованиях.

В приписной состав бригады попадали только лица, уволенные в запас после окончания действительной военной службы в нашей же бригаде. Этот факт, а также систематические учебные сборы, позволили иметь в резерве несколько бригад, полностью укомплектованных личным составом. 9 я бригада спецназа привлекалась на все оперативно стратегические учения и крупные учения, проводимые с войсками КВО. При этом личный состав неизменно демонстрировал высокую профессиональную выучку, добивался отличных и хороших результатов и имел поощрения за выполнение поставленных командованием задач.

С. Козлов. Гребец

Бригада специального назначения Забайкальского военного округа находилась в непередаваемо «чудесном» месте, с поэтическим названием Ясная. На самом деле так называлась железнодорожная станция, находящаяся от военного городка в 30 километрах. Жизнь и боевая подготовка здесь протекала только в теплые месяцы. В остальное время офицеры и их подчиненные занимались обогревом трубы, по которой подавались тепло в казармы и дома офицерского состава.

Для этой ответственной задачи на сутки назначался один из отрядов спецназ. Чтобы труба не замерзла, люди палили костры, грели ее паяльными лампами, поджигали мазут... «Гвозди бы делать из этих людей», как сказал В.В.Маяковский. Но жены офицеров, видимо, не желали пополнять ассортимент хозяйственных магазинов. Жалея и себя, и своих детей, они, как птицы на зиму, улетали в теплые края, к мамам.

Что оставалось делать их мужьям в свободное от обогрева трубы время? В Ясной даже «налево» сходить, пользуясь отсутствием дражайшей супруги, было проблематично. До ближайшего городка ракетчиков было километров шестьдесят, не говоря уже о других населенных пунктах. Естественно, что офицеры пили горькую. Причем пили ее до беспамятства, поскольку, по меткому замечанию кого-то очень неглупого, «мужики без женщин скотинеют». Законченных алкашей, «заливающих шар» в одиночку, в бригаде было немного, поэтому практически все «осиротевшие» офицеры собирались в холостяцком общежитии.

Здесь образовалось некое подобие клуба по интересам. Собственно, интересов было всего два.

Приверженцы первого собирались, чтобы «выпить с хорошими людьми» и поговорить о... службе, конечно. Пьяные офицеры ни о чем другом не говорят. Сторонники другого направления в отдыхе делали все то же самое, но «расписывая пулю».

Утром от дыхания личного состава над строем бригады поднимался пар, конденсат которого какой-нибудь Кулибин легко бы смог перегнуть в «сорокоградусную». Конечно, командование, а в особенности политический отдел элитного и самого передового соединения округа не могло на это смотреть сквозь пальцы.

Для борьбы с разложением офицерского состава и прапорщиков периодически в общежитие холостяков направлялись офицеры политотдела. Однако это имело слабый эффект, поскольку и в политотделе служат живые люди, имеющие такие же человеческие слабости. Может, немного поговорнее, но все же люди. Поэтому однажды комбриг, поддавшись на уговоры начальника политотдела, вместе с ним решил проверить быт своих подчиненных. Делал он это скорее для галочки, чтобы въедливый и чересчур инициативный комиссар, недавно прибывший по замене из Германии, не «гундел» после общего построения части о том, что здороваться на утреннем разводе со строем соединения без соленого огурца невозможно. Комбриг, всю жизнь прослуживший в спецназе, в сущности, прекрасно понимал своих офицеров, которым после службы было просто нечем заняться.

Часы показывали двадцать один пятьдесят, когда, зайдя в первую попавшуюся комнату офицерского общежития, они обнаружили теплую компанию, уже изрядно принявшую «на грудь» и закусывающую сухим пайком из «тревожного» ранца. Отругав подчиненных, они направились в следующую комнату, где их ждала аналогичная картина. Наверное, понятно, что путь их был непростым. Спустя часа полтора, разогнав и пьяниц, и картежников, комбриг и начальник ПО уже собирались покинуть стены «общаги». Но вдруг их внимание привлек странный звук, доносящийся из одной комнаты, которую командование сначала обделило своим вниманием, поскольку свет там не горел, да и пьяных воплей оттуда не доносилось.

— Что это? — спросил комбриг у своего заместителя, когда странный скребущий звук повторился.

— Понятия не имею, — ответил комиссар и покосился на приоткрытую дверь. За ней была темнота.

Оба уже собирались уйти, но через определенный интервал звук повторился. Комбриг решительно распахнул дверь, а проскользнувший в комнату начальник политотдела зашарил по стене в поисках выключателя. В это время звук скребанул снова. Незнание порождает страх. НачПО судорожно засучил по стене руками с удвоенной энергией, и его старания, наконец, были вознаграждены — в комнате вспыхнул свет.

Картина, представшая перед отцами-командирами, повергла их в шок. В центре полупустой комнаты в надутой резиновой лодке сидел «в доску» пьяный офицер бригады, одетый лишь в трусы и майку. Блаженно улыбаясь, он греб с закрытыми глазами. Трудно сказать, куда он «плыл». Может быть, домой из этого дурдома.

После пережитого потрясения начальник Политотдела зарекся ходить «в этот гадюшник». Кто знает, может, он боялся увидеть что-нибудь еще более впечатляющее, а может быть, наконец, и до него дошли проблемы его подчиненных.

Спецназ ВМФ

В. Афонченко. Человек из легенды

Если спецназ до недавнего времени был тайной, то спецназ ВМФ - тайной за семью печатями. Эту завесу приоткрывает один из старейших водолазных специалистов спецназа ВМФ, человек, который на себе опробовал ряд технических новшеств и приемов боевой работы спецназовца. Они используются и поныне. Валентина Сергеевича Авинкина представит его ученик.

В.Афонченко: Водолазов, которые начинали ходить под воду еще в Великую Отечественную, осталось в живых мало. О тех же, кто до сих пор работает водолазом и ходит под воду, и слышать не приходилось. Речь идет не о руководителях, а именно о водолазах.

В этой связи Валентин Сергеевич Авинкин, наверное, уникальный водолазный специалист мирового уровня. Мне повезло. С этим удивительным человеком судьба меня свела еще в середине семидесятых, когда я проходил обучение в Ленинградской водолазной школе на 1 —2 группу специализации. Наш курс вел Валентин Сергеевич, который и в те времена был уже немолод и имел за плечами богатейший опыт работы под водой. Преподавал просто и доходчиво. Никогда не забуду занятия, которые он проводил по «Аварийным ситуациям». Валентин Сергеевич излагал правило и далее подкреплял его примером из жизни. Рассказывал о том, что конкретно произошло с тем или иным водолазом, нарушившим его. После этого он выдавал рекомендации о том, как следовало поступить в данном конкретном случае. Поскольку опыта за его плечами было хоть отбавляй, то он без труда мог иллюстрировать свои занятия разными реальными случаями из жизни. Все рассказанное им свежо в памяти, будто занятия проходили вчера. К сожалению, не всегда сразу понимаешь, с кем свела тебя судьба. После учебы мы не встречались. Прошло четверть века, и вот недавно я узнал, что Валентин Сергеевич жив, здоров и продолжает ходить под воду, испытывая буксировщики ОКБ, где он работает.

По моей просьбе друзья организовали встречу. То, что я услышал в тот вечер, могло бы при полной записи занять достойное место в ряду томов приключенческих бестселлеров. Однако предоставим слово Валентину Сергеевичу.

От борт-стрелка до водолаза

Водолазом я стал случайно. Вообще мечтал об авиации. Перед самой войной подал заявление во 2-ю Ленинградскую спецшколу ВВС и был зачислен. Блокада, обстрелы, бомбежки, строительство оборонительных сооружений. Спустя некоторое время школу решили эвакуировать через Ладогу. Оказались мы на Горном Алтае. А весной 1944 года нам вдруг предложили вместо бортстрелков стать водолазами. Решился я не сразу. Незадолго до этого мы смотрели фильм «Гибель Орла» о водолазах ЭПРОНа. После него осталось ощущение, что водолаз должен быть огромного роста и иметь железное здоровье. После долгих раздумий все-таки согласился и в результате попал в Балаклавскую школу, которая была эвакуирована на Байкал. Преподавали в ней такие «киты» водолазного дела, как Шпакович, бывший в школе начальником учебной части, и другие легендарные личности, которые работали в ЭПРОНе с первых дней и, можно сказать, сами его и создали. Майор Хандюк гремел на Севере еще до войны. О подъеме «Малыгина», в котором он участвовал, в ту пору много писали. Одним словом, учителя были хорошие и учили хорошо. Никогда не забуду первые спуски в Байкал. Прозрачность воды такая, что страшно отрываться от трапа, кажется, что упадешь на грунт. Спускались со льда. В майну, прикрытую палаткой, на сорок метров в глубину видно, как водолаз копошится.

Потом школу перевели обратно в Балаклаву. Работы было много. Поднимали трупы, убрали со дна боеприпасы. Распределение выпросил на Балтику, поближе к родному Питеру. Прибыл на Набережную Красного флота, 34, в Управление аварийно-спасательной службы. Сейчас в этом здании военно-морская поликлиника. Построили нас и распределяют кого куда, го Слышу: «Авинкин! На Колыму!». Думаю: «Ничего себе попал!». Оказалось, что «Колыма» — затонувшая в порту землечерпалка. Взрывали лед вокруг нее, вели другие подготовительные работы. А рядом весь пробитый, дырявый стоял крейсер «Аврора». Скоро поняли, что пока лед стоит, «Колыму» не поднять. Его взрываешь, а он снова намерзает. Решили оставить до весны. Нас же отправили в 143-й отряд подводно-технических работ (ПТР), которым командовал полковник Б.С.Казин.

Становление водолаза

Отряд был сформирован на Ладоге, а располагался в тот момент в Риге. Поднимали затонувшую технику, расчищали порт, разминировали стенку, строили мост для прохода войск. Рядом добывали Курляндскую группировку. В отряде отработал пять лет. За это время много чего было. Работал на подъеме ледокола «Алеша Попович», получил квалификацию глубоководника. В 1948 году стояла задача отработать в трехболтовом скафандре «на воздухе» глубину 100 метров, а по возможности на 3-5 метров больше (в те годы предельной глубиной спуска считалась глубина 110 метров). В результате азотного наркоза всем хватило. Проявлялось это по-разному. Чувствуешь, что темнота вокруг тебя начинает вращаться. В голове гул. Убеждаешь себя, что ничего не вращается. Ведь я же стою на грунте. Одному привиделся паровоз, к другому мальчик нищий приставал: «Дай копеечку!». Некоторые заговаривались, ерунду всякую городили. Таких водолазов сразу начинали поднимать... В апреле — мае 1950 года принимал участие в поисках американского самолета-разведчика Б-29. Об этом немного подробнее. Он давно портил нервы нашему командованию. Скорость у него хорошая, аппаратура отличная, да и пилот опытный. Пользуясь этим, он постоянно нарушал границу, а посадить его никак не удавалось. Пока истребители взлетают, его и след простыл.

Поставили задачу опытным перехватчикам, которые войну прошли. Разработали план, потренировались и 8 апреля перехватили. На предложение следовать на посадку не отреагировал и стал уходить. Наши получили приказ: «Выполняйте «Молнию» и ударили из всех стволов. Самолет удалился в сторону моря. («Известия» 27 апреля 1992 года).

12 апреля 1950 года я с группой водолазов прибыл в Лиепаю. Поиск начали с 30 метров, к концу мая дошли до 80. Самолет, в конце 5 концов, нашли и все, что можно, с него подняли, но я уже этого не застал. В конце мая меня сняли с работ по его поиску и откомандировали в Балаклаву на курсы водолазных специалистов. Там собрали опытных водолазов со всех флотов. Всего в группе было двадцать один человек. Окончив курсы, я снова попал на Балтику. Работали в гелиокислородных скафандрах ГСК-3, рассчитанных на глубину 200 метров. Подъем на поверхность осуществлялся с помощью водолазного колокола. Снаряжение это в то время было новым. Мы отрабатывали задачи по оказанию помощи подводной лодке. Поиск, работы на глубине.

Занимался и судоподъемом. До конца 1955 года служил водолазным специалистом в АСС Балтийского флота. Но потом судьба сделала крутой поворот.

У истоков спецназа ВМФ

В начале 1956 года мне предложили должность водолазного специалиста во вновь сформированной на Балтике морской части специального назначения. Несмотря на то, что профиль службы теперь сильно менялся, я дал согласие.

Сейчас различные авторы почему-то пишут, что наша часть была первой. Однако это не так. На самом деле первая часть была сформирована на Черном море, в Севастополе. Оттуда прибыл наш командир, Георгий Владимирович Потехин. В Севастополе он был заместителем командира части. С ним прибыли несколько офицеров и матросов для организации части на Балтике.

Когда пришел приказ о моем переводе, я прибыл в часть и приступил к приему должности и всего водолазного хозяйства. В то время оно включало в себя 73 аппарата ИСА-М48, двадцать аппаратов ИДА-51, гидрокостюмы и ВСОИ (водолазное снаряжение особого назначения). В этом снаряжении по дну топали, ласты у нас позже появились. Была камера всплытия. Открывался «кошелек» на шлеме, на ногах свинцовые задники, на поясе чугунные груза и катушка всплытия. Можно было прицепить на катушку груза, аккуратно всплыть, осмотреть в специальный водолазный перископ берег и поверхность, а потом опять спуститься и продолжать движение. Такое у спецназа было тогда снаряжение. В этих местах в войну работала рота особого назначения (РОН) под командованием Ивана Васильевича Прохвятилова. Так они даже тренировались под водой менять кислородный баллон. Причем никаких байонетных соединений не было. Брали гаечный ключ, отворачивали один баллон и прикручивали другой. Вообще у ветеранов РОН опыт войны был бесценный.

Опыт войны

В 1951 году, когда я был в Балаклаве, приезжали туда дважды Герой Советского Союза Виктор Николаевич Леонов, который на Севере отрядом командовал, и Прохвятилов Иван Васильевич, прокомандовавший РОН от ее создания до расформирования, для съемок учебного фильма о действиях разведки флота. Задача фильма была показать, что мы можем и умеем на тот момент, а также перспективы развития и другие аспекты боевой подготовки. В фильме снимались флотские разведчики, которые войну прошли под их командованием и знали, что и как надо делать, чтобы задание выполнить и живым вернуться. Любо-дорого было смотреть на их работу. Снимали выход из торпедных аппаратов, высадку на резиновых лодках, десантирование с парашютом на воду. Парашютов водолаза (ПВ) в то время еще не было, и прыгали на обычных десантных. Запечатлели, как оружие к заброске готовят. Автоматы еще ППШ были. По тактике снимали разведгруппу в поиске, как она передвигается, как следы запутывает... Этот фильм и сейчас можно как учебное пособие показывать. Позже сняли цветной с современной техникой. Носители «Сирены» и буксировщики «Протеи», подводное оружие. Этот фильм консультировали фронтовики, но сами в съемках не участвовали. Поэтому не то получилось. Одно дело, когда на экране человек, который всю войну в разведке прошел, а другое — матрос срочной службы, которого хоть и выучили, но на своей шкуре, рискуя жизнью, он эту методику не опробовал.

Мелочей в водолазном деле нет

Приступили к тренировкам в части. Отрабатываем тему «Выход из подводной лодки». Сначала просто шлюзовались через торпедный аппарат, потом придумали шлюзовую ванну, которая крепится к торпедному аппарату. Давление в отсеке выравнивается с забортным. Торпедный аппарат и ванна заполняются водой, открываются обе крышки торпедного аппарата, и группа начинает выходить один за другим. Польза от изобретения ванны была большая. В то время готовили переподготовщиков. Люди они в летах и зачастую заниматься этим не очень хотели. Но с ванной даже их по сто человек в день, а иногда и больше, пропускать удавалось. Бывали и нештатные ситуации. Как-то работали с новым командиром лодки. Спрашиваю: «С ванной работали?». Отвечает: «Работал». Ложимся на грунт. Глубина двенадцать метров. Задули первый и второй отсек, сравняли давление с забортным, открыли переднюю крышку торпедного аппарата. Вроде бы все в порядке, но чувствую, что что-то не так.

- Все нормально? — спрашиваю командира.

- Нормально!

Первый пошел в торпедный аппарат, и тут я заметил, что уровень воды в ванне понижается, а это означает, что давление в отсеке выше забортного, то есть лодка всплывает. Даю команду водолазу вернуться в отсек. Успел схватить его за ноги. В аппарате раздался булькающий звук, и воздух со страшной силой начал выходить из отсека. В отсеке туман. Воздух вышел, в отсек хлынула вода. Даю команду: «Дать воздух в отсек!». Люк во второй отсек захлопывается, грохот воздуха высокого давления, туман. У меня в отсеке двадцать водолазов. Им что? Переключились на аппарат и все, а мы с командиром барахтаемся в холодной воде. Полдня потом ее откачивали. А что получилось. Командир положил лодку на грунт с плавучестью, близкой к нулевой. Когда первый водолаз вышел, лодка облегчилась, нос чуть приподнялся, и через открытый торпедный аппарат в отсек хлынула вода. Страхующий водолаз, обеспечивавший выход снаружи, так получил воздушной струей, что долго кувырчался, не понимая — где верх, а где низ. С тех пор командир заполнял балластные цистерны так, чтобы с запасом припечатать лодку к грунту. Я же получил урок: «Доверяй, но проверяй! Мелочей в водолазном деле нет!».

Проверено на себе и десантирование...

В то время еще не было четких методик и рекомендаций по спецназовским делам. Что можно, а что нельзя делать приходилось проверять на себе. Например, на какой скорости можно в го снаряжении прыгать с катера? Неизвестно, как лучше прыгать — лицом или спиной вперед, с борта или с кормы? Прыгали в кильватер с торпедолова. Приходилось сначала все делать самому. Не посылать же матроса, когда неизвестно, чем все это закончится. Потом начали отрабатывать подъем водолаза на вертолет с помощью лебедки, а также спуск с вертолета. Отрабатывали четкие действия при посадке на судно, высадку на острова, взаимодействие, сигналы, работали с резиновыми лодками, десантировались на воду с парашютом.

...И тактика

Однажды часть получила задачу во время учений силами водолазов-разведчиков заминировать крейсер. К тому времени мы уже начали плавать, получили ласты и костюмы ГПК-4. Ласты были отвратительные, на гидрокостюм не лезли. Приходилось переделывать самим, вырезая их ножом изнутри. В комплект подводного диверсанта входил аппарат ВАР-52 (водолазный аппарат регенеративный). Но матросы эту аббревиатуру расшифровывали по-своему — водолазный аппарат разведчика. Аппарат имел три дыхательных трубки, одна вдоха и две выдоха. Выдох по одной из них поступал в коробку ХПИ (химопоглотитель известковый), а по другой в коробку с регенеративным веществом. Крейсер, который предстояло минировать, стоял у причала в Таллиннском порту, на ремонте. Пошли мы со старшиной 2-й статьи Карповым Виктором Ефимовичем. На кораблях объявлена повышенная готовность. Матросы на шлюпках вокруг кораблей ходят и баграми в воде шуруют. Мы проплыли под водой под всеми кораблями. Маршрут заранее прикинули: транспорт, два эсминца, снова транспорт, баржи... Вода прозрачная, ночь светлая. Штиль. Из-под воды корабли отлично видно. Шли без связей, визуально. Подобрались к крейсеру, установили две магнитные мины, вернулись и доложили. На крейсере суета началась. Опускают фару, водолаза спускают. Смотрим, груза надели, а гидрокомбинезон не зажгутовали. Говорю: «Давай подойдем, ведь утопят парня». Да и толку от его спуска никакого. Как он один все днище крейсера осмотрит? Подошли на катере, предложили: «Давайте сами снимем!». Они были не против. Сходили, сняли. Мины продемонстрировали.

Тогда же провели учения с выходом из торпедного аппарата и последующей атакой объекта. Наша группа высадились на полуостров Пальяссааре в Таллиннской бухте, захватила склады и условно уничтожила. После этого атаковали базу ВМФ в Таллинне. Первоначально в план входила высадка на рейде двух парашютистов-водолазов. Они должны были установить на бонновое заграждение термитные шашки. Шашки должны были прожечь боны, в результате этого они утонут и лишат порт боннового заграждения. В последний момент командование решило, что это будет слишком дорого, и парашютисты получили задачу минировать другие объекты. В книге А.Тараса «Подводный спецназ» эти действия описаны как имевшие место, но на самом деле они только планировались.

Освоение подводных средств движения

Поработал и над освоением отечественных ПСД. Действительно, много ли можно пройти пешком по грунту или даже проплыть на ластах? А ведь плавание — не самоцель — силы нужны для выполнения задания и возвращения домой. Двухместный носитель водолазов «Сирена» и одноместные буксировщики «Протей» и

«Протон» существенно расширили наши возможности. Но освоение их проходило очень непросто. Совместно с разработчиками осваивали и «доводили до ума» этот новый вид техники. Особенно нужно сказать о выходе ПСД из трубы торпедного аппарата подводной лодки. С буксировщиками проще. Водолазы с буксировщиками помещаются в торпедный аппарат, открывается передняя крышка, и они выходят, толкая буксировщики перед собой. Сложнее с носителями. Есть разные способы. Можно зарядить носитель в торпедный аппарат вместе с водолазами и потом вытолкнуть наружу штанговым толкателем, а потом запустить винты. А можно в один аппарат зарядить носитель, из другого выпустить водолаза и опять же вытолкнуть носитель штанговым толкателем, который входит в штатное оборудование лодки. Когда с этим работаешь постоянно, то вроде бы все просто, но когда подводники видят все это впервые - у них шок. Шутка ли, на ребят надевают гидрокостюмы, аппарат, они садятся в торпеду, их заряжают в торпедный аппарат... И это матросы срочной службы?! Поначалу, в 50-х - 60-х, пока все вопросы не отработали, разные случаи бывали. Например, заклинило как-то «Сирену» в торпедном аппарате. Ни туда, ни сюда. Четыре часа возились. Слава Богу, что без людей. Экипаж лодки на нас как на инопланетян смотрел.

Первые прыжки из вертолета на воду

В начале шестидесятых стали отрабатывать методику выброски на воду из вертолета. Толчком послужил трагический случай, произошедший в вертолетном полку, который обеспечивал космические объекты. Вертолетчики полка обучены были садиться на корабли и обеспечивали поиск и подъем всего, что из космоса в океан падало. В полку была своя группа аквалангистов. Они-то и начали отрабатывать высадку водолазов из вертолета и сразу получили негативный опыт. А дело было так. Вертолет стоял на площадке, а полностью одетый аквалангист долго сидел на жаре. И вертолет, и водолаз раскалились. Наконец взлетели. Подошли к объекту, спустили аквалангиста на лебедке. У воды он отцепился и исчез. Цепляют второго, а про первого забыли... Через два часа нашли его на грунте. Мертвого. Сначала перегрев, затем резкое охлаждение, сосуды и не выдержали.

Через некоторое время смотрю в кино, как американцы на свои космические корабли, упавшие в воду, с вертолетов прыгают. Без всяких лебедок. Думаю, надо попробовать. Командир был в отпуске. На свой страх и риск планирую работу с вертолетом. Начальник штаба по неведению дал «добро». Взлетаем на Ми-4, за штурвалом командир полка Белан. Думаю — кого пустить первым? Если сам первым прыгну, то кто остальных выпустит? Со мной были Юрий Николаевич Шитов и Геннадий Иванович Захаров (впоследствии контр-адмирал). Решил первым Шитова пустить, поскольку с вышки он лучше всех прыгал. Подлетели. На воде уже плавсредство дежурит, чтобы все «по уму» было. Тут борт-техник жмет кнопку «Пошел!». Я ему: «Погоди, здесь я командую». Зависли. Спрашиваю командира: «Сколько высоты?». Отвечает: «Десять метров». Сам смотрю, но мне кажется, что больше. Говорю Шитову: «Давай!». Юра прыгнул, долго уменьшался в размерах, наконец, вошел в воду. Всплывает и показывает, что все нормально, но высоко. Спрашиваю командира: «А ниже можно?». Он качает головой. А я ему: «А если не висеть, а идти с малой скоростью?». Он разворачивается и идет по приборам со скоростью километров 30 — 40. Другое дело! Стал выбрасывать по кругу. Все прошло хорошо. Потом нашли еще лучший вариант. Берем фал длиной семь метров с буйком и выбрасываем его за борт. Он наклонно идет за вертолетом. Если воды касается, значит — высота пять метров. Прыгать можно с комфортом. Но в этом деле была одна тонкость. На борт брали восемь человек, но бросать всех сразу нельзя. После отделения каждого вертолет становится легче и поднимается. Если всех бросить в один заход, то последний с семнадцати метров прыгать будет. Поэтому бросали в два захода по четыре человека, как можно плотнее друг за другом. Отработали. Все нормально. Теперь надо попробовать с дыхательным аппаратом. Аппарат тогда был ИДА-59П. С ним прыгал сам. Все прошло нормально, только часы потерял. Забыл, что при входе в воду воздух через манжеты вырывается.

С неба под воду

Потом стали поступать парашюты для выброски на воду. Сначала С-4-В. Начали его испытывать на разных высотах и скоростях. Помню испытания в Феодосии в 1962 году. Надо было этот парашют испытать на скорости выброски 300 километров в час. Самолет Ли-2 с огромным трудом эту скорость развивает. Других же в нашем распоряжении тогда не было. Прыгали с 1100 метров с задержкой раскрытия десять секунд. Набрали полторы тысячи метров и пошли со снижением, иначе нужной скорости не наберешь. Самолет весь трясется, поскольку на такие полеты не рассчитан. Начинаю выпускать. Смотрю, у кого крышка от аппарата полетела, у кого ласты сорвало, у кого что. Но это ничего. Главное, о, парашюты сработали, и все удачно приводинились.

Потом сидели и списывали унесенное ветром имущество. Под это дело списали и то, что раньше пришло в негодность.

— Гидрокостюм?

— Пиши: «Во время испытательных прыжков сорвало динамическим ударом».

У парашютов С-4-В был серьезный недостаток — соты для укладки строп были изготовлены из тесьмы. После намочения они здорово садились и из-за этого нередко случались перехлесты. Как-то в Калининграде прыгали на залив в водолажном снаряжении, у Кондакова стропа перехлестнула купол точно через центр - глубокий перехлест. Купол у С-4-В и так маленький и весь в конструктивных отверстиях, на нем на сушу и прыгать-то нельзя, а тут еще перехлест! Смотрю с самолета - Господи, помилуй! Все летят п-кти рядом, а этот - уже у воды, но запаску не открывает. Почему - не пойму. Когда подобрали его с катера, у него все, на чем сидят, синее было.

— Почему запаску не открыл?

— А я посмотрел, меня не крутит, иду ровно. Думаю, что ее открывать? Вода все-таки. Уже когда приложился, понял, что и она твердая бывает.

Другой недостаток, который был у С-4-В — это очень чуткая расчековка. Сидишь в самолете, чуть поерзал, а он ПЫХ! И раскрылся. Потом уже сделали ПВ-2. Совсем другое дело.

Поиск допустимых скоростей

В Киржаче испытывали, какую скорость выброски может выдержать аппарат ИДА-59П. Нужно было проверить, что в аппарате может сломаться при скорости выброски 500 километров в час. Съездил с Орехово-Зуево, получил ХПИ, в Мытищах — контрольно-проверочную установку. Приступили к работе. Согласно заданию, скорость надо было набирать постепенно: 200, 300, и так далее. Я рассудил так. Если что на скорости 300 не сломается, а сломается на четырех сотнях — запаса прочности все равно нет. Поэтому будем бросать сразу на скорости пятьсот.

АН-12 идет с нагрузкой, оставляя в воздухе четыре грязных шлейфа. Высота 1100 метров. Отработали.

Смотрим. Что с аппаратом? Во-первых, слабо закреплены регенеративные коробки, во-вторых, шток клапана пробивает при ударе дыхательный мешок. А редуктор? Что ему сделается — детали крепкие.

...И высот

Теперь возник вопрос выяснения максимальной высоты. Заложили сразу 12000 метров. Командировали меня на завод, где имеются барокамеры. Сначала проводили тренировку в барокамере. На тело прикрепили датчики. Надел водолазное белье, гидрокостюм, парашют, аппарат, ласты. Одним словом, все, что полагается. Камеру заморозили до минус шестидесяти, подсоединили кислород, а сами высочили. Сижу, начинаю околевать. В первую очередь мерзнут локти и колени. Полчаса дышу чистым кислородом. Начинается десатурация — азот из крови выходит. Начали подъем. Перед глазами высотомер, самописцы. Гидрокостюм надуваться начал, перчатки раздуваются, вокруг вакуум создается. Врачи в иллюминатор смотрят — потеряю сознание или нет. Дошли до 12000 метров. Начинаем спуск. Включили вентилятор, и остатки воздуха начали гонять по камере — имитация свободного падения. Постепенно давление нарастает, костюм обжиматься начал. Сначала скорость снижения — 175 метров в секунду, а чем ближе к «земле» — тем медленнее. Дошло до пятидесяти метров в секунду, уже после барокамеры стало ясно, что матроса срочной службы с двенадцати тысяч бросать нельзя. Не дай Бог, запаска откроется. Пока парашютист снизится, ему от парашютного прибора дышать кислородом. Даже когда мастера-испытатели с такой высоты прыгают, еле шевелятся и не полностью себя контролируют. Написали рекомендацию: «Десантирование допускается не выше восьми тысяч метров». Так в инструкции и осталось.

Говоря об испытательных прыжках, с особой теплотой вспоминается работа с такими асами, как испытатели-парашютисты: Валерий Герасимович Галайда и Олег Борисович Аблеков.

Главное - не бояться ответственности

Любой спецназ держится на энтузиазме одиночек. Когда собирается коллектив энтузиастов, получается самый лучший результат. В конце пятидесятых, начале шестидесятых годов все вопросы подготовки личного состава и освоения снаряжения решались на уровне командования части. Минимум директив и указаний из

штаба ВМФ. Что можно и что нельзя, решали сами. Правила тоже сами создавали. Если что-нибудь делать нельзя, запрещали, но предварительно убедившись на личном опыте — действительно нельзя. Новые образцы снаряжения, которые изобретала «наука», испытывали сами и решали, подходит или нет. Если с изделием с трудом работал опытный водолаз, то понятно, что матрос им пользоваться не сможет. Но самое главное в том, что в то время во главе спецназа стояли люди, прошедшие войну в разведке. Они не боялись принять решение и взять ответственность на себя. Побольше бы таких сейчас.

Работа в ОКБ

Служба была интересная и частично позволила реализовать мечту о небе. Если не летал, то хоть попрыгал с парашютом достаточно. Однако к 1974 году встал вопрос об увольнении в запас. Дело свое, к которому всей душой прикипел, бросать было жаль. Еще в пятидесятых, когда первые «Протеи» испытывал, познакомился с руководителем ОКБ подводной техники Ленинградского Кораблестроительного института Трошиным. Потом много вместе приходилось работать. После увольнения в запас перешел под его начало. Попутно преподавал в водолазной школе. Двадцать шесть лет в ОКБ отработал. С уверенностью могу сказать, что мы делаем одни из лучших буксировщиков в мире. Принесли нам как-то на испытания американский буксировщик. По документам скорость три узла, запас хода немереный. Весь разрисованный. Думаю, только бы в бортик бассейна не врубиться на такой-то скорости. Включаю. Стою на месте. Смотрю, винт вращается. Если лечь на него и ластами работать, то немного начинает тащить. Буксировщик же с ручками — вообще маразм. Я в свое время под ручки приспособил «Протей-2». У него скорость всего около двух узлов, но через десять минут я рук уже не чувствовал. При этом вода была не слишком холодной. После этого пусть кто-нибудь мне докажет, что так можно долго плавать. Я не хочу огульно ругать все импортное. Наверное, и на них есть что-то толковое, однако мне за мою долгую практику не попадалось. Вообще наши буксировщики еще и довольно безопасные. На моем веку не помню ни одной баротравмы. Нужно только соблюдать меры безопасности и пилотировать ПСД строго по глубине. Все баротравмы и другие водолазные болезни, полученные при пилотировании буксировщиков, — это следствие недоученности. Никогда не стоит забывать, что два узла — это метр в секунду. На вертикальном подъеме такая скорость, безусловно, опасна, а чем ближе к поверхности, тем выше риск. Некоторые не думают об этом, и начинают фигуры высшего пилотажа крутить...

Недавно ОКБ создало новый буксировщик «Сом». Этим летом на Балтике в условиях открытого моря провел завершающие испытания. Работа любимая, правда, душе авиации не хватает. Есть мечта на параплане полетать...

Вот такая у человека судьба. Море и небо, спуски на огромные глубины и прыжки из стратосферы. Он стоял у истоков создания спецназа ВМФ и очень много сделал для повышения его боеготовности и технического оснащения. Время идет. И фамилию Авинкин, который был и остается живой легендой спецназа, уже знают не все. Но помнить ее и ряд других, таких как Бекренев, Прохватилов, Савичев современные спецназовцы должны, как должны и знать историю создания своих частей. Кто не помнит прошлого, у того нет будущего...

(Записал В.Афонченко, обработал С.Козлов)

В.П. Трошин (беседу вел В.Афонченко). Ихтионавт - обитатель Гидросферы будущего

ОКБ подводной техники Ленинградского кораблестроительного института (ныне Санкт-Петербургского морского технического университета) до недавнего времени было организацией сугубо секретной. Секретным здесь было все — и люди, и темы, и изделия. Повышенная секретность была обусловлена тем, что здесь разрабатывались подводные средства движения (ПСД) для спецназа ВМФ. Главным конструктором индивидуальных ПСД - буксировщиков водолаза с первых дней был Владимир Петрович Трошин, но об этом знал лишь очень ограниченный круг лиц. Сейчас, в результате произошедших перемен, большая часть деятельности ОКБ подводной техники не представляет ни военной, ни государственной тайны. В результате этого встреча с Владимиром Петровичем стала возможной. Подводя итоги своей деятельности, ему, безусловно, есть что рассказать.

Виктор Афонченко встретился с Владимиром Петровичем и попросил ответить на ряд вопросов, ответы на которые наверняка будут интересны нашим читателям.

Виктор Афонченко: Владимир Петрович, работа, которой Вы занимались всю свою жизнь, весьма необычна. Расскажите, пожалуйста, поподробнее — с чего все началось?

Владимир Трошин: В 1955 году я окончил институт и по распределению был направлен на одну из кафедр. В 1958 году на кафедру Торпедного оружия нашего института обратился Дмитрий Уварович Шашенков с предложением создать подводные средства движения (ПСД) для организовывавшихся тогда частей морского спецназа. Он в ту пору отвечал за этот вопрос в штабе Флота. Несколько КБ промышленности, в которые он обращался, ему отказали. Дело казалось им слишком мелким, а забот сулило много. Заказов тогда и без этого было достаточно.

Но Дмитрий Уварович был не из тех людей, которые смиряются с отказом. Он нашел энтузиастов. Заведующий кафедрой, доктор технических наук, профессор Александр Игнатьевич Шевело — человек, крупный всем: ростом, движениями, делами, взялся за это дело, в декабре 1958 года в Москве на совещании приняли решение о создании ПСД - двухместных носителей торпедной формы и одноместных - буксировщиков водолазов. Я получил приглашение вернуться на свою кафедру. В сентябре 1959 уже были сданы первые отечественные буксировщики. От имевшихся аналогов главным отличием их было то, что они крепились на теле водолаза. «Протей-1» на груди, а «Протей-2» - на спине. Схема себя оправдала. Работают до сих пор. Правда, от крепления на спине пришлось отказаться. Причин тому несколько. Во-первых, когда «Протей-2» внедряли, на вооружении были еще нагрудные дыхательные аппараты. А во-вторых, когда буксировщик находится за плечами, человек испытывает психологический дискомфорт. Гораздо комфортнее, если водолаз лежит сверху на буксировщике. Ощущение такое, что ты на чем-то едешь, намного лучше того, когда тебя тянут за шиворот. Да и при всплытии это обеспечивает большую безопасность и скрытность.

Поплыл и наш двухместный носитель в калибре торпедного аппарата. Назвали его «Сирена». Две модификации «Сирена» и «Сирена-У» до 1976 года создавались в ОКБ, а затем их разработка и производство были переданы на завод «Двигатель». Он их совершенствует и продает до сих пор. В печати рекламируется «Сирена» и ее конверсионный вариант «Марина».

Встал вопрос о серийном выпуске буксировщиков. Первую сотню изготовили на судовой верфи. Для судовой верфи это дело было не профильным и не выгодным. Заказ по ее меркам несоизмеримо мал и в исполнении сложен. В общем одни проблемы.

В.А.: И как же вы из этого положения вышли?

В.Т.: Нашелся третий энтузиаст — директор Гатчинского завода «Буревестник» — Михаил Израилевич Кисельгоф. К нему перевели производство, построили цех и стали выпускать буксировщики. Для налаживания производства была проведена огромная работа. Постепенно сложился отличный коллектив ученых, разработчиков, производственников и испытателей. Буксировщик при кажущейся простоте — весьма наукоемкое изделие. Однако все же удалось создать простую и надежную технику. Наши остряки даже сочинили песенку: «Говорят нам, что «Протей» // Состоит из трех частей — // Корпус, двигатель, насадка, // Но зато в большом порядке». Однако, если серьезно, то ПСД в институте — это защита семи диссертаций, разработка нескольких тысяч страниц отчетов и более сотни авторских свидетельств.

В.А.: Владимир Петрович, Вы в течение долгого времени возглавляли ОКБ. Расскажите об этом подробнее.

В.Т.: Проблема создания ПСД, теоретические исследования и разработки конструкций со временем переросли рамки кафедры.

В 1973 году совместным решением Флота и Минвуза СССР при институте было создано ОКБ. Так сложилось, что с первых дней и почти до настоящего времени я был его начальником и главным конструктором. Конструкция буксировщиков постоянно совершенствовалась, повышались тактико-технические характеристики. Создавалось специальное оборудование, необходимое для эксплуатации. Около двадцати наименований изделий, в том числе семь модификации буксировщиков, пошли в серию.

Мы всегда старались добиваться того, чтобы для изготовления буксировщиков, а тем более для их эксплуатации и обслуживания не требовалась слишком высокая квалификация. Ведь для бойца буксировщик всего лишь средство передвижения, на которое он должен тратить минимум сил и внимания.

Говоря о производстве, следует сказать, что мы всегда старались использовать как можно больше деталей из прежних модификаций. Поэтому многие виды буксировщиков внешне мало отличаются друг от друга. Я, как конструктор, считаю это большим достоинством. Заказчику постоянно хотелось плыть как можно дальше, быстрее и глубже. И мы отвечали на эти запросы. Тактико-технические характеристики изделий росли, но при минимальных затратах и доработках. Создали подводно-надводный вариант — «Протон». Ведь совершенно

не обязательно, особенно ночью, всю дистанцию идти под водой. Но самое главное — у человека совсем другие ощущения, когда голова находится над водой. Уже под конец моей деятельности мы создали подводно-надводный, скоростной буксировщик водолаза «Протон-У». Теперь я могу сказать, что все, что может выдержать человек, мы своими средствами обеспечили. Ограничения у нас теперь не по технике, а только по психофизиологическим возможностям человека.

В. А.: То, что вы рассказываете, просто здорово. Наверное, Вы были в большом почете?

В.Т.: (Смеется.) На испытаниях первого «Протея» в Каспийске, буксировщик прошел первые 3400 метров, представитель лота сказал: «Пройдет 5 километров — поставим памятник!», сейчас уже обеспечиваем и 25 километров, а памятника все нет.

В.А.: Владимир Петрович, мне доводилось слышать много баек о больших скоростях, которые развивают буксировщики.

Вы, как человек в этом вопросе наиболее сведущий, скажите, какова реальная максимальная скорость, которую может развить пловец на буксировщике?

В.Т.: Да, скорость - это важный и интересный вопрос. До сих пор появляются в печати и рекламе сообщения о плавании на открытом буксировщике со скоростью и четыре, и пять узлов. Это ерунда. В среде, плотность которой почти в тысячу раз больше воздуха, совсем другие мерки. В свое время нам была поставлена задача - выяснить, сколько и с какой скоростью может проплыть человек на буксировщике. В результате эксперимента установили, что реально предельная скорость - 2,8 узла (около 1,5 м/с). При скорости три узла набегающий поток воды обжимает лицо и пережимает и вырывает изо рта трубки дыхательного аппарата. Другого способа увеличить скорость, кроме установки обтекателя, нет. С его установкой скорость можно увеличить до 4,3 узла и даже несколько более. За обтекателем человек чувствует себя достаточно комфортно и, кроме того, защищен от удара. Я на испытаниях врезался в пирс головой на скорости 2,8 узла. Слава Богу, в плоскость, да еще «кошелек» на шлеме выручил, амортизировал. Ощущения — не из приятных. Так что защита — далеко не лишняя. Но самое главное — это то, что большие скорости требуют очень строгого пилотирования по глубине. Резкое изменение глубины чревато для организма человека тяжелыми последствиями.

В.А.: А как пережило Ваше ОКБ перестройку и новые веяния?

В.Т.: Нам и до перестройки организационных трудностей хватало. Были даже приказы о закрытии ОКБ. Но это отдельный длинный разговор. Перестроечные переживания не пошли на пользу здоровью. Получил инсульт. Слава Богу, средней тяжести. Поэтому я вахту сдал своему сыну Петру Владимировичу. Он занимается той же проблемой со студенческих лет. По этой теме диплом писал, а потом и диссертацию защитил. Теперь он - начальник ОКБ, а я — ведущий научный сотрудник. Самые твердые энтузиасты держатся. Их всего несколько человек. Но надеюсь, что со временем все наладится. Петр Владимирович с товарищами в духе времени модифицировали схему «Протона-У». Отказались от колпака отражателя и создали новый конверсионный вариант — «Сом», установив на него отличный двигатель и аккумулятор. Его можно использовать для подводного туризма и исследований. Предусмотрен двухместный вариант плавания.

В.А.: У Вас за плечами богатейший опыт и годы исследовательской и конструкторской работы. Вы не пробовали подвести итог своего труда?

В.Т.: Я завершаю книгу. Ее проблематика значительно шире моих служебных обязанностей. Она посвящена проблеме взаимоотношений человека и Гидросферы. Беда в том, что освоение Гидросферы сегодня остается на уровне пожарного земледелия. Мировой Океан превращен в сточную канаву. В результате один за другим гибнут многие виды животных и растений. Мы уже "победили" сушу. Мы, люди, теснимся на четвертушке поверхности планеты Земля, а что же с остальными тремя четвертями?

Наличие проблемы и социального заказа на коммерческое, экологическое и оборонное освоение гидросферы очевидно. После эйфории 60-х, вызванной изобретением акваланга Кусто, и широковещательных заявлений о том, что десятки тысяч подводных земледельцев будут осваивать шельф, а военные действия могут перейти под воду, настало пробуждение. В свое время была волна строительства подводных жилищ. Создавались десятки подводных лабораторий от обыкновенной палатки, надутой воздухом, типа «Спрут» до стационарных поселков. Многие страны (в том числе и наша) затратили на это большие средства. Однако эта затея была забыта, и никто не живет в этих жилищах. В них просто некому жить. В своей книге я попытался

разобраться, кто виноват, и что делать? Сделал попытку показать современное состояние и принципы отношения человека к гидросфере.

Человек вышел из воды, но задрал голову в небо и космос и вкладывает туда огромные средства. Стоит ли? Может, в первую очередь следует осмотреться на своей планете? Ответ один: жизненно необходимо изменить стратегию взаимоотношений с Гидросферой. Не завоевывать ее, а уважать и сосуществовать с пользой для обеих сторон! Не должно быть никаких «покорить»!

Содружество человека и Гидросферы — единственный путь выживания человека на планете Земля. В океанах и морях, в реках и озерах, в ручейке и в пруду — наше будущее и наше спасение,

В.А.: Честно говоря, я не вижу механизмов реализации Вашей идеи. Можно, конечно, издать указ президента «Уважать Гидросферу!», но ведь его никто и не подумает выполнять. Ни чиновники, ни промышленники, ни браконьеры, никто кроме тех, кто Гидросферу и сейчас уважает. Но им-то указы для этого не нужны...

В.Т.: Вы совершенно правы. Варварское отношение к Гидросфере и отсутствие нужного снаряжения в значительной мере объясняется отсутствием общепрофильного осмысления проблемы, ее методологической разработки. Что делать? С чего начать?

Известно, что в начале всего сущего было слово. А термина, обозначающего человека, который бы длительное время свободно работал и перемещался под водой, сегодня нет. Вдумайтесь. Русское слово водолаз очень точно описывает человека в тяжелом шланговом снаряжении, лазающего под водой. Английское слово дайвер — это ныряльщик, то есть человек на какое-то время ныряющий под воду. Мне кажется подходящим термин - ихтионавт - человек в снаряжении, обеспечивающем ему пребывание и свободное (как рыба) плавание под водой на ластах или с применением индивидуальных и групповых средств передвижения.

Малый прогресс, наблюдаемый в деле непосредственного проникновения человека в водную среду очевиден. Между тем этим занимаются физиологи, водолазные специалисты, создатели дыхательной аппаратуры, гидрокомбинезонов, приборов и средств движения под водой. Каждый в отдельности решает свои частные задачи, не видя проблемы в целом. В настоящее время снаряжение подводного пловца создается как набор отдельных объектов, формируемый разными заказчиками и фирмами. Отсутствует общепрофильное, методологическое осмысление проблемы.

Основой рассмотрения должен быть ихтионавт как система, состоящая из человека и снаряжения, расширяющего психофизиологические возможности человека и обеспечивающего ему, как рыбе, свободное и длительное пребывание и плавание под водой.

Назрела необходимость объединить и координировать усилия, привлекая методы нескольких дисциплин путем создания новой самостоятельной междисциплинарной научно-технической дисциплины, которая может быть названа инженерной ихтионавтикой.

Она должна быть посвящена проблемам жизнедеятельности человека в гидросфере и создания снаряжения, обеспечивающего ему свободное пребывание в чуждой человеку среде.

Необходимость комплексного научно-технического подхода назрела и даже перзрела. Нужен общий язык, понятный и объединяющий специалистов самых разных специальностей. Им может быть инженерная ихтионавтика.

Если в университете или военно-морском учебном заведении появится учебная дисциплина, а затем и кафедра, то появятся молодые специалисты. Комплексный подход и разработка новаций станут их прямым делом и их обязанностью. Появятся и серьезные прорывы в этой области. Стариков перевоспитывать поздно. Вся надежда на молодежь... Я не рассчитываю на немедленное внедрение. Моя книга с прицелом в будущее. Этой книгой я подвел итог. Отчеты сожгут, и все. А если останется книга, если идеи, изложенные в ней, заинтересуют молодого человека, заставят его задуматься, я буду считать свою задачу выполненной.

Часть II. МИРНЫЕ БУДНИ

В.Е. Бреславский. Опыт - критерий истины

В 1969 году на базе бригады спецназа МВО в поселке Чучково Рязанской области ГРУ ГШ было проведено оперативно-стратегическое опытное учение. Им руководили начальник Главного разведывательного управления генерал-полковник Ивашутин, его заместитель генерал-майор Сидоров и начальник 5-го управления генерал-майор Ткаченко. На учениях отрабатывались и проверялись следующие вопросы:

1. Оптимальный штатный и численный состав РГСН (РОСН),
2. Экипировка, снаряжение, материально-технические средства для личного состава, действующего в тылу противника;
3. Доподготовка. Механизм ее проведения с соблюдением конспирации для каждого задействованного разведывательного органа;
4. Количество и содержание одновременно поставленных спецназовцам боевых задач;
5. Оптимальные сроки выполнения боевых задач и порядок доклада по средствам связи вышестоящему начальнику;
6. Возможности и порядок использования различных летательных аппаратов для переброски временных разведорганов в тыл противника;
7. Оптимальные сроки действий РГСН (РОСН) в тылу противника;
8. Порядок эвакуации личного состава из тыла противника.

Для обеспечения переброски личного состава и грузов в тыл противника привлекалась военно-транспортная авиация. Аэродром взлета и посадки — Дягилево. Для обозначения ядерных и других средств массового поражения, их охраны и обороны, а также для противодействия десантирующимся, сбора и хранения их парашютов привлекался личный состав бригад спецназа ПрибВО, ЛенВО, БВО, ПрикВО, КВО и ОдВО.

В результате проведенных учений были практически проверены и подтверждены следующие положения:

1. Оптимальный боеспособный состав РГСН должен включать не менее штатного отделения или штатного взвода с включением 1—2 радиотелеграфиста, инструктора по минно-подрывному делу и одного—двух переводчиков.
2. Боевые задачи целесообразно ставить всему личному составу РГСН (РОСН). Как правило, одну-две. Первую разрабатывать с личным составом более детально, а вторую задачу (если она ставится) - в общих чертах.
3. В период доподготовки всю имеющуюся информацию, необходимую для действий, в том числе основные ориентиры, пункты сбора и базирования, порядок сбора и выхода на них, следует наносить на топографическую карту крупного масштаба соответствующими знаками и постоянно пользоваться этой картой. После окончания доподготовки эту карту необходимо сдать и вместо нее получить аналогичную, но без каких-либо знаков и пометок и использовать ее в тылу противника.

Работая заместителем командира этой бригады, я лично убедился, что район ее дислокации позволяет творчески создавать необходимую материально-техническую базу для обучения спецназовцев, повышения боеспособности и боевой готовности бригады и ее личного состава. Первый комбриг — полковник Александр Васильевич Шипка уделял серьезное внимание созданию материально-технической базы.

*

Однако, как говорится, все познается в сравнении. В 1969 году генерал армии В.Ф.Маргелов, командующий ВДВ, пригласил командиров бригад спецназа в ПрибВО для осмотра материально-технической базы воздушно-десантного полка ввд, дислоцировавшейся в Прибалтике, и оказалось, что нам есть чему поучиться. Мы принялись за строительство «тропы разведчика», тира для стрельбы из пистолета, а также городков для рукопашного боя и подрывных работ и других объектов материально-технической базы. В боевой подготовке личного состава бригады стали применяться рационализаторские и изобретательские предложения спецназовских умельцев. Для обеспечения выхода на объект диверсии (разведки) в короткие сроки широко использовались технические возможности роты радио- и радиотехнической разведки. Тактико-специальные учения проводились на расстояниях, максимально приближенных к реальным с использованием вертолетов.

*

Дальнейшая моя служба была связана с Белорусским военным округом.

Командующий войсками БВО Герой Советского Союза генерал армии Иван Моисеевич Третьяк постоянно применял силы и средства бригады спецназа на фронтовых и оперативно-стратегических учениях, проводимых высшим военным руководством. Он принимал непосредственное участие в создании и развитии материально-технической базы.

За короткий срок военный городок спецназовцев был коренным образом преобразован и стал лучшим городком спецназовцев в Вооруженных Силах СССР. В соответствии с приказом командующего БВО я выполнял обязанности командира бригады до тех пор, пока не освободилась должность в разведуправлении округа. После того, как начальником РУ штаба БВО стал полковник Воробьев, а его заместителем — начальник 3-го отдела полковник Федотов, я был назначен на должность последнего. А на должность комбрига был назначен прибывший в округ подполковник Карташов, талантливый спецназовец, в дальнейшем — начальник разведки Западного направления, генерал-лейтенант.

В 1973 — 1975 годах стало традицией открытие сборов по воздушно-десантной подготовке в бригаде начинать прыжками с парашютом руководства спецназовцев БВО. Первыми совершали парашютные прыжки начальник 3-го отдела РУ и комбриг. Такой же порядок существовал и при проверке офицерского состава по огневой и физической подготовке. Кроме того, подростки — сыновья спецназовцев на сборах по ВДП совершали прыжки с парашютом. С ними также проводились занятия по стрельбе из пистолета и автомата и по вождению автотранспорта. Мы старались личным примером воодушевлять не только солдат, но и своих детей.

*

Развитие армейского спецназа характеризовалось также созданием специальных подразделений в высших учебных заведениях.

Так, в 1968 году под руководством старшего офицера ГРУ ГШ полковника И.Н.Щелокова в Рязанском высшем командном училище была создана 9-я рота курсантов-спецназовцев в составе трех взводов, а затем и батальон спецназовцев. Первым командиром 9-й роты был капитан Резников, в дальнейшем — старший преподаватель кафедры управления и службы штабов Военной академии им. М.В.Фрунзе, полковник. В 1978 году, будучи заместителем начальника разведывательного факультета в Военной академии им. М.В.Фрунзе, я выступил с инициативой о создании на разведфакультете 4-ой учебной группы офицеров-спецназовцев. Инициатива была реализована. Командиром этой группы стал майор Рогов. В 1981 году состоялся первый выпуск группы «Спецназ».

С. Козлов. Бывает...

В парадном расчете

Тамояну Жоре Ирвандовичу не повезло. От рождения он не был ни умным, ни красивым. В конце семидесятых спецназовцев Лагодехской бригады решили привлечь на парад, который должен был состояться в Тбилиси. Для прохождения людей отбирали с особой тщательностью. Полковник Зайцев, бывший начштаба бригады, а ныне офицер разведотдела штаба округа, лично предупреждал, что в строю должны стоять настоящие красавцы. Выполнение своего распоряжения он приехал проверить лично. Никто не знает, как в парадную коробку попал рядовой Тамоян. Мало того, что он был невысокого роста. Жора имел настолько гордый профиль, что его орлиный клюв, который начинал расти с середины лба, мог соперничать в размерах с чертежным треугольником. Ко всему прочему у него на скуле вскочил фурункул, а с другой стороны флюсом раздуло нижнюю челюсть. Вдобавок ко всему, у Жоры на этом лице были, в буквальном смысле, глазки-бусинки. Несмотря ни на что, Жора постоянно улыбался.

Полковник Зайцев, сам будучи роста невысокого, уважал рослых бойцов. Следуя мимо каждой шеренги, он удовлетворенно хмыкал и пошучивал. Например, когда проходил мимо офицеров, не преминул подколоть командира группы минирования Вовку Воробья, сказав, что вот де, мол, раньше в спецназе были фамилии, Медведев, опять же Зайцев. А сейчас! Птичкин, Синичкин. И вот, пожалуйста — Воробей.

В общем, пребывал он в хорошем расположении духа. Но, осматривая предпоследнюю шеренгу, Зайцев вдруг увидел сапоги Жоры Ирвандовича, торчащие из последней. На беду тот имел сорок восьмой размер обуви при своем скромном росте.

Изумленный полковник раздвинул бойцов и, увидев Жору, содрогнулся.

Придя в себя, он потрясенно произнес, при этом показывая руками:

— Нос - во! Ноги - во! Сам —во! А хрен, наверное, -во!

Потом, взглянув еще раз на перекошенную физиономию Тамояна, который пытался улыбнуться, сказал, передернув плечами:

— Убрать! Он даже на человека не похож.

Противопехотная мина нажимного действия

Справка 1(историческая)

Во времена раскола православной церкви старообрядцев высылали на окраины Российской империи. Одной из таких окраин был Кавказ. Осевшие здесь староверы называются молокане. За долгие годы они так и не ассимилировались, ведя довольно замкнутый образ жизни. Это наложило определенный отпечаток на уровень их образования и развития.

Справка 2(специальная)

В частях специального назначения подразделения обеспечения находятся в эмбрионном состоянии и не способны обеспечить нормальное функционирование соединения. В связи с этим из каждой роты в подразделен тыла передают внештатных огородников, свинаярей и тому подобных «специалистов народного хозяйства». Таким образом в ротах по являются «мертвые души». Главная неприятность такой системы состоит в том, что живя вольной жизнью пахаря или свинаяря, солдат перестает быть таковым. Само собой, и разведчиком специального назначения тоже. Но приходит пора полугодовой проверки, и всех «мертвых душ» возвращают в строй. Что самое грустное, заставляют сдавать проверку, как будто они полгода активно занимались боевой подготовкой.

Рядовой Манохин Александр Иванович был молоканин. В самом начале его службы командир роты пришел к уверенности в бесперспективности его обучения и со спокойным сердцем сделал его «мертвой душой», работающей на огороде. Но пришла осень, и группе, куда вернулся Манохин, предстояло сдавать проверку по минно-подрывному делу (МИД). Тяжело вздохнув, «Соленый» подозревал командира группы и сказал, чтобы Манохин выучил самый простой вопрос — мину ПМН (противопехотная мина нажимного действия). О том, чтобы этому «гению спецназа» попался именно этот вопрос, ротный обещал позаботиться лично.

Солдату был вручен учебный материал, но несмотря на то, что он учил на своем родном языке, в голове практически ничего не оседало. Нет, он усердно читал: «Мина ПМН-противопехотная, нажимного действия, в пластмассовом корпусе с резиновой мембраной. Усилие срабатывания — 5 кг. Вес взрывчатого вещества - 330 граммов, запал — МД-9...». Но после этого воспроизвести даже часть прочитанного не мог. Пришлось применить методику ускоренного обучения, описанную выше. Вроде бы дело пошло.

На экзамене по МПД Манохин отвечал последним. Взвод сдал практически на отлично. Теперь главное было, чтобы Манохин не получил двойку. Когда довольный проверяющий попросил Александра Ивановича рассказать ему о мине ПМН, солдат потупился и сказал, что он ничего не знает. Проверяющий покосился на начавшего багроветь Соленого и снова спросил, пытаясь успокоить и не давить на солдата:

— Ну что же вы, товарищ солдат? Не может быть, что вы ничего об этой мине не знаете. Посмотрите, как хорошо отвечали ваши товарищи. Ну вспоминайте!

— Ничего не знаю, — забубнил солдат.

Неизвестно, сколько бы еще продлилось это препирательство экзаменуемого с экзаменатором, если бы не вмешался Солоненко. Уже доведенный до крайней точки кипения, он энергично встал и, несколько истерично, произнес:

Товарищ полковник! Попросите рядового Манохина снять китель.

- Зачем? — удивился проверяющий.

- Я прошу вас, — настаивал Солоненко.

- Ну, хорошо, — согласился проверяющий. — Товарищ солдат, снимите, пожалуйста, китель.

Солдат повиновался.

— А теперь, — продолжая заводить, рявкнул Солоненко, — Пусть снимет тельняшку!

Боец снял и ее.

— А теперь пусть повернется к вам спиной!

Когда солдат повернулся, проверяющий увидел на спине здоровенный синяк, но формы довольно правильного круга.

— Что же это у вас за синяк на спине, любезнейший? — поинтересовался полковник.

— А это не синяк, — отвечал солдат, повернувшись к нему, это товарищ старший лейтенант Солоненко ударил меня вчера по спине миной ПМН, нажимного действия, в пластмассовом корпусе с резиновой мембраной.

Вес ВВ — 330 граммов, усилие срабатывания - 5 килограммов, применяемый запал — МД-9...

— Ну вот, — облегченно вздохнул проверяющий, — а вы говорили, ничего не знаете.

И вывел в ведомости оценку «отлично».

Долгие и продолжительные аплодисменты

В первой группе роты, которой командовал Солоненко, служил очень скромный во всех отношениях, в том числе и в умственном, солдат. Звали его Садыков Адыр Шахмирза-Оглы.

А первая группа, которой командовал в то время Якимовский Валерий Иванович, сдавала очередную проверку по политподготовке. Чуть больше месяца назад прошел очередной съезд «ума, чести и совести эпохи». Сейчас можно предположить, что в межсъездовские периоды все это существовало порознь. Ну, да не о том речь. Естественно, что основные вопросы на проверке по политподготовке были из материалов недавнего съезда.

Кто хоть раз учил эту дребедень, знает, насколько тяжело она учится. Когда же коммунистические бредни учит человек, который с трудом говорит по-русски, ситуация осложняется. Садыков, в силу упомянутого выше несчастья, самостоятельно не выучил бы материалы съезда и по-азербайджански. Нужно было что-то делать. Рота претендовала на звание отличной. Как обычно, распределили вопросы меж бойцами. Рядовому Садыкову же дали самую легкую часть — повестку дня, для того, чтобы он, в самом начале подняв руку, ответил. И уже чтобы о нем голова не болела. Но он и этого выучить не мог. Тогда в дело вступила методика ускоренного освоения программного материала. Причем о методах Илоны Давыдовой никто даже и не думал.

Адыр Шахмирза-оглы постоянно ходил с повесткой, а Якимовский или сержант его периодически просили без шпаргалки озвучить повестку. Поначалу он в ответ только молчал и глупо улыбался. Но когда за это стал получать в грудь хороший удар, стал задумываться. И, что называется, дело пошло. Непосредственно перед проверкой, когда ротный попросил доложить повестку дня съезда, Садыков довольно бодро начал рассказывать ее. Кому какая разница, что солдат не понимал о том, что говорит. Главное — четко и без запинки. Удовлетворенный ротный не дослушал текст и махнул рукой. Боец прервался.

На следующий день на сдачу, помимо проверяющего, пришел и начальник политотдела бригады.

Проверяющий из Управления Члена Военного Совета Округа принял доклад командира роты о том, что первая группа к сдаче проверки готова и бодро спросил:

— А какое важнейшее событие произошло в нашей стране буквально месяц с небольшим назад?

Тут же взметнулся «лес рук», и один из разведчиков бодро доложил, что с такого-то по такое-то прошел такой то съезд нашей родной коммунистической партии. Проверяющий остался доволен и спросил, может ли кто-нибудь доложить повестку дня съезда. Наш герой получил под столом пинка и поднял руку. Докладывал он четко и без запинки. То, что речь его не имела пауз, обозначающих запятые, проверяющего не смутило. Он довольно кивал. Глядя на проверяющего, заулыбался и начПО. Солоненко вздохнул спокойно, но когда проверяющий в ведомости уже выводил первую пятерку, солдат выдал: «Бурные продолжительные аплодисменты».

— Что? — не понял проверяющий.

— Бурные, продолжительные аплодисменты, — с чистым сердцем повторил солдат.

Проверяющий недоуменно посмотрел на начПО, а тот метнул молнию в Солоненко.

Солоненко же вспомнил, что не дослушал вчера Адыра Шахмирзу-оглы, а зря.

Для тех, кто никогда не читал материалы партийного съезда, поясню. В данной брошюре четко воспроизводилась атмосфера этого форума. После каждого значительного выступления или заявления выступающего, согласно сценарию съезда, следовала реакция зала. Как то: «Бурные аплодисменты», «Бурные и продолжительные аплодисменты», «Бурные и продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают и продолжают аплодировать стоя». Это писалось в скобках. Но боец, уставший получать за то, что чего-то не так сказал, чего-то недоучил, решил выучить абсолютно все, что отчеркнул ему в брошюре ротный.

И выучил, и рассказал.

С. Галаев, И. Ивлев. Штурм по заказу КГБ

Чужие задачи

В начале осени ... года в штаб семнадцатой бригады специального назначения ЧФ пришел запрос от территориальных органов КГБ с просьбой предоставить группу из восьми человек для учений по захвату террористов.

Мы решили, что нас планируют на роль террористов. Дело понятное и ближе нам по специфике работы. Поэтому взяли мы с собой иностранное оружие и гидрокостюмы. Старшим группы был назначен капитан 3 ранга В.П.Карагузов. В группу также входили два офицера — капитан-лейтенанты Ивлев Игорь и Галаев Сергей, а также шесть матросов срочной службы. Прибыли мы в Севастополь на КАМАЗе, где лежало все наше имущество, нужное для работы. Однако, как выяснилось, задача перед нами стояла прямо противоположная. Руководители учений сказали, что нам предстоит освобождать «Комету», захваченную террористами. Такая постановка вопроса весьма нас удивила. Освобождением заложников, да и борьбой с терроризмом мы никогда не занимались. Скорее наоборот. Об этом мы и сказали чекистам, руководившим учениями. На что нам ответили, что кроме нас эту задачу выполнить никто не сможет. Этот довод тоже нам показался малоубедительным, поскольку мы не знали ни специфики работы, ни тактики, да и на «Комете» ходили только по маршруту Одесса-Очаков в качестве пассажиров. Но слушать нас не стали. Дали в наше распоряжение «Комету» на сутки, после чего мы должны были показать руководителям и гостям, прибывшим на учения, как следует освобождать ее, захваченную террористами. Кстати, задача такая была поставлена не случайно. Дело в том, что быстроходное судно на подводных крыльях — идеальное транспортное средство для того, чтобы уйти в Турцию. Захватить его не представляет труда, поскольку в то время, да и, наверное, сейчас досмотр пассажиров и личного багажа не производится. От Севастополя до Стамбула — кратчайшее расстояние. Согласно легенде учения, судно было остановлено в наших водах пограничным катером, и с террористами ведутся переговоры об освобождении заложников. Однако террористы — люди, которым терять нечего, и они пойдут до конца. Они вооружены и имеют взрывное устройство. Перед убийством заложников не остановятся. Численность террористов нам предстояло определить самим с тем расчетом, что их группа блокировала все ключевые позиции судна, начиная с капитанского мостика и заканчивая Машинным отделением.

Изучение корабля и расчет противника

Прибыли мы на «Комету». Экипаж во главе с капитаном на месте. Все, что нам было нужно, показали. Потом мы ее еще раз сами облазили от носа до бака. Выяснили, как она устроена, где какие отсеки. Главное, было интересно, что видно с командирской рубки и с других мест, откуда можно контролировать корабль. Также уточнили для себя, сколько может находиться террористов в ходовой рубке и в других местах, сколько всего нужно иметь в группе террористов, чтобы полностью контролировать корабль. Нужно было понять, как они распределяют свои силы. Нам это сделать несложно, поставив себя на их место. Такая работа нам все-таки более близка. Получалось, что максимально необходимое число террористов будет человек шесть — семь. В ходовой рубке — как минимум двое. Еще один должен блокировать носовой салон, поскольку он довольно серьезно отделен от среднего и кормового. Эти салоны и открытая площадка тоже должны блокироваться террористами. Ну и, само собой разумеется, в машинном отделении тоже кто-то должен быть для того, чтобы следить за механиком. Нас же было всего восемь.

Потом прошли весь корабль в поиске «мертвых зон» для наблюдения со стороны террористов. Когда эта работа была завершена, нам стало ясно, что проникнуть на «Комету» можно только из-под воды. Ни одно плавсредство не могло приблизиться к «Комете» незаметно, поскольку из ходовой рубки был прекрасный обзор прилегающей акватории.

Выбор варианта

Завершив доскональное изучение корабля, мы пришли к единому мнению, что самый удобный вариант работы — это с крыльев «Кометы». Их у нее четыре. Нам это было очень удобно для того, чтобы на каждом из них расположилось по два человека. Выходить на крылья нужно из-под воды, с использованием специально изготовленных трапов. На надводных крыльях «Кометы» расположены спасательные плотники. Они и создавали мертвые зоны, Удобные для нашего передвижения. Мы неоднократно проходили

по кораблю и вычислили не только «мертвые зоны» для расположения там, но и «мертвые зоны» для движения. Каждой паре мы наметили маршруты движения к своим объектам. Например, Сергей Галаев шел правым с левого заднего крыла, пробежал по крыше «Кометы», прыгал в промежуточный салон и шел на блокировку среднего салона. И все это время он оставался вне зоны видимости. Слышать его шаги было можно, но видеть нельзя, вплоть до того момента, пока он не блокировал своим оружием центральный проход. Вторым с этого крыла справа шел матрос и подчищал задний салон. Ему помогала еще одна пара. Она блокировала открытую площадку и сам кормовой салон. Впереди пары распределялись таким образом. Один, который шел с правого крыла, блокировал ходовую рубку. В его задачу входило не допустить подрыва корабля. По нашему разумению пункт управления взрыва мог быть только там, у главного террориста. Второй шел в трюм к механику. Один из бойцов второй пары, работавшей на носу, должен был блокировать через стекло носовой салон, а второй, перебегая по верху, шел на блокировку среднего салона. Работать мы планировали только на поражение. Никаких попыток переговоров и предложений бросать оружие с нашей стороны не планировалось. Единственное, что могло спасти террориста в такой ситуации — это добровольное саморазоружение сразу с началом операции. Ситуация, которая нам предлагалась, была критической, и разговаривать было некогда.

Как быть с капитаном?

Единственная проблема, которую мы так и не смогли разрешить, заключалась в том, что была очень большая вероятность гибели капитана. Террористы, вероятнее всего, держали бы его в рубке. Здесь пришлось бы «гасить» всех, поскольку кто есть кто, не разобраться. Когда мы сказали об этом капитану, он возмутился: «Ребята, я же капитан, на мне фуражка и форма». На что мы ему ответили, что всех капитанов Черноморского пароходства мы в лицо не знаем, а и фуражку, и форму капитана может надеть террорист. Поняв весомость наших доводов, капитан грустно сказал, что пора увольняться на пенсию.

Поскольку мы не готовились к таким действиям, то и не взяли с собой необходимые средства связи. По идее, каждая пара должна быть радиофицирована и операция должна была начинаться по единому радиосигналу руководителя. Но в данном случае руководитель операции, капитан 3 ранга Карагусов, подавал звуковой сигнал с КАМАЗа, когда видел, что все мы готовы. Тренировались недалеко от морвокзала, и он мог видеть, как мы выходим на крылья, снимаем ласты, достаем оружие. Кстати, об оружии. Мы тоже пришли к единому мнению, что оружие нужно применять только бесшумное, причем нужно, чтобы оружие было готово к стрельбе еще в воде. Пары со своих крыльев начинали двигаться по намеченным маршрутам одновременно, но достигали своих объектов в разное время. Пусть это были секунды, но они могли повлиять на результат операции. Дело в том, что с началом операции пришлось бы стрелять по террористам, которые находились в салонах и в рубке. Террористы в машинном отделении не должны были слышать звуки выстрелов на палубе. Прокрутив все наши действия несколько раз, мы установили, что на всю операцию у нас уходит максимум семь секунд.

Потренировавшись, мы уехали отдыхать.

Пути Господни неисповедимы, а «мудрости» начальства нет предела

Утром следующего дня мы прибыли на Морвокзал, где и планировалось показывать, как мы будем работать. Там собралась довольно большая группа комитетского начальства. Кто там был, мы не знаем, да и не интересовались. На «Комету» поднялись чекисты в бронежилетах, изображавшие террористов и пассажиров. Мы уже, было, собрались показывать, что у нас получилось, но старший начальник «дал вводную». Он предложил нам атаковать «Комету», стоящую у пирса морвокзала. Мы сразу сказали, что затея эта бредовая, поскольку пока мы добежим до корабля, террористы могут и расстрелять пассажиров, и взорвать корабль, да и по нам открыть такой огонь, что без потерь не обойдется. А что такое в данной ситуации потери? Если убит или ранен хотя бы один боец, его задачу за него никто не выполнит. Но начальство стояло на своем и требовало, чтобы мы «сбегали в атаку». Тогда мы им произвели элементарный расчет времени, где на пальцах доказали абсурдность их предложения. Вроде бы согласились, но подкинули другую загадку, которая была не лучше первой.

Нам предоставили небольшой буксир, который должен был пройти рядом с «Кометой». В его машинном отделении мы и должны были прятаться. При прохождении рядом с «Кометой» мы должны были прыгать на ее борт. Такое мог придумать только человек, который этот буксир видел, максимум, с берега. Чтобы наглядно доказать бредовость и этой идеи, мы практически опробовали предложенный вариант. На то, чтобы

выбраться из машинного отделения через небольшой люк всей группе, уходило времени больше, чем для того, чтобы добежать до «Кометы» во время атаки. Слава Богу! Убедили.

Штурм и... повтор «на бис!»

Начальство, почесав голову, спросило, а что же вы нам можете предложить. Мы им изложили свой вариант. Но сразу оговорились, что поскольку задачи мы не знали, то и не взяли всего необходимого снаряжения. У нас костюмы были не на всех, средств связи, как уже было сказано выше, тоже не было. Но для того, чтобы чекисты поверили, что предложенный нами вариант реален, Сергей Галаев с матросом выбрались на крыло, используя трап, который мы предварительно сварили в школе водолазов. После этого пары разместились на крыльях в ожидании сигнала.

Все прошло как по-писаному, но в первый раз мы положили, не разбираясь, всех. Как потом оказалось, чекисты, изображавшие заложников, так называемые статисты, стояли в проходах и болтали о том, о сем. Но когда мы начали работать, досталось и им. Они потом возмущались, что они статисты, а их носом в пол. Но в реальной ситуации заложники не стоят и спокойно по кораблю не ходят. Террористы, как правило, сажают заложников на места и держат под наблюдением. Да и иначе невозможно контролировать такую массу народа. Согласились. Прокрутили все повторно.

Чекисты, работавшие за террористов, уже знали, что будет происходить, но все равно ничего сделать не смогли. Они потом восхищались. Один рассказывал: «Стою, наблюдаю. Вроде бы все спокойно, но тут вдруг у тебя перед носом возникает ствол, а потом появляется глаз». Мы не высказывали картинно, как в кино, а сначала наводили оружие. Сами «светились» минимально. Восторгу комитетчиков не было конца. Нас поблагодарили.

Мы уехали в часть. А наш опыт спокойно... забыли.

(Записал С.Козлов)

И. Ивлев. На затонувшем "Нахимове".

Предыдущий пример лишний раз подтверждает, что при организации нормальной боевой подготовки даже задачи антитеррора, возложенные на элитные подразделения ФСБ, может решать флотский или армейский спецназ, где служат солдаты и матросы срочной службы. А значит, возникает вопрос, стоит ли иметь в стране такое количество спецназов с разным руководством? Не проще ли создать единое командование, где специальные операции разрабатывали и проводили бы настоящие профессионалы?

Пятнадцать лет назад, 31 августа 1986 года, Союз облетела страшная весть. Теплоход «Нахимов» столкнулся с сухогрузом «Петр Васев». В результате столкновения «Нахимов» затонул, почти все пассажиры погибли. Комиссия, впоследствии проводившая расследование, установила, что причиной катастрофы стало грубейшее нарушение абсолютно всех правил, регламентирующих плавание судов. Но одной из причин было то, что вахтенный уснул, а когда заметил сухогруз, было поздно. Инерция идущего судна довольно высока. Несмотря на работавшие «задний ход» машины кораблей, столкновение было неизбежно. Но масштабы катастрофы были бы намного меньше, если бы в последний момент офицер, стоявший на мостике «Нахимова» не приказал отвернуть в сторону. Согласно тем же правилам, если столкновение неизбежно, то рекомендуется сталкиваться носовой частью. Она наиболее прочная и разрушительные последствия для корабля могут быть минимальными. Когда «Нахимов» «подставил» свой борт, он был обречен. «Петр Васев» как ножом вспорол борт теплохода, оставив пробоину площадью около 200 квадратных метров. Нахимов сразу затонул. Сотни людей потеряли своих родных и близких. Часть из них подняли. Другая часть, находившаяся в каютах, осталась на борту.

*

Сборы

О гибели «Нахимова» я узнал, находясь в Питере, у родителей жены. Дочь моя тогда пошла там в первый класс. Я был в отпуске, но меня срочно отозвали в Очаков. В нашу бригаду поступило распоряжение подготовить группу водолазов из пятнадцати — двадцати человек для работы на «Нахимове». Я шел в эту группу простым водолазом, хоть был в звании капитан-лейтенанта. Командовал группой заместитель командира бригады по водолазной подготовке капитан второго ранга Овечко. В основном в группе были офицеры и мичманы. Доктором, обеспечивающим спуски, был Кацюба Виктор Петрович.

В начале сентября, числа третьего или четвертого, мы вылетели на самолете Черноморского флота. В Анапу летели со снаряжением, а поскольку срок командировки был неизвестен, то брали с собой и теплые вещи. Все-таки, на носу осень.

В жизни ничего случайно не происходит. Все взаимосвязано. Только об этом, мы узнаем позднее, когда уже ничего изменить нельзя. На флоте есть четко установленный порядок, который незыблем, как флотский консерватизм. У всех моряков белая фуражка, как и летняя форма одежды, меняется на черную в ночь на 1 октября. Полищук перед отлетом непонятно почему пришел в черной. Начальник штаба части, естественно, отчитал его, но факт остается фактом.

Подготовка и начало работы

Когда прилетели в Анапу, первое, что увидели — это несколько рядов деревянных гробов. Тех, кого сразу достали, отправляли к родным для захоронения. Из Анапы прибыли в Новороссийск. С берега катером пришли на борт спасательного судна.

На корабле творился полнейший хаос. Никто ничего не знает. Нас никто не принял, где сидеть — неизвестно. Но делать то что-то нужно. Нашли свободное место на палубе, сложили свое имущество, аппараты, выставили охрану.

Вдруг подходит какой-то мичман и говорит:

— Вы где разложились? Здесь вчера трупы лежали, которые с «Нахимова» поднимают.

В первую ночь я почти не спал. Просто было негде. Но мы тоже не вчера родились. Отловили старпома. Потихоньку нашли и где питаться, и где разместиться. Чуть позднее пришла плавказарма, и мы перебрались на нее. Там условия жизни были вполне приемлемые. Баркас доставлял нас на СС, где мы проводили спуски. Потом мы возвращались обратно. Первый ознакомительный спуск делал я в паре со старшим лейтенантом Сергеем Мизгиревым.

Спустились днем. Осмотрели, как лежит корабль, прикинули, как работать. Спускались мы не сами, а на специальной водолазной беседке, где находился тяжелый водолаз. У него была связь с кораблем, он же через себя пропускал наши страховочные концы. И по возможности следил за нами. Мы просто держались руками за беседку. Это было довольно удобно. Нам не было нужды тратить силы и смесь на погружение и всплытие. Одна проблема - продуваться вовремя. От «Нахимова» до поверхности воды было тридцать семь метров. Беседка не доходила до корабля, который лежал на правом борту метра три. От нее мы уже начинали работать самостоятельно.

Задачи

Первоначально мы проводили разведку. У каждого из нас был план корабля. Мы заглядывали в иллюминаторы и при обнаружении трупов пассажиров помечали крестиками на плане эти каюты. После этого стали проводить взрывные работы. Для того чтобы трупы извлечь из кают, били отверстия в борту при помощи мин. Первоначально подорвали мину УПМ, которая служит специально для подрыва кораблей. Когда ее рванули, на спасателе полетели все манометры. В борту «Нахимова» образовалась дыра метра три, а от покойников, которые были по другую сторону борта, вообще ничего не нашли. Руководство попросило нас больше УПМ не использовать. Стали ставить другие мины, менее мощные. Но СПМ борт пробить не способна. Стали устанавливать их в районе дверей на петли. После того, как муть, поднятая взрывом, успокаивалась, под воду шли и тяжелые водолазы, и легкие, но со специальным снаряжением, которое позволяет работать на большей глубине. Они и доставали трупы.

Мины рвали электрическим способом. Поэтому когда шли под водой, кроме мины, тянули за собой саперный провод. После того, как мину устанавливали в нужном месте, вкручивали электродетонатор и подсоединяли его к саперному проводу. Уходя, аккуратно его укладывали. С корабля ее подрывали обычной подрывной машинкой КПМ-1А. Вот если взрыва не было, то — ЧП. Нужно было повторно спускаться и искать причину.

Подводные особенности

Работа — не сложная, если делать ее на суше. Но под водой существует масса нюансов.

Во-первых, мы спускались только ночью. Делалось это для того, чтобы за ночь муть успокоилась и днем могли работать поисковики. Во-вторых, в месте, где лежал корабль, было довольно приличное поперечное течение. Места установки мин были разные. Иногда везло, и ставить мину приходилось недалеко от беседки. Но бывало, что нужно было тащиться на другой конец корабля. А он длиной пятьсот пятьдесят метров. Для того чтобы не сносило, мы с напарником ложились на борт, каждый по своему ряду иллюминаторов и продвигались вперед рывками, подтягивая тело руками.

Кроме того, мы работали почти на пределе глубины, на которой позволяло работать наше снаряжение. Аппараты у нас были замкнутого цикла ИДА-71, которые работают на смесях. Человеку с погружением требуется все меньше кислорода для дыхания. До 15 метров он может дышать кислородом, но глубже от него наступает кислородное отравление. Поэтому на глубинах от 15—18 метров дышат азотно-кислородной смесью.

Кроме того, корабль был довольно аварийный. Торчали какие-то обломки, плавали запутанные веревки. Все это тоже усложняло нашу работу.

Крайний спуск

Под воду ходило четыре или пять пар. В основном офицеры и мичманы. Из моряков спускались, насколько я помню, один или два человека. Я всегда спускался с Мизгиревым. Каждая пара делала по два боевых спуска. Так продолжалось несколько дней.

9 сентября Овечко поставил мне задачу в присутствии какого-то инженера, который хорошо знал конструкцию судна. Действуя в этот раз в паре с мичманом Полищуком, мы должны были выйти и установить мины в указанном ими месте, для того, чтобы взрывом выбить очередную дверь в корабль. Напарника своего я знал пять лет. Он сначала служил под моим началом матросом, позже стал старшиной, а потом выучился на мичмана. Служили мы с ним в одном подразделении.

Примерно в пол-третьего ночи опустились под воду. В этот раз грести нам нужно было в одну из самых дальних точек. Отошли от тяжелого водолаза, сидевшего в беседке, опустились на борт и пошли вдоль него. Каждый тянул за собой провод. Цепляясь за иллюминаторы, дошли до нужной нам двери. Установили мины. Вставили электродетонаторы, проверили надежность их крепления. Проверили, не запутан ли саперный провод и, убедившись, что все в норме, махнули друг другу, что пора возвращаться. Под водой не поговоришь. Все объяснения только жестами. Посмотрели друг у друга давление в аппаратах. Оставалось еще за 100 килограммов — вполне достаточно для того, чтобы спокойно вернуться. Пошли той же дорогой, что и пришли.

Я - аварийный водолаз

Когда примерно половина пути была пройдена, я вдруг почувствовал, что гребу на месте. Обернулся, а мой страховочный конец натянут. Видно, когда я стал возвращаться, его своевременно не выбрали, и он своей петлей зацепился за какой-то выступ корабля.

Возвращаться и распутывать конец уже некогда. Я решил обрезать страховочный конец и идти без него. По правилам водолазной службы я становился аварийным водолазом. Мой напарник должен был меня особенно внимательно страховать. Но он в темноте не заметил, что я отстал, и шел немного впереди. Я стал двигаться дальше по своему ряду иллюминаторов и через некоторое время увидел свет лампы, которая была закреплена на беседке.

Оставалось уже совсем близко. Я смотрю, Юра не поднимается, а что-то задержался внизу. Я подплыл к нему и показал Полищуку обрезанный конец и нож, который так и был у меня в руке с того момента, как я обрезался. Но он отреагировал как-то вяло. Просто пожал плечами. Мне это показалось странным, но объясняться под водой невозможно, да и некогда. Немного обиженный таким невниманием, я подумал, что и без его опеки, сам доберусь до беседки. Добрался и сел спиной к тяжелому. Смотрю вниз, а там Юра копошится. Видно, что гребет, но не двигается, подняться к беседке не может. До него метра полтора. Я спускаюсь и вижу, что он так же, как и я зацепился страховочным концом, потому и не двигается. Я спустился к нему и своим ножом отрезал и его страховочный конец. Поднялись на беседку, уселись спиной друг к другу. Стукнулись аппаратами, мол, все в норме. Я по шлему тяжелого хлопнул, дескать, поехали.

Смерть Полищука

Ну и пошли на беседке вверх. Метров через десять меня тяжелый стал по аппарату стучать. Поворачиваюсь, а Юрки нет. Смотрю, а он вниз падает. Мы за ним вниз поехали. Тем временем тяжелый по телефону наверх доложил, что произошло. Там-то, когда мой свободный конец выбрали, поняли, что у нас не все в порядке, а тут и второй водолаз без страховки...

Спустились мы метров на сорок, беседка уже не вертикально, а с наклоном стоит. Отошел я от нее и пару кругов сделал в поисках Юрки. Но его нигде не было. Вернулся к беседке, подтянулся и тут меня тяжелый как схватит. Видно, ему команду с борта дали, чтобы хотя бы одного водолаза без страховки наверх доставил. Матрос меня держал крепко, так и поехал я наверх в своих тяжелых раздумьях. Поднялись на борт, переоделись. На борту-то, до самого нашего прибытия не знали, кто из водолазов под водой остался. Только когда я кошелек расстегнул, они поняли, что искать надо Полищука.

Подняли по тревоге всех тяжелых водолазов, и они пошли его искать. Подняли его через два часа, примерно в пять утра. Сразу в барокамеру, но как над ним Витя Кацюба не колдовал, он в 9.00 там и умер.

Позднее, Когда Виктор приехал со вскрытия, он рассказал, что Юрка сразу заполучил весь букет водолазных болезней. Внутри у S3 него все было оторвано.

Как потом было написано в заключении, предполагалось, что из-за того, что путь у нас был физически тяжелый, он израсходовал азотно-кислородную смесь раньше меня. Видимо, ему внизу, когда я показывал, что обрезался, уже было плохо. Когда же начался подъем, аппарат из-за отсутствия азотной смеси переключился на кислород. А поскольку это случилось на глубине, где кислородом дышать еще нельзя, произошло кислородное отравление, которое сопровождается судорогами. Из-за них Юрка и упал с беседки. А когда падал, то уже зацепил и баротравму легких и вс что вообще можно. К тому же лежал он на глубине сорок метров целых два часа.

Работы прекращены, дело закрыто

Всю нашу группу от спусков сразу отстранили. По факту гибели водолаза на меня было заведено уголовное дело, которое было закрыто только в ноябре.

Через два или три дня погиб второй водолаз, мичман Шардаков. Он работал на корабле в тяжелом водолажном снаряжении, но запутался внутри корабля в каких-то ковровых дорожках. Ему не смогли оказать помощь, и он умер от переохлаждения. Причем до последнего вздоха он был с кораблем на связи. На борту слышали, как у него голос угасал, но ничего не смогли сделать.

После этого случая все водолазные работы по подъему трупов были прекращены. Всего достали больше трехсот тел. Но ради остальных рисковать живыми людьми командование не пожелало. На «Нахимове» работали только водолазы военно-морского флота. Почему не привлекались гражданские, трудно сказать. Может быть, посчитали, что у военных техника лучше.

Позже нашу группу за эти работы отметили ценными подарками. Всех, кроме меня, поскольку я находился под следствием. Но мне было не до них. Когда дело прекратили, это было лучшим подарком.

С. Галаев. Палыч

Невидимая черта

В середине восьмидесятых Черноморский флот проводил очередные учения. От Очаковской бригады действовал второй отряд подводного минирования. В их задачу входило скрытное проникновение в акваторию порта и установка под водой специальных мин и зарядов, имитирующих уничтожение тех или иных кораблей. Как всегда, ПДСС оказались бессильны. Водолазы выполнили свою задачу. Одним из подводных диверсантов был сам командир отряда, капитан второго ранга... — попросту Палыч. Молдаванин по национальности, он был довольно простодушен, но необычайно физически силен и решителен в поступках. Забрать его должны были после выполнения задачи рано утром в районе Графской пристани. Это самое шикарное место в Севастополе. Но, как это частенько бывало, кто-то кому-то что-то не доложил, кто-то что-то забыл. Одним словом, штаб эвакуацию Палыча «протабанил», и машина за водолазом не пришла. Палыч с напарником, посидев в воде, решили вылезти на берег. Там все же теплее. Чтобы удобнее было ждать, они сели на набережную, свесив ноги. Может ли кто представить себе такую картину? Город русской славы начинает пробуждаться. В море гудят буксиры. На набережной появляется народ. А на Графской пристани в гидрокостюме мокрого типа «Каллипсо», положив ногу на ногу, сидят два человека. Ласты лежат рядом.

Вскоре появился патруль. Мичман, начальник патруля послал матроса для того, чтобы тот привел к нему непонятных водолазов. Матрос подошел к Палычу и сообщил ему приказ начальника патруля. На что Палыч спросил воинское звание начальника. А когда узнал, что тот всего лишь мичман, рявкнул, что он — капитан ВТОРОГО ранга, поэтому пусть начальник сам идет к нему. Матрос послушно вернулся к своему начальнику и доложил, что «они — офицер и явиться не будет».

Патруль в полном составе, развернувшись в цепь, стал подходить к непонятным субъектам, нарушающим своим видом утреннюю идиллию просыпающегося города. Увидев в их действиях агрессию, Палыч достал водолазный нож, который по своим размерам может легко конкурировать со спартанским мечом, очертил ногой линию в радиусе от себя три метра и сказал, что если кто-то пересечет эту границу, то он за себя не отвечает. Патруль рисковать не хотел. Противостояние нарастало.

Начальник патруля позвонил в комендатуру, сообщил об инциденте и попросил подкрепление. В комендатуре отреагировали. Тревожная группа убыла к месту. Одновременно дежурный, сообразив, что что-то здесь не то, стал звонить в штаб флота. В конце концов дозвонились в разведотдел, и там кто-то, хлопнув себя по лбу, вспомнил, что нужно было еще рано утром выслать на Графскую машину.

Когда офицер штаба прибыл на автомобиле на Графскую пристань, он застал такую картину. Толпа патрульных и их начальников в радиусе трех метров окружала Палыча, который гордо восседал на набережной, скрестив руки и оглядывая недобрым взглядом «комендачей».

Ни один не рискнул пересечь невидимую черту.

Вопрос

Палыч был настоящим профессионалом и «фанатом» спецназа. Он обладал феноменальной силой и таким же громовым голосом. Плавать он мог часами.

Однажды, когда корабль бригады стоял в нескольких кабельтовых¹ от берега, Палыч решил очередной раз поупражняться - он постоянно старался поддерживать форму. Тут на пустынном обрыве появилась группа гражданских лиц и что-то стала кричать, явно пытаясь связаться с кораблем. Палыч в это время нарезал уже, наверное, десятый круг вокруг корабля. Что хотели люди на обрыве, было непонятно. Голоса слышались слабо. С корабля пытались тоже кричать, но и на берегу, наверняка, их слышали плохо. Это препирательство длилось уже минут десять, когда Палычу все это надоело. Он приостановил свои тренировки, вынул загубник и гаркнул во всю свою луженую глотку: «Какого х.. надо?». Вопрос, видимо, достиг берега, потому что там народ быстро засобиравался и, понурившись, покинул обрыв.

«Старею!»

Однажды со своими подчиненными Палыч отрабатывал выход на берег группы в надводном варианте. Группа к берегу идет в связке, чтобы никто не отстал и не потерялся в темноте. Но это был учебный выход, и с катера прыгали днем. До берега было около мили². Время выхода на берег и время десантирования с катера фиксировалось. Как только группа оказалась в воде, Палыч скомандовал «Вперед!» и сам показал пример. Он молотил с такой силой, что бойцы не поспевали за ним и практически шли на буксире. Вытащив группу на берег, он спросил время, за которое они приплыли к берегу. Когда узнал, то огорчился, сказал: «Старею!», сплюнул и отошел. Бойцы обалдело сидели на берегу и все еще долго не могли придти в себя.

«Отдайте приказ!»

Палыч был весьма решительным человеком.

Однажды на совещании офицеров командир бригады капитан 1 ранга Ларин поднял вопрос о психологической готовности личного состава к выполнению боевой задачи. Рассуждая на эту тему, он задал провокационный вопрос: «А кто из вас, товарищи офицеры, мог бы убить человека?». Поскольку среди присутствующих желающих сразу не нашлось, Ларин сказал: «Перебороть себя в этом плане довольно сложно. Вот видите, даже среди офицеров нет таких, кто не раздумывая...».

Он не успел закончить. Палыч, до этого читавший какую-то книгу, закрыл и отложил ее в сторону: «Товарищ командир! Я могу! Скажите только, кого, и отдайте письменный приказ».

Успокоил

Видимо, его решительность читалась во всем, и моряки откровенно побаивались его. Да и вида он был страшноватого. Однажды, когда, согласно задаче очередных учений, группа, которой командовал Палыч, должна была высадиться на охраняемый берег, произошел такой казус. Группа скрытно вышла из воды, но по берегу ходил солдат и обойти его было никак невозможно. Рельеф берега не позволял. Тогда Палыч решил пленить его. Он скрытно подобрался к бойцу. Обхватив его за шею сзади левой рукой и зажав рот правой, он хотел сказать солдату, чтобы тот не дергался. Чтобы успокоить солдата, он заглянул ему в глаза. Но ничего доброго сказать не успел. От неожиданности, а скорее всего от вида лица Палыча, которое вдобавок ко всему было обтянуто об турбаном и покраснело, а глаза налились и навывали сверкали белками в свете луны, боец потерял сознание.

(Записал С.Козлов)

1 Кабельтов - морская единица расст., 1/10 морской мили, или 185,2 м.

2 Миля морская — единица расст., 1852 м; м. сухопутная — 1609 м.

С. Галаев. Пешком по советским тылам

Задача и условия игры

Учения эти были организованы КГБ СССР в 1988 году. Согласно задаче, две наших группы численностью шесть и семь человек соответственно, должны были высадиться с воды. Одна - в Одесской области, другая - в Херсонской. Я был назначен старшим. Со мной было еще два офицера, Шилкин и Поздняков. В дальнейшем нужно было выйти в район г. Остер в 120 километрах севернее Киева для уничтожения объекта. Сам объект был обозначен палаткой, но охрана и привлеченные силы противодействия были вполне реальными. Их было около 120 человек. Они организовали охрану и оборону объекта и окрестностей, а также активизировали агентурное противодействие в зоне наших предполагаемых действий.

Для движения нам обозначили коридор. В районах нашего движения органы КГБ и милиции были оповещены о действиях «диверсантов». Для нашей поимки были выданы органам противодействия словесные портреты офицеров. Кроме того, мы должны были в ходе движения как бы «подсветиться», оставив некие следы своего пребывания. Это нужно было для того, чтобы чекисты территориальных органов во взаимодействии с органами милиции и местными органами власти смогли отработать свои действия в подобных ситуациях. В Черкасской области в районе г. Смела для нас был заложен тайник с продовольствием. По плану учений мы должны были выйти на связь с агентом и поручить от него описание тайника. Нам разрешалось действовать в гражданской одежде и даже пользоваться транспортом. Запрещалось только захватывать его.

Обеспечение

С собой мы взяли средства связи, оружие, имитационные средства и боеприпасы, маскхалаты. Но основной вес составляло продовольствие. Мы получили по 24 пайка на каждого члена группы. Как тащить такую кучу консервов, было непонятно. Пришлось о провести ревизию содержимого сухих пайков. Брали только тушенку, сгущенку, сало и шоколад. То есть максимально калорийные продукты. Галеты мы оставили, поскольку на группу было выдано 200 рублей. Деньги, по советским временам, немаленькие.

В случае чего, мы бы могли зайти в магазин и купить что-то из продовольствия, тот же хлеб, например. Для того, чтобы своим внешним видом не бросаться в глаза, пришлось искать различные рюкзаки. Не могли же мы идти все с РД-54. Поскольку, хоть группа и двигалась преимущественно по лесам, но на открытых участках могла легендироваться под туристов и т.д. Например, через р. Днепр в районе Черкасск-Золотоноша мы переезжали на электричке. Форсировать Днепр вплавь было незначем.

Группы совершали постоянно пешие переходы по 40—50 километров в день. Ночлег организовывали в лесу. В районе г. Кировограда наши две группы соединились, и дальше уже я возглавил всю группу.

Изъятие тайника

По нашему наблюдению, под Смелой, при изъятии тайника, нам пытались посадить «на хвост» наблюдение. Но мы от него оторвались, уйдя напрямик через лес, используя только карту.

Несмотря на то, что на разборе учений никто так и не сознался в этом, поведение отдельных выявленных личностей выглядело более чем странно. Например, мужик совершенно не сельского вида, но одетый под

крестьянина, сидел, скучая, у трактора. Увидев четверых разведчиков, следовавших мимо к месту закладки тайника, вскочил и начал зачем-то стучать по трактору. Разведчики прошли, и мужик снова успокоился. Трактор же как стоял, так и остался стоять. Он, видимо, подавал звуковой сигнал своим товарищам. Чекисты наивно полагали, что мы к тайнику будем ходить несколько раз. А мы, сложив все в плащ-палатку, унесли груз через лес, минуя дороги и тропы, где могли быть засады. Знание топографии и умение работать с картой были нашими неоспоримыми козырями в этой игре. В тайнике мы взяли по паре банок шпрот и сгущенки на каждого. Три трехлитровых банки сока. Также там оказалось три рыбины кеты и сала хороший ломоть. В июле месяце на переходе это было «очень необходимо». Но в целом, закладка была сделана неплохая. Чекисты не поскупились, за что им спасибо. Есть на переходе очень хотелось. Продукты экономили, и приходилось подкапывать картошку на полях. Варили и ели ее практически нечищенную. Кто-то на начальном этапе попытался ее очистить, но вскоре заметил, что к концу процесса картошки в ведре почти не осталось.

В заданном районе

В конце концов, дней через девятнадцать, мы вышли в заданный район. Я с самого начала предполагал, что основные силы чекисты бросят на охрану и оборону объекта и ужесточение контрразведывательного режима в районе его расположения. Так оно и оказалось. В округе мы постоянно замечали каких-то непонятных «грибников», неведь откуда оказавшихся в такой глуши «влюбленных» и тому подобных «сомнительных граждан». Они, практически, при помощи своей агентуры перекрыли все подходы к объекту. Но у нас был один и большой плюс: мы их видели, в то время как они нас - нет. Недалеко от объекта, расположенного в лесном массиве, находилась молочная ферма. От нее через открытый участок поля шла проселочная дорога в этот самый массив, перед которым был мостик. Массив хорошо охранялся.

Чекисты предполагали, что, совершив такой переход, мы будем валиться с ног и поэтому к объекту выйдем с юга. На лишний крюк у нас, по их расчетам, сил не должно остаться. Именно этому направлению было уделено повышенное внимание. Но силы у нас были, и с большим запасом.

К объекту мы вышли с востока. Причем мы заранее обошли опасный участок по совершенно непроходимому лесу. Недалеко от какого-то пансионата мы организовали базу. Расположились под видом команды спортсменов. Из «дождей»* соорудили палатки, состыковав их. Ходили купаться и потихоньку собирали разведывательные сведения о районе и обстановке в нем.

Выяснилось, что недалеко располагается мотострелковая дивизия. Бойцы из нее периодически убегают, а остальные их ловят. Это было на руку. В случае чего, можно было сработать за группу по поимке дезертиров.

Подготовка к налету

Оставили на базе охранение и радистов, а сами, сложив в рюкзаки автоматы и маскхалаты и взяв на всех одну удочку, под видом рыболовов отправились громить «объект». В лесу переоделись, нанесли на руки и лицо грим и приступили к доразведке системы охраны и обороны объекта.

Выявив расположение охраны, разработали план. Налет решили проводить тогда, когда время на выполнение задачи практически истекало.

Для проведения налета мы разделились на две подгруппы. Одна из них, в составе трех человек, заходила с севера. Ей предстояло, практически, ползти к объекту. Другая группа из пяти человек действовала со стороны молочной фермы. По нашим наблюдениям, на ней чекистов не было. Завалившись на ферму в маскхалатах, мы начали опрашивать колхозниц, не видели ли они беглого солдата. Пока вешали дояркам «лапшу», заговорили о том что неплохо было бы молочка испить. То да се.

А когда у вас дойка? А когда машина за молоком приедет?

Выяснили, что скоро. Именно это нам и нужно было. Мы решили использовать колхозный транспорт для выполнения задачи. Когда приехал грузовик, мы попросили водителя нас немного подбросить. Он не возражал, и мы забрались в кузов, где сразу легли. Отъехав немного от фермы, мы постучали по кабине. «Водила» остановился спросить, что у нас случилось. Но случилось не у нас, а у него. Мои парни резво вытащили его и напарника из кабины. Объяснив, что у нас идут учения, и извинившись за хлопоты, мы сели в кабину и двинулись к объекту, оставив мужиков в поле, недалеко от фермы. Телефона там не было, и помешать они нам никак не могли.

Налет

Мы с водителем маскхалаты по пояс сбросили, оставшись в каких-то футболках. У меня за время похода отросла борода. На первых порах могли запросто сойти за колхозников. Остальные остались в кузове. Пост чекистов находился у мостика. Заподозрив неладное, они попытались нас остановить, но тут мы открыли огонь из автоматов и рванули к «объекту», до которого было метров сто. Взорвали пару взрывпакетов, обозначив его уничтожение.

К началу наших действий вторая подгруппа выползла прямо к "объекту" и находилась от него в пяти метрах. Они тоже обозначили подрыв «объекта». Чекисты попытались оспорить выполнение нами задачи, сказав, что сто двадцать человек, открыв огонь, нас бы уничтожили, не позволив приблизиться к «объекту», но тут показалась вторая подгруппа, встав из травы. Вопросы отпали сами собой.

Уроки учений

Для обучения чекистов мы тут же провели два показательных занятия прорыву и укрытию в схронах. Но закапывались не все. Схрон вырыли для одного разведчика и замаскировали его.

Указав участок, где спрятан разведчик, мы предложили его найти. Но дважды прочесав местность, чекисты его так и не обнаружили. Они были потрясены, когда по нашей команде из земли поднялся разведчик. Как говорили контрразведчики, эти учения наглядно показали многие их просчеты.

Многому научились и мы. В ходе этих учений я пришел к убеждению, что при выполнении боевых задач в тылу противника ни о каком РД-54 речи быть не может. Я сам шел с РД-54, который был довольно сильно усовершенствован, но и это не решало проблему. При длительном и автономном выполнении боевой задачи рейдовым способом, когда нет возможности заложить необходимое в тайник или оставить на базе, малая емкость рюкзака не позволяет ни разместить, ни переносить все требующееся разведчику для выполнения боевой задачи. Не подходит для этого и каркасный рюкзак типа «Ермак». Не подходят для этих целей и гражданские туристические рюкзаки.

Учения показали, что для решения специальных и разведывательных задач рейдовым способом необходим очень четкий подбор необходимого имущества и вооружения для того, чтобы не снижать мобильность группы. Постоянные длительные переходы и без излишних весовых нагрузок весьма утомительны и сильно влияют на боеготовность группы.

Учения также показали и, какую обувь следует использовать при совершении длительных переходов. До учений многие считали кроссовки идеальной обувкой. Но когда нам пришлось проходить в сутки по ... километров в течение двух недель, то стало очевидно, что от нагрузки продавливается сама подошва стопы. Дело в том, что кроссовки рассчитаны на вес человека. Когда же за плечами 30—40 кг, то при ходьбе по твердому грунту подошва кроссовок перестает амортизировать. Лучше всего для таких переходов подходят, на мой взгляд, наши армейские ботинки с высоким берцем. В ботинок нужно обязательно вложить войлочную стельку и никаких проблем на марше у вас с ногами не будет. Высокие берцы защитят голеностоп от вывихов и растяжений при движении по пересеченной местности. А мягкая стелька ботинка защитит стопу от надавливания, вызванного длительным переходом с большим грузом. Совершая краткосрочные выходы с небольшим грузом, мы никогда бы не приобрели такой ценный опыт.

К сожалению, с того времени прошло почти десять лет, а выводы о необходимости изменения снаряжения и обмундирования подразделений специального назначения до сих пор не сделаны. В Чечне за плечами спецназовцев болтается все тот же РД-54.

*«Дожди» - надувной матрац, зеленый с одной стороны и желтый с другой. Входит в комплект экипировки разведчиков СпН.

С. Денисов. Чурка-чуркой

С Боцманом мы познакомились в карантине учебной дивизии. Боцманом его прозвали за плотную и приземистую фигуру и походку «вразвалочку».

Пока шла подготовка к прыжкам, он успел и мне и всем во взводе надоесть своими рассказами о том, как он любит прыгать с парашютом. Парашют он укладывал бойко, на предпрыжковой подготовке тоже не «тормозил». У всех он числился заправским парашютистом. Когда нам объявили, что завтра подъем в пять, а в пять пятнадцать мы должны быть на складе ПДИ для получения парашютов на прыжок, Боцман крикнул «Ура!» и двинул меня в плечо.

Утро было ясным, и погода обещала быть хорошей. На старте составили наши парашюты «в козлы» длинными рядами. ПДСники быстро засновали вдоль них, проводя внешний осмотр.

У всех, кто прыгал раньше, и кто не прыгал совсем, настроение было истерически приподнятое. Это примерно как улыбка, сведенная судорогой. В армии прыгали все первый раз, естественно, за исключением отцов командиров и сержантов. Они-то знали главную особенность десантной службы: «Десантник три минуты - орел, а все остальное время — лошадь».

Построились по корабельным группам, прошли проверку на старте и, отойдя несколько метров, сели на траву.

Улыбаясь, к нам подошел замполит. Я думал, что он, как и положено, «инженеру человеческих душ», скажет что-нибудь напутственное.

Но он, не переставая улыбаться, сказал нам с Боцманом, пнув по нашим стопам:

- Салаги! Свисток видите?

Мы дружно кивнули.

- Как только свистну, оба ко мне! Ясно?

Мы, дернув на земле ногами и руками, сказали: «Так точно!»

- Ну и ладно, — сказал довольный замполит и закурил, отойдя в сторону. Он явно выпендривался перед новичками.

- А зачем это мы ему понадобились? — спросил я негромко Боцмана.

Тот недоуменно пожал плечами. Загадка так и повисла бы в воздухе, если бы не сержант, сидевший рядом.

— Парашют его на себе на старт потащите, — сказал он и усмехнулся.

Это в наши планы не входило. Боцман разнюхал, что на старте по случаю первого прыжка будет работать солдатский «булдырь»: лимонад, печенье, сгущенка и прочие солдатские радости.

— Пошел этот фронт на хрен! — зашептал мне Боцман на ухо. — Как только свистнет, сразу падаем и лежим, пока он сам свой купол не утащит или еще кого-нибудь не найдет. А потом скачками рвем к буфету!

Я не возражал. Перед самолетом нас расставили по весу. Получалось, что я должен прыгать сразу за нашим сержантом, здоровым парнем из-под Тамбова. Далее шел Боцман и все остальные. Замполит прыгал в середине потока.

Мерный гул мотора Ан-2 прервал отрывистый сигнал сирены. Выпускающий открыл дверь и показал нам, чтобы мы поднялись. Мы встали, расставив пошире ноги, положили левую руку на «запаску», а правую — на кольцо и уперлись головой в купол впереди стоящего. Выглядывая из-за сержанта, я с интересом разглядывал в дверь игрушечную землю в разноцветных лоскутах лесов и полей. Сирена загудела, и я увидел, как в двери пропал сержант. Автоматически, как учили, я приблизился к двери.

Мысль: «Главное — не засрать!», пришла одновременно с хлопком выпускающего по плечу. Уже вываливаясь, в голову пришел дурацкий ответ: «Кто ссыт, тот гибнет!». Поток воздуха наполнил рот, который я почему-то открыл, рывок и в ушах засвистел ветер. Я летел на стабилизации. Опять пришла мысль: «Блин, считать же надо!». В голове пронеслось: «Пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три. Купол!». Купола не было. «Странно!» — подумал я и уже, было, собрался дернуть кольцо, но сработал прибор, и я начал куда-то проваливаться. Кишки вместе с душой из пяток переместились под горло. Хлопок, рывок, и я повис в абсолютной тишине. Ощущение было неземное. Как сказал потом один мой знакомый: «Выше пологового». Чувства переполняли. Я осмотрелся и увидел Боцмана. Он был выше меня. Я помахал ему рукой, но он не ответил. Ко всему его стремительно несло на меня. Раздумывать было некогда, и я вспомнил, чему учили на земле.

— Тяни задние! — что есть мочи заорал я и сам натянул задние лямки.

Но Боцман не реагировал. Схватившись руками за лямки, ой смотрел на меня стеклянными, ничего не выражавшими глазами.

Продолжая тянуть изо всех сил, я еще раз ему крикнул, но теперь уже попросту: «Уе...вай!».

Результата не было, и Боцман через несколько секунд ударился о стропы моего парашюта. Нам повезло, что ноги у него были в стороны, и он, ударившись, отпружинил от строп.

Самое поразительное, что выражение его лица и поза не изменились.

- Му...ак! — заорал я что было мочи. — Тяни левые!

Не помню, как мне это пришло в голову, но и сам я натянул левые лямки. Ударившись еще раз «деревянной» мордой о стропы, Боцман на своем куполе ушел от меня вправо. Успев только от души матюгнуться, я увидел, как набегающая земля. Приземлившись, я увидел, как справа, метрах в пятнадцати-двадцати, на землю рухнул Боцман, как был с ногами враспырку. Я был уверен, что он обязательно что-нибудь сломает.

Но самое поразительное было то, что, ударившись о землю, Боцман резво вскочил на ноги и... запел.

Освободившись от подвесной, я побежал ему навстречу:

— Му...ак! Из-за тебя мы чуть не разбились! — я готов был его к убить.

Но Боцман радостно улыбался и не понимал, о чем я кричу. Странно, но он не помнил из того, что было в воздухе, ничего. Пока мы выясняли, кто прав, подошел замполит, уставший свистеть, и, оставив свой купол, потрусил на старт. Всю дорогу, неся свои и замполитовский парашюты, мы не переставали ругаться. Понятное дело, что, когда мы пришли, в «булдыре» было пусто.

Как потом выяснилось, Боцман впадал в ступор, находясь в воздухе. В самолете был бодр и на земле весьма весел, а в воздухе ничего не соображал.

Если вы думаете, что его перевели в пехоту, то скажу — нет. Он успешно закончил учебу, а потом отслужил в ВДВ, совершил около двадцати прыжков, оставаясь в воздухе чурка-чуркой.

(Записал С.Козлов)

С. Галаев. С неба под воду с высоты 80 метров

Рекорд с практической целью

В июле нынешнего года исполнилось пятнадцать лет с момента уникальных испытаний, которые проходили в 17 бригаде СпН, входившей тогда в состав Черноморского флота. Говорят, что идея совершения серии прыжков с парашютом со сверхмалых высот принадлежит парашютисту-испытателю, мастеру спорта Гайдаю. Но в то время активным проводником идеи в жизнь и человеком который занимался руководством в ходе прыжков, был заместитель командира бригады по воздушно-десантной подготовке, в ту пору подполковник, Василий Данилович Поздняков.

До этих испытаний предельно малой высотой для десантирования считалась высота 100 метров. Руководители проекта решили пойти дальше и опробовать возможности парашюта ПВ-3 при десантировании водолазов-разведчиков с меньших высот. Практическое обоснование этому было. Соккрытие факта и места десантирования разведывательной группы — одно из основных составляющих успеха ее действий в тылу противника. Дело в том, что при десантировании групп специального назначения самолеты и вертолеты, так или иначе, попадают в зону видимости радиолокационных средств слежения за воздушным пространством. Только на сверхмалой высоте летательный аппарат становится незаметным для радаров. В связи с этим и было решено выяснить минимально безопасную высоту десантирования разведчиков из самолета Ан-2 на воду, как в обычных костюмах мокрого типа для последующего надводного движения к берегу, так и в водолазном снаряжении с последующим уходом под воду.

Отбор и подготовка

Для испытаний была отобрана группа офицеров и мичманов. Основным критерий отбора — хорошая реакция и опыт совершения прыжков на спортивных куполах. Последнее было необходимо, поскольку отделение от самолета осуществлялось только по-спортивному. То есть парашютист не вываливался из самолета, о сжавшись в комок, как учат десантников, а выходил, «ложась на поток». Такой способ требует определенных навыков, поскольку

правильного отделения зависела работа парашюта. Поэтому, во-первых, в группу входили все мичманы нашей спортивной команды. Как-никак, а для такого эксперимента их опыт был необходим, в группу вошли В.Д.Поздняков и Г.П.Сизиков, направлонец по воздушно-десантной подготовке, прибывший из Москвы. Для отработки десантирования в водолазном снаряжении из боевых подразделений были отобраны в группу Е.Н.Демин и я. У меня к тому времени уже было больше сотни прыжков и половина из них на спортивных куполах.

Перед прыжками отработали укладку. Поскольку высоты было мало, применялась так называемая прямая схема, когда парашютист за кольцо не дергает. Это даже не прыжок с принудительным раскрытием, который называют «на веревку», поскольку в данном случае и самой веревки-то (обрывного шнура, как на Д-1-8) нет. Фал от троса цеплялся к карабину стабилизации. При раскрытии обрывалась обычная контровка. Потом отработали на земле отделение. Как я уже сказал, важно было правильно «лечь на поток», чтобы тебя при отделении не закручивало и чтобы все части парашюта работали четко и быстро. При таком дефиците высоты

в воздухе некогда исправлять ошибки, допущенные при отделении, а они могут стоить жизни. Но, опыт был, и по данному вопросу сомнений не возникало. Занятие имело место, скорее, для порядка.

Чем ниже, тем страшнее

Закончив подготовку на земле, начали прыжки. Первые прыжки были проведены с высоты сто двадцать метров. В большей степени они нужны были для адаптации участников эксперимента к сверхмалым высотам. Кто прыгал с парашютом, знает, что прыжок с парашютной вышки психологически страшнее, чем из самолета. Фокус заключается в том, что земля близко. Примерно такое же ощущение и когда прыгаешь со сверхмалых высот. Эффект усугублялся линией берега, которая в этом случае была почти вровень с бортом самолета. Запасные парашюты не брали. Для ввода их в действие просто не было ни времени, ни высоты.

Скорость десантирования на каждой высоте менялась дважды. Сначала бросали на скорости 140 километров в час, а второй прыжок делали на скорости 160. С земли проводили хронометрирование всех элементов прыжка и просматривали визуальный запас по высоте. Прыгали по несколько раз в день для того, чтобы минимизировать эмоциональный фактор и в большей степени задействовать рабочий. Высоты постепенно снижали на 10 метров. С высоты 80 и 70 метров прыгали восемь человек. С 60 — четверо, в том числе и мы с Евгением Николаевичем Деминим. С 50 метров прыгал один Поздняков. Для фиксации условий совершения прыжка с 50 метров были привлечены посторонние арбитры. Прыжок фиксировался как мировой рекорд.

Прыжки с контейнером

Отработав предыдущую задачу, мы перешли уже к прыжкам в водолазном снаряжении с грузовым контейнером, поскольку сама система укладки парашюта предусматривала десантирование с контейнером. Контейнер применялся ГК-3Оум. Эти прыжки с высоты восемьдесят метров совершали только мы с Деминим. Прыгали по шесть прыжков в день. Как всегда, основное внимание уделялось укладке. Аппарат ИДА-71 включался в самолете.

Десантироваться по-прежнему нужно было «на мотор». Со всем этим добром на тебе, дело это не очень простое. Но мы справились. Кольцо контейнера приходилось дергать сразу после открытия парашюта. Контейнер проваливался на девять метров фала, а за ним уже ты входил в воду. Специально для того, чтобы контейнер исправно работал, его набивали обрезками бревен. Они давали нужный для работы ГК вес и не тонули после десантирования. Опыт прыжков с ГК у нас, да и у наших подчиненных, был немалый. Поначалу бойцы набивали ГК камнями и прочим неплавучим хламом. Но при попадании в воду ГК начинал тянуть на дно, и бойцы, если и не тонули, то водицы морской хлебали вдоволь.

Наши же контейнеры мирно плавали рядом с нами. На нас были надеты спасательные пояса АСП, которые надувались сжатым воздухом из небольших баллонов, входящих в их комплект. Поскольку уходить под воду мы не собирались, нам нужна была положительная плавучесть до подхода дежурного плавсредства.

Мы - рекордсмены

Надо сказать, что все экспериментальные прыжки прошли ровно. Не было никаких сбоев, и тем более ЧП. Сказались опыт и серьезное отношение к своему делу. После этого, спустя два месяца, в сентябре моя группа на учениях десантировалась в водолазном снаряжении с высоты 300 метров. Прыгали обычные срочники, так же, как и мы в июле, без запасных парашютов. Несмотря на то, что дело это было новое, десантирование прошло успешно. После приводнения группа скрылась в волнах Черного моря и под водой достигла берега. Задача также успешно была выполнена.

Насколько мне известно, наш опыт не повторил никто в мире. Поэтому нас можно считать рекордсменами.

(Записал С.Козлов)

С. Козлов. Вместо предисловия

Эта часть в книге не случайно называется так. Несмотря на то, что спецназ в Афганистане выполнял несвойственные ему задачи, во-первых, выполнял он их блестяще, хоть это был его первый боевой опыт, а во-вторых, спецназ был, наверное, единственной силой, которая могла эффективно бороться с повстанцами. Это признали все — и военное руководство страны, и моджахеды, и даже международная пресса. Также следует

сказать, что в период афганской войны спецназ обеспечивался всем необходимым в большей степени, чем когда-либо за всю его историю. Батальонам были приданы как боевые, так и транспортные вертолеты, работавшие только в интересах спецназа. Я помню, как, периодически посещая наш отряд, начальник штаба ТуркВО генерал-лейтенант Гусев (в последующем заместитель начальника ГРУ) всегда спрашивал, не нуждаемся ли мы в чем-либо. И очень огорчился, когда мы говорили, что нам ничего не нужно. Он считал, что когда мы ничего не просим, мы самоуспокоились и перестали думать о том, как переиграть противника. Не было случая, чтобы наша заявка не была исполнена, максимум, в недельный срок.

Правда, однажды произошел такой случай, но не по вине Гусева.

Для закрытия одного караванного маршрута и проверки эффективности очередной идеи, мне понадобились специальные сигнальные средства (ССС) «Реалия-у». Это комплекс датчиков, фиксирующих электромагнитные и сейсмические изменения в районе рубежа, на котором они выставлены. Таким образом, они способны зафиксировать: движение людей с оружием или без него, животных и транспортных средств. Генерал-лейтенант Гусев, которого за глаза все звали «Папа Гусев», пообещал, что скоро взвод роты СССР прибудет к нам. Выполнение этой задачи он поручил заместителю начальника штаба 40 ОА полковнику Симонову.

Время шло, но, ко всеобщему удивлению, обещанное не было исполнено ни в течение недели, ни в течение второй. Гусева потому и звали папой, что бывал у нас по несколько раз в месяц. По истечении второй недели он вновь посетил наш отряд. Когда я напомнил ему о «Реалиях» и сказал, что, несмотря на его обещание, они к нам не поступили, он пришел в ярость. Несчастливого Симонова он «задрал» прилюдно. Причем никакие оправдания, что все системы задействованы на охране аэродромов, во внимание не принимались. Спустя три дня взвод роты СССР выгружал свои ящики с аппаратурой на кандагарском аэродроме, а я окончательно испортил отношения с полковником Симоновым.

Приведенный пример свидетельствует о том, насколько высоко ценились действия спецназа. Для того, чтобы вытащить группу, ведущую бой, могли быть привлечены любые силы и средства. К сожалению, это осталось только в истории.

В первой книге тактика спецназа в Афганистане была показана на примерах, главным образом, кандагарского отряда. В этой книге я решил написать как бы мини-историю частей спецназа в Афганистане в боевых примерах.

Думаю, что это весьма актуально. К сожалению, серьезного анализа действий спецназа в ДРА Главное Управление так и не сделало, если не считать небольшую брошюру, написанную С. Баленко. Считалось, что это нехарактерные для спецназа действия. Мне кажется, что этого недостаточно, поскольку память человеческая недолговечна, многое забывается. Сейчас восполнить пробелы в памяти, заглянув в документы, уже невозможно. Их просто нет. Не так давно я узнал ужасную новость — в середине 90-х были намеренно уничтожены все оперативные дела групп и отрядов специального назначения, действовавших в Афганистане. Бесценный клад информации, на которой можно было защитить не одну диссертацию и, что важнее, написать учебники, перестал существовать.

Справедливости ради стоит сказать, что сейчас, когда идет вторая война в Чечне, многие думающие люди в силовых структурах все больше обращают свой взгляд на ту войну, охватившую восьмидесятые годы прошлого века. Все это разумно. Есть время взбрасывать камни, и время их собирать.

Часть III. АФГАНИСТАН - ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС СПЕЦНАЗА

Кабул. 459 орСпН

459 орСпН (отдельная рота специального назначения) была сформирована в январе 1980 года на базе 15 обрСпН в г. Чирчик. Первым командиром роты стал капитан А. Латыпов. Рота своим ходом в составе колонны армейского комплекта разведки в начале февраля 1980 года прибыла в г. Кабул. До начала 1984 года разведорганы роты работали на территории всего Афганистана, нагоняя ужас на моджахедов. С вводом на территорию третьего и передислокацией первого и второго отрядов зона ее действий сократилась. А с 1985 года была ограничена провинцией Кабул. Рота вышла из Афганистана в 1988 году и прибыла в г. Самарканд. С передачей частей специальной разведки ВС Узбекистана, рота вошла в их состав. На ее базе был развернут отряд специального назначения.

Ян Кушкис. Засада в карьере

В эту ночь решила вражья стая...

В конце августа 1984 года по данным, поступившим из ХАД, группа моджахедов из ИПА (Исламская партия Афганистана) в составе до 40 человек намеревалась этой ночью совершить налет на склады с оружием Цорандой, которые находились на окраине Кабула. Разведуправлением 40 Армии (тогда еще не была создана группа «Экран», в дальнейшем занимавшаяся координацией действий спецназа) роте была поставлена задача пресечь эту попытку.

С самого начала подготовки к операции мы довольно скептически отнеслись к предстоящему сотрудничеству с афганцами, наученные предыдущим горьким опытом. Но, как показали дальнейшие события, в этот раз полученные сведения не были чьим-то бредом или специально подсунутой «дезой».

В ходе планирования операции командир роты, старший лейтенант Кириченко, совместно с представителем ХАДа в первой половине дня выехал в предполагаемый район действий для уточнения деталей. Сразу поясню, что для целей оперативной маскировки в роте имелся довольно разнообразный набор средств: от комплектов национальной одежды и обмундирования афганской армии и до легковых автомашин с афганскими номерами. В этот раз была использована легковая автомашина «Datsun» и соответствующий гражданский наряд.

На основе результатов разведки были определены возможные маршруты подхода моджахедов к месту нахождения складов с оружием.

Как наиболее вероятный, был определен маршрут, пролегающий через карьер, в котором добывали щебень для строительства дороги.

Планирование и выход

Было решено провести засаду в карьере силами сводной группы роты в составе до 50 человек на пути возможного следования противника. Сводную группу возглавил старший лейтенант Кириченко, командирами подгрупп были назначены старшие лейтенанты: Ковалев, Долотказин, Ладейщиков и Кушкис. Кроме этого, в части оставалась дежурная группа, состоящая из группы боевого обеспечения и группа, накануне вернувшаяся с выхода.

Расположение подгрупп на месте проведения засады предварительно было определено с учетом размеров и особенностей карьера: он был вытянут в длину метров на триста, а по ширине составлял метров сто.

Мы предположили, что противник будет следовать по маршруту, соблюдая меры предосторожности, а именно, высылая вперед дозоры. Поэтому было решено расположить по одной группе на возвышениях на входе и выходе из карьера, а двум другим занять верхний и нижний ярусы на обрыве в средней части карьера. Уточнение секторов обстрела было решено провести на месте, так как не было известно, как рабочие карьера расположат на ночь свою землеройную технику.

В ходе планирования операции рассматривалась и необходимость минирования возможных путей отхода противника. Но так как карьер был действующий, то после засады пришлось бы заниматься разминированием, поэтому минно-взрывные средства решили не применять.

Другой проблемой явился вопрос о возможности использования средств ночного видения при необходимости дополнительного освещения места боя. Несмотря на то, что рота была неплохо оснащена ночными стрелковыми приборами и ночными биноклями, эти приборы в то время еще не обладали достаточной защитой от засветки, да и были они далеко не у каждого. Так как в данном случае успех засады зависел от возможности вести интенсивный прицельный огонь одновременно из оружия всей группы, пришлось предпочесть отдать старому дедовскому способу подсветки целей с помощью осветительных ракет и стрельбе с использованием обычных прицелов.

Доставка группы в район проведения засады была осуществлена вечером после захода солнца на четырех грузовых автомашинах ЗИЛ-131. Спешились на окраине Кабула, примерно в двух километрах от карьера. Группа пешком вышла к карьеру, где подгруппы заняли позиции согласно плану и стали ждать.

Идет охота на волков...

Около четырех часов утра командир подгруппы, находившейся у северного выхода из карьера, условным тональным радиосигналом сообщил остальным подгруппам о подходе моджахедов. Как потом, после боя, выяснилось, до подхода к карьере духи шли на довольно короткой дистанции друг от друга и на небольшом удалении от дозора. После непродолжительной остановки у входа в карьер дозор в составе четырех человек продолжил путь, а остальные значительно сократили скорость передвижения и одновременно увеличили дистанцию между собой в группе, примерно до пяти—шести шагов. Когда дозор противника, особо не задерживаясь, проследовал по карьере мимо экскаватора к узкому выходу, остальная их группа, как длинная черная лента (в темноте на фоне светлого грунта карьера ее видно было даже невооруженным глазом) стала втягиваться на территорию карьера.

Как только передний конец ленты поравнялся с нашей подгруппой у южного выхода, Кириченко и еще двое, находившихся рядом с ним, почти одновременно запустили осветительные ракеты. Сразу же был открыт огонь по моджахедам из всех стволов.

Освещение карьера получилось довольно ярким, что позволило почти всем стрелкам без особых проблем вести прицельный огонь, даже по целям, находившимся на удалении более пятидесяти метров.

В первые секунды противник так опешил, что на наш огонь почти не отвечал. Те, кто сразу не был убит или ранен, искали укрытия...

В результате неприменения нами минно-взрывных средств тем моджахедам, которые не успели войти на территорию карьера, и части тех, кто был ближе к узкому выходу, удалось скрыться.

Когда затухла подсветка, мы прекратили стрельбу. Оставшиеся живых моджахеда перекликались в карьере между собой и иногда постреливали в нашу сторону. Двое наших стрелков, вооруженных АКМ с ИБС-1 и ночными прицелами, охотились на подававших голос духов.

Если не слышно: «Занято!»

К рассвету стрельба и крики прекратились. Было решено составом двух подгрупп, одна из которых находилась у южного входа, а вторая в центре, на нижнем ярусе, произвести осмотр карьера. В момент проверки техники и временных построек случилось нечто, заслуживающее особого внимания. Один из бойцов, проходя мимо постройки «типа сортир», решил воспользоваться случаем и «цивилизовано справить свою нужду»... Пытаясь открыть дверь, обнаружил, что дверь заперта изнутри. Вначале, по его словам, даже подумал, что кто-то из соратников успел опередить его. Когда же на его вопрос не последовал традиционный ответ «Занято!», возникли подозрения. Прикинув, решил, что правильнее будет все-таки сломать дверь и убедиться... Когда ударом ноги дверь была открыта, увиденное его потрясло: на «очке», как ни в чем ни бывало, сидел улыбающийся «дух». На наши вопросы о том, кто он и с какой целью находится в карьере, «дух» пытался уверить нас, что он рабочий. Однако когда в «очке» был обнаружен брошенный им туда автомат Калашникова и нагрудник с магазинами и гранатами, «дух» улыбаться прекратил и уж больше не изображал неведение в отношении того, что здесь произошло ночью.

*

В результате этой операции было уничтожено двадцать моджахедов. Как сообщила агентура ХАД, некоторые умерли от ран по возвращении на базу. Один моджахед взят в плен. В нашей группе потерь не было.

Ян Кушкис. Суровый урок

Не нарушайте традиций

К весне 1985 года, когда развертывание частей спецназа в Афганистане в основном было завершено, нашу роту перенацелили на ведение боевых действий преимущественно в провинции Кабул.

К этому времени и в самом коллективе роты произошли существенные перемены. Некоторые офицеры роты убыли в Союз по замене, кого-то отправили во вновь развернутые отряды «для усиления». На их место пришли офицеры, не имевшие боевого опыта, 3 да и вообще сколько-нибудь серьезного опыта службы в спецназе...

Пришли новые люди, однако при этом были нарушены традиции роты, до сих пор способствовавшие укреплению ее боеспособности. Одна из них — «стажировка» вновь прибывших командиров групп, которая проводилась под руководством имеющих боевой опыт офицеров. Это делалось для того, чтобы дать

возможность новичку понять, что к чему, и таким образом предотвратить совершение серьезных ошибок. Обычно она заключалась в предоставлении возможности участвовать в паре выходов в качестве «второго номера», то есть помощника командира.

Этому способствовала и сама штатная структура роты, состоящей из групп, по двенадцать человек в каждой. А так как для выполнения рейдовых задач двенадцать человек мало, то часто приходилось создавать сводные группы, в результате чего происходило перераспределение ролей командиров штатных групп, из которых состояли такие формирования...

Нездоровая ситуация усугублялась еще и тем, что боевые задачи к тому времени стали ставиться все чаще по принципу: «Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что». Этот принцип упора на количество, а не на результативность боевых выходов, очевидно, был связан с желанием управления разведки 40-й Армии таким образом обозначить активную деятельность...

Результаты такого стечения обстоятельств не замедлили сказаться...

Странная рекогносцировка

Этот случай произошел в конце мая 1985 года. Недавно прибывший в роту старший лейтенант А.П. во главе группы, если мне не изменяет память, из пяти человек, выехал на рекогносцировку местности... Почему эту поездку называли рекогносцировкой, и куда они направлялись среди бела дня на УАЗике я не знал. В тот момент меня уже считали офицером другой части. Мысленно смирившись со своим положением, я сидел «на чемоданах» в ожидании возможности вылететь на Джелалабад, а оттуда в пункт назначения - Асадабад. Мои размышления о «славном» Асадабаде неожиданно прервал дежурный по роте, сообщив, что меня вызывает к телефону полковник Артеменко. Он был в то время офицером, курирующим нашу роту от разведуправления армии.

Взяв трубку, я услышал: «Ян, выручай! Ваши попали в засаду, послать на помощь некого!».

На мой вопрос об их местонахождении он смог ответить весьма приблизительно: «Где-то в зеленке, недалеко от гардезской дороги. Им удалось связаться с постом парашютно-десантного полка, а тем с нами...».

Из-за неподходящего момента для выражений, я не стал высказывать свое мнение по поводу подобных «рекогносцировок», в результате которых впопыхах, без должного обеспечения, среди бела дня надо лезть в «зеленку»...

А вопросов по поводу этой вылазки можно было задать массу. Почему на УАЗике? Ведь в роте для подобных целей был японский «Датсун», подаренный еще Бабраком Кармалем... Почему не было назначено дежурное подразделение?!..

С такими бойцами - в любое пекло

Но рассуждать не было времени. Построил оставшийся состав роты (одна из групп в тот день была в горах), объяснил ситуацию, предложил добровольцам сделать шаг вперед. Отказников не было, вышли все, даже те, кто залечивал травмы, полученные на предыдущем выходе. До этого мне как-то не представлялась возможность уличить себя в сентиментальности, но в тот момент комок подступил к горлу — с такими бойцами хоть в преисподнюю! Такие ли будут со мной в Асадабаде?

В тот день в группе боевого обеспечения (так называлась бронегруппа кабульской роты) на ходу было три БМ. Поэтому я набрал из добровольцев десант из расчета на три машины, поставил задачу, дал пару минут на сборы... Остающиеся «скинулись в общак» и собрали меня самого: кто «Калашников» со своего плеча, кто пару гранат...

В тот момент, когда БМП выезжали через ворота части, как нельзя кстати, навстречу нам бежал Михайлов - водитель УАЗика. Посадил его рядом на броню и по дороге узнал от него подробности случившегося.

По его словам, «во время следования по гардезской дороге, примерно в восемнадцати километрах за чертой города, УАЗик был обстрелян из «зеленки», повреждены колеса, в результате чего машина перевернулась и слетела с дороги в канаву. Находящиеся в машине, во главе с командиром, чтобы избежать обстрела со стороны духов, перебрались через дорогу и укрылись в ближайшем дувале, предварительно выгнав оттуда хозяев. Нападавшие продолжили обстрел дувала из стрелкового оружия и гранатометов, постепенно приближаясь. Очевидно, во время перебежки через дорогу пуля попала в радиостанцию, которая теперь еле работала. В какой-то момент радисту Федорову удалось «продавить потычку» и выйти на связь с постом десантников, расположенным на окраине Кабула.

Во время перестрелки, недалеко от дувала, на дороге находились грузовик и микроавтобус. Михайлов, с согласия командира группы, пробрался по проходящему мимо дома арыку и придорожной канаве к автобусу, сел за руль, завел и, пользуясь тем, что нападавшие не сразу разобрались — кто сидит за рулем, сумел проскочить обстреливаемый участок дороги. Так он добрался до расположения роты.

Пули звякают о броню...

При подходе к изгибу дороги, за которым в полутора километрах находилось место моджахедовской засады, стали отчетливо слышны звуки одиночных выстрелов.

Для того, чтобы оценить, где мне предстоит действовать, я решил подойти как можно ближе к месту, где дорога огибала гору справа и входила в «зеленую зону». Как только головная машина приблизилась к проходу между горой и небольшой сопкой, воздух зашевелился, несколько пуль ударились о броню. Стрельба велась явно с дальней дистанции и пока только с левой стороны дороги. Пришлось остановиться. Я приказал группам спешиться, механикам сесть по-боевому, наводчикам и операторам приготовиться к бою. Решил по дороге о подойти под прикрытием правого борта головной машины как можно ближе к дувалу. Десантной группе с замыкающей машины поставил задачу, — наблюдать за входом в зеленку и, в случае необходимости, обеспечить наш отход; второй группе - следовать на удалении зрительной связи за мной и при повышении интенсивности огня со стороны духов мочить из всех стволов, чтобы те головы поднять не могли...

Так как у меня отсутствовали средства связи, позволявшие управлять действиями механика-водителя находясь за пределами машины, бойцы предложили оставить открытой дверь левого десантного отделения (в данном случае дверь прикрывала от противника) на первой и второй машинах. Это давало возможность, при необходимости, подать команду голосом.

Так мы и двигались под редкое позвякивание пуль. Когда уже прошли примерно половину пути, я уж, было, подумал, что духи отказались от намерения продолжать бой, как вдруг грянул выстрел гранатомета, а за ним второй. Первая граната прошла над второй машиной, вторая взорвалась слева от головной машины. По возвращении, проезжая через КПП роты, с нее отвалился левый передний каток. (Похоже, что боевые машины, как и сами спецназовцы, расслабляются только за чертой, отделяющей их от мира опасности.)

Идем к дувалу

Я дал команду первой и второй машине отойти и методически обстреливать участок, на котором располагались моджахеды, чтобы с головной группой, укрывшейся в канаве с правой стороны дороги, получить возможность продвинуться дальше.

До дувала было уже недалеко, и Михайлов довольно быстро и безопасно провел нас к находившейся там группе. Среди ее бойцов, слава Богу, серьезно раненных не было. Но зато выяснилось, что в группе не хватает прапорщика Самсонова.

На мой вопрос о его местонахождении старший лейтенант А.П. вменяемого ответа дать не смог. Похоже, что он сам был оглушен взрывом гранаты. Боец Хисматуллаев из группы А.П. показал на заросшее кустарником место на противоположной стороне дороги, где, по его мнению, во время отхода группы погиб и остался лежать Самсонов.

В это время одна из групп моджахедов с левого фланга стала переходить через дорогу и вести стрельбу вдоль нее в нашем направлении, поэтому пришлось быстро забирать своих и выводить их под прикрытием огня орудия головной машины. Под ее же 3 прикрытием я перешел с двумя бойцами из головной группы на другую сторону дороги, туда, где по мнению Хисматуллаева находился Самсонов. Боец указал правильное место, но в отношении диагноза ошибся. Дима Самсонов, хотя и был весь в крови, еще дышал... Он был ранен в голову.

Итог

Насколько серьезным было ранение, я понял только по возвращении в роту, когда обнаружил на своем нагруднике вместе со следами крови присохшие сгустки сероватого цвета, оставшиеся от соприкосновения с его головой во время переноски тела к машине. В госпитале, придя в сознание, он умер...

Если не считать этой потери и легкораненных, то вывод личного состава группы, попавшей в засаду, в целом закончился благополучно.

Командование роты и управление разведки армии получили суровый урок, который судя по дальнейшим, в основном положительным, результатам боевой деятельности кабульской роты, пошел им на пользу.

Накрывшись тазом...

Несмотря на всю драматичность вышеописанного события, не могу не упомянуть об одном трагикомическом моменте, имевшем место в конце этой операции. Дело в том, что во время отхода с места боя мы обнаружили в придорожной канаве двух перепуганных афганских женщин. Оказывается, все то время, пока шла война, они сидели там, накрывшись большим металлическим тазом. При ближайшем обследовании таз оказался иссеченным мелкими осколками, как решето. В то же время женщины, на удивление нам, отделались только царапинами!..

С. Козлов. Спасибо за чай

Возникшая не так давно на наших телеэкранах реклама «Того самого Чая» оживила в памяти историю, когда чай «Индийский со юном» действительно распределялся по праздничным заказам, а о чайных изысках, которыми изобилует теперешний торговый прилавок, наш неприязнительный советский человек порой даже и не слышал.

Тот, кто служил в Афганистане, знает, насколько там сложная эпидемиологическая обстановка. Провинция Кандагар была одним из наиболее неблагоприятных районов в этом отношении. Что там только не вытворяли медики «мотострелецкой» бригады для того, чтобы снизить заболеваемость в подразделениях! Одно время они так постарались с хлорированием водопроводной воды, что ею можно было запросто подписывать солдатское обмундирование. Тем не менее, ежегодно осенью в Кандагаре начинались эпидемии с акцентом то на тиф, то на желтуху.

Эпидемиологи говорили, что уровень зараженности питьевой воды, берущейся даже из недр, превышает по зараженности наши российские сточные воды. Можете себе представить, какой «шухер» начался в медроте семидесятой омсБр, когда до них дошла весть, что в Кандагар приезжает главный эпидемиолог Вооруженных Сил СССР генерал-лейтенант Юров.

Судя по отзывам людей, некогда переживших его приезд, дед он был неглупый и очень грамотный, но... крутой. Сам в прошлом фронтовик, он «задирал» младших братьев «по цеху» без сожаления за нерадивость и упущения в борьбе с эпидемиями.

Само собой разумеется, что боялись его не только эпидемиологи. «Шашка», которой он периодически размахивал, была такого размера, что под нее легко могли попасть и просто рядом стоящие, не говоря уже о командире медроты и начальнике медслужбы соединения. Поэтому подготовка встречи высокого начальника по значимости могла сравниться лишь с подготовкой к празднованию 100-летия со дня рождения Великого и Простого. Мыть и чистить начали заранее. Для больных получили абсолютно новые пижамы и постельное белье, но не выдавали до дня Х.

и вот, наконец, он наступил. В медроте, в связи с прибытием Юрова, с утра на входе выставили наблюдателя. В его обязанности входило своевременное предупреждение начальства о приближении генерала.

Все участники были проинструктированы и знали свою роль «от и до». Несколько раз подавался сигнал тревоги, по которому больные, одетые в хрустящие «нулевые» пижамы, рассаживались на стулья в палатах и начинали изображать чтение советской периодики. На кровати ложиться было запрещено строго-настрого. Они были застелены таким же «нулевым» постельным бельем. И белье, и пижамы по окончании шоу необходимо было сдать обратно, сложив по первоначальным складкам. Поэтому производство лишних движений в новых пижамах не рекомендовалось, и больные двигались, подобно роботам.

Так же, по сигналу тревоги, обильно смачивался пол, который, разумеется, до этого был вымыт. Но кто об этом догадается, если он сухой, а высыхал он при температуре + 45° в тени практически сразу. Врачи и медсестры занимали свои рабочие места.

Но Юров проходил мимо.

В ходе одной из таких «тренировок» анестезиолог роты Толик Азбаров вдруг спросил:

— Мужики, а Юров курит?

Кто-то вспомнил, что курит. Но что именно курит, чтобы предложить, никто не знал. Поэтому решили: пусть уж курит свои. Но если курит, то нужна пепельница и принести ее, вроде бы, не проблема. Однако выставить пепельницу — значит показать, что в медроте курят, а курить в лечебных учреждениях запрещено. После долгих сомнений и терзаний решили, что если закурит, то подадут «чашку Петри». И на пепельницу похожа, и медицинский аксессуар.

И тут Азбарова опять осенило:

— Мы же совсем забыли, что Юров большой любитель и знаток чая! Ребята, у кого есть «индийский со слоном»?

«Индийского» ни у кого не оказалось.

Начали искать хоть что-нибудь приличное. Наконец Зинка, хирургическая сестра, вспомнила:

— Ну, есть у меня какой-то. Пьем в комнате с девчонками, вроде неплохой. Но упаковки никакой нет.

Трофейный. Знакомые ребята из десантно-штурмового батальона с операции привезли.

— Все равно ничего другого нет. Тащи! — скомандовал Азбаров.

Пока Зинаида бегала за чаем, в роту пришел Юров.

Представление началось. Несмотря на страхи, все вроде прошло без срывов. Обойдя помещения медроты, генерал сел посмотреть документацию и закурил. К нему «мухой» полетел кто-то из врачей и поставил на стол «чашку Петри». Юров стряхнул пепел и одобрительно кивнул.

— Не хотите ли чаю? — спросил командир роты.

— Не откажусь, — ответил он.

Командир вышел, чтобы дать соответствующие указания.

Спустя некоторое время в ординаторскую вошла Зинаида на своих длинных ногах. Максимально укороченный, якобы в связи с жарой, халат выгодно подчеркивал их стройность. Поставив на стол чай и сахар, она удалилась. Генерал, хоть и пожилой, но мужчина, по достоинству оценил и это, проводив ее взглядом. Юров пил чай без сахара, как истинный ценитель, и все переживали, понравится ли ему трофей. Но и здесь все обошлось.

Когда перед его уходом Зинка снова вошла в ординаторскую, чтобы убрать со стола, генерал, улыбнувшись по-доброму, сказал:

— Большое спасибо за чай.

Немного смутившись, Зинка проворковала:

— Извините, что не «индийский».

— «Индийского» я и в Москве напьюсь. Это же «Липтон», — усмехнулся Юров и вышел.

Джелалабад. 154 ооСПН

54 ооСПН (мусульманский батальон) сформирован в мае-июне 1979 года на базе 15обрСПН. При комплектовании отбирали только жителей Средней Азии. Первый командир батальона — майор Халбаев. В декабре того же года введен в ДРА. В операции по штурму дворца Тадж-Бек — резиденции Амина — выполнял основные задачи. В начале января 1980 года личный состав отряда выведен в Союз. В том же году отряд вновь доукомплектован личным составом и введен в ДРА, однако до 1984 года осуществлял охрану трубопровода. В 1984 году отряд переведен в г. Джелалабад. С этого момента приступил к выполнению специальных задач в зоне своей ответственности. Однако на первых порах, пытаясь применять тактику засад, отряд успеха не имел. Впоследствии отряд выработал тактику, максимально эффективную в местных условиях. Наиболее применяемая тактика отряда — налет. Руководство батальона довольно успешно сотрудничало с органами контрразведки ДРА (ХАД). Результативность налетов, проводимых по информации ХАД, была довольно высокой. В 1985 году отряд за успехи в боевой деятельности награжден вымпелом Министра Обороны СССР. Последние подразделения отряда вышли из ДРА в феврале 1989 года. Отряд остался в составе 15 обрСПН.

В 1993 году бригада была передана вооруженным силам Узбекистана, а позднее была преобразована в десантно-штурмовую бригаду.

*

В.В. Колесник довольно подробно рассказал о том, как проходила операция по захвату дворца Тадж-Бек (см. первую книгу «Спецназ ГРУ»). Однако он был ее руководителем и описывал события со своей точки зрения. Для того чтобы картина получилась более выпуклой, мне хотелось найти свидетельства непосредственных участников штурма.

И вдруг удача! Евгений Богомолов прислал мне текст статьи из белорусского журнала «Армия», где об операции «Шторм-333» рассказывает командир роты, непосредственно штурмовавшей дворец. Кроме того, редакция журнала «Братишка» позволила использовать в книге воспоминания еще одного участника того о знаменитого штурма. Р. Турсункулов тоже штурмовал дворец, но он шел с другой стороны, по лестнице.

История его рода как зеркальное отражение бурной и трудной истории нашей страны в этом веке. До революции его дед был известным и уважаемым в Узбекистане муллой, репрессированным впоследствии большевиками. Отец прошел всю Великую Отечественную, получил семь ранений, остался живым и до преклонных лет служил в МВД простым старшиной. Детям, которых как в обычной узбекской семье было много — целых одиннадцать душ, всегда строго-настрого наказывал: как бы трудно ни было в жизни, полагайтесь только на себя. Его судьба — отражение истории страны, которой он верой и правдой служил без малого четверть века. Сегодня он с гордостью называет всем свое имя, в котором слышен отголосок того, уважаемого религиозного прошлого — Рустамходжа. Его же друзья и боевые товарищи, с которыми он не раз попадал в крутые переделки, но с неизменным, будто дарованным свыше везением из них выбирался, по-прежнему называют его коротко и привычно — Рустам.

А. Лебедев. "Мусульманин" с орденом Ленина

Закончив Рязанское воздушно-десантное училище, лейтенант Рустам Турсункулов попал служить в отдельную бригаду специального назначения Туркестанского военного округа, дислоцировавшуюся в городе Чирчик. Горно-пустынная местность как нельзя более соответствовала рельефу соседнего Афганистана. Бригада и группа спецназа, которой командовал Рустам, день за днем проводила в постоянных и напряженных учениях. То, что рано или поздно придется выполнять какое-то специальное задание на территории соседнего Афганистана, стало ясно, когда на базе бригады создали так называемый «мусульманский» батальон. Весь его личный состав был из представителей среднеазиатских республик, за исключением зенитчиков комплекса «Шилка». Здесь роль «правовверных» исполняли украинцы. Всем пошили форму, которая была принята в афганской армии.

«Троянский конь» из Чирчика

В конце декабря 1979 года мусульманский батальон, подготовленный и оснащенный для выполнения боевых задач, приземлился в Баграме. Своим ходом дошел до Кабула. Цель — охрана главы государства Хафизуллы Амина. Советское руководство, изо щренное в политических и военных маневрах, запустило в Афган «троянского коня», который скоро показал свою истинную сущность. Встав вторым кольцом охраны вокруг дворца Тадж-Бек, мусульманский батальон был готов в любую минуту атаковать охраняемый объект.

Первоначально задача, которую поставило перед батальоном руководство, была такова: доставить ко дворцу штурмовые группы КГБ, на подступах к дворцу завязать бой, отвлечь на себя силы охраны, а также не дать проникнуть ко дворцу подкреплению афганской гвардии. Но это — предполагалось. Получилось же все несколько иначе.

Тадж-Бек, до которого еще нужно было дойти

Наш батальон был разбит на несколько групп, каждая из которых получила свой участок действий, — вспоминает Рустам. — Группа Сатарова, заместителя командира нашего отряда, должна была нейтрализовать танковый батальон афганской армии, который располагался недалеко от дворца. Две другие группы, которые возглавляли мой однополчанин Шарипов и я, должны были прорываться к дворцу. В моем распоряжении находились БТРы. У Шарипова — БМП. Его задача была сложнее — боевые машины с десантом спецназа должны были подойти ко дворцу по дороге, которая серпантином огибала дворец. Я двигался напрямую с другой стороны.

Команда на штурм поступила ночью. Атакующие начали движение. И сразу попали под ураганный огонь аминовской гвардии. Из дворца били в упор из автоматов, крупнокалиберных пулеметов, велась стрельба из гранатометов. С нашей стороны по дворцу работали «Шилки», в башнях которых сидели украинские «мусульмане». Шквальным огнем им удалось подавить афганских пулеметчиков, что позволило спецназу ворваться во дворец. Но это было потом, а в первые же минуты штурма один из БТРов оказался подбит и сгорел у всех на глазах. Это были первые потери. Рустаму Турсункулову на головной машине удалось

прорваться к стенам дворца. В горячке боя некогда было оглядываться на пылающий сзади БТР. Сам Рустам находился на броне (как под свинцовым дождем остался жить — только Аллаху известно), весь десант сидел в чреве БТРа. Любое прямое попадание могло превратить БТР в братскую могилу, в которой остались бы лежать и ребята из «Грома», и «мусульмане»... Но обошлось.

Вопреки приказу

Подойдя к дворцу* и десантировавшись, бойцы группы Турсункулова залегли, — шквальный огонь с обеих сторон не позволял поднять голову. Рустам видел, как первая атака «Зенита» и «Грома» захлебнулась в огненном смерче.

Однако время шло, и график продвижения необходимо было соблюдать, ведь с другой стороны дворец тоже штурмовали наши ребята, им нужна была помощь...

В этот отчаянный миг Турсункулов, зарывшийся в землю со своими бойцами, услышал: «Мужики, ну что же вы лежите? Помогите!!!».

Подняв своих людей и рванувшись к дворцу первым, Рустам пришел на помощь спецназу. Это было нарушением приказа. Но спланировать все до конца получается редко. Этот случай, к сожалению, не был исключением.

Страшно было то, что мы остались без связи. Все мои связисты в первые же минуты оказались выведенными из строя: одни были ранены, у других рации оказались разбиты попаданием пули или осколка. Да что там говорить! Я и сам, не успев вылезти из БТРа, сразу получил две отметины. Первая — в каске, которую пробил крупнокалиберная пуля, оставив огромную дыру. Спасло то, что я не затянул ремешок, а так бы точно шейный позвонок пополам... Другая пуля попала мне в грудь, в то место, где я разместил магазины для автомата.

Удивило, что патроны не сдетонировали. Зато синячище на теле остался такой, что будь здоров...

Страшно было и то, что наши гранатометчики, стрелявшие из АГС-17 по заданной им заранее площади, так и не перенесли огонь. И нам пришлось прорываться сквозь ливень свинца, который лился с обеих сторон. Как удалось это сделать, я сейчас не могу сказать. Но мы прорвались во дворец. Все обмундирование было разорвано в клочья, посечено осколками и каменным крошевом. Ссадины и незначительные ранения были у каждого, но мы их не замечали.

Во дворце

По анфиладе комнат продвигались, как учили: граната, стрельба из автоматов, вперед. «Мусульмане» не были готовы действовать в самом дворце, такой задачи у них не было, поэтому, как вспоминает Рустам, продвижение было хаотичным, плана дворца никто из них не знал. Конкретную задачу знали только ребята из «Грома» и «Зенита» — они-то готовились к захвату. В этой кутерьме разобраться, где свой, где чужой, было не просто сложно — почти невозможно. Какие там опознавательные повязки на рукавах! Выручил обыкновенный русский мат — более точного определителя «свой-чужой» оказалось не найти...

В одной из комнат наткнулись на особиста Михаила Байхамбаева, тот возглавил группу и дальше

продвижение шло вместе с ним. Установка была только одна: только вверх, вверх по этажам, вверх...

Штурм завершился через 45 минут, как и планировалось по графику. После захвата дворца Рустаму поручат охранять семью погибшего Амина — домочадцы хозяина Тадж-Бека еще долго будут находиться под впечатлением от всего случившегося... Вместе со спецназовцами «Зенита» и «Грома» Рустам побывал в кабинете Хозяина. Роскошь там была потрясающая. Но Турсункулова больше всего привлекла снайперская винтовка из коллекции личного оружия Амина. Лейтенант на правах победителя взял этот трофей с собой. Как оказалось, совершенно не напрасно. Через несколько часов это оружие спасет ему и его товарищам жизнь. Но это случится позже.

Встреча с будущим командиром

А сейчас необходимо было в первую очередь решить вопрос с пленными, которых было очень много и обеспечить охрану взятого дворца. Эти задачи в первые часы после штурма легли на «мусульман».

Как раз тогда лейтенант Турсункулов впервые познакомился с Эвальдом Григорьевичем Козловым, который вскоре станет первым командиром «Вымпела». Козлов, оказавшийся в числе первых спецназовцев, которым удалось прорваться в аминовскую цитадель, сразу выделил из героев-«мусульман» молодого горячего лейтенанта. Выделил и запомнил надолго. Окровавленную повязку на голове Рустама Козлов сразу же вспомнит, когда Турсункулов придет служить в «Вымпел». Вспомнит и ту аминовскую снайперскую винтовку, которую из дворца вынес Рустам.

Винтовка Амина

«Рядом с дворцом находился афганский генеральный штаб. И как только мы вышли из уже взятого дворца, из генерального штаба по нам открыли пулеметный огонь. Нашего замполита сразу же ранило. У меня состояние тогда было возбужденное, я себя чувствовал победителем, кровь еще бурлила, боевой азарт не прошел. Так я прямо на глазах у всех встал в полный рост и сделал три выстрела (больше в винтовке патронов не было) по генштабу. Целил в то место, откуда шла стрельба. Расстояние было приличное, но оптика у аминовской винтовки была немецкая — превосходная. Не знаю, попал ли я, или кто-то другой в здании разобрался с пулеметчиком, но стрельба прекратилась. Эту винтовку вскоре у меня забрали, попросили в качестве трофея для одного из руководителей КГБ. Конечно, отдал без сожаления. Что мне эта снайперка, когда сам живой остался — вот что было настоящей радостью!»

Награждали Рустама и других командиров групп мусульманского батальона в родной чирчикской бригаде. Было это спустя четыре месяца — в апреле 1980 года. Ребятам кто-то сказал, что в Москву ушли представления на Героев. Однако в Чирчик пришли ордена Ленина. Так в двадцатитрехлетнем возрасте, будучи лейтенантом, Рустам Турсункулов стал кавалером высшей государственной награды страны.

Эпилог

Лейтенант Турсункулов после кабульских событий недолго задержался в спецназе ГРУ. Сначала его «сосватали» в особый отдел бригады, а после этого он ушел в КГБ Узбекистана. Несколько позднее попал в «Вымпел», где встретился снова с Э.Г.Козловым. Закончил факультет усовершенствования в «вышке» и снова был направлен в Афганистан. Занимался советнической деятельностью. После командировки побывал во всех горячих точках бывшего Союза. Из «Вымпела» ушел «по здоровью», преподавал ТСП в той же «вышке» имени Ю.В.Андропова.

Уволился в 1994 году, сейчас возглавляет одно из частных охранных предприятий г. Москвы.

* На самом деле до дворца еще было далеко. Р.Турсункулов со своей группой и поддерживаемые им «комитетчики» спешили к лестнице, Ведущей к дворцу по крутому склону.

В.С. Шарипов, П. Легкий. Операция «Шторм»

Рассказ В.С.Шарипова записал капитан П.Легкий. Опубликовано в белорусском журнале «Армия» (№6 за 1999 г. С. 48—53).

В начале 1999 года вышел, пусть и со значительным опозданием, многотрудный первый номер нашего журнала. Все 68 его страниц были посвящены боевым действиям Советской Армии в Афганистане. Очень непросто было собрать нам в единое целое разные фотографии, разрозненные факты, цифры, воспоминания... Однако номер получился. И мы в редакции тихо радовались, наблюдая, как быстро он расходуется в киосках, принимая приятные телефонные звонки читателей, просьбы изыскать возможность достать «хоть один» экземпляр.

Тем неприятней и неожиданней был однажды звонок по межгороду: журнал, в целом, хороший, но зачем же «туфту» писать?

Разве Востротин был в штате «мусульманского» батальона? Его рота была просто придана на время штурма Дворца. Разве участвовали в Штурме десантники Витебской ввд? Они оказались на месте событий, когда Дворец был уже взят, и даже не знали, что в у Тадж-Беке — советские солдаты. Опять же, цифры статистики не везде у вас «бьют»... Читатель был напорист, сердит, даже резок. Но, не слыша в трубке категоричных возражений, смягчился. Похоже, ему пришлось по душе наше умение признавать свои ошибки. Разговор перешел в другую плоскость, и главный редактор в ^ сердцах посетовал: «По крупницам собирали информацию, могли и напутать наши источники». И поинтересовался ненавязчиво:

— Вы то откуда все эти детали знаете? Небось, тоже «за речкой» побывали?

— Да, я был командиром штурмовой группы спецназа, которая брала дворец Амина.

Возникло короткое замешательство: надо ли рассказывать, какие эмоции испытывает журналист, узнав, сколь уникален его собеседник?

— Вы были тогда офицером?

— Старшим лейтенантом. Я командовал ротой «мусбата». Моя фамилия Шарипов.

Это было удивительно: боец легендарного «мусбата», один из его командиров — и здесь, в Беларуси!.. Конечно же, мы попросили его о встрече, мол, наш журнал просто не может о Вас не рассказать. Но читатель достаточно холодно ответил:

— Нет, я звоню совсем не за этим. Я лишь хочу, чтобы вы писали о наших ребятах правду.

Наступил наш черед нажимать:

— Как же мы можем ее писать, если участники событий не соглашаются рассказать?

Этот аргумент несколько поколебал неуступчивость нашего собеседника, и он ответил: «Подумаю...».

У нас было время, и мы нашли в управлении кадров Министерства обороны учетную карточку на фамилию Шарипов.

Все сходилось: Шарипов Владимир Салимович, полковник запаса, «мусбат»...

Договориться о встрече получилось. Условие, которое поставил перед редакцией, соглашаясь на встречу с журналистом, Владимир Салимович, было одно: напишите на своих страницах правду, одну только правду.

Сказать правду

Еще в Минске, задолго до командировки, я мысленно нарисовал его облик: не улыбочивый, сухощавый, невысокого роста; типичные южные черты лица, смуглая кожа... и обязательно — небольшие черные усы. Почему-то именно таким он мне представлялся.

Каким же было мое изумление, когда в Слониме на железнодорожном вокзале меня встретил... типичный полесский белорус. От мысленно нарисованного портрета на месте были лишь... усы. Да и те рыжие. Видимо, поняв мое недоумение, Владимир Салимович весело улыбнулся: Й

— Да у меня мама — русская!..

В тот день лил густой, не по-летнему холодный дождь. Ветер швырял его косые струи на лобовое стекло машины, и дворники едва справлялись с заливавшей обзор водой.

Мы ехали к Шарипову домой. Владимир Салимович, не щадя моего журналистского самолюбия, ругал погрязшую в разных грехах прессу, раздраженно сетовал на домыслы тех, кто хоть и являлся участником событий двадцатилетней давности, но взял на себя ответственность рассказывать о том, чего лично не видел.

— Э-э-э, понапишут ерунды всякой! Попробуй, докажи, что все по-другому было! Я как-то о себе прочитал в одной газете: мол, войдя в комнату, где убитый Амин лежал, я всадил в него автоматную очередь. Полный бред! Зачем неправду писать, а? Люди ведь прочитают, скажут: «Ладно, дворец штурмовал, но зачем было труп расстреливать?». Или вот вы написали, что одной из рот «мусбата» командовал будущий генерал Востротин. Да не так это было: он командовал ротой десантников, которая была придана «мусульманскому» батальону, но в штате батальона рота не состояла.

Я чувствовал: наболело в душе Шарипова за эти годы. Была легендарная «Альфа», был «Зенит». Но ведь был еще и «мусульманский» батальон. И болит у него душа за то, что «мусбат», а точнее — 154-й отдельный отряд специального назначения, 540 офицеров, прапорщиков и солдат этой уникальной части остались в тени, почти в забвении. А ведь именно они определили успех беспрецедентной в истории спецназа операции «Шторм». Достаточно хотя бы сказать, что сразу после десантирования «Альфы» перед дворцом Амина 13 из 20 ее бойцов получили ранения. Кто-то из раненых, правда, продолжил бой, но ведь дворец обороняло около 200 гвардейцев из элитной бригады охраны!

Как начинался «Мусбат»

Зимой 1979-го года командира мотострелкового взвода, кандидата в мастера спорта по мотокроссу, мастера спорта по стрельбе из пистолета, старшего лейтенанта Шарипова неожиданно пригласили на беседу в кабинет командира полка. Незнакомый офицер в «гражданке» поинтересовался: «Не хотите ли послужить в спецназе?».

Спецназ!.. Ну какой настоящий военный не мечтал о спецназе! Старлей Шарипов почти без раздумий согласился. В феврале 1979-го получил направление в Чирчик, где дислоцировалась 15-я отдельная бригада специального назначения Туркестанского военного округа.

«На базе бригады создавали какое-то странное подразделение. Формировали воинскую часть, практически полностью состоящую из уроженцев среднеазиатских республик. Единственным офицером, русским по национальности, был командир зенитного взвода Василий Проута. В «мусбате» Шарипов принял одну из рот.

Для спецназа это была уникальная часть. Подразделения специального назначения вооружались БТРами и БМП. Раньше никогда такого не было. Спецназ ведь, — это рюкзак на спину, снаряжение, боеприпасы на себя, автомат в руки — и пошел. А тут — техника! В батальоне имелось четыре роты. Две роты — первая и вторая — на БТРах, третья — на БМД — моя. Гранатометная рота АГС-17, зенитный взвод ЗСУ 23х4 «Шилка», подразделения обеспечения. Для нашего батальона даже программы боевой подготовки не было. Для «чистого» спецназа есть, для мотострелков есть, а для нас — нет. Приехали из ГРУ офицеры, и мы сами вместе с ними стали составлять программу.

Никто не знал, для выполнения каких задач создается этот странный батальон. Смутно догадывались — предстоит отправиться куда-то за рубеж.

— Сначала определили нам общую тему: оборона зданий. «Разбросали» ее на полгода. Программа была совершенно особая, для единственного в Союзе батальона. Дали технику — вся новая, с завода. Никаких лимитов — ни на боеприпасы, ни на моторесурсы. И - никаких работ посторонних. Только боевая подготовка. Вот тут нам было раздолье! Очень здорово занимались физподготовкой. Совершали марш-броски по 30 километров с полной выкладкой. Было письменное распоряжение начальника Генерального штаба, по которому нам в любое время Ташкентское ВОКУ и Чирчикское танковое училище предоставляли свои полигоны.

Даже если у них там были запланированы занятия с курсантами. Поначалу мы были отдельным батальоном на базе бригады специального назначения. Выделили нам даже свой отдельный военный городок. А потом и знамя вручили, дали наименование — 154-й отдельный отряд специального назначения.

Владимир Салимович не произносит это типичное спецназовское слово «отряд». Для него куда привычнее — «батальон», «мусбат».

— Стройбат для нас несколько зданий построил. Были на полигоне какие-то мазанки, они их в городские дома превратили. С нами постоянно находились офицеры ГРУ из Москвы. Месяцев пять мы прозанимались интенсивно, а потом все пошло как-то с прохладцей. «ГРУшники» в «гражданке» вдруг исчезли, и сразу занятия — стоп. Начали на работы всякие солдат отвлекать. И пошло: подметай, убирай... О нас словно забыли. Однако спустя некоторое время снова появились мужики в «гражданке». И нам резко меняют программу подготовки: теперь на три месяца спланировали занятия по тематике: «Штурм зданий». Выдали всем афганскую форму. Выезжали на занятия в советской форме, а уже на полигоне переодевались в афганскую, без знаков различия. Впрочем, тогда мы даже не знали, что она — афганская. Откуда нам было знать? Отзанимались, иностранную одежду сняли, сложили в грузовик, а свою вновь надели. Так мы привыкали к чужой военной форме.

Вскоре батальону начали выделять квартиры в Чирчике, отправлять офицеров в отпуска. Шарипов тоже уехал в отпуск. И вдруг телеграмма за подписью комбрига Овчинникова: «Срочно прибыть в часть!».

Думаю: «Может, ребята пошутили?». От Душанбе до Ташкента 45 минут лета. Прилетишь, а тебя друзья вызвали «отдохнуть». Все мы были молодые, с чувством юмора.

Я решил, позвоню-ка оперативному дежурному. Звоню, а тот мне: «Нет, никакая не шутка это, ваши зашевелились». Первым же рейсом вылетел в Ташкент.

Недобрым предчувствием шевельнулась тогда в душе Шарипова тревога: «Неужели началось?..».

Самолеты идут на взлет

— Приехал в батальон. Ба-а-а, на территории городка черные «Волги», всюду люди в «гражданке». Вызвал меня и «особиста» 5 батальона старшего лейтенанта Байхамбаева командир бригады полковник Овчинников. Заходим в приемную. Там наш солдат и мужик в «гражданке» — офицер КГБ. Он поднимает трубку, звонит в кабинет комбрига по телефону. Открыли дверь, впустили нас. В кабинете за Т-образным столом командир бригады, наш комбат Хабиб Халбаев, начальник штаба батальона капитан Ашуров, три человека в «гражданке» и начальник штаба бригады спецназа. Дым коромыслом, окурки горой. «Давай, — говорят, — Шарипов, быстро фамилии десяти человек. Только чтобы были не пулеметчики и не из состава экипажей боевых машин». А у меня в роте 120 человек и 13 БМП — откуда всех по должности помню? Я хотел за штатно-должностной книгой сбегать, а они мне: «По памяти называй!». Я фамилии даю, а комбриг по ЗАСовской связи тут же диктует их кому-то в Москву... Назвал я десять фамилий. Они посоветовались и требуют еще десять. Дал. Комбриг опять их по ЗАС продиктовал. А зачем, не говорит. Потом мне Овчинников задачу ставит: «Получишь боеприпасы, по три боекомплекта на каждую единицу оружия. Но не на складе возьмешь, а заберешь из своих БМП (они на территории бригады стояли). Получать будешь лично с особистом, и еще поможет тебе кто-нибудь из бригады. Но только не из вашего батальона».

Утром следующего дня Шарипова известили: двадцать солдат из его роты под командованием заместителя командира батальона капитана Михаила Сахатова (туркмена по национальности) вылетают ставить палаточный городок. Куда? Неизвестно. Означало 54 это одно: скоро двинется с места и весь «мусбат». Команда Сахатова вылетела из Чирчика 5 декабря. С собой кроме оружия и сухих пайков, везли гору палаток. Через два дня, 7 декабря, с ташкентского аэродрома стартовали в неизвестность и основные силы «мусбата». Суматоха погрузки не скрывала волнения и тревоги. Что ждет их там, куда нацелили батальон?

— Перед вылетом всех срочно переодели в солдатскую форму. У офицеров нашивки на погонах красные, а у бойцов — желтые. Вот и все различие. По званиям офицеров различали так: ефрейтор — это лейтенант, младший сержант — старший лейтенант, сержант — капитан и так далее. Комбат наш стал аж старшиной. Вместо пистолетов ПМ выдали ТТ (у афганцев на вооружении ППШ были, а от них патроны как раз к ТТ подходят). Автоматы — АКМ. Тоже, как я сейчас понимаю, для того, чтобы мы могли их боеприпасы использовать. За день до вылета всем нам выдали получку. Вечерком мы с ребятами накрыли стол, хорошо посидели. А утром отправились на аэродром, в Ташкент. Часть батальона улетала в тот же день из Чирчика. Загрузили технику — и опять в Чирчик. Оставили там всю свою старую форму, а вечером — опять в Ташкент. Взлетали уже ночью. Но, даже находясь в самолете, не знали, куда летим... В Ил-76 вместе с нами летели несколько, судя по внешнему виду, «партизан». Мужики все были в возрасте, в старой военной форме. Нам сказали: это саперы. Мы и поверили. Решили про себя: судя по возрасту, они еще на той войне в саперах воевали... Я к одному подошел, похлопал по круглому животу: не 5 страшно, мол, дядя, на войну вроде как летим? А тот улыбается: да нет, все нормально, не страшно. Уже потом, в Афгане, комбат собрал офицеров и объяснил: «Никакие это не «партизаны», а представители Советского правительства и военачальники». Чуть позже я «своего» встретил: перед ним навтыжку... генерал стоял! Он тоже меня узнал, улыбнулся, спросил, как дела. А я по стойке «смирно» стою и вспоминаю, как его по животу хлопал.

Как Хафизулла Амин сорвал операцию спецназу

Прилетели мы на рассвете. Смотрим: тут же, на аэродроме, наши палатки стоят. Встречает нас... советский десантный батальон из Ферганской дивизии ВДВ. Они, оказывается, раньше - нас сюда прибыли, охраняли аэродром. Выяснилось, что аэродром, где сели, — афганский, Баграм. Рядом с ними в капонирах разместились какие-то афганцы. Судя по всему, важные были люди. Ходили они в нашей, советской, форме, питались с нами в одной столовой, но — никаких контактов. Потом их от нас вообще отделили и даже кормили отдельно. Через несколько дней повезли нас в Кабул на рекогносцировку. Переворот ведь первоначально планировался на 14 декабря. Усадили в машину, по виду «санитарка», а сиденья внутри, как в микроавтобусе. За рулем - офицер КГБ, «гид» - тоже из Комитета. Провезли нас по объектам. С каждым командиром подразделения - приданный офицер КГБ. Со мной был подполковник Анатолий Рябинин. Он до этого бывал в Афгане, работал под «крышей» инженера и прекрасно знал Кабул. Всех сразу предупредили: «Головами не крутите. Чей объект — тот только и смотрит». Мы, разумеется, в советской форме. Подъезжаем к столице. Слева перед въездом расположился афганский танковый батальон. Мимо него никак не проскочишь.

По общему замыслу, мы с приданными комитетчиками должны были захватить все ключевые объекты в городе, в том числе и военные, взять резиденцию Амина. Он в это время находился не в Тадж-Беке, а где-то в другом дворце. И эта задача — на 540 человек всего! Меня планировали на Кабул-радио и Кабул-телевидение. А у меня все силы — один взвод плюс моя, командира роты, БМП. Мы с Рябининым прикинули — это же самоубийство! Я вообще удивляюсь, насколько бестолково была операция спланирована. У меня в старом блокноте схемка осталась. Я втихаря местность набросал, пока разглядывал объект. Вот смотри: внизу улочка такая узкая, что БМП там не развернуться. Справа — посольство США, слева — стадион. Со стороны стадиона атаковать запретили — можно зацепить огнем американцев. Со стороны посольства тоже нельзя — афганцы могут по нему ударить. Остается одно: атака через поле в лоб — там у них четыре танка, три БМП да еще ДШК. Рябинин мне говорит: «Те перебьют тут всех... Будем делать не так. Видел на въезде танковый батальон? Главное, его пройти надо. Ты подбери водителей. Мы в город пробьемся, технику свою оставим, а возьмем у гражданских легковушки. И проедем по этой улочке. Отсюда и будем объект брать».

Не знаю, кто эту операцию планировал, но дошло знаешь до чего? Сержанту (!) поставили задачу: на одном БТРе с отделением солдат взять... афганский КГБ — ХАД!

Когда закончили рекогносцировку, повезли нас на окраину Кабула. Халбаев, комбат наш, перед этим зашел в советское посольство. А мы приехали на какую-то виллу. Тут для нас организовали обед. Пока ели, к вилле подъехали два УАЗика, в которых находились комитетчики и какой-то важный афганец. Мы только потом сообразили, что это был представитель будущего нового Афганского правительства. Не успели обед закончить, заходит офицер и спрашивает: «вы какое-нибудь оружие с собой взяли?». А у нас только пистолеты у офицеров да еще пара АКМов у сержантов. Он ругнулся и вывел нас в холл, а там, в недействующем фонтане штабелями сложены ящики с оружием и боеприпасами. Дали нам автоматы, гранаты, боеприпасы. Мы с тревогой гадаем, зачем это? Вышли во двор. Афганец в окружении офицеров КГБ сел в один из УАЗиков, мы сели в свою «санитарку».

Вновь поехали через Кабул. По пути нас предупредили: «Возле танкового батальона шлагбаум. Если с ходу УАЗ не пропустят — открывать огонь без предупреждения. Шлагбаум проскочить любой ценой!». А УАЗик, то впереди нас едет, то сзади. Когда подъехали к шлагбауму, он как раз сзади был.

И вдруг УАЗик резко нас обогнал и проскочил шлагбаум. Нашу машину тоже никто не остановил. Мы на полной скорости помчались в Баграм. Афганца, который был в УАЗике, плотно опекало КГБ, так что мы могли только догадываться, кто он такой...

Ситуация, сложившаяся в Кабуле накануне 14 декабря, была ясна, пожалуй, только членам Политбюро да кое-кому из руководства КГБ. Все остальные — исполнители — были в полном неведении, даже относительно того, что за задача стоит перед приятелем-сослуживцем.

Владимир Шарипов, командир роты, не знал ничего о том, что будут делать в Кабуле его взводные. Был введен строжайший режим секретности: каждый готовился к перевороту независимо от других, каждый знал только свою роль, сценарий же писался где-то наверху.

Батальон, между тем, жил размеренной армейской жизнью. В 5 утра подъем, потом физзарядка, утренний осмотр, обязательная тридцатиминутная политинформация, завтрак, развод, занятия...

Командиром авиационного полка в Баграме был тогда недружественно настроенный к советским военным афганский подполковник. Одним лишь своим присутствием он постоянно держал в напряжении готовившихся к проведению операции. Накануне переворота решено было его устранить. В момент посадки Ил-76 на аэродроме внезапно погас свет. В несколько секунд подполковника, прогуливавшегося вечером по аэродромной бетонке, скрутили «кагэбэшники» и, дав мощного пинка под зад, впихнули в иномарку. Взревел двигатель, машина рванула с места. Больше никто этого командира полка не видел. Шарипов, ставший я невольным свидетелем сцены, только молча удивился произошедшему. Он и сейчас, вспоминая об этом, подчеркивает:

— А ведь еще и войны-то не было!

Между тем, мало кто в «мусбате» сомневался, что повоевать придется. Решительность и дерзость комитетчиков укрепляли их в этой мысли каждый день.

13-го вечером в расположении батальона выстроилась колонна для совершения марша в Кабул. Согласовали сигналы управления и взаимодействия, распределили позывные.

— Колонну выстроили уже в темноте. Мы с Рябининым пошли получать задачу к генералу КГБ. Зашли в здание, смотрим: у генеральского кабинета стоит здоровенный амбал с «Узи», обвешанный гранатами, на боку пистолет. Он Рябинина узнал, пропустил нас. Мы зашли как раз в тот момент, когда окончательно решался вопрос о времени начала движения колонны. Мне генерал поставил такую задачу: «В твою машину мы посадим человека с охраной. За него будешь отвечать головой. В другие машины загрузишь листовки». Кто человек этот — не говорит. Но мне понятно: раз я иду на радио и телевидение, то этот афганец — кто-то из нового правительства, наверняка с обращением к народу... Думаю, что это был Бабрак Кармаль. Но колонна движение не начала: президент Хафизулла Амин внезапно уехал в тот день из Кабула, и операцию решили отложить. Спецназовцы облегченно вздохнули.

И опять пошли дни ожидания. Угнетала неизвестность. Никто у ничего толком не знал. Так — догадки, обрывки информации.

Вскоре Шарипову поставили новую задачу. Поскольку «мусбат», по взаимной договоренности между СССР и ДРА, должен был входить в состав президентской бригады охраны, то специально для правительства Амина решено было устроить показательные стрельбы — «продемонстрировать мощь Советской Армии». В один из дней ротный выехал за аэродром и потренировался в пусках ПТУР «Малютка» с БМП-1. Предполагалось удивить афганцев боевыми возможностями советского управляемого оружия. Но в последний момент стрельбы отменили. Вместо этого батальон получил задачу передислоцироваться в Кабул и... приступить к охране

дворца Тадж-Бек (в конце декабря Амин перенес туда свою резиденцию). Сам того не ведая, афганский президент облегчил советским спецназовцам выполнение их основной задачи...

В прицеле дворец

23 декабря батальон был переброшен в афганскую столицу. Семьдесят километров преодолели за четыре часа, хотя времени планировалось потратить вдвое меньше. И все из-за того, что афганские посты останавливали их раз пятнадцать. Каждый раз наши, проклиная несогласованность между афганским командованием, выходили на связь со своим руководством. Те дозванивались аж до самого начальника афганского генерального штаба генерала Якуба, и только потом сверху вниз по инстанциям спускалось разрешение продолжать движение дальше...

Страшно даже подумать, что с такой организацией могло бы быть 14 декабря... Пожалуй, далее танкового батальона, что на окраине Кабула, они бы не прошли. Выходит, что убыв в тот день из столицы, Амин тем самым сберег советский спецназ от поражения? В Кабуле колонну встретили офицеры ХАДа и сопроводили ее до самого дворца.

«Мусбат» разместили метрах в трехстах от Тадж-Бека — в казарме. Батальон вошел в подчинение командиру бригады охраны майору Джандаду.

— Мы переоделись в афганскую форму. Афганцы комбату выдали радиостанцию для прямой связи с комбригом.

Джандад тут же начал «строгать» нас за форму одежды. За то, что солдаты оправляются не по-мусульмански... Мы, конечно, для вида соглашались, признавали его правоту.

Между тем в батальоне появились новые люди. «Замполитом» стал полковник ГРУ Василий Васильевич Колесник (в прошлом — командир чирчикской бригады специального назначения). «Заместителем» — подполковник ГРУ Олег Ульянович Швец. В управление батальоном, также под видом одного из замов комбата, был введен представитель КГБ. Под «капитаном Лебедевым» скрывался генерал-майор КГБ Ю.И.Дроздов — начальник Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ.

В один из вечеров батальон навестил комбриг Джандад. Специально для афганских гостей было устроено щедрое застолье. Уезжали они уже почти друзьями...

Вновь была проведена рекогносцировка.

За несколько дней до штурма в столицу прибыла «Альфа». Переодетые в солдатскую форму, ее бойцы незаметно растворились среди солдат «мусбата». У каждого был чемодан с личным оружием, бронежилетом и прочим снаряжением.

Незадолго до их появления из Москвы прибыла посылка: пять тяжелых ящиков. Когда комбат Халбаев вместе с Шариповым вскрыли их, то обнаружили внутри... три десятка бронежилетов. Впрочем, прибывшие вслед за «Альфой» офицеры КГБ из группы «Зенит» тут же реквизируют бронежилеты. Предполагалось, что именно им придется действовать внутри дворца, а раз так, то «Зениту» «броня» нужней, чем «мусбату».

Планировалось, что «Альфу» к Тадж-Беку мы доставим на своих БМП. В штурмовую группу под мою команду выделили пять машин. В каждую, кроме экипажа, я посадил по два бортовых пулеметчика с ПК, 20 «альфовцев» разместил равномерно по «десантам» всех БМП. И начали мы их учить посадке-высадке.

Пробовали высаживать, как положено, когда машина идет на пониженной передаче. Но они говорят: скорость слишком маленькая. На первой передаче попробовали — тоже медленно. Пришлось им учиться высаживаться в условиях, когда БМП идет на второй передаче. «Альфовцы» поначалу снопами вываливались из машин...

Что интересно, вся подготовка к штурму происходила прямо на глазах у афганцев. Поэтому мы маскировали свои действия под обычную, плановую боевую подготовку. Ничего иного нам не оставалось.

По ночам, примерно в 24 часа, и в 6 утра машины заводили и проводили занятия по вождению. Приучали афганцев к тому, что у нас эта «боевая подготовка» идет круглые сутки. С постов, которые на высотах вокруг батальона были расположены, пускали осветительные ракеты. Командир бригады Джандад поначалу звонил среди ночи: «Что такое, почему стреляют? Почему машины гудят?». А комбат наш Хабиб Таджибаевич ему отвечал: «Да у нас боевая подготовка идет. Нормально все». Джандад: «Почему не предупреждаете заранее?». Халбаев: «У нас же каждую ночь занятия, чего тут предупреждать?».

Вечером 24 декабря в кабинете главного военного советника в Афганистане генерал-полковника С.К.Магомедова решался принципиальный вопрос: кто будет руководить операцией, а значит, и возложит на себя ответственность за ее исход? Вопрос обсуждался долго. Слишком скользким он был, щекотливым. Возглавлять такое дело мало кому хотелось. Все понимали: если провал — перед афганцами повинятся,

заявят, что у офицеров что-то случилось с головой, руководство СССР здесь совершенно ни при чем. Наконец, буквально каждый боец понимал: идти с такими скромными силами в бой — самоубийство.

Так что назначали, скорее, крайнего, а не руководителя операции. После долгих дебатов жребий пал на полковника ГРУ Василия Колесника — был он в свое время комбригом в спецназе, его план штурма дворца был признан лучшим, а стало быть, ему и карты в руки.

Из прокуренного кабинета разошлись уже 25-го.

Время «Ч» было назначено на 22 часа 21 декабря. До начала штурма оставалось немногим более двух суток...

Накануне

Комбриг Джандад в ночь перед штурмом провел с бригадой занятия по боевой готовности. Словно чувствовал что-то.

Задачу мне поставил сам Колесник: «Стартанешь на пяти машинах. В каждой — по пять человек твоих, плюс «кагэбэшники». Потом твоих людей, кому не хватит места в БМП, подвезут следом. Сразу же с началом движения откроешь огонь из всего оружия. Оцепишь здание так, чтобы никто не ушел. Внутри будет Комитет действовать, а твое задание — никого не упустить!»

Никого — это, в первую очередь, самого Амина! Боеприпасы приказано было выдать за час до начала операции. Ее начало было перенесено на 20 часов.

Штурм дворца планировалось осуществить двумя группами. Первая — «Гром». Это бойцы «Альфы» под командой Михаила Романова. Позже, перед Штурмом, к 20 бойцам группы «А» подключились Э.Козлов, Г.Бояринов из ПГУ и мы, 25 человек из «мусбата». Как раз получилось по 9 человек на каждую БМП. Вторую группу составили бойцы спецподразделения «Зенит» и еще одна группа ребят из нашего батальона на БТРах. Мы решили своей группой идти к дворцу по дороге. Поначалу хотели, было, рвануть напрямую, потому что дорога афганцами была пристреляна. Но вокруг здания шла стена высотой метра четыре. Да еще ров Дауда по всему периметру. Он, правда, сухой был. Мы предполагали поставить на его дно машину и по ней перебраться через ров, а стену взять с помощью штурмовых лестниц. Но потом подумали и решили: пойдем по серпантину вверх вокруг холма, на котором расположен дворец. Чтобы от охраны Тадж-Бека отличаться, не перестрелять друг друга в темноте, на рукав, выше локтя, каждый боец штурмовой группы намотал белый бинт. Группу «Зенита» к ведущей к главному входу лестнице должен был следом за нами доставить на своей технике командир взвода лейтенант Турсункулов. Определили позывные. Нашей штурмовой группе — «Миша» (по имени командира «Альфы» Михаила Романова). «Зениту» — «Яша» (командир — Яков Семенов).

До штурма оставались считанные часы. Мы находились на холме прямо перед дворцом. Задачу от полковника Колесника получали там же, на холме.

Все спланировав, я и Романов подошли к «замкомбата» — генерал-майору КГБ (Ю.И.Дроздову). Он предложил нам посмотреть альбом со схемой здания. Мы просим: «Дайте его в группу!». А генерал головой мотает: «Нельзя!». Потом ко мне обращается с такими словами: «Запомни! Нам отступать некуда. Я тебя, если неудача случится, в лучшем случае, смогу сделать перед афганцами психом-дурачком... Смотри, чтоб Амин не ушел! Не дай Бог, объявится в другой стране!..».

Генерал сказал тяжкие слова. И Шарипов понимал, он не шутит. Сознание неотвратимости надвигающихся событий решительности не прибавляло. Скорее наоборот. Страшно было уже даже не за себя, страшно было за успех Операции...

За день до ее начала, 26-го, командование предоставило «мусбату» возможность немного расслабиться - устроили банный день. Офицеры (хохмы ради, наверное) постриглись под «ноль». Солдаты, глядя на командиров, тоже сбрили с голов всю растительность. Все они были молоды, любили жизнь, веселье и не хотели думать о завтрашнем дне. Не хотели думать о возможной смерти...

27 декабря в расположение батальона въехала афганская машина. Из бригады охраны прислали «мусбатовцам» верблюжьи одеяла. Обычное вроде дело — машины, одеяла. Но когда стали их выгружать, кто-то из офицеров КГБ узнал среди приехавших афганцев переодетого в солдатскую форму офицера ХАД. Неужели что-то почувствовали? Посоветовавшись, решили его арестовать. До начала операции оставались считанные часы, поэтому арест О осложнить отношения не мог. ХАДовца взяли тихо, заперли в пустую комнатку, поставили часового.

В батальоне уже вовсю шла подготовительная суета: получали боеприпасы, проводили в подразделениях политинформации. Солдатам объявили: американцы собираются разместить на территории ДРА ядерные ракеты средней дальности, Амин — государственный преступник, его надо сместить силой. Так уж получилось, что в суете командир взвода снял своего солдата с поста у комнаты, где сидел задержанный ХАДовец. Афганец, конечно, сбежал. Когда его хватились, было уже поздно что-либо предпринимать. В спешном порядке начало операции перенесли еще на час вперед...

Главное было — не допустить вступления в бой бригады охраны, заблокировать афганцев в пунктах постоянной дислокации. На каждый батальон охраны шла рота спецназа, а то и меньше — таково было соотношение сил...

Взвод «Шилок» старшего лейтенанта Василия Проуты встал на холме напротив дворца. Толстые стены были «не по зубам» для их снарядов. Но «Шилки» — «море огня». Они способны были загнать афганцев внутрь здания.

Изготовившиеся к броску, БМП выстроились в колонну. Часы отсчитывали последние мирные минуты. Или пан, или пропал! А внутри было нехорошо — до тошноты. Был все же страх, был!..

— Ребята-«альфовцы» достали бутылку. Разлили, выпили грамм по сто. Я подзываю механика-водителя первой БМП: иди-ка сюда. Подбегает. Я ему кружку в руки даю. Боец нюхнул и удивленно на меня уставился. В батальоне нашем отличная дисциплина была. Не поймет солдат, шутит что ли командир? «Это ж водка!». Я ему говорю: «Пей, давай!». Он кружку опрокинул, повеселел: «Спасибо, товарищ старший лейтенант». И бегом к машине. Сам я сел на место механика-водителя в другую БМП. Запустили двигатели...

«Шторм»

Настала та самая минута, к которой они столько готовились, ради которой пришли в эту страну.

19.00. Гусеницы боевых машин пехоты рванули мерзлую землю, и они с ревом ушли в темноту. Тут же ударили по придремавшему Тадж-Беку «Шилки». Огненные трассы крошили стены, стальным вихрем врывались через окна внутрь помещений. Крики, звон разбитых стекол, визг рикошетирующих снарядов. Где-то погас свет. Кто-то из охраны схватился за оружие, кто-то бросился к телефону. А связи уже не было — поработала «Альфа», взорвав колодец связи на площади Пуштунистана, неподалеку от дворца. Очень опасными для атакующих были два танка у шлагбаума, перед въездом на дорогу, которая вела к дворцу. Здесь все решала скорость. Кто окажется быстрее: спецназ или танкисты?

Головная БМП с ходу разнесла в щепки полосатое бревно шлагбаума. На бешеной скорости пять БМП пронеслись мимо застывших монументами танков президентской охраны. Выскочивший из «караулки» на шум солдат-афганец погиб, так и не поняв, что произошло. БМП смела его с дороги, отшвырнув тело под гусеницы следующей машины...

А там, где на вершине холма темнел монолит Тадж-Бека, под огненным ливнем «Шилок» металась застигнутая врасплох охрана дворца. В темноте декабрьского вечера афганцы еще не видели атакующих, но уже отчетливо был слышен надсадный рев приближающихся боевых машин...

Мы только двинулись, у меня пропала связь с командным пунктом... Почему, до сих пор не знаю. Я с группой своей на дворец, о словно в одиночестве шел... С ходу все пять машин стали бить по я окнам из пушек и пулеметов. И тут... В общем, на въезде на площадку перед дворцом первая БМП зацепила край стены и... заглохла! Уже стрельба вовсю, с парашюта дворца по нам в упор лупят, а механик никак передачу выбить не может! Пули ливнем по машине бьют. Я думаю: «Не хватало только еще гранатометчиков, по одному на каждую машину». Такого огня мы не ожидали... Я сразу дал команду спешиться. «Альфовцы» наружу выбрались. А огонь такой плотный, что им за машинами пришлось укрыться!.. Наконец, первая БМП завелась, сдала чуть назад и мимо этой стенки выскочила к дворцу. Мы — за ней следом вырвались на площадку. Словом, к зданию пробиться невозможно. Вдобавок ко всему наши «Шилки» лупят так, что снаряды над самой головой летят. Они немного ниже дворца стояли, вот и получались траектории столь низкими. Я давай по радиостанции комбата вызывать — никакого ответа... Тут вдруг чувствую, шнур от радиостанции натянулся, и меня аж развернуло всего. У нас ведь радиостанции какие? Сама она на спине у бойца-связиста, а наушники и переговорное устройство — у командира. Боец, бывает, повернется неловко — и потянет за собой все это «хозяйство». Я только развернулся бойца ругнуть, а он уже — все, готов, на землю валится. И тут вижу — а в арыке рядом с нами афганец лежит, прячется от огня. В память почему-то врезалось: у него на руке часы с рубиново-красным циферблатом. Я по нему очередь дал... Вроде попал, а он... подпрыгивает. Я еще очередь — он подпрыгивает. А это пули АКМовские тело прошивают и от бетона рикошетом тело подбрасывают... Только повернулся в другую сторону, мимо БМП афганец-офицер с ПМом в руке бежит. Я его свалил из

автомата. Пистолет подобрал зачем-то, Бояринову из «Альфы» показываю. А он мне: «Ну давай, бери, первый твой трофей...».

Штурмовая группа Шарипова сумела-таки подавить огонь защитников дворца. Рассредоточившиеся вокруг здания БМП вели непрерывный огонь. Под его прикрытием «Альфа» ринулась на 1 штурм.

Мои солдаты-пулеметчики как увидели, что «кагэбэшники» пошли в атаку, тут же рванули за ними следом! Забыли начисто своей задаче, такой был порыв. Если бы Амин в тот момент через окошко выпрыгнул, запросто бы ушел! Я за бойцами следом. Надо же остановить! Возле самого здания меня вдруг, как кирпичом, по левому бедру ударило. Я сразу и не понял, что ранен. Добрался до входа, вижу: Бояринов лежит — убит. Забрало шлема у него было поднято, видно, что пуля прямо в лицо попала. Кое-как я к своей БМП доковылял. Вколол себе промедол из аптечки. Чувствую, надо еще. Подзываю солдата — Джумаева. Он у меня вместо ординарца был. «Давай, — говорю, — бегом за аптечкой!». Его перед самой отправкой в Афган, КГБ потребовал оставить в Союзе. Отец когда-то, еще до рождения Джумаева, был осужден. А солдат «зайцем» в самолет забрался и прилетел вместе с нами в Баграм. Ну не отправлять же его обратно! Так вот, он убежал за промедолом и словно пропал — нет и нет. А тут мне «альфовец» кричит: «Прекрати огонь по второму этажу! Там никуда зайти невозможно». Долго Джумаева не было... Потом прибегает с промедолом. Я ему: «Ты куда пропал!». Он рассказывает, добежал до БМП и увидел, что неподалеку от «брони» лежит пулеметчик Хезретов и в одиночку сдерживает афганцев, которые, опомнившись, поперли снизу из караулки вверх, к дворцу. Ему пулей челюсть нижнюю своротило, кровища хлещет, а он — стреляет! Мужественный парень! Джумаев метнулся в БМП, из чьего-то вещмешка полотенце вытащил, Хезретову челюсть кое-как подвязал — и только тогда ко мне. Тут бой начал стихать. Кто-то из «Альфы» опять мне машет: «Все! Амина убили! Докладывай!». Я говорю: «Постой, я сам пойду посмотрю». Мы поднялись по лестнице наверх. Зашли в комнату. Амин лежал в трусах и майке около бара. Плеча левого, считай, как и не было. То ли его из «Шилки» достали, то ли гранатой — не разберешь. Я его узнал по тем фотографиям, которые до этого показывали.

Все... И хотя наверху, на третьем этаже, еще кипел бой, Шарипов с облегчением понял: свою задачу штурмовая группа выполнила. Осталось доложить о смерти афганского президента. Ротный спустился к БМП, еще раз попытался оживить замолкшую радиостанцию. И, удивительное дело, сразу же удалось связаться с батальоном. Ответил начштаба капитан Ашуров.

— Я думаю: как ему сказать? Открытым текстом нельзя. И кое-как на ломаном узбекском языке давай объяснять. Тот меня с ходу понял.

А стрельба уже перекинулась на чердак. Бойцы «Альфы» выбивали последних защитников дворца. Прихрамывая, Шарипов снова пошел к зданию.

Вскоре подъехали Халбаев и Колесник. И все получилось по-киношному.

— Я увидел Халбаева, принял строевую стойку, руку к козырьку и начал докладывать о выполнении задачи. Я-то думал, что он меня прервет и мы зайдем внутрь дворца. А он встал навытяжку, тоже руку к головному убору приложил и... так весь доклад выслушал. А стоять у здания было еще опасно, постреливали. Колесник ситуацию понял, говорит: «Зайдите в здание. Опасно здесь». Они внутрь прошли, а я остался снаружи. Штанину задираю — все белье мое в крови. Дырка — сквозная. Вышел Колесник: «Трупы и раненых забирай — и в расположение». Моему замполиту Рашиду Абдуллаеву дали команду похоронить Амина. Вошли в комнату, Абдуллаев за руку Амина ухватил, а она... оторвалась от тела. Он тогда Амина в штору завернул и куда-то отвез. Куда — одному ему известно... Стали мы потери подсчитывать. У нас — один убитый, много раненых. А всего в моей роте 27 - 28 декабря погибло трое: Шербеков, Хусанов и Курбанов. «Альфа» и «Зенит» тоже понесли потери.

Семь минут до залпа...

В тот вечер успех сопутствовал не только штурмовой группе Владимира Шарипова. Практически все объекты, на которые были нацелены подразделения «мусбата», спецназ взял без серьезного сопротивления. Однако не обошлось, увы, без стрельбы по своим. «Шилка» пробила борт одной из БМП роты Шарипова, снарядом оторвало пятку командиру взвода Абдуллаеву. А когда он попытался выбраться через верхний люк, две пули пробили руку. Настолько плотный огонь вели защитники дворца. И все же взводный, истекая кровью, продолжал командовать! В уже захваченном спецназом Тадж-Беке и около здания штаба бригады только что вошедшие в Кабул и ничего не знавшие об операции «Шторм» витебские десантники вступили в бой с... «мусбатом». Подвела афганская форма последних. Были потери с обеих сторон.

— В одном месте они из БМД влупили по нашему БТРу. Пока разобрались, кто свои, кто чужие... Слава Богу, никто не погиб...

Интересный штрих запомнился. Наш зампотылу, узбек, «дядя Жора», так его мы звали, пленных в КамАЗ грузит. Их было много, все не умещались, тогда он очередь из АКМа вверх дал, пленные от страха друг на друга полезли, сразу полкузова освободилось. Можно еще загружать. Нас, раненых, повезли в посольство. Вдруг — стрельба впереди. И русский мат-перемат. Мы выглянули, а это нас витебские десантники остановили. Решили, что мы афганцы, и давай нас в плен брать. Мы их спрашиваем: «Вы куда направляетесь?». А они в ответ: «Едем дворец Амина брать!» Оказывается, ни о «мусбате», ни об «Альфе» они ничего не знали...

...В 1982-м, когда участники штурма отмечали трехлетие операции «Шторм», офицер «Альфы» неожиданно сказал сердечное спасибо Шарипову за то, что тот вовремя доложил о смерти Амина. И пояснил: если бы доклад опоздал на семь минут, то с кабульского аэродрома по дворцу ударили бы реактивные системы залпового огня.

— Теперь я понимаю: была задумана двойная страховка на случай, если бы моя штурмовая группа не смогла выполнить задачу. Сначала РСЗО ударили бы, а потом бы на дворец пошли десантники. Но получилась полная неразбериха, и витебчане шли на уже взятый нами дворец.

Так родилась легенда о том, что гвардейцы из 103-й ВДД захватили резиденцию афганского президента.

К утру 28 декабря все было закончено. За несколько часов было взято в плен около двух тысяч афганцев, над столицей установлен полный контроль.

Почему герои не стали «Героями»

Всех раненых привезли в посольство СССР. Врачи схватились за голову: как с ними со всеми быть? Одно дело — много. Другое — ранения все огнестрельные, а это уже особая «отрасль» медицины. По элементарной некомпетентности Шарипову сквозную рану зашили, чего делать было ни в коем случае нельзя.

В палате он оказался рядом с офицером КГБ Валерием Емышевым, тоже участником штурма. Во дворце Емышеву по локоть оторвало руку. Болтающееся на лоскутах кожи и волокнах мышц предплечье еще в Тадж-Беке отрезали ножом. Для молодого здорового мужчины это было страшным ударом. Как же теперь без руки-то? Утешение: «Хорошо, что вообще жив остался» — не помогало...

На следующий день Ил-18 доставил раненых в Ташкент. Через 5 несколько дней, уже в январе 1980 года, самолетами военно-транспортной авиации перебросили в Союз и «мусбат».

Настоящий шок испытал Шарипов, когда, лежа в госпитале, по советскому телевидению увидел... суд над Амином! Что за фокусы? Убили же его, мертвое не бывает! Разгадка оказалась проста и оригинальна: еще при жизни президента уговорили его сняться в художественном фильме о самом себе, в котором была сцена суда над ним. Такое событие когда-то действительно имело место в судьбе Амина. Но для большинства людей, видевших эти кадры, для иностранцев это кино выглядело вполне реальным репортажем из зала суда. Кто там разберет, что это за суд? Главное — реальный, живой президент.

— В ташкентском госпитале я лежал вместе с ребятами из КГБ. Они меня называли «командир». Врачи удивлялись: эти — старшие офицеры КГБ, а тут — общевоинский, старлей и вдруг — «командир». Откуда им знать было, что я штурмовой группой командовал?.. Потом «альфовцев» увезли долечиваться в Москву. Старшего лейтенанта представили к званию Героя. Но тут случилась довольно неприглядная история, главную роль в которой сыграло тщеславие и болезненное самолюбие одного единственного человека.

В «мусбате», как и в любом другом батальоне, был секретарь партийной организации. Должность эта была освобожденной. Товарищ этот ничем иным, кроме парторботы, по долгу службы не занимался. Офицеры его откровенно недолюбливали, относились к нему с неприязнью и не потому, что являлся парторгом. Такой уж он был неприятный человек. В Афганистан он полетел вместе со всеми. 27 декабря непосредственно в боевых действиях не участвовал. А награждали в батальоне всех, и участников, и очевидцев. Только первым давали и ордена, и медали, а вторым, таким, как он, — всего лишь медали. Партиец обиделся: вон, даже солдатам ордена дают, а я все же офицер! И «настроил» бумагу наверх о мародерстве, которым занимались штурмовые группы после боя.

Дело в том, что сразу после штурма по дворцу прошли люди из Комитета госбезопасности и выпотрошили все сейфы и ящики в поисках важных документов. На пол вместе с бумагами летели и афганские деньги. Оказавшиеся рядом солдаты и офицеры, чего уж греха таить, набили этими экзотическими бумажками карманы, сами еще толком не зная, понадобятся они им или нет. Мол, чего ж добру пропадать? Эти трофеи

брали все. Оказавшись в стороне от места событий, партийный вожак ничем разжиться не смог и, разволновавшись по этому поводу, попробовал выклянчить немного афгани у офицеров, вернувшихся из боя. Реакция оказалась довольно резкой. Один из сослуживцев со злорадной улыбкой сжег на его глазах пачку денег...

Бумага попала куда надо и сработала как надо. Собрали общее собрание во главе с представителями вышестоящей инстанции, стали «трясти»: кто чего в Кабуле купил и на какие такие шиши, если денежное довольствие не выдавалось? Представленным к орденам, снизили ранг награды на одну ступеньку. Не пощадили и представленных к званию Героя. В итоге в батальоне — семь орденов Ленина и ни одной Золотой Звезды. В роте Шарипова: один орден Ленина, пять - Красного Знамени, двенадцать — Красной Звезды, медали.

Перед Шариповым, ничего, кроме сквозной дырки в левом бедре, из Афгана не вывезшим, потом долго извинялись:

— Ты уж прости, Володя! Мы совсем забыли, что тебя от дворца о сразу в посольство отвезли с ранением. А так бы хоть один Герой Советского Союза в батальоне был. Э-эх!..

Эпилог

Офицеров «мусбата» через некоторое время потихоньку разбросали по всему Советскому Союзу. Солдат уволили в запас. Все дали подписку о неразглашении государственной тайны.

После апреля 85-го никто на эту подписку внимания уже не обращал. Заговорили все, пресса только успевала выдавать на-гора публикации на тему декабрьского переворота в Кабуле.

...А Владимиру Шарипову еще раз довелось пересечь «речку». Прибыл в Афганистан на должность командира десантно-штурмового батальона в 66-ю мотострелковую бригаду. Правда, когда через некоторое время об этом узнали в ГРУ, его немедленно отозвали в Союз. Не дай Бог, окажется в плену и заговорит.

Потом была Военная академия им. М.В.Фрунзе, разведуправление Прибалтийского ВО, нелюбимая штабная работа, рапорты с просьбой о переводе в войска, бесквартирье. В Таллинне первое время семья — он, жена и двое детей — жила в... театральной гримерной клуба полка. Наконец его просьбы удовлетворили, и в 1987 году Владимир Салимович Шарипов стал командиром мотострелкового полка. На этой должности прослужил шесть лет. После вывода советских войск из Германии остался в Беларуси, стал заместителем командира 11-й механизированной бригады. Не раз и не два ему предлагали высокие должности в родном Таджикистане. Например, как-то предложили стать командиром 201-й мото-стрелковой дивизии. А в 1992 году — должность министра обороны Таджикистана. Но Шарипов ответил отказом. Участвовать в гражданской войне на родной земле — это не для него. «Теперь уже все, здесь мне до конца быть», — Владимир Салимович невесело улыбается. Невесело ему оттого, что там, в Душанбе, остались родные ему люди: мама, братья, сестра. Там похоронен его отец — полковник Салим Шарипов, человек, которым гордится Владимир Салимович и о котором говорит, избегая слова «был».

...На стене гостиной его квартиры — картина, на которой изображен штурм Тадж-Бека. Пламя в темноте, трассы пуль, снарядов, темные коробки БМП. «Мои бойцы нарисовали. Взводному такую же подарили, только на его картине трупы лежат повсюду, даже из окон свешиваются. А я так не захотел. Ни к чему это...» Я уезжал поздним вечером. Накапывал дождь, небо еще плотнее, чем утром, затянули свинцовые тучи. Прощаясь, Владимир Салимович пожал мне руку и негромко, но жестко произнес:

— Надо написать так, как на самом деле было, ты понял? Без вранья! Меня это так уже достало! И в газетах, и на телевидении. Я рассказал тебе то, что видел сам.

Д. Лютый. Мне было с чем сравнить

О зоне ответственности

Если подняться на вертолете тысячи на две, то в хорошую погоду можно увидеть всю долину Нангархар, лежащую на востоке Афганистана, и по достоинству оценить ее могущество и красоту. Кажется, что долина вобрала в себя все многообразие афганских ландшафтов: плотные кишлачные зоны вдоль русел рек и их пустынные высохшие русла, водостоки и овраги, горные массивы со снежными вершинами, участки каменистых плоскогорий и пустынь, кустарниковые и лесные заросли на склонах гор. Через всю долину с запада на восток, извиваясь, синей лентой, течет горная река Кабул, очень своенравная, с сильным и быстрым

течением. С севера в нее впадает не менее полноводная река Кунар, несущая свои воды через одноименную горную провинцию.

На северо-востоке раскинулся горный массив, за которым прочно закрепилось название «мрачные горы». Название это связано с тем, что именно здесь, на границе с Пакистаном мятежники ^ оборудовали целую цепь укрепленных базовых районов, таких как «Тангай», «Гошта», «Варакалай», «Карера», «Нева» и другие. (Г. Удовиченко)

На новом месте

В Афганистан я вошел в составе 173 отряда в должности командира 5 роты. Еще на Кушке прежний командир роты был признан неспособным к командованию, отстранен от должности и направлен обратно. Ротным назначили меня, но в мае, после оргштатных преобразований, я оказался без роты. Как выяснилось, даже приказа о моем назначении не было. До конца лета я командовал группой минирования. Батальон уже воевал, давая хорошие результаты. К концу августа освободилась должность командира 1-й роты в Джелалабаде. Туда я и прибыл на повышение. В этот период в батальоне очередная эпидемия выкосила полчасти. В моей роте из командования, кроме сержантов, был только старшина и замполит. Немного позднее появился зампотех.

После Кандагарского отряда, где бойцы были вышколены и обучены, здесь было вообще непонятно, что это за войско. Командовал отрядом знакомый мне по Лагодехи В.П.Портнягин. Я ничего не могу сказать плохого о нем как о человеке, но как командира я его не понимал. В батальоне не было никакой разведки.

Досмотровые группы не работали и район не изучали. Боевой подготовки никакой. Комбат мог сесть в свой УАЗик и укатить в Джелалабад, никому ничего не сказав. Планирования боевой деятельности не велось. О том, насколько бестолково и непродуманно действовал отряд, свидетельствует такой пример.

Я еще даже не успел принять роту и ее имущество, как вдруг комбат мне ставит задачу на засадные действия. Я, не зная ни местности, ни своего личного состава, без единого взводного должен был идти на войну. Ко всему прочему, он даже толком не мог объяснить, где, на каких маршрутах следует организовать засаду. Поняв всю степень авантюризма задачи, я сослался на то, что нужно закончить прием имущества, поскольку материальная ответственность есть материальная ответственность.

Пользуясь небольшой паузой, я поехал знакомиться с летчиками и договорился о проведении облетов. Полетав над зоной нашей ответственности, я понял, что это совсем другая местность по сравнению с Кандагаром. Здесь и действовать нужно иначе. Засады при отсутствии выраженных караванных маршрутов были малоэффективны. Оружие и боеприпасы духи, конечно, доставляли, но главным образом по горам и «зеленке». Здесь не ездили на машинах. В основном оружие доставлялось вьючными животными. Троп для них в горах немеряно. Можно сидеть и ждать у одной тропы, а караван пройдет за соседней горюшкой, и ты его даже не услышишь. Пока я прикидывал, как же тут воевать, комбат продолжал настаивать на том, чтобы я с ротой вышел на засаду. При этом его не особо волновало, где я буду действовать. Пользуясь этим, я решил провести тренировочный выход где-нибудь поближе к тропе. Я не был уверен ни в своих бойцах, ни в командовании отряда, что оно способно быстро и эффективно оказать мне помощь, если меня начнут долбить духи.

Главный кандагарский принцип: «Прежде чем влезть куда-то, подумай о том, как будешь вылезать».

Надо наводить порядок

Роте я поставил задачу на подготовку, объявив время и место построения со всем необходимым для совершения боевого выхода. Сам прилег отдохнуть, полагая, что отряд в Афганистане находится чуть ли не с самого начала и контролировать ход подготовки не нужно. К указанному времени я был возле роты, но ни единого солдата не увидел. Я был немало удивлен, но это были только цветочки. Естественно, что после того, как я в удрученном состоянии духа зашел в казарму, рота построилась. Но лучше бы она продолжала спать. Увидев эту «банду мародеров», а не регулярное подразделение спецназа, я чуть не лишился рассудка. То, что вместо роты стояла примерно одна группа, было понятно, поскольку эпидемия. Но когда я не увидел людей, собравшихся на войну, ни одного рюкзака, я здорово озадачился. Мало того, АТС-17 в строю тоже отсутствовал. Не было и реактивных гранат. Окончательно меня сразил пулеметчик, из пулемета которого торчала лента на 25 патронов. Когда я спросил, сколько у него патронов, он ответил: «До х...я, товарищ капитан». Когда я попытался уточнить, сколько же это конкретно «до х...я», то узнал, что это соответствовало ста пятидесяти патронам. Как мне объяснил боец, патроны он несет россыпью и намерен каждый раз дозаряжать свою куцую ленту.

Услышав это, я понял, что и сегодня никуда не полечу. Пошел к комбату и в категорической форме заявил, что пока из роты я не сделаю боевое подразделение, я никуда не пойду.

Все же мне повезло. У меня был очень толковый и надежный замполит, что само по себе — большая редкость. Но Жора Борецкий был исключением из правила. Он обычно командовал в роте бронегруппой, и мы с ним очень удачно взаимодействовали. Очень толковый был зампотех. Он, как правило, ездил на БРМ и возил с собой бездну запчастей. Надо сказать, не зря. Устранить любую неисправность в полевых условиях для него было левым делом. Боевой был в роте и старшина по кличке «Клава». Именно на них я и опирался при наведении порядка в роте.

На первых порах были какие-то попытки поднять «мятеж». Но «зарядив в тыкву» самым отъявленным мятежникам, я окончательно дал понять, что в роту прибыл хозяин. Постепенно все стало налаживаться. Я летал на облеты и упорно изучал местность. Однако ни моя рота, ни другие подразделения ничего особо выдающегося в этот период и не совершили. Из результатов была какая-то мелочевка, про которую и говорить не стоит.

Как ранили комбата

Однажды духи обстреляли Джелалабадский аэродром реактивными снарядами. Мы выскочили по тревоге. Портнягин задачу поставил лучше некуда: «Этот кишлак твой, а этот мой». «Доходчивей» мне задачу никто не ставил. Я прикрыл действия своих боевыми машинами и проверил кишлак. Там было пусто. Завершив свою работу, вышел на развилку, где мы должны были встретиться с комбатом после того, как он проверит свой кишлак.

Но в кишлаке, куда рванул Портнягин, духи были. В составе бронегруппы, которая пошла туда, был проводник, лейтенант из батальона охраны. Именно их БРДМ и обстреляли в кишлаке из РПГ-7. Водителя практически разорвало надвое, а лейтенант, бросив в машине секретную карту, на которой были нанесены все минные поля и посты батальона охраны, все пристрелянные цели артиллерии, сбежал.

В эфире я услышал голос комбата: «Все ко мне!». Больше ничего понять было нельзя, поскольку частоту они сами и забили, пытаясь говорить все сразу. Программу связи комбат «презирал» и организацию взаимодействия тоже. Я поспешил на выручку. Вскоре в кишлаке мы обнаружили подбитый БРДМ. Чтобы не подставлять машины, я приказал им дальше не двигаться, а взять окрестности под наблюдение, развернув башни в разные стороны. Мы полезли пешком. Духи, хоть и отвечали огнем, но нам удалось вытащить и труп водителя из подбитого броника, и карту, и комбата, которого ранило в руку в том бою. Духи отошли по руслу на другой берег, мы их не преследовали.

*

На всех совещаниях я призывал офицеров использовать опыт кандагарского отряда, ссылаясь на официальные сводки, сообщавшие о результативной работе моих бывших сослуживцев (в душе я даже жалел о том, что ушел в Джелалабад). Однако мои нападки вызывали у офицеров, скорее, неприязнь, чем желание следовать положительному примеру. Но это длилось недолго. В начале ноября 1984 года я, как и многие другие, загремел в госпиталь с тифом, а потом подхватил и желтуху.

С. Козлов. Беркут

Владимир Павлович Портнягин очень любил спецназ. Зная его, я думаю, что эта любовь с годами не остыла. Но, к сожалению, любовь его была платонической, поскольку в профессиональном плане он был совершенно импотентен.

Закончил он политическое училище и прибыл в 12 обрСпН на должность замполита роты. Самое интересное, что, по большому счету, настоящим замполитом он тоже не был. Методы воздействия, которые он применял к своим подчиненным, были более чем странными, если не сказать больше.

Например, В.Г.Солоненко рассказывал о том, как однажды он заступил в наряд дежурным по части, а помощником заступил Портнягин. Спустя некоторое время после ужина в дежурку прибежал совершенно перепуганный повар и попросил Солоненко придти в столовую или там случится что-то страшное. Солоненко поспешил в столовую и застал там такую картину. В котле сидел один из бойцов, а Портнягин распекал наряд за плохо помытую посуду и грозился сварить несчастного. С большим трудом Солоненко удалось уговорить рыяного помощника этого не делать.

В другой раз тот же Солоненко проверял караул, где службу нес Портнягин. Все было организовано идеально, только... отсутствовала бодрствующая смена. Выйдя во двор караульного помещения, Солоненко обнаружил бойцов, закрытых в зарешеченном пожарном щите, где они учили уставы стоя, поскольку там только и можно, что стоять.

В конце концов, Портнягин сломал челюсть солдату, и его перевели в пехоту. Поскольку физически он был подготовлен хорошо, то там он стал начальником физической подготовки и спорта полка. Несколько позднее, заморочив голову начальству своими воспоминаниями о службе в спецназе, он стал начальником разведки полка. Я даже не берусь представить, на каком уровне находилась там разведка. Но, видимо, командование это не волновало. В пехоте в мирное время на разведку практически не обращают внимания.

В 1980 году при формировании 173 ооСпН, когда собирали офицеров пехоты со всего округа, Портнягин был назначен заместителем командира отряда. Кличку "Беркут" он получил за орлиный клюв, птичьи повадки и нервный тик, в результате которого он постоянно моргал и совершал движения головой, будто хотел кого-то клянуть. Здесь он тоже не оставил своих «зверских» привычек. Как он рассказывал, в свое время он сотрудничал с органами милиции. С той поры в нем жила страсть к поимке преступников.

Проверяя как-то караул, он увидел на малоосвещенной улице какие-то тени. Увидев его, идущего со сменой, «тени» бросили то, что несли, и метнулись в сторону, пытаясь скрыться. Долго не раздумывая, Портнягин крикнул: «Стойте! Стрелять буду!» и после этого, вырвав из рук разводящего автомат, «засадил» очередь по убегающим. Один из «злоумышленников» упал, как подкошенный. Когда подбежали, то выяснилось, что это были бойцы из роты минирования бригады, которых ротный отправил на недалеко расположенную стройку украсть несколько досок для нужд роты. В армии процветал хозспособ, когда для строительства и ремонта ничего не давали. Нужно было все это добывать самостоятельно. Солдат получил ранение в область тазобедренного сустава.

Случай скандальный, поэтому раздувать его никто не стал. Списав ЧП на неосторожное обращение с оружием, дело замяли. Портнягину везло.

Организовав несколько «показух», на которых присутствовало высокое начальство, он был обласкан, и в 1983 году стал командиром второго батальона, где я служил взводным в 4 роте.

Как это бывает у импотентов, свою неспособность к делу они замещают рассказами о своих половых подвигах. «Вешать лапшу на уши» Портнягин великий мастер. Поэтому даже серьезные командиры групп, такие, как Вася Шараевский, Мишка Вороницкий и Гриша Бородин в один голос расхваливали его, говоря, что он настоящий рейнджер. Однако я, прислушиваясь к мнению окружающих, привык составлять свое собственное.

Уже скоро я усомнился в профессиональных качествах нового комбата. Когда же мы выехали в горный учебный центр, в Кировакан, я имел все основания убедиться в верности моих сомнений. Беркут, занимая должность командира отряда, им, в сущности, так и не стал. Он постоянно пытался вмешаться в учебный процесс, видимо, стараясь быть близким солдату.

Например, на занятиях по горной подготовке он начал показывать, как нужно двигаться по скальному склону. Лучше бы он этого не делал. В строю стояли солдаты, которые и раньше ездили в ГУЦ. Мы туда наведывались на месяц, минимум один раз в год.

До Портнягина занятия проводил инструктор, мастер спорта международного класса капитан В.Голуб. Он заставил нас, как «Отче наш», заучить «правило трех точек». Это когда во время движения по скале нужно обязательно иметь минимум три точки опоры. Две руки, одна нога или наоборот. Он же учил, что никогда нельзя поворачиваться спиной к склону.

Во время своего занятия «Беркут» нарушил буквально все. Естественно, что после показа я сказал своим бойцам, чтобы они правильно поняли действия комбата: «Комбат просто демонстрировал то, чего нельзя делать».

Позже на занятиях по рукопашному бою «Беркут» решил научить солдат моей группы, как правильно проводить прием «подсечка». И снова он показал полнейшее незнание вопроса. Вызвав из строя Толика Веригина, имевшего первый разряд по боксу в тяжелом весе, он решил свалить его ловким броском. Перед этим он сказал, что противник выводится из равновесия рывком в сторону и когда вся тяжесть приходится на одну ногу, ее нужно ловко подбить. Но осуществить это не удалось. Толик был в горных ботинках с «триконьями» и сбить его таким образом можно было только сломав ему ногу. Пнув несколько раз по ноге солдата, «Беркут» клюнул воздух, моргнул и приказал ему встать в строй: «Уж больно здоровый попался».

После этого вызвал самого маленького, который вдобавок был обут в обычные сапоги, сбил его, пользуясь тем, что солдат стоял на снегу, и счастливый отошел к другой группе.

Я повторил свое объяснение действий комбата для бойцов, и показал, как действительно проводится подсечка на том же Веригине. Несмотря на свой вес и «трикони», он упал на снег.

Все это видел и слышал «Беркут», После чего я окончательно был записан во враги.

Спустя неделю он увел батальон в горы, заблудился, поскольку топографию абсолютно не знал, и водил бойцов вокруг одной и той же горы несколько раз. В результате несколько солдат получили серьезные обморожения и были госпитализированы.

Портнягин за мою критику в его адрес объявил меня нарушителем, пьяницей (хотя в ГУЦе я ни разу не выпил) и вместе с Г.Бородиным отправил обратно в часть.

После этого меня перевели в 173 ооСПН, который являлся в то время ссылкой для спецназовцев 12 бригады.

Уже в Афганистане мне периодически передавали приветы и предложения «Беркута» перевестись в его отряд, где он сулил «золотые горы». Но я, памятуя, насколько он невменяем, благоразумно отказывался.

Д. Лютый. Мне было с чем сравнить (продолжение)

Переправа, переправа

В феврале 1985 года я вернулся из госпиталя. Еще в Кабуле до меня дошли слухи, что в отряде ЧП. Как потом выяснилось, начальник штаба капитан Г.Быков, по обыкновению, «махнул шашкой». Он спланировал выход отряда в район Гошты. Но для того, чтобы выйти туда, нужно было форсировать реку Кабул. Это и раньше проделывалось подразделениями отряда. Но в тот раз Быков пренебрег самыми элементарными правилами форсирования водной преграды вброд. На противоположном берегу не были выставлены даже створные знаки. Я уже не говорю о том, что брод обычно отмечают вешками, технику готовят к преодолению водной преграды, а перед началом форсирования проводят разведку брода. Понадеявшись на то, что река неглубокая и на русское «авось», Григорий начал форсирование. Кабул — река хоть и не глубокая, но довольно бурная, и, по афганским меркам, широкая. Дело осложнялось еще и тем, что все происходило в темное время суток. Как потом оказалось, афганцы незадолго до злополучного форсирования произвели слив воды с Джелалабадского водохранилища. В результате уровень воды в реке поднялся. Течение усилилось. Один из бронетранспортеров, форсировавших реку, забуксовал при выходе на берег. Идущая сзади машина остановилась, но поскольку течением ее начало сносить, водитель решил выйти на берег несколько правее первой машины. А там буквально несколько шагов в сторону от брода начинается глубокая яма. Машина поплыла, но недолго. Поскольку лючки в днище задраены не были, в корпус хлынула вода, и БТР затонул. Вслед за ним снесло еще один, и его постигла та же участь. Личный состав, находившийся на машинах, стал тонуть. Выплыть в такой ситуации, в теплой куртке и обвешанному боеприпасами, нереально. Всего утонуло одиннадцать человек. Вся война на этом прекратилась. Стали доставать технику. Шутка ли, БТР сам метра два с хвостиком в высоту, да антенна метра три. Так вот, от одной машины только кончик антенны из-под воды и торчал. Искали людей, но в этом бурном течении троих снесло куда-то дальше, и найти их тела не удалось. Во время той переправы утонул наш начальник вещевого и продовольственной службы Сергей Лемишко. У него в Союзе родился сын, которого он так и не увидел. Лемишко вошел вместе с кандагарским отрядом, а несколько позднее его перетащил к себе Портнягин. Тыловиком он стал из-за своего малого роста. В РВДКУ его не взяли. Но по духу он был настоящий боевик. Еще в Кандагаре, решив все вопросы обеспечения отряда по своей службе, он отпрашивался на войну. В Джелалабаде было то же самое. Именно так он и попал на броню в тот злополучный выход.

Чтобы отыскать тела пропавших, пришлось связаться с местными духами. Они относились к отряду с уважением и поэтому взялись помочь. Как они сказали: «Если бы вы были не спецназ, а пехота, то из вас бы отсюда никто не ушел. Вам же мы поможем».

Трудно сказать как, но они нашли тела троих пропавших и вернули. Причем даже часы на руках не были тронуты.

Смена руководства

Если мне не изменяет память, то после этих событий Портнягина и сняли с должности. Какое-то время отряд был без комбата. Но вскоре прислали из Гардезской дшбр капитана Дементьева. Такое назначение всех насторожило. Но вскоре выяснилось, что мыслит он правильно. Его желание активнее использовать вертолеты, а также делать упор на тактику налетов, совпадало с моими соображениями на этот счет. Причем

он не гнушался сам возглавить отряд при совершении налета. На броне, так на броне, пешком, так пешком. Это, конечно, вдохновляло личный состав и офицеров. И вскоре усилия Дементьева увенчались успехом. Сначала дали один результат, затем второй, третий. И произошло самое главное. Изменилась психология людей, они поверили в себя и поняли, что и они что-то могут. Раньше такой веры не было.

К моему приезду из госпиталя в роту уже были все взводные: Хорошаев, Питунин, Мартьянов, Особенко. И мои усилия тоже увенчались успехом. В тот период наиболее значительный результат дала моя рота.

Источники развединформации

Одним из слагаемых нашего успеха было наличие достоверной информации, поступавшей из органов госбезопасности Афганистана. В провинции Нангархар в руководстве ХАД были отличные мужики. Возглавлял его Мазула, приемник Наджибулы, будущего Президента Афганистана. Прекрасный человек и надежный. Я был уверен, по его информации никогда не будет «подставы».

Под стать ему был начальник отдела по борьбе с бандитизмом Миагуль. По образованию, кажется, агроном, но, в силу обстоятельств, ставший контрразведчиком, и весьма неплохим. Советником начальника отдела по борьбе с бандитизмом Джелалабадского ХАД был подполковник Трушин, с которым у меня сложились прекрасные отношения.

Цорандой практически никакой информации не давал. То же относится и к нашим агентурным группам, работавшим по линии ГРУ. «Бородатые сказочники», их иначе не называли. А агентурная группа, работавшая в провинции Лагман, нас однажды очень здорово подставила. По их информации, которую, как потом выяснилось, подставили им духи, находился такой «вкусный» склад, что я даже не поверил, да и опыт тогда уже подсказывал, что не может там его быть. Попросил летчиков проверить, что там такое. Первая же пара вертушек, которая появилась там, нарвалась на ураганный огонь ПВО. После этого весь авиационный полк целый день утюжил это место. Духи подготовили очень мощную засаду я на площадке приземления. Одних ДШК там было больше десяти. Агентурщикам из Лагмана очень повезло, что нам с ними больше не довелось встретиться.

Тактика

Как я уже сказал, мы избрали тактику налетов. Получив достоверную информацию от органов ХАД о том, что в том или ином кишлаке находится бандгруппа или склад с оружием, мы выдвигались в район этого кишлака. Если действовали на броне, то она обычно высаживала нас километрах в семи от объекта и далее мы шли пешком. Броня же оставалась в том месте, где нас высадила, или укрывалась где-то неподалеку в готовности подойти и поддержать нас огнем или эвакуировать.

Мы выдвигались к кишлаку и начинали работу. Было два варианта: «по-мирному» и «по-боевому». Разница была в том, жилой это кишлак или нет. Если жилой, то приходилось рисковать и не открывать огня до тех пор, пока по нам не произведут первый выстрел. После него начиналась обычная работа.

«По-боевому» было работать проще. Этот вариант отработывался, когда мы знали, что кишлак нежилой, а в нем засела банда. Ворота в кишлак мы сносили зарядом тротила. Одновременно во двор через дувал летела мина ОЗМ-72 с коротким куском ОШ. Она играла роль большой гранаты, после подрыва которой во дворе, обычно, никого не было. В кишлак входили, дав очередь перед собой. Если же нужно было войти в дом, то сначала летела граната.

Если рядом с кишлаком находились какие-то высоты, позволявшие контролировать ситуацию, мы их обязательно занимали. Объект обычно брали в кольцо или его подобие. Отрабатывали также американский маневр «Молот и наковальня», когда зачищающая группа выгоняла духов на засаду, расположенную на высоте, на выходе из кишлака. Группы, которые работали в кишлаке, получали свои сектора и направления. Тройки двигались от укрытия к укрытию, от дома к дому, прикрывая друг друга огнем. Когда личного состава хватало и ситуация была сложной, действовали по принципу «очищай и закрепляй». То есть обеспечивали себе выход из кишлака, делая «дорожку». В уже проверенных домах оставались один—два солдата, которые впоследствии и обеспечивали безопасный выход группы из кишлака.

Когда нас выбрасывали на вертушках, то тактика была похожа, с той лишь разницей, что иногда мы десантировались в непосредственной близости от кишлака. Иногда даже высаживались на крыши домов. Всю эту тактику мы сначала отработали в ППД. Там старался проводить интенсивные занятия с личным составом, используя любое свободное время. Для того чтобы достичь максимальной взаимозаменяемости, я учил разведчиков и водить машину, и стрелять из нее. Это впоследствии помогало, когда очередная эпидемия выкашивала личный состав.

Кроме этого, для управления действиями своих подчиненных я частенько использовал вертолет Ми-24, превратив его на время операции в воздушный КП. Проходя над кишлаком «на бреющем», я видел всю картину боя и мог подсказывать, что следует по сделать даже отдельной тройке. Кроме того, в моем распоряжении была вся огневая мощь боевого вертолета. При необходимости я мог показать летчику пальцем, куда именно нужно отработать.

После того, как они в пикировании атаковали какой-то объект, я на выходе из «пике», находясь в салоне, долбил из пулеметов по земле, отбивая таким образом у духов охоту стрелять вслед. Использование воздушного КП очень помогало в управлении боем и давало хорошие результаты.

Трубы

Вообще, я еще раз подчеркиваю, что в основе наших действий всегда лежала достоверная информация о противнике. Нам не приходилось самим вычислять маршруты, где идут духи и потом сутками лежать в засаде в ожидании каравана, как это было в Газни, Кандагаре или Шарджое. Действия наши всегда отличались стремительностью. Однажды пришел информатор в ХАД и сообщил, что в ближайшие часы будет произведен обстрел Джелалабада и аэродрома. При этом он указал, откуда примерно будут нанесены удары. Прикинув дальность полета РС, мы почти безошибочно определили огневые позиции. Тут же вылетели туда с досмотровыми группами и обнаружили несколько десятков реактивных снарядов, выложенных на грунт, в готовности к применению. Духи, которые были на их охране, стали разбегаться. Кого-то успели завалить, кто-то ушел. Все это добро было доставлено в отряд и выложено на плацу. А в это время в батальоне работала комиссия, которая, как всегда, искала недостатки. Один из высоких начальников принял РСы за трубы, которые почему-то валяются на плацу, и стал их пинать ногами. После моего разъяснения о том, что это за трубы, полковник отскочил от них в сторону, а спустя полчаса высокая комиссия улетела в Кабул.

На новой должности

После того как асадабадский отряд «отметился» в Мараварском ущелье, на смену Терентьеву был направлен Быков, а я неожиданно для себя стал начальником штаба отряда. Вот тут я всерьез загрустил. С войны я по-прежнему не вылезал, но и за штаб с меня спрашивали. А там к моему приходу было все запущено и нужно было разгребать эти Авгиевы конюшни. Кроме того, в адрес части приходила прорва совершенно бестолковых бумаг, на которые нужно было реагировать. Плюс начальник штаба отвечает за организацию и ведение разведки. Одним словом, спал часа по два, по три.

Спустя несколько месяцев Дементьев ушел на повышение заместителем командира бригады. Комбатом стал Роман Абзалимов, бывший замкомбата. Я выпросил себе его должность. После этого вся война была моя, а за бумажки меня никто не трогал.

От судьбы не уйдешь

На должность ротного, в мою роту никак не мог приехать из Бараков Лешка Турков. Наверное, сама судьба была против его приезда. Сначала выписка о назначении на должность никак не могла придти в часть. Когда она пришла, Лешка собрался лететь на вертушке. Но она при наборе высоты вдруг завалилась и при падении зацепила стоявшую на площадке БМ-21 «Град». Та начала работать «в белый свет». Лешка со сломанной рукой вытаскивал пассажиров из вертолета, а потом был направлен в госпиталь. Узнав об этом, я укатил в отпуск, который, «пользуясь служебным положением», постоянно откладывал. Когда я вернулся, Лешка уже погиб, а роту принял Олег Мартьянов.

Д. Лютый. Взаимодействуя с пехотой

Бесперспективный участок

Наверное, всем спецназовским отрядам в Афганистане когда-то приходилось воевать совместно с пехотой. Но что-то не припомню офицера, который когда-то отзывался о таких действиях положительно. Пришлось и нам отхлебнуть из одного котелка с «царицей полей».

Летом 1985 года 66 бригада затеяла «чесать» Лагманскую зеленку. Спланировав операцию, они отдали нам самый, на их взгляд, бесперспективный участок. Памятуя о том, какой бардак творился в Кандагарской «зеленке», я добавил пехотное начальство, и мы получили все их частоты и позывные, и схему огня артиллерии. В последующем это намного нам облегчило жизнь.

Ночью мы выдвинулись, чтобы скрытно занять назначенные нам позиции. Шли через «зеленку», нарвались на пост духов, правда, все обошлось. Духи не стали связываться и отошли. К утру мы вышли к своим позициям, которые представляли собой Т-образный хребет. Осталось только его занять. Разбив людей на две группы, я приказал начать подъем с двух сторон. Шли осторожно. Примерно на середине пути я остановил людей и решил еще раз осмотреться. Это нас и спасло. Духи, сидевшие на вершине этих гор, очевидно, хотели нас подпустить поближе и расколотить «в пух и прах». Но, увидев нашу остановку, они подумали, что мы их вычислили, и открыли огонь. Я тут же связался с авиацией и обозначился дымами. Не откладывая в «долгий ящик», вызвал мою броню. Подскочил на трех БМП Жора и щедро усыпал склоны 30-мм снарядами. В конце концов, мы духов с вершин сбили, и сами заняли их позиции. После этого нас никто не беспокоил. От безделья мы не знали, куда деться. Так прошел день, за ним ночь.

Когда чужими руками загребают жар

Утром следующего дня пехота зашевелилась. Часть духов стала отходить. С моей стороны хребта по-прежнему все тихо, а на другом конце, где со своими бойцами сидел Вадим Особенко, он отметил какое-то движение, о чем немедленно доложил. Под его склоном протекала река Лагман, а вдоль нее росли камыши. На противоположном берегу находилась «зеленка», которую и «чесала» пехота. Вот, видимо, через камыш духи и решили отойти. Когда Вадим доложил, что он наблюдает группу духов и может до них достать огнем, я дал команду: «Огонь!». Вадим ударил и спустя несколько минут доложил, что несколько «душков» остались лежать. Это было отрадно. Оружие решили забрать позднее. Спустя часа полтора Вадим опять доложил, что наблюдает в том же месте группу численностью около десяти человек. Снова он отработал и снова кого-то завалил. К этому времени над нами уже висела пара Ми-24. Я их сразу же навел туда. Вертушки развернулись на «боевой». Тут слышу, Вадим докладывает, что эта группа сигнализирует ракетами. Я запрашиваю пехотных командиров, нет ли в данном месте их подчиненных. Мне в один голос отвечают, что нет. Я вертолетчикам даю подтверждение: «Работайте!». Они снова заходят, а с земли уже стали сигнализировать и дымами. Вертушки снова прошли вхолостую. Я повторно запрашиваю пехоту, чтобы они уточнили, нет ли их людей в этом квадрате. И снова мне дают «добро» на работу авиации. И вот когда уже в третий раз летчики развернулись для атаки, на связь вышел пехотный командир, который наблюдал, как Вадим забил первую группу духов. Решив загрести жар чужими руками, он с бойцами пошел собрать трофеи, чтобы потом себя наградить. Но попал под огонь группы Особенко. Кажется, у него были раненные и даже один тяжелый. Все это время он прослушивал в эфире мои запросы и молчал. Ответил только, когда понял, что в третий раз вертушки обязательно их накроют.

От безделья

После этого случая, чтобы не скучать, я решил навести артиллерию на кишлак, куда отошли духи, которых мы сбили с горы. Туда отработала машина «Град». Видимо, один из снарядов случайно попал в склад с боеприпасами, поскольку один из разрывов здорово отличался от остальных. Страдая от безделья, решили мы поработать вокруг и, как оказалось, не напрасно. Взяли пятерых пленных. После «допроса с пристрастием» один из них «раскололся». Недалеко от нас находился кишлачок, до которого пехота так и не добралась. По данным пленного, там находился склад. Долго не раздумывая, я и еще человек двенадцать солдат и офицеров на трех БМП-2 форсировали реку Лагман. Выскочить к нужному нам кишлаку неожиданно не удалось. Во время переправы духи нас заметили и отошли. Они явно предполагали, что нас будет больше. Может быть, приняли нас за разведдозор. Пользуясь тем, что в кишлаке никого не было, мы беспрепятственно занялись поисками. Наша дерзость была вознаграждена. В мечети мы откопали ДШК, а в коровнике нашли очень солидный склад боеприпасов, где были и стволы, и РПГ, и боеприпасы. Весьма довольные собой, мы вернулись на свои позиции и вовремя.

Недолет, перелет. По своим артиллерия бьет

Духи из «зеленки» стали отходить именно на наш хребет. Примерно в километре от нас мы засекли группу духов численностью до ста человек. Я связался с батареей гаубиц Д-30 и дал координаты групповой цели. Комбат положил пристрелочный в центр, а потом, после моего подтверждения, отработал батареей. Духи заметались и броском переместились на склон хребта. Я ввел поправки, и новый залп снова обрушился на них. Они снова попытались выйти из-под огня, но я ввел новые поправки. В конце концов, духи отошли обратно в «зеленку», до конца которой пехота так и не дошла. Часть их пыталась двигаться в мою сторону, но огнем пулеметов мы эти попытки пресекли, и они стали откатываться на юг.

Я снова связался с командиром батареи. Он дал пристрелочный. Я скорректировал его и сказал, чтобы отработал пятьсот метров южнее. Не знаю уж, что у него в голове и как провернулось, но он отработал строго пятьсот метров севернее и накрыл наши позиции. Нас спасло только то, что мы хорошо зарылись в землю. Взрывом меня отбросило, и что-то больно ударило в ногу. На время я потерял сознание, но пришел в себя, видимо, от боли. Страшно было открыть глаза и не увидеть ноги. Но, ощупав себя, я понял, что все на месте. Как я понял, камень попал мне в какой-то нерв на колене, поэтому так и болело. Скрипя зубами, я дал команду артиллеристам «Отбой!».

Постепенно операция в «зеленке» свернулась и мы отошли.

Чтобы сократить путь, прошли через место, которое «чесала» пехота. Мы были потрясены. Пустые дуканы, разграбленные дома, убитый скот, раненные жители. В течение полутора часов мы оказывали им помощь, истратив на них все наши запасы промедола, бинтов и дезинфицирующих средств.

Стоит ли удивляться, что в Афгане нас не любили?

По генеральскому приказу

Вообще, операции, которые проводила армия, отличались бестолковостью. Например, однажды, когда генерал Дубынин проводил Кунарскую операцию, он, для того чтобы воспрепятствовать обстрелу джелалабадского аэродрома, лично указал две точки на карте, где должны постоянно находиться наши засады. Одна точка была совершенно лысой горкой, не имевшей никакого тактического значения. Там изнывала от безделья 3 рота. А точка, где должен был сидеть я со своим бойцами, была... плацем афганского полка на окраине Джелалабада. Приказы высоких начальников не обсуждают, поэтому мы добросовестно провалили дурака, пока не кончилась операция. Ежевечерне мы прибывали к афганцам в расположение и ложились спать под их охраной, а утром шли отдыхать к себе в расположение после «ратных трудов».

С. Козлов. Как правильно пользоваться гранатой

С Вадимом Особенко мы познакомились уже в Союзе. После Афганистана мы оба служили в Крымской бригаде, а перед моим увольнением даже в одном отряде.

Вот какую забавную историю он мне тогда рассказал: «Брали мы как-то очередной кишлак. Дело уже шло к завершению. Оставался последний или предпоследний дувальчик досмотреть. Я, как и положено, прежде чем войти, решил сначала «на переговоры отправить «тетю Феню». Разжал у «эфки» усики чеки кольца, выдернул и только собрался дверь открыть, чтобы ее внутрь закатить, как дверь сама открылась. На пороге я столкнулся нос к носу с вооруженным духом. Стрелять в этой ситуации мне несподручно, автомат в левой руке, да и то за цевье держу. Дух тоже растерялся. Тут кто быстрее среагирует правильно, тот и живет в последующем окажется. Пока он соображал, я ему гранатой в лоб, как двину. Он с копыт. Но, видно, я перестарался, поскольку лобовую кость, самую крепкую во всем черепе, ему проломил. Дух, понятно, сразу в райские кущи к гуриям, а я, как дурак, с этой гранатой хожу. Не знаю куда ее забросить. Война то уже кончилась, а кольцо я выбросил. Ходил так ходил, пока не догадался гранату в колодец бросить. Избавился наконец.

Довольный поворачиваюсь, а на меня Лютый волком смотрит. Драл он меня потом за то, что единственный колодец с водой, пригодной для питья, я перебаламутил».

Д. Лютый. Новогодний результат

Объект

Новый год, он для нас и в Афгане Новый год. Обстановка праздничная. Для меня же 1986 год особый повод радоваться - год замены. Но замена заменой, а воевать то надо. Как назло, информации ноль. Приехал в ХАД и стал кланчить, хоть какую то, информацию. Почесав затылок, они дали кишлак, где, по их словам, человек пятнадцать-двадцать всегда обитают. Не густо, но и то хлеб.

Чтобы не лезть на рожон, заказал аэрофотосъемку, поскольку кишлак горный и местность сложная, да и кишлак нужно изучить. Кишлак Бар Кошмунд (пров. Нангархар) находился в небольшом, раздваивающемся ущелье, уходившем вглубь длинного горного хребта (см. схему 1). Он прилепился на выступе между двумя ущельями в конце, и террасами поднимался вверх. В конце правого рукава, на склоне, четко просматривался вход в пещеру. По моим предположениям, там был склад. Броне туда не добраться. Поэтому решили работать чисто, в аэромобильном варианте.

Чтобы огневое поражение было максимальное, подключили командира бригады, подполковника Бабушкина. По его заявке в наше распоряжение были приданы батарея «Град» и 4 истребителя-бомбардировщика Су-17.

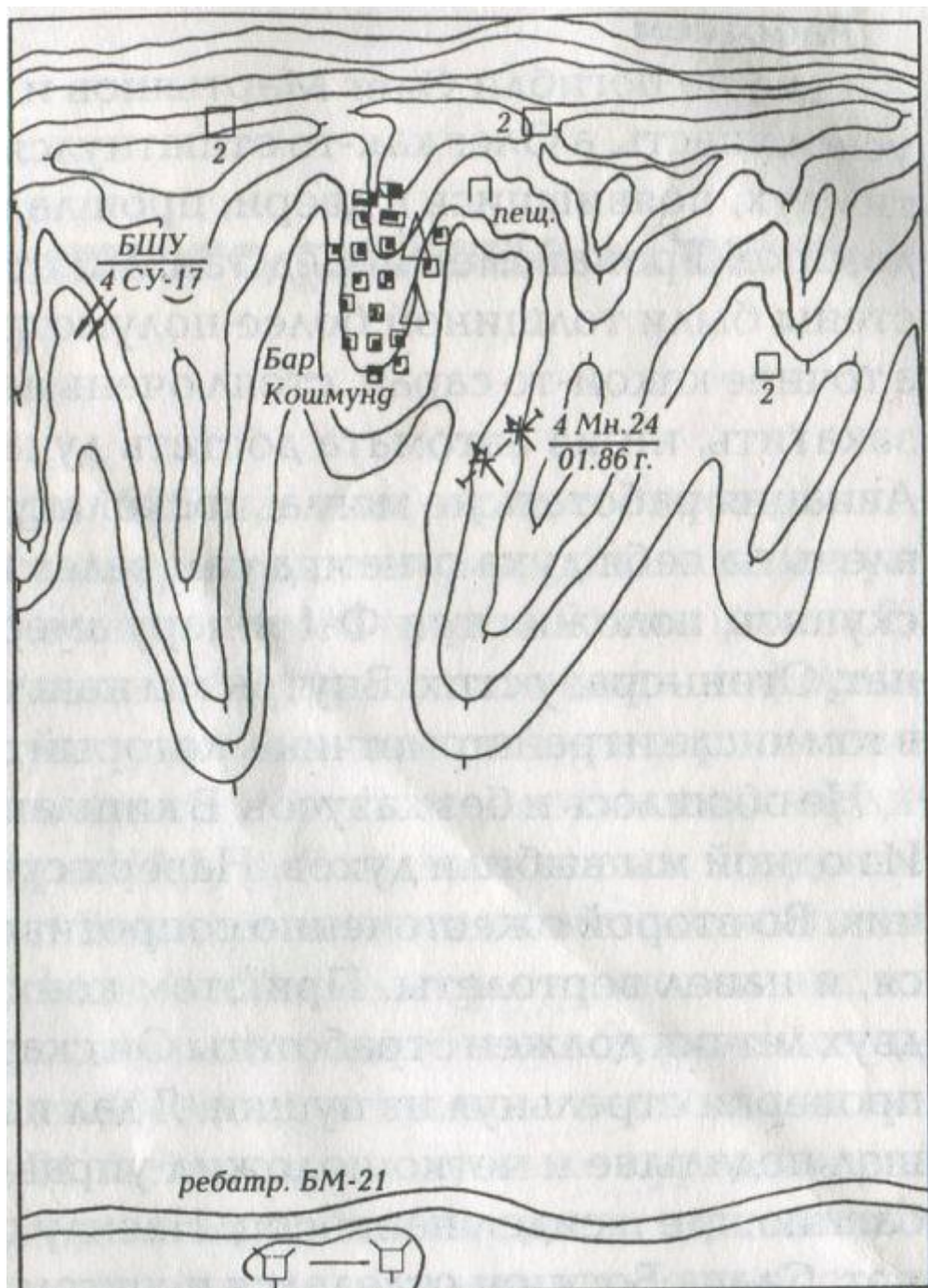

Схема 1. Операция у кишлака Бар Кошмунд

План и его реализация

По нашему плану рано утром 6 января начинала работать авиация. Сразу за ней подключался «Град». В это время мы должны были быть уже на подлете. Как только «Град» прекращал свою работу, начинали работать «двадцатьчетверки», а прямо «на головы духам» высаживались мы, силами примерно 60 человек и приступали к делу. Перетряхивали кишлак, брали склад и отваливали снова на вертушках. Как обычно, гладко было на бумаге. Рано утром, в назначенное время «Сухари» добросовестно отбомбили аналогичное ущелье справа от назначенного. Как только они закончили, «боги войны» разгрузили свои пусковые установки тоже по соседнему ущелью, о только теперь оно находилось левее. Духи проснулись и заподозрили что-то недоброе. И тут по их кишлаку, куда не упало ни одной бомбы или снаряда, начинают работать «двадцатьчетверки». Первая вертушка зашла удачно, зацепившись левым колесом за крышу дома,

высадила десант и отвалила. Следом стали заходить мы. Я уже встал с места борт-стрелка в кабине пилотов, как вдруг увидел духа с гранатометом. Он внезапно выскочил из-за угла и шарахнул по нашей вертушке. Машина качнулась, но выровнялась. Что с ней было — неясно, да и времени выяснять не было.

Спрашиваю летчика: «Сядешь?». Тот кивнул утвердительно и, пролетев намеченную крышу, высадил нас на склон прямо по курсу. Мы высыпались в какую-то промоину, и я лично убедился, что у нас никто не пострадал. Вертушка отвалила и скрылась за горой, оставляя за собой в воздухе какой-то странный радужный след. В кишлаке уже вовсю шел бой. Третьей вертушке сесть не дали. Четвертая тоже ушла, высадив только часть десанта. В итоге у меня осталось человек 40—45. Огляделись. Взводные мне доложили и начали работать по плану. Я не вмешивался, поскольку им на месте виднее. К своему удивлению, в кишлаке я не обнаружил никаких разрушений, свидетельствовавших о бомбардировке и артобстреле. Кроме того, надо сказать, что и дома, и заборы были сложены из дикого камня. Это вам — не саманный дувал.

Работаем

Едва не погибли Олег Мартьянов и Николай Желелин. Колька успел упасть, а Олег как-то отшатнулся и очередь, которую выпустил дух, появившись в двери, прошла мимо. Дух снова укрылся в домике. Гранатомет перед такими стенами оказался бессилен, стены были толщиной более полуметра. Вдобавок ко всему, дом, а точнее какой-то сарай, стоял очень неудобно. Ни гранату внутрь закатить, ни из автомата достать духа было никак невозможно. Авиация работать не могла, поскольку вокруг мы. Я попросил отвлечь на себя духа огнем, а сам залез на крышу. В дымоход я, не скупясь, положил три Ф-1 и пару американских трофейных гранат. Огонь сразу стих. Внутри мы нашли тела тринадцати человек, в том числе и гранатометчика, который стрелял по нашей вертушке.

Не обошлось и без казусов. В кишлаке было две высокие башни. Из одной мы выбили духов. Наверх сразу поднялся наш пулеметчик. Во второй ожесточенно сопротивлялись. Я решил не мучиться, и навел вертолеты. При этом конкретно указал, по какой из двух летчик должен отработать. Он сказал, что все понял. Даже для проверки стрельнул из пушки. Я дал подтверждение. Летчик отошел подальше и четко положил управляемую ракету «Штурм» в башню, где ...сидел наш боец. Насилу откопали бойца и его пулемет. Слава Богу, он отделался испугом и парой сломанных ребер. При таком ожесточенном сопротивлении и недостатке людей, речи о том, чтобы идти к пещере, и быть не могло. Я навел туда «летунов», и они вогнали в пещеру подряд два «Штурма». Что там было, сказать трудно. В ходе боя погиб один солдат. Выбравшись на камень, он выцеливал душка, но сам подставился. Духи стали отходить в горы по тропе. Я навел на них артиллерию. В этот раз «боги войны» отработали точно.

Эпилог

Как потом выяснилось, в этот кишлак недавно пришел свежий отряд из Пакистана, численностью 60 человек. Я поначалу удивлялся. У духов абсолютно все новое, начиная с оружия, заканчивая снаряжением, одеждой и обувью. Своих духов там было пятьдесят. Итого, в кишлаке на момент нашей высадки находился отряд 110 человек. Из них мы положили 53 человека. Для того, чтобы прикрыть заход «восьмерок» для эвакуации, я навел артиллерию, и она обработала окрестные склоны. Непосредственно перед посадкой поработали «двадцатьчетверки». Ушли без эксцессов.

За тот бой Ахромеев приказал вернуть «Звезду», к которой меня представили, и наградить «Знаменем».

Д. Лютый. Захват укрепленного района "Гошта"

Сбор информации

В двадцатых числах января 1986 года наш отряд совместно с пехотой и Асадабадским отрядом проводил операцию по взятию укрепленного района в районе населенного пункта Гошта (схема 2). Первоначально прошла какая-то невразумительная информация о том, что духи оборудуют укрепленный район в горном массиве близ этого населенного пункта. Чуть позднее она подтвердилась. Как сообщила агентура ХАД, работы там велись в режиме чрезвычайной секретности. Все перемещения местных жителей в этом районе были прекращены. Такие меры не могли нас не заинтересовать. Но и интересоваться нужно было осторожно, чтобы не вспугнуть противника. Поэтому в течение нескольких недель я заказывал пару Ми-24. Летал одним и тем же курсом через нужный мне укрепрайон, никак не проявляя своего внимания к нему.

Наведывался в один и тот же горный массив северо-восточнее Гошты, у границы с Пакистаном. Там вертолетчики снижались и изображали тщательный поиск.

Не знаю, что о нас думали духи, но тем не менее, они никак не демонстрировали своего присутствия в районе. Я же регулярно делал плановые снимки района, которые мы дешифровали в нашем штабе. Как показывали снимки, работы в районе шли полным ходом. Мы постоянно обнаруживали новые огневые точки ДШК и другие элементы укрепрайона. Духи даже вырубили в скале лестницу высотой метров сто. Иногда я пролетал левее или правее, делая перспективную съемку.

Как потом мы смогли убедиться, духи строили на славу. В скальной породе японскими перфораторами были вырублены пещеры, гнезда для ДШК, которые были обложены обломками гранита и забетонированы. Такую позицию можно было взять только прямым попаданием. Другие позиции находились в гротах и имели специальные амбразуры для стрельбы по наземным целям.

Такая подготовка к операции дала свои беспорные результаты. Каждый офицер нашего отряда при подготовке имел аэрофотоснимок своего объекта, где были показаны позиции, нанесен безопасный маршрут движения.

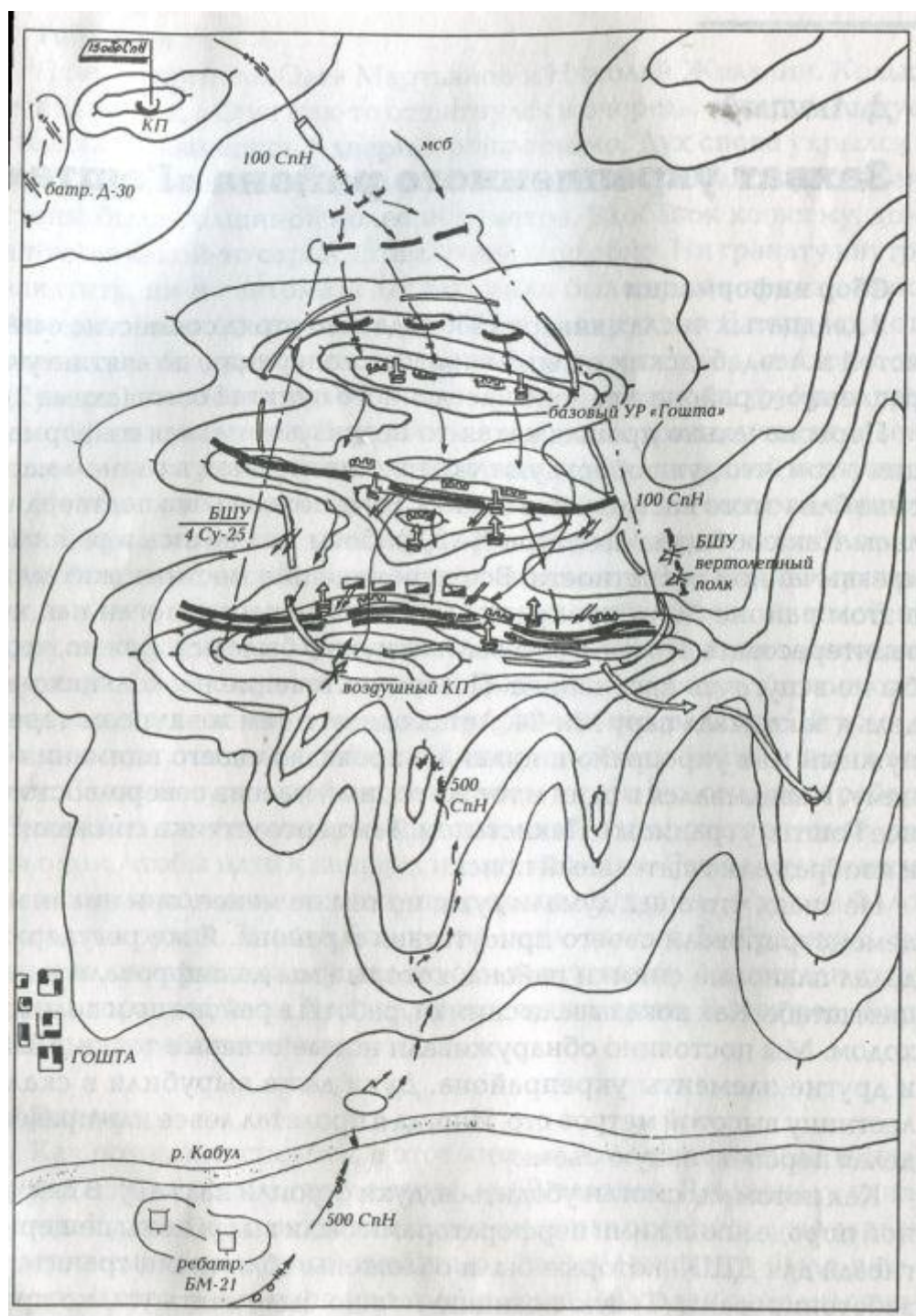

Схема 2. Взятие укрепрайона «Гошта»

На исходном рубеже

Когда все было готово, Бабушкин запросил командование, и нам придали один из батальонов 66 бригады. Также участвовал и асадабадский отряд.

согласно замыслу, мы на технике, вместе с артиллерией и пехотой, выдвигались вдоль реки Кунар, в объезд, с северо-запада. Примерно километрах в... поставили батарею гаубиц Д-30. На вершине одной из горок развернул свой КП подполковник Бабушкин. Как потом в одной песне пелось: «На верхушке той горушки комбриг Бабушкин сидит».

От нашего отряда вышло примерно две роты, общей численностью человек 130. Пехотинцы шли за нами. Они должны были идти сзади и удерживать занятые нами позиции. Мы шли пешком с севера. Пятый отряд под командованием Г.Быкова должен был выдвигаться с юга. На автомобилях ночью они прибыли к переправе, где дружественное племя Маматхана их переправило на другой берег реки Кабул. Вторично форсировать ее вброд Григорий не рискнул. Они должны были выйти с юга к отрогам главного хребта укрепленного района и занять их к 4.00. Но сделать своевременно асадабадцы этого не смогли. За Кабулом в «зеленке», в тылу у асадабадцев развернули батарею «Град».

Началось

Рано утром, со стороны солнца началась атака боевых вертолетов. Были задействованы все Ми-24 Джелалабадского вертолетного полка. У каждого летчика были аэрофотоснимок и координаты цели, по которой он должен был работать.

Я летел в первой «двадцатьчетверке» и пальцем показывал с чего начнем. Примерно в 4 ч. 15 мин. первый «Штурм»(**) сошел с консолей и влетел на позицию ДШК. И началось. Сначала «гасили» средства ПВО, которые были обнаружены ранее, а затем выявленные в ходе атаки. Потом перешли и к другим целям. Последовательно обработали один за другим склоны главного хребта и ущелье. После этого вертушки отошли. Наша вертушка тоже полетела перезаряжаться, но как только я приземлился, меня ждала уже следующая машина. И снова в воздух. В первый день я налетал пятнадцать часов, во второй часов десять. В конце дня, когда я приземлился, земля подо мной ходила ходуном.

В первый день операции отряд последовательно занимал хребет за хребтом. Но главное внимание было уделено подавлению огневых средств противника. Работали и вертолеты по наводке спецназа с земли, и реактивная, и ствольная артиллерия.

Пехота шла сзади, занимая оборону на захваченных нашими ротами высотках. Причем, что следует отметить, их почти не интересовали военные трофеи. В первую очередь они выворачивали карманы убитых борцов за веру. Вот так, увлекшись мародерством, погиб один из их солдат. Дух прикинулся мертвым, а когда к нему подошел пехотинец, чтобы обыскать, выстрелил в него. Неизвестно, чем бы это закончилось, поскольку и остальные не были готовы к противодействию, если бы не боец нашего отряда. Он увидел это и снял духа сразу.

Духи огрызаются

Неожиданность наших действий была полнейшая. Наши бойцы завтракали горячим пловом, который духи готовили себе. Но постепенно растерянность прошла. Духи стали довольно зло огрызаться. По моему воздушному КП был сделан пуск ПЗРК «Стрела-2» китайского производства. Мы уже выходили из пике. Вдруг я увидел, как мимо борта прошел серый дымовой шлейф. Чтобы не огорчать летчиков, я наврал им, что стреляли из РПГ.

Позже, когда все закончилось, мне наши офицеры подарили пустой контейнер от этого ПЗРК с надписью: «Дембель в опасности!». Духов так достали вертушки, что они даже сделали пуск ПТУР (скорее всего, «Малютки») по вертолету. С земли тут же сообщили, что стреляли ПТУРом, поскольку им на головы упали провода от снаряда, по которым он наводится.

Летая со мной на воздушном КП, погиб борт-техник, молоденький лейтенант. На выходе после атаки я стоял у пулемета у одной двери, а он у второй — и получил пулю в лоб.

Кара небесная

Когда об этом узнали летчики на аэродроме, они очень осерчали на духов. Командир полка, подполковник Целовальник передал мне: «Приготовься наводить «Грачи»**».

Я передал на землю, что сейчас начнут работать штурмовики, для того чтобы наши, на всякий случай, укрылись и приготовились О обозначить себя дымами. Отошли на «двадцатьчетверке» в сторону, связались с Су-25, узнали подлетное время. На всякий случай передал, чтобы с первого захода не работали, осмотрелись, где наши, где духи. Так и сделали.

Ведущий первой пары передал: «Замена», мы все поняли. Начинаем работать». Что тут началось! Для духов атака вертолетов, наверное, показалась поцелуем любимой на заре по сравнению с тем, что творили «сухари». Им тоже передали, что погиб летчик.

Когда вспоминаю, как «Сушка» заходит на позицию ДШК, а из его ствола трасса упирается в брюхо самолета, а пули отскакивают от брони — мурашки по коже.

Но штурмовики — они на то и штурмовики. Прибывшая четверка буквально утюжила позиции духов. Они ювелирно высыпали свой смертоносный груз на головы духам, буквально в сотне метров от позиций спецназа, не задевая при этом своих. Уходя, они мне передали: «Если что, зови!».

Дальше опять начали работать «двадцатьчетверки». Но вскоре стемнело, и авиация свою работу прекратила.

Духи ушли

Пользуясь тем, что асадабадцы не смогли занять указанные им позиции, духи ночью отвели основные силы. Вместе с ними ушли и советники из Китая и Франции. Уходили в спешке, порой бросая даже оружие. Видимо, выносили раненых, и сил тащить и то, и это не хватало.

На следующий день мы повторили воздушную атаку, но сопротивление уже было сломлено. К вечеру следующего дня укрепайон был наш. После этого мы два дня вывозили захваченное оружие и часть боеприпасов. Часть была взорвана, а часть была заминирована спецзарядами с элементами неизвлекаемости.

Все захваченные трофеи были выставлены на плацу и их сняло ТВ. Спустя день или два граждане СССР в программе «Время» могли их наблюдать. При этом на плацу не было ни единого человека. Секретность превыше всего.

В батальоне потери составили: один легкораненный в руку и один травмированный после падения со скалы — растяжение связок. В пехоте и у летчиков — по одному убитому.

Это был самый значительный результат нашего отряда.

*«Штурм» — управляемый реактивный снаряд.

**«Грачи» — кодовое обозначение в Афганистане штурмовиков Су-25.

Д. Лютый. Когда налёт превращается в операцию спасения

Налет

Девятого февраля 1986 года силами первой и второй рот мы проводили налет на кишлак ЛойТермай (см. схему 3). Он находился в глубокой седловине. И справа, и слева, и за кишлаком — крутые склоны. Авиации работать было довольно неудобно. Вместо Су-25 прислали «трубы» — Су-17. Естественно, что с высоты они попали только в один дом. Но и это для них довольно хорошо.

Вторая рота, которой командовал Валерка Кондратьев, села на горки и страховала первую роту Олега Мартянова. Его рота тоже частично заняла горушки, а основная часть пошла в кишлак.

Я высадился с двумя радистами и моим водителем, который перед «дембелем» напросился на войну, и организовал на одной из вершинок передовой КП для руководства налетом.

Олег со своими бойцами сначала повыкуривал духов из пещерки, недалеко от места где он приземлился (они вздумали его обстрелять). Закончив с ними, он перешел в кишлак. В центре кишлака находилась молельня, сложенная из камня. Когда 1 рота приблизилась к ней, ее встретили огнем. Выковырять духов из такого мощного строения Олег сам не мог. Я связался с «Воздухом», и когда Олег со своими отошел на безопасное расстояние, летчики загнали в дверь «Штурм». Здание слегка подпрыгнуло и осыпалось, похоронив под руинами защитников. Спустя минут десять Мартянов передал, что здесь без экскаватора делать нечего. Постепенно они «зачистили» весь кишлак. Дело шло к вечеру.

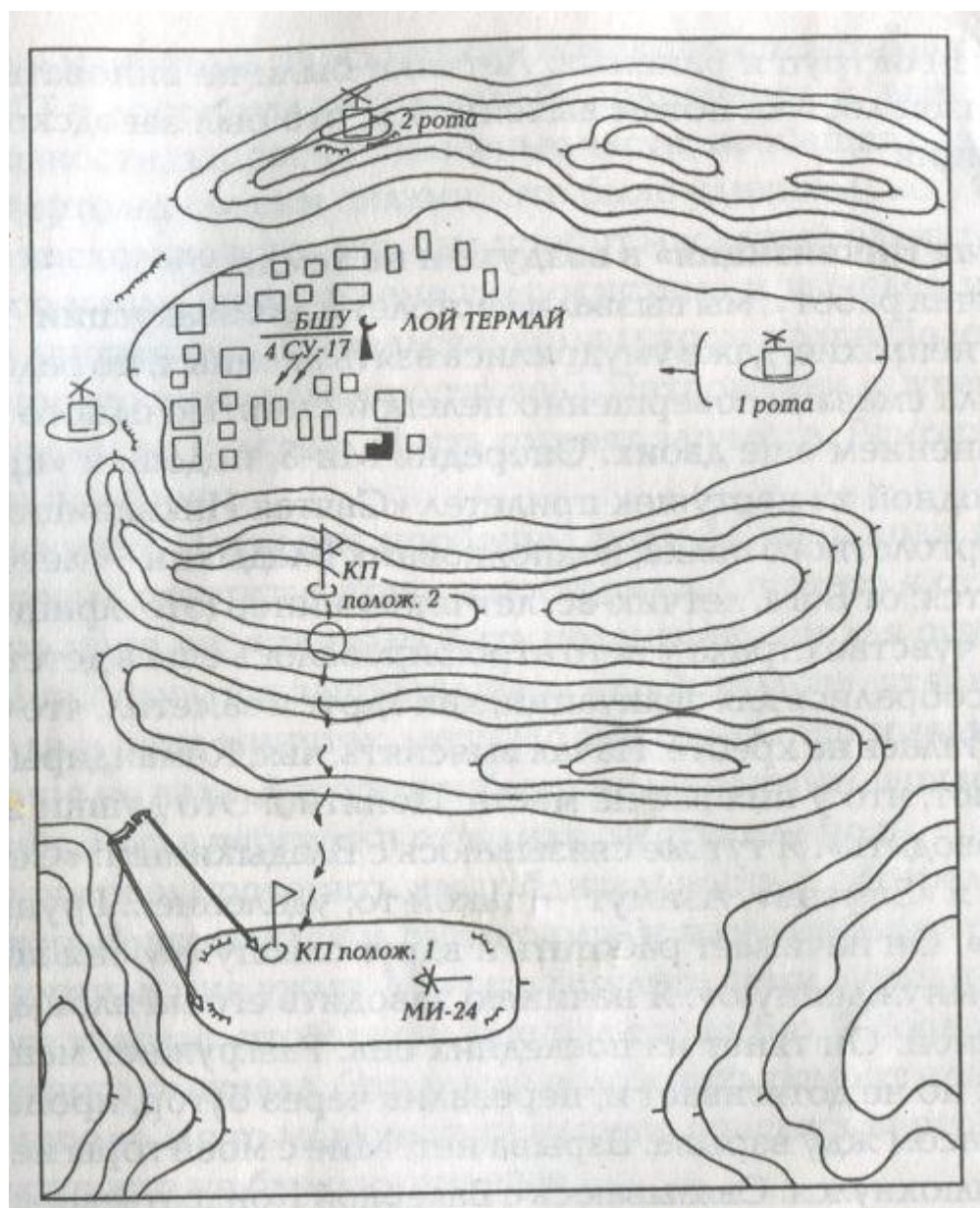

Схема 3. Налет на кишлак Лой Термай

Некондиция ценою в жизнь

Оставался один дувал, прилепившийся на террасе в стороне от всех строений. Работа прошла без потерь и не хотелось попусту подставлять бойцов под пули. Я снова запросил «Воздух», чтобы они отработали, но в этот раз НУРСами, поскольку трофеи, как показатель результативности, нам тоже были нужны. Летчик, как договорились, сначала дал пристрелочный из пушки. Получив от меня подтверждение, отработал НУРСами С-8. Все получилось очень удачно, но я решил подстраховаться и попросил повторить. Лучше бы я этого не делал. Летчики развернулись и зашли на боевой, мои, лежа в цепи перед террасой, обозначились дымами. Залп. Все нормально, но вдруг от общей «стаи» реактивных снарядов отделилось три и упали четко в нашей цепи. Разрывы — и сразу в эфире голос Олега: «Воздух»! «Замена»! Куда по своим?». Я тут же передал вертушкам, чтобы прекратили работать и запросил Олега о возможных потерях. Подтвердились мои самые мрачные предчувствия. Олег передал, что у него два «трехсотых» и один «двухсотый». Как потом выяснилось, Олег чудом остался жив. Он захотел попить и пошел к доктору хлебнуть глюкозы. В это время прямо на его место упал и разорвался реактивный снаряд.

Связался с вертушками, сообщил новость. Они были в шоке. Пашка Остапенко, летавший на Ми-24, безо всяких позывных: «Дима, обозначь площадку! Я сяду — заберу раненых!». В сердцах я послал его, и вызвал «восьмерки».

Погрузили труп и раненых. Летчики были не виноваты в том, что произошло. Как потом выяснилось, это был заводской брак. Некондиция.

«Святая Инквизиция» в воздухе и на земле

Закончив работу, мы вызвали вертолеты для эвакуации. Трофеи собрали неплохие, даже умудрились взять пленных, но радость победы была смазана совершенно нелепой смертью одного из бойцов и ранением еще двоих. Опередив Ми-8, подошли «крокодилы». На одной из вертушек прилетел «Святая Инквизиция», замполит вертолетного полка, подполковник Владыкин — летчик, что называется, от Бога, летчик-ас, летчик-снайпер (это официальное звание), чувство страха у него атрофировалось еще в детстве. Мы уже все собрались для эвакуации, как вдруг я заметил, что одна из групп осталась на хребте. Начал выяснять, чья. Командиры рот докладывают, что у них все на месте. Понятно. Это душки пришли нас «проводить». Я тут же связываюсь с Владыкиным: «Семь двенадцать, я «Замена». Азимут — такой то, удаление... Группа противника». Он начинает работать и вдруг слышу: «Меня подбили! Иду на вынужденную». Я начинаю заводить его на площадку рядом со мной. Он тянет из последних сил. Разгружает машину от НУРСов, но не дотягивает и, перевалив через бугор, пропадает. Я с ужасом жду взрыва. Взрыва нет. Мне с моей горы не видно, куда он плюхнулся. Связываюсь с Валеркой Кондратьевым: «Гром, бери командование на себя. Я иду на выручку к летчикам».

Когда мы спустились с нашего хребта и перевалили еще один, нам открылась уникальная картина. Горы образовывали глубокую чашу, на дне которой был бугор, напоминавший перевернутый утюг. Вот на этом «утюге» и стояла «двадцатьчетверка». Когда мы начали спускаться, по нам от вертушки открыли огонь, приняв за духов. Хорошо, что летчики на земле стрелять не умеют. Вдобавок ко всему они сняли с машины ПКТ, а у него никаких приспособлений для прицеливания нет. Я запустил ракету, стрельба прекратилась. Подошли к ним.

Вертолета я не брошу, потому что он хороший

В это время «восьмерки» уже взлетели с нашими. Я связался с ними и приказал 2-й роте возвращаться в отряд, а 1-й — садиться ко мне для обеспечения безопасности сбитого вертолета. Мартыанов со своими людьми высадился, летчики с «двадцатьчетверки» погрузились и улетели. Кроме этого, я связался с комбатом и попросил Абзалимова прислать мне для усиления 3-ю роту.

Вскоре прилетела «восьмерка» поисково-спасательной службы (ПСС) и доставила технарей. Те покопались и, выяснив все неисправности, запросили запасные части, пообещав отремонтировать вертолет своими силами. Это было удивительно. По их же словам, насколько я помню, был пробит масляный радиатор и вытекло все масло, повреждена гидросистема и выведен из строя один из двигателей. Я связался с командиром полка Целовальником, которого в обиходе просто звал Петровичем, и уверил, что вертушку мы не отдадим. Пусть готовят запчасти. Ремонтные работы мы прикроем.

На радостях Петрович пообещал поднять весь полк на наше прикрытие и осветить округу «люстрами». От этого я отказался, особенно меня не устраивало быть подсвеченным для огня духов. На крайний случай я запросил пару «крокодилов», чтобы барражировала в пяти минутах лету. Но повторил, что никакой подсветки мне не надо. Вскоре прибыли необходимые запчасти и ремонтники. Когда вертушки отвалили, наступила ночь.

Духи решили проверить нашу бдительность и обстреляли мой КП, который выделялся и размерами, и торчащими антеннами, чем испортили мне ужин. Мы огрызнулись сами, навели вертушки. Этого хватило, чтобы ночь прошла спокойно. Я боялся только минометного обстрела. Это могло осложнить ремонт новыми повреждениями. Но то ли духи не рискнули, опасаясь вертолетов, то ли у них просто не было минометов.

Вторая годовщина моей войны

Рассвело. И тут до меня дошло, что сегодня ровно два года, как я воюю «за ридну Афганщину». На радостях я дал очередь из пулемета, салютую сам себе. Когда меня запросили по радио, что произошло, я поздравил всех с моей второй годовщиной. Что тут началось! Салютовали со всех гор, где сидели наши.

К обеду «технари» закончили ремонт. Запустили двигатель — норма. Пробный подскок на проверку тяги — норма.

Вертушка взлетела и взяла курс на Джелалабад. Вскоре эвакуировали и нас.

В вертолетном полку по поводу нашего возвращения командир вместе со «Святой Инквизицией» накрыли «поляну». В подарок от летчиков я получил книгу Шукшина, где Владыкин надписал благодарственные слова за оказанную помощь.

Вскоре мне на замену прибыл Василий Фрезе. Я улетал с войны, но со слезами на глазах, оставляя в батальоне кусок своей жизни. Может быть, самый яркий кусок.

Г. Удовиченко. Засада, проведенная сходу

Случай, описанный ниже, не типичен для джелалабадского отряда. Как уже писал Дмитрий Лютый, в их районе засады были малоэффективны и почти не применялись. Именно поэтому я и постарался обратить внимание читателей на него. Также следует отметить, что в условиях афганской войны эффективность засад, проведенных сходу, была выше чем подготовленных заблаговременно. Это может объясняться тем, что обнаружив противника на марше и сходу организовав засаду на него, разведчики имели меньше шансов «засветиться» во время дневки, когда противник активно занимался поиском групп специального назначения для обеспечения безопасности своего участка маршрута.

Верблюды бесхозными не бывают

Отряду, который я возглавлял, была поставлена задача уничтожить караван душманов. По данным агентства его путь проходил через кишлаки Мангваль и Сарбанд.

С наступлением темноты, отряд начал выдвижение на вероятное направление движения каравана. На пути лежала река Кунар. Подъехав, мы поняли, что переправиться на другой берег нам не удастся из-за того, что уровень воды в реке поднялся. Пришлось вызвать броню, которой командовал лейтенант А.Мусяенко и организовать переправу на боевой технике по всем канонам военного искусства.

До «мертвого» кишлака Сарбанд оставалось не более километра, когда лейтенант Мусяенко доложил, что справа от дороги обнаружено несколько навьюченных верблюдов, которые шли со стороны населенного пункта Мангваль без погонщиков. Стало ясно, что пока отряд форсировал реку, а затем пересекал кишлачную зону, идущий навстречу караван частично вышел к переправе. Обнаружив нас, духи развернули караван, а часть верблюдов бросили. Действуя на броне, мы разделились на две группы и прочесали местность севернее кишлака Сарбанд. В результате захватили четырех верблюдов, навьюченных 107-мм реактивными снарядами и 82-мм выстрелами к «безоткатке». Кроме этого, мы обнаружили несколько брошенных тюков с боеприпасами — моджахеды в критические минуты срезали вьюки с лошадей и верблюдов и уходили из опасной зоны верхом.

Погоня, погоня...

Было ясно, что наиболее важный груз духи увезли с собой. Решено было постараться догнать караван и уничтожить.

Для усыпления бдительности броню мы оставили на месте, отряд же спешил и, соблюдая меры предосторожности начал движение по тропе вдоль реки в сторону вероятного отхода каравана. В головном дозоре пошли пятеро афганских солдат в национальной одежде. Старшим дозора был лейтенант Визир, ему была поставлена задача: если они кого-то заметят, сразу же присесть и не выдавать себя, если же противник их обнаружит, то «косить» под духов». Афганцы шли уверенно, чувствовалось, что они хорошо знают местность. За дозором шла группа лейтенанта В.Абрамова.

Через несколько километров долина стала сужаться, и вот уже впереди справа угрожающе нависла скала, а слева проход ограничивался обрывистым берегом Кунара. Место — гиблое, здесь надо держать ухо востро. Шум реки перекрывает звуки движущегося отряда, но и скрывает шум движения противника. Все чаще дозор застывает на месте. Чтобы самим не нарваться на засаду духов, которая здесь может быть в любом месте, приходится «ловить тишину» — останавливаться прислушиваясь, внимательно наблюдать по сторонам и проверять дозорами из группы Абрамова и афганскими проводниками наиболее опасные участки местности. Время тянется бесконечно, хотя от начала движения прошло не больше часа. Все сигналы управления передаются по радио в тоновом режиме, но вот Абрамов, немного волнуясь, докладывает голосом: «Зеленые сели. Визу впереди на тропе четырех бородатых».

Магомет идет к горе. И не один

Соблюдая меры предосторожности, я выдвинулся к Абрамову. Здесь в прибор ночного видения я четко увидел фигуры четырех вооруженных моджахедов, которые крадучись шли вдоль крутого отвеса скалы. Метрах в двадцати за ними двигалась какая-то серо-зеленая масса¹. Приглядевшись, мы разглядели человек двадцать—тридцать, остальных за изгибом скалы не было видно. Обсудив ситуацию накоротке, мы с Виктором решили, что духи хотят возвратиться и напасть на нашу броню.

Медлить было нельзя — до столкновения оставались считанные минуты. Противостоящие силы были почти равны, если не считать того, что мы видели только часть противника. В такой ситуации главное оружие — внезапность. Дополнительное преимущество давала местность — небольшой изгиб реки позволял простреливать большую часть тропы, где сейчас находились боевики. Мгновенно оценив обстановку, я решил организовать засаду.

С этой целью группа Абрамова с афганцами должна была занять позицию на сопке, что проходила справа от тропы, тем самым освободить дорогу для противника, дав ему возможность втянуться в огневой мешок, а с началом боя открыть огонь во флаг колонне моджахедов. Группе же лейтенанта С.Суковского следовало занять позицию на достигнутом рубеже и встретить противника кинжальным огнем из стрелкового оружия и АТС-17.

Поставленную задачу стали исполнять немедленно, а расчет АТС стал готовить позицию прямо на тропе, поскольку времени было в обрез.

Все ближе и ближе дозор противника. Вот он остановился, явно прислушиваясь. Я видел, как впереди идущий бородач вытянул шею и, словно принимаясь, пытался определить, что там, на изгибе. Бурлящие потоки Кунара перекрывали своим рокотом тот шум, который невольно производили спецназовцы, готовясь к достойной встрече приближающегося противника. Ожидание доклада командиров групп о готовности превратилось в вечность. Вот поднялась рука Абрамова — его группа готова. До духов осталось метров тридцать. В приборы ночного видения уже можно различить даже лица моджахедов.

Команду «Огонь!» подал командирский АКМС

Как только противник подставил свой фланг, я нажал на спуск своего АКМС. Это был условный сигнал. Почти одновременно с моей очередью тишину вспороли заработавшие автоматы и пулеметы группы. Гулко разнеслись над г рекой разрывы реактивных противотанковых гранат РПГ-18 «Муха». Их разрывы яркой вспышкой на мгновение осветили оцепеневших от внезапного нападения духов.

Заработал АТС, но тут же замолчал — ответным огнем противника ранило гранатометчика. Расчет располагался открыто, по-скольку времени на оборудование укрытия не было. Раненого сменил командир группы, лейтенант Сергей Суковатый. АГС снова залаял, выплевывая в душманов очередь за очередью 30-мм осколочные гранаты.

Во фланг духам с горы ударила группа Виктора Абрамова. Несмотря на то, что духи, придя в себя, отчаянно отстреливались, сержанты Александров и Яцковский метнули в толпу осколочные гранаты Ф-1. А через пару секунд рядовые Пономарев и Тургунбаев метнули свои гранаты дальше по тропе, отрезая тем самым духам единственный путь отступления.

Среди разрывов и воплей раненых духов и тех, кто пытался спастись, отчетливо было слышно, как работают два пулемета, расположенные на вершине. Своим огнем они прикрывали правый фланг и тыл отряда. Духи начали пятиться, сбиваясь в кучу, бросая оружие и оставляя раненых.

Отход уцелевших превратился в паническое бегство. Изредка они давали короткие очереди по близлежащим вершинам — им всюду мерещились спецназовцы...

Привет, «инженер»!

После досмотра места боя группа Абрамова обнаружила восемь человек убитыми, оружие и несколько УКВ радиостанций. Выслушав доклады офицеров, я принял решение не преследовать противника, а отойти под прикрытие брони. В темноте мы легко могли поменяться ролями с нашим противником.

В результате засады разведотрядом было уничтожено восемь моджахедов, захвачено шесть единиц стрелкового оружия, боеприпасы и две радиостанции. Одна из них, армейская американская «Motorola», впоследствии заинтересовала Центр и была направлена в Москву для изучения.

Как позже сообщила агентура, мы в том бою потрепали бандформирование известного на востоке Афганистана полевого командира «инженера Гафура».

*

В конце данного повествования хочу добавить, что я не стал приводить определение засады «с ходу», которую автор назвал «мгновенной». Сделал я это потому, что засада, как и любой другой тактический прием, может иметь массу особенностей, оставаясь по сути «заблаговременным расположением группы на путях

движения противника». При этом временной промежуток этой «заблаговременности» может колебаться от нескольких минут до нескольких суток.

1 Электронно-оптический преобразователь прибора выдаёт черно-зелёное изображение

2В. Яцковский героически погиб спустя несколько месяцев

Карен Таривердиев. Зима в Газни

177 ооСпН начал формирование в январе 1980 года на базе 22 обрСпН в г. Капчагай близ Алма-Аты. При формировании использовался тот же принцип, что и при формировании мусбата. Первый командир отряда — майор Б. Т. Керимбаев. Отряд введен в ДРА в октябре 1981 г. Также как и 154 отряд до 1984 года занимался охраной входа в ущелье Панджшер в районе н.п. Руха. В 1984 году отряд переведен в Газни, и приступил к выполнению специальных задач в зоне своей ответственности. Местность, где воевал отряд, была высокогорной. Это налагало определенный отпечаток на тактику действий отряда. Радиус действий разведывательных органов отряда, действовавших на броне, был не более 40—50 километров. Для работы на большем удалении от ППД группы и отряды доставлялись на вертолетах. Отряд применял, как 3 тактику налетов на отдельные склады, так и тактику захватов ^ базовых районов. Также широко использовались поисково-засадные действия. Отряд выведен в Союз в 1989 году, и вошел в состав 2 обрСпН Ленинградского военного округа. Дислоцировался в Мурманской области. В 1992 году скадрован, но вскоре вновь укомплектован личным составом.

Местные особенности

Наш 177 отдельный отряд специального назначения пришел в провинцию Газни весной 1984 года. До этого местом его постоянной дислокации был город Руха, где боевая деятельность батальона была мало связана с его прямым назначением — борьбой с караванами. Обустроившись на новом месте, батальон приступил к выполнению своих основных задач. Однако к зиме 1984—85 гг. боевая деятельность была почти полностью свернута. Произошло это по причине местных климатических условий, к которым мы оказались просто не готовы. Дело в том, что провинция Газни — это о высокогорное плато, с трех сторон окруженное горными хребтами. Причем высота плато в балтийской системе высот составляла около 2 тыс. метров, а сам пункт постоянной дислокации находился на отметке 2 197 метров. Поэтому климат у нас был холодный, часто лежал рыхлый снег, а когда в редкие теплые дни снег таял, то местность мгновенно превращалась в непроходимое болото.

В этих условиях наша бронегруппа просто сидела по брюхо в грязи и отойти от ППД на сколько-нибудь значительное расстояние было для нее более чем проблематично. Само собой разумеется, что и «духовская» автомобильная техника — а основная часть караванных маршрутов, проходивших через нашу зону ответственности, была именно автомобильной, — тоже стояла по кишлакам или отсиживалась в Пакистане, и караванные маршруты пустовали. Надежной информации о наличии где-то в нашей провинции складов с оружием и боеприпасами у нас в ту пору не было.

Поэтому вся боевая деятельность отряда сводилась к облету местности с воздуха досмотровыми группами, а редкие выходы на поиск и уничтожение складов ни к чему конкретному, как правило, не приводили, да и проводились они довольно неохотно.

Иными словами, январь—февраль 1985 года мы провели в состоянии своеобразной «мирной передышки», и только с середины марта перешли к более или менее осмысленным боевым действиям.

В составе бригады

За лето и осень 1985 года в отряде сменился почти весь офицерский состав, включая комбата и всех его заместителей. Основная масса офицерского состава отряда до службы в Афганистане не имела, за редким исключением, ни малейшего понятия о специфике действий войск специального назначения. Как я уже упоминал выше, до передислокации в Газни батальон использовался не по назначению, а поэтому и был укомплектован в основном офицерами, пришедшими из пехоты с соответствующим уровнем подготовки и тактического мышления. Начиная с весны 1985 года в батальон, наконец, начали приходить «чистые спецназовцы», большинство из которых имело опыт службы в частях специального назначения,

расположенных как на территории самого Советского Союза, так и Германии, Чехословакии, и даже Монголии.

Ситуация с командным составом резко изменилась к лучшему, и дела у отряда пошли в гору. К следующей зиме нам удалось подойти уже значительно более подготовленными, и зима 1985—86 гг. резко отличалась от предыдущей.

Большую роль в этом, на мой взгляд, сыграл и тот факт, что отряд перестал быть отдельным, а был включен в состав 15 бригады специального назначения, штаб которой был сформирован в Джелалабаде под командованием полковника Бабушкина. Эта реорганизация пошла нам на пользу и придала нашим действиям большую осмысленность. Помимо организационных изменений, большую роль сыграло и то, что к осени 1985 года нам удалось наладить отличное взаимодействие с 239 смешанной вертолетной эскадрилей (12 транспортных вертолетов Ми-8 и 8 вертолетов огневой поддержки Ми-24), аэродром которой находился на окраине города Газни. Это сразу же самым благоприятным образом сказалось на всех наших действиях. Мы перестали быть накрепко привязанными к собственной бронегруппе, и радиус наших действий вырос до 150—180 километров.

В условиях нашей сильно пересеченной местности и чрезвычайной плотности минирования, которую применяли «духи» в нашем районе, поход «брони» даже километров на 50—60 от ППД можно было смело приравнять к подвигу. Причем эти несчастные полста километров «броня» порою проходила часов за 6—8, а то и больше. Развить нормальную скорость можно было только в одном месте — на трассе Кабул—Кандагар, — но там нам делать было нечего. При проводке армейских колонн на юг танкисты и мотострелки так «выметали» кишлаки вдоль дороги, что для нас уже ничего не оставалось. Так что в этих условиях хорошие отношения с «воздухом» были нам просто необходимы.

Источник информации

Вторым нашим достижением в деле подготовки к зиме явилось то, что усилиями нашего начальника разведки, старшего лейтенанта Игоря Ящишина, и командира третьей роты, капитана Павла Бекоева, удалось найти чрезвычайно ценный источник информации. Им стала оперативная агентурная группа «Ургун». К сожалению, я забыл фамилии офицеров ГРУ, работавших в ней в то время, но их информация была всегда настолько достоверной, что мы практически ни разу не возвращались пустыми, если вылетали на ее реализацию. Эта группа из трех—четыре офицеров сидела за многие сотни километров от ближайших советских частей в крайне скудных условиях. Но работала так, как и не снилось, к примеру, ОАГр «Клен», работавшей в самом Газни в условиях полного комфорта. С «Кленом» мы тоже часто контактировали, тем более, что до него нам было рукой подать, но реализовать их информации на моей памяти смогли за два года считанные разы.

С начала декабря 1985 в течение полугода все основные наши успехи были связаны с провинцией Ургун и, соответственно, с информацией, которую нам предоставляли местные агентурщики. И это при том, что наша «броня» в Ургунское ущелье не могла добраться, что называется «по определению».

В тот район, расположенный в непосредственной близости от границы между Афганистаном и Пакистаном, за девять лет войны, по-моему, ни разу и армейская операция не доходила, не говоря уже о нашей ничтожной (по пехотным понятиям) бронегруппе в семь-восемь БМП и БТР. Больше количество боевых машин мы, как правило, разом не выставляли.

Поэтому можно с полным основанием говорить о том, что своим удачам в этот период войны мы были обязаны агентурщикам из Ургуна и вертолетчикам из Газни.

Декабрьская «страда»

Весь декабрь 1985 года наши разведгруппы довольно успешно били на Ургуне «духовские» караваны. Особо результативными оказались засады в ущелье севернее города Ургун, которые провела 1-я рота под командованием капитана Степанова, и засада 3-й роты капитана Бекоева в районе крепости Гумалькалай — крайней по расстоянию точки, куда могли долететь наши вертолеты.

В первом случае мы захватили около 60 стволов стрелкового оружия, несколько безоткатных орудий и ДШК. Захватили мы еще и ЗИЛ-130, набитый артснарядами и РСами, что называется, под самую пробку. Но боеприпасы пришлось взорвать, потому что поднять их на борт в таком количестве не мог ни один вертолет. А в районе крепости Гумалькалай, помимо всякого прочего добра, удалось захватить и несколько китайских ПЗРК «Стрела», что, по тем временам само по себе считалось выдающимся результатом. Впоследствии агентурщики рассказали, что в той засаде был застрелен и американский советник, нелегально

направлявшийся в Афганистан, но, к сожалению, в темноте и суматохе его труп на месте засады не опознали и никаких документов на этот счет не обнаружили. Поэтому этот серьезный успех 3-й роте в зачет не пошел. В январе ургунские перевалы, как это и было положено природой, полностью занесло снегом и движение караванов прекратилось. Проведение засад стало бесполезным делом, но о прекращении боевой деятельности, как это было год назад, не могло быть и речи. В этих условиях необходимо было срочно найти новые способы борьбы с «духами» или, как их сегодня называют, с «боевиками». В этот момент и сказались наши новые преимущества — наличие точной информации о противнике и отлаженное взаимодействие с вертолетчиками.

Подготовка к походу на Ургун

В феврале 1986 года я замещал нашего начальника разведки Игоря Ящишина, находившегося в отпуске. В связи с этим мне довелось принимать непосредственное участие в планировании и осуществлении той операции, о которой я собираюсь рассказать.

В Ургунских горах боевики чувствовали себя полноправными хозяевами. Наших частей в том районе не было, афганская армия и Царандой, если где-то там и дислоцировались, то вели себя крайне смирно и в горы не совались. Ближе нас к этому району находилась гардезская 56-я десантно-штурмовая бригада, но ее, по моему, мало волновала эта зона.

Так что у духов царил тишь, гладь и божья благодать. Наши агентурщики каким-то чудесным образом сумели составить подробнейшую карту расположения банд в этом районе и определить, где находятся их склады с оружием и боеприпасами. При- чем, когда я эту карту увидел, я не поверил своим глазам и решил, что разведчики сильно преувеличивают. Рядом с каждым значком, Ц; обозначающим место склада, были проставлены такие цифры, что у меня просто глаза на лоб полезли от удивления.

Если в провинции Газни, в которой мы тоже иногда имели дело с тайниками с оружием, количество стволов не превышало 10—15, и мы считали их заслуживающими внимания, то ургунские склады имели цифры на порядок больше. Как выяснилось впоследствии, так оно и было на самом деле. Правда, и численность отрядов охраны тоже производила впечатление — шестьдесят, восемьдесят, иногда и более ста человек.

Сами склады, по полученной нами информации, находились вне населенных пунктов, что для нас было удобно, но, как правило, располагались в тактической близости от них. Поэтому можно было предположить, что в близлежащих кишлаках располагались на зиму крупные духовские отряды, готовые быстро оказать помощь отрядам охраны складов.

Мы довольно долго обдумывали способ, как бы нам их нейтрализовать. Вопрос этот был серьезный, потому что использование бронегруппы, по описанным выше причинам, было исключено, а одним бомбоштурмовым ударом подход резервов противника, как известно, не предотвратить. Тем более, что в этой части Афганистана горы сплошь лесистые, причем хвойных пород, а, значит, на зиму не опадающие, и это обстоятельство сильно ограничивало возможность наблюдения с воздуха за перемещениями на земле. Однако, этот вопрос решился сам по себе и самым неожиданным для нас образом. В начале февраля мы получили информацию, что по приказу местного вождя (имя его выпало у меня из памяти) большая часть духовских отрядов ушла из гор в Пакистан, якобы на переподготовку.

Конечно, риск был велик, и уверенности в достоверности информации у нас было недостаточно, но наш командир батальона майор Попович решил рискнуть. Не последнюю роль в его решении сыграл и командир третьей роты Павел Бекоев.

Попович доверял опыту Бекоева, который к тому времени служил в Афганистане уже второй срок, т. е. воевал больше трех лет. Рассказывая о боевой деятельности нашего отряда зимой 1985— 86 гг., нельзя обойти вниманием особенности его личности.

Паша Бекоев

До того как стать командиром нашей третьей роты, Бекоев успешно командовал группой в Джелалабадском батальоне, потом там же был и заместителем командира роты. В нашем батальоне он не очень-то пришелся ко двору из-за вздорности характера, но боевых качеств у него отнять было нельзя.

Однако у него был один очень серьезный недостаток — он постоянно излишне рисковал и собой, и своими людьми. К тому же, он не всегда удосуживался ставить в известность окружающих о своих планах. То есть, отчасти он был своеобразным «анархистом» и вопросам организации взаимодействия должного внимания не уделял. Подобная неорганизованность нередко приводила его к печальным последствиям. Возможно,

сказывалось то, что Бекоев был «пиджаком» — то есть он не заканчивал нормального офицерского училища, а стал лейтенантом на военной кафедре (если я не ошибаюсь) Радиоинститута г. Орждоникидзе.

Однажды при ночном прочесывании кишлака, без противодействия противника, у него в роте случилось ЧП. Сильно нервничавший молодой пулеметчик в темноте не разобрался в ситуации и в упор застрелил радиста из группы связи, приданного Бекоеву. Тогда это посчитали нелепой случайностью.

Через месяц Бекоев получил какую-то «левую» информацию о нахождении склада боеприпасов севернее Газни. Доложив об этом только комбату, он поднял свою роту по тревоге и рванул в район предстоящих боевых действий, не поставив в известность о том, где будет находиться, ни штаб батальона, ни даже оперативного дежурного. В итоге не была своевременно подготовлена резервная бронегруппа. Ничего не знали об этом и вертолетчики, так как третья рота укатила на собственной «броню». Проверить полученную информацию Бекоев посчитал излишним.

По закону подлости, одна из его разведгрупп попала в засаду и была расстреляна из «зеленки» в упор с расстояния в десять-пятнадцать метров. Эта засада вряд ли была заранее подготовлена. Скорее всего, при выдвижении к предполагаемому местонахождению склада, группа была обнаружена «духами» ранее, чем сама смогла обнаружить противника, а так как «духи» местность знали лучше, чем мы, то и подготовиться они успели быстрее, чем Бекоев. Своевременной помощи третьей роте оказать не успели, так как никто не был готов к такому обороту событий.

К тому времени, когда поспешно собранный резерв нашел все-таки место, где «влипла» рота Бекоева, бой уже закончился, и «духи» спокойно удалились, посчитав свое дело выполненным. Третьей роте этот случай обошелся в шесть убитых и одного тяжело раненного. Плюс к тому резервная броня, спешно шедшая на помощь безо всяких мер предосторожности, потеряла один БТР на минах. Надо сказать, до этого дня таких потерь мы ни разу не несли.

Но Бекоеву и этот случай сошел с рук. Комбат продолжал благоволить ему, и в вопросе о проведении серии налетов на Ургунские склады голос командира третьей роты имел большой вес. Впрочем, к этому времени капитан Бекоев сумел провести несколько успешных налетов и засад, и можно было надеяться, что история с семью загубленными разведчиками его многому научила.

Объект

В качестве первоочередной цели был выбран склад оружия и боеприпасов, расположенный в горах километрах шестидесяти юго-западнее Гардеза. От Газни до цели расстояние было вдвое большим и мы рассчитывали использовать гардезский аэродром, как аэродром подскока. Или как аэродром ожидания, если можно так выразиться.

По нашему плану, транспортные вертушки, десантировав наш отряд в район склада, не должны были возвращаться на свой аэродром в Газни, а должны были сесть в Гардезе. Таким образом, в течение пятнадцати—двадцати минут они могли вернуться в район проведения налета и эвакуировать нас оттуда. Склад располагался неподалеку от селения Лой-Мана, в котором вполне могли оказаться духовские резервы. По нашим сведениям, численность охраны была сокращена с шестидесяти человек до пятнадцати. Причем сокращена именно в связи с пресловутой переподготовкой. Однако никто не мог гарантировать, что в ближайшее время она не будет вновь доведена до первоначального состава.

Боевой состав и замысел

239 вертолетная эскадрилья могла выделить нам для этой операции только шесть Ми-8мт. Число вертолетов и определило наш боевой состав — 60 человек, по десять на каждый борт.

На всю операцию отводилось не более одного часа с момента десантирования отряда. Мы надеялись, что за это время «духи» не успеют собрать и подтянуть достаточно сил, чтобы успешно побороться с нами.

Десантирование предполагалось произвести на ровную площадку у подножья гор, которая находилась в непосредственной близости от склада. У летчиков были сомнения в ее пригодности, так как заказанная нами аэрофотосъемка местности ничего путного рассказать нам не могла. Весь район предстоящих действий был сильно занесен снегом, поэтому аэрофотоснимок к нормальной работе был мало пригоден. Мы рассчитывали, что снежный покров не превышает 10—15 см и не слишком затруднит наши действия. Однако в реальности он составлял около 50 см и сильно повлиял на наши действия на конечном этапе операции. Возможный огонь зенитных средств (ДШК и ЗГУ) планировалось подавить с воздуха, но все-таки наибольшие надежды мы возлагали на внезапность нападения и скоротечность боя.

Насколько мне известно, штаб бригады согласовал со штабом 40-й Армии вопрос о том, что если мы влипнем всерьез, то нам на помощь двинется 56-я дшбр в полном составе.

Но этот вопрос уже не входил в мою компетенцию, и я доподлинно не знаю, была ли достигнута подобная договоренность или нет. Во всяком случае, десантников нам привлекать не пришлось, и слава Богу. При неблагоприятном развитии событий нам пришлось бы держаться в окружении не менее 10—12 часов, а это было чревато непредсказуемыми потерями с нашей стороны.

Агентурная группа предоставила в наше распоряжение афганца-проводника, знающего местность и расположение огневых точек. Свою награду, надо сказать, он отработал сполна, что обычно с проводниками случалось редко.

Налет

Налет был осуществлен 14 февраля. На первом этапе все шло согласно плану. Охрана не ожидала нападения, зенитные средства не были подготовлены к немедленному открытию огня и после короткого бомбоштурмового удара Су-25 и Ми-24 все шесть «восьмерок» удачно десантировали нас на площадку приземления.

Прыгать пришлось из положения зависания с высоты метр-полтора, может чуть больше, но тут нам помог глубокий снег. Кроме того, место десантирования было скрыто от «духов» плотной снежной пеленой, поднятой винтами вертолетов. Мы оказались на небольшой площадке в нескольких десятках метров от подножья гор. Поначалу по нам никто не стрелял, и отряд довольно организованно сумел подняться к предполагаемому месту склада.

На месте выяснилось, что территория склада представляет из себя несколько одиночных строений, разбросанных в полном беспорядке на ограниченной площади. Нам довольно быстро и без потерь удалось захватить их все, кроме одного.

Метод захвата был предельно прост: подгруппа обеспечения открывала по домикам ураганный огонь с расстояния 30—50 метров и под ее прикрытием к домикам подбирались два—три разведчика. Как только они занимали безопасное положение в «мертвой зоне» у стен, огонь по окнам и дверям прекращался, подгруппа нападения вставала с земли и забрасывала домик гранатами через окно. Такого воздействия на противника оказалось вполне достаточно, чтобы полностью подавить сопротивление.

Настораживало только то, что ничего особо существенного внутри этих строений нам найти не удавалось, и мне начало казаться, что никакого большого склада здесь нет, все это выдумки наводчика и всю эту операцию мы затеяли зря. Правда, наводчик заранее предупреждал нас о том, что не знает точно в каком именно месте расположен основной склад, так как в районе его расположения ему бывать приходилось, а конкретно в хранилище — нет.

Но тут нам здорово повезло. Из одного домика попытался сбежать молоденький парень, на вид лет пятнадцати. Оружия у него не было, и мне при помощи прапорщика Вербитского удалось быстро его поймать. Язык не поворачивается назвать его полного ценным «духом» — так, «душонок» какой-то. Парнишка был сильно испуган, и после пары профилактических затрещин немедленно согласился отвести нас к искомому складу.

Ура! Склад!

Выяснилось, что основное хранилище представляет собой странного вида строение из трех стен на обратном скате большого холма. Я называю этот скат обратным, потому что таковым он был по отношению к месту нашего десантирования и исходного рубежа для атаки. Наши основные силы просто проскочили мимо него, не придав этому строению большого значения. Как я уже сказал, строение имело только три стены, а роль тыльной стены выполняла гора. То есть домик был заглублен вовнутрь скалы так, что наружу торчало только что-то вроде предбанника.

Первоначально около него осталось около отделения солдат из роты капитана Бекоева, а все остальные пробежали мимо. Это строение было единственным местом, откуда нам было оказано сопротивление. Частично подавить его удалось только после того, как кто-то из солдат, по-видимому, вспомнив товарища Сухова из фильма «Белое солнце пустыни», забрался на крышу и спустил во внутрь несколько гранат через трубу дымохода.

Ворвавшись в «предбанник», мы поняли, что попали в какую-то искусственно сделанную пещеру, потому что вглубь горы вел небольшой кривой коридор. За коридором находилось еще одно помещение, куда и отошли «духи» из «предбанника».

«Боулинг» в потемках

Выкурить их оттуда оказалось очень затруднительно, потому что они активно обстреливали выход из коридора. Пользуясь тем, что коридор оказался не прямолинейным, а имел поворот, за которым можно было находиться в относительной безопасности, мы начали закатывать в дальнюю пещеру ручные гранаты. Причем не бросать их, а именно закатывать — высунешь руку из-за угла, катнешь ее по полу, и назад.

Судя по гулкому звуку взрывов, пещера была внушительных размеров. Вскоре кто-то заметил, что обороняющиеся прекратили обстреливать выход из коридора, и несколько солдат осторожно проникли в пещеру. «Духов» в ней не оказалось, а в тыльной стене мы нашли вход в еще один коридор, который вел еще дальше вглубь горы. Сунувшийся в этот очередной коридор солдат тут же попал под автоматную очередь, выпущенную почти в упор. То, что он остался цел и невредим — везение высшей категории. Мы опять § были вынуждены заняться «боулингом», но вскоре прекратили с это занятие: «духам», видимо, отступать было уже некуда и они засели в том коридоре накрепко. Чего там было понастроено или прорыто дальше, мы так и не узнали, потому что дальше продвинуться нам не удалось. Впрочем, как показали дальнейшие события, в этом и не было никакой необходимости.

Мы не ожидали, что придется воевать в пещерах, поэтому ни у кого не оказалось с собой элементарного фонарика. Вся вышеописанная суэта происходила при свете зажженных спичек или зажигалок (кстати, это обстоятельство стало для нас положительным опытом на будущее: впоследствии мы строго следили за тем, чтобы в группах в обязательном порядке было несколько исправных фонарей типа «мышинный глаз»). Кто-то догадался использовать в качестве осветительного прибора сигнальный пиропатрон с факелом.

Пещера современного Али-Бабы

И вот тут нас и пробил холодный пот, во всяком случае, меня он точно пробил. Выяснилось, что в боулинг с ручными гранатами мы играли на складе ВВ и СВ. Захваченная нами пещера была буквально заставлена стеллажами с двухкилограммовыми упаковками пластида американского производства. И было его там по меньшей мере несколько тонн. Кроме того, по углам в беспорядке были свалены противопехотные мины «Клеймор» направленного действия, несколько десятков противотанковых итальянских TS-6.1 и тому подобные «мелочи». Впрочем, если бы пластид сдетонировал, то наличие или отсутствие прочих мин уже не имело бы никакого значения. Нам сразу же стало понятно, почему обороняющиеся так быстро отступили вглубь горы.

Надо сказать, что «духи» решили ответить нам тем же и катнули несколько гранат в нашу сторону, но делать им это было неудобно, и гранаты разорвались за углом второго коридора. Один наш автоматчик остался в коридоре блокировать боевиков, а мы принялись лихорадочно вытаскивать свои трофеи на свет Божий. Поначалу мы попытались вытащить и пластид, но быстро сообразили, что с собой его в таком количестве не утащишь. Поэтому брали только стрелковое оружие, по несколько экземпляров мин в качестве образцов и всякую прочую мелочь, казавшуюся полезной. К примеру, удалось добыть две коротковолновые радиостанции китайского производства. Впоследствии связисты утверждали, что эти радиостанции имели не менее 5 тысяч километров дальности связи, а по ширине диапазона превосходили наши радиостанции раза в полтора. Мы отправили их «наверх» для изучения. Но не обошлось и без курьезов.

Антифриз - яд

Лично со мной произошел в этой пещере почти анекдотический случай. При, мягко говоря, недостаточном освещении я обнаружил какую-то довольно тяжелую коробку, на которой со всех сторон были нарисованы черепа со скрещенными костями с какими-то предупреждающими надписями на английском языке, а внутри булькали четыре здоровенные бутылки. Разбираться, что именно там написано, времени у меня не было, но в то время по Афганистану ходило много слухов о готовности противника применить против нас химическое оружие. Вот я и ухватил в суматохе эту коробку с надеждой на высокую награду.

Когда я выбрался наружу, выяснилось, что наши дела принимают нездоровый оборот — противник все-таки сумел организовать и занял господствующее по отношению к нам положение. То есть оседлал или начал оседлывать тактический гребень выше нас. Мы с самого начала опасались подобного развития событий, но предотвратить его все равно не могли из-за малочисленности нашего отряда.

Поначалу огонь был не очень плотным и прицельным, но «духи» довольно быстро наращивали темп огня. У них с каждой минутой прибавлялось огневых точек. И с этой коробкой в руках мне было не очень-то удобно прятаться от пуль, но я упрямо не хотел ее бросать. В конце концов, выяснилось, что на ней написано: «ANTIFREEZE». Легко представить себе, как я матерился, обнаружив, из-за чего же именно я рисковал

жизнью. Выяснилось это, правда, уже в нашем ППД после возвращения с операции. Единственное, чем я сумел облегчить себе жизнь в борьбе с этой коробкой, так это то, что заставил таскать эту проклятую незамерзающую жидкость того самого «душонка», который в этот момент был готов носить что угодно, только бы остаться в живых. Впрочем, расстреливать его никто и не собирался, а антифриз в итоге достался нашему зампотеху, который был очень доволен этим обстоятельством.

Ставка на внезапность оправдалась

Ставка на внезапность атаки полностью оправдала себя. Еще в самом начале боя рота Бекоева, составлявшая костяк отряда, проскочив, как я уже говорил, основное хранилище, поднялась выше по склону и захватила горное орудие на подготовленной огневой позиции. Орудие было самым тщательным образом замаскировано от наблюдения с воздуха и развернуто в сторону той самой площадки, которую мы использовали для приземления. Во время первого бомбоштурмового удара эта позиция ничуть не пострадала. Однако когда 3-я рота добралась до него, выяснилось, что расчет на позиции отсутствует. Можно представить, во что могла превратиться наша операция, если бы расчет орудия в момент зависания вертолетов для выброски отряда оказался бы в готовности к открытию огня. Кроме этого солдаты Бекоева уничтожили и расчет ЗГУ, который смог добежать до своей зенитной установки, но так и не успел открыть огонь. Я абсолютно уверен, что площадка, на которую мы высаживались, была заранее пристреляна, и если бы расчеты успели вовремя занять свои места по боевому расписанию, нам пришлось бы более чем туго. В этом отношении Павел Бекоев, больше всех рассчитывающий на успех внезапности и твердо уверенный, что нам удастся подавить противника прежде, чем он успеет развернуться к бою, оказался совершенно прав. ^

Когда время стоит жизни

К сожалению, мы потратили слишком много времени на поиск склада и выкуривание из него охраны. В конце концов мы сообразили, что с «духами» можно поступить значительно проще, чем пытаться проникнуть вглубь пещеры: нужно просто поставить заряд, установленный на неизвлекаемость, прямо на стеллаж с пластидом. Наши саперы быстро создали этот заряд из трофейного же пластида и дали ему полчасовое замедление. Что именно получилось в результате взрыва нескольких тонн пластида в пещере, можно себе представить и без дополнительных объяснений.

Однако все это заняло время, и операция затянулась почти на полчаса сверх запланированного. Поэтому несмотря на самую активную поддержку с воздуха, которую нам оказывали пары Ми-24, сменявшие над нами друг друга, без потерь все-таки не обошлось.

Самым уязвимым местом нашего плана было то, что эвакуироваться приходилось с того же самого места, на которое мы и десантировались. Другой площадки для посадки вертолетов поблизости просто не было.

«Духи», тоже неплохо разбиравшиеся в военном деле, довольно быстро это поняли и попытались воспользоваться этим обстоятельством с максимальной для себя выгодой. Еще до того как за нами прилетели военно-транспортные вертолеты, подтянувшиеся «духи» успели организовать весьма действенный огонь из безоткатного орудия, позицию которого мы никак не могли определить. Возможно, эта позиция была подготовлена заранее, но мы пропустили ее во время первой, самой благоприятной для нас, фазы боя. Но, может быть, эту безоткатку приволок с собой резервный отряд противника — благо весит она не так много. Как бы то ни было, она доставила нам множество хлопот. Из-за нее «восьмерки» долгое время не могли зайти на посадку. Вертолет на земле представляет собой идеальную мишень для стрельбы. Пока мы теряли время, противник усиливал огонь своих стрелковых средств.

Безоткатку, в итоге, подавили вертолеты огневой поддержки, но отходить к «восьмеркам» после выполнения боевой задачи нам пришлось уже по совершенно простреливаемой местности. Притом, что снежный покров на площадке эвакуации составлял около 50 сантиметров. Это обстоятельство сильно затрудняло наше передвижение. Особенно если учесть, что отходили мы сильно нагруженные своими трофеями.

Все это обошлось нам в двоих тяжело раненых солдат, причем жизнь одного из них медикам удалось спасти только чудом. Оба они получили ранения буквально у самых трапов вертолетов. Да и корпуса вертолетов были довольно сильно изрешечены, хотя

среди экипажей вертолетов удалось обойтись без потерь. Однако эта операция была признана успешной и стала одной из самых красивых операций нашего отряда, проведенных той зимой.

В ловушке

Мы еще несколько раз придерживались подобной схемы нападения на склады оружия и боеприпасов, причем делали это не без успеха. Но в итоге командование бригады и штаб армии (в лице заместителя начальника штаба 40-й Армии полковника Симонова, отвечающего за наши действия) посчитали, что успех наших налетов на Ургунские склады каждый раз находится, что называется, «на острие бритвы» и прекратили подобную нашу деятельность.

Основанием к этому послужило то обстоятельство, что при очередном таком налете из-за ошибки афганца-наводчика мы десантировались на большом удалении от очередного склада и были вынуждены прочесывать ущелье на глубину до пяти километров от площадки приземления. Склад мы нашли и захватили, но резервы противника сумели перекрыть нам пути отхода на равнину. Создалось крайне опасное положение, при котором весь наш отряд в восемьдесят человек оказался практически отрезанным от площадки эвакуации. По закону подлости, в этот день нам были приданы несколько вертолетов Кабульского вертолетного полка, не обученного летать в условиях высокогорья. Для того чтобы облегчить себе прорыв на равнину, мы попросили летчиков сесть к нам на хребет и избавить нас от трофеев — а их было, как обычно при действиях в районе Ургунских гор, довольно много. Один из экипажей кабульских Ми-8 сумел совершить посадку на высоте около 3000 метров и загрузить наши трофеи, но при попытке взлететь § из-за ошибки пилота потерял управление и рухнул в ущелье. Причем упал он крайне неудачно. Когда я его увидел, вертолет лежал на правом боку со сломанным винтом, зажатым двумя огромными валунами. По счастью, никто особо не пострадал — падение обошлось несколькими рваными ранами и ушибами у членов экипажа и нескольких наших разведчиков, находящихся на борту. Но «наверх» было доложено, что вертолет был сбит огнем ПВО.

Сделано это, я полагаю, было для того, чтобы красиво оправдать потерю боевой машины. В итоге всей этой дипломатии мы, находясь в критической ситуации, чуть было не остались без поддержки с воздуха, потому что штаб ВВС армии просто испугался новых потерь и запретил полеты в этом районе.

Однако наша родная 239 вертолетная эскадрилья, пилоты которой действительно могли летать хоть на метле, хоть на помеле и осуществлять взлет-посадку в самых мыслимых и не мыслимых условиях, — пошла на риск и все-таки сумела посадить свои машины для нашей эвакуации. Не последнюю роль, думается, сыграло здесь и то обстоятельство, что многие из пилотов были связаны с нами - теми, которые оставались в горах в окружении, - элементарной мужской дружбой, и поэтому они не могли поступить иначе. Словом, нам удалось благополучно убраться из этого ущелья и даже притащить с собой все свои трофеи.

«Головокружение от успехов»

Но после этого случая все наши планы по нанесению ударов по противнику в районе юго-восточнее Газни неизменно натывались на запрет вышестоящего командования. К сожалению, эти запреты не смогли уберечь нас от тяжелых потерь, хотя и нарвались-то мы там, где меньше всего того ожидали.

Не последнюю роль в одной из самых неудачных наших операций той зимы сыграла и переоценка своих возможностей, вызванная победами на Ургуне. Просто у нас в какой-то степени притупилось чувство опасности и необходимое уважение к противнику, и тут вновь на первый план выступила личность и особенности характера Павла Бекоева.

18 марта 1986 года в штаб батальона пришла информация о том, что в кишлаке Сахибхан, расположенном около 60 километров южнее Газни, находится небольшая банда «духов», сопровождающая французского советника. Были ли в Афганистане советники из Франции или все это были только слухи, мне до сих пор неизвестно, но в тот день подобная информация подействовала на Бекоева как красная тряпка на быка. Командир батальона, майор Попович, в этот день был в отъезде и его обязанности выполнял заместитель, майор Федор Нинику.

Я не знаю, что происходило в штабе батальона в этот день, так как начальник разведки, старший лейтенант Ящишин к этому времени находился на своем месте. Соответственно, я вернулся в состав своей родной первой роты нашего батальона, которой командовал капитан Степанов.

Кишлак Сахибхан находился на территории провинции Газни, то есть не был отделен от нашего ППД непроходимыми для техники горными хребтами. Наверное, это и сыграло роковую роль в планировании, а точнее, всяком отсутствии планирования этой операции.

Около полудня рота Бекоева была поднята по тревоге и загрузилась в вертолеты. Причем загрузилась налегке — не взяв с собой ни тяжелого вооружения, ни достаточного количества боеприпасов, ни даже теплых вещей

на случай, если придется ночевать в поле. Я напомним, что даже в марте здесь лежал снег, и ночами держится отрицательная температура.

Считалось, что весь налет займет не более двух часов, день был относительно теплый, и казалось излишним запастись чем-либо на случай непредвиденных обстоятельств.

К тому времени, после удачных налетов на Ургун, в которых Павел Бекоев принял самое непосредственное, а зачастую, основное участие, его авторитет у командования нашего батальона был непререкаем. Во всяком случае, майор Нинику вряд ли мог его сдержать, хотя и номинально числился замкомбата, а Бекоев по-прежнему был только командиром одной из рот.

Наша первая рота тоже была поднята по тревоге и получила приказ выдвинуться в район Сахибхана сводной бронегруппой из пяти БМП-2 и двух БТР-70, приданных нам от второй роты. В нашу задачу входило добраться до района боевых действий третьей роты и забрать ее оттуда после выполнения боевой задачи.

Формально в боевом приказе указывалось, что мы должны поддержать Бекоева огнем в случае возникновения такой необходимости, но этому пункту никто никакого значения не придал. Во всяком случае, Бекоев посадил свою роту на вертолеты и улетел задолго до того, как наши боевые машины вышли из парка. Так что никакого взаимодействия между ротами организовано не было. В любом случае, наша «броня» могла прийти в район боевых действий не ранее, чем через три часа после того, как третья рота уже начнет бой. Кроме того, в отличие от налетов на ургунские склады, третья рота изначально лезла в населенный пункт, чего на Ургуне мы тщательно избегали, и опыта ведения боевых действий на улицах сравнительно большого кишлака на тот момент мы не имели.

Под огнем

Приблизительно к 15 часам рота Бекоева, в течение двух с половиной часов безрезультатно прочесывающая кишлак, внутри которого ей первоначально не было оказано ни малейшего сопротивления, вышла на его окраину, противоположную от площадки своего десантирования. Там находилась большая крепость, одной своей стороной выходившая на последнюю улицу кишлака. Уже не рассчитывая найти противника и посчитав свой вылет безрезультатным, Бекоев успел запросить, чтобы его эвакуировали вертолетами, так как еще оставалось светлое время, а наша «броня» с черепашей скоростью по-прежнему месила глубокую грязь едва ли на подходе к цели. Капитан Степанов, командовавший бронегруппой, даже успел предположить, что с минуты на минуту последует команда возвращаться в ППД, а мы еще даже в окрестностях Сахибхана появиться не успели. Это обстоятельство, помнится, его сильно раздражало.

И в этот момент из крепости по роте Бекоева был открыт огонь. Сразу же появились убитые и раненые. Услышав об этом в эфире, «броня» увеличила скорость до максимальной, но прибыла в район боя почти, что к шапочному разбору.

Третья рота лежала в каком-то арыке на окраине кишлака, ведя беспорядочный огонь по крепости из стрелкового оружия. Дистанция между этим арыком и ближней стеной крепости была около 50—70 метров. Поэтому несколько Ми-24, круживших в воздухе, никак не могли нормально поддержать роту огнем из опасения попасть по своим.

Номинально командовавший отрядом майор Нинику упорно не давал команды отойти подальше, дабы дать возможность вертолетчикам сравнять крепость с землей.

Наша «броня» развернулась в цепь, а мы спешили. При этом получилось так, что развернулись мы строго в тылу у третьей роты, и тоже не могли использовать все свои огневые средства по той же причине, что и вертолетчики.

Естественно, что «духи» из крепости повели огонь и по нам тоже. В итоге, пешие боевые порядки первой и третьей рот перемешались между собой, и всякое разумное управление огнем было потеряно. Ми-24 продолжали кружиться над нами, изредка давая залпы НУРСов, но, по большому счету, это была стрельба для очистки совести, потому что никакого целеуказания им никто не давал, а сами они разобраться в той суматохе, которая творилась под ними на земле, были не в состоянии.

Смерть авантюриста

Бекоев, который не привык отступать и чья личная храбрость зачастую шла во вред общему делу, все-таки решил штурмовать крепость. Бросив управление ротой на произвол судьбы, он подобрался к ближней стене и через пролом влез вовнутрь. За ним последовали один солдат из его роты и капитан Олег Севальнев, который являлся командиром третьего взвода нашей первой роты. Однако после того, как роты перемешались,

Севальнев полез в крепость вместе с Бекоевым, несмотря на то, что его взвод, как и вся первая рота, имели задачу в первую очередь прикрывать действия третьей роты и оказывать ей огневую поддержку, а никак не участвовать в незапланированном штурме.

В какой-то мере капитана Севальнева оправдывает то обстоятельство, что со дня на день мы ожидали приказа о его назначении на должность заместителя Бекоева, и он пошел за ним как за своим новым командиром. Впоследствии находящиеся рядом с ними солдаты третьей роты рассказывали, что Бекоев крикнул Севальневу: «Олег, пойдем! Мы вдвоем их там голыми руками задушим!».

Бекоев вылез на крышу крепости и побежал по ней. «Духи» открыли огонь на звук шагов сквозь саманный потолок и ранили его в бедро. Бекоев упал во внутренний дворик и был добит автоматной очередью из окна. Севальневу удалось соскочить вниз, но помощи Бекоеву он оказать не успел, потому что его немедленно застрелили выстрелом в спину. Солдат, заскочивший в крепость вместе с ними, сумел выбраться наружу и доложить о гибели обоих офицеров.

С этого момента главной нашей задачей стала операция по извлечению из крепости их трупов. Рассказываю об этом с болью в душе, потому что Олег Севальнев был моим лучшим другом, хотя его действий в том бою не могу оправдать даже через столько лет. К сожалению, он поддался на авантюризм Бекоева, и это привело его к неоправданной гибели.

Бардак, порождающий трупы

Наша неорганизованность в тот день привела к трагическим последствиям. Уже на отходе от окраины кишлака, когда из сахиб-ханской крепости были извлечены трупы Бекоева и Севальнева, а сама крепость была развалена до основания со всеми теми, кто ее пытался защищать, — одна из наших БМП открыла огонь во фланг передвигающейся группе из нескольких человек. В сгуставшихся сумерках их посчитали за противника, пытающегося выйти в наш тыл. Когда удалось разобраться, что это не «духи», а наше собственное отделение, выходившее из кишлака на окраину, один солдат был убит, а еще несколько ранены. В наступившей темноте летчикам нашей эскадрильи удалось все-таки посадить несколько вертолетов, которые забрали убитых, раненых и часть уцелевших солдат и офицеров третьей роты, кто оказался поблизости.

Но на этом бой для нас не закончился. За то время, пока наша «броня» так неудачно воевала на окраине Сахибхана, «духи» успели установить мины на пути нашего отхода. Для этого было выбрано очень удачное место — единственный разрыв в длинном русле, напоминавшем противотанковый ров. Другого проезда через это русло не было, и мы с трудом нашли этот проезд еще на пути к Сахибхану. Теперь же, в темноте, противник успел установить там противотанковые мины. Ни собак, ни саперов с нами не было (еще один показатель нашей неподготовленности к той операции, - обычно такие вещи предусматривались заранее), поэтому нам пришлось форсировать эту преграду на «авось».

В результате головная БМП подорвалась. Несколько человек, в том числе и начальник разведки батальона, Игорь Ящишин, получили сильнейшие контузии. Из них двое — сам Ящишин и мой замкомвзвода сержант Алышанов — впоследствии стали инвалидами именно в результате полученных в этот момент черепно-мозговых травм.

В довершение всех наших бед, после подрыва головной машины замыкающая БМП потеряла гусеницу и остановилась. Таким образом, вся наша бронегруппа на несколько часов оказалась наглухо запертой на узком участке земли. Причем машины стояли строго одна за другой, и ни одна из них не могла продвинуться ни на метр. Разумеется, это не осталось незамеченным противником, и в скором времени мы подверглись минометному обстрелу, к которому быстро присоединилось безоткатное орудие. Ночь была облачной, и никакой поддержки вертолеты нам оказать не могли.

По счастью, обстрел был крайне неточным, и новых потерь в этой фазе боя мы не понесли. Только с рассветом нам удалось выйти на Кандагарское шоссе, по которому, уже более или менее нормально, мы добрались до своего ППД.

Итог безголовости

Вновь заменив Ящишина на должности начальника разведки, на этот раз из-за его тяжелого ранения, я был вынужден заняться подсчетом наших потерь.

Они составили четыре человека убитыми (среди них два офицера — Бекоев и Севальнев), двадцать девять человек получили ранения различной степени тяжести. Подорвавшаяся БМП-2 была утеряна безвозвратно, хотя нам и удалось дотащить до ППД ее останки.

Такова была цена нашей самонадеянности и проявленного нами неуважения к противнику. Урок оказался горьким, но из него были сделаны правильные выводы.

На моей памяти подобных вольностей при планировании операций штаб нашего батальона больше себе не позволял, и таких потерь мы впоследствии уже не несли.

Кандагар. 173 ооСпН

173 ооСпН сформирован на базе 12 обрСпН в г. Лагодехи (ГрССР) 29.01-80. При формировании отряд комплектовался преимущественно мусульманами Кавказа и Закавказья. Первый командир части — майор Ялдаш Шарипов. Перед вводом отряд был доукомплектован офицерами 12 бригады СпН, что в последующем положительно сказалось на боеспособности и результативности отряда.

10 февраля 1984 года пересек границу СССР и ДРА и в полном составе, своим ходом прибыл к 14.02.84 в окрестности г. Кандагар Весной 1985 года организационно вошел в состав 22 обрСпН, прибывшей из Союза. С самого начала боевой деятельности и до вывода в Союз, отряд занимал ведущие места в 40 ОА по результативности. В то же время потери отряда, по сравнению с другими частями СПЕЦНАЗ, были невелики. Основной тактикой отряда были засадные действия. В то же время в 1986 году отряд провел ряд эффективных захватов укрепленных базовых районов моджахедов в зоне своей ответственности.

В августе 1988 года 173 ооСпН вышел последним из зоны «ЮГ», прикрывая части 40 ОА, выходившие в Союз через Кушку. Остался в составе 22 обрСпН. Принимал участие в урегулировании межнациональных конфликтов в Баку, Северной Осетии, Нагорном Карабахе. С декабря 1994 года до сентября 1996 года принимал участие в боевых действиях в Чечне. Участвовал в операциях в Буденовске и Первомайском. С начала 1998 года проводил разведывательные мероприятия на территории Дагестана, принимал участие в боевых действиях при отражении вторжения отрядов Ш.Басаева и Э.Хаттаба в Дагестан. Принимает участие в боевых действиях во Второй Чеченской кампании.

С. Козлов. Зелёный берет

Лейтенант Чингиз Гасымов, а в обиходе просто Чина, был постоянным объектом злых насмешек товарищей по службе. Как угораздило его стать офицером, остается загадкой. Отец его в то время был подпольным миллионером, и Чина мог легко наследовать его бизнес. Невысокого роста, кривоногий и пузатый, он не был первым ни в спорте, ни в боевой подготовке. Ощущая свою ущербность, он стремился исправить положение, чтобы стать равным среди равных. Пытаясь достичь этого, он прилагал огромные усилия, но, видимо, не в том направлении. В первую очередь он стремился иметь добрые отношения со всеми без исключения. Встретив кого-нибудь из нас, он не здоровался, как все, на ходу пожимая руку, а останавливал объект приветствия и, как положено на Кавказе, заглядывая в глаза, искренне интересовался делами, здоровьем, здоровьем жены и детей. Если он видел, что кто-то огорчен или просто озабочен, то подробно выпрашивал причину и предлагал свою помощь. Вообще парень он был не вредный и даже, наверное, добрый и отзывчивый, но проявлял эти свои качества непривычно для нашего круга и тем только усугублял создавшееся положение. К тому же, когда подобная манера общения повторяется изо дня в день, независимо от того, расположен ли ты к длительному обсуждению здоровья твоей тещи и есть ли у тебя для этого время, она начинает раздражать.

Как-то раз капитан Узоров, грустя по поводу вчерашней невоздержанности в питье грузинских вин и чачи, двигался влекомый единственным желанием — припасть иссохшимся ртом к живительной влаге, отливающей мутным золотом в пивной кружке. К описываемому моменту Мишка Узоров прокомандовал взводом лет восемь. Начинал он еще в Батумской мотострелковой дивизии, прозванной «мандариновой» и славящейся на весь Закавказский округ своими «шутниками». Увидев одного из старейших командиров группы в столь удрученном настроении, Чина счел своим долгом помочь хотя бы участием старшему товарищу и остановил его вопросом: «Как дела Миша?». Узоров буркнул, что все нормально, и попытался продолжить путь в прежнем направлении, уж больно сильно «горели трубы».

«Что такой грустный? Э, Миша!» — продолжил Чина свою ритуальную «песнь». Узоров еще надеялся отвязаться от назойливого азербайджанца, поэтому наскоро заверил его, что у него все хорошо и дома, и на работе. Но не тут-то было! Чина, заглядывая в глаза, начал упрекать товарища в неискренности, как будто был психотерапевтом или духовным пастырем семейства Узоровых.

Надо сказать, что несмотря ни на что, Чину «просто посылали» редко. Считалось, что послать Чину, — это все равно что обидеть юродивого. Но, узнавая «почему брат-Мищик такой грустный» и при этом не хочет говорить причину, Чина в этот раз превзошел себя в проявлении кавказской любезности. Мишка уже было собрался плюнуть на приличия и, нарушив неписаный закон, все же отправить его в известное всем место, как вдруг его осенило.

— Чина, ты можешь хранить тайну? — вдруг заговорщически спросил он.

Гасымов вмиг преобразился и весь превратился в сплошное ухо, готовое внимать.

— Ара! Конечно, могу!

— Видишь ли, — продолжал Узоров, — меня посылают в... Штаты. В Форт-Брэг, на стажировку, на полгода. Буду проходить подготовку по программе «зеленых беретов» в порядке обмена опытом.

Мишку несло хуже Остапа Бендера. Какая могла быть стажировка в Штатах, по обмену каким опытом, в восьмидесятом когда еще Брежнев не успел умереть!?

Однако Чина не вникал в такие тонкости. При мысли, что Мишка проживет в Америке шесть месяцев, у него заурчало в животе. Чина начал лихорадочно соображать, чего бы такого попросить ему привезти из США, но коварный Узоров, не дав ему придти в себя, сразил его новой информацией.

— Понимаешь, у них там программу проходят по двое. Нужен напарник, на которого можно было бы положиться. Как ты думаешь, кому предложить? Дело непростое и ответственное.

Чина был напрочь лишен критической самооценки, поэтому, не раздумывая, предложил себя. Посмотрев на него внимательно и придав своему лицу суровость ответственных парработников, Мишка спросил: «А как у тебя со спортом? Нагрузки предстоят немалые! Опозориться не имеем права». На что, подобрав живот насколько это было возможно, Чина на вдохе, а не на выдохе, как все, произнес: «Ара, ты разве не знаешь какой я спортсмен? Я чемпион училища по...», дальше его понесло не хуже самого Узорова. Чего только не наплетешь для того чтобы попасть в Штаты, которые рисовались в его воображении, как некая сказочная страна, откуда он привезет всего видимо-невидимо. Его не волновал тот факт, что «сотку» он бегал хуже всех в батальоне. О преодолении более длинных дистанций не могло быть и речи с его комплекцией. Главное было — не упустить вдруг улыбнувшуюся Фортуну.

Мишка сделал вид, что поверил и, обняв «напарника» за плечи, начал заговорщически нашептывать перечень документов, которые было необходимо собрать для оформления заграникомандировки. В длинном списке были и служебные, и комсомольские о характеристике, и фотографии для заграничного паспорта, и анкеты, и многое другое. Не доверяя своей памяти, Чина сбегал на КПП, по-заимствовал у наряда ручку, листок бумаги и все тщательно записал. Помимо документов, Мишка наплел еще кучу всякой, якобы необходимой, экипировки. В конце, взяв с обалдевшего от счастья Гасымова слово о неразглашении государственной тайны, повеселевший Узоров отправился в прежнем направлении, а именно в пивную, именуемую завсегдаями «У Роланда». Здесь, влив в себя несколько кружек нещадно разбавленного Роландом пива, Мишка поведал таким же, как и он, «страдальцам» Миндубаю и Вечтому, как он только что разыграл придурка - Чину.

История всех позабавила, но здесь изощренный ум таких же старых «взводных», как и сам Узоров, придумал неожиданное продолжение розыгрыша. Веселая троица решила подговорить всех офицеров батальона, включая командование, принять участие в их затее и делать вид, что Чину действительно отправляют вместе с Узоровым в Америку.

Спустя некоторое время ротный писал на лейтенанта Гасымова служебную характеристику, комбат ее подписывал. В кабинете начальника штаба Чина, краснея и потея, заполнял анкету. Комсомольцы батальона выдали ему положительную характеристику для прохождения стажировки в Штатах. Офицеры, сидя в курилке, с его появлением начинали громко завидовать Узорову и Гасымову, которым так повезло. Чина ходил гордый и деловой.

Игра, которая понравилась всем, тянулась второй месяц. Чина собрал уже все возможные документы, но Узоров выдумывал все новые препятствия в виде медицинских справок, подтверждающих наличие прививок от ящура, желтой лихорадки и сибирской язвы одновременно. Чина, спустя некоторое время, добывал и такую, причем оформленную по такой форме, какую выдумывал Узоров. За деньги на Кавказе можно было достать любую справку. Каждый новый документ, представленный кандидатом в «зеленые береты», приводил в восторг участников широкомасштабной шутки, служивших в отдельном отряде спецназ. Не знали о ней только в штабе бригады. К концу второго месяца Чина, уставший ждать, когда же, наконец, его отправят в долгожданную Америку, решил спросить об этом у начальника штаба соединения. Прибыв в штаб бригады, Гасымов дождался своей очереди и решительно вошел в кабинет майора Манченко, которого панически

боялся. Видимо, с перепугу забыв форму уставного обращения, Чина пролепетал что-то вроде: «Э, товарищ майор, когда меня в Америку к «зеленым беретам» стажироваться отправят?».

Реакцию начальника штаба бригады специального назначения, само существование которой считалось тайной, на это заявление в восьмидесятом году я предоставляю дорисовать читателю.

С. Козлов. Мины на обочине

Дорога, которая проходила с сервера на юг между горным хребтом и зеленой зоной Кандагара, интересовала офицеров отряда давно. Но основной причиной, по которой за два года туда никто не наведася, несмотря на ее близость к ППД (около сорока километров), было неудобство подхода к данному маршруту. А раз так, то и неудобство отхода. Основное правило, которому в течение первых двух с половиной лет неизменно следовал отряд, гласило: «Прежде чем влезть куда-то, подумай о том, как будешь оттуда выбираться». Именно вследствие этого в отряде были очень небольшие потери. Однако с приходом в отряд нового командира отряда, капитана С.Бохана, действия разведывательных органов отряда стали более рискованными. Командир третьей роты старший лейтенант Андрей Кравченко облюбовал эту дорогу по карте. Обычно, перед тем как провести засаду, в районе действий совершался облет местности на вертолетах. Таким образом подбиралось место для засады, проведения дневки, выбиралось место высадки группы и намечался маршрут движения. Засаду проводили спустя несколько дней. Таким образом, появление вертолета в районе не выдавало намерений спецназа. На вертушках группы отряда летали везде... кроме района этой дороги. Сnižаться, и особенно садиться, там было неудобно — с запада проходила «зеленка», из которой могли легко сбить вертолет. Поэтому изначально решили идти в засаду без предварительной доразведки. Учитывая тот факт, что из место непростое, пошли не группой, а отрядом, который возглавил сам командир роты. Численность отряда составляла сорок человек, из которых четверо были офицерами. Также в состав отряда вошли три связиста и четыре сапера. Из тяжелого оружия Кравченко взял с собой два АГС-17 и восемь пулеметов Калашникова. Необычность засады также заключалась в том, что Андрей решил использовать в засаде мины. Обычно установка их на дороге в районе активно действующих маршрутов демаскировала группу, и поэтому в нашем отряде их почти не применяли. Кравченко взял с собой девять мин МОН-50. Подрывать их он решил электрическим способом.

Десантирование и марш

Отряд был выведен в район бронегруппой второй роты и десантирован в брошенном кишлаке Шукуркалай в 16.00 11 января 1986 года. Личный состав укрылся в строениях, за обстановкой в округе следили наблюдатели. Появление брони в этом районе не было редкостью, поэтому местные отреагировали на нее спокойно.

Кравченко дождался полной темноты и начал движение только в 18.30. Опасаясь засады на марше, командир роты организовал усиленное походное охранение. Впереди двигался головной дозор из трех разведчиков, справа и слева на удалении пятидесяти метров — боковые парные дозоры. Тыл прикрывал парный тыловой дозор, «контролировавший след». Головной дозор шел от высоты к высоте, как говорят, «скачками». Выйдя на господствующую высоту, старший дозора, убедившись, что отряд может дальше безопасно передвигаться, подавал по радио разрешающий сигнал командиру. Рота начинала движение, и после того, как к головному дозору выходило ядро отряда, он продолжал движение. При этом командир уточнял маршрут движения дозора.

Пройдя, таким образом, семь километров через сопки и невысокие горы, отряд подошел к хребту, который отделял их от зеленой зоны Кандагара и дороги, где предстояло работать. Наметив наиболее удобный маршрут восхождения, отряд начал подниматься на г. Табалькух (отм. 1689). Шли одной колонной с тем, чтобы в темноте никто не отклонился от маршрута и не потерялся. В замыкании шел офицер.

Доразведка

К 04.00 12 января отряд был на вершине, где и расположился на дневку для отдыха и доразведки маршрута. Кравченко с наступлением светлого времени выставил наблюдательные посты. Доразведка сообщила, что дорога, на которую отряд был нацелен изначально, практически не действует. На ней не замечено свежих следов, да и люди практически по ней не ходят. Зато был обнаружен другой маршрут, на котором было отмечено движение небольших групп мятежников численностью от двух до четырех человек.

Судя по поведению, можно было предположить, что это разведка группы проводки каравана, которая занималась проверкой безопасности маршрута. В сущности, о нем знали и ранее. Он проходил под горой Таргар, мимо отметки 1379 и выходил к зеленке. Там неоднократно проводились весьма результативные засады. Однако в непосредственной близости от зеленой зоны никто никогда не работал. Кравченко решил это дело исправить.

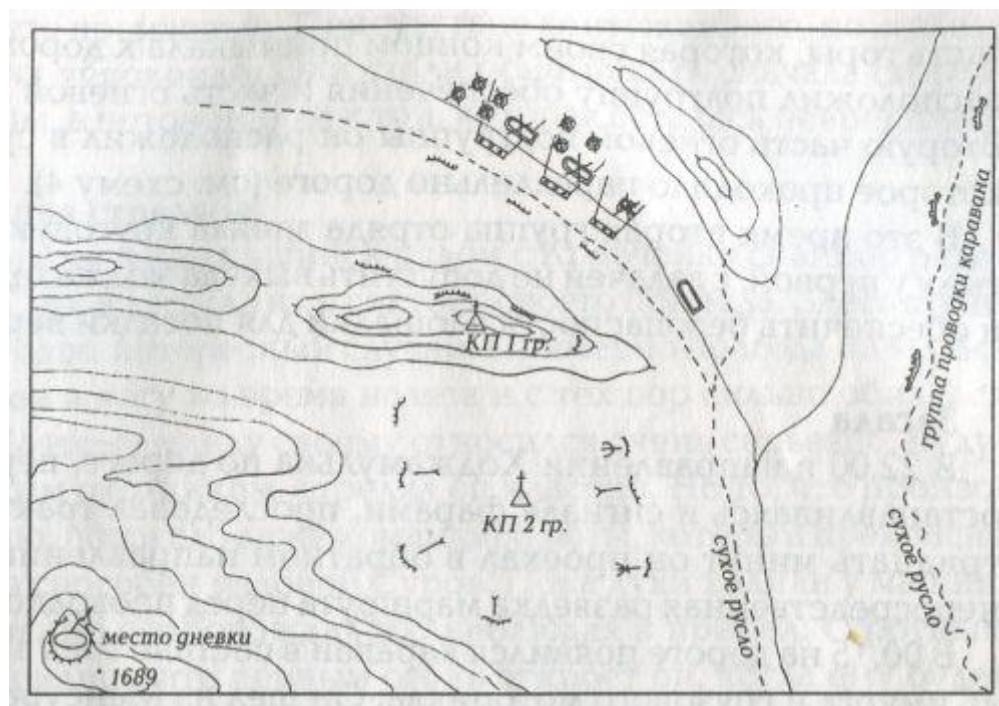

Схема 4. Засада у горы Табалькух

Наметив место проведения засады, командир отряда визуальным образом определил удобное место посадки вертолета для последующей эвакуации отряда, а также определил маршрут, по которому предстояло спуститься с горы, и произвел расчет времени, необходимого для этого. Учитывая результаты расчета, а также сложность спуска, Андрей решил начать движение в 16.30. Но за тридцать минут до начала спуска на дороге показалось несколько мотоциклов. В сухом русле, проходящем параллельно дороге, заняла позицию группа проводки каравана из шести—восьми человек.

Подготовка к засаде

Казалось бы, все это может осложнить ситуацию, поскольку действия отряда могли быть обнаружены. Но командир все рассчитал правильно. К началу движения ущелье, по которому должен был спускаться отряд, уже находилось в тени. Это позволило отряду незаметно спускаться вниз. К наступлению сумерек отряд уже был у подножья. В 19.00 головной дозор двинулся к дороге, до которой оставалось всего полтора километра. К месту засады он вышел только через час. Такая скорость движения была обусловлена необходимостью двигаться крайне осторожно, ведь у дороги находились моджахеды. В 20.00 старший разведдозора доложил командиру, что группа, которой предстояло организовать засаду, может начинать движение. Группу возглавил командир отряда. Также скрытно она прибыла к месту и организовала засаду. Подгруппа минирования незаметно вышла к дороге и на обочине установила три куста мин МОН-50, по три штуки в каждом, протянув к ним электрические провода. Командир использовал для позиции часть горы, которая своим концом примыкала к дороге. Здесь он расположил подгруппу обеспечения и часть огневой подгруппы. Вторую часть огневой подгруппы он расположил в сухом русле, которое проходило параллельно дороге (см. схему 4).

В это время вторая группа отряда заняла круговую оборону в тылу у первой, с задачей не допустить выхода моджахедов ей в тыл и обеспечить безопасность площадки для посадки вертолета.

Засада

В 22.00 в направлении Ходжамулька по дороге, периодически останавливаясь и сигналижая фарами, проследовал трактор. Спустя тридцать минут он проехал в обратном направлении. Это была непосредственная разведка маршрута перед проводкой каравана.

В 00.15 на дороге появился караван в составе трех автомобилей «Симург» и грузового мотоцикла. Он шел из Мансурабада в Ходжамульк. Фары были погашены, а на расстоянии метров пятнадцать перед головной машиной двигался пеший дозор из четырех духов. Каждая пара разведчиков шла по своей колее, проверяя дорогу. Ориентируясь на них, двигались машины.

Как только караван вошел в зону наибольшего поражения, подгруппа минирования произвела подрыв установленных на обочине девяти мин направленного действия. В зону их действия попали мотоцикл, и два «Симурга». В результате подрыва машины загорелись. А спустя некоторое время начали срабатывать реактивные двигатели снарядов, находящихся в кузове одной из машин. Видимо, снаряды перевозились с вкрученными взрывателями, потому что, вылетая из кузова горящей машины, они один за другим накрыли кишлак, где находились основные силы группы проводки.

По данным агентуры, в результате этого неожиданного обстрела там были серьезные потери. Одна машина отстала и осталась невредимой. Но эффект был настолько ошеломляющим для противника, что духи, которые ехали на замыкающей машине, бросили ее и поспешно ретировались, даже не пытаясь выяснить, что же произошло впереди. Основная часть мятежников, находящихся в машинах, погибла или была сильно контужена и не могла оказать какого-либо сопротивления. Однако Кравченко решил не рисковать и произвести досмотр транспорта в утренние часы. И оказался прав.

На рассвете из арыка вылез, видимо, сильно контуженный дух. С головой, судя по всему, у него было совсем плохо. Качаясь, как пьяный, он подошел к сгоревшей машине, подобрал выброшенное о взрывом одеяло и стал его вытряхивать. Через несколько минут, на дороге появилась группа моджахедов, которая все же, решила выяснить, что произошло. Присутствие контуженного, но живого товарища их успокоило. Они стали осматривать сначала сгоревшие машины, а потом пошли к той, которая осталась невредимой.

Уникальная стрельба

Все это время находившийся рядом с Кравченко снайпер рядовой Борис Суров держал их в секторе своего прицела. Здесь произошел еще один интересный случай. Примерно полгода назад Боря был ранен в ногу во время налета и с тех пор сильно обиделся на духов. Поэтому к делу своему относился очень серьезно. Будучи сибирским охотником, стрелял он классно. Но то, что произошло в то утро, потрясло даже командира роты, который прекрасно знал, на что способен рядовой Суров. Пока духи ходили у машин, Боря постоянно сопровождал их, наблюдая в прицел. С ротным они договорились, что первым огонь откроет он, когда ему будет удобнее. Группа и ротный в напряжении ждали Бориного выстрела, но он все молчал. Кравченко уже начал волноваться и постоянно дергал снайпера: «Ну что? Ну, давай!». Обычно крайне уравновешенный, Суров даже повысил голос: «Товарищ старший лейтенант! Не мешайте!». Удивленный ротный, на какое то время замолчал, и тут раздалось подряд пять выстрелов. На дороге, как подкошенные, упали пять духов. Группа открыла огонь и уложила еще несколько человек. Оказывается, Суров ждал, когда духи наиболее удобно расположатся, и прикидывал линию движения ствола.

Когда мне рассказали об этом, я не поверил. Я сам довольно прилично стрелял и, в частности, из СВД, а поэтому прекрасно знаю, насколько сложно из нее произвести подряд пять прицельных выстрелов. Но когда этот факт мне подтвердили несколько свидетелей, мне ничего не оставалось, кроме как поверить.

Итог

Духи все же попытались помешать вывезти трофеи и эвакуировать отряд. Но Кравченко вызвал для прикрытия пару Ми-24, которая обработала зеленку, откуда вели огонь моджахеды. В конце концов стрельба стихла, и отряд беспрепятственно эвакуировался. Десять разведчиков на трофейном «Симурге» самостоятельно до-брались до расположения отряда. В результате грамотных и продуманных действий отряда было уничтожено 2 автомобиля «Симург» с боеприпасами и грузовой мотоцикл, 15 мятежников, в том числе командир этой группы и иранский советник. Это удалось установить по документам, изъятым у убитых. Был захвачен третий автомобиль с оружием и боеприпасами. Отряд потерь не имел.

С. Козлов. В каждом деле главное не перестараться

Парень Особо Ценный

«В каждом деле главное — не перестараться», говаривал бравый солдат Швейк. Слова эти надо высечь на мраморных досках и развесить на видных местах всех учебных заведений системы военного образования. Поскольку это не сделано до сих пор, многочисленные кузницы кадров Вооруженных Сил России, как и в советские времена, периодически выковывают индивидуумы, о которых говорят: «Заставь дурака Богу молиться»... Далее известно.

Одним из таких «замечательных людей» был выпускник факультета специальной разведки Рязанского Воздушно-десантного училища 1984 года, «красный дипломник» Вова Сабодин. Известная курсантская поговорка, что лучше иметь синий диплом и красную морду, чем наоборот, к Вове не относилась. Парень он был крепкий и на редкость энергичный. Но, видимо, поговорка о соотношении цветов диплома и лица его владельца не безосновательна, поскольку, все-таки, наверное, заучившись, головой Володя малость повредился. Из-за этого, при его энергичности и целеустремленности, он попадал в особый и самый страшный разряд дураков — дурак с инициативой.

Летом восемьдесят пятого года Вова прибыл в Кандагарский отряд специального назначения, попав на вакантную должность в третью роту. И, как это обычно бывает с этой категорией людей, начал совершать глупости и ошибки одну за другой, обвиняя, однако, в них кого угодно, кроме себя самого.

Совершая свой первый выход с группой, он сначала, чтобы достичь назначенной высоты для организации засады, заставил всю группу бежать. Из-за произведенного шума о скрытности и речи быть не могло, но дуракам везет. Когда группа уже одолела половину подъема, к горе подошли духи и начали карабкаться вверх, не заметив разведчиков. Очевидно, это была группа проводки каравана. Вместо того чтобы уничтожить их, Вова решил сначала достичь вершины, но не учел, что, в отличие от разведчиков, моджахеды поднимались налегке и знали более легкий путь, поскольку поднимались на эту гору неоднократно. В итоге, духи достигли вершины раньше спецназовцев и встретили их огнем, когда те, наконец, вылезли наверх. Вместо того, чтобы закрепиться, а уж потом постепенно отходить на более выгодные позиции, Вова дал приказ разведчикам отходить, бросив рюкзаки с боеприпасами. К счастью, приказ выполнили лишь «молодые».

Гора, о которой идет речь, имела несколько вершин. Когда группа Сабодина вышла на ближайшую, духи, увлеченные боем, и, поддавшись азарту, еще продолжали ее преследовать. Вместо того чтобы, встретив огнем, их уничтожить, Вова сказал сержанту, командовавшему отделением гранатометчиков: «Подрывай АГС! Уходим!». Сержант, сумевший сразу поставить диагноз командиру, попросту послал его, взвалил гранатомет на спину и побежал на следующую вершину. Духи, в конце концов, отстали и ушли. Разведчиков эвакуировали, но после этого случая «на войну» с Вовой бойцы третьей роты ходить отказались.

К моему возвращению из отпуска это «счастье» перевели в нашу роту. Находясь в Союзе, я не имел возможности ознакомиться со всем вышеописанным и узнал, когда было уже поздно. Вова стал моим подчиненным. Поначалу я пытался общаться с ним, как с нормальным. Но натолкнувшись пару раз на безумно вытаращенные глаза и на фразу: «Чего ты меня учишь? Я закончил то же училище, что и ты, только с красным дипломом», я понял, что это «не лечится» и начал попросту «драть» его за совершенные проступки. Во избежание жертв, я проинструктировал его сержантов, чтобы в случае чего принимали командование на себя. Да и вообще, старался реже отправлять его на войну.

Но всего не учесть. К тому же началась осень, а вместе с ней эпидемии, скосившие сразу часть бойцов и офицеров. К сожалению, этого дурака не брала никакая зараза. Поэтому на боевые выходы его приходилось отпускать.

Надо сказать, что после того случая на горе Сабодина здорово перемякнуло и он настроился на результат, заявив: «Я теперь знаю, где ходят духи и теперь им конец». В батальоне все давно уверились, что Сабодин — это диагноз, и не спорили с ним. За ним закрепилась кличка «Вовка-ПОЦ», что означало «Парень Особо Ценный».

Однако с момента его перевода к нам в роту меня не оставляло ощущение, что что-то должно произойти. Когда что-нибудь долго ждешь, оно неизбежно случается.

Когда пленные не могут идти

Наша рота заступила в наряд по батальону. Я, как исполнявший обязанности ее командира, — дежурным по части. Сабодин же со своими бойцами был назначен в дежурную досмотровую группу. Эта группа должна была, совершая на «вертушках» облеты районов нашей зоны ответственности, предотвратить движение мятежников и их транспорта в светлое время суток, а также вести разведку новых караванных маршрутов моджахедов.

Досмотровые группы летали и рано утром, и днем, и поздно вечером, пока еще не стемнело, и давали порой неплохие результаты. Поэтому Сабодин, получив в штабе маршрут облета, проходящий вдоль границы с Пакистаном, настроился очень серьезно. Место это было «хлебное», но вылетали они, по моему разумению, поздновато. К десяти утра духи должны были сидеть в кишлаках и пить чай. Я совершенно забыл об особой удаче, сопутствующей дуракам, поэтому про досмотровую группу и думать забыл. Тем более, что в батальон прибыл Член Военного Совета Армии.

Во избежание лишних проблем, надо было не прозевать его прибытие в расположение отряда и доложить, что у нас все хорошо и нам от него ничего не надо. Член прибыл в окружении свиты и командования батальона и, как истинный язычник, отправился поклониться идолу вождя в палатку, называемую ленкомнатой. Как проходил обряд, я не видел, да и не горел желанием увидеть.

Солнце было в зените, и полуденная жара не инициировала служебного рвения. Посмотрев затуманивающимся оком на изнывающие под «грибками» фигуры дневальных, я, потянувшись, широко зевнул. И тут увидел Сабодина, вид которого на какое-то время меня так и оставил с раскрытым ртом.

Примерно такое же идиотски-решительное лицо было у Олега Кошевого в известном фильме перед тем, как его фашисты сбросили в шахту. Памятуя о присутствии Члена в батальоне, я решил предотвратить несчастье и кинулся ему наперерез. Но с таким же успехом Анна Каренина могла остановить паровоз, засунув под его колеса голову.

Лишь скосив глаз в мою сторону, «ПОЦ» строго спросил меня:

— Где комбат? — как будто это я был его подчиненным.

Все еще надеясь его задержать и выяснить, что же произошло, я остановил его. Сообщив, что комбат сейчас беседует с Членом Военного Совета, я намекнул, что мешать ему, наверное, не стоит и что... Вовчик меня не дослушал:

— Где они ? — и посмотрел на меня так, что все сомнения в предполагаемом диагнозе, еще теплившиеся в моем сознании, исчезли без следа. Это был взгляд одержимого и буйно помешанного, который сейчас должен был броситься на меня, перекусить аорту и выпить всю мою кровь в один засос. Чтобы избежать этой участи, я посторонился и сказал: «В ленкомнате третьей роты, но я тебя предупреждал». Вовчик боднул воздух как молодой, норовистый бычок и решительно двинулся к указанной палатке. Я стал с интересом наблюдать, что же будет дальше.

А дальше было вот что. Из палатки выскочил комбат и жадно глотнул воздуха, подобно тому, как это делает человек, нырявший на большую глубину. Во всяком случае, лицо у него было такое же. Пробуксовав на месте, он исчез в направлении штаба. За ним неотступно следовал Сабодин. Я заинтересовался происходящим, но дополнительной информации не поступало. Батальон снова погрузился в полуденную дрему.

Лишь сменившись, я от своих людей в штабе узнал, что же заставило комбата перемещаться по расположению батальона со скоростью, способной вызвать панику у подчиненных. Полученную информацию дополнили очевидцы и участники.

А случилось следующее. Досмотровая группа во главе с командиром прибыла на аэродром, но сразу возникла «незадача». В паре вертолетов вместо двух Ми-8мт был только один, вторая «вертушка» была Тэшкой, которая при Кандагарской жаре способна поднимать, по словам тех же вертолетчиков, стакан чая с алюминиевой ложкой. С ложкой из нержавейки ей уже не взлететь. Мало того, на Тэшке летел командир звена, что, с точки зрения пилотов, ^

наверное, правильно. Поскольку это сложнее. «Летуны» сразу предупредили, что, если что, то садиться ведущий не сможет. Но это заявление не смутило решительно настроенного Сабодина и он, не изменяя боевого порядка группы на облете, влез в ведущую машину. Командовать разведчиками, находящимися в ведущей вертушке, было поручено сержанту Витольду Козлаускасу, здоровенному сержанту, уже заканчивающему службу.

Взлетели и пошли сначала строго на юг. Достигнув пустыни Регистан, повернули градусов на шестьдесят влево, и пошли к Пакистану вдоль границы пустыни. Сначала все было спокойно, но на подлете к пакистанской границе заметили пыль на дороге, идущей вдоль нее.

Начали снижение. Так и есть. По дороге, подлетая на ухабах, неся «Симург». Находящиеся в кузове, видимо, тоже заметили вертолеты и сообщили сидящим в кабине. И теперь машина пыталась достичь кишлака прежде, чем вертолеты зайдут «на боевой». Из кузова открыли огонь, но это длилось недолго. Машину накрыли первым же залпом НУРСов. Съехав с дороги, она клюнула носом в кювет и остановилась. Теперь предстояло садиться для того, чтобы завершить уничтожение противника и собрать трофеи, которые должны были подтвердить, что в машине ехали отнюдь не мирные дехкане.

После непродолжительной перепалки с летчиками сел все-таки ведомый борт. Витольд с бойцами умело оттеснили отстреливающихся духов от машины. Поняв всю бесперспективность сопротивления, духи, которых всего было человека четыре—пять, отошли, успев забрать у убитых оружие и документы.

Как, находясь в воздухе, Сабодин проглядел их отход, остается загадкой. Огонь прекратился, и сержант смог организовать досмотр, но кроме горящей машины, в которой, кстати, тоже ничего не было, и двух убитых моджахедов, ничего найти не удалось. «ПОЦ» руководил действиями подчиненных по радиостанции.

— Грузите в вертолет, и уходим! — орал он, прижимая рукой ларингофон радиостанции.

— Что грузить? — недоумевал Витольд.

— ВСЕ! — продолжал бесноваться Сабодин. — Оружие, боеприпасы, документы,

— Так ведь нет ничего, — отвечал Козлаускас. — Только трупы.

— Грузи! — кричал Сабодин.

— Что грузить? Трупы, что ли? — психанул сержант

— Грузите трупы! — завизжал лейтенант. — Я приказываю!

Пожав плечами с нордическим спокойствием, Витольд приказал бойцам грузить тела борцов за веру. Увеличив обороты и задрав хвост, МТэшка, как огромная стресскоза, отвалила вперед и в сторону. Пора было возвращаться. Когда вертолеты легли на обратный курс, набрав высоту две с половиной тысячи метров, Сабодин, видимо, успокаиваясь, начал соображать и, очевидно, догадался, что за трупы двух афганских граждан без оружия, подтверждающего их принадлежность к душманам, и без документов, указывающих на то же, его не наградят. А вероятнее всего, «вдуют». Прикинув так и сяк, Вовчик решил избавиться от покойников, выбросив их над пустыней. Но тут воспротивились летчики, опасаясь, что если тела найдут, то «всех собак» повесят на них, поскольку никак иначе, кроме как по воздуху, покойники в пустыню попасть не могли, да еще имея повреждения, характерные для падений с большой высоты.

— Раз забрал с собой, с собой и вези! — вполне резонно сказали ему «летуны».

Прибыв на аэродром и разгрузив вертолеты, Вовка рванул в батальон, оставив у тел убиенных «почетный караул». Именно в этот момент я его и встретил. Теперь мне была вполне понятна реакция комбата. Куда девать двух «жмуров», не знал никто. Ситуация была явно нештатная.

Посоветовавшись со своими замами, комбат решил поручить эту щекотливую миссию начальнику разведки по кличке «Лохматый», получившему ее, как это обычно бывает, не за пышную шевелюру, а за блестящую лысину.

«Лохматый» был парень без комплексов. После нескольких допросов, на которых ему пришлось присутствовать, комбат высказался фразой из фильма: «Поручик, я сомневаюсь, была ли у вас мать».

Получив распоряжение, поручик лишь спросил:

— А куда их девать-то?

— Отвези их в ХАД, — поморщившись, сказал комбат. — Может, там возьмут.

Однако там принимать не захотели. Когда «Лохматый» подъехал к зданию контрразведки на трофейном «Симурге», в кузове которого накрытые каким-то тряпьем лежали трупы, часовой его узнал и, ничего не подозревая, пропустил.

— Привет мужики! — весело обратился к знакомым советникам никогда не унывающий «поручик». — Я вам духов привез!

— Привез, так веди, — отозвался один из советников, не поднимая головы.

— Так они не могут, — хихикнул «Лохматый».

— Раненые, что ли? — поинтересовался другой. — Так от них О только морока.

— Нет! — радостно возвестил «Гриха». — Убитые!

— Так на хрена они нам?

— Не знаю. Комбат просил передать.

— Да пошел ты вместе с комбатом, — резонно возмутились ХАДовцы и назвали адрес.

Обескураженный начальник разведки, в конце концов, поведал советникам, что это за «пассажиры» у него в кузове и откуда они взялись. Пожалев его, ХАДовцы посоветовали:

— Вывези ты их «по-тихому» на свалку и там где-нибудь сбрось, чтобы никто не видел.

Что и было сделано. Около семи вечера, когда по свалке вовсю бродят местные жители в поисках дерева, бумаги и еще, Аллах их знает чего, к ней подъехал хорошо известный всей округе трофейный «Симург» спецназовцев. Из него вышли «Лохматый» и водитель. Деловито открыв борт и отбросив тряпье в сторону, они вытащили сначала один, а потом и другой труп и «на раз-два» сбросили их в канаву. Также деловито, закрыв борт, они уселись в машину, оставив наблюдателей с открытыми ртами и вытянутыми физиономиями. Эскадрон смерти, да и только.

«Достаточно!»

Сабодин немного позже все-таки дал результат, но, как это и следовало ожидать, не просто, а с извращениями.

Находясь в засаде, он умудрился сесть на самом правом фланге группы, которая располагалась в сухом русле. Ночью с его направления на засаду вышла машина, груженная оружием и боеприпасами. Не дав ей приблизиться к засаде, ПОЦ открыл по ней огонь метров с пятидесяти, исключив тем самым участие в засаде всех остальных. Он так увлекся, поливая машину огнем, что в конечном итоге, поджег ее. Разгоревшись, машина стала взрываться. Вовке же стали мерещиться духи, которые окружают его и хотят растащить с таким трудом добытые, наконец, трофеи. ПОЦ связался по радио с ЦБУ. По его просьбе были подняты Ми-24, на которых мне пришлось летать над ним до утра, пересаживаясь с одного борта на другой, когда кончалось топливо. Утром привезли группу и все, что осталось от трофеев: обгорелые стволы, покореженные патроны, неразорвавшиеся мины. Воевать с ним духи так и не пришли. Я их понимаю. Они его презирали.

Позже Сабодин потерял в бою автомат, чем «в конец достал» командование отряда, которое давно подумывало, куда бы деть этого дурака. Воспользовавшись очередным приездом в отряд начальника штаба округа, генерала-лейтенанта Гусева, комбат подал списки офицеров, подлежащих переводу из спецназа в пехоту по профессиональной непригодности. В этих списках были лейтенанты Марченко и Сабодин.

Увидев списки, Гусев решил лично взглянуть на этих офицеров. Посмотрев на них, Гусев, не отличавшийся особой мягкостью характера, видимо, пожалел их, и он спросил:

— Есть ли какие-нибудь просьбы?

На что Сабодин снова скроил рожу имени Олега Кошевого из кино и, шагнув вперед, проникновенно произнес:

— Позвольте остаться в спецназе!

Заглянув в сумасшедшие глаза, генерал отшатнулся от него, как от прокаженного, и, замахав руками, сказал:

— Все! Все! Достаточно! Уводите скорее!

Так Сабодин попал в дшб, а наш отряд зажил размеренной жизнью.

А. Хамзин, Г. Должиков. Охота за спецназом

Почти все боевые выходы спецназа (в Кандагаре. — Прим. С.К.), в которых принимали участие афганцы — представители МГБ, Цорандоя или армии, заканчивались неудачами, в лучшем случае безрезультатно или — того хуже — нашими потерями. Их информация оказывалась ложной. Взаимодействие с ними, которое зачастую в силу местной специфики было необходимым, оборачивалось ответными усилиями душманов, четко скоординированными по времени и месту. Напрашивался вывод об эффективной контрразведывательной работе противника. Причем душманы не только своевременно узнавали о наших общих выходах, но и сами подкидывали через своих агентов убедительную информацию, при реализации которой попадали в засаду наши группы спецназа. В таком переплете пришлось побывать в октябре 1987 года.

Ротный 3:

Кандагар и прилегающая к нему кишлачная зона никогда не контролировались официальной властью. Днем, когда на улицах выставлялись советские посты и проводились наши колонны, в городе еще можно было видеть признаки этой власти, работали офицеры и солдаты правительственных войск. Ночью же там безраздельно хозяйничали «духи» из одной крупной группировки, базировавшейся в 15—20 км западнее Кандагара в мощном укрепленном районе.

В начале октября хадовцы обратились к нашему командованию за помощью в уничтожении этой группировки. Выбор комбата остановился на моей роте. Общее командование отрядом было

поручено майору Удовиченко, а меня назначили его заместителем.

Мы решили встретить «духов» в 4—5 км от Кандагара в заброшенном кишлаке. Пройти мимо него они не могли — дорога была единственной. О дате выхода мы не говорили никому.

23 октября через Кандагар прошла внешне обычная колонна - два затянутых тентом «Урала» в сопровождении двух БТРов. Едва успевшие проскочить по светлому времени, машины остановились на ночь на первом под Кандагаром посту советских войск. Духовские наблюдатели, если они и сидели на окрестных горочках, вряд ли могли что-нибудь заподозрить. Таковы были общие правила для всех наших колонн. Лишь с наступлением темноты начались превращения. Из кузовов машин выбрались разведчики.

Несмотря на небольшое расстояние (7—8 км), до места засады шли почти четыре часа. Особенно опасно было головному дозору. Земля в том районе буквально напигована минами — и своими и чужими. Двигаться приходилось, руководствуясь каким-то особым чутьем, по крутым склонам, по неудобным участкам, где минировать никому в голову не придет.

К полуночи вышли на последнюю горку. За ней лежал кишлак Кобай. Еще два часа ушло на прочесывание. И только потом лейтенант Саша Т. с группой в 20 человек остался прикрывать нас на этой горке. А мы с майором Удовиченко и восемнадцатью разведчиками спустились в кишлак, заняли два домика на окраине, между которыми шла дорога. План казался нам неплохим: бесшумно снять духовские дозоры, огнем уничтожить основные силы моджахедов, а затем уйти под прикрытие группы Саши Т. Рассвело в начале шестого. Прошло еще около полутора часов, прежде чем мы увидели первых людей с автоматами за плечами.

Я подтолкнул разведчика-таджика: «Наймов, действуй!».

Он и наводчик из ХАДа вышли из укрытия, приблизились к духам, по-афгански пригласили их подойти поближе к домику. В мгновение ока эти двое были сбиты с ног, обезоружены и связаны. То же самое проделали со второй и третьей парой разведчиков врага. Но при обезоруживании следующего дозора один из «духов», заподозрив неладное, сорвал с плеча автомат и дал очередь.

«Зеленка» ошетилилась вспышками. Еще не зная нашего точного положения, «духи» били наугад. На звук только что прогремевшей очереди. Оказалось, они охотились за нами. Уже несколько ночей дежурили в этом районе, перемещаясь по кишлакам в поисках места нашего выхода. Но это стало известно нам значительно позже. Наймов вместе с наводчиком из ХАДа кинулись к проезжающему трактору с прицепом, чтобы подогнать к группе и увезти ее под спасительную защиту горочки.

«Уходим! Быстрее! Все за мной! Пленных с собой». Перед разведчиками — сплошная стена свинца.

Первым упал Бахдыр Наимов. Я понял, что дальше бежать бессмысленно. Надо возвращаться. Группа, едва выскочив из домов, прижалась к глинобитным дувалам. «Духи» сосредоточили огонь на Наимове и наводчике. Они лишь часто вздрагивали. Их подбрасывало пулями, рвавшими плоть.

Бой развивался стремительно. Лавина душманов, черных от загара, потных, с заросшими лицами, хрипло, возбужденно дышавших, с криками «Аллах акбар!» вырвалась из-за дувалов на открытую площадку, бросилась на нас. Огонь восемнадцати стволов был страшен. В той мясорубке невозможно было прицелиться. Спецназовцы просто водили автоматами по беснующемуся в десятках метров людскому месиву. Внутри его рванули две Ф-1, поднимая пыль и какие-то ошметки. Через несколько минут атака захлебнулась. Мы заняли круговую оборону, отвечали короткими очередями, когда увлекшиеся стрельбой «духи» неосторожно высывались из-за дувалов. Их огневая подготовка продолжалась минут пятнадцать. Сквозь треск очередей раздался гортанный крик, по которому «духи» снова бросились в атаку, на этот раз охватывая нас полукругом. Наша «карманная артиллерия» работала четко. Каждый из разрывов ручных гранат укладывал на землю по три-четыре человека из атакующей цепи.

Мы дрались с яростью обреченных, с мыслью погибнуть, но не... Впрочем, моджахеды не брали спецназовцев в плен. Если захватывали раненых, то подвергали мучительному растерзанию на месте боя. Известно, как расправились с ранеными асадабадского батальона спецназа в начале 1985 года. Пришедшие из кишлака подростки, женщины, старики выкалывали ножами им глаза, отрезали половые органы, разбивали мотыгами головы.

К нашему дому удалось подобраться только троим. Они затаились за стеной вне зоны видимости. Остальные «духи», потеряв человек тридцать, откатились за ограду сада. В проеме показался «дух», бросил гранату. Я тут же срезал его короткой очередью. От осколков гранаты спасло, видимо, тело «духа». Не дожидаясь таких же подарков от оставшихся «духов», один из разведчиков подобрался к двери и, высунув руку, бросил наружу «эфку».

Мы перепрыгнули через труп и одновременно ударили из автоматов в противоположные стороны, стоя спина к спине. С двумя оставшимися «душками» было покончено. Вернувшись в дом, я услышал, что ранен Колесников. Он стрелял из пулемета, когда пуля прошла ему насквозь часть живота чуть ниже легкого.

Чувствовал он себя на удивление хорошо. Валера Лобов, наш санинструктор, перевязал рану, вколол промедол и хотел оттащить его от окна. Но Витя отказался и остался у пулемета.

Ротный 2:

У соседней подгруппы, которую возглавлял майор Удовиченко, дела обстояли значительно хуже. Группа закрепилась в небольшом доме Г-образной конфигурации. Первыми же попаданиями гранат из РПГ была разрушена торцовая стена и часть крыши. Дом стал простреливаться насквозь. Разрывом гранаты оторвало руку пулеметчику. Но сам солдат будто не заметил этого. Он просил подать ему РД с лентами к пулемету. Кровь быстро вытекала из развороченного плеча. Остановить ее не было возможности. Врач не мог даже поднять головы, гранаты взрывались одна за одной.

Вид умирающего пулеметчика подтолкнул Удовиченко к быстрым, решительным действиям. Он закричал разведчикам, чтобы те отходили к дороге, но его команду сразу выполнил только находившийся рядом старший лейтенант Чекин. Выпрыгнув из дома через проломленную стену, он и Удовиченко пробежали 50 метров и залегли между холмиками на кладбище. Оттуда хотели прикрыть отход остальных разведчиков. «Духи» сосредоточили на них огонь. Почти сразу же оба офицера были ранены — майор в грудь, а врач в плечо. Они уже не видели, как разведчики подгруппы последовали их примеру. Первые трое, выскочив из-за укрытия на открытое место, не смогли пробежать и 30 метров, были тут же убиты.

Радист, рядовой Ожомок, понял, что бежать нельзя, но было уже поздно. В него попало сразу несколько пуль, но у парня хватило сил доползти до стены и еще два часа выходить на связь с командиром роты. Силы оставляли его. Остальные трое разведчиков вернулись в дом и организовали круговую оборону, соорудив из тел пленных, которые погибли от пуль своих же, подобие бруствера со стороны пролома в стене. Но это сооружение слабо уберегало их от огня душманов. К середине дня все были тяжело ранены. Продержаться до прихода помощи смог только один из них.

Ротный 3:

На связь вышел Саша Т., затаившийся со своей группой в загоне для скота у основания горки. Он уже сообщил о бое в батальон. Там начали готовить вертолеты и бронегруппу нам на помощь.

— Саня, сообщи о потерях, и что «вертушки» здесь бесполезны, пусть шлют броню, а с воздуха смогут помочь только «грачи» (Су-25). Командование беру на себя.

— Давай, Анвар, мы к вам подойдем.

— Саня, по открытому не сможете. Пока сидите тихо, не показывайте себя. А мы попробуем отбиться.

Душманы подтащили к дувалу два безоткатных орудия, крупнокалиберный пулемет ДШК. Разбежались по флангам снайперы, напротив нас стали собираться гранатометчики.

В организации боя явно чувствовалась опытная рука.

Готовиться к осаде стали и мы. Набили опустевшие автоматные магазины, пулеметные ленты, выложили перед собой гранаты. Я заметил, что Коля В. достал гранату, обтер об одежду и сунул в карман куртки. Я положил Коле руку на плечо. Он повернулся.

— Товарищ старший лейтенант, это на крайний случай.

— Молчи, Николай, может, до этого не дойдет.

Эта граната Коле не пригодилась. Он погиб раньше. Для себя я приготовил пистолет, привязал его на стропах к поясу.

8.45. Первые выстрелы из безоткатки выбили куски глинобитной ограды загона для скота. Затем «духи» стали методично разбивать стены и куполовидную крышу нашего укрытия. Уханье безоткатного орудия перебивалось таканьем ДШК, а чтобы нам было совсем нескучно, во все окна и двери с трех сторон долбили одиночными снайперы, не давая ни высунуться, ни поднять головы.

Во время очередного штурма нам с Сашей Серендеевым и Сергеем Пановым снова пришлось драться с «духами» практически врукопашную. Я как-то особенно ясно услышал автоматную очередь совсем рядом, развернув ствол, увидел стреляющего в меня «духа», почувствовал резкий удар по правому предплечью. «Духу» повезло меньше. О нем позаботился Панов.

Санинструктор Валера Лобов вспорол рукав, повторяя: «Не смотри сюда, не смотри, не надо». Опытный, обстрелянный Валера знал, что вид своих ран сил не прибавляет. Но я удержаться не смог. Выходное отверстие в 6—7 см, желто-белые осколки кости, яркая кровь, толчками изливающаяся из раны. Валера быстро перевязал, наложил жгут, вколол два промедола. Жить, кажется, стало легче.

Подождали штурмовики Су-25, запрашивая на подходе «Землю». Я ответил: «Воздух, я — Герцог, нахожусь в двух домах на северной окраине кишлака Кобай, обозначаю себя дымом.

— Видим, дорогой. Наводи.

— Работайте 50 метров южнее, западнее, восточнее меня триста—четыреста метров южнее и восточнее ДШК.
— Так близко не сможем, но попробуем.

Минуту спустя хвостатые огненные стрелы с оглушительным визгом проносились рядом с нами, наводя ужас на окруживших нас душманов. Так же точно работали и три остальные пары с перерывом в 40-50 минут. Последней не повезло. По уходившему с боевого курса Су-25 выпустили «Стингер» — ракету новейшего в то время зенитно-ракетного комплекса. Из радиообмена я понял, что одна из них попала в самолет, и летчики свою работу заканчивают. Позже узнал, что летчик чудом посадил поврежденную машину и остался жив. После этого все началось сначала. Возобновила огонь безоткатка, гранатометчики старались достать нас. Шел четвертый час боя. Уже пару раз приходилось расслаблять и вновь затягивать резиновый жгут на плече, боль временами становилась нестерпимой.

Нахлынуло чувство полного равнодушия и бессилия. Я привалился к стене, положил левую руку на рукоятку пистолета. Сквозь полужакрытые веки увидел перемещающуюся тучу пыли. Ну вот, кажется, и броня. Скоро все кончится. Сразу не сообразил, что пыль движется со стороны, откуда помощь прийти не может. Вместо долгожданной брони из клубов пыли показалась «борбухайка», битком набитая душманами. «Борбухайка» остановилась у подножия горки, где расположились до сих пор не обнаружившие себя разведчики Саши Т. Внезапный огонь спецназовцев с 50— 70 метров был смертельным. Подкрепление, на которое так рассчитывали атакующие, перестало существовать.

Наше спасение пришло с танком, который заставил замолчать пулеметы и безоткатки «духов». Под его прикрытием к нам подъехал бронетранспортер. Так для меня закончился бой, в котором нам противостояли более 300 душманов. Только перед нами их лежало около сотни. «Духи» еще раз убедились, что спецназ умеет воевать.

Ротный 2:

Для меня тот день начинался как всегда. Суббота, заботы парко- во-хозяйственного дня. Вечером баня, большая радость в Афгане. Хотя нет, сегодня еще запланированный облет. Лечу сам, группа от 2-го взвода. После завтрака иду в штаб получить задачу. Там какая-то натянутая тишина. Что случилось? Третья рота ведет бой, с 8.00 нет связи. Облет отменяется, но группу держать в готовности.

Час дня. Получил приказ на выход бронегруппы, узнал, где находится 3 рота. Недалеко, но точной информации в штабе нет. Боль в шее еще напоминала о недавнем подрыве. А уверенности, что везение повторится, нет.

— Ерунда, тебе им только броню подставить, — успокоил комбат. — Вторым офицером пойдет начальник инженерной службы капитан Чернышев. Я попросил пехотного комбата, они тебе танк дадут.

В 14.30 колонна, проскочив Кандагар, остановилась у блокпоста.

Командир заставы встретил меня у входа в блиндаж:

— Дела у ваших, похоже, дрянь, с утра долбятся, а сейчас затихли.

Холодный пот прошиб от этих слов.

— Я за танком.

— Вон стоит, бери. Только очень прошу — не сгуби ребят и танк.

— Ладно, постараюсь, — без энтузиазма ответил я.

Экипаж с интересом смотрит на меня.

— Ну что, ребята, готовы?

— Мы-то готовы, только у нас всего шесть снарядов, — спокойно ответил один из танкистов, сидящий на башне.

Видимо, это не последнее горе на мою голову сегодня.

Минут сорок двигались, обходя каждый подозрительный бугорок. Вот уже и точка, которую дал мне комбат. Тишина. Держимся ближе к скалам, чтоб не достали из гранатомета.

Беру пару бойцов и лезу на ближайшую скалу. Сверху открывается красивый вид на кишлак: сады, дувалы, стены и крыши домов. Через бинокль всматриваюсь вдаль. Где же они?! У подножия скалы, в загоне для скота, заметил разведчиков.

Спустились вниз, на двух БТРах подъехали к загону, остальную технику оставил под прикрытием скалы.

Командир группы Саша Т. начал объяснять мне, где находятся две другие подгруппы. У Хамзина вроде нормально, а Удовиченко молчит. «Духи» нас заметили, над загонем прошуршали два снаряда безоткатки, разрывы с большим перелетом. В обстановке разобрался. Можно действовать.

Оставляю один БТР этой подгруппе, с остальной техникой сдвигаюсь метров на 800 правее. На господствующий холм загоняю танк. Хорошая позиция. Из кишлака полетели гранаты. Четыре-пять разрывов с

большим недолетом. Прямо из кишлака они достать танк не смогут, а ближе подойти мы им не дадим. Нужно действовать, солнце уже давит на горизонт.

Решил под прикрытием огня танка и своей группы, которая окопалась на бугре, на двух БТРах только с экипажами подскочить к группам, подставить им борта и уходить. С левой группой (Хамзина) все ясно. Они обозначают себя. А правую нужно искать, хотя дом, в котором они находились, видно. К Хамзину отправляю Чернышева, сам еду искать Удовиченко. БТРы разъехались в разные стороны.

Машина переваливается через остатки дувалов. Всматриваюсь в развалины. Вдруг БТР резко встал. Впереди три наших разведчика. Их позы не оставляют надежды.

«Механик, вперед! Чего уставился?!». Машина тронулась, объехав тела. У стены дома лежит еще один, рядом с головой чернеет радиостанция. Из дверного проема торчит ствол ПКМ.

Выпрыгиваю из бокового люка, бегу в дом, заглядываю внутрь. Там лежат три разведчика, один зашевелился, издал радостный возглас.

— Где остальные?

— Не знаю, — с трудом ответил солдат.

Перевернул на спину одного, потом второго. Признаков жизни нет. Боковым зрением заметил какое-то движение за окном, дал туда несколько очередей. На всякий случай кинул за окно гранату. Нужно быстрее уходить из этой западни. Начал поднимать третьего. Он ранен в грудь и живот. Стараюсь не обращать внимания на его стоны, тащу его к БТРу. Пулеметчик помогает внести раненого внутрь.

Бегом возвращаюсь к дому. И вдруг, — земля уходит из-под ног. По инерции кувыркаюсь ближе к стене. Смотрю на ноги. Левая ступня разворочена, пыль и песок быстро становятся бурными.

Новые кроссовки испортили, гады. На правой — кровь ниже колена. Паники нет, сказывается опыт. Восемь месяцев назад, после первого ранения, минут 30 не мог прийти в себя. А солдаты сидели вокруг и не знали, что делать, ждали, когда я очухаюсь и подам хоть какую-нибудь команду. Но тогда мы были охотниками, а теперь охотятся на нас. И сколько они нам дадут времени на раздумья, неизвестно.

Прижался спиной к дувалу, осмотрелся, и к своему ужасу обнаружил, что свой автомат оставил около люка БТРа, когда втаскивал раненого. В руках у меня автомат калибра 5,45 без подствольника. Полные магазины в нагруднике бесполезны, патроны в них калибра 7,62. Отстегнул магазин от автомата. В нем три трассера. Думаю, волосы у меня встали дыбом. Раненный и без оружия, хуже не придумаешь.

«Духи» бьют по БТРу, уже вторая граната прошла над самой башней, к счастью, обломок дувала прикрывает борт. Нужно ползти, подобьют БТР — тогда хана. До машины всего метров 30, но как их преодолеть?

С холма бухнуло танковое орудие, снаряд с шелестом прошел над нашими головами, мощный взрыв совсем рядом зашатал землю. Молодцы ребята — снайперы! Надо уносить ноги, вернее, то, что от них осталось. Ползу на трех точках...

БТР задом пятится к дороге, внутри кричит раненый разведчик. Пулеметчик стреляет длинными очередями из ПКТ. Так, не разворачиваясь, пятимся до самого холма. Мимо проносится БТР с первой подгруппой, им удалось эвакуироваться без проблем.

Чернышеву придется возвращаться в кишлак, теперь с десантом. Я ему объяснил, как и что делать. Где лучше поставить БТР и где лежат тела разведчиков. Вызвал командира танка. Поблагодарил за снайперский выстрел и попросил повторить: 4 снаряда вокруг того места, где я был, куда снова пойдет БТР, заберет погибших. Четыре раза прогрохотало орудие, БТР с десантом на борту рванул вперед. Потянулись томительные минуты ожидания. Стрельбы почти не слышно. Мы молча сидим с Анваром у колес БТРа. Уколы промедола вызвали временное облегчение.

Картина: два ротных, один с перебитой рукой, другой с раздробленной ногой. И каждый понимает, что это еще не все. Мы не можем уйти, пока не соберем всех.

Санинструктор из роты Анвара перевязывает мне ногу, осторожно извлекая торчащие осколки костей. У самого полностью забинтована голова, видны только глаза, но руки работают сноровисто и что-то еще говорит успокаивающее. С холма крикнули: «Кто-то из наших сам идет сюда!». Из-за холма показался врач, старший лейтенант. Он шел неуверенной походкой. Правая сторона куртки коричневая от крови, автомат нес за ремень, цепляясь магазином о землю.

Подойдя к нам, он, щуря близорукие глаза, громко заявил:

— Вы меня бросили.

Его обиженный тон непроизвольно вызвал улыбки.

— Да ты что, Вася, мы не знали, где ты, — вяло оправдывался я.

— Я же махал тебе платком, когда ты проезжал мимо кладбища, — не меняя тона, сказал врач.

— Ладно, лучше скажи, где Удовиченко.

— Он тяжело ранен, лежит там, на кладбище.

Я позвал сержанта. Врач объяснил ему, где лежит майор Удовиченко. По прямой, метров 400.

Через 15 минут вернулись оба БТРа. Анвар провел перекличку своего отряда. Все на месте — и живые и мертвые.

Вот теперь можно уходить. Солнце коснулось горизонта. БТРы, оцетинившись стволами пулеметов в сторону кишлака, помчались под прикрытие скалы, там к нам присоединился БТР с подгруппой Саши Т. Позади грозно шел танк, развернув пушку с последним снарядом в сторону кишлака. Над ним нависла жуткая тишина. Сотни ненавидящих глаз провожали нас. Но желания охотиться на спецназ у них уже не было. Ни одного выстрела не прозвучало нам вслед.

Д. Подушков. Война под занавес

После выхода первой книга я получил множество писем. Особо хочу поблагодарить командира РГ №313 Дмитрия Подушкова за его письмо с воспоминаниями, относящимися к завершению афганской войны. Оно как нельзя лучше передает обстановку той поры.

Рязанское училище закончил в 1985, но «за речку» попал только в 1987. Афганской войне уже шел седьмой год. В Кандагаре менял Славу Шишакина (см. «Спецназ ГРУ», гл. «Война умов»).

В то время было уже больше облетов и выходов на броне. Велось много переговоров и заключалось столько же перемирий. В результате, зону ответственности сильно урезали. За реку Аргандаб и водохранилище не ходили и не летали. На юго-востоке тоже была «договорная зона». Для войны оставался свободен восток до Калата и пустыня Регистан. Кишлачная зона вдоль калатской дороги была сильно разрушена, чувствовались годы войны.

На облете

21 января 1988 года моя группа совершала облет на северо-восток. Уже возвращались, когда на дороге Манджикалай—Канате—Хаджибур у р. Тарнак обнаружили грузовик МАЗ-500, стоявший носом в сторону Пакистана. Рядом с машиной никого не было. Смутило это. Уже пролетели мимо, во вернулись. Открыли брезент — под завязку боеприпасов: 100 реактивных снарядов, 600 мин I к 82-мм миномету в индивидуальной укупорке. А самое интересное — 10 реактивных снарядов увеличенной дальности. Калибр 5 около 120 мм, головная часть отдельно, маршевая с двигателем — отдельно. Соединялось резьбой. Высота около двух метров. Настоящая ракета. Эту штуку, как потом говорили, взяли впервые. Не знаю как в Афгане, а в нашей зоне точно. Оказалось, машина заглохла, и ее оставили под охраной. Видимо, при подлете вертолетов духи разбежались. Недалеко работала "броня" второй роты. Видимо, из-за этого и закрыли маршрут. Черед батальон связались с броней. Она подошла. «С толкача» завели МАЗ и своим ходом приехали в ППД. Потом до конца войны этими минами стреляли, о когда выходили на «броню». Утром первая рота на облете взяла еще два ГАЗ-66 от этого же каравана.

Комбат, майор Горатенков, хоть и не жаловал меня, но приказал представить к ордену Красной Звезды. Но замкомандира роты, Миша Дядюшкин, исполнявший в то время обязанности ротного, «забыл» это сделать. Я с ним был не в самых лучших отношениях, не уважал за его снобизм. Выяснилось это только спустя два месяца. Орден я получил уже совсем за другой результат. В то же время приехала комиссия, якобы на проверку, но с тайным заданием «накопать» материал для того, чтобы комбата снять с должности. А тут такое! Уехали ни с чем, а комбата представили к Красному Знамени.

В пустыне Регистан

В марте я перешел в третью роту. Хочу привести пример, на мой взгляд, классической засады на вьючный караван.

Маршрут от горы Тарикагар (со стороны Пакистана) до зеленой зоны у города Кандагар проходил по пустыне Регистан. Данные о движении вьючного каравана дала агентурная разведка. Вечером 2 апреля 1988 года разведгруппа кандагарского батальона специального назначения под командованием старшего лейтенанта А.Панина десантировалась с вертолетов в полукилометре от караванной тропы, приблизительно в середине маршрута.

В группу из 30 человек, помимо командира входило еще четыре старших лейтенанта: заместитель — И.Веснин, А.Тур, я и начальник разведки отряда, фамилию которого уже не помню. Он совсем недавно прибыл к нам из ВДВ, и этот выход был у него первым.

К тропе приблизились быстро. Группа осталась за барханами. Выставив наблюдателей, офицеры вышли на рекогносцировку. Панин решил выделить две огневых подгруппы по десять человек в каждой и растянуть их по фронту для того, чтобы бить длинный караван или две караванные группы. Первая огневая подгруппа, в которой находились Панин и Веснин, находилась от тропы в 20—30 метрах. Второй командовал Тур, и помогал ему начальник разведки. Они лежали от тропы в 50—70 метрах. В каждой подгруппе было по АГС-17. На флангах действовало две подгруппы обеспечения, по три человека в каждой. Они же исполняли роль наблюдателей. Я был назначен старшим в правую, которая находилась со стороны Пакистана в тридцати метрах от тропы. Со мной — пулеметчик и снайпер. Было очень важно как можно раньше обнаружить подходящий караван. Пустыня — в один уровень, без серьезных высот. Верблюжий караван — не машины, идет довольно тихо и обнаруживает себя в последний момент.

Вся засада по фронту занимала около 250 метров. Два человека прикрывали тыл. Управление группы было организовано по радиостанции тональными сигналами, в остальное время полное радиомолчание. Нужно добавить, что в небе висела почти полная луна и в «БН» местность было видно, как днем.

В первую ночь, с целью проверки маршрута и провоцирования засады, по тропе прошел пустой караван из шести верблюдов и 15 человек сопровождения без оружия. Я, в ночной бинокль разглядев отсутствие груза на верблюдах и оружия у «духов», успел предупредить Панина — пропустили. На дневку группа отошла с места засады на 200 метров. Выставили наблюдателей. Днем маршрут также проверялся дозорами противника.

Во вторую ночь заняли прежние позиции. Около полуночи пошел караван. От меня тропа в сторону вероятного прохода каравана была видна метров на двести. Сначала в «БН-2» я увидел две фигуры. Именно так они мне и запомнились. На подходе первая фигура разделилась на головной дозор из двух человек, а вторая — в цепочку верблюдов и людей. Идут 13 верблюдов и 15 человек сопровождения. Двигаются очень быстро и шумно, галдят. Между дозором и караваном метров сто. Даю по радиостанции сигнал.

Караван проходит мимо, втягивается в огневой мешок. Сзади слышу треск мотоцикла — тыловой дозор. Но он еще не вошел в зону видимости. Удаление от каравана метров пятьсот.

Головной дозор прошел подгруппу Панина. Подошло ядро каравана. Засада началась одновременным броском десятка гранат. Верблюды обезумели и полезли на пулеметы. Интенсивный огонь длился минут десять. Убитые верблюды создали много препятствий. Я со своего места хорошо видел хвост каравана и работал по со нему. Сопротивления, практически, не было. Тыловой дозор, так и не войдя в зону видимости, развернулся и ушел назад.

Предварительный досмотр провели ночью. Подход подкрепления был маловероятен. Уходить с места засады не стали. Усилили наблюдение и сидели до утра.

В ходе засады было уничтожено 12 человек. Ушел головной дозор и один человек из состава ядра. Несколько раненых духов сумели за ночь отползти метров на двести. Их нашли утром по следам и добили. Среди духов мы обнаружили двух египетских инструкторов. Один из них пытался сдаться в плен, но его застрелил начальник разведки. Захвачена была пусковая установка для реактивных снарядов, штук тридцать РС, пять стволов, выстрелы к РПГ и документы.

После этого случая кандагарский гарнизон советских войск в течение двух ночей подвергался интенсивному обстрелу реактивными снарядами.

Последний результат отряда в провинции Кандагар

Последний результативный выход в засаду от батальона, если я ничего не путаю, был моим 28 апреля 1988 года. Дальше тридцати километров от ППД уходить уже запрещали. Десантировался с «брони» и сел прямо у дороги, в том же месте, где и МАЗ взял. Это место для меня вообще счастливое. Там же я брал свой первый «Симург». Работать было очень удобно из-за большого количества рукотворных канав. Прямо как линия окопов в полный профиль.

На вторую ночь идет мотоцикл в сторону Пакистана. Дозор, думаю. Пропустить или бить? Решил бить из бесшумного оружия. В группе таких только три ствола. У меня ПБ, у прапорщика АПСБ, у разведчика АКМС с ПБС-1. А прапорщику в этот момент по нужде приспичило. События развивались стремительно. Уже чуть ли не бегом бежим. Только вышли метров на двадцать от дороги, подошел мотоцикл. Ввалили с двух стволов. Мотоцикл на бок, к нам колесами. Посылаем пули на добивание. Вдруг от мотоцикла тень метнулась. Засветились! Стали долбить из автоматов.

Темно. Подошли. Оказалось, мотоцикл упал за небольшой бугорок, и все пули на добивание ушли в него, в мотоцикл и в переднего духа... досмотрели, с багажника сняли куртку с документами, прошли по мандеху — никого нет, но капли крови. Смотрю документы из куртки — немец ушел! Звоню в батальон — шлите броню! Отвечают — утром пришем. Дежурный будить комбата не стал, потом ему за это ввалили. Собираемся.

Вдруг в «БН» вижу, через место засады идут два духа гуськом. До них метров двести. Я еще подумал, как будто мотоцикл ведут. Огонь! Отстрелялись, смотреть ночью не пошли. Отошли на полтора километра. Утром подошли. Лежит мотоцикл с рюкзаком. В рюкзаке фотопленки, фотографии, дневники, книги и наркота.

После этого выходы совсем прекратились — ждали вывода, хотя агентура докладывала, что пакистанцы прут вовсю. Катались совсем недалеко, только чтобы боеготовность поддерживать. Был момент, когда духи Кандагар совсем заперли. Нас хотели послать на разблокирование. Стали даже искать варианты выхода кандагарского гарнизона в Союз через Регистан. Но вовремя поняли, что попросту вся техника увязнет в песке. Обошлось. Вышли без серьезных приключений. Духи копили силы на внутренние разборки. Во время вывода на блоке у Гельменда был момент, когда наша рота оказалась самой крайней. Все войска уже прошли, и мы в дикой спешке догоняли потом ушедшие вперед колонны. Вышли через Кушку. Сидели под Иолотанью без света и нормальной воды. Солдат кормили отвратительно. Офицерам было легче.

Бараки. 668 ооСпН

668 ооСпН начал формирование в июне 1984 года на базе 9 обрСпН в городе Кировоград. В начале сентября 1984 года формирование завершилось. Это — первый отряд, при формировании которого не требовались мусульмане. К этому времени уже стало ясно, что принцип комплектования отрядов спецназ жителями Средней Азии, принесший успех при штурме дворца Тадж-Бек, в дальнейшем не работал. Для нормальной спецназовской работы требовались настоящие специалисты, а не наспех набранные из пехоты. Первым командиром отряда стал майор Юдин. Отряд был введен в ДРА в конце сентября 1994 года в г. Баграм. Еще в Баграме отряд начал свою боевую деятельность. Опыт, полученный там, в последующем сыграл положительную роль при действиях на новом месте.

В феврале 1985 года майор Юдин был снят с занимаемой должности. На его место был назначен подполковник Рыжик Модест Иванович, личность легендарная в спецназе. 6 марта 1985 года переведен на окраину кишлака Суфла, где в старых английских казармах располагался батальон 56 дшбр. От города Бараки небольшой кишлак Суфла (не путать с довольно большим кишлаком Юни (Вуни) Суфла) находился в 11 километрах на северо-восток.

В марте же 1985 года он вошел в состав 15 обрСпН. Расположение отряда было весьма удачным. Он закрывал выход с ограниченного участка равнины и предгорья, куда сходились 98 вьючных караванных маршрута, которые шли с т. н. Парчинарского выступа (от г. Парчинар в Пакистане). Удаление, на котором работали группы, было, также как и в Газни, небольшим. Своих вертолетов в отряде не было. Они базировались в Газни.

Группы уходили в засаду, как на броне, причем удаление, превышавшее 30 километров от ППД считалось большим, так и пешком, совершая пеший переход до места дневки протяженностью до 20 километров. От дневки группы выходили к месту засады, совершая «второй скачок» до 5 километров. Броня при небольшом удалении групп от ППД дежурила в отряде, а при большом удалении находилась в районе действий разведгрупп на удалении не ближе семи километров. Причем в отряде назначалась и вторая дежурная броня. Она заступала на боевое дежурство тогда, когда первая убывала для оказания помощи группе, ведущей бой. Забрасывали группы и на вертолетах. Также на вертолетах совершали патрулирование местности. Проводил отряд и налеты, главным образом на населенные пункты, где по данным разведки находились бандформирования или их склады. Кроме того, отряд использовал, но тоже изредка, довольно редкую тактику, которая заключалась в последовательном прочесывании местности в назначенном районе. С этой целью использовались боевые машины, результативность таких действий была низкой. Также на технике осуществляли перехват транспорта противника и досмотр всех транспортных средств, встречающихся в ходе выдвижения.

Результативность работы групп была высокой. Отряд систематически минировал караванные маршруты, устанавливал на них систему «Реалия-у».

Одной из особенностей отряда было то, что он стоял отдельно от какого-либо крупного гарнизона Советских войск. Именно в силу того, что расположение батальона было небольшим, его практически каждую ночь обстреливали мятежники, используя для этого реактивные снаряды. В ответ работала приданная отряду батарея гаубиц Д-30 и ПУ «Град-30».

Последние полгода перед выводом отряд дислоцировался в Кабуле по соседству с кабульской ротой. Отряд был выведен в Союз в июне—июле 1988 года и вошел в состав 9 обрСпН.

Сергей Баракинский. Баграм. Становление отряда

Фамилия автора изменена, поскольку автор продолжает служить в ВС РФ.

Избавление от шелухи

Четвертый отряд начал «ходить на войну» еще в Баграме. Именно здесь произошло его становление и очищение ото всякой шелухи и балласта. Я имею в виду отдельных офицеров, не способных четко и грамотно исполнять свои обязанности. Одним из таких был наш начальник разведки Сергей Докучаев. В Кировограде он сначала числился переводчиком бригады. Потом стал помощником начальника оперативно-планового отделения. Имея совершенно непомерные амбиции, он, как офицер спецназа, был абсолютно безграмотным¹.

При формировании отряда кто-то, видимо, тоже не очень умный, назначил его на должность начальника разведки. По привычке, противопоставляя себя офицерам боевых подразделений, он порой готовил такие решения для комбата, что при исполнении мы чудом оставались в живых.

В краю непуганых духов

Одной из «гениальных» идей «Доки» было предложение поработать с одного из мотострелковых постов у входа в Панджшер, как с базы. Абсолютно не зная оперативную обстановку в районе предстоящих действий и не пытаясь ее прояснить, он предложил отправить группу на трех БТР на этот пост. Приказ есть приказ. Мы собрались и поехали. Добрались до поста без приключений. Но защитники поста были потрясены, увидев нас. Оказывается, что пост находится в самом центре душманского района. Для того, чтобы его там поставить, проводилась войсковая операция. Снабжение поста осуществляется только вертолетами. Еще никто до нас к ним на «броню» не приезжал, а уж тем более всего на трех БТР. Духи, видимо, просто не ожидали от нас такой наглости. Защитники поста соблюдали негласное перемирие с «духами» по принципу: мы вас не трогаем, и вы нас не троньте. Как они объяснили: «Мы здесь отслеживаем проявление активности противника и не более того. В частности, перемещение мимо нас подразделения численностью до тридцати человек, вооруженных до зубов, проявлением повышения активности не является. Такое движение — серые будни».

Как они сказали, ведение здесь поисково-засадных действий РО такими силами — занятие самоубийственное. Уйти-то на задание мы уйдем, но очень мало надежды, что в этом районе, контролируемом духами, мы доберемся до нужной нам точки. А если и доберемся, и сработаем успешно, то вряд ли кто-то сможет нам там помочь и, тем более, эвакуировать.

«Если только 56 дшбр из Гардеза придет вас отбивать», — вяло пошутил командир заставы. Прикинув, что «пехота» в данном случае говорит дело, мы решили в тот же день и вернуться.

Вход - рубль, выход - два

Погрузились снова на БТРы и двинулись в обратный путь. Но он уже не был столь безопасным. Мы это понимали. Духи, видимо, решили показать, кто здесь главный. Незабываемая картина, которую припомнит всякий, кто попадал в засаду в населенном пункте. Брошенные повозки, велосипеды. Еще несколько минут назад в кишлаке кипела жизнь, а сейчас на базарной площади ни души. Двигаемся по дороге мимо зеленки, и тут звучит выстрел РПГ, затем второй. Треск автоматов. Наши водители «боевых колесниц» вместо того, чтобы прибавить ходу, пользуясь тем, что духи промазали, встали, как вкопанные. Башенные пулеметчики начали долбить по зеленке. Десант «горохом» посыпался с «брони» под колеса. Завязалась перестрелка.

Видно, в планы духов тоже не входило долго воевать с нами. Только неподготовленностью и спонтанностью засады можно объяснить то, что духи не били из РПГ по стоящим бронетранспортерам в то время, когда они представляли собой идеальную мишень. Неизвестно, чем бы закончилась наша перестрелка, если бы не мужики на соседнем посту. Заслышав стрельбу, они «влупили» пару раз из своего единственного танка по зеленке, где засели духи. Огонь стал стихать и вскоре прекратился совсем. Получилось как в записках партизана: «День третий. Пришел лесник. Дал ...дюлей и нам, и немцам, и выгнал всех из леса».

Мы погрузились на броню и уже без приключений добрались до расположения отряда.

Насколько нам повезло, мы поняли намного позднее.

В Бараках, куда отряд перебрался в марте 1985 года, Докучаева сменил Саня Иванов. И это было уже совсем другое дело.

1С.Докучаев закончил службу в ВС Украины командиром полка (бывшей 10 обрСпН). Профессионалом он так и не стал. — С.К.

Сергей Баракинский. Караван у стенки

По данным агентуры

Одним из наиболее значительных результатов деятельности нашего отряда в начальном периоде войны был выучный караван, захваченный РГСпН №433. Было это уже в Бараки. По данным агентуры, в апреле 1985 года из Пакистана планировался выход довольно большого каравана с оружием и боеприпасами. Где именно он будет передвигаться, никто не знал. Поэтому командование отряда решило выслать несколько групп специального назначения для организации засад. Среди них была и моя. Группы были доставлены броней и высажены вблизи гор, расположенных над «зеленой зоной». Они поднялись на указанные вершины, организовали засады и стали ждать. Моя группа была десантирована несколько иначе. Меня бросили с брони на границе дня и ночи недалеко от зеленки, которая находилась на другой стороне Кабульской трассы. Потерявшись в скоро наступившей темноте, мы двинулись прямо по «зеленке» к месту засады. До него было километра три. Согласно приказу, мы должны были организовать засаду на горе, недалеко от дороги, по которой ожидалось движение каравана. Перед выходом я стал расспрашивать у командиров групп, которые бывали в этом районе, что это за место. Они в один голос уверили меня, что место для засады очень неподходящее. Гора эта на самом деле была довольно крутой скалой, где ни прятаться, ни, тем более воевать, было очень неудобно.

Приказ есть приказ

Но приказ есть приказ. И я послушно выдвигался к указанному мне месту. Это потом, когда мы поднабрались опыта, командирам групп стали указывать район проведения засады, поскольку им на месте виднее. Тогда таких вольностей еще не было.

Прибыв на место, я убедился, что товарищи были правы. Скала, как позиция, была совершенно негодная. Ночь заканчивалась, и нужно было подумать об организации дневки. Недалеко от дороги находилось несколько брошенных дувалов. Выбрав тот, который был дальше всех от дороги, я расположил в нем группу, используя что-то наподобие полуподвала или погреба.

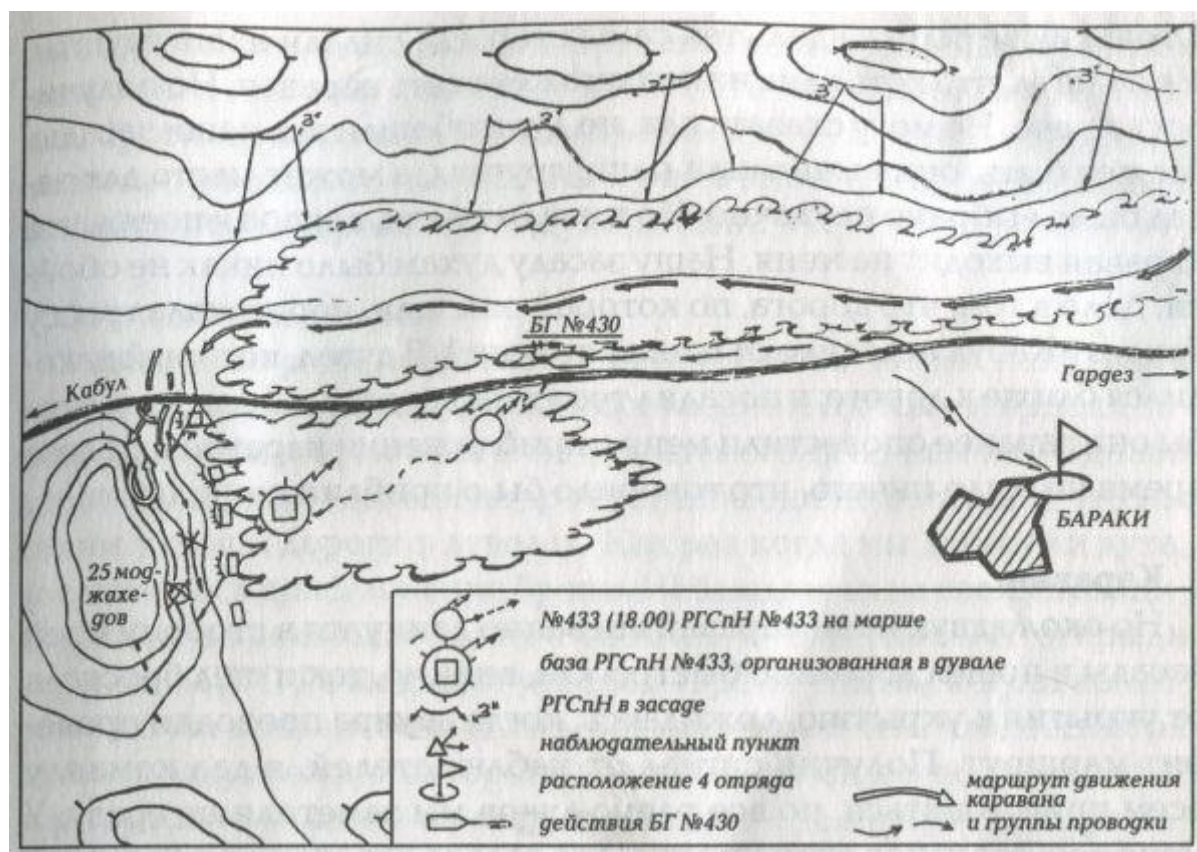

Схема 5. Караван у стенки

Поскольку в моей группе было всего двенадцать человек, включая и меня, мы могли успешно прятаться. Для обеспечения безопасности наверх были выставлены наблюдатели.

С наступлением утра на дороге возобновилось движение. Среди обычных жителей действовали и разведчики из группы проводки каравана. Они тщательно осматривали следы как на дороге, так и на обочине, заходили в дувалы. Но, судя по их поведению, ничего интересного для себя они не обнаружили. Так прошел день, и наступила ночь. Скалу, как позицию для организации засады, я сразу исключил, несмотря на приказ. В большей степени для этой цели подходили дувалы, находившиеся в тридцати метрах от дороги (см. схему 5). Просидев ночь безрезультатно, мы вернулись на свою базу. Уходя, тщательно замели следы. Второй день и ночь были такими же, как и первый. Снова работала разведка духов, но, как и день назад, ничего подозрительного не обнаружила.

Наступила третья ночь. Я прекрасно понимал, по какому маршруту будет идти караван и наблюдал в ночной бинокль, находясь на базе. Места свои разведчики знали и заняли бы их быстро, поэтому до поры я не давал команду на выдвижение в засаду. Тут я увидел в «БН» цепь огоньков вдоль гор. Глазами я их не видел. Чем Духи сигналили, я до сих пор не понимаю. Однако я понял, что это сигнал проводки и дал команду своей группе выйти на позиции.

Огоньки светились вдоль тех самых гор, где сидели наши группы, и я полагал, что хоть одна из них сможет взять караван. Но получилось иначе. Не могу сказать как, но духи обошли все наши засады. Может быть, они вычислили наши группы, а может место для засад было выбрано неудачно. Но так или иначе, вскоре я понял, что караван выходит на меня. Нашу засаду духам было никак не обойти. Дело в том, что дорога, по которой они шли, пересекала трассу Гардез—Кабул недалеко от наших позиций. В дувал, который находился ближе к дороге, я посадил троих наблюдателей для того, чтобы они заранее оповестили меня о приближении каравана. Долгое время не было ничего, что говорило бы о приближении духов.

Караван

Но около двух ночи караван внезапно двинулся в сторону моей засады и пошел довольно быстро. Он, видимо, так и шел броском, от укрытия к укрытию, дожидаясь, когда группа проводки проверит маршрут. Получив сигнал от наблюдателей, я дал команду всем приготовиться, но все равно духов мы заметили не сразу. У меня вообще такое впечатление, что голова каравана и передовой дозор ушли. Хотя утверждать этого не стану. Но, тем не менее, мы, открыв огонь из всего имеющегося оружия, нанесли мощное поражение духам. Наш расчет АГС-17, который занял позицию у нас на базе, как и было приказано, сначала отработал по голове каравана, а потом, для того чтобы исключить отход его, долбанул по хвосту. С тыла по каравану также работали наблюдатели. На самом деле получилось очень удачно. Караван оказался прижатым го к отвесной скале. Если бы мы били все-таки с горы, то караван мог бы отойти в «зеленку». А так им деться было некуда. Огонь немного стих, но в это время вслед за караваном подошла группа проводки примерно из пятнадцати человек. Они, видимо, решили отбить хотя бы часть каравана. Предполагая, что мы находимся на скале, они открыли по ней бешеный огонь. Подпустив духов ближе, мы ударили им в тыл и левый фланг.

Огня с нашего направления противник не ожидал и поэтому, не принимая бой, ретировался. По плану, после выполнения своей задачи наблюдатели должны были подойти к нашим позициям, но время шло, а их не было. На вызов по радио никто не отвечал. На правом фланге, где находились их позиции, были слышны отдельные выстрелы. Меня это волновало и, взяв с собой разведчика, я отправился к ним. Примерно на половине пути нас обстрелял недобитый дух. До нашего появления он лежал тихо, надеясь незаметно уползти с места засады. Но заметив нас, видимо, решил, что мы идем за ним, и открыл огонь из автомата. Услышав странный шелест над головой, я не сразу понял, что это свистят пули. А поняв, бросился на землю. И вот ведь какое дело. Если бы я бросился на землю раньше, то получил бы пулю в голову, а так меня только ранило в ногу. Перевязался. Духа добили.

От судьбы не уйдешь

Вызывая по радио «броню», я предупредил, что мы находимся в дувалах, а не на горе, где было приказано. Поэтому я просил наших быть внимательными и не открыть огонь по нам же. Однако либо мою просьбу довели не до всех, либо они не поверили, что мы сидим у самой дороги в дувалах. Как раз когда мы добивали духа, послышалось приближение брони. Наблюдатели на своих позициях встали, и произошло то, чего я боялся. С головного БТР открыли огонь из КПВТ. Разведчики успели вовремя упасть, и пули калибром 14,5 мм

просвистели выше. Возмущенный тем, что, несмотря на мое предупреждение, броня все-таки долбанула по своим, я завернул такое коленце из всех известных мне матерных выражений, что на броне даже в шлемофонах слышали — свои.

Из моих никто не пострадал, зато тяжело был ранен и вскоре скончался солдат моей же группы, которого в засаду я не брал. Он сидел на борту БТР, и пулеметчик зацепил его по ногам. Видимо, от сильного динамического удара начался инсульт сосудов, что и явилось причиной смерти. От судьбы не уйдешь. Этого бойца я специально оставил в расположении отряда. Незадолго до описанных событий он все чаще стал говорить такие вещи: «Вот если меня убьют, то...». Человек довольно часто чувствует приближение своей гибели. Когда понимаешь, насколько нелепа его смерть, невольно начинаешь верить в судьбу и становишься убежденным фаталистом.

Поскольку я был ранен, меня отправили в госпиталь, поэтому точного количества захваченных трофеев я не помню. Да и давненько это было. Помню только, что уничтожено было 15 лошадей и ишаков, а с ними двадцать пять моджахедов, шедших с караваном. Захвачено, кажется, около сорока реактивных снарядов, примерно столько же единиц стрелкового оружия, штук сто противотанковых мин TS-6,1 итальянского производства. Кроме того боеприпасы к стрелковому оружию. Трофеев было столько, что обо всем захваченном не стали докладывать наверх. Часть припрятали «на черный день», когда результатов не будет. Насколько мне известно, наших трофеев хватило еще на два «результата». Тем не менее, меня представили к «Знамени».

С. Козлов. Тропа разведчика им. тов. Золкина

То, что из старшего лейтенанта Золкина боец, как из говна — пуля, в Афгане поняли сразу. Даже постарались, чтобы он минимально общался с боевыми подразделениями. Поэтому попал он на должность помощника начальника оперативно-планового отделения Джелалабадской бригады спецназначения.

Время от времени офицеры этой категории могли быть направлены в боевые части с проверкой. Особым уважением штабные в боевых частях не пользовались, и их нередко встречали откровенной фразой из «Гусарской баллады»: «Опять штабной! Прислали б лучше водки!». Многие из них вообще бы из штаба не выходили, если бы не начальство или не желание «оторвать» где-нибудь орден «на халяву». Влекомый этим желанием, прибыл и Золкин в четвертый отряд, дислоцированный в Бараки. Отряд этот славился тем, что стоял прямо на караванном пути и проехать, минуя батальон, духи никак не могли. За систематические обиды, чинимые спецназовцами отряда борцам за веру, расположение батальона еженощно духи обстреливали реактивными снарядами, умудряясь выпустить иногда по двести — триста снарядов. Вследствие этого батальон соблюдал суровую светомаскировку, а личный состав и офицеры спали в блиндажах и землянках.

Представившись командиру отряда Анатолию Корчагину, Золкин сообщил, что прибыл для проверки боевой деятельности. Комбат, усмехнувшись, сказал, что у Золкина такая возможность имеется. Прямо сейчас одна из групп отряда ведет бой и к ней на помощь отправляется бронегруппа. Если бы «представитель вышестоящего штаба» соизволил должным образом экипироваться, то «броня» готова немного подождать.

«Вот повезло! — подумал Золкин. — Первый же вечер и сразу на войну». Он бежал в кромешной тьме в направлении, указанном комбатом, к месту, где проживали офицеры, чтобы получить автомат и нагрудник с магазинами. Успешно достигнув цели, он быстро переоблачился и выскочил наружу.

*

У бойца, сидевшего с автоматом у входа, он спросил, где стоит броня. Боец махнул рукой в темноту и начал что-то объяснять, но конец фразы Золкин не дослушал, и напрасно.

Пробежав в указанном направлении, он натолкнулся на ограждение из колючей проволоки. Поскольку обойти препятствие не было возможности, Золкин мужественно перелез через него. При этом он несколько раз срывался, порвав обмундирование и поранив руку.

Однако жажда подвигов влекла его дальше. Боясь, что «броня» уйдет без него, Золкин рванул, не разбирая дороги. Впереди оказался какой-то невысокий бетонный заборчик. В темноте Золкин налетел на него с такой силой, что, не удержавшись, перевалился и провалился во тьму.

То, что это колодец, Золкин понял не сразу, а лишь на третьем кругу, когда ползал по дну в поисках выхода. Вылезти из колодца без посторонней помощи он не мог. Сверху на него смотрело черное, афганское небо, усыпанное звездами, и явно издевалось. Золкин позвал, но никто не откликнулся. Он попробовал дотянуться до верхнего края колодца, но безуспешно.

Может быть, он бы так и просидел до утра в импровизированном «зиндане», если бы не бойцы, отправленные комбатом на поиски пропавшего «проверяющего из вышестоящего штаба». Они и помогли ему выбраться.

Когда Золкин, убежавший на пять минут, вернулся через полчаса и предстал перед комбатом весь в пыли, оборванный и окровавленный, но с автоматом в руках, тот воскликнул: «Так вы что, уже с войны? Ну и как там?».

После этого он приказал Золкина на войну не брать ни под каким предлогом сказав: «Хватит с него. Если человек в расположении отряда способен совершить такое над собой, то что же на войне будет».

Наутро выяснилось, что в темноте Золкин свернул не туда. В своем стремлении успеть он снес два ряда колючей проволоки и, запнувшись, свалился в батальонный бассейн. Хорошо еще, что в нем в тот момент не было воды. Сохраняя серьезное выражение лица, Корчагин сказал, что теперь это памятное место будет называться «тропой разведчика имени товарища Золкина».

С. Шепелев. Трудный путь к результату

Действие порождает противодействие

1986 год для 668 отряда начался неудачно. На то были свои причины. Отряд прибыл к новому пункту постоянной дислокации в начале весны 1985 года и почти за год уничтожил 18 караванов и бандгрупп мятежников. Это не могло не обеспокоить моджахедов, до этого беспрепятственно проводивших свои караваны через провинцию Логар. Специальные действия отряда были тщательно проанализированы американскими советниками, работавшими в лагерях подготовки боевиков на территории Пакистана. Изучив места засад и места, где группы располагались на дневки, сведения о том, как группы выводятся в район действий, а также опросив боевиков, побывавших под огнем спецназовских засад, специалисты из американских спецслужб выработали меры противодействия советскому спецназу в провинции. В первую очередь она заключалась в отработке новых караванных путей, а также тщательной дневной разведке участка маршрута, где планировалась проводка каравана. За расположением отряда было установлено постоянное дневное наблюдение. Факт выхода бронегруппы и на-правление ее движения оперативно передавались как установленными сигналами, так и по средствам радиосвязи. Места возможного десантирования групп засекались. После чего проверялись пастухами. Близлежащие маршруты закрывались на время действия группы в данном районе. Вероятные места расположения групп на дневке, а также возможные места проведения засад проверялись. Была увеличена сумма денежного вознаграждения населению за любые сведения, касающиеся деятельности спецназа. Такое профессиональное противодействие не могло не сказаться на результативности разведывательных органов отряда. Караваны стали стороной обходить места, удобные для проведения засад.

Ошибки, на которых мы учились

В середине февраля 1986 года разведгруппы №411, которой командовал я, и № 414, которую возглавлял лейтенант Игорь Буга, получили задачу вести поисково-засадные действия в районе ущелья Дубанди. Оно находилось в двадцати пяти километрах от ППД. Из расположения отряда вышли на броне, миновали кишлак Падхай-Шана и через 5 километров десантировались. Броня, развернувшись, ушла, а мы двинулись к ущелью. Через два часа напряженного марша наши группы достигли входа в ущелье, где заняли позиции для проведения засады. Первая ночь прошла безрезультатно.

После тревожного дневного отдыха стали выдвигаться по тропе, входившей в ущелье в направлении кишлака Абчакан. Приблизительно через тридцать минут пути мы должны были достичь развилки караванных троп, где организовать следующую засаду. (Однако сделать этого не удалось. Когда головной дозор 414-й группы вышел к развилке, он натолкнулся на головной дозор каравана, продвигавшегося по ущелью. Завязалась перестрелка. Караван же тем временем развернулся и уполз обратно в ущелье. Мы снова остались ни с чем. Хотя взять караван не составляло труда. Сказалось неверно отработанное взаимодействие групп на марше. Из-за отсутствия опыта задача головному дозору и группам была поставлена на отражение атаки при встрече с противником. О том, что, возможно, потребуются преследовать караван, никто не подумал. Ситуация осложнилась наступившей темнотой и обильным снегопадом. Ко всему у моей радиостанции «село» питание. На офицерском собрании заместитель командира отряда дал суровую, но справедливую оценку наших действий. Но мы правильно восприняли критику и продолжали учиться.

На поиск тропы

3 апреля 1986 года моей группе поставили задачу выдвинуться в район кишлака Бедак для организации засады на караванной тропе Ахундхейль—Бедак—Бараки. В состав моей группы был включен замполит роты лейтенант Александр Трофименко. Он недавно прибыл из Союза, где командовал спортвзводом. Был он подтянут, энергичен и инициативен и производил благоприятное впечатление. Прослужил он без году неделя и буквально рвался в бой.

После того как командир отряда Е.Резник отдал боевой приказ, я скомандовал личному составу «По машинам». Но в это время ко мне подошел начальник разведки отряда капитан Александр Иванов и уточнил задачу. По последним агентурным данным, духи проторили новый караванный маршрут между кишлаком Бедак и «двумя сестрами» — отрогом длинного холма, разрезанного надвое шоссе Кабул—Гардез. На поиск этой тропы и была перенацелена моя группа. С наступлением темноты броня двинулась по шоссе в направлении перевала Тера. Шли без света на малой скорости. Десантировались на ходу, а броня, не изменяя режима работы двигателей, проползла еще 8 километров до кишлака Альта - мур, где развернулась и вернулась в часть. Такой способ высадки групп давно применялся в отряде. Он не позволял противнику установить место десантирования групп по изменению режима работы «движков» в момент остановки «брони».

Разногласия

Помимо восемнадцати разведчиков, двух саперов и двух радистов в мою группу входил и замполит роты. Его следовало «обкатать» на боевом выходе, чтобы он ознакомился с местностью, а также тактикой действий группы. Лейтенант Трофименко был из молодых и рьяных офицеров. Он так и рвался в бой. Поэтому он возглавил головной разведдрозор. Двигаться нам предстояло на запад. На фоне серого ночного неба вдалеке хорошо была видна горная гряда. Указав старшему дозора одну из характерных вершин в этой гряде, я указал ему общее направление движения дозора и группы. Двигаясь в этом направлении, мы оставляли кишлак Бедак слева и сзади, одновременно прощупывая местность в поисках новой тропы.

Действия разведчиков специального назначения не терпят штампов. Нельзя повторяться при выборе маршрута, места проведения дневки и засады. Это чревато, как минимум, безрезультатными действиями. В худшем случае могут быть потери.

На караванной тропе, проходящей через Бедак, было уничтожено четыре каравана с оружием и боеприпасами. Несмотря на то, что лейтенанта Трофименко об этом информировали, он упорно вел группу к Бедаку. Пришлось дважды останавливать группу и уточнять маршрут движения старшему головного дозора. На второй остановке Трофименко вспылil: «Я — твой прямой начальник и поведу группу к Бедаку!».

Пришлось спокойно, но в тоже время очень твердо объяснить, что во время выхода группой командую я. Я же несу за все ответственность и двоевластия в группе не потерплю. К чести замполита, он перестал спорить, но наша перепалка удручающе подействовала на уставших бойцов. Пришлось дать группе полуторачасовой отдых и только после этого продолжить движение.

У серой ленты

Вскоре тропу обнаружили. Вот она, заветная светло-серая лента!

По своему же следу вернулись назад. Чтобы не оставить следов, тропу не переходили. На дневку расположились в километре от тропы между двух квадратов заброшенного поля, в русле старого арыка.

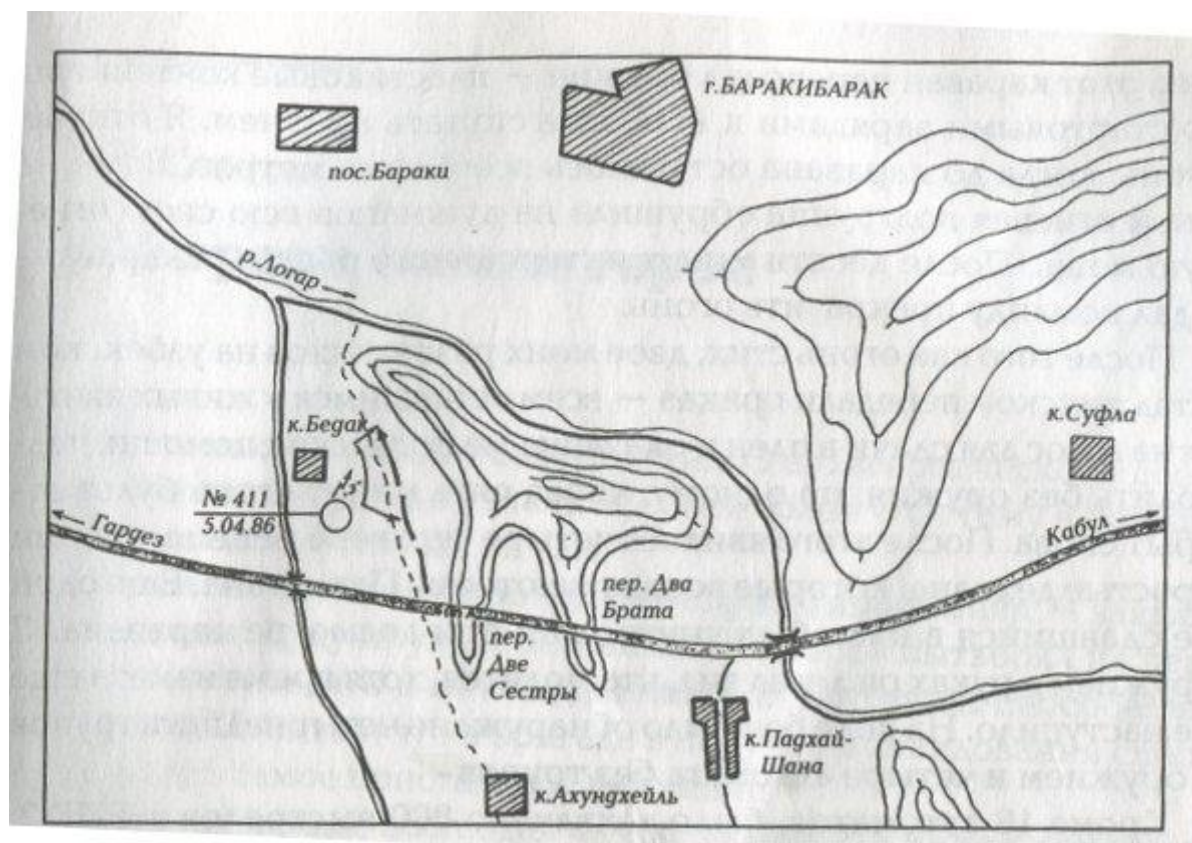

Схема 6. Засада у кишлака Бедак

Рассвело. С нашей позиции хорошо просматривались обе тропы, примерно в километре виднелся Бедак (см. Схему 6). В 12.20 наблюдатели заметили двух разведчиков-моджахедов, которые проверяли наличие посторонних следов на тропах, а также места, где наши группы ранее проводили дневки. Местность проверяли также и при помощи пастухов, буквально прочесывая ее. Этим занимались пацаны из Бедака, гнавшие небольшую отару овец. Но их действия не увенчались успехом. Никому и в голову не пришло искать группу на ровном, как блин, поле в неглубоком арычке. Здесь, чтобы остаться незамеченным, нужно было передвигаться на «четырех костях».

Караван

С наступлением темноты выдвинулись к тропе и заняли позицию. Замаскировались срезанной верблюжьей колючкой. Пятого апреля в час тридцать появился караван. Благодаря хорошей маскировке мы оставались незамеченными вплоть до открытия огня. Каждый солдат в группе знал свою задачу, как и приказ не открывать огня без моей команды. Этой командой для всех должен быть мой первый выстрел. Но до того, как это сделать, мне предстояло определить, мирный это караван или везет оружие и боеприпасы, в какой части каравана находится основная часть груза, чтобы сосредоточить основные усилия группы именно на ней. Без сомнения, этот караван перевозил оружие — пластиковые контейнеры со стартовыми зарядами к РПГ-2 не спутать ни с чем. Я открыл огонь, когда до каравана оставалось всего семь метров. Вслед за мной огневая подгруппа обрушила на душманов всю свою огневую мощь. После десяти минут интенсивного обстрела каравана я дал команду прекратить огонь.

После того как огонь стих, двое моих разведчиков на узбекском и таджикском передали приказ — всем оставшимся в живых явиться на голос для сдачи в плен и оказания медицинской помощи, подходить без оружия, по одному, через пять минут огонь будет открыт снова. После этого явилось четыре человека, заявив, что они простые дехкане, которые возвращаются из Пакистана. Еще один не сдавшийся в плен был уничтожен при досмотре каравана. С оружием в руках он делал вид, что молится, хотя время намаза еще не наступило. На поле боя было обнаружено четырнадцать трупов с оружием и четыре автомата без трупов. Кроме 18 автоматов, было захвачено 800 выстрелов к РПГ-2, 12 реактивных снарядов увеличенной дальности, 110000 штук 7,62-мм патронов к различному стрелковому оружию, 10 килограммов пластида и около 20 килограммов медикаментов. Кроме того, было захвачено обмундирование и военное снаряжение.

После боя

При допросе пленные подтвердили, что выход нашей бронегруппы был замечен, но поскольку в течение дня группу не смогли обнаружить, решили двигаться дальше. Но случилось непредвиденное, сбежал караван-баши, проводник. Дальше по тропе шли уже без него. С рассветом, при повторном досмотре местности, обнаружили семнадцатилетнего пацана, раненного в обе ноги. В суматохе боя духи его бросили. Хирург батальона лейтенант А.Билевитин за месяц поставил парня на ноги, после чего его переправили в Кабул по линии ХАД.

*

За эту засаду я, лейтенант Трофимов и сержант Кожушко были награждены орденом «Красной Звезды». Несколько бойцов из состава группы, были награждены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». В праздничном майском приказе по сороковой армии моя группа была признана лучшей по афганскому спецназу. Генерал Громов объявил мне благодарность. Тогда же мне вручили ценный подарок — наручные часы.

С. Козлов. Награда нашла героя

И все-таки медаль Золкин получил. О его «героической» поездке в Бараки в бригаде узнали все. Тем более что этому в большей степени способствовал он сам.

Узнал об этом и комбриг Старов Юрий Тимофеевич — заядлый спортсмен. Будучи уже полковником, Старов вытворял на перекладине такое, что и не каждый молодой лейтенант способен выполнить. Понятно, что в бригаде в пору его командования спорту уделялось самое пристальное внимание.

И вот однажды, наблюдая футбольный матч между командами бригады, он стал свидетелем самоотверженного поступка вратаря — старшего лейтенанта Золкина. К защищаемым им воротам прорвался форвард соперников и сильно ударил в левый нижний угол. Золкин, видя, что за игрой наблюдает комбриг, решил блеснуть своим вратарским мастерством и тарзаном бросился на мяч. В результате... мяч влетел в ворота, а Золкин — головой в штангу. Удар был такой силы, что вся сварная конструкция ворот загудела колоколом. Среди зрителей кто-то пошутил: «Не спрашивай, по ком звонит колокол...».

Однако Золкин эту шутку не слышал. Он потерял сознание, и его унесли в медсанчасть.

Проводив носилки глазами, комбриг сказал:

— Смотрите, как старается! Дайте ему медаль, пока человек себя не убил.

Так Золкин стал кавалером медали «За боевые заслуги».

*

После Афгана у Золкина малость «съехала крыша». Как он сам всем говорил: «Следствие контузии».

О том, при каких обстоятельствах контузия получена, он многозначительно умалчивал.

Его уволили из армии по состоянию здоровья. Сейчас он жив и здоровствует и, выпив в кругу своих новых товарищей, любит иногда ввернув что-нибудь типа: «Когда я был в Афгане...».

В.Ф. Воробьев, Е.С. Барышев. Абчаканский караван

В мае 1987 года подразделениями Баракинского отряда был захвачен один из самых больших караванов с оружием и боеприпасами за всю историю афганской войны. О том, как это было, рассказывают участники тех событий: заместитель командира отряда, в то время капитан, Владимир Воробьев, и командир 4 группы 1-й роты, в то время лейтенант, Евгений Барышев.

Чтобы читатель смог ощутить обстановку тех дней, по военному четкий, по стилю близкий к отчету рассказ Воробьева разбавляют живые воспоминания Барышева.

Утро знаменитого дня

Евгений Барышев: Утро 12 мая было ясным и солнечным и ничем особенным не отличалось от многих других на афганской земле. Но для нас, Васиных сослуживцев, это было особенное утро. Сегодня Васин день

рождения. Вечером соберемся, перекусим, а если повезет, то и выпьем по маленькой. Правда, Вася, наш командир роты Василий Саввин, этим не баловался. Не любил, да и нельзя ему было. До нашего отряда Вася год отслужил в 56 десантно-штурмовой бригаде в Гардезде. Там и подорвалась на фугасе его машина. От подрыва осталось на всю жизнь множество мельчайших осколков на теле и ногах, которые Вася на досуге выковыривал, и ежедневные головные боли — следствие контузии.

«Вась-я-я-я!» — специально протяжно говорил я ему при встрече. «Жень-я-я-я!» — так же протяжно вторил он мне в знак дружеского приветствия. «Ну что, похрюкаем сегодня!» — Вася боль- (-, шой любитель резких высказываний. «Похрюкаем» на его языке — поедим. Как-то на утренней зарядке он сказал бойцам: «Сегодня вы у меня, как худые свиньи, будете покорять большой Мир Абдаль». Большой Мир Абдаль — самая высокая гора рядом с нашим расположением. Водились за ним и другие высказывания, но... на них никто не обижался. Знали, что говорит он беззлобно.

Сегодня у нас разведка местности перед засадой. Василий собирался лететь, но остался заниматься молодым пополнением. Из Союза прибыли совсем «зеленые салаги». На облете двух офицеров, то бишь меня и замполита Паши Трофимова больше чем достаточно. Да и облет-то по малому кругу.

"Женя, ты автомат возьмешь?" — спросил старшина роты старший прапорщик Леонид Сапронов.

Старшина - тот еще «кадр». Как-то на утреннем осмотре поспорил с дембелями, кто быстрее подошьется. Многие вызвались с ним потягаться, но не тут-то было. Старшина на глазах у всей роты отрывает свой подворотничок. Солдатам разрешает подшиваться сидя на скамейке, а сам уходит в палатку. Секунд через тридцать—сорок появляется перед строем с подшитым воротничком. Все просто обалдели от такой скорости. Кто же его обгонит? Тем более, что в палатке у него пять подшитых курток висело. Старшину бойцы вежливо называли: «Батя».

Шутка ли, у него вторая ходка в Афган. Батя должен был ехать в Германию, но в отделе кадров как-то хитро «перепутали» полевые почты и поехал он опять в Афганистан. Можно было спорить, но Батя не стал.

«Да зачем, Леня, мне автомат? Мы ведь только осмотреть местность летим» — ответил я. Но автомат все-таки взял. И даже один магазин к нему. Одевать «боевой лифчик» поленился. Переодеваться в «песочку» тоже не стал. На ногах черти что: трофейные духовские туфли на босу ногу. В прошлом караване два мешка таких было. Удобно и не жарко.

Около часа пролежали на взлетке в ожидании вертушек. Состав группы неоднородный, есть и старослужащие, и недавно прибывшие молодые, которые и духа живого в глаза не видели.

Наконец из Газни прилетели вертушки. Боевым звеном командовал капитан Н.Майданов. Человек и у летчиков, и в спецназе очень уважаемый. Впоследствии он стал Героем Союза. Вторую звездочку он получил уже генералом, посмертно, в Чечне. Летчик с большой буквы.

Согласно задаче

Владимир Воробьев: 12 мая 1987 года РГСПН №424 под командованием лейтенанта Барышева Е.С. имела задачу высадиться с вертолета и организовать засаду на одном из наиболее вероятных маршрутов движения караванов мятежников. Для обеспечения действий группы была назначена бронегруппа №425 в составе трех БМП-2 и трех БТР-70.

Для проведения рекогносцировки предстоящей засады 12 мая в 14.00 вылетела досмотровая группа в составе: командир группы лейтенант Барышев, заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант Трофимов, два радиста группы связи и 13 разведчиков из состава группы. На вооружении имелись: АТС-17-1, ПКМ-2, ГП-25-2, АКМС с ПБС-1-1 и АКС-74-12. На двух Ми-8 под прикрытием пары МИ-24 группа должна была совершить облет местности по так называемому малому кругу: н/п Пандхаби-Шана — н/п Бараки — н/п Ахундхейль. Особое внимание следовало обратить на южную часть провинции Логар: кишлаки Альтамур, Чаунай, Абчакан, ущелье Дубанди.

Над Абчаканом

Группа уже пятнадцать минут находилась в воздухе, когда в штаб отряда прибыл советник Цорандоя и сообщил, что в Абчакане стоит большой караван, который ночью должен проследовать в соседнюю провинцию Бардак. Буквально через несколько минут в штаб прибыл и командир оперативно-агентурной группы (ОАГр) и подтвердил уже имевшуюся информацию.

Поскольку группа №424 ночью должна была действовать именно на этом направлении, командир отряда решил никаких дополнительных действий не предпринимать. Однако в 14.30, проходя над Абчанским ущельем, командир досмотровой группы лейтенант Барышев и командир 2-го отделения младший сержант Г.

Пасахович практически одновременно обнаружили разведпризнаки каравана, находящегося на дневном отдыхе.

Е.Барышев: «Товарищ лейтенант, Вы что-нибудь видели?» — спросил меня сержант Жора Пасахович. Одновременно я задал ему тот же вопрос. На краю русла кто-то сидел. Двое, может быть больше. Оружия не видно. Кто-то видел лошадь.

Наверное, более точное название такого русла — каньон. Таких каньонов у нас в провинции предостаточно. В некоторых из них без труда можно спрятать армию. На краю каньона расположился заброшенный кишлак. Там никого не должно быть. Чтобы разобраться в ситуации, решаем — садиться.

Караван обнаружен - нужно бить

В.Воробьев: Командир группы принял решение десантироваться и связать боем охрану каравана до прибытия подкрепления. Командир вертолета возразил, что у него на исходе горючее, поэтому он не сможет прикрыть действия спецназа. Но командир продолжал настаивать на десантировании. Его поддержал замполит П.Трофимов.

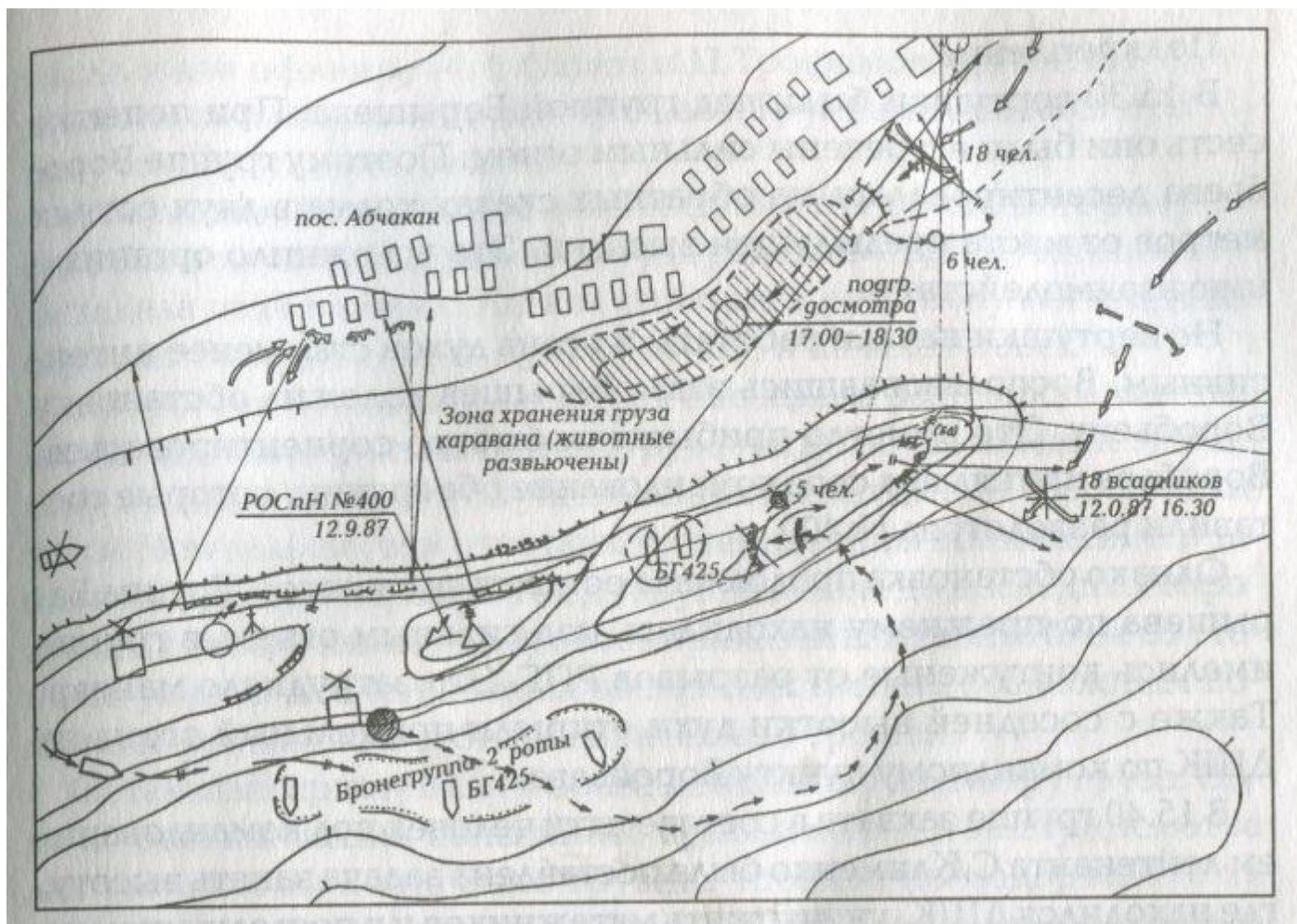

Схема 7. Действия по захвату каравана вблизи пос. Абчакан

Группа под прикрытием пары «крокодилов» была высажена приблизительно в ста двадцати метрах от Абчакана, на противоположном склоне каньона. Вертолетчики отработали по ущелью и доложили на ЦБУ, что спецназ ведет бой, а они уходят пополнять боекомплект. Десантировавшись, группа заняла круговую оборону (см. схему выше).

Е.Барышев: Спрыгнули с вертушек и заняли оборону. Вдоль русла — первая подгруппа, вторая — накрытие тыла. Пули засвистели над головами. Прижались к земле. Внизу под обрывом распустилась зеленка. Ничего не видно. Быстро развернули АТС-17. Я на ходу набил карманы чужими магазинами. Ребята скинулись.

В.Воробьев: Вдоль каньона расположилась огневая подгруппа из восьми человек во главе с Барышевым. Тыл прикрыла подгруппа обеспечения из семи человек. Их возглавил замполит. Как только духи пришли в себя,

они открыли такой шквальный огонь, что ответную стрельбу из АТС-17 Барышеву и младшему сержанту Чубарову пришлось вести лежа, подняв над головой кисти рук. Трофимов срочно связался с ЦБУ и запросил помощи. Получив это радио, командир отряда майор Корчагин приказал бронегруппе выдвинуться в район боя для оказания помощи воюющим разведчикам. Одновременно с этим он приказал срочно подготовить группу поддержки под командованием заместителя командира отряда капитана Воробьева для вылета в район боевых действий. Вертолеты были заправлены топливом и боеприпасами за 30 минут, и группа в составе 22 человек вылетела на Абчакан.

Подкрепление

В 15.30 вертушки были над группой Барышева. При попытке сесть они были встречены сильным огнем. Поэтому группа Воробьева десантировалась на обратных скатах холма в двух сотнях метров от места предыдущей высадки. Это усложнило организацию взаимодействия.

Но вертушки начали работать, и огонь духов стал менее интенсивным. Воспользовавшись этим, Барышев доложил обстановку Воробьеву. Это помогло прибывшим быстро сориентироваться. Воробьев принял под свое командование обе группы, которые составили разведотряд №400.

Однако обстановка продолжала оставаться сложной. Группа Барышева по-прежнему находилась под сильным огнем, в группе имелись контуженные от разрывов РПГ. Это затрудняло маневр. Также с соседней высоты духи открыли прицельный огонь из ДШК по командному пункту Воробьева.

В 15.40 группе захвата в составе пяти человек под командованием лейтенанта С.Клименко была поставлена задача занять высоту, где находился ДШК, уничтожить мятежников и в последующем не допустить выхода противника во фланг. Используя маневр и последовательный перенос огня, эта подгруппа в течение двадцати минут выполнила поставленную задачу и овладела господствующей высотой.

В 16.15 подгруппа Клименко была атакована группой всадников.

Атака была отбита. Противник потерял около десяти человек. Под прикрытием этой подгруппы спецназовцы забросали гранатами духов, находящихся в ущелье. Когда противник начал отходить вглубь ущелья, обе группы спецназа смогли объединиться. Командир уточнил задачи подгруппам.

К этому времени подошла бронегруппа под командованием старшего лейтенанта Саввина. А с ней и приданная отряду артиллерия: четыре гаубицы Д-30 и две машины «Град-В» (двенадцатиствольные установки на базе ГАЗ-66.)

Досмотр

Капитан Воробьев организовал огонь артиллерии так: пока реактивные установки наносили удары в глубину каньона, ствольная артиллерия выдвинулась под прикрытием брони на оптимальное расстояние и била по целям, которые он указывал.

Для прикрытия действий группы досмотра каравана, в 17.00 в ущелье вошли две БМП-2. Группу досмотра возглавил лично капитан В.Воробьев. Всего в ее состав входило десять человек, в том числе и два офицера — В.Савин и П.Трофимов. До наступления темноты оставалось еще полтора часа. Группа спустилась к Абчакану и приступила к работе.

Е.Барышев: Во время досмотра недобитым духом, которому терять было нечего, был ранен в грудь рядовой Сергей Лапшин. Пуля задела позвоночник. Легкое ранение в руку получил младший сержант Володя Коргук. Духов добились, и начался поиск.

В.Воробьев: Но на первых порах нас ждало разочарование. Все верблюды были развьючены, и груза нигде не было видно. Но по ходу продвижения вглубь ущелья начали находить и сброшенные тюки. Чем дальше, тем отчетливее спецназовцы понимали, что забили не рядовой караван. Когда группа дошла до последних сброшенных тюков, капитан Воробьев приказал выставить блок со стороны ущелья для того, чтобы воспрепятствовать возможным попыткам противника отбить захваченные трофеи.

Остальные приступили к более детальному досмотру груза. Одна из боевых машин попыталась приблизиться к месту досмотра для того, чтобы легче было грузить трофеи, но подорвалась на mine. Вторая бронегруппа, которой командовал начальник штаба отряда майор Коркишко М.В., в ходе движения к месту боя также попала на минное поле. Подорвался БТР-70. Броня, в составе которой были транспортные машины для вывоза трофеев, остановилась.

Контратака

Тем временем в 18.30 стало смеркаться. Духи предприняли попытку отбить караван. Группа из восемнадцати человек выдвинулась к нему по ущелью, но напоролась на наш блок из шести человек с двумя пулеметами ПКМ. В результате ожесточенного боя, в ходе которого огонь велся с расстояния не более шести-десяти метров, были ранены старший лейтенант В.Саввин и двое разведчиков. В этот критический момент боя один из сержантов с пулеметом вышел во фланг атакующей группе противника по 2 сухому руслу и кинжальным огнем с фланга уничтожил основные силы противника.

Капитан Воробьев понял, что данная попытка мятежников может повториться, и поэтому решил занять оборону по краю каньона. Разведчики довооружились трофейными боеприпасами, английскими гранатами, а также прихватили с собой безоткатное орудие китайского производства и девять выстрелов к ней. Наверх поднимались, используя непростреливаемые участки склонов. Заняли круговую оборону.

Сложная ситуация

Батальон оказать дополнительную помощь разведчикам в Абчаканском ущелье не мог, поскольку в районе 50—60 километров севернее расположения батальона работала 411-я группа и броня третьей роты. Когда комбат собрался ее перенацелить и направить к Воробьеву, командир роты капитан Бобылев передал по радио, что РГСПН № 411 зацепила караван. Стало ясно, что быстро с ним Бобылев не управится. Других сил в отряде не было. Сказывалось то, что была середина мая, часть бойцов уже уволилась в запас, а молодых еще не успели обкатать.

К этому времени о богатых трофеях стало известно в штабе сороковой армии. По распоряжению штаба армии из Гардеза под Абчакан была направлена десантно-штурмовая рота на десяти БМП-2 с целью оказать помощь спецназу. Однако сигналов взаимодействия с подразделениями отряда они не знали, поэтому во избежание недоразумений Воробьев приказал им остановиться в 4 километрах от Абчакана. Воробьев решил их иметь в качестве резерва, а также использовать в случае необходимости при выходе из ущелья и отходе отряда с трофеями.

Ночные потуги моджахедов

Ночью, как и ожидалось, духи предприняли еще одну попытку отбить караван. Под прикрытием верблюдов, которых гнали по ущелью, они попытались подобраться к позициям разведчиков. Оставив «корабли пустыни», они начали подниматься по склонам каньона к позициям разведчиков. Но их действия были обнаружены наблюдателями и пресечены трофейными английскими, так называемыми «ртутными», гранатами.

После этого моджахеды установили ДШК и попытались обстреливать позиции спецназа, но ДШК был подавлен огнем трофейного БО. Духи до утра не могли успокоиться и периодически открывали огонь из миномета, но им отвечала наша артиллерия. Ночью хирург батальона лейтенант Александр Белевитин оказал первую помощь раненым, и они мужественно держались до утра. Иных изменений обстановки до рассвета не было.

Опять потери

С рассветом 13 мая пришли вертушки, доставили подкрепление и боеприпасы. Снова пошли в ущелье, где недобитый дух ранил выстрелом еще одного разведчика. Духа тут же успокоил Павел Трофимов. Вскоре прибыла пара штурмовиков Су-25, которая по заявке капитана Воробьева отработала «пятисотками» по возможным путям выдвижения резервов противника в ущельях Абчакан и Дубандай. По данным агентуры, к месту боя выдвигалось до двухсот пятидесяти человек.

Е.Барышев: На рассвете к «забитому» каравану стали стекаться тыловые и транспортные подразделения. Трудно было сказать, кого не было на месте захвата каравана. Тем более, неясно было, кто остался в ППД. Еще ночью солдаты потихоньку стали расстреливать животных, чтобы те снова не достались духам. Забрать с собой мы их не могли, да и без надобности в батальоне такое стадо.

Утром начали вытаскивать оружие и боеприпасы из русла наверх. Таскали на себе по тропам. В одном месте смогла спуститься БМП. Сержант Мизгирев взвалил тук с трофеями на ишака. Вместе со своими товарищами сопровождал скотину наверх. А когда ишака разгрузили, сказал: «Ты сделал свое дело. Извини...», затем последовал одиночный выстрел из автомата.

В.Воробьев: Часть наиболее ценных и представляющих интерес трофеев была доставлена в ППД. Основную же часть трофеев пришлось уничтожить на месте по причине их огромного количества и невозможности вывезти из ущелья. Из ущелья выходили без особых приключений.

Результат

Итак, можно подвести итоги этой операции.

Уничтожено живой силы:

мятежников — 14 (столько обнаружено трупов на месте боя; по уточненным данным агентуры — 47, в том числе 6 иностранных советников, двое из которых были гражданами США); верблюдов — 193, лошадей, ишаков и мулов — 62.

Уничтожено на поле боя:

ПЗРК «Хуньин-5» («Стрела-2м» китайского производства), реактивных снарядов (РС) — 470, РС 9м22м (увеличенной дальности) — 60, выстрелов к безоткатным орудиям (БО) — 570, выстрелов к РПГ-7 - 950, 82-мм мин - 410, 14,5-мм патронов - 30000, 12,7-мм патронов — 61400, 7,62-мм патронов — 230000, мин «Клэймор», производства США — 90, противопехотных мин ПМН китайского производства — 170, ручных гранат (т. н. «ртутных») английского производства — 90, взрывчатых веществ (ВВ) — 340 кг, медикаментов — 700 кг.

Захвачено:

ПЗРК «Хуньин-5» - 16, пусковых установок (ПУ) РС - 4, ПУРС увеличенной дальности - 1, РС 9м22м - 24, БО — 7, 82-мм минометов - 1.3ГУ - 1, ДШК - 1, СГМ - 1, АК - 2, миноискатель - 1, медикаментов — 700 кг.

Трофей особой важности — шифровальная машина, производства США - 1.

Как позже выяснила агентура, численность отряда мятежников, у которого был отбит караван, составляла 90—95 человек. Отряд был не из местных. Они вели караван из Пакистана. Этим и объясняется, почему на поле боя осталось только 14 трупов. Проводка задержалась из-за того, что не сошлись в цене с командирами местных бандформирований за проводку каравана. Его планировалось разделить на три части и проводить через подконтрольную территорию разными маршрутами. В проводке планировалось задействовать двести тридцать боевиков.

Урожайный май

В ту же ночь с 12 на 13 мая 1987 года РГСПН №411 под командованием лейтенанта Полозова из состава первой роты захватила в засаде еще один караван.

Уничтожено: вьючных животных — 22.

Захвачено:

Оружие: БО - 1, 82-мм миномет - 1, РПД - 2, СО - 2.

Боеприпасы: выстрелов к РПГ — 524, выстрелов к БО — 123, 82-мм мины — 537, патроны к СО — 110000; РГ — 25, мины «Клэй- мор» — 3, мины-сюрпризы — 3, ВВ — 106 кг.

Средства взрывания: подрывных машинок — 4, взрыватели: к минам-сюрпризам — 11, химические — 56.

Первая половина мая в тот год выдалась на редкость удачная.

Девятого группа лейтенанта И.Буга при поддержке БГ №415, которой командовал Владимир Воробьев, уничтожила в засаде 30 вьючных животных и семь мятежников.

Захвачено:

ДШК - 1, БО - 2, миномет - 1, СГМ - 1, ПЗРК - 3, СО - 2.

Выстрелов: к БО - 39, к РПГ - 11.

Патронов: 14.5-мм - 120, 7,62-мм к СО - 27360.

Одиннадцатого лейтенант Тесля со своей группой на облете уничтожил: вьючных животных — 26.

Захвачено:

пленный - 1, БО - 2, выстрелов к БО - 113, 82-мм мин - 47, выстрелов ПГ-2 (для РПГ-2) - 80, ВВ - 88 кг, взрывателей: к минам-сюрпризам — 47, химических — 74.

Е. Барышев. Ошибки, на которых стоит учиться

Ниже приводится материал о разведывающем отряде под командованием Евгения Барышева. В основу его лег реальный отчет о боевых действиях отряда и воспоминания самого командира. При публикации отчета сохранен стиль документа.

Отчет по боевым действиям 420 отряда в составе разведгрупп 421, 423 с 14.8.87 по 15.8.87:

Отряд в составе двух РГСПН (командиры групп: л-т Барышев Е.С. — командир отряда, л-т Боков В.А.) получил задачу — выйти в район кишлака Мазгин, на пути движения мятежников (79; 195) установить управляемое минное поле с целью подрыва мятежников, захвата раненых или убитых.

Задачу командирам групп ставил и.о. командира батальона капитан Воробьев В.Ф. 14.08.87 в 9.00.

Евгений Барышев: В тот период в нашей зоне ответственности возникла ситуация, когда необходимо было захватить одного или нескольких духов, для того, чтобы обменять его на пленного солдата. На постановке задачи было сказано: «Достаточно привезти трупы». После этих слов у меня возникло нехорошее предчувствие.

Отчет (продолжение): В 17.00 14.8.87 бронегруппа выдвинулась в район поста 56дшбр г. Шнегар с целью выброски там отряда. В 20.30 отряд начал движение с поста к назначенному месту.

Е.Барышев: Движение было долгим и мучительным. Все подступы к горе Шнегар были заминированы. Можно было запросто подорваться на своих же минах. Только одна колея была свободна для движения. Ночь была очень темная. На небе ни звезд, ни луны.

Чтобы не ошибиться, я со своим вооружением, ночным биноклем на шее и тяжеленным рюкзаком за плечами встал на «четыре кости» и пополз по пыльной колее, ведущей вниз с горы. За мной точно так же, на карачках, молча ползла группа. Бойцы шли, касаясь друг друга, не заступая за колею. Неверный шаг одного мог стать последним для многих. Так проползли не менее пятисот метров. После этого медленно поднялись и также медленно пошли в район засады. Прошли еще примерно километра два, только потом сели передохнуть. Далее путь шел по равнине. Спустился некоторое время взошла луна и осветила всю местность. Еще через полтора километра стали встречаться сухие русла. По мере продвижения вперед их глубина увеличивалась. Примерно еще через полтора километра они достигли максимальной глубины (до 20 м) и ширины (до 50 м). Потом рельеф стал чередоваться: русло-вершина.

Мы понятия не имели, что навстречу нам шел духовский отряд численностью около пятидесяти человек. Как потом стало известно, они намеревались организовать нам засаду, в которую в данной местности можно было запросто угодить. Преимущество было у того, кто первым займет позицию в засаде. На удачу мы преодолели этот участок местности первыми.

Отчет (продолжение): К месту пришли в 1.30 15.8.87. Местность пересеченная. Проводник Цорандоя указал место установки минного поля.

Е.Барышев: Ночью мы подошли ко входу в ущелье Сухроб в районе кишлака Калападшах.

Однако потом мы отошли от входа в сторону развалин, где проходила тропа. Как потом выяснилось, мы сделали это не зря. В ущелье дислоцировалась крупная банда, а выход из ущелья был пристрелян из тяжелого оружия.

Отчет (продолжение): Было установлено 4 радиоуправляемых ОЗМ и 2 ОЗМ (ОЗМ-72. — Прим С.К.) на клинкерах (имеются в виду специальные взрыватели, позволяющие устанавливать мины в неизвлекаемое положение. — Прим С.К.). Установка мин закончилась к 3.10, в дальнейшем отряд выдвинулся к наиболее выгодному месту для дневки — дувал (77; 171). Место дневки выбиралось произвольно командиром отряда. Командир отряда (выбирая место дневки. — Прим С.К.) преследовал две цели: 1). Выгодное место для занятия обороны, в случае необходимости; 2). Чтобы минеры могли вовремя подорвать минное поле. Группу подрыва (правильно — подгруппа минирования и пункт управления взрывом. — Прим С.К.) посадили в соседний дувал (78; 177). Из этого дувала хорошо просматривалась тропа, где было установлено минное поле. Также хорошо обеспечивалось прикрытие со стороны дувала, где находился отряд.

Е.Барышев: Место действительно было самым выгодным в том районе. Мы с Боковым и предположить не могли, что оно у духов заранее пристреляно. Уж больно точно потом ложились реактивные снаряды и били «безоткатки».

Отчет (продолжение): В группу подрыва (наблюдатели за тропой) входило 4 человека: мл. с-т Коргун, ряд. Рыбин, мл. с-т Захарченко, ряд. Ткаченко.

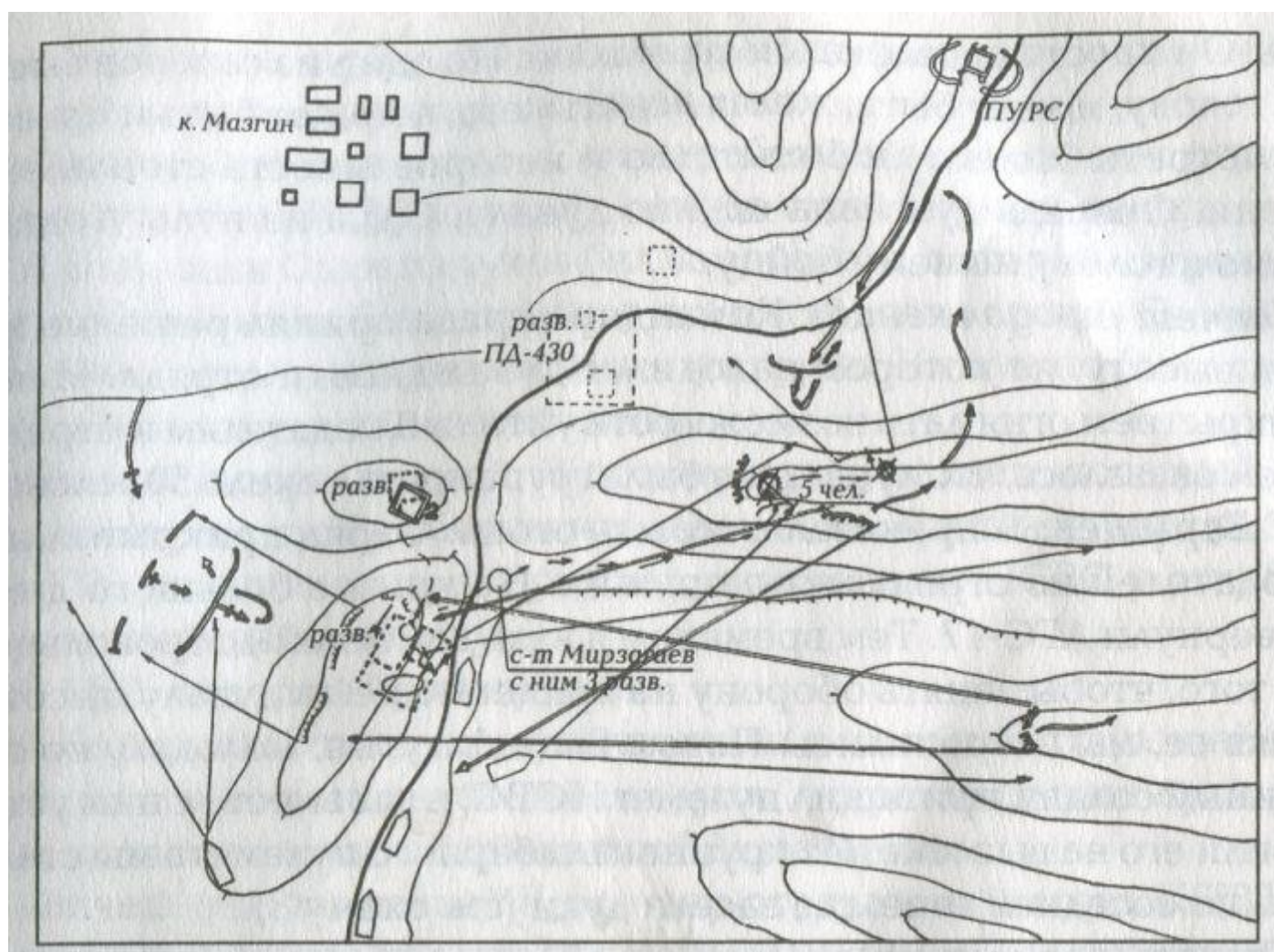

Схема 8. Бой у кишлака Мазгин

Е.Барышев: В эту подгруппу входили минеры, поскольку подрыв минного поля — их задача и еще двое, изъявивших желание им помочь.

Отчет (продолжение): В 8.45 наблюдатели доложили, что по тропе идут два афганца без оружия. Эти афганцы прошли минное поле и пошли в направлении кишлака Мазгин. Командир отряда дал команду их пропустить. Вслед за ними еще двое, только с автоматами. Это были мятежники. Больше мятежников не наблюдали.

Е.Барышев: К сожалению, духи шли не по тропе, а по краю соседнего русла.

Отчет (продолжение): Командир отряда принял решение пропустить и этих двух.

Е.Барышев: Ждали, когда они подойдут поближе.

Отчет (продолжение): Они на ходу стреляли по горкам и дувалам — вероятно, проверяли местность. Затем поднялись на горку (78; 183) и начали стрелять по дувалу, где сидели наблюдатели. Наблюдатели были обнаружены.

Е.Барышев: Духи, по всей видимости, были «обкурены» и стреляли в разные стороны. Просто баловались. Я приказал группе подрыва лежать и не высовываться. В любом случае, если бы не удалось бесшумно «завалить» духов из автомата с ПБС-1, у дозорных были приготовлены гранаты, а отряд сидел в готовности открыть огонь. Дух стрелял по дувалу, не осознавая, что там кто-то есть. Он просто развлекался стрельбой. Но один из саперов высунул голову, может быть, желая «снять» его, а может быть и просто посмотреть. Но его любопытство и нетерпеливость стоили ему жизни. Очередь душмана шла по дувалу. Одна из пуль угодила прямо в голову нашему бойцу.

Отчет (продолжение): Командир отряда принял решение занять высоту, на которой находился дувал дневки отряда. И под прикрытием огня дать возможность уйти наблюдателям к отряду. Затем оказалось, что душманов была группировка около 50 человек.

Е.Барышев: Я приказал открыть огонь. Отряд прикрывал наблюдателей из стрелкового оружия. На крыше большого дома развернули АТС-17. Тем временем я взял дембелей-добровольцев для того, чтобы занять оборону на прилегающей к дувалу высоте. Заняв ее, мы закрепились. Потом Ваня Лагутин, молодой, но отчаянный солдат, притащил пулемет НСВС, и мы вместе с ним установили его на высотке. Из крупнокалиберного пулемета мы стали 2 бить по соседней горе, где засели духи (см. схему 8).

Отчет (продолжение): Часть их обошла наблюдателей с западной стороны и вела оттуда огонь.

Е.Барышев: Отряд начали обходить и уже атаковали с трех сторон. Только южная сторона оставалась свободной. Но это направление простреливалось духами из тяжелого и стрелкового оружия. Отходить было некуда. С запада духи шли цепью, чуть ли не в полный рост. Скорее всего, были «обкурены».

Отчет (продолжение): Отряд вызвал бронегруппу по Р-159 и вызвал огонь артиллерии. В дувале остался командир группы л-т Боков и корректировал огонь артиллерии. С ним остался расчет пулемета ПК и прикрывал отряд, который располагался на горке. Начался обстрел реактивными снарядами душманов, а также мятежники открыли огонь из гранатомета со стороны горы (78; 197).

Младший сержант Коргун в 9.40 передал по станции, что один человек ранен. Реактивный снаряд мятежников попал в дувал наблюдателей. Командир отряда с мл. сержантом Горбуновым перебежками подошли к дувалу.

Е.Барышев: Мы с Горбуновым хотели вытащить из малого дувала раненых и перенести их в большой, где находилась группа.

Отчет (продолжение): Начался обстрел из стрелкового оружия. Мл.с-т Горбунов заскочил в дувал. В дувале оказалось 2 тяжелораненых. Необходима была эвакуация раненых. Командир отряда приказал Горбунову лежать в дувале и ждать группу эвакуации.

Е.Барышев: Начался такой интенсивный огонь с трех сторон, Ц4 что невозможно было укрыться у этих развалин. Поэтому я оставил Горбунова, приказав оказать помощь раненым, а самому не высовываться до прихода подкрепления.

Отчет (продолжение): Сам перебежками подошел к отряду, навел пулемет НСВС на горку, откуда стреляли мятежники.

Е.Барышев: Один из духов бил из автомата, а второй из гранатомета. Их позиция была метрах в ста пятидесяти от нас. Своим огнем они сковывали движение наших групп. Их нужно было срочно выбить оттуда или уничтожить.

Отчет (продолжение): И послал группу захвата соседней, западной горки, чтобы обеспечить эвакуацию. Группа из двух расчетов ПК успешно заняла горку под прикрытием НСВС и открыла огонь по гранатометчику. В 10.25 подошла бронегруппа.

Е.Барышев: Этих духов уничтожили и на господствующей высоте, которую раньше занимали духи, закрепился наш пулеметный расчет во главе с сержантом Мирзагаевым.

Отчет (продолжение): Командир отряда навел огонь КПВТ. И один БТР подогнал под горку с наблюдателями. Под прикрытием огня бронегруппы и пулеметов НСВС, ПК была осуществлена эвакуация раненых. Оказалось, что мл.с-та Горбунова тоже ранило из гранатомета.

В 11.10 началась эвакуация отряда.

Е.Барышев: Очень помогла броня. Лейтенант Буга сначала эвакуировал раненых, а затем очень грамотно организовал отход отряда.

Отчет (окончание): По сигналу ракеты отошли пулеметчики группы захвата горки в русло, к ручью. Затем весь отряд вышел к бронегруппе. Отряд был эвакуирован.

Командир отряда л-т Барышев

Командир группы л-т Боков

16.8.87

Е.Барышев: С начала боя до эвакуации отряда прошло около двух с половиной — трех часов. Однако казалось, что всего минут двадцать. Как будто события протекали в другом временном измерении.

Присутствовавший в штабе армии на разборе этих действий Владимир Воробьев припомнил слова генерала армии В.Вареникова: «На его (Барышева) отрицательном примере некоторым можно многому положительному поучиться!».

Асадабад. 334 ооСпН

334 ооСпН был сформирован на базе 5 обрСпН в населенном пункте Марьяна Горка (БССР).

Д.Лютый: Пятый отряд был единственный, отказавшийся от помощи инструкторов из других, более опытных подразделений спецназа. Во-вторых, сам факт размещения отряда в г. Асадабад, на мой взгляд, полная глупость. Асадабад располагался в длинном ущелье, по которому протекала река. Отряд, расположенный на островке, можно было спокойно обстреливать с близлежащих гор. Это единственный отряд, у которого не было своих вертолетов. Причина кроется в том, что духи в результате обстрела из минометов и реактивными снарядами могли легко выводить из строя вертушки. Асадабадцы обеспечить их сохранность не могли. Выйти на боевые действия скрытно очень проблематично. И самое главное, совершенно не ясно для чего отряд был там нужен. Караванных троп, которые бы органы отряда могли надежно перекрыть, там не было.

С.Козлов: Первым командиром отряда стал майор Терентьев. Под его командованием отряд вошел в ДРА в конце марта 1985 г. Местом дислокации отряда стал г. Асадабад. Одновременно он вошел в состав 15 обрСпН. В силу того, что провинция Кунар отличалась высокогорьем и тем, что практически все караванные маршруты проходили по своеобразной цепи укрепленных районов моджахедов, отряд использовал присущую только ему тактику.

Под руководством капитана Г.Быкова, возглавившего отряд в 1985 г., отряд отработал тактику штурмовых действий и внезапных налетов на укрепленные районы и отдельные их элементы. Из-за того, что избранная тактика была весьма рискованной, потери в этом отряде были наиболее высокие. Расположение отряда, так же как и отряда, расположенного в н.п. Бараки, систематически подвергалось обстрелу как минометов, так и РС.

Отряд был выведен в Союз в 1988 г. и вновь вошел в состав 5 обрСпН.

Боевая история пятого отряда началась весьма неудачно. Причем неудача была настолько громкой, что отряд еще долгое время не мог отмыться от пятна, которое легло на него в самом начале его боевой деятельности. Впоследствии, батальон выполнял весьма сложные задачи, которые были под силу не каждому из отрядов, за кем закрепилась слава успешно воюющих. Но, несмотря на это, отряд все равно считался слабым в боевом отношении. Одной из причин такого суждения было отсутствие трофеев — главного показателя результативности в Афганистане. Дело в том, что частенько отряд забирался в такие места, откуда трофеи вытащить было невозможно. Самим бы ноги унести. Поэтому склады подрывали, вынося только образцы вооружения. Другая причина крылась в больших потерях, которые нес отряд из-за такой своей деятельности. Но все же, по большому счету, именно тень самой первой неудачи висела над отрядом, омрачая его славные дела и подвиги. А случилось вот что.

А. Кистень. "Маравары"

Мараварское ущелье

Мараварское ущелье находилось в самой непосредственной близости от расположения отряда, который дислоцировался на своеобразном острове. Его образовали слияние рек Кунар и Печ-Дора, а также канал, который был прорыт для действия гидроэлектростанции, расположенной неподалеку. Само ущелье отходило перпендикулярно от реки Кунар и шло на северо-восток. Широкое в начале, ближе к Пакистану оно сужалось. Расстояние между хребтами колебалось от одного километра до восьмисот—семисот метров. Превышение гор составляло триста—четырееста метров. Равнинный участок, лежавший меж гор, был шириной метров триста. Примерно в десяти километрах от начала ущелья проходила граница с Пакистаном. Причем вблизи границы, еще в Афганистане, начиналась дорога, которая вела в Пакистан. Трагедия разыгралась в трех—четыре километрах от начала ущелья.

Опыт

Отряд тогда только прибыл из Союза и успел принять участие только в одной операции совместно с 154 отрядом. Джелалабадцы нас взяли с собой специально для обучения.

Недалеко от Джелалабада пехота должна была окружить «зеленку». Но до этого ночью в горы вышел спецназ.

Задача нашему отряду была поставлена простая. Занять и удерживать небольшую высотку. С одной стороны, мы на ней не мешали им работать и не требовали дополнительной опеки. С другой стороны, мы все же прикрывали им спину.

Приближение брони жители кишлака слышали издали. Духи спокойно встали, умылись и, может быть, даже позавтракали. После этого, также спокойно, сели в автобус и поехали к горам. Но здесь уже были мы. Завязался бой. Пехота же, по обыкновению, окружила пустой кишлак и прочесала его, ничего там не найдя. В том бою особо отличились группы Паши Бекоева и сержанта по фамилии Сержант. Духов зажали в овраге, а Бекоев и Сержант со своими бойцами обошли их и сверху забросали гранатами. В результате в овраге осталось восемнадцать «борцов за веру». У дже лалабадцев даже не было раненых.

Для нас это был очень показательный бой. Как на картинке. Он оставил ошибочное ощущение легкости войны.

Замысел

После этого майор Терентьев, видимо, решил побыстрее втянуть отряд в боевую работу. Километрах в трех от начала ущелья находился нежилой кишлачок Санган. По данным разведки, в этот кишлак духи на ночь выводили группу около десяти человек. Это был своеобразный пост на входе в ущелье.

Первоначально именно уничтожение этой группы и планировалось. Не более. Задача несложная. Самая подходящая для обучения в бою. Согласно замыслу, вторая и третья роты должны были в темное время суток выдвинуться на правый склон ущелья и занять позиции над кишлаком. Первая рота должна была идти низом. Третья группа первой роты под моим командованием должна была бесшумно войти в кишлак и уничтожить духов.

Плохой советчик

Одной из главных причин столь неверных действий было то, что в качестве консультанта командира отряда был майор В.П.Портнягин — бывший командир джелалабадского батальона. Он входил вместе с нашим отрядом. Придали его нам еще в Чирчике.

Когда мы слушали его рассказы, то создавалось впечатление, что перед нами боевой офицер, мастер своего дела. Но позже выяснилось, что некогда он был замполитом в Лагодехской бригаде. За рукоприкладство был отправлен в пехоту, на должность начальника физподготовки полка. Когда формировали 173 отряд, напросился на должность заместителя командира батальона. Позднее стал комбатом в 12 бригаде. По отзывам офицеров 154 отряда, это был абсолютно бестолковый, во всех отношениях, офицер. Специальных знаний он, практически, не имел, именно за «одаренность», проявленную при командовании отрядом, его и отстранили от занимаемой должности. Непонятно, зачем его придали нам? Может быть потому, что больше никого не было. А может быть, он и в штабе ТуркВО успел «навесить лапшу» о своих подвигах.

Именно он и советовал комбату при планировании этой операции. Именно он и сказал ему, что в Доридаме находится группа духов с американским советником. Именно он сказал, что за взятого в плен советника можно сразу получить орден. Дальше сработало честолюбие Терентьева, молодого и весьма перспективного в то время офицера, прибывшего из печорского учебного полка. Там он привык действовать строго по уставу.

Ошибки

Самая первая и, наверное, одна из главных ошибок, была сделана за день до выхода. Комбат собрал командиров групп и рот, своих заместителей, и все они вышли на рекогносцировку. Офицеры поднялись на одну из высот в начале ущелья, откуда комбат поставил задачу. Причем о скрытности речи не шло. Всю нашу «компанию» наверняка видели духи, находившиеся в ущелье. Им, воевавшим тогда уже шестой год, не составило труда догадаться, что скоро следует ждать «гостей».

Вторая серьезная ошибка заключалась в том, что связь толком организована не была. Абсолютно все подразделения должны были работать на одной частоте. Также не был выделен оперативный резерв, способный выдвинуться и оказать помощь. Даже не было организовано взаимодействие с артиллерийской

батареей, имевшейся в распоряжении комбата. А ее огонь мог оказать решающее воздействие на ход операции. Одним словом, комбат недооценил противника.

Что получилось

Отряд, примерно в 20.00, переправился на пароме через р. Кунар. Там вышла какая-то задержка, уже не помню из-за чего. Комбат занял командный пункт на той же самой высоте, где проводил рекогносцировку. Когда первая и вторая роты проходили мимо его КП, он вызвал к себе капитанов Цибрука и Макарова. После короткого совещания они вернулись к своим подразделениям. Мы Двигались вдоль правого склона ущелья по сухому руслу. Вторая рота шла справа, но, к сожалению, не помню, по равнине или по склону, я был в то время командиром группы и на постановке задачи не присутствовал, поэтому не точно знаю, что конкретно, должны были делать вторая и третья роты согласно первоначально поставленной задаче. Досмотр кишлака ничего не дал. Он оказался пуст.

Было уже часа два или три, когда Цибрук, после досмотра, сказал мне, что комбат уточнил задачу. Теперь мы должны досмотреть следующий кишлак - Доридам, который находился примерно в двух километрах от нас. По его словам, в Доридаме находилась группа моджахедов, вместе с которой действовал американский советник. Оказывается, пока я досматривал кишлак, он уже отправил вперед первую группу, которой командовал лейтенант Кузнецов и вторую, которой командовал лейтенант Котенко.

Эта идея мне сразу не понравилась, и я сказал, что такой задачи в приказе нет. Ротный, видимо, и сам понимал, что идти дальше в ущелье без прикрытия сверху рискованно. Поэтому он поставил мне задачу, организовать засаду в небольшом домике, который находился у дороги между Сангамом и Доридамом с целью — уничтожить группу духов, если они все-таки будут выдвигаться в Сангам. Командиру четвертой группы, капитану Таран, он приказал подняться на хребет и прикрыть меня сверху. Сам решил связаться с группами, ушедшими вперед. Но вторая группа на связь почему-то не вышла, а Кузнецов передал, что они заканчивают проверять второй кишлак, который, похоже, пуст. Видимо, ротный почувствовал что-то недоброе и, взяв с собой двух или трех разведчиков, отправился вперед к своим передовым группам.

Бой

Было уже около пяти утра, когда слышались первые выстрелы. Бой, завязавшийся в самом начале, нельзя назвать ожесточенным. Но постепенно стрельба становилась все интенсивнее. Из переговоров по радио стало ясно, что Кузнецова и Котенко атакуют духи. В эфире наступил полный хаос. Одновременно на этой частоте начали работать все. Иногда было слышно, как Цибрук просил комбата выслать помощь. Услышав, что наши ведут бой, я со своими разведчиками сразу перебрался на хребет и прошел дальше к Доридаму. Группа Тарана перебралась дальше по хребту, по-прежнему продолжая страховать меня сверху. Сразу от Доридама в направлении Сангам шли террасы, которые понижались к выходу из ущелья. С моего направления из-под горы выбежало четыре—пять духов, и заняли позицию за обрывом террасы.

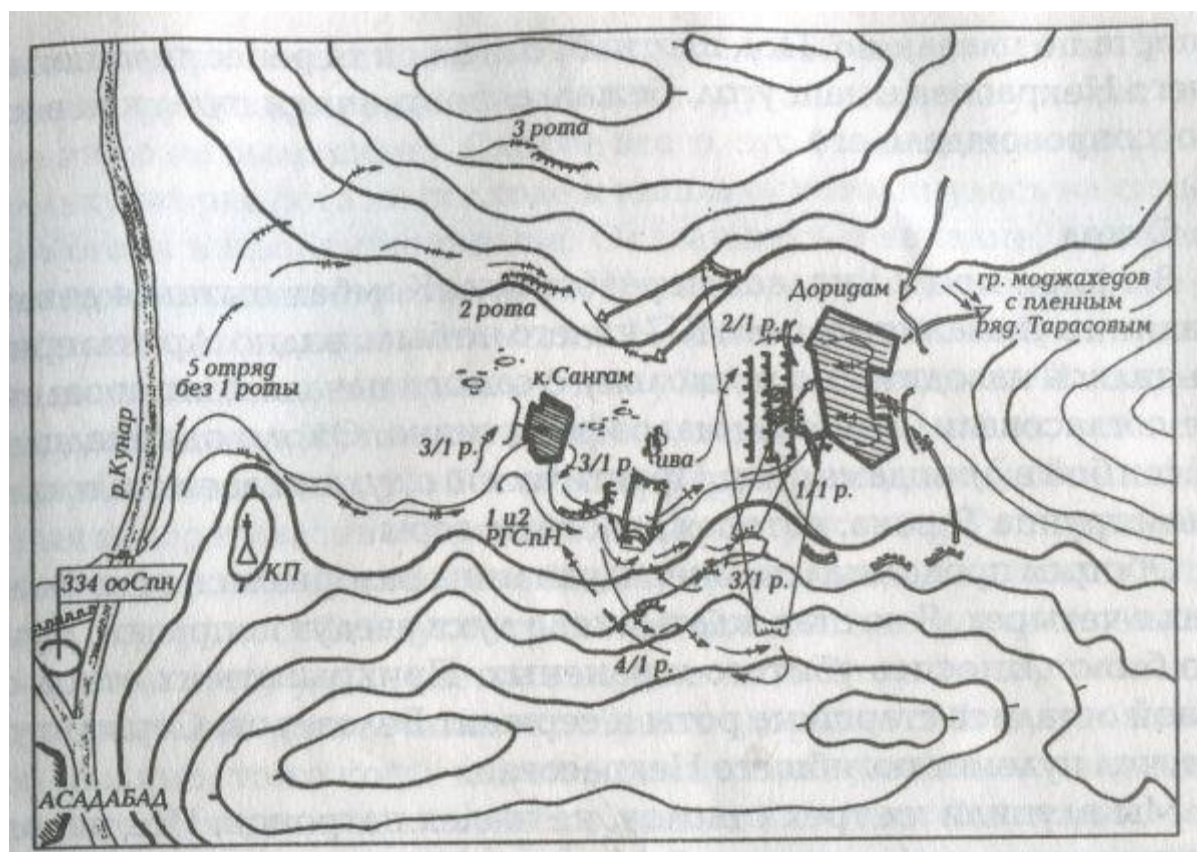

Схема 9. Бой в Мараварском ущелье

Отходившие из кишлака разведчики нарвались на их огонь. Мы тоже ударили из всего, что было. Духи были хорошо видны, и двоих удалось завалить, но остальные скрылись, снова зайдя в мертвую зону под нашим хребтом. Он, к сожалению, был совершенно лишен каких-либо складок или укрытий. Поэтому нас сразу обнаружили и стали интенсивно обстреливать. Трудно сказать, откуда велся огонь, но стреляли очень прицельно. Мы решили оставить эту позицию и отойти немного назад. Было видно, как наши выбегают из кишлака, а им в спину бьют духи. От Сангама на помощь вдоль хребта вышла вторая рота. Но дойти она явно не успевала (см. схему 9).

Наша новая позиция была не лучше предыдущей. Нас снова обнаружили и обстреляли. Буквально в нескольких сантиметрах от моей руки в склон ударила пуля. Не дожидаясь потерь, мы решили вернуться в дувал. Там все-таки были укрытия. В 100—150 метрах от нашего домика росло несколько ив. Вскоре из-под них стали бить из автоматов.

Почти сразу погиб пулеметчик группы Некрасов. Пуля попала прямо в сердце. Начался минометный обстрел. Одна из мин попала прямо в наш дом, но к счастью, осколками никого не задело. Из-под ивы продолжали бить, и довольно метко. Одному из солдат пуля попала в цевье автомата и отрекошетировала в ногу. Так же, в йогу, был ранен еще один солдат. Из подствольного гранатомета я послал туда гранату и, видимо, попал. Огонь стал слабее.

Чтобы выйти из-под минометного обстрела, я решил собрать Разведчиков вместе и подготовиться к броску. У меня в группе был Разведчик Иванов, здоровый такой парень, кандидат в мастера спорта по плаванию. Под плотным огнем он перенес тело погибшего Некрасова в наш угол. Бежал, а фонтанчики пуль, как в кино, сопровождали его.

Отход

В эфире продолжалась неразбериха. Комбат пытался давать какие-то указания, но с его КП ничего не было видно. Артиллерию пытались наводить, но поскольку с самого начала с ними задачи не согласовали, это было малоэффективно. Около одиннадцати часов бой в Доридаме стих. Практически, с духами воевали только мы и группа Тарана, которая долбила с горы.

Обстрел продолжался. Очередная мина разорвалась от нас метров в четырех. Я не стал ждать, когда духи введут поправки. Нужно было выносить убитого и раненых. Прикрывать их отход со мной остались старшина роты и сержант Белозеров. Сержанту я вручил пулемет погибшего Некрасова.

Мы влупили их трех стволов, не жалея патронов. Под нашим прикрытием группа отошла без потерь. Настала наша очередь, но нас прикрыть было некому. До ближайшего укрытия было метров двести. Мы рванули втроем. Духи, видимо, брали упреждение по цели, поэтому мы видели, как нас сопровождают фонтанчики, взбиваемые пулями. Утешало одно, что спину прикрывают три автомата — раненых и Белозерова. Быстрее, чем тогда, я никогда в жизни не бегал. Обошлось. Отдышались. Вышли в Сангам.

Скоро подъехал замполит нашей роты на БМП-2, из которой он дал несколько очередей, и пушку заклинило. Пришли вертушки, но в эфире по-прежнему царил хаос. Командир 3-й роты, находившийся выше всех, увидел, как из Доридама в направлении границы духи уводят пленного, одетого в камуфляж. По его наводке авиация накрыла отходящую группу. Позднее, когда подошел батальон из Джелалабада, тело рядового Тарасова из второй группы именно там и нашли, присыпанным камнями. Своих духи унесли.

Что случилось в Доридаме

Доридам — довольно большой кишлак, состоящий примерно из ста дувалов. В нем никто не жил, и часть строений была разрушена. Две группы, общей численностью около двадцати человек, не могли контролировать его в полной мере. Когда группы пошли обратно, часть духов, находившихся все это время на горках, вошла в кишлак и, что называется, «села им на хвост». Другая группа моджахедов обошла кишлак слева и блокировала выход разведчиков в направлении Сангама. Их-то мы и наблюдали с горы. Возможно, группы духов действовали и с другой стороны ущелья, но мне этого не было видно. Скорее всего, это было именно так, поскольку вторая рота на подходе к кишлаку натолкнулась на сильный огонь и пройти не смогла. Оказавшись в западне, не имея достаточного опыта, разведчики Кузнецова и Котенко во главе с Цибруком, отбивались, как могли. Но помощи не было, боеприпасы заканчивались, наверняка были убитые и раненные. По-видимому, лейтенант Кузнецов, пожалев своих разведчиков, остался прикрывать их отход. Но без офицера группа специального назначения превратилась в неорганизованную кучку вооруженных людей. В результате они все погибли. Кузнецов, когда кончились патроны, подорвал себя и духов гранатой. Его долго не могли опознать из-за того, что грудная клетка накрыла лицо. В одном из домов нашли несколько разведчиков, которые подорвали себя и духов миной, видимо, тоже когда кончились патроны. Довольно некрасивая ситуация с тем, как остался в живых Котенко. Он уходил, оставляя прикрывать отход разведчиков своей группы, которые все погибли. С одной стороны, он поступил верно, поскольку группа жива, пока жив командир. Это — закон спецназа. Но с моральной точки зрения этот поступок не выдерживает критики.

Кроме Котенко в живых остались рядовой Турчин и прапорщик, фамилию которого, к сожалению, забыл. Турчин спрятался в какой-то канаве и видел, как добивали его товарищей. Пользуясь темнотой, он выполз к своим на следующий день. После этого боя он попал в «психушку». За что он впоследствии получил Звезду Героя, не ясно. Прапорщик был ранен в челюсть и раненный полз почти до самого Кунара. Он остался жив и впоследствии учился в институте иностранных языков. Героя из него никто не делал.

На следующий день

На другой день прибыл 154 отряд из Джелалабада. Действия их были четкими и отработанными. Для прикрытия их работы на левый хребет ущелья, вплоть до Доридама, вышли остатки нашей, вторая и третья роты нашего отряда. Двигаясь по ущелью под нашим прикрытием и прикрытием брони, джелалабадцы почти без боя дошли до Доридама и блокировали район. Впоследствии туда прилетел на вертолете какой-то генерал. Он расположился как раз под теми злополучными ивами. Собирали убитых. Духи поживились тогда неплохо. В самом начале мы ходили на войну, как Рембо кино, увешанные оружием и боеприпасами, все это досталось противнику.

Д. Лютый. Вторая часть мараварского «балета»

Они не крестились, даже когда грянул гром

В тот день я вернулся с войны и завалился спать. Но вскоре меня поднял комбат. В то время 154-м отрядом еще командовал Дементьев. Задачу мне поставили совершенно не отчетливо. В Асадабаде кого-то куда-то то ли отвезти, то ли привезти. Дементьев сам ничего не знал, но предположил, что задача плевая и к вечеру мы должны вернуться.

Но я — человек, любящий нашу армию за неожиданности, поэтому благоразумно приказал старшине получить на роту сухие пайки. Моя рота дополучила боеприпасы и, вместе с третьей, выехала на аэродром.

В Асадабаде мы нашли какой-то МТЛБ, на который погрузились и поехали в ущелье, совершенно еще не зная, что там произошло. По дороге натолкнулись на затор. В глубоком овраге две «разутые» машины перекрыли дорогу и остальной броне 5-го отряда было ни пройти и ни проехать. Экипаж на них был совершенно неопытный, что делать — не знает и чуть не плачет. В составе моей роты оказалось двое водителей БМП. Они быстренько организовали ремонт, натянули «гуськи» и мы все тронулись дальше.

Когда на «броне» мы прибыли в ущелье, то комбата ни на его КП, ни еще где-либо, найти не удалось. Не смог я его встретить вплоть до моего отъезда обратно в Джелалабад. Информация о случившемся была самая противоречивая. По ней было абсолютно не ясно, что же на самом деле, и уж тем более, как случилось. Я был потрясен, когда узнал, что до сих пор неизвестно, сколько человек потеряли, поскольку не знали, сколько выходило на войну. Элементарная вещь — приказ по личному составу на боевые действия отдан не был.

Пока суд да дело, начало темнеть. Не помню, откуда в этом бардаке поступила информация о том, что завтра для нашего прикрытия будет привлечен батальон пехоты, охранявший расположение 5-го отряда. Они должны были идти справа по горам ущелья, а слева, также по горам, должен был двигаться 5-й отряд. Мы должны были идти по равнине. Для того чтобы иметь и прикрытие, и огневое обеспечение, мы забрали все броню асадабадцев.

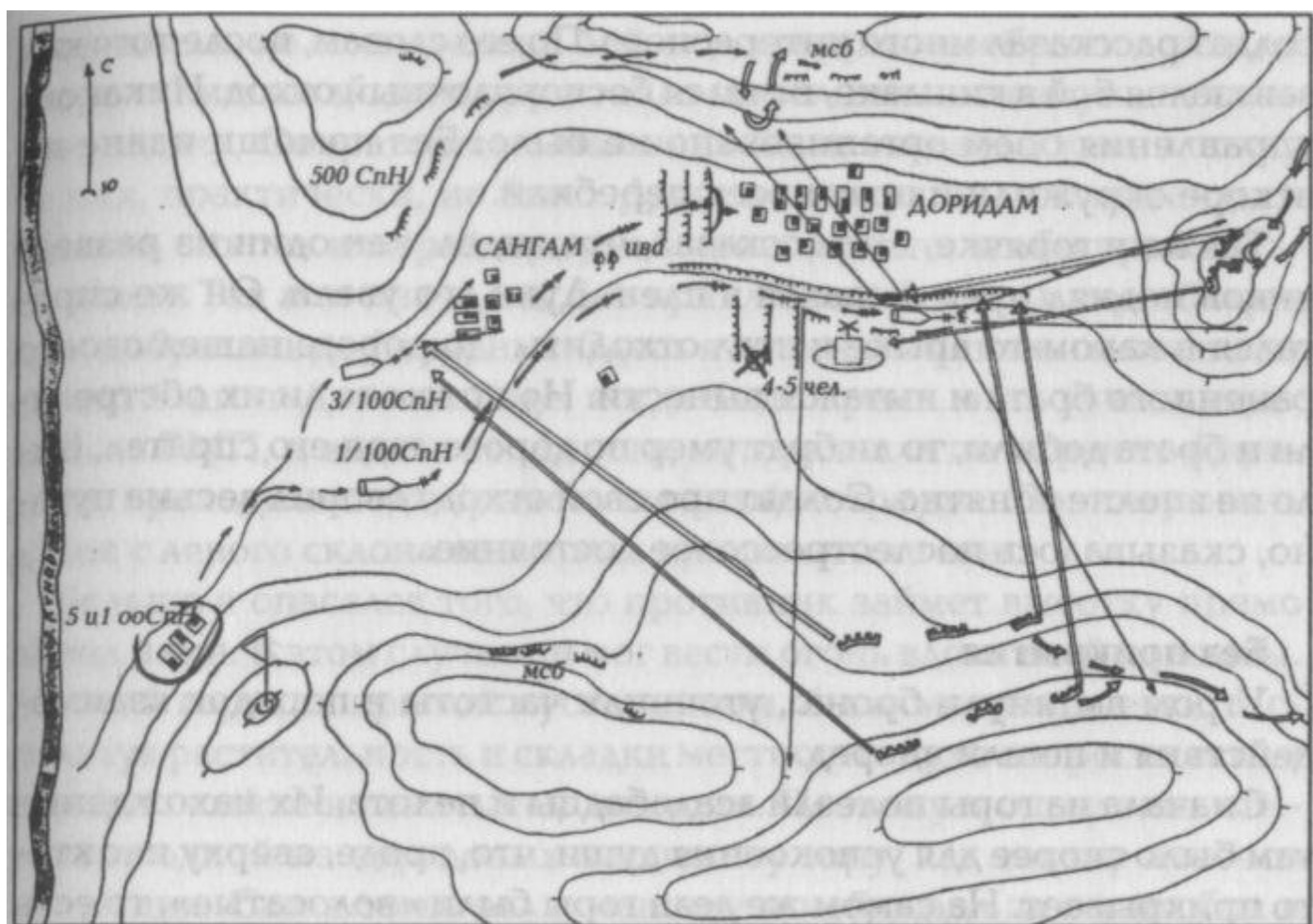

Схема 10. Маравары. Повторное посещение

Утро вечера мудренее. Мы дали команду нашим бойцам организовать круговую оборону в брошенном кишлаке, прямо на входе, и отдыхать. Что и было немедленно исполнено. Сами мы ушли решать оргвопросы и вопросы согласования по завтрашним действиям.

Когда я возвращался к своим, меня окончательно сразило, то как отдыхали асадабадцы. Весь отряд, как был, во главе с заместителем командира отряда, улегся прямо посреди поля. Никакого охранения выставлено не было. Найдя среди сонных тел замкомбата, я буквально пинками его поднял и попытался объяснить, что без охраны их вырежут как баранов. Но самое страшное было то, что и после моих слов охранение выставлено не было. Я плюнул и ушел к своим.

Погибли не все

Ночью из ущелья выполз весь израненный прапорщик. У него даже щеки были пробиты насквозь. Пуля выбила часть зубов, и он толком говорить не мог. В руке у него был АПС, который не могли забрать. Пальцы подсознательно настолько крепко вцепились в рукоятку пистолета, что их никак не могли разжать. Той же ночью вышел разведчик Турчин. Он пришел без оружия с зажатой в руке гранатой, у которой не было кольца. Гранату тоже долго не могли забрать. От прапорщика ничего толком узнать не удалось, зато солдат рассказал много интересного. По его словам, после того как завязался бой в кишлаке, начался беспорядочный отход. Никакого управления боем организовано не было. Без помощи извне их вскоре окружили и почти всех перебили.

Также в горячке, он рассказал, что видел, как один из разведчиков поднял руки и сдался в плен. Духи его увели. Он же спрятался в каком-то арыке и стал отходить. По дороге нашел своего раненного брата и пытался вынести. Но потом то ли их обстреляли и брата добились, то ли брат умер по дороге, и он его спрятал, было не вполне понятно. Солдат про свой отход говорил весьма путано, сказывалось послестрессовое состояние.

Без прикрытия

Утром вытянули броню, уточнили частоты и порядок взаимодействия и пошли вперед.

Сначала на горы полезли асадабадцы и пехота. Их нахождение там было скорее для успокоения души, что, вроде, сверху нас кто-то прикрывает. На самом же деле горы были «волосатые», то есть лесистые и, находясь на вершине, было сложно контролировать то, что происходит хотя бы на середине склона. Теоретически, духи могли нас долбить оттуда запросто. Моя рота шла справа по ущелью, а третья — слева (см. схему 2). Межгорное пространство составляло метров триста. Развернули оружие нашей брони влево и вправо. Мы контролировали склон над 3-й ротой, а они над нами. Так было удобнее. Дошли до первого кишлака без приключений, но, как выяснилось, и асадабадцы, и пехота по дороге к указанным позициям выдохлись. В сущности, они опять заняли те позиции на горах, которые занимали вчера. Для того чтобы дойти до Доридама, нам пришлось двигаться без прикрытия сверху. Все повторялось, с той лишь разницей, что теперь мы шли под прикрытием брони, и нас было не две необстрелянные группы, а две боевые роты.

Духи прекрасно понимали, что тела погибших так не оставят и за ними обязательно придут. Поэтому они подготовились к встрече. Столкновений с советскими войсками они до этого не имели и логически прикинули, что неплохо сделать дубль № 2. Тем более, форма у нас одинаковая с асадабадцами, значит, и действовать можно по аналогии. Поэтому, когда третья рота досмотрела первый кишлак и стала выходить, по ней ударили с правого склона. Видимо, предыдущий бой духов расслабил, и они поторопились. Им бы следовало запустить нас дальше в ущелье и только потом ударить во фланг.

Поскольку били только из стрелкового оружия, мы решили, не ввязываясь в бой, под прикрытием брони дойти до второго кишлака, где и предстояло выполнить основную, печальную задачу. Операторы на машинах были асадабадские, и толку от них, практически, не было. Даже несмотря на мои команды и матюги, они так и не развернули башни для того, чтобы прикрыться огнем. Так или иначе, мы без приключений, хотя и под обстрелом, добрались до Доридама. Здесь я поменял экипажи и поставил своих, благо в Джелалабаде, когда было время, я их учил и стрелять из БМП, и водить ее. Дорога, которая шла по окраине Доридама, проходила под обрывом, высотой метра два. Поэтому огонь духов с левого склона нам вреда причинить не мог.

Больше я опасался того, что противник займет высотку прямо перед нами. В этом случае он мог вести огонь вдоль всей колонны. До этой горы, покрытой кустарником, было метров двести. Используя растительность и складки местности, духи запросто могли скрытно выйти и занять там позиции. Поэтому я определил оператору одной из передовых машин эту гору, как сектор особого внимания. Сам я тоже сел в машину и наблюдал за полем боя в прицел.

Под нашим прикрытием третья рота начала досматривать кишлак. Слева духи пытались приблизиться и войти в кишлак, но огнем БМП мы своевременно пресекли эти попытки. У меня была очень удобная выщербина в склоне обрыва, прикрывавшего нас. Ствол пушки там располагался так, что можно было вести огонь. Воспользовавшись этим, я выстрелом из орудия снял одного наиболее наглого духа. С той стороны больше нам не досаждали.

Но случилось то, чего я опасался. Духи заняли позиции на горке перед нами, а потом притащили пулемет. Мы открыли люки десанта машин и подогнали вплотную машину к машине. Наши бойцы снизу заползли в десант.

Занимаясь укрытием личного состава, я сам оказался между склоном и бортом машины. Тут меня и «прищучил» пулеметчик. Встать и залезть в башню под таким плотным огнем было равносильно самоубийству. Сделав несколько перекатов от гусениц к склону и обратно, я понял, что это весьма скоро кончится для меня весьма плачевно. Пулеметчик бил все точнее. Решив, что все равно погибать, я вскочил на борт машины и забрался в люк башни. При этом, до сих пор я пребываю в уверенности, что ни руками, ни ногами я не касался брони — будто прямо с земли я нырнул в люк башни. Причем, как только я туда свалился, по люку застучала пулеметная очередь. Духу, судя по всему, очень не хотелось меня выпускать. По-своему, он был прав, поскольку как только я оказался у орудия, то скоординировал механику «Заводи!», а сам припал к прицелу. Механик вывел-вперед свою машину, а я открыл огонь по склону из пушки. В результате духи с этого направления огонь прекратили.

Далее мы развернули орудия машин вправо и открыли огонь по дальнему склону. Духи, осознав нашу неуязвимость, стали бить только прицельно по людям. Интенсивный огонь стрелкового оружия, который снес все навесное оборудование с машин, прекратился. Но, тем не менее, духи зорко следили за нами и огнем фиксировали каждое наше движение.

Было уже около трех дня, когда послышался гул вертушек. Не выходя с нами на связь, не запрашивая обстановку в районе площадки, на высоте метров тридцать, со стороны начала ущелья, на посадку зашли три вертолета.

Я немедленно дал команду прекратить огонь, чтобы их не зацепить. Что и было, в конце концов, выполнено. Но почему духи прекратили огонь, для меня до сих пор загадка. Неподалеку от нас «восьмерки» плюхнулись на землю, и из открывшейся двери первым, как будто на параде, вышел... заместитель начальника штаба армии генерал-майор А.А.Лучинский со всеми генеральскими «прибамбасами» и в штанах с красными лампасами. Обойдя неспешным шагом вертолет, он, также не торопясь, направился к нам. Из вертолетов за ним посыпались бойцы десантно-штурмового батальона 66-й мотострелковой бригады, прибывшие к нам на подмогу.

Вертухи стали отваливать, и я, на всякий случай, приказал открыть огонь по склону, чтобы прикрыть их взлет. Тут и духи очнулись. Вот когда испарилась генеральская важность! Вспомнив курс молодого бойца, он ужом заполз под БМП. Десантура тоже спешно прикрылась нашей броней. Поняв бесперспективность дальнейшего сопротивления, и, я думаю, сообразив, что раз пришли «восьмерки», то наверняка, где-то рядом и «двадцатьчетверки», духи свернули свою войну и отошли.

Поиски

Лучинский собрал нас на совещание и объявил главную задачу: найти абсолютно всех. Распределились и начали искать погибших.

Я со своей ротой по-прежнему занимался обеспечением безопасности поиска. Хотя искали, по возможности, все. Первыми обнаружили на террасах четверых или пятерых расстрелянных бойцов. Видимо, духи собрали раненых и, чтобы с ними не таскаться, расстреляли. В кишлаке нашли еще кого-то. Начало темнеть и поиск отложили до завтра. Расположились в дувалах на ночлег. Я похвалил себя за прозорливость, поскольку сухпайки пришлось очень кстати. Вода была недалеко. Источник вкуснейшей воды бил на том склоне, откуда по нам работал пулемет.

На следующий день поиски продолжились. Я отправил Олега Мартынова с бойцами на те склоны справа, откуда до последнего момента стреляли духи. Там никого не обнаружили, но нашли автомат кого-то из асадабадцев. Оружия духи тогда набрали много, но, видимо, под огнем один потеряли. Поиски продолжались до вечера. Хуже всего было то, что так и не ясно было, сколько трупов нужно найти. В конце концов, вечером вроде бы разобрались, что не хватает одного солдата. Но, перерыв кишлак и его окрестности, мы ничего найти не смогли. Уже дело дошло до того, что стали собирать по частям, думая, что, может быть, человек подорвался.

На вторые сутки все-таки удалось подтянуть и пехоту, и асадабадцев до рубежей, где они должны были находиться, изначально обеспечивая нашу работу. Мы остались еще на одну ночь, поскольку тело солдата так и не было найдено. В эту ночь на горе произошли какие-то разборки пехоты между собой. У страха глаза велики и, не разобравшись в темноте, они открыли огонь друг по другу. В результате один убит и несколько ранено.

Последний труп

Поутру мы продолжили поиски. Памятуя о том, что рассказал Турчин про бойца, который сдался в плен, я предложил искать в том направлении, куда якобы увели пленного. Для этого сам отправился за гору на БМП. Там была глубокая промоина, и машина дальше пройти не могла.

Спешившись, я стал искать. Мои предположения подтвердила недавняя информация от летчиков о том, что они уничтожили группу моджахедов, двигавшихся в сторону Пакистана. Среди них был человек в КЗС (костюм защитный сетчатый). При этом они указали и место, где примерно это могло быть. После продолжительных поисков я в одной из промоин нашел тело солдата, заложенное камнями. Достал щуп и стал аккуратно проверять, не заминировали ли духи подходы. Но им, видимо, было не до этого. Потом, отведя бойцов в сторону, долго проверял, не поставили ли духи какую-нибудь пакость на разгрузку. Камни, по возможности, стаскивал сначала кошкой. Труп уже здорово вонял.

Информация о том, что я нашел последнего, уже ушла к Лучинскому, и он вскоре появился в окружении уже ставших прибывать «зрителей». Я крикнул, чтобы не подходили, поскольку могут быть мины. Толпа отошла, а я продолжил работу. Когда с груди я стал снимать последний большущий камень, вдруг послышалось шипение. Я похолодел, решив, что это начал работать пиротехнический замедлитель. Но когда положил камень на место, шипение прекратилось. Странно. Приподнял опять, снова шипение. Только тут я понял, что это газы, уже раздувшие тело, более свободно стали выходить через освободившиеся пробоины. Своротив последний камень, я сказал, чтобы забирали тело.

И вот тут Турчин, рассказывавший о том, как он выносил брата, вдруг кинулся к убитому. В нем он вдруг и признал погибшего брата, которого он выносил. Сразу возникла масса вопросов. Если он выносил брата, то как тот оказался теперь здесь? Но выяснить это не удалось, поскольку Турчина сразу забрали контрразведчики, и я его больше не видел.

После того как последний погибший был обнаружен, нам дали команду сворачиваться, и вскоре мы улетели в Джелалабад.

Как рассказывали офицеры асадабадского батальона, Котенко так и не оправился после того боя. Видимо, в моральном плане он был сломлен. Поэтому в последующем он неоднократно «подставлял» своих товарищей, по непонятным причинам не оказываясь в нужном месте. Офицеры отказывались с ним работать, и впоследствии он был переведен на ЦБУ.

Командир отряда пытался всю вину свалить на погибшего Цибрука. Поскольку он, якобы самовольно, отправил людей в Доридам. На общей постановке задачи речи о его досмотре не шло. О том, что задачу на дальнейшие действия поставил именно Терентьев, теперь знал только командир второй роты Макаров. Если бы он промолчал, то все шишки бы достались и покойным, и живым офицерам первой роты. Такие разговоры уже шли. Но Макаров молчать не стал. Комбата сразу отстранили от исполнения обязанностей, а потом сняли с должности и направили... в штаб армии, руководить действиями спецназа в Афганистане.

На должность командира Асадабадского отряда был назначен капитан Г.Быков, бывший до этого начальником штаба 154 отряда. Будучи человеком волевым и неординарным, он сумел из почти деморализованного поражением отряда сделать настоящую боевую единицу. «Асадабадские егеря», как называли их местные, не давали спокойно жить моджахедам в провинции Кунар вплоть до вывода отряда из Афганистана. За это Григорий Быков получил прозвище «Гриша Кунарский».

С. Козлов. Резюме

Ильич склонился над столом. Плечи его вздрагивали. Вдобавок ко всему, из груди его вырывались какие-то надрывные звуки. Никак что-то случилось, подумал я и решил проявить участие. Не каждый день врачи медроты так рыдают. Я участливо положил руку на плечо. Ильич поднял лицо, залитое слезами. Но это не были слезы печали, Ильич беззвучно хохотал до слез. Я удивленно спросил, что случилось. Ильич, не в силах вымолвить ни слова, подал мне какую-то бумажку с каракулями и каким-то бредом.

— Не понял. Говори толком.

Ильич, выпив воды, малость успокоился и рассказал следующее. Вчера в зоне охранения на mine нашего минного поля подорвался прапорщик. Ильичу, как врачу поручили провести расследование обстоятельств гибели воина-интернационалиста. Последним, кто видел прапора, был солдат из батальона охраны, стоявший на посту. Кто он был по национальности, точно не помню, но, кажется, уроженец какой-то из республик Средней Азии.

Ильич его допросил, а после приказал написать объяснительную записку на имя дознавателя капитана Седько В. И. , то есть его, Ильича. Над этим объяснением он и рыдал.

Безумное количество ошибок, как орфографических, так и синтаксических я опушу и передам только суть. Написано было примерно следующее:

«Я стояль на пост. Смотрю идет прапор. Пьяный в жопу. Я кричалъ «Стой! Туда нельзя! А то е.. нет! ». - Пошелъ на х..! — сказаль прапор. Через минуту былъ взрыв. Пиз.. ц, подумаль я». Дальше следовало число и подпись. — Нет, ты подумай, этот «мастер» русской словесности еще и мысли свои описывает. Резюме выдает! — всхлипнул от смеха Ильич и захохотал в голос.

А. Зюбин. Суруби

Операция под Суруби, наверное, является наиболее характерной для действий 5-го отряда. Характерна она и тем, что для захвата укрепленного базового района привлекались крайне малые силы, и дерзостью действий, которые частично позволили осуществить замысел. Характерна она и потерями.

Командир отряда Григорий Быков отличался суровым нравом и авантюрными наклонностями. Как рассказывали офицеры отряда каждая «война» в отряде воспринималась исполнителями воли командира не как рутинные действия, а как последний бой. К нему и готовились соответственно. Замысел операции зачастую был на грани здравого смысла. Так, наверное, нужно воевать по защите своего Отечества. Но в локальном конфликте, цели которого, по большому счету, политики и историки определить до сих пор не могут, наверное, следовало побережь людей. С другой стороны, если бы отрядом командовал менее решительный человек, трудно сказать, смог ли бы отряд оправиться после тяжелого наследия Мараварского ущелья.

«Десантура» или «Соляра»?

Операция под населенным пунктом Суруби проходила в мае 1987 года. В отряде, который насчитывал около сорока человек, были в основном старослужащие, которым на днях предстояло увольняться в запас. В Суруби на высоте стоял десантный батальон. Именно с его базы, согласно замыслу комбата, нам и предстояло работать.

Прибыли скрытно, однако от всевидящего ока малолетних разведчиков не ускользнул тот факт, что в небольшом городке появились новые люди. В городе нас сразу окружила стайка мальчишек, которые, в отличие от их сверстников, проживающих в других местах Афганистана, не предлагали что-то купить, а обескуражили вопросом: «Вы кто? «Десантура» или «Соляра?»».

Пытаясь скрыть свою принадлежность к спецназу, мы поспешно сказали, что «Соляра». Но проницательных афганских пацанов было не так просто надурить. Недоверчиво покачивая головой, они отошли в сторонку для совещания и через пару минут один из них безапелляционно выдал: «Вы — не «Соляра». Вы — «Асадабад егерь». Такая осведомленность местных жителей заставляла усилить маскировку предстоящих действий.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Информатор

План этот Григорий вынашивал давно. Здесь несколько лет назад две армейские операции потерпели фиаско. Поэтому десантники, которые несли службу в этом удаленном гарнизоне, были крайне изумлены, когда увидели нас, к вечеру собравшимися на войну. Спустя час мы покинули расположение батальона, растворившись в темноте. В эту ночь Быков решил реализовать агентурные разведданные. Незадолго до операции в отряд пришел здоровенный пуштун и стал «сдавать» очень интересную информацию. К сотрудничеству с «шурави» его подтолкнула личная обида. Духи недобросовестно расплатились с ним за какое-то дело и, в результате, нажили себе серьезного врага. С источником договорились, что в случае подтверждения его информации он получит один автомат Калашникова и десять тысяч афгани. За это он обещал отвести разведчиков прямо к месту дислокации отряда. По его данным, которые перекликались с данными других источников, там находился довольно большой отряд хорошо вооруженных моджахедов. О том, что отряд имел не рядовое вооружение, говорит тот факт, что у духов имелось две двенадцатиствольных пусковых установки реактивных снарядов китайского производства.

Там, где пехота не пройдет...

Еще до того, как обмануть моджахедов, нужно было обмануть «Цорандой», занимавший позиции на внешнем кольце обороны. В их распоряжении имелись прожекторы, которые периодически освещали прилегающую местность. Пуштун обещал вывести нас мимо постов Цорандоя так, как это делали духи. И, надо сказать, не обманул. Пока не стемнело отряд обозначил движение в сторону, противоположную от настоящего направления движения, а с наступлением темноты сделал резкий разворот. В ходе марша нам и, неоднократно приходилось падать в арыки, ныряя с головой, когда луч прожектора шарил в поисках нарушителей. Но вышли из зоны охранения беспрепятственно.

За это время многие уже стерли ноги, идя по воде. Но это никого не остановило. Впереди был маршрут длиной в двадцать пять километров. Слава Богу, местность, по Асадабадским понятиям, была почти ровной. Это позволяло сделать рывок. Несмотря на свою худобу, наши парни на марше не «умирали». Духа поручили вести мне. Всю дорогу он вел себя спокойно, и уверенно показывал дорогу. Но когда до хребта, о котором шла речь, оставалось совсем немного, информатор начал что-то бубнить себе под нос. Со мной шел переводчик-таджик, но я и сам, вырос в Средней Азии, неплохо понимаю по-таджикски. Беда в том, что информатор был пуштун. Однако на привале, с грехом пополам, поняли, что он переживает из-за того, что идет впереди. В случае чего, его, как первого в колонне, и застрелят, и прощай обещанный Калашников и десять тысяч «афашек». Мне удалось уговорить его довести нас только до хребта, а дальше он пойдет третьим или четвертым. Пуштун успокоился и бубнить перестал. Разделились.

Я с двумя группами двинулся на хребет. Одна группа осталась внизу для обеспечения. Еще две группы ушли правее. Шли очень тихо, стараясь не шуметь. Проводник вывел к хребту и обвел вокруг, так чтобы мы скрытно могли приблизиться к позициям духов. Когда почти достигли вершины, проводник что-то жарко зашептал и стал показывать пальцем. Но, видимо, усталость дала знать, да и понять было трудно то, что говорил пуштун. Я не понял и не разглядел то, что показывал информатор. В направлении, куда пуштун указывал пальцем, дальше в трехстах метрах горел огонек. Его я и принял за объект. Проводник же показывал позицию ДШК, до которой оставалось всего метров пятьдесят. Уже начало светать и мы не успевали скрытно подойти к тому месту, где горел огонек.

Я решил для дневки использовать развалины, встретившиеся при подъеме. Но вместо того, чтобы завалиться спать, выставив охранение, я заставил бойцов на всякий случай заложить камнями оконные и дверные проемы. В стенах почти метровой толщины проковыряли бойницы. Как потом оказалось, не зря.

А поутру они проснулись...

Внизу уже началось движение. Духи, проснувшись, отправились по своим делам. Быкову только это и было нужно. Как только они обозначили себя, Григорий вызвал вертушки, навел их. Муравейник зашевелился. Еще на рассвете, наблюдая за хребтом, я увидел силуэт, напоминавший зачехленный ДШК. Получалось, что группа сидит прямо под его позицией в ста метрах. Но полной уверенности не было. Все прояснилось, когда на хребте стали появляться моджахеды. Сначала вышел один. Потянулся, отлил. И также непринужденно сдернул чехол с пулемета. Самые мрачные предположения оправдались. Вскоре рядом с ним появилось еще несколько духов. Судя по жестике, они бурно обсуждали, откуда взялись вертолеты. К этому времени «двадцатьчетверки» уже сожгли пусковую установку на «Тойоте», которая куда-то ехала по своим душманским делам. Один из духов принес бинокль и стал обозревать окрестности. Я тоже смотрел в бинокль. На какое-то мгновение наши взгляды встретились. Мне захотелось закрыть глаза, чтобы минимизировать биотоки, исходящие от меня. Однако дух оказался грубым и бесчувственным и, ничего не ощутив, перевел бинокль дальше. Самое странное, что он, глядя в бинокль на развалины дома, который видел каждый день, не смог заметить то, что окна и двери заложены, а в стенах появились бойницы.

Утро перестает быть томным...

Внизу уже полным ходом шла война. Радиостанция «раскалилась добела». Быков со своим командирским голосом мог бы командовать и без нее. Во всяком случае, слышно было далеко, как он наводит авиацию. В принципе, из-за этого все и началось. Вымотавшись на марше, охранение группы закемарило. Рано утром два духа услышали, как Григорий разговаривал по радио. Видимо, не поняв, что это за звуки, решили, на свою беду, взглянуть. Войдя в дувал и увидев Григория, они все поняли и попытались бежать. Первого Гриша уложил сам из пистолета. Второго подранил кто-то из проснувшихся наблюдателей. Не выходя из дувала, духу скомандовали: «Инжибио!» (Иди сюда). Раненый оказался послушным и приполз. Группу начали искать, но обнаружить не смогли. Наши соседи на хребте засуетились. Откуда-то на вершине появилась толпа прекрасно экипированных моджахедов. Поражало вооружение, еще отливавшее на солнце заводской смазкой. Каждый третий был

вооружен пулеметом, а каждый пятый — РПГ-7. Мы насчитали сорок четыре человека. Как и положено, духи построились. Командир им поставил задачу и они, развернувшись, двинулись ее выполнять. Я, когда рано утром спускался с гребня в дувал, на тропе поставил мину ОЗМ-72. Духи шли именно к ней. Ничего радостного в этом не было. После подрыва они обязательно начнут искать, кто поставил мину, и наверняка обнаружат группу. До вечера было еще далеко, а продержаться в таком неудобном месте было довольно сложно. Позиция у моджахедов была более выгодной. Я напряженно следил за происходящим. Духи показались на тропе и, один за другим, перешагнув через растяжку, удалились в указанном командиром направлении.

Жадность губит не только фраеров

Часам к четырем пополудни духи вернулись. Мы пересчитали «подопечных» — все. Я уже догадался, что склад, который нам и был нужен, находится на этом гребне, поэтому уходить не собирался. Главное было дожидаться темноты и не обнаружить себя. Ближе к вечеру, когда уже начало темнеть, духи снова построились для получения новой задачи. В этот раз они пошли в сторону «зеленки», которая была у нас за спиной. И все бы ничего, но головной дозор из пяти человек вышел напрямик к позициям группы. Остальные шли в пятидесяти метрах правее. Нам ничего не оставалось, как мочить. Грянул залп, и пятеро дозорных осталось лежать под стенами дувала. Некоторые из состава основной группы тоже упали, остальные залегли. Минут сорок тишину не нарушал никто. Духи вообще никогда не «лупили в белый свет, как в копеечку», если не видели цели.

За эти сорок минут мои бойцы буквально издергались:

- Товарищ старший лейтенант, давайте стволы достанем.
- Потом.
- Товарищ старший лейтенант, ботинки у духов классные.
- Позже.

Но в конце я сдался и разрешил разведчикам выползти и забрать ствол и РПГ. Это было ошибкой. Группу сразу обнаружили и открыли огонь из всего имевшегося оружия. В стены врезались граната за гранатой. Не выдержав такого огня, они постепенно стали оседать. Я пытался отвечать из трофейного гранатомета, но он оказался не вполне исправным. Граната в стволе не фиксировалась и при стрельбе вниз выкатывалась из ствола. Но не до жиру. Приноровившись, стрелял навскидку, быстро опуская ствол, пока граната не успела вывалиться. Солнце клонилось к закату, и каждый разведчик молил в душе, чтобы оно быстрее зашло. Ночь ждали, как спасение. Но еще дотемна обвалилась одна стена.

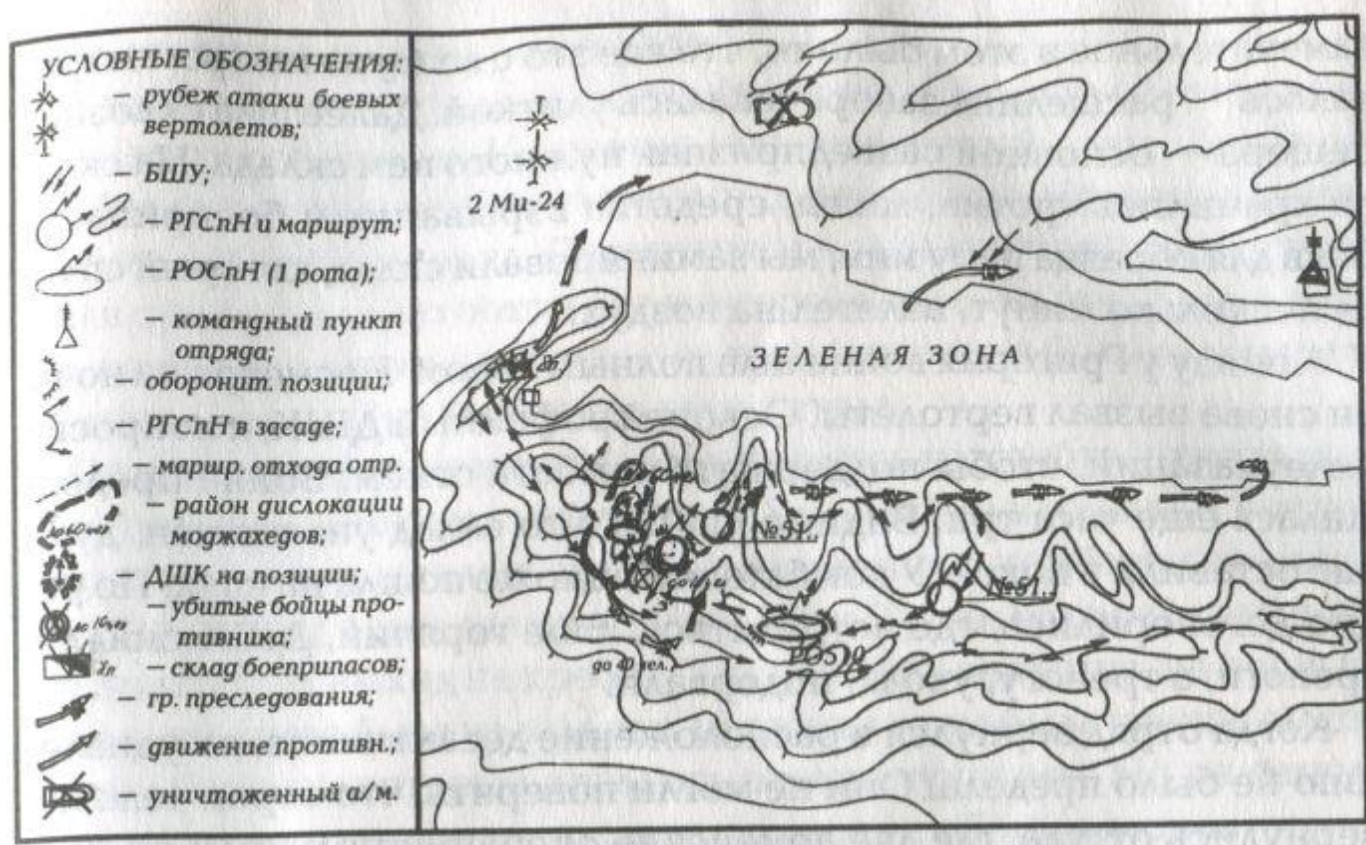

Схема 11. Действия 5-го отряда СпН в 25 км южнее Суруби
Отрыв и налет

Решили отходить (схема 1). Под прикрытием огня товарищей, парами резким броском отошли к зеленке и рванули вдоль нее. Справа шел гребень, в сторону которого уходили небольшие ущелья. Проскочив пару из них и оставив на путях своего отхода несколько мин ОЗМ-72, мы резко повернули вправо, назад и вверх. Решение оказалось верным. Оторвались. Отдышались. Через некоторое время послышался сначала один, затем второй разрыв. Сработали мины. В темноте духи открыли беспорядочный огонь, увлеклись погоней и проскочили дальше. Вышли к группе Кистеня. Ротный связался с комбатом и доложил обстановку. Григорий похвалил и приказал всем выходить на тот хребет, где находился склад. В животе ощутился противный холодок, но чтобы не деморализовывать своих подчиненных, я бодрым голосом сообщил, что теперь пришло время «надрать задницу духам».

Возражений не было, тем более что нас теперь было вдвое больше. Скрытно вышли на хребет к позиции ДШК, до которой прошлой ночью не дошли пятьдесят метров. На позиции два духа. Короткий свист и повернувшийся пулеметчик с напарником получили меж глаз по пуле из АПСБ (Пистолет Стечкина с глушителем).

Позиция оказалась оборудована по первому классу. Вырубленная в скале, она была усилена бетоном. В принципе, даже точечное попадание для расчета было не страшным. Далее уходила тропинка, которая и вела на склад. Группа с Кистенем во главе осталась наверху обеспечивать работу подгруппы уничтожения. Тропа вела в расщелину, которая выходила на площадку под горой. На площадке стоял дом, рядом с ним была волейбольная площадка. Самое замечательное в этом было то, что все это с воздуха не просматривалось — расщелина заворачивалась улиткой. Далее шла сквозная пещера — основной разведпризнак нужного нам склада. На складе хранились тротил, мины, средства взрывания и боеприпасы. Взяв для образца пару мин, мы заминировали склад, который спустя несколько минут, взлетел на воздух.

А внизу у Григория война шла полным ходом. Несмотря на ночь, он снова вызвал вертолеты. Освоив трофейный ДШК, я попросил целеуказаний, чтобы поддержать комбата огнем. Война продолжалась еще часа три. Видимо, поняв, что склад уничтожен, духи нас оставили в покое. У комбата война тоже пошла на спад. По радио договорились, где встретиться. Еще горячий, ДШК сняли с треноги, а треногу, уходя, подорвали. Когда отряд вернулся в расположение десантников, их удивлению не было предела. Они не могли поверить, что сорок человек вернулись оттуда, где две армейские операции получили по полной программе. В отряде не было даже раненых.

ВЫХОД ВТОРОЙ, ОН ЖЕ КРАЙНИЙ

Ковпаковский рейд

День наши разведчики отсыпались, а к вечеру комбат собрал офицеров для постановки очередной задачи. Выход этот в последующем назвали «Ковпаковским рейдом». Григорий давно планировал его. Суть сводилась к тому, что отряд должен был последовательно выполнить три задачи в глубине базового района моджахедов. Задачу он ставил по аэрофотоснимкам. Услышав очередную «задумку» комбата, мы затосковали. Если раньше, как и в предыдущей операции, выход обязательно заканчивался возвращением на базу, то в этот раз отряд должен был влезать в «задницу» все дальше и дальше. Все бы ничего, но как выбираться после того, как это «осиное гнездо» будет растревожено? Как уже было сказано выше, каждый выход, спланированный Быковым, воспринимался нами как последний. Сжигались письма, надевалось чистое белье. Это на случай, если повезут в госпиталь или в морг, чтобы не смущать персонал рваной майкой или трусами. Поэтому, услышав задачу на рейд, многие решили, что это и есть та, последняя война. Согласно замыслу, первый объект располагался ровно в десяти километрах от Суруби. В кишлаке, по данным агентуры, находился склад боеприпасов. Наши действия могли поддерживать три гаубицы Д-30, которые отряд притащил с собой. Командовал ими очень грамотный лейтенант.

Диспозиция и захват пленных

Десять километров для нас, привыкших к дальним переходам, были не расстоянием. Их преодолели довольно быстро. Двойной хребет сходил в один и нависал над кишлаком. Недалеко от него была небольшая горка. Первоначально я хотел укрыться с группой в сухом русле, но потом все же перебрались на нее. Дело в том, что перед рассветом пастухи — главная головная боль спецназа в Афгане — погнали мимо этого русла стада.

Подгруппы обеспечения расположились на хребте, прикрывая мою группу. Непосредственно надо мной сидела группа А.Кистеня, дальше располагалась группа управления с комбатом во главе и А. Пылявцом, а еще дальше сидел Игорь Тупик со своей группой. Он прикрывал выход на хребет. У комбата на вершине, на первый взгляд, позиция была идеальная. Вершина горы была усеяна высокими камнями, которые казались неприступными. Но на самом деле позиция прекрасно простреливалась с обоих склонов. Группа захвата, во главе с начальником разведки отряда Олегом Якутой, пошла к следующему кишлачку. Здесь им крупно повезло. Войдя в кишлак, они застали врасплох группу вооруженных моджахедов из шести человек. Как потом оказалось, это были весьма важные «птицы». Один из них являлся лидером Исламской партии Афганистана в данной провинции.

Налет

Однако все прошло тихо, и Якута со своими людьми спокойно вернулся к основным силам отряда. В кишлаке под горой проснулись жители. На улице показались на удивление холеные духи. В это время на горе, где располагалась группа А.Кистеня, кто-то нарушил правила маскировки.

Сейчас трудно сказать, что именно увидели духи, но я заметил, с каким интересом они рассматривали позиции ротного. Я передал по радио, чтобы там никто не шевелился, но было поздно. Один из моджахедов, разглядывая гору в оптический прицел винтовки, заметил разведчиков. Это было видно по тому, как забежали моджахеды с явным намерением атаковать позиции Кистеня. Допустить этого я не мог, и группа дала залп по духам, которые находились прямо у нас под горой (см. схему). Духи попытались теперь атаковать наши позиции, но здесь им не повезло. Несколько человек мы завалили. Часть из них пыталась подняться на вершину, используя мертвые зоны. Но здесь помог Саня Кистень. С его позиций было прекрасно видно, где духи пытаются наступать. Он и подсказал, куда со склона бросать гранаты.

На террасе появился гранатометчик, но выстрелить не успел. Я выстрелил раньше и попал ему в живот. Дух, бросив сумку с гранатами, отполз в кукурузу. И здесь произошел случай, который иначе как подарок судьбы, не назовешь. Командир отделения моей группы решил его добить и пошел в кукурузу. Несмотря на мое предупреждение, он неосторожно поднялся на террасу. Грянул выстрел РПГ-7. Дух стрелял прямо сквозь заросли «царицы полей». Граната прошла четко между ног у сержанта. Ноги, конечно, осушило реактивной струей, но жив остался. Этого нельзя сказать о гранатометчике, которого добила из автоматов.

После короткого боя группа захватила склад с оружием и боеприпасами. Учет оружия у моджахедов был поставлен хорошо. В обнаруженной книге выдачи значилось — что, кому, когда и в каком количестве выдавалось со склада. На складе, в основном, лежали выстрелы к РПГ, безоткатным орудиям и мины. Взяв

образцы, мы подорвали склад и вышли на позиции, где сидела группа Кистеня. Уходя, я спрятал в одном из дувалов несколько ишаков и лошадей. Это впоследствии здорово пригодилось. Отряд ждал темноты, для того чтобы совершить переход к очередному объекту рейда. Но обстоятельства сложились так, что выполнить это не удалось. Рейды в Афгане не прижились.

Атака

Духи, озабоченные внезапным нападением и вновь наступившей тишиной, начали поиск обидчиков. Обойдя бугор, где сидела моя группа, и не найдя там никого, они двинулись дальше. Вскоре духи убедились, что почти весь хребет занят. Для атаки они выбрали наиболее удобное направление, где два хребта сходились в один.

Ближе к полудню на той стороне, где находилась группа Тупика начали постреливать. Нельзя сказать, что там шел ожесточенный бой, но, тем не менее, скоро поступило сообщение, что в группе имеется раненый. Спустя некоторое время еще один. Огонь усиливался, и вскоре на этом направлении сложилась весьма сложная обстановка. Еще до наступления темноты погиб Тупик. Командование группы взял на себя сержант.

Стали заканчиваться боеприпасы. В отряде собрали патроны и потихоньку доставляли сражающимся на узком гребне разведчикам. Количество убитых и раненых росло.

Схема 12. Действия 5-го отряда СпН в 10 км. севернее Суруби

На усиление

Для того, чтобы поднять боевой дух, усилить группу, и чтобы на этом важном направлении командовал офицер, комбат решил направить туда мою группу. Резким броском мы проскочили до позиций группы, ведущей бой. По дороге одного из моих разведчиков подранили, но не сильно. Картина, которая предстала нашим глазам, была весьма плачевной. Находясь весь день под прицельным и довольно интенсивным огнем, разведчики психологически устали. Наступила апатия. Перебегая на позицию, я упал возле молодого лейтенанта и наблюдал такую картину. Лейтенант попросил у сержанта, лежащего недалеко, пачку галет. Когда сержант протянул ее, в нее попала пуля. Галеты разлетелись, а сержант спокойно достал и протянул другую пачку. При этом ни один мускул не дрогнул на лице ни у того, ни у другого. Мы двинулись дальше и

вышли к небольшому пятачку — форпосту группы Тупика. Эта позиция вся простреливалась. Я и еще один солдат переползли прямо на позицию. Остальные остались сзади. Всем там было не уместиться. На площадке, уже почти не реагируя на происходящее, лежали раненые. Рядом лежали убитые.

— Товарищ лейтенант, — позвал один из раненых. — Ложитесь, здесь стреляют.

И вправду, рядом в камень ударила пуля. Мы легли прямо на тела, больше места не было. Мы прибыли вовремя. Духи были уже совсем близко. Отчетливо были слышны их голоса в темноте. Распределив задачи, мы по очереди с бойцом начали отстреливаться. Короткую очередь дает один, и сразу в это место слетается куча пуль с той стороны. В дело вступает другой, отвлекая огонь противника на себя. И так далее.

Война на пятачке

Напор, с которым наступали моджахеды, был довольно странен. Например, если на гребень бежала пара, второй не залегал и не искал укрытия, когда убивали первого. Интенсивность огня была очень высокой. Дав короткую очередь, я присел в ожидании огня напарника, но тот молчал.

— Ты что? — спросил я.

— Товарищ лейтенант, у меня пулей мушку сбило, — ответил солдат.

— Ты что, еще мушку в темноте видишь? — пошутил я. — А ну, огонь!

Тупика я все-таки нашел, правда, не с первого раза. Перебрав всех убитых, опознал его только по крупному телосложению. Пуля попала в шею. Упал он лицом вниз и, в результате, кровь залила лицо так, что трудно было разобрать черты. Вычислил я его методом исключения, припомнив, что в группе Игоря таких здоровых солдат не было. Бой не прекращался. Уже и у нас стали кончаться боеприпасы. Я выложил перед собой две гранаты и оставшуюся пару магазинов. Натиск духов сдерживал огонь артиллерии. Я наводил практически на себя. В конце концов, чтобы не попасть по своим, командир батареи стрелял сам одним орудием.

Выглядело это так. С огневых комбат передавал: «Выстрел!». Я кричал: «Ложись!». Все падали, вжимаясь в землю. Комбат стрелял ювелирно, кладя снаряды в двадцати метрах от нашей позиции. Приподнявшись, я кричал в рацию: «Туда же!». И все повторялось. Если бы не мастерство артиллеристов, батальону и вовсе бы пришлось туго. Но даже огонь артиллерии не мог остановить натиска духов.

Контузия

Выглянув в очередной раз для того, чтобы дать очередь, я заметил необычно яркую вспышку. «Это не автомат!» — мелькнуло в голове. Инстинктивно бросил тело за кусок торчащей плоской скалы. Именно в нее и ударила граната. На какое-то время потерял сознание. Придя в себя, понял, что оглох. Рядом, в свете горящей травы, катался раненый осколками солдат, беззвучно открывая рот. На гребне, как в замедленной съемке, появилось два моджахеда, держа в зубах свободный кусок чалмы. Странно, но они не стреляли. Также замедленно я достал гранату, разогнул усики, выдернул чеку и отпустил рычаг. Раздался хлопок, которого я не услышал. Отсчитав про себя пару секунд, метнул «эфку» под ноги духам. Раздался взрыв, вернувший слух.

А духи все шли и шли. Было совершенно явственное ощущение, что это — конец. Патронов почти не осталось, но ни один из участников боя не запаниковал. Все команды выполнялись четко. Сказалось то, что в отряде были преимущественно старослужащие бойцы. Потихоньку из-под огня, сдерживая натиск напавших духов, стали эвакуировать сначала раненых, а затем и убитых. Складка местности, по которой тащили своих товарищей, была темной. Лунный свет освещал кусок скалы, но все обходили его стороной. Лишь один боец, то ли, от усталости, то ли еще по какой-то необъяснимой причине, оказался на фоне этого белого экрана, и сразу в него слетелась стая трассеров. Он еще не успел упасть, а пули все летели и летели, прошивая его насквозь.

Расстрел

Ситуация становилась все тяжелее. Уже и Григорий перестал орать в радиостанцию. Поводом для этого послужило то, что радист, находившийся рядом, получил пулю в голову. Видимо, это заставило комбата реально оценить сложившуюся ситуацию. В конце концов, уже было ясно, что весь «сыр-бор» разгорелся из-за пленных. Именно поэтому духи и не отставали, именно поэтому они и не стреляли, пытаясь захватить пленных, чтобы потом иметь возможность обменять их.

Выход был один — кончать их. Специально, чтобы было видно, духов выстроили на гребне и завалили длинной очередью. Снизу послышались вопли: «Бобохаджи! Бобохаджи!». Это духи голосили по расстрелянному лидеру. На их счастье, его только ранили. Сразу же после расстрела огонь стал стихать и

потихоньку прекратился. Духи, забрав тела расстрелянных, которые свалились с гребня вниз, отошли. В это не верилось. Все прекрасно понимали, что духам оставалось чуть-чуть поднажать, и от отряда бы осталось одно воспоминание. Патронов уже почти ни у кого не было.

Потери в отряде были большие. На счастье, в состав отряда было включено два врача. Один из них менялся и пошел показать своему «заменщику», как надо действовать. Надо сказать, что прибывший из Союза врач сразу получил богатейшую практику. Если бы не они, то безвозвратных потерь было бы больше. Только погибших в отряде было двенадцать. Да еще и раненые.

При численности отряда в сорок человек, на себе их вынести было невозможно. Связались с десантниками и попросили помочь вынести убитых и раненных. Они сформировали отряд, человек сорок пять, и двинулись к отряду по горам. До нас дошло человек пятнадцать. Накачанные, как с картинки, десантники не умели ходить по горам. Оседлый образ жизни сказался на маршевой подготовке. Тут-то и пригодились припрятанные мной лошади и ишаки. На них погрузили убитых и раненых.

По дороге мы собирали отставших и растянувшихся вдоль всего маршрута «спасателей». После тяжелого боя наступила апатия. Шли, практически не высылая дозоры. После контузии меня всю дорогу рвало. С грехом пополам вышли в Суруби. Ругать комбату было некого. Все действовали четко. Просто задача с самого начала была невыполнимой.

Эпилог

Как потом выяснилось, Якута пленил лидера ИПА во время какого-то партийного собрания. Пытаясь его отбить, духи к вечеру стянули около трехсот бойцов и пошли на группу Тупика, в которой был от силы десятков разведчиков. Ночью же, когда бой достиг апогея, со стороны моджахедов участвовало до полутора тысяч человек. Всей операцией руководил полковник вооруженных сил Пакистана.

На следующий день мы покинули десантный батальон, где вскоре «за спасение отряда специального назначения» наградили всех, кого только было можно. Рассказов же о том, «как крутые десантники вытаскивали «из жопы спецназ», хватило вплоть до вывода батальона в Союз.

Лашкаргах. 370 ооСпН

370 ооСпН был сформирован в декабре 1984 года на базе 16 обрСпН в н.п. Чучково (МВО). При комплектовании отряда механиками-водителями и наводчиками-операторами использовался личный состав Таманской мед. Первым командиром отряда стал майор И.М.Крот. Отряд вошел в ДРА в ночь с 15 на 16 марта 1985 года и своим ходом прибыл в н. п. Лашкаргах. В тот же период он вошел в состав 22 обрСпН, штаб которой располагался также в н.п. Лашкаргах. Зоной ответственности отряда были пустыни Регистан и Дашти Марго. Сложность района заключалась в том, что в пустыне не было каких-то конкретных караванных маршрутов, а лишь направления, по которым и двигались караваны. Засадные действия в данной местности были малоэффективны. Однако командир отряда не горел желанием разрабатывать иную тактику, несмотря на то, что соседи из 173 отряда, работавшие до прибытия отряда и в этом районе, подсказывали, что здесь необходимо создавать мобильные группы на автомобилях и лучше всего на трофейных. Тем не менее, группы отряда почти год тупо отсидели в пустыне, пытаясь организовывать засады. На начальном этапе отряд провел несколько не очень удачных налетов. Только в середине 1986 г. новую тактику внедрили. Были организованы аэродромы подскока вблизи перевала Мазари на Пакистанской границе. Результативность разведорганов отряда резко повысилась.

Отряд вышел в Союз в августе 1988 года и вернулся в состав 16 обрСпН, где и находится в настоящее время. Принимал участие в первой чеченской кампании, а также в урегулировании межнационального конфликта в Таджикистане в 1992 году.

С. Козлов. Метаморфозы

Механизм возникновения человеческих симпатий и антипатий сложен и неоднозначен. Как я уже говорил, армейское начальство меня не жаловало, за редким исключением. Конечно, в чем-то был Виноват я сам. Однако оценивали меня далеко не объективно. Я полагаю, что ценится в первую очередь профессионализм, а он у меня был. Тем не менее, командир бригады полковник Фисюк «драл» меня «и в хвост и в гриву», большей частью ни за что. Понятное дело, что за это я его тоже «любил».

История первая. Когда пугают Родиной

Шел конец января 1984 года. Наш отряд интенсивно готовился к отправке в Афганистан. Вкалывали мы с утра до ночи. Ни о каком личном времени и речи не шло. Финский домик, в котором жили холостяки, из удобств имел только электричество. Поэтому холод в «общаге» был собачий. Чтобы хоть как-то согреться спали в спортивных костюмах и свитерах, укрываясь всем, что было под рукой. Питались кое-как. Возвратившись в очередной раз домой к 23.00, я поскорее завалился спать, чтобы не слышать урчащий желудок.

Задержавшись в парке боевых машин, я пролетел с ужином. Утром будильник я не услышал.

5 Когда подсознание толкнуло меня изнутри, и грубый внутренний голос поинтересовался, долго ли еще я собираюсь ухаживать, стрелки на часах показывали 8.45. В девять начинался развод. Я, как ужаленный, подскочил с кровати, сбросив на пол одеяло, матрац и шинель, которыми укрывался, натянул бриджи, впрыгнул в сапоги и просунул руки в рукава шинели. Надевать рубашку, галстук и китель уже не было времени. Застегивая на ходу шинель и нахлобучив шапку, рванул в часть.

Только-только успел к началу развода. Но расслабляться было нельзя — проблема была в том, что под шинелью у меня был тонкий шерстяной свитер серого цвета, но я подвернул его горловину и прикрыл шарфом. Получилось незаметно. После развода рота со снова убыла в парк, а с ней и я.

К обеду я все-таки мечтал попасть в столовую. Около часа дня, когда рота ушла в расположение батальона, я поспешил в офицерскую столовую. Погруженный в мысли о скором обеде, я внезапно встретился с начальником разведки округа полковником Шарамко. Это вывело меня из состояния задумчивости и бодро и молодецкато, как того требует строевой устав, я отдал воинскую честь старшему начальнику. Казалось бы, придраться не к чему, но по тому, как Шарамко принял охотничью стойку, я понял, что просто так мы не разойдемся.

— Стойте, товарищ лейтенант! Что это у вас? — спросил он и ткнул мне пальцем в область шеи.

- Проклятый свитер предательски торчал из-под шарфа. Что, кроме правды, я мог ему ответить?

Я и ответил:

— Свитер.

Что дальше началось — трудно передать словами. Шарамко пытался стащить с меня шинель, кричал и грозил.

Я же был спокоен, как удав. А что дергаться, когда уже все случилось? Надеюсь на понимание, попытался объяснить ему, как все вышло, но у полковника от ярости «на уши упали заглушки», и он ничего не слышал и слышать не желал. Продолжая заводиться из-за моего спокойствия, он повел меня к комбригу.

Фисюк к тому времени уже настолько устал от нашего противостояния (в свободное от службы время я не забывал ему портить кровь разными шутками и прибаутками), что когда он увидел меня в компании начальника разведки округа, лицо его исказила гримаса, означавшая: «О, Господи! Ну что еще?».

Шарамко, произнося обличительную речь, и в кабинете попытался снять с меня шинель. Это мне уже надоело, и я сказал ему, чтобы он оставил мою одежду в покое, и что у него достаточно власти, чтобы наказать меня за нарушение формы одежды.

Что тут началось! Громы и молнии летали по кабинету. Дойдя до крайней степени возбуждения и, видимо, не вполне понимая, что говорит, он выкрикнул Фисюку: «Товарищ полковник! Нужно хорошенько подумать, достоин ли этот лейтенант выполнить интернациональный долг?!».

Как я сдержался, чтобы не захохотать в голос? Фисюку же было не до смеха. Он, видимо, тут же припомнил мои гусарские подвиги и похождения и очень явственно представил, что его ждет, если я останусь в части.

Поэтому он скороговоркой выпалил: «Нет! Нет! Пусть едет, он очень хорошо подготовленный офицер!».

В. Мельник. Под Гиришком

Согласно замыслу...

В конце июня — начале июля 1985 года от органов ХАД поступила информация, что недалеко от г. Гиришк, в зеленке, идущей вдоль реки Гельменд, находится укрепленный район моджахедов.

Сложность была в том, что для того, чтобы попасть в данный район, нужно было перебраться через канал шириной 15—20 метров и довольно глубокий. К району через канал можно выйти по двум мостикам шириной полтора метра, которые являлись плотинами, регулирующими подачу воды. На каждом были заглушки для слива воды. Подходы к одному из мостов были заминированы со стороны зеленки.

Согласно замыслу, сначала по району авиация должна была нанести бомбоштурмовой удар. После этого броня, которая располагалась на высотке, должна была огнем давить духов. Одна из групп должна была также прикрывать действия двух групп, которые должны были ворваться в район и уничтожить оставшихся духов.

2 июня 1985 года отряд №600, которым командовал заместитель командира батальона майор Юрченко, выдвинулся на броневом в г. Гиришк. В отряд входило по группе из каждой роты батальона. Группой первой роты командовал В.Мельник, второй роты — В.Козлов и группой третьей роты — старший лейтенант В.Лоншаков. Каждая группа была на своей технике. Всего было десять БТР и БМП, а также две ЗСУ «Шилка». Отряд прибыл в мотострелковый батальон, дислоцированный в г. Гиришк, и остался там на ночь. Рано утром, согласно приказу, отряд должен был произвести налет на базовый район моджахедов, находившийся примерно в двадцати километрах от города.

Движение начали в 03.00 3 июня. Колонна техники прошла около десяти километров по бетонке и свернула влево. Далее двигались по грунтовке на юг. Когда броня вышла к району и только стала занимать позиции, духи из зеленки открыли огонь. Сначала он был довольно вялый. Уже должны были начать работать вертолеты, но в небе было пусто. Возникла пауза, которая позволила духам выиграть время и занять свои позиции. Стрельба постепенно стала усиливаться. Через некоторое время мы услышали в небе рокот вертолетов. Мы ожидали, что после того, как они сбросят ; бомбы, огонь прекратится и можно будет начать работать. Но как только вертушки зашли на боевой, из укрепрайона по ним открыли интенсивный огонь. Так и не отбомбившись, вертушки ушли в сторону. Связались с к ними. Они говорят, что огонь очень сильный и поэтому отработать не удастся. Юрченко сам вышел на связь и настоял, чтобы они отбомбились согласно задаче. Второй заход также не увенчался успехом. В третий раз ведущий сбросил бомбу не на объект, а просто в зеленку. У ведомого, якобы, тоже что-то случилось с механизмом сброса, и его «капля» тоже упала мимо цели. После этого «сталинские соколы» отвалили на базу.

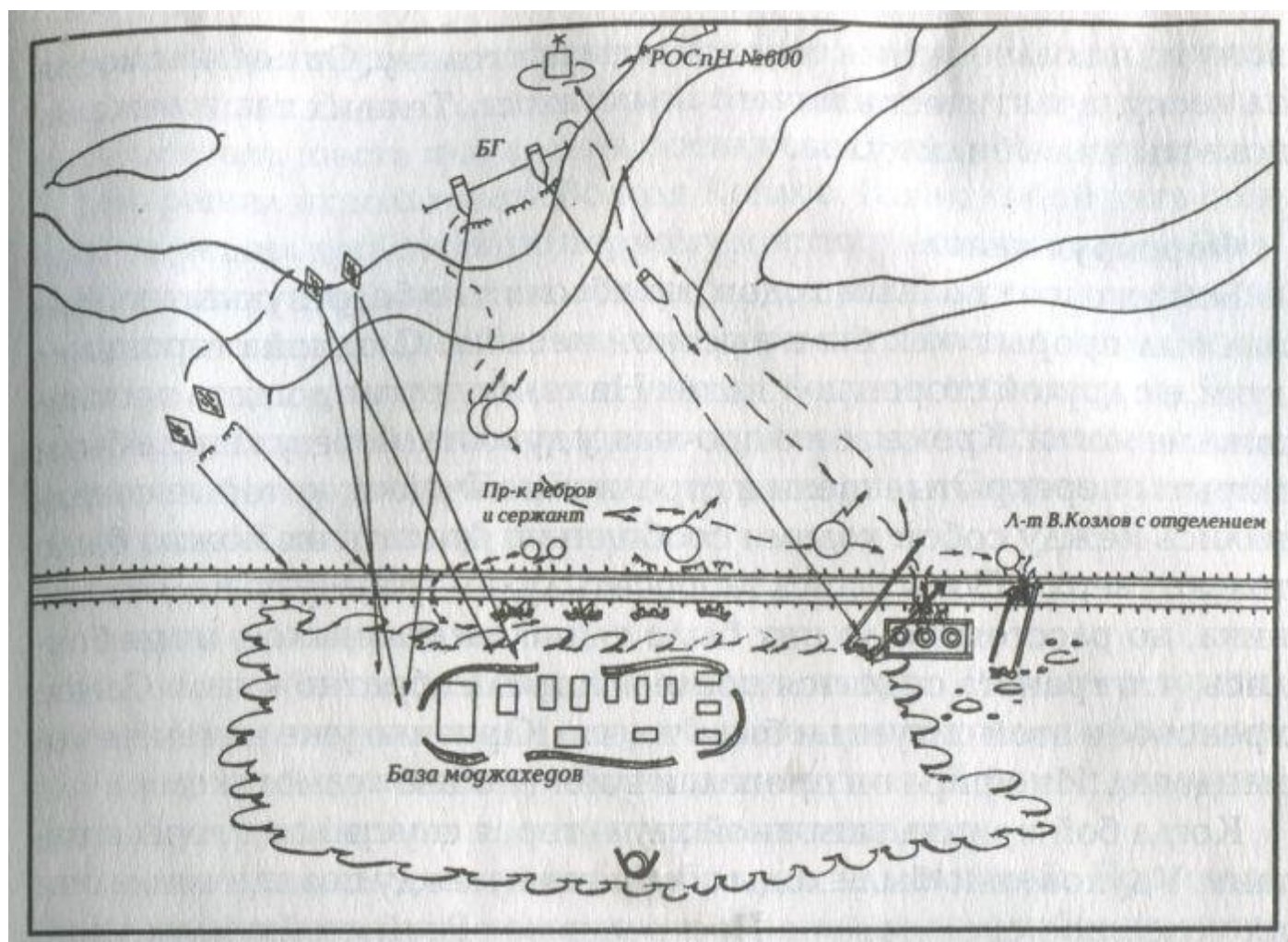

Схема 13. Бой у канала

Нам ничего не оставалось, как идти вперед, на не подавленные огневые точки духов (см. схему 13). Решили, что может хоть броня сможет прикрыть, но «Шилки» стояли слишком низко и не могли чинить ущерб духам, которые находились в окопах. К каналу сначала вышел Володя Козлов со своей группой. Спустя некоторое время к нему присоединился и Слава Лоншаков. Сначала попытались прорваться через мост бойцы из группы Славика Лоншакова. Но Мельникова и Рылова «скосили» сразу за мостиком. Одному из них автоматная

очередь попала в голову. От нее, несмотря на каску, практически ничего не осталось. Тела их так и лежали пока мы не выбили духов.

Форсируя канал

Бой уже шел полным ходом, но абсолютно безрезультатно. Канал был прорыт, как бы в высокой насыпи. С одной стороны - духи, а с другой стороны - наши. Ни те, ни другие достать противника не могли. Кроме всего прочего, у духов на берегу канала были вырыты перекрытые щели и стрелковые ячейки, которые соединялись между собой ходами сообщения. Достать их можно было только сверху. Попытались забросить духам гранату из подствольника, но расстояние до них было слишком маленькое, и мы боялись, что граната свалится после выстрела обратно к нам. Самое хреновое в этой ситуации было то, что Юрченко уже ничем не командовал. Из эфира он пропал, и война пошла «самотеком».

Когда бой принял затяжной характер, я спустился с горы к нашим. У духов явно были ходы сообщения между позициями, и они их успешно использовали. Постреляв из одной ячейки, дух уползал в другую и начинал спокойно работать, пока мы долбили по его прежней позиции. После этого возвращался и снова беспрепятственно открывал огонь по нам. Вскоре я разгадал эту уловку. Обнаружив место, откуда стрелял моджахед, я навел автомат и стал ждать, когда дух снова появится. Вскоре мое терпение было вознаграждено. Над серым берегом в моем прицеле снова показалась голова в чалме. Я скорректировал прицел и, выдохнув, нажал на спуск. Голова дернулась и исчезла. Больше с этой позиции никто не стрелял. Между тем прапорщик Ребров переплыл канал. Оставаясь незамеченным и используя «мертвую зону» под берегом, он по воде перебрался ближе к позициям духов.

В это время я решил попробовать забросать духов ручными гранатами. Еще в Чирчике я занял по метанию гранаты первое место. Но кидать приходилось вслепую. Цели я не видел и попросил одного моего разведчика, Саню Бабанина, корректировать мои действия. Первая граната, по словам Бабанина, разорвалась под берегом. Прикинув упреждение, я разбежался для второго броска, но тут боец остановил меня, закричав, что там Ребров. Виктор потом жаловался, что чуть не погиб от моей же гранаты. Поискав на земле, я вставил чеку на место.

Увлеченные боем, духи не заметили, как спецназовец вылез из воды. Пользуясь этим, Виктор начал потихоньку вырезать моджахедов, находящихся на позициях. Вскоре к нему переплыл разведок из группы Славы Лоншакова. Сейчас не помню точно, но тогда Они зарезали шесть или восемь боевиков. Огонь стал стихать.

Это решил использовать Володя Козлов. Взяв с собой пять бойцов, он решил пройти не по первому мостику, а по дальнему. Я напомнил ему, чтобы он был осторожен, поскольку местность за мостом заминирована. Сказав, что он помнит, Володя ушел. Но не прошло и десяти минут, как я увидел бегущего солдата из Вовкиной группы. Что меня поразило, он был в одних штанах с голым торсом и без оружия. Подбежав, он выпалил: «Скорее, товарищ лейтенант! Там Козлова ранило!».

Смерть однокурсника

Я взял с собой двоих солдат и рванул за ним. Раненого командира бойцы уже вытащили с того берега и переправляли по воде, для того, чтобы избежать усилившегося огня. Я помог им вытащить Вовку на берег и положить на плащ-палатку.

Одного солдата я отправил к «броню» за машиной. Промедол Вовке вкололи сразу. Я разорвал на нем красную футболку, которую он таскал еще на четвертом курсе. Никаких ранений я не увидел и, только поискав более внимательно, обнаружил входное пулевое отверстие. Оно было на правой стороне груди немного ниже соска. На спине выхода пули не было. Я посмотрел выше и ниже, но ранение было слепое. Крови на нем почти не было. Кровоизлияние было внутреннее, что намного хуже.

Тут подъехала БМП с нашим медиком. Вовку погрузили в десант и поехали к «броню». Уже в более безопасной обстановке, я попытался привести Вовку в чувство. Он был еще жив. Начал делать искусственное дыхание «рот в рот», но язык западал и закрывал гортань. Подбежал Михайлов Саня, наш врач. Я ему кричу: «Делай что-нибудь!». А он растерялся, только бормочет: «Сейчас, сейчас». Потом все-таки подсказал язык приколоть булавкой к щеке, чтобы не проваливался. Стал снова дуть в рот, но воздух выходил сквозь пулевую рану. Тогда по совету врача я закрыл ее ладонью и повторил искусственное дыхание, но Вовка в себя не приходил. Начал делать непрямой массаж сердца, а Саня начал делать искусственное дыхание. Наконец Михайлов сообразил и сделал внутривенно укол, стимулирующий сердечную деятельность. Но результата не было. Сначала я даже прощупывал пульс, но постепенно он стал пропадать. Я стал бить Вовку по щекам и

звать его по имени, пытаюсь хоть как-то привести в себя. Но Михайлов остановил меня, сказав, что мы уже ничего сделать не сможем.

Мне не хотелось в это верить, и я с остервенением пытался его привести в себя, делая то массаж сердца, то искусственное дыхание. Постепенно ногти стали синеть, а тело стало остывать. Зрачок уже не реагировал на свет.

У меня к горлу подкатил ком, а в глазах стояли слезы. На руках умирал друг, с которым мы проучились четыре года в училище, а я ничего не мог сделать. Юрченко вызвал вертушки и вскоре послышался их рокот. Духи стали долбить из минометов. Пока тащили Вовкино тело на плащ-палатке к вертолету, разорвалась мина и в лицо уже убитого Вовки попал осколок. Погрузили его на борт и Ми-8, взревев мотором, отвалил.

Штурм

Важную роль в захвате укрепленного района сыграл пулеметчик из группы Лоншакова. Он поднялся в полный рост и слал «поливать» из пулемета позиции духов, за ним рванули остальные. Часть моджахедов, а их было всего человек двадцать, уничтожили Ребров с напарником. Духи, поняв, что теперь район им не удержать, стали отходить. Мы же, ворвавшись, мочили всех подряд.

Собрали трофеи. Они были невелики. Штук пять винтовок «Бур-303», гранаты и еще что-то по мелочи.

Спалили мотоцикл. Укрепления повзрывали. Броней в тот же день вернулись в отряд. По дороге вертолет забрал трупы погибших бойцов.

Но по большому счету, толку от нашей операции, которая заняла около двенадцати часов, не было. Ну взяли мы укрепрайон, ну и что? Мы ушли, духи вернулись. Укрепления они восстановят быстро. Основное оружие вынесли. Все время думаю, стоила ли жизнь трех молодых парней пяти трофейных винтовок? Стоила ли жизнь моего друга так дешево?

В. Мельник. Урок ценой пятнадцать миллионов

Я человек суеверный и считаю, что в жизни ничего случайно не бывает. Ровно через год после того, как погиб Володя Козлов, 3 июня 1986 года вызывает меня начальник штаба нашего отряда П.Лепиев и ставит задачу — слетать на ознакомительный облет с «молодым лейтенантом».

Задача несложная — рассказать, что почем. Примерно так, как было в самом начале нашей боевой деятельности, когда из Кандагара прилетал делиться опытом Сергей Козлов. Мы его помнили еще курсантом, а тут — наставник. Но, как выяснилось, «молодым лейтенантом» оказался Леха Панин, которого я тоже прекрасно знал по училищу. Он выпускался всего на год позже меня. История повторяется. Официально приказом Леху назначили командиром группы. Я — просто «наставник молодежи», хоть на мне и реальное командование группой и ответственность. Еще в состав группы «пассажиром» включили переводчика из состава управления бригады. Надо же было им как-то зарабатывать медали и ордена. Главное, чтобы не мешал.

Полетели в Дашти-Марго, на восток от батальона. В этом районе обязательно какой-нибудь караван попадется. Пусть даже мирный, но порядок досмотра каравана наглядно показать можно.

Я Лехе говорю:

— Смотри за моими действиями и запоминай. Что непонятно, потом спросишь. Если сначала все рассказывать, то больно долго получится.

Минут через пятнадцать вертолеты обнаружили тропу и пошли над ней на юг. Высота метров десять — пятнадцать, не больше. Смотрю: под кустами лежит дух, накрытый чалмой.

Проскочили быстро, я спрашиваю: Кто-нибудь духа видел?

Никто не видел. Заходим на второй круг. Снова вижу этого духа, а недалеко еще один. И снова, кроме меня, никто их не видит.

Говорю командиру борта:

Заходи на третий круг, я сейчас его трассерами покажу.

Гак и сделали, но когда я в духа влепил очередь, из-под кустов и (>Ще откуда-то по нам стали бить из автоматов.

«Двадцатьчетверки» говорят:

— Спасибо. Теперь видим.

Отошли мы от тропы метров на 60 и видим: лежат верблюды с тюками. Я говорю командиру вертолета:

— Заходи на посадку и взлетай. Нас потом подберешь.

Сели сначала мы. Духи стали разбегаться. Мы залегли в лож-бинке, духи немного выше нас.

Я Лехе напоминаю:

—Все, как я говорил!

Поднялись чуть выше. Смотрю, дух перебегает. Только прицелился, а в створе с ним садится наш ведомый борт, и стрелять опасно. Жду, когда дух выйдет из опасного сектора, и давлю на спуск. Короткая очередь, и он лежит.

Видимо, напуганные стрельбой, верблюды стали разбегаться. Чтобы не ловить их по всей пустыне командую: «Бейте по верблюдам!». И сам начинаю их валить одиночными, в голову. Тут и Леха присоединился.

Разобрались мы с ними быстро. Духов у верблюдов было всего пятеро. Еще два мотоциклиста пытались уйти, но их догнали «двадцатьчетверки».

Стали досматривать груз. Мешки прочные, руками не порвать. Достал нож. Вспарываю один и тихо «выпадаю в осадок». Полный мешок денег. И не какой-нибудь мешочек. Мешок, который я двумя руками поднять не мог. В мешках пачки тысячных купюр. Всего было три с половиной мешка.

Вертушкам уже нужно было возвращаться на дозаправку. Мы передали им, что пока посмотрим вокруг, поищем трофеи. Может что-то где-то завалилось за бугорок или в ямку. Но результат уже сам по себе не маленький. Собрали трофеи, забрали у душков документы, а тут и вертолеты прилетели. Когда в бригаде посчитали деньги, их оказалось 15000000 афгани. Позже, при проверке порядка в казарме, наш ротный, Слава Кошелев, нашел у одного из бойцов под матрасом еще один миллион. Как он умудрился его спереть у всех на глазах, ума не приложу.

*

Нас с Лехой представили к орденам «Красной Звезды», но в отличие от Лехи, мне свою «Звезду» получить не удалось. Орден «обрезали» из-за конфликта с комбригом. Видимо, орден долго ходил и «стоптался», потому что, уже по замене, я получил медальку «За боевые заслуги». Такие медали давали отличным ротным в мирное время за сдачу проверки.

С. Козлов. Ордена как показатель женственности

Прапорщик Мануэлян был пассивным гомосексуалистом. При доукомплектовании личным составом, офицерами и прапорщиками 173 отряда, еще в Лагодехи, он был назначен старшиной второй роты. Правда, вскоре его наклонности выяснились. Видимо, не умея сдерживать бушующие внутри страсти, он предлагал свои половые услуги многим, включая бойцов своей роты. Из нашего отряда, уже в Кандагаре, его перевели в пехоту.

Он служил в 70-й бригаде начальником столовой. Как в дальнейшем протекала его половая жизнь, я не знаю, да и знать не хочу. Но, видимо, все у него складывалось хорошо, поскольку года через полтора он был переведен в Кабул, где остался служить еще на год. Там он тоже был начальником столовой.

Но каково же было наше изумление, когда из Кабула прилетел Вовка Ряднов, заведующий вещевым складом, и рассказал, что видел Мануэляна. Судьбой доволен. А на его груди красовалась колодка с ленточками от двух орденов «Красной Звезды» и медали «За отвагу». Трудно даже представить, с кем в столовой должен был сражаться прапорщик, чтобы получить такие награды. Не сговариваясь, мы пришли к выводу, что, видимо, в Кабуле он нашел себе высокого покровителя из «активных».

Вот уж воистину: «Машке за п...ду — «Красную Звезду», а Ивану за атаку — толстый хрен в ср...ку». Хитрый же армянин умудрился получить и то, и это.

Г. Должиков. Помощь приходит с неба

На горизонте отчетливо проявились три точки. Почему три? Глаза непроизвольно забегали по горизонту в поисках четвертого вертолета. Его не было. Вот в чем причина переноса забора группы. Что-то с вертолетом. А группе придется оставаться! Все не влезут. Тем более гора оружия. По уставшим лицам солдат пробежала тень растерянности, сменившаяся горечью — «вертушки» заберут только раненых. Не дай Бог, воду забыли. Вертолеты приближались, увеличиваясь в размерах.

— «Ручей», я — «Воздух», прием, — вышел на связь дежурный.

— «Воздух», я — «Ручей», вижу вас, идете точно на меня, обозначаюсь оранжевыми дымами, — ответил командир по «Ромашке».

Вертолеты приближались. Разведчики дымами обозначили наиболее удобную площадку приземления. Ми-8 с ходу заходил на посадку, а Ми-24 с грохотом пронеслись над полем боя.

— Ну, пехота дает, намолотили! — послышалось восклицание в микрофоне «Ромашки», закрепленном на плече командира.

— «Горбатые», посмотрите на юго-восток, пара духов ушла туда, — передал экипажам Ми-24 командир. Один вертолет резко свалился набок и полетел в указанном направлении. Ми-8 сел. Разведчики понесли раненых и трофеи.

— «Ручей», буду забирать всех, — раздался в эфире голос.

— Понял тебя, «Воздух», — с нескрываемой радостью ответил командир.

Вертолет! С какой надеждой и радостью вслушиваются в нарастающий звук летящего вертолета солдаты всех мастей. Это средство доставки и эвакуации несет спасение. Надежда на спасение сильнее, чем страх оторваться от земли, стать голой мишенью Обладатели беретов всех цветов и оттенков безропотно отдают свою жизнь во власть «левака» или «правака», пилотов вертолета. А тут уж что победит: мастерство и опыт, бесстрашие и холодный расчет или трусость и перестраховка.

В Афганистане разведчикам групп специального назначения приходилось много времени проводить на борту вертолета. Разведывательные группы имели налет часов не меньше, чем экипажи, только дополнительного пайка не получали.

Командование придавало большое значение отработке взаимодействия экипажей и десантников. Во всех батальонах специального назначения существовало строгое правило: перед каждым вылетом проводить короткую тренировку десантирования и развертывания в боевой порядок. За действиями разведчиков наблюдали экипажи вертолетов, что очень важно, так как они знали, куда и как будут перемещаться разведчики, и могли это учитывать при маневрах — вращающиеся винты не менее страшны, чем пули. Каждый разведчик знал свой маневр и порядок его выполнения. Один из них обязательно прикрывал подгруппу и вертолет с тыла.

Помимо тактики действий очень важен вопрос взаимопонимания между командиром вертолета и командиром группы. Решение на досмотр каравана или объекта, вызывающего подозрение, принимает командир досмотровой группы, а место приземления вертолетов выбирает командир вертолета. И тут заложено начало конфликта, результатом которого может быть утрата фактора внезапности и как следствие — потери. Конечно, в каждом конкретном случае нужно исходить из конкретной обстановки. Очень важно учитывать рельеф местности и реакцию вероятного противника на появление вертолетов и досмотровых групп. Так, в предгорьях провинции Лашкоргах досмотровая группа лейтенанта Андрея Перемитина при попытке досмотра внешне ничем не вызывающих подозрения всадников нарвалась на неприятности. Из-за посадки вертолетов на значительном удалении был временно потерян визуальный контроль за всадниками. Всадники спешили и укрылись в складках местности. При прочесывании группа попала под внезапный огонь со стороны укrywшихся моджахедов. Одна из пуль, выпущенных моджахедами, попала командиру группы в грудь, но, к счастью, не смогла пробить НР-43 (нож разведчика образца 1943 г.), два магазина и шифровальный блокнот, который лежал в нагрудном кармане. Солдатское счастье и рождение в рубашке — Андрей отделался контузией, но везет так далеко не всем. Чаще всего при явном сопротивлении объект уничтожался вертолетами огневой поддержки Ми-24, а досмотровой группе оставалось закончить уничтожение.

Самый трудный момент во взаимодействии с экипажами вертолетов — это, конечно, эвакуация при непосредственном огневом контакте с противником. Разведгруппы попадают в тупиковую ситуацию постепенно, сначала полагаясь на свои силы, ведя бой маневрируя, морально это переносится легче, а экипажи вертолетов ставят перед фактом — «садимся духам на голову». А если группа обременена пострадавшими и не может передвигаться, и на загрузку уйдет много времени, то тут для принятия решения о посадке требуется огромное мужество. Вообще-то летать, «сидя на балконе», над землей, которая в любую секунду может послать в тебя смерть, без мужества невозможно. Но люди в этой жизни встречаются разные, и поступки у них непохожие. Разведывательная группа специального назначения под командованием старшего лейтенанта Валерия Козела после уничтожения главаря крупного отряда моджахедов и его охраны пыталась оторваться от преследования, но количество и организованность моджахедов не дали этого сделать. Захватить господствующую высоту также не удалось. Группа была прижата к отвесной скале, что давало временное преимущество, — тыл был прикрыт. Атака в лоб была отбита, моджахедаы понесли большие потери и отказались от попыток атаковать с фронта. Однако предприняли обходный маневр с целью подняться на скалу и после этого без труда расстрелять сверху залегающую у подножия скалы группу. В распоряжении группы оставалось не больше двух часов. Радист передал на ЦБУ батальона донесение о сложившейся ситуации. Срочно были подняты четыре вертолета для эвакуации группы.

Появление вертолетов вызвало у моджахедов ярость: они были уверены, что им удастся легко уничтожить группу, а тут «трофеи» явно собирались улетать. По заходящим на посадку вертолетам открыли огонь. Ми-24 подавляли наиболее активные точки. Удобная для приземления площадка находилась в 300 метрах от группы.

Собравшись, группа совершила бросок на открытое со всех сторон место, обозначая себя дымом, но Ми-8, не долетев до группы каких-то 400—500 метров, вдруг взмыли в небо и на фоне заката стали уходить. На бешеный крик командира группы: «Куда вы уходите? !», командир ведущего вертолета спокойно ответил, что по нему «работают», и он сест не может, уходит на базу. Когда Валера понял, что это не шутка, и моджахеды перенесли огонь на группу, ему ничего не оставалось, как вернуться под прикрытие скалы. Одного разведчика тяжело ранило. Набор аргументов, которые выдал в эфир командир разведгруппы: и то, что у него «400», и то, что группа зажата, не тронул того «правака». Звук вертолетов становился все тише и тише. Положение стало еще более катастрофичным. Боеприпасы на три четверти израсходованы. У пулеметчиков осталось по одной «сотке». Благодаря их снайперскому огню удавалось держать моджахедов на приличном расстоянии. С наступлением темноты это преимущество терялось. Что дальше, разведчики хорошо себе представляли. Моджахеды подтянут ДШК или минометы и будут методично расстреливать группу с расстояния недосягаемости ответного огня. Ну а потом атака духов, «обкуренных» до рукопашной, если будет, кому из разведчиков в ней участвовать. Броня сможет подойти только через сутки, если сможет пробиться. Так погиб лейтенант Валентин Довгуля. Его группа захватила господствующую высоту и организовала оборону, которую моджахедам не удалось сломить, несмотря на многочасовой минометный обстрел. Группе удалось продержаться трое суток, только командир не смог. Умер от потери крови. У него было множественное осколочное ранение. Да, перспектива грустная.

Вдруг эфир ожил, появился голос: «Ручей», я — «Почтовый», обозначаю себя, захожу на посадку». Два Ми-8, вынырнув из-за гор, заходили на посадку. Воодушевленные разведчики открыли бешеный огонь по моджахедам. Валерий Козел бежал последним и нес на плечах раненого разведчика. Вдруг его что-то сильно толкнуло, он упал, поднялся и, спотыкаясь, побежал к вертолетам. Он еще не понял, что солдат, лежащий у него на плечах, спас его, приняв в себя две пули. Разведчики, расстреливая последние патроны, прыгали в вертолеты. Вертолеты, чудом не зацепив скалы, вырвались на равнину. Но датчики показывали, что необходимо садиться, так как топлива до аэродрома не хватит. Сели в пустыне. А утром пришли заправщики. Много приказов и пунктов полетных инструкций нарушили вертолетчики, в задачу которых входила перевозка почты и пассажиров. Не знаю дальнейшей судьбы этих замечательных людей. В лучшем случае они отделались временным отстранением от полетов. Но группу спасли. Спасли двадцать жизней и честь вертолетчиков. Это не единственный пример мужества и боевого братства. Наверняка у кого-то сохранились аудиозаписи переговоров авиадиспетчера с экипажем падающего вертолета, где четко слышен приказ диспетчера: «Экипажу прыгать», а в ответ экипаж: «У пехоты нет парашютов» и просьба помнить их... За технические ошибки «двоечников» на войне платят жизнями солдаты. Я летел на борту, где командиром майор «Иванов», и все было хорошо. Но вот он ошибся и не смог поднять машину в небо. Десант не успел выскочить из горящего вертолета, а он стоял и смотрел, как горит его вертолет. А в нем капитан Константин Прокопчук, командир роты, отличный разведчик, мастер спорта, снайпер и бегун, и с ним два сапера и собака, которая отлично умела искать мины. «Асы» пусть не забывают: если командир группы обозначил место для посадки, то лучше садиться именно туда. Один вертолетчик пренебрег мнением «пехоты» и сел туда, где ему захотелось... на минное поле из ОЗМ-72. Более 500 пробоин читали на корпусе вертолета. К счастью, обошлось без жертв.

Шарджой. 186 ооспН

186 ооспН начал формироваться в феврале 1985 года на базе 8 обрСпН в г. Изяславль (ПрикВО). Для комплектования отряда привлекались солдаты и офицеры не только этой бригады. Из состава 10 обрСпН, дислоцированной в Крыму, в ПрикВО был направлен лейтенант В.П.Ковтун во главе 24 солдат и сержантов. Вопреки всем требованиям, крымчане «сбагрили» в Афган всех нарушителей дисциплины. Но впоследствии все они были награждены орденами и медалями. Также для комплектования спецназовских подразделений и штаба отряда были привлечены офицеры и личный состав 2 обрСпН (г. Псков), 3 обрСпН (г. Вильянди). В боевые под разделения, где по штату находилась боевая техника, а также в группу ЗСУ «Шилка» и в транспортные подразделения набирали офицеров и прапорщиков из пехоты.

31 марта 1985 года 186 ооспН был передан в состав 40 ОА и организационно вошел в состав 22 обрСпН.

Первым командиром отряда стал майор Федоров. 4 апреля прибыли в Термез и получили боеприпасы. А в ночь на 7 апреля 1985 года отряд вошел в Афганистан. 16 апреля своим ходом, через Пули Хумри, Саланг, Кабул и Газни батальон прибыл в окрестности н. п. Шарджой. В дороге случилась первая потеря. Какой-то «шоферюга» из роты подвоза перепил горячительных напитков и отошел в мир иной.

Прибыв к новому месту дислокации, отряд 15 мая приступил к выполнению боевых задач. Через его зону ответственности (искл. н.п. Тангай, н.п. Мамай (южнее Газни), отм. 2330 (12 км севернее СП Шахри Сафа), отм. 2319 (40 км восточнее Спинбольшадак)) проходили оживленные караванные маршруты, по которым доставлялось оружие и боеприпасы из Пакистана в южные провинции Афганистана. Основной особенностью района было то, что ранее здесь советские войска не появлялись. Дороги же позволяли доставлять оружие не на вьючных животных, а на автомобилях. Отсутствие опасности при доставке оружия позволяло моджахедам использовать большегрузные трейлеры «Мерседес». Даже после начала боевой деятельности спецназа в этом районе, мятежники не изменили своей тактики, поскольку «Мерседес» мог двигаться даже по грунтовой, но хорошо укатанной дороге, со скоростью 50—70 км в час и проскакивать опасный участок от границы до конечного пункта за несколько часов. В силу этого, наиболее характерной тактикой отряда были засадные действия. Особенно на начальном этапе моджахеда недооценили опасность, которую нес в себе факт расположения отряда в данном районе. Охрана маршрутов не была должным образом организована, поэтому и результативность засадных действий с самого начала была высокой. Основным генератором идей по организации специальных действий в зоне ответственности 7 отряда был заместитель командира батальона капитан (а немного позднее - майор) Евгений Сергеев.

Отряд по результативности периодически соперничал со 173 ооСпН. Именно разведорганы 7 отряда во время облета захватили первые образцы американского ПЗРК «Стингер». Однако как на начальном этапе, так и в последующем, действия отдельных командиров групп порой были недостаточно продуманными. Из-за чего отряд нес потери.

22 июня 1988 года отряд был выведен из состава 40 ОА, прибыл в Союз и вошел в состав 8 отдельной бригады специального назначения Прикарпатского военного округа.

В. Сергеев. От формирования до начала боевых действий

От формирования до границы

С начала формирования отряда я, как заместитель командира, принимал самое непосредственное участие в этом. Самым сложным на первых порах оказалось принять в свой коллектив военнотружущих из пехоты и других, не спецназовских частей. Мы привыкли к тому, что у нас в спецназе порядок, и это было для нас естественно. Для солдат и офицеров, прибывших извне, это казалось странным. Из-за этого возникали определенные сложности. Но постепенно все шероховатости сгладились и пришло понимание того, что скоро нам всем придется выполнять боевые задачи.

Помню, как замполтех роты, прибывшие из пехоты, пожаловались мне, что нам на вооружение дают бронетранспортеры БТР-70 румынского производства. Их броня не отличалась прочностью и была довольно хрупкой. В то время я таких тонкостей не знал, но, получив сигнал, побежал ругаться к представителям командования округа. БТРы нам заменили, но мне уже тогда сказали, что я чересчур рьяно взялся за дело. Однако нужно сказать, что командование Прикарпатского военного округа сделало все, чтобы наш отряд был укомплектован всем необходимым. Вплоть до того, что еще в Изяславле была произведена пробная выпечка хлеба.

Недели через две после завершения формирования отряда ушел первый эшелон в Чирчик. Там началось боевое слаживание подразделений. Кроме нас там уже находились пятый и шестой отряды. Очень много времени мы уделяли взаимодействию с боевой техникой и стрельбе. Вскоре они ушли в Афган, а через две недели и мы. Команда «Вперед!», как всегда, поступила неожиданно.

Дорога на войну и первые потери

Вспоминаю Саланг. Высота 4000 метров. Снегопад. Я сел рядом с водителем своей БМП КШ поскольку опыта у него, как и у остальных, было маловато. Как чувствовал. В один из моментов движения машину понесло. А гусеничная техника на бетонке, как корова на льду. Остановились мы уже над самым обрывом. Машина качается. На броне бойцы, под нами пропасть. Водитель Муродов кроме синего неба ничего не видит. Я ему спокойно так говорю: «Муродов, давай потихонечку назад, только учти. Я спрыгнуть успею, а ты нет. Поэтому думай сначала». Как выехали, не знаю. В конце концов, прибыли в Кабул, где получили людей и технику и двинулись на Шарджой.

Перед Шарджоем остановились в Газни. Здесь у нас появились первые потери. Как не объясняй бойцам, что здесь уже война, а не игрушки, пока не проверят, не поверят. Трое зашли на минное поле, где и подорвались. К счастью, отделались ранениями. Факт этот сыграл свою положительную роль. До сознания солдат и офицеров, наконец, стало доходить, что здесь можно не только здоровья, но и жизни лишиться.

Под Шарджоем

Прибыли на место дислокации, которое нам было определено в Директиве ГШ, но, оглядевшись, сразу поняли, что эти «позиции» не способны обеспечить нашей безопасности. Поэтому место дислокации было выбрано другое. Выбрали высоту, которую сразу заняли, а под ней расположили отряд. Начали обживать.

Недели через две прибыл парашютно-десантный батальон из Лашкаргаха. На них ложились задачи охраны и обороны нашего расположения. То, что десантный батальон, который до этого сам вел засадные действия, ставили на нашу охрану, говорило о том значении, которое придавалось нашему отряду.

На обустройство и боевое слаживание, уже на новом месте нам дали месяц. Кроме того, разрешили вести боевые действия на удалении от ППД не более пяти километров. В ходе этих коротких выходов мы проверяли еще раз вопросы взаимодействия, порядок работы начальников служб и другие вопросы.

Что касается начальников служб, то здесь снова пришлось ломать устоявшуюся в пехоте и в Союзе систему, когда на подразделение работает его командир. Здесь, пользуясь данной мне властью, я добился того, чтобы при подготовке групп к выходу начальники служб обеспечивали их всем необходимым, на основании заявки командира роты.

Когда начали совершать первые выходы, я почти со всеми группами ходил лично. Ходил в головном дозоре. Делал это в первую очередь для того, чтобы понять специфику работы и правильно наладить деятельность разведорганов отряда. Опыта ведения боевых действий у меня, как и у всех остальных, не было.

Немного позже нашему отряду придали батарею гаубиц Д-30. Согласовали с ними вопросы взаимодействия и прикрытия действий разведгрупп.

Горький опыт неудач

Когда начались плановые боевые выходы, пошли и первые результаты. Все они анализировались и обсуждались. Это давало хороший результат в плане обмена опытом и скорейшего обучения командного состава отряда различных категорий.

Край был, как говорят, «непуганых дураков».

Самые же первые потери у нас появились, когда в отряд пришел новый командир отряда. Из Кандагара прибыл майор Лихидченко, который там был начальником штаба отряда. Меня и командира второй роты Щербакова вызвали на какое-то совещание в Лашкаргах.

Незадолго до нашего отлета в отряд поступила информация о наличии склада с оружием в одном из кишлаков. Улетая, я просил комбата, чтобы не проводили налет без меня. Мне казалось, что я, как заместитель «по бою» должен участвовать в разработке и проведении первого налета отряда.

Однако комбат не стал меня дожидаться и налет провели без нас. Хотя налетом это назвать трудно.

Разведданные не проверялись, доразведка объекта не проводилась, да и замысла какого-то хитрого не было. Кишлак атаковали в лоб на броне. Нарвались на огонь и в результате погибли два бойца из второй роты и лейтенант Новиков из роты минирования.

Неиспользованные возможности

Очень жаль, что первые месяцы мы работали без своих вертолетов. Отсутствие вертушек нередко приводило к гибели людей, которым не была вовремя оказана медицинская помощь в стационарных условиях. Все, что могли наши медики в поле сделать для раненого, они делали, порой ценой своей жизни. Так погиб врач отряда Скобенко. Бронегруппа, в состав которой он входил, попала в засаду. В результате попадания гранаты РПГ в БМП наводчик был ранен. Пытаясь вывести машину из-под огня, механик дал задний ход и наехал на упавшего с машины Скобенко. Но, превозмогая боль, он оказал первую помощь тяжело раненому наводчику-оператору боевой машины. Ему выстрелом РПГ оторвало ногу.

Когда я на трех БТР прибыл к месту боя, то мы думали, что самый тяжелый — этот парень без ноги. Но, как оказалось, больше всех досталось Скобенко. Вертолеты, которые я вызвал, прибыли только через три часа после того, как мы прибыли к месту боя. Скобенко скончался в вертолете, по пути в Кадагар, где располагался ближайший госпиталь.

Наши руки стали длиннее

Только летом к нам пришли четыре Ми-8 и четыре Ми-24. Самый большой плюс того, что у нас появилась своя авиация, был в том, что радиус действий наших групп сразу заметно увеличился.

Намного легче стало вести разведку и местности, и маршрутов движения транспортов духов. Но тоже не все сразу получалось гладко. Летчики в своей работе, на первых порах, руководствовались своими инструкциями и распоряжениями. Поэтому на досмотре они приземлялись в километре транспорта, который нужно было досмотреть. Только в результате совместных усилий нам удалось выработать тактику совместных действий, которая устраивала и нас, и летчиков.

Как попасть на «хлебное» место

Время шло. Приходил опыт, уходили офицеры. Приходили новые. К сожалению следует сказать, что качество подготовки командиров групп второго состава отряда было намного ниже. Приходили офицеры из пехоты, молодые выпускники Киевского ВОКУ. Основная масса из них не была спецназовцами по своему духу.

Командиров групп, на которых я мог положиться, было очень мало.

Я давно сработался с лейтенантом (позже он получил звание и старшего) В.П.Ковтуном. Ему я мог доверить выполнение любой задачи и не бояться, что замысел провалится. Он был реализатором моих идей. Очень многие обижались и говорили, что Сергеев специально Ковтуна посылает в самые «хлебные» места. Но «хлебные» в нашем деле надо понимать как самые сложные и опасные.

Поэтому на претензии я отвечал просто: «Можете вместо Ковтуна идти вы. Только способны ли вы совершить к месту засады два ночных перехода по 15-20 километров, день прятаться в каком-нибудь арыке, находясь под палящим солнцем, когда даже для того, чтобы «справить нужду» нужно ползать? Способны ли вы бить караваны под самым носом у духов, вблизи крупных базовых районов и успешно отражать атаки многократно превосходящих сил противника? Если да, то вперед!».

Желающих после этого не было.

В. Ковтун. Леденящий зной Шарджой

Шарджой!

Здесь день летит стрелой,

И леденящий зной.

Хочу скорей домой...

(Из песни 7 отряда)

Начало

Мне повезло с самого начала. Во второй роте, где собрались одни рязанцы, было вакантное место командира 4-й группы. Командиром роты был Деха Щербаков, а взводными Химов, Лавриенко и Трофимов, которых я прекрасно знал с училища. По уровню подготовки мы превосходили все остальные подразделения отряда, укомплектованные «приемными детьми спецназа». Многие из них, к сожалению, не только не умели, но и не хотели воевать. Через несколько месяцев в штат рот разведки ввели должность заместителя командира. Из Газни к нам в роту приехал Костя Кожмяков, выпустившийся в 1980 году из известной девятой роты.

Прибывший в отряд начальник штаба ТуркВО генерал-лейтенант Гусев дал нам на обустройство месяц. Для охраны нашего расположения из Лошкаргаха прибыл батальон десантников. Спустя несколько месяцев Федорова сняли. На его место прибыл Лихидченко из 173 отряда. С ним дело пошло, хотя он был перестраховщик жуткий. Всю «войну» нашего отряда планировал замкомбата Женька Сергеев.

Выходить мы начали сразу, пытаюсь работать в окрестностях. Духи там были абсолютно непуганые. Самый первый результат дал Алик Алабергенов. Вторая группа 1-й роты захватила в засаде несколько стволов. Наш отряд стоял под горкой, за которой проходила дорога. Духи там ходили запросто. От расположения отряда место засады находилось в трех километрах. Ночью он забил там «барбухайку».

Первые полгода мы так и работали в окрестностях. Уходить в даль не было смысла, когда духов и под боком, хоть отбавляй. Результаты, правда, были не очень большие: два—три автомата, пара мин. Месяца через три стали выходить на броне. Самое странное было в том, что духи никак не могли поверить в то, что мы представляем собой реальную опасность для них. Были случаи, когда они, как капелевцы, ходили в психическую атаку с автоматами наперевес на... броню. Кто победил, наверное, объяснять нет нужды.

Примерно через шесть—семь месяцев мы завершили оборудование нашего аэродрома. Отряду были приданы четыре вертолета Ми-8 и столько же Ми-24. Использование авиации позволило существенно увеличить радиус действий наших групп.

Все боевое становление наших групп проходило под надзором заместителя командира отряда. Сергеев — истинный фанат спецназа. Практически на все облеты и на многие выходы с группами он ходил сам. Под его руководством мы отрабатывали и совершенствовали нашу тактику.

Вся эта предварительная работа не замедлила сказаться через шесть месяцев. Результаты повалили, как из рога изобилия.

Поскольку район был действительно непуганый, для того чтобы добиться в засаде результата, нужно было просто этого хотеть и не лениться выполнять элементарные правила маскировки. Это соблюдали далеко не все.

Тот же Алик Алабергенов, находясь на дневке с группой, допустил непростительную халатность. Первые боевые потери были в его группе. Группа занимала круговую оборону. Все тройки какого дились на своих позициях и... спали. На одну из троек вышло пятеро духов. Они тоже не сообразили, что сонных нужно просто зарезать, начали стрелять. Остальные разведчики тоже проснулись и всех пятерых завалили.

Вообще, вопреки расхожему мнению о том, что афганцы — великие воины, у меня такого впечатления не сложилось.

Новогодний подарок

В Новогоднюю ночь на 1986 год, поздравив бойцов, мы сели своей компанией встретить праздник. Сидели у переводчиков. Скоро подошел и Женька Сергеев. На столе даже откуда-то появилось шампанское.

Потихоньку празднуем. На алкоголь не налегаем, мне завтра с группой высаживаться. Вдруг заходит старшина роты: «Вы что, товарищи офицеры? Батальон уже построился!». Выходим и видим, что действительно батальон уже стоит. Я встал в строй своей роты и негромко спрашиваю у своего заместителя, Гены Коринца, которого привез из Крыма: «Что случилось?». По тому, как он вздохнул, я понял, что ЧП у нас. Помолчав, он сознался: «Брагу у нас нашли».

Лихидченко любил раздуть из мухи слона. После того как распустили солдат, оставили нас и еще раз «повозили мордой об стол».

После этого я подошел к Коринцу и сказал: «Гена, вернемся с выхода, если результата не будет, всем конец, а тебе особенно». Естественно, что после этого вся группа не только прилагала все усилия для выполнения задачи, но и, наверное, молилась, чтобы был результат. Бог услышал их молитвы. Высаживал нас под Калатом ротный. Это был период, когда результаты в батальоне были небольшие и случались нечасто. Зимой всегда наступал спад боевой активности у духов, и, как результат, у нас.

С места десантирования до дороги мы шли километров восемь. Дорога была в низине. Поэтому спускаться я не стал. Было часа два ночи. Морозец градусов десять. Обхожу своих. Никто не спит. По такому холоду не до сна. Все в иное, как Деда Морозы.

Наблюдаю в БН и вижу — идет машина. Как потом выяснилось, «Татра» с большой фурой. Я команду: «К бою!». И через несколько минут моя группа уже залегла у дороги. Взяли машину легко. Охраны было всего восемь человек. В машине оказалось тридцать пять РС, боеприпасов огромное количество. Сто с лишним стволов одних и сто с лишним других.

Доложили в отряд. Комбат приказал весь результат забрать в батальон.

Прилетел Володя Трофимов, недавно назначенный ротным, и удивил меня вопросом: «А ты как здесь оказался? Я думал ты куда не пойдешь». Он, видно, так и «воевал» до того, как стал ротным. Вертушки летали несколько раз, а мы дожидались нашей очереди эвакуации. Это был первый крупный результат. По прибытии в отряд довольный комбат приказал начальнику Штаба оформить на мое имя представление на «Знамя». (Его я так и не получил.)

Результат, за который ничего не дали

Довольно большой результат дала моя группа в феврале 1986 года. Как раз в это время к нам в батальон пришла из Кабула большая колонна с продовольствием, которую, по обыкновению, сопровождали танки и БТРы. Сергеев задумал выйти на границу нашей зоны ответственности под прикрытием колонны. Шли ночью. В мою группу входило 16 человек. Мы двигались на двух «брониках» роты минирования впереди, изображая головной развед-дозор и проверяя дорогу. Пехота шла довольно шумно. По дороге нашли несколько мин и

тут же реализовали их. Проходящим мимо декханам, которых тут же обвинили в том, что это их закладка, привязали найденные мины на голову и рванули. Как я понял, это у них было в порядке вещей.

Мы десантировались на стыке нашей зоны и зоны Газнийского отряда в 75 километрах от ППД. Метрах в пятистах от дороги находились развалины, где мы укрылись. Развалины были довольно старые и подозрения вызывать не должны. Когда взошла луна, мы двинулись к намеченному нами караванному маршруту духов. До него было километров пятнадцать. Местность была сильно пересеченная, и поэтому шли всю ночь. До горной гряды оставалось еще километров восемь. Местность вокруг была довольно безлюдной. Дневку организовали в мандехе, выставив сверху наблюдателей. Только раз, километрах в пяти от места нашего расположения, проехал на ишаке какой-то афганец.

С наступлением темноты двинулись к дороге, до которой было еще три—четыре километра. Наблюдая на марше в ночной бинокль, я вдруг заметил нечто, напоминающее туман, выползающий из распадка в горной гряде. До гор было довольно далеко, и я не сразу сообразил, что это пыль от идущих за горкой машин. До дороги оставалось еще с километр, когда духи, подавая какой-то сигнал друг другу, перемигнулись фарами. Здесь мне стало все ясно. Группа была подготовлена довольно хорошо. Я просто напомнил, кто в какой подгруппе, и мы ускоренным шагом пошли к дороге. На дороге показался автомобиль. Мы упали и заняли позицию метрах в восьмистах от дороги в сухом русле. Головной дозор на «Симурге» проследовал, ничего подозрительного не заметив. От него до основного каравана было еще километра три. Как только он прошел, мы поднялись и броском выдвинулись к дороге. Залегли в мандехе метрах в тридцати—пятидесяти от дороги. Нам здорово повезло, что три грузовых автомобиля следовали довольно кучно. Расстояние от первой до замыкающей машины было метров двести. Сразу стопорнули первую и последнюю машины. Вся охрана из человек шестидесяти—семидесяти ехала на второй машине, поэтому они сразу же попали «под раздачу». Ночь была очень светлая. В свете луны мы расстреливали духов, как в тире. Всего потом насчитали пятьдесят пять или пятьдесят шесть человек убитыми. Сопротивления они почти не оказывали.

В процессе боя меня вдруг осенило, и я приказал старшим троек из гранатометов не стрелять. Как потом оказалось, я был прав. Сорокафутовые фуры «Мерседес» были загружены под завязку: реактивных снарядов около 800 штук, примерно 1500 итальянских противотанковых мин. Я затрудняюсь представить, что было бы, если бы все это стало взрываться. Бой длился не более двадцати минут. Было два часа, когда я передал в батальон: «Остановил три «коробочки», у меня никаких цифр нет. Жду дальнейшего развития событий». Закончив сеанс связи, я провел перегруппировку. Людей растянул по фронту, а поскольку для прикрытия тыла сил уже не оставалось, я поставил там мины МОН-50 и ОЗМ-72 на растяжку. Уходя, мы все это рванули. По результатам досмотра захваченных трофеев, можно было предположить, что это перемещалось какое-то формирование моджахедов. Помимо оружия и боеприпасов в машине было и барахло. Ближе к утру духи стали проявлять какую-то активность. Со стороны гор в нашем направлении было сделано несколько пусков реактивных снарядов, но довольно не прицельно.

Утром группу эвакуировали вертолетами. Сергеев прилетел лично. Для начала обругал за неточные координаты, а потом тут же поздравил. Перед уходом мы все это выгрузили из машины. Оказалось больше сотни единиц стрелкового оружия. Их погрузили в вертолеты. Остальное сложили в штабель, включая трупы душманов, сфотографировали и, улетаая, заминировали минами-ловушками. Через пару дней на облете наблюдали результаты. Судя по всему, рвануло солидно.

За этот результат я тоже ничего не получил. Контрразведчик отряда, как и обещал, завел на меня уголовное дело за расстрел, якобы мирных, афганских граждан. Он имел на меня зуб за то, что я послал его, когда он предложил мне «стучать».

Без связи

Все началось с того, что начальник связи отряда Женя Дурнев решил обслужить машины связи в то время, когда несколько групп находилось на выполнении боевых задач. Было это 18 апреля 1986 года. Дата хорошо запомнилась, поскольку это день рождения моей старшей дочери. Тогда была развернута охота за «Стингерами».

С группой в составе 18 человек я был выброшен в довольно «веселый» район. Вокруг одни горы и между ними петляет очень накатанная дорога. До нее от места десантирования с вертолетов мы шли около десяти километров. Следов на таком ландшафте не остается. Увидев ее, я сразу подумал, что место это хлебное и результат должен быть.

Моя группа заняла три горки на расстоянии от дороги примерно полтора километра. Но прошло уже три дня, а каравана не было. Воевали мы уже год, опыта было достаточно. По всем разведпризнакам, духи готовили проводку крупного каравана. По дороге сновали то мотоциклисты, то «Симурги», то пешие группы духов. Горная гряда в районе границы с Пакистаном заканчивалась, и виден был кусок долины на его территории. Там мы которую ночь наблюдали свет фар нескольких автомобилей. Явно там что-то готовилось.

У всех перед глазами стояли «Стингеры», так нам командование заморочило ими голову. Наблюдая такую подготовку, я надеялся, что именно их и повезут. Сидели в горах, как мыши. Но вокруг нас не появлялся никто. На третий день, часа в четыре дня пошло крупное формирование моджахедов, общей численностью человек сто пятьдесят. Они двигались вдоль дороги в линию колонн. Увидев это, я подумал про себя, что если пройдут, то будет крупный результат. Но может быть и бой. Вышел бой.

Духи шли широким фронтом, проверяя окрестности. Между со колоннами было метров сто пятьдесят — двести. Вооружены были прекрасно. Одна из групп направилась на горку, где сидели мои разведчики. Завязался бой, в котором духи сразу потеряли человек десять. Они явно не ожидали такого расклада и отошли. Перегруппировавшись, вся эта армада развернулась и пошла на них. Мы ударили духам во фланг. Поскольку позиции были хорошо подготовлены, выкурить нас было не так просто. Но и духи выбрали довольно грамотную тактику. Первая волна идет. Мы открываем огонь. А снайперы духов, находящиеся сзади, начинают давить наши огневые точки.

В течение боя подъезжали машины, доставлявшие подкрепление, боеприпасы и оружие. Поняв, что мы находимся на трех высотах, часа через два они подтянули три ДШК, каждый из которых «окучивал» «свою» отдельную горку метров с восьмисот — километра. Духи попытались совершить обход и взять нас в кольцо, прижав плотным огнем. Но мы открыли огонь из подствольных гранатометов. Очень эффективно работал АГС-17, но спустя некоторое время в него попала пуля.

Особенно интенсивный огонь был на высоте, где духи обнаружили разведчиков в самом начале. Там бойцы в последние моменты боя отстреливались сигнальными ракетами. Почти все оружие было выведено из строя при попадании в него пуль противника. Бой длился пять часов. Связи с отрядом не было.

Удалось связаться с Кандагарским отрядом, те в свою очередь передали в Кабул на «Экран», а оттуда уже позвонили в батальон: «Вы что, спите? У вас группа четыре часа ведет бой!». После этого к нам вылетели вертушки. В бою погиб рядовой Борисов из Рязани и практически все были ранены. Но и духам досталось не слабо.

С группой увязался парторг отряда Сиваков, в надежде «на халяву оторвать орден». Но когда начался бой, он не высовывался и только заряжал мне магазины. Он — единственный, кто не получил ранения. Спустя пять часов над нами появились вертушки и «Грачи». Стали наводить их. Духи в бою потеряли командира и нескольких китайских советников, которые пытались руководить боем. То, что это было именно так, подтвердили захваченные нами документы. Это сыграло важную роль. Утратив руководство, духи поспешно стали отходить неровными колоннами и вскоре бой стих. Вдогонку я послал им пару «Шмелей» и, пока доставал, пострелял из пулемета.

Было начало десятого ночи, когда все стихло. Я связался со своими по радио, и получил от сержантов доклады о потерях и количестве выведенного из строя оружия. Держаться еще было можно. Отдал распоряжение об оказании помощи раненым. Борисову помощь была уже не нужна, но был еще один тяжелораненый, которому пуля, видимо, рикошетом, попала в позвоночник и застряла. Несмотря на это, он выжил. Летчики, прибывшие к нам на помощь, сообщили мне по радио, что договорились висеть над нами всю ночь, на всякий случай. Но я сказал, что это лишнее. Поскольку связь восстановлена, я всегда смогу, в случае чего, их вызвать. На том и порешили.

Эвакуировали нас утром. После доклада и сдачи оружия я, не откладывая на потом, пошел и «отметелил» начальника связи. Парторг, правда, кричал, что выгонит его из партии. Но я в это плохо верил и решил, что меры моего воздействия, на которое я имел полное моральное право, будут намного эффективнее. Замполит потом пытался подать на парторга представление к награде, но я, как командир группы, отказался его подписывать.

Е. Сергеев. По агентурным данным

«Крупоеды» и «бородатые сказочники»

Начальник штаба ТуркВО генерал-лейтенант Гусев, приезжая к нам для проверки, в шутку нас называл «крупоедами». Подразумевая, что мы задаром едим народную крупу. Генерал он был очень жесткий, но справедливый. На «крупоедов» мы не обижались, понимая, что он шутит.

Но вот кого он называл, как припечатал, это офицеров оперативно-агентурных групп военной разведки. Он их иначе, как «бородатые сказочники» не называл.

Теоретически ОАГр должны были работать с нами в тандеме. Они информацию добывают — мы ее реализуем. Однако в этом тандеме рабочим звеном был только спецназ. Например, в Калате задолго до нас работала одноименная группа. Они действовали под «крышей» группы по работе с населением. Чтобы больше походить на местных жителей и меньше на советских военных, они отращивали бороды. Отсюда и первая часть прозвища. А сказочниками их Гусев прозвал за «достоверную» информацию, которую они нам предоставляли.

Первая встреча

Помню, как мы впервые с ними встретились. На их карте подробно была нанесена обстановка в нашей полосе ответственности. Там — то банда ДИРА общей численностью 80 человек, командует Абдул Малик. На вооружении ДШК — 3, РПГ-7 — 8, АК — 70, то еще какое-то формирование моджахедов. Нанесены маршруты доставки оружия и боеприпасов, указана интенсивность их использования. Я смотрел на все это и думал: «Надо бы нам все это поскорее нанести на свою карту».

Но когда мы начали вести боевые действия, стало ясно, что 99% их обстановки, нанесенной на карту, — липа. Мы же, работая в районе и ведя разведку на себя своими силами, знали, где реально проходят караванные маршруты, какова их охрана, где сосредоточены силы моджахедов и какие. Но по опыту наших товарищей из Кандагара я запретил делиться информацией с ОАГр «Калат». И тут дело совсем не в том, что мне было жалко, а в том, что в том же Кандагаре агентурщики работали просто. Приходили к начальнику разведки отряда переписывали информацию с рабочей карты, а потом присылали им ее, как информацию, добытую агентурным путем.

Я считаю, что свой хлеб надо зарабатывать честно.

Когда лень перейти дорогу

Конечно, сейчас нельзя винить их во всем. Порой они просто физически не могли проверить достоверность предоставляемой ими информации, но зачастую они даже не пытались этого сделать.

Так например, однажды, совершая облет местности на вертолетах, я буквально натолкнулся на расположение какого-то вооруженного формирования. Над ним развевалось зеленое знамя Пророка. Самое поразительное было в том, что я отчетливо увидел артиллерийские орудия. Прибыв в отряд, я связался с офицерами группы «Калат» и попросил дать информацию о том, какие афганские правительственные подразделения имеются в указанном районе. В ответ мне сообщили, что там афганских частей нет. На следующий день я, на всякий случай, полетел повторно в тот же район, правда, прошел над данным подразделением другим курсом. В этот раз я точно определил координаты высоты, на которой располагался гарнизон. Снова сделал запрос, сократив район до минимума. И снова мне ответили, что там «зеленых» нет. «Неужели духи?» — подумал я и на другой день подготовил налет. При этом задействованы были все наши вертушки. По плану «двадцать-четверки» должны были сначала долбить позиции духов, а вслед за БШУ высаживались мы. На всякий случай уже перед самым налетом я в третий раз запросил группу «Калат» и дал точные координаты объекта. И снова мне сообщили, что афганских подразделений там нет. Взлетели. Но на душе было как-то беспокойно. Уже в воздухе я изменил порядок действий. Мы перестроились, и перед атакой я на ведущем вертолете прошел прямо над позициями, которые мы собирались атаковать. На земле люди приветственно махали нам руками, а помимо зеленого знамени развевался и государственный флаг ДРА.

Когда мы возвращались, я попросил посадить меня в Калате. Возмущению моему не было предела. Мы чуть не ударили по афганцам, которым, собственно, и должны были помогать. После моей пламенной речи офицер группы перешел через дорогу и уточнил у советников «Цорандоя», нет ли у них там какого-нибудь гарнизона. Те подтвердили, что на этой горке находится их пост.

По-моему, комментарии излишни.

Цена бездеятельности - срок

В другой раз их бездеятельность обернулась более плачевными результатами. Группа под командованием лейтенанта Химова высадились в районе озера Абу-Истада для организации и проведения засады. Химов, выйдя к дороге, укрыл своих бойцов в кяризах, разбив на тройки—пятерки. И вот днем на дороге показалась группа местных жителей. Один из них вышел непосредственно на одну из троек разведчиков. Понимая, что его тройка обнаружена, сержант, командовавший ею, принял решение задержать афганца, обнаружившего их, и выяснить, кто он. Но когда он поднялся и позвал его, тот распахнул накидку и попытался воспользоваться автоматом, которого раньше видно не было. В коротком бою группа духов была уничтожена, трофеи захвачены, а группа эвакуирована. Но спустя некоторое время выяснилось, что это была группа афганцев, входивших в состав полка, расположенного неподалеку от того места, где организовал засаду Химов. На этой дороге мы до этого также проводили засады, и весьма результативно. О том, что там стоит афганский полк, нам никто не сообщил, хотя это должны были сделать разведчики из группы «Калат» или «Газни». Тем не менее, Химова обвинили во всех возможных грехах и дали четыре года условно. Хорошо, что не посадили.

Когда очень хочется «прогнуться»...

Не имея информации от нас, агентурщики частенько попадали впросак. То дадут информацию о том, что там-то постоянно проходят трейлеры с оружием. Но мы то знали, что на указанном участке хорошо, если ишак пройдет.

Так однажды, когда в отряд ожидалось прибытие начальника разведки округа, они решили отличиться. По поступившей от них информации через мельтанайское ущелье должны проследовать семнадцать грузовиков с оружием. Не отреагировать на такую информацию мы не могли. И там была высажена группа.

Расположившись скрытно, разведчики просидели в засаде восемь суток, но никакого движения не был. Тогда я принял решение демонстративно эвакуировать группу, а в момент эвакуации посадить там другую. Что и было сделано. О том, что там по-прежнему находится группа в засаде, я агентурщикам не сообщил. И тут, когда в отряде уже находился начальник разведки округа, агентура сообщила, что колонна из семнадцати машин прошлой ночью проследовала через мельтанайское ущелье. Дескать, рановато вы ребята засаду сняли. Естественно, что в наш адрес полетели громы и молнии.

Звонил командир бригады полковник Герасимов:

— Вы что там, спите? У вас под носом семнадцать машин прошло!

Когда же я сказал, что этого быть не может, поскольку в ущелье находится моя группа, мне не поверили.

Пришлось летать на вертолете и дать возможность связаться по радио с командиром.

Агентурщики имели очень бледный вид. Их счастье, что в отряде работал начальник разведки. Я даже не берусь представить, что с ними бы сделал Гусев.

...«Прогиб» получается в обратную сторону

В другой раз они попытались реабилитироваться, когда снова в отряд прибыл НР. Его сопровождал заместитель командира бригады полковник Масолитин. Агентура сообщила, что северо-западнее Калата в кишлаке Наухез стоят два или три автомобиля «Симург», груженных оружием. Это было примерно в 14.00. Доложив информацию, агентурщики предполагали, что для ее реализации мне потребуется много времени. Во всяком случае, они никак не ожидали, что работа по их информации начнется в тот же день. А там можно будет сказать, что машины ушли.

Но у меня на аэродроме в десятиминутной готовности постоянно дежурила одна из групп. Чтобы поднять ее в воздух, потребовалось двадцать—двадцать пять минут. Через сорок—сорок пять минут группа была над кишлаком.

Одновременно я связался с Калатом и попросил поддержки Цорандоя для досмотра кишлака. Через три часа мы были в кишлаке, но, как вы догадываетесь, никаких машин там не было. Вместе со мной туда выезжал и Масолитин...

После этого агентурщики уже не пытались нас подставлять таким образом.

Диспозиция

Летом 1986 года Сергеев начал разработку налета на огромный по афганским меркам кишлак Шинкай, стоявший у входа в ущелье. В самом ущелье находилось три мощных группировки различных исламских партий. Духи себя там чувствовали совершенно спокойно. По данным агентуры, в ущелье были оборудованы огромные склады оружия и боеприпасов. Но задираться на такую группировку только своими силами нам было не по зубам.

Оставался Шинкай. Сам Шинкай — уездный центр, хоть и полностью душманский, трогать бы тоже ни с того ни с сего никто не позволил. Тем более в пяти километрах от него находился афганский пост правительственной связи. Во всяком случае, на все наши запросы мы получали отказ. Тогда Сергеев решил пойти на хитрость.

В батальоне только начинал служить лейтенант Сергей Киршин. Парень был хоть и молодой, но подающий большие надежды. Вот ему и поставил задачу Сергеев. Киршин с группой и афганским проводником должен был скрытно выйти в район и занять гору, которая находилась между ущельем и Шинкаем. От ущелья до горы было около трех километров. Тяжелым оружием его с гор достать бы не смогли. Штурмовать же со стороны Шинкай тоже занятие не из легких. Гора была довольно крутая, и удерживать ее силами группы можно было без проблем.

Киршин с задачей справился идеально. Пройдя километров пятнадцать, он обошел все сторожевые посты духов и беспрепятственно вышел к указанной вершине. Спокойно пересидел там день и ночь, а на следующий день стал «светиться». Обнаружив его, духи, мягко говоря, пришли в недоумение. В центре их базового района группа «шурави»! Конечно же, его начали долбить. А нам только это и нужно было. Сразу же над ним оказалось две пары «Грачей» и двадцатьчетверки.

Операция «спасения»

Под прикрытием «необходимости спасения» нашей группы СУ-25 очень неплохо отбомбили Шинкай. «До кучи» досталось и тем, кто сидел в ущелье, чтобы не думали, что у нас руки коротки. Четыре Ми-8 плюхнулись прямо перед мечетью, на центральную площадь. Из них стремительно выскочили четыре группы по десять человек. Каждой командовал офицер.

К этому духи готовы не были. Максимум, чего они ждали — это бомбоштурмового удара.

Но и это было отнюдь не все. Сразу после того, как по кишлаку нанесли БШУ, от бетонки к Шинкаю стремительно выдвинулась третья рота на БТР. До этого они находились в районе ожидания в пятнадцати километрах от Шинкай. Они отрезали пути отхода духов. Четкость, стремительность и, главное, дерзость наших действий сыграли главную роль в победе. Духи были полностью деморализованы и почти не оказывали сопротивления.

«Накосили» их очень много. Оружия выгребли, даже не могу сказать сколько, чтобы не показаться болтуном. Но главное, что потом оценили и духи, мы действовали строго против них.

Конечно, от бомб во время бомбежки пострадали и мирные жители. Но как только в дело вступил спецназ, ни один мирный житель не пострадал. Помню, как с двумя бойцами врываемся в дом. Прямо передо мной сидит женщина и две девчушки и по афгански лопочет: «Дуст! Дуст!»*. Быстро осматриваем комнату и, не найдя никого, выскакиваем наружу. Тут же натываемся на трех духов и валим их. На улице я грохнул еще одного. Когда отходили, мне запомнилась такая картина. У воронки от пятисоткилограммовой бомбы сидит контуженый и, наверное, сошедший с ума дух. На лице совершенно дебильная улыбка, а вокруг чьи-то руки, ноги.

*

В результате налета духи понесли очень ощутимые потери, но, несмотря на это, как донесла агентура, стали относиться к отряду с большим уважением. Они прекрасно поняли направленность наших действий, отсутствие потерь среди мирных и также отсутствие фактов мародерства с нашей стороны. Духи четко провели грань между действиями спецназа и пехоты.

Конечно, после этого случая они стали «пасти» нас более тщательно. Но поскольку к этому периоду мы стали работать, в основном, с вертолетов, разведка их в районе нашего расположения мало что могла дать.

* "Дуст" - друг (фарси).

В. Ковтун. Е. Сергеев. Как взяли первые "Стингеры"

Из чего стреляли?

Владимир Ковтун, на 1987 год заместитель командира 2 роты 7 отряда специального назначения ГРУ: В январе 1987 года я собирался на выход снова на стык зон ответственности с Кандагарским отрядом (В Кандагаре располагался 173 отряд спецназа ГРУ, прим.ред). По дороге на Кандагар, недалеко от Калата, в районе кишлака Джилаур есть солидная "зеленка". Почти перпендикулярно дороге, на юго-восток шло Мельтанайское ущелье. И нам, и кандагарцам туда летать было далековато. Пользуясь этим, духи чувствовали себя в этом районе довольно вольготно. Сергеев задумал очередную авантюру — поработать там. План был такой. Выбрать место для засады, отработать и несколько недель больше вообще не появляться в этом районе, чтобы духи успокоились. Потом снова отработать и снова на время пропасть. Так и щипать потихоньку.

Под видом досмотровых действий мы полетели на разведку местности. Досмотровой группой командовал Вася Чебоксаров. Мы с Сергеевым летели выбрать место засады, десантирования и дневки.

Евгений Сергеев, в 1987 году заместитель командира батальона 7 отряда спецназа, планировавший операцию:

Именно все так и было. Мы с Ковтуном летели на ведущем вертолете. С нами было еще два или три бойца. Я сидел за пулеметом на месте борт-стрелка. В ведомом вертолете летел лейтенант Чебоксаров со своими бойцами.

Владимир Ковтун:

Сначала летели на юго-запад вдоль бетонки. Потом свернули влево и вошли в ущелье. Внезапно на дороге обнаружили трех мотоциклистов. Увидев наши вертушки, они быстро спешили и открыли огонь из стрелкового оружия, а также сделали два беглых пуска из ПЗРК. Но мы сначала эти пуски приняли за выстрелы из РПГ. Это был период, когда слаженность действий экипажей вертолетов и групп специального назначения была близка к идеальной. Летчики сразу сделали резкий вираж и подсели. Уже когда покидали борт, командир успел нам крикнуть: "Они из гранатомета стреляют". Двадцать четверки (вертолеты МИ-24 прим. Ред.) прикрывали нас с воздуха, а мы, высадившись, завязали бой на земле.

Евгений Сергеев:

Как только увидели мотоциклистов, сразу открыли огонь. Мотоциклисты в Афганистане — однозначно духи. Жму на гашетку пулемета. Командиром вертолетного отряда был Соболев. Он успевает отработать НУРСами и сразу уходит на посадку. И тут такое ощущение, что по нам сделали выстрел из РПГ. Я успел "завалить" стрелка. Садись только ведущим бортом. Еще в воздухе я заметил странную трубу у одного из мотоциклистов. На земле по радио услышал, что по одной из "двадцатьчетверок" тоже выстрелили из гранатомета. По радио даю команду ведомой "восьмерке" оставаться в воздухе. Динамика боя высока, а духов не так много. Решил, что пока ведомый сядет, пройдет время и все уже будет кончено. В воздухе его огонь был для нас нужнее. В случае, если обстановка каким-то образом осложнится, я смогу посадить десант в том месте, где мне в тот момент он будет нужнее. На земле мы разделились. Я с одним бойцом побежал по дороге. Володя с двумя разведчиками побежал вправо. Духов забили почти в упор. На земле мотоциклы. К одному из них приторочена труба, завернутая в одеяло. Внутренний голос спокойно говорит: "Это ПЗРК". Тут смотрю, обратно Ковтун едет на мотоцикле.

Есть результат!

Владимир Ковтун: В том бою мы "завалили" шестнадцать человек. Видимо, на высоте сидела группа моджахедов, подошедшая ранее из кишлака. Не могли же они все приехать на трех мотоциклах. Возможно, они пытались организовать засаду ПВО с наземным прикрытием и заодно опробовать поступившие недавно "Стингеры".

За одним из духов, у которого в руках была какая-то труба и кейс типа “дипломат”, погнался я и двое бойцов. Он меня интересовал, прежде всего, из-за “дипломата”. Еще и не предполагая, что труба — это пустой контейнер от “Стингера”, я сразу почувствовал, что там могут быть интересные документы. Дух был от нас метрах в ста — ста пятидесяти. “Двадцатьчетверки” взяли его “в круг”, обстреливая из счетверенных пулеметов, и не давали уйти. На бегу кричу в “Ромашку”: “Мужики! Только не упустите!” Дух, видимо понял, что убивать его не хотят, и стал убежать отстреливаясь. Когда он удалился уже метров на двести, я вспомнил, что я мастер спорта по стрельбе. Нет уж, думаю, я тебя не упущу. Сделал полный вдох-выдох, присел на колено и в затылок “догнал” его. Когда подбежал, в глаза бросилась странная труба. Явно не гранатомет. ПЗРК, хоть наши, хоть вражеские, имеют много сходства. И, несмотря на то, что антенна не была развернута, мелькнула догадка: “Может, “Стингер?”” Кстати, не попали они в нас, хоть и стреляли дважды, именно потому, что времени на подготовку комплекса у них не было и антенну так и не развернули. По сути, били, как из гранатомета, навскидку.

Но особо рассматривать трофеи было некогда. Пули посвистывали. Схватил автомат, трубу, “дипломат” и к вертушкам. Подбегаю к Сергееву. Он спрашивает: “Что?”

Отвечаю: “ПЗРК”. Он, несмотря на то, что мы недавно здорово поругались, расплылся в улыбке и полез руки жать. Кричит: “Володя!” Остальные эмоции без слов.

Евгений Сергеев: Радость, конечно, была большая. И не оттого, что мы практически заработали себе геройские звезды. Об этом тогда никто не думал. Главное — есть результат, и кажется, неплохой. Несмотря на эмоции, я заметил, как отходят трое духов. Дал команду ведомому подсесть и взять их в плен. Досмотровая группа высадилась, но духов взять не смогла. Уничтожили.

Весь бой длился не более десяти минут. Раненому духу вкололи промедол и загрузили в вертолет. Место это было опасное, поэтому задерживаться там не было резона.

Владимир Ковтун: Бой занял не более двадцати минут. Дали команду на отход. Бойцы принесли еще две трубы. Одну такую же пустую и одну не использованную. Вертушка взлетела и взяла обратный курс. В салоне я открыл дипломат, а там полная документация по “Стингеру”. Начиная от адресов поставщиков в Штатах и заканчивая подробной инструкцией по пользованию комплексом. Тут уж мы вообще от радости обалдели. Все знали, какой ажиотаж создало командование Армии вокруг закупок моджахедами “Стингеров”. Знали и то, что тому, кто возьмет первый, хотя бы один образец, вручат звезду Героя.

Евгений Сергеев: Опыта к этому моменту у нас было достаточно. Я знал, что после боя духи обязательно придут своих забирать. Хоронить-то нужно до захода солнца. Поэтому часа через полтора-два можно смело наведываться туда же и иметь второй результат.

Так и сделали. Только залетали в этот раз в ущелье с юга. Я поднял две восьмерки и четыре двадцатьчетверки. Людей взял побольше. Правда, на месте боя никого больше не обнаружили. Ущелье прочесали еще раз. Искали станцию опознавания “свой -чужой”, но безрезультатно. Потом доставили все захваченное и раненого духа в Кандагар. Дух тот лежал в госпитале сначала в Кандагаре, потом в Кабуле. Как рассказывали, там он внезапно скончался, хотя еще в Кандагаре практически поправился.

"Стингер", захваченный у душман отрядом спецназа майора Е.Сергеева

"Героями" не стали

Владимир Ковтун: Шуму вокруг этого было много. Прилетел командир бригады полковник Герасимов. К Герою решили представить меня, Сергеева, Соболя — командира борта, на котором мы летели, и одного сержанта из досмотровой группы. Для оформления представления на Героя положено фотографировать кандидата. Нас четверых сфотографировали и... В конце концов, ничего не дали. По-моему, "Знамя" получил сержант. У Женьки было не снятое партийное взыскание, а на меня было заведено уголовное дело. За что не дали вертолетчику Героя, до сих пор не знаю. Наверное, он тоже был в опале у своего командования.

Хотя, на мой взгляд, ничего особо героического мы тогда не совершили, но факт, остается фактом. Первый "Стингер" взяли мы.

Евгений Сергеев: Как потом выяснилось из документов, захваченных Ковтуном, эти "Стингеры" были первые из партии в 3000 штук, которую закупили моджахеды в Штатах. Конечно, одной из основных причин, послужившей такому ажиотажу вокруг "Стингеров", была необходимость получить вещественные доказательства активной поддержки душманов американцами. Захваченные документы четко свидетельствовали об этом.

Спецназовцы, захватившие первый "Стингер". В центре старший лейтенант Владимир Ковтун

Когда в Кабуле я рассказал, как получилось реально, мне высокие начальники удивленно возразили, что уж больно все просто. После этого меня стали обрабатывать и усложнять. В результате получалось, что наша агентура засекла загрузку партии ПЗРК в Штатах, отследила ее разгрузку в Пакистане и так далее "пасла" ее до самого Афганистана. Как только "Стингеры" попали в Афганистан, были подняты по тревоге Кандагарский и наш отряды. Ждали, когда духи со "Стингерами" окажутся в зоне досягаемости. И, как только они туда попали, мы быстренько взлетели и отработали. Но это все "сказки венского леса". Хотя за сказки наградили уйму народа до "самого верха".

Правда, она всегда жестче и проще. Все произошло примерно в девять — пол десятого утра. В это время обычно никакого движения духов не бывает. Нам просто повезло, а духам нет.

Хотя надо признать, что в то время наши спецслужбы различными путями пытались достать образец "Стингера". Насколько мне известно, КГБ, который в то время был очень мощной организацией, через свою агентуру тоже пытался их добыть. Однако сделал это советский спецназ.

В. Ковтун. Как награждали политработчих

Парторг

Лавриенко перевели в Фарах, хотя он тоже не особо напрягался. А тут еще прибыло три выпускника Киевского ВОКУ. Они войну сразу стали саботировать. Пока я натаскивал одного из них, лейтенанта Плиски, вышел из себя и прямо на выходе набил ему морду. Такого я никогда себе не позволял. Но этот достал. Он делал все, чтобы группу «засветить», вплоть до того, что открывал огонь в воздух, оправдывая свой поступок случайностью.

Парторга, который ходил со мной к Пакистану, перевели в Лашкаргах, где он спился и был изгнан в пехоту. На его место прибыл другой, из кандагарского дшб. Вот его и привел ко мне замполит.

— Товарищ старший лейтенант, сводите человека на выход.

— Это что вам, танцы что ли, чтобы водить его? Или прогулка? — возмутился я.

— У меня плохая примета, когда в группу попадает парторг.

— Но надо же человеку боевого опыта набираться, — продолжал настаивать Донцов

— Да, и орденов на халяву, — парировал я.

Если бы не Женька Сергеев, я бы его нипочем не взял, но он вступился, и парторга включили в группу.

Десантировались ближе к кандагарской зоне. Отсиделись немного и спустились к мандеху. Прошли километров восемь. До гор было километра полтора. Дальше шел ровный участок и бетонка на Кандагар.

Днем пересидели. До наступления темноты оставалось совсем немного, когда я периферийным зрением засек вспышку. Пока соображал, что это такое могло быть, послышался характерный шелест падающей мины, который завершился резким разрывом. Вслед за разрывом раздалась очередь. Духи, скорее всего, вычислили наше присутствие по каким-то косвенным признакам и, не желая нарываться на наши пули, решили спровоцировать нас огнем на ответные действия.

Наша позиция была очень выгодной и я по опыту знал, что на ней мы отобьемся от кого угодно. Спустившись к тому месту, где лежал мой ранец, я натолкнулся на безумные глаза парторга.

— Володя, что же теперь будет? — заскулил он.

Испытывая давнюю нелюбовь к «капелланам», я решил поиздеваться над ним.

Сделав серьезную физиономию, я обречено сказал:

- Все, «трындец». Сейчас нас будут убивать. Как чувствовал, что это случится. Я уже и домой написал, что это, наверное, мой последний выход. Да и пацанам в отряде сказал, что иду в такую задницу, что вряд ли вернусь. От этих слов у парторга голова совсем съехала. Он потерял связь с реальностью и готов был делать все, что угодно. Поняв это, я порекомендовал ему разобрать автомат и протереть его перед боем. Это было немедленно выполнено. Когда он отделил уже газоотводную трубку, я закричал на него: «Ты что, с ума сошел? Кто разбирает оружие на выходе?». Он безропотно собрал автомат, пробормотав только, что я же ему сам велел. Я еще немного поиздевался над ним, обучая пользоваться гранатой. Парторг был совершенно невменяем.

Стемнело, и духи все же решились пощупать наши позиции. Для этого они двинулись в нашу сторону, обстреливая подозрительные места. Я знал эти фокусы и поэтому сказал своим, на провокации не реагировать. Духи прошли мимо. Вспомнив о парторге, сидящем внизу с гранатой, я спустился к нему. Увидев меня, он застонал: «Володя! Они же совсем рядом прошли!»

— Что ты орешь? — зашипел я на него. — Ты знаешь, какая слышимость в горах, да еще ночью? Вон видишь?

Духи из-за тебя возвращаются.

Парторг был на грани обморока:

— Володя, давай вызывать вертолеты! Нас же обнаружили.

— Сейчас темно, и они не сядут. Придется нам двое суток уходить от преследования, — продолжал его запугивать я.

Понятно, что выход получился абсолютно безрезультатный. У нас не было даже короткой стычки с духами, но замполит сразу после того, как мы вернулись, прибежал ко мне: «Ну, как? Я пишу на него представление?».

Со слащавой улыбкой я сообщил ему, что его подопечный не оправдал доверия замполита.

Но, так, или иначе, Донцов спустя какое-то время, все равно представил его к награде.

За месяц до замены

Мой крайний бой состоялся в апреле 1987 года, когда до замены оставался всего месяц. Я только что прибыл с выхода и вместе с Сергеевым, который меня снимал, и начальником разведки Володей Ивановым парился в бане.

Уже темнело, когда в баню прибежал посыльный и сказал: «Там группу Голуба убивают!». Через несколько минут мы уже со своими бойцами сидели в вертушках.

Голуб был одним из трех командиров групп - выпускников Киевского ВОКУ, которые воевать не желали. Вообще странно как эти люди попали в спецназ. С самого начала они выбрали хитрую тактику, которая заключалась в преднамеренной засветке своих групп, для того, чтобы их эвакуировали. Сначала мы понять не могли, что происходит. При общем настрое на результат, такие действия нам были непонятны. Но потом бойцы честно рассказали о том, что они творят, и отказались ходить на выход с ними.

Так случилось и в этот раз. Группа Голуба находилась в засаде всего в пятнадцати километрах от отряда. Это было примерно в том же районе, где потом погиб Онищук. Видимо, не опасаясь духов, Голуб намеренно демаскировал группу в надежде на то, что его скоро эвакуируют. Но засветиться то он засветился, а забрать его не успели.

Беда была в том, что в его группе уже были такие же, как и он, солдаты. Ситуацию он совсем не контролировал. Бойцы, оставив оружие на позициях, открыто шляли по горе. Наблюдения никакого не было. Воспользовавшись этим, духи скрытно подошли к позициям группы и открыли огонь. Все бросив, группа побежала, оставив противнику часть своего оружия. Продолжая находиться выше духов, Голуб не смог организовать противодействие и только слезно просил помощи, завывая в радиостанцию. На подлете мы запросили координаты его группы. Он дал, но когда мы приземлились в указанной им точке, то оказались между позицией группы и моджахедами. На маленькую площадку, один за другим плюхнулись сразу два борта Ми-8. Вертушки отвалили сразу, а мы остались. Вот когда я действительно испугался. Но, поняв ситуацию, мы открыли огонь по моджахедам, которых было то не больше десятка. Почувствовав разницу, они спешно отошли.

Стали запрашивать Голуба, где еще атакуют или перемещаются духи. Он ничего вразумительного сказать не смог. Пришлось вычислять самим. Духи, правда, обозначились довольно скоро. В конце концов, мы навели артиллерию, которая стояла у нас в отряде. Небольшое удаление позволяло им работать. Сначала навалили духам, а потом и Голубу. Больше всего, конечно, ему досталось от Сергеева, который терпеть не мог трусов и «сачков». А тут, из-за этого подонка, нас чуть всех не положили за месяц до замены. Двинул ему и я пару раз. После этого я заявил, что на облеты летать буду, но на выходы ходить прекращаю.

В. Ковтун. Героизм - всегда следствие чей-то глупости (ненапечатанное письмо)

Это письмо пришло в редакцию «Солдата Удачи» в 1999 году в ответ на призыв рассказать правду о том, как погибла группа Онищук, но напечатано не было. Тому причиной, уж больно отличавшийся от официальной версии, рассказ и анализ причин.

Прочитал статью О.Метелина «Подвиг группы» («Солдат удачи», № 6). Таких публикаций, написанных по материалам официального расследования, было немало в различных газетах и журналах. Откровенно говоря, было странно, что «Солдат Удачи» подхватил эту эстафету, да еще с опозданием в двенадцать лет. Лишь надежда на искреннее желание редакции разобраться, с присущей ей скрупулезностью, что же произошло на самом деле, вынудило меня взяться за написание этих строк. В то время, когда произошла эта трагедия, я находился уже в Союзе, но, тем не менее, был достаточно хорошо осведомлен, о том, что случилось в ночь с 30 на 31 октября 1987 года. Обо всех подробностях того боя мне написал Слава Горошко, с явной горечью. Он же, в свою очередь, разговаривал со свидетелями трагедии, оставшимися в живых. Онищук был моим «заменщиком», и я его учил воевать. В частности, водил и на то место, где его группа приняла последний бой.

О месте

Место это действительно находится от расположения отряда в 30—40 километрах. И я, и Онищук ходили туда пешком для того, чтобы не демаскировать вывод группы появлением брони или вертолетов в районе предстоящих действий. В случае необходимости, бронегруппа могла прибыть для оказания помощи разведчикам в течение часа. Время же подлета вертолетов составляло порядка двадцати минут с момента получения в Центре Боевого Управления радиogramмы о начале боя. Сама гора, на которой находилась группа Онищук, является идеальной позицией для занятия круговой обороны. Юго-восточный ее склон представляет собой отвес, по которому без специального снаряжения и соответствующей подготовки не подняться. Остальные склоны хоть и относительно пологи, но хорошо простреливаются. Вершина является естественной крепостью из цепи небольших скал и крупных валунов. До ближайшей горы, на которой, якобы, согласно другим публикациям, находились духи, было три с половиной — четыре километра. До горного массива на севере — около десяти километров. Гору, на которой заняла позицию группа, окружали невысокие пологие холмики. Одним словом, это была во всех отношениях господствующая высота.

О действиях

Группа действительно забила в ночь с 30 на 31 октября передовую машину каравана, но, судя по всему, о том, что за ней идут еще две, Онищук не догадывался. Олег Метелин, видимо, в силу незнания тактики действий моджахедов, допустил, мягко говоря, неточность, написав, что они решили подработать на проводке караванов.

У духов существовал четкий порядок обеспечения безопасности движения караванов. Он включал в себя отработанную систему предупреждения и оповещения, разведку маршрутов движения, а также применение боевых формирований для борьбы с группами специального назначения. За безопасность каравана на своем участке полевые командиры несли ответственность перед региональными лидерами своих партий и движений.

Однако в разбираемом случае спецназовцы дрались с охраной каравана, которая подтянулась к головной машине для того, чтобы ее отбить или, по возможности, скрытно вытащить в темноте. Удаление позиций огневой подгруппы от дороги составляло порядка восьмисот-девятисот метров и, в условиях ограниченной видимости, это было возможно.

Численность моджахедов была около шестидесяти человек. Зная тактику спецназовцев, они решили организовать засаду у машины (см. схему 14).

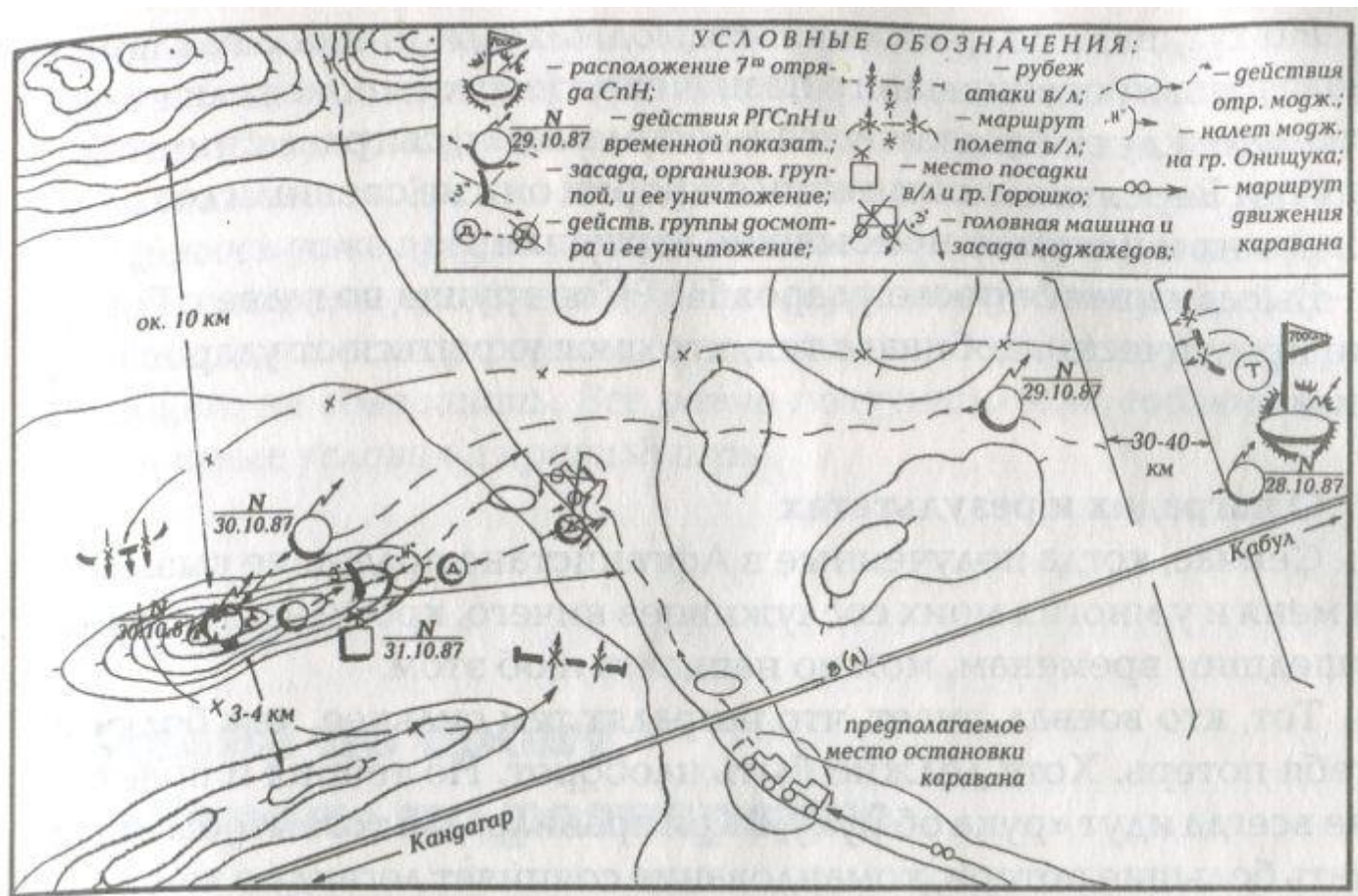

Схема 14. Засада моджахедов

Ошибки

Онищук, у которого, по правильному определению С.Козлова, к тому времени началась «звездная болезнь», расслабился и «подыграл» духам, отправив в темноте к машине досмотровую подгруппу, состоящую из двух троек. По словам переводчика роты, находившегося тогда в составе группы Онищука, бойцы ходили к машине не один раз. В один из таких «походов», когда они даже предположить не могли, что у машины могут быть духи, они и нарвались на засаду.

Духи не стреляли. Они бесшумно перерезали разведчиков, оделись в их форму и стали подниматься по склону. Онищук даже не организовал взаимодействия с подгруппой досмотра каравана, иначе, связываясь с ними, он бы обязательно заволновался, не получив ответа на свой запрос о том, как идут дела.

Это было на рассвете. Духи, пользуясь потерей бдительности, смогли подойти практически вплотную и начали расстреливать разведчиков. Вот тут и завязался бой, в котором все преимущества: и внезапность, и численное превосходство были на стороне моджахедов.

Радист, находившийся на вершине, связался с батальоном и передал, что группа ведет бой и несет большие потери.

Отрядом в то время командовал подполковник Нечитайло, который не отличался скоростью принятия решений. Пока подняли по тревоге резерв во главе с командиром роты Ярославом Горошко, пока они вылетели, бой, практически, закончился.

В живых остались лишь те, кто находился в составе подгруппы обеспечения, которая занимала позиции на вершине горы. Духи их просто не заметили.

Но тут, видимо, расслабились моджахеды. Уникальная победа над группой специального назначения (а духи проводили четкую грань между спецназом и всеми остальными) сыграла с ними злую шутку. Вероятно, в состоянии эйфории они не спешили отходить. Здесь их и накрыли прибывшие вертушки.

Высадившаяся после ударов НУРСов группа во главе с Горошко практически, добивала тех, кто смог укрыться от ударов авиации.

О наградах и результатах

Сейчас, когда полученные в Афганистане ордена не вызывают у меня и у многих моих сослуживцев ничего, кроме ностальгии по ушедшим временам, можно написать и об этом.

Тот, кто воевал, знает, что наградят тем сильнее, чем больше у тебя потерь. Хотя должно быть наоборот. Но теория и практика не всегда идут «рука об руку». Как правило, для того чтобы оправдать большие потери, командование сочиняет легенду о жестоком бое с превосходящими силами противника, в котором и погибли герои. А раз герои, то надо награждать соответственно. Отсюда и история о лично убитых в рукопашной схватке духах и тому подобные сказки.

Любой спецназовец знает, что если бы и у Горошко дошло до рукопашной, то, вероятнее всего, героев было бы столько же, и оба посмертно. Все, что перечислено в «общем итоге операции» как уничтоженное — обыкновенная социалистическая приписка. Уничтожено — попробуй, проверь. Слухи о гибели Молада и Насера сильно преувеличены.

Все, что указано как захваченное, находилось в машине, которую в самом начале «забила» группа Онищука. Вот так в результате халатности командира рядовой выход группы с рядовым результатом стал трагическим, а чуть позже был овеян ореолом героизма.

С. Козлов. Ордена по сроку и "Герои" по разнарядке

В Афганистане можно было перебить всех до единого духа, но если в это время нет разнарядки на твою часть на присвоение кому-нибудь (без разницы) звания Героя Советского Союза, то можно не волноваться. Звания этого тебе не видать как своих ушей. Затрудняюсь даже предположить, как военное и политическое руководство страны регламентировало героизм в действующей армии. Зато, если есть разнарядка, то можно и ничего из ряда вон выходящего не совершать. Все равно получишь, если соблюдены определенные условия и правила игры.

Помню, когда мы только прибыли в Кандагар и познакомились с офицерами местного дшб, они с явной обидой рассказывали, что командиру 2-й роты Игорю З. «завернули» назад представление на Героя, хотя он тогда совершил, что-то очень героическое. Не было разнарядки и вместо золотой дали «Красную Звезду». Спустя несколько месяцев их батальон уехал на Панджшер, где проводили армейскую операцию. После этого Игорь был представлен к званию Героя и вскоре его получил. Причем офицеры рассказывали, что в этот раз ничем особо героическим ни он, ни его рота не отличились. Просто кандагарские десантники воевали «круче всех» и на батальон «спустили» разнарядку на одного Героя. Командир 1-й роты тогда был не в ладах с комбатом. 3-я оставалась в Кандагаре. Вспомнили старые заслуги и дали Игорю.

После получения награды он напился пьяный, повесил орден Ленина и Звезду на «тельник», разделся до трусов и ходил по женскому общежитию с трофейной саблей в одной руке и бутылкой водки в другой. Встретив кого-нибудь, он «накатывал» ему водки, а после этого спрашивал:

- Слушай! Скажи, за что мне эту х... дали?

В данном случае звание присвоили все-таки достойному человеку. А были случаи, когда и не вполне. Как-то довелось читать одно представление, в котором основным достоинством и признаком героизма было то, что человек «лично уничтожил пять мятежников, когда они атаковали КП», где он находился. Если так, то половину моей группы можно было бы наградить этим высоким званием, а некоторых даже дважды.

*

Расхожая поговорка: «Кому война, а кому мать родна», в полной мере мне стала понятна, когда я был вызван на беседу к Члену Военного Совета армии. Наша служба в Афганистане уже приближалась к завершению. Дело это, то бишь война, и мне, и Мишке Вороницкому, было по душе. Вот и решили мы, сдуру, написать письмо М.С.Горбачеву с просьбой направить нас в Никарагуа для того, «чтобы передать наш опыт латиноамериканским товарищам». Мы же не знали, что там советники получают в валюте и, что за такую командировку нужно давать взятки.

Письмо попало по адресу, поскольку вскоре меня вызвали к ЧВС. «Ворона» не стали трогать. Он к этому времени уже служил в Лашкаргахе. Ожидая, когда меня примет Член, я страдал от безделья в приемной. Там случайно я стал свидетелем такого разговора двух офицеров аппарата ЧВС.

Один из них был дежурным по управлению, кто был второй, я не знаю. Я был всего лишь старлеем, а они оба подполковники. Мучаясь, как и я, от скуки, дежурный, потянувшись, сказал: «Позвонить, что ли, в наградной отдел. Может быть, ордена пришли».

Что он немедленно и сделал. По тому, как он оживился, стало ясно, что ордена пришли. Подполковник взял ручку и стал записывать фамилии награжденных, сначала орденом «Красной Звезды», а затем «За службу Родине». В это время появился начальник отдела кадров управления ЧВС подполковник Ф. Что это за величина, рассказывать не стоит. Шествуя царственной походкой, он лишь удостоил коротким кивком обоих «подполов».

— Товарищ подполковник! — окликнул его дежурный. — Вам «Красная Звезда» пришла.

Ф. снова плавно и царственно кивнул. Новость его не вывела из состояния душевного равновесия.

Он уже прошел, когда дежурный его снова окликнул:

— Ой, извините. Я не в ту колонку взглянул. Вам не «Звезда», а «За службу» третьей степени пришел.

Ф. мгновенно переменялся. Явно в сердцах, он выругался в чей-то адрес и с горечью сказал: «Зарубили!».

Услышав это, я чуть не упал с казенной лавки. Но это было еще не все. Когда Ф. ушел переживать свое горе, подполковники продолжили беседу.

— А вы себе еще не посылали на орден? — спросил дежурный.

— Нет. Я, думаю, еще рано, — ответил второй.

— А сколько вы уже здесь? — поинтересовался дежурный.

— Девять месяцев.

— Ну что вы! Уже пора, — вполне серьезно заявил дежурный.

Видимо, он знал, что говорит.

Я затрудняюсь сказать, как я сдержался и промолчал. У нас за «Красную Звезду» командир группы должен, ползая под пулями, пузо по камням до позвоночника стесать, а здесь...

На мое счастье меня пригласили к Члену, где он мне доходчиво объяснил, что и «без меня большевики обойдутся». Правда, заверил, что как только я понадобится, меня сразу пригласят. Но, судя по отсутствию вызова, там справились своими силами.

*

Классные парни замполиты. Как они умудрялись получать награды, я уже писал. Моральный аспект получения незаслуженных орденов их не трогал. Одна из причин кроется в том, что получив орден и прочитав содержание наградного листа, они начинали верить в то, что все описанное было на самом деле.

Замполит нашего отряда капитан Сметана по кличке «Мацони»* отправился на войну. За ротного был я, поэтому первую же его попытку покомандовать я пресек на корню и довольно грубо.

После этого Мацони успокоился и, как я ему и советовал, безропотно оставался пассажиром на броне.

Вечером следующего дня одна из групп под командованием Лехи Рожкова забила трактор с наркотой. То, что это — опиум-сырец мы разобрались не сразу. Всего было 170 кг. Как потом выяснилось, среди убиенных духов оказались высокие «шишки». Один из них был видным полевым командиром, а другой — и вовсе членом ЦК ИПА.

В сущности, отряд задачу выполнил и мог возвращаться на базу, но беда была в том, что работали мы западнее Кандагара, а для того чтобы возвратиться, надо было преодолеть печально известную Кандагарскую «зеленку» и сам город. Это было весьма рискованно. Колонны и мы вместе с одной из них проходили этот участок пути под прикрытием пехоты, которая специально выходила на обеспечение движения.

И.о. комбата капитан Сюльгин, «любивший меня как родного», предложил мне самому решить — оставаться и ждать, когда очередная колонна будет возвращаться в Кандагар, либо на свой страх и риск проскочить опасный участок. Я выбрал последнее и не прогадал. Правду сказать — духи опоздали всего на полчаса.

Вместо меня «под раздачу» попала пехота. Судя по тому, как их потрепали, обиделись духи на Леху здорово. Прибыв, я представил Рожкова к ордену «Красной Звезды», а спустя пару недель за захват части крупного каравана — к «Красному Знамени».

По афганским правилам, неведомо кем установленным, человек не мог получить два ордена сразу, и «старший» орден как бы поглощал «младший».

Выходило, что Лехина «Звезда» оставалась бесхозной. Ан нет! Ее «по-тихому» переадресовали Сметане. Так же «по-тихому» он ее получил, но в отряде орденом не «звякал». Потом его сняли за финансовые нарушения и отправили в Союз.

И вот там, в Чирчике, когда его спросили офицеры, за что у него «Звезда», он небрежным тоном поведал о том, как сначала организовал засаду, а потом возглавил отряд и «смелыми и решительными действиями вывел отряд из окружения». И все бы поверили, но на его беду в ленкомнату вошел Мишка Манучарян, который во время Рожковского захвата командовал другой засадной группой. Он то и попросил уточнить подробности героического поступка. Только после этого Сметана приобрел цвет своей фамилии. Однако я уверен, что историю эту он выучил отлично и в другой компании рассказывал о «своих подвигах» без запинки.

Здесь главное — поверить в себя!

* Мацони - разновидность кисло-молочных продуктов. Изготавливается в Грузии.

Фарахруд. 411 ооСпН

411 ооСпН был сформирован в составе 22 обрСпН в населенном пункте Шинданд (ДРА).

Особенностью комплектования отряда являлось то, что практически все офицеры и личный состав уже не менее полугода прослужили в Демократической Республике Афганистан.

Комбатом был назначен А.Фомин, ранее начальник штаба 7-го отряда, заместителем — А.Худяков, прибывший из Союза. Там он служил в Московском разведцентре. Начальником штаба был Н.Дубровин, служивший до этого командиром роты в Лашкаргахе. На все должности командиров рот, групп, отделений прибыли люди из действующих в то время в Афганистане отрядов 22-й бригады спецназначения. На все остальные должности прибыли офицеры, прапорщики и личный состав из частей 5-й мотострелковой дивизии, дислоцирующейся в Шинданде. Как это обычно случается, дивизия избавилась от «балласта». Многие употребляли наркотики, воровали и продавали все, что можно было продать или обменять. Можно представить с какими трудностями пришлось столкнуться командованию части и командирам подразделений в работе с людьми, чей профессиональный и моральный облик оставляли желать лучшего. Только благодаря авторитету, основанному на боевых заслугах, высоких профессиональных и личных качествах таких офицеров, как Константин Кожмяков, Александр Мированный, Вадим Быков и некоторых других, дисциплина в отряде была.

В последних числах декабря 1985 года отряд в полном составе на боевой технике совершил 100-километровый марш в пункт постоянной дислокации, где и встретил новый 1986 год.

Отряд перекрывал караванные маршруты, идущие из Ирана. Интенсивность их использования на начальном этапе была невысока. Соответственно и результативность была довольно низкой.

Исходя из особенностей оперативной обстановки и географических свойств местности, большой площади района зоны ответственности, применялась тактика ведения поисково-засадных действий. Вначале уходили сроком на 3 дня, далее на 5 суток на удаление до 100 км от ППД. Группы доставлялись на вертолетах или на бронетехнике. Ежедневно на вертолетах совершались облеты местности с целью обнаружения и уничтожения «духов», а также разведки местности. Собранные сведения позволяли более эффективно использовать группы в пешем порядке и на броне. Налеты были редкостью.

На удалении более 100 км по всем направлениям отсутствовали какие-либо части ограниченного контингента и «духи» порой вели себя беспечно, за что и страдали. Со временем отряд увеличил эффективность своей работы и серьезно осложнял жизнь духам в своем районе.

Был выведен в Союз в составе 22 обрСпН и остался в ее составе. Очень успешно работал перед началом и в ходе боевых действий в Дагестане. Принимает участие в боевых действиях во Второй Чеченской кампании.

Владислав Велиев. Я был всего лишь переводчиком

На войну с курсантской скамьи

В Шинданд, где формировался отряд, я прибыл 25 декабря 1985 года для прохождения дальнейшей службы в должности переводчика. Этому предшествовала учеба в РВДУ и месяц службы командиром группы в Бердске. В батальоне шел этап боевого слаживания. В течение 2-х месяцев отряд готовили к ведению боевых действий. На усиление для охраны ППД отряду были приданы танковый батальон и батарея ГРАД. Для обеспечения нашей деятельности в нашем распоряжении находилось 4 вертолета МИ-8 и 4 вертолета МИ-24.

Отряд месяца три или четыре жил в палатках, пока не был подготовлен отель, еще до войны построенный болгарями. Это был капитальное сооружение, где каждая группа имела свой кубрик. Находясь внутри, мы, практически, не боялись обстрелов, на столько мощные там были стены. Недалеко от отеля стояли и наши вертушки. Все было весьма удобно.

Относительно спокойная оперативная обстановка в провинции, удачно выбранная местность расположения отряда, мощь при данных сил и средств, обеспечивающих надежную охрану ППД и казалось бы, высокая профессиональная подготовка личного состава, давали надежду проверяющим из округа и ГРУ полагать, что отряд станет образцово-показательной частью.

А.Фомин, понимая задачу, был нацелен на результат и на это же ориентировал офицеров. Устав от трудовых будней, личный состав рвался в бой.

«Начало...»

К великому сожалению, начало ведения боевых действий отрядом показало бесперспективность этих надежд.

В первых числах апреля 1986 года бронегруппа 1-й роты под командованием старшего лейтенанта Л. возвращалась в расположение отряда после проведения поисково-засадных действий. До отряда оставалось около 10 км. Вторым офицером в группе был замполит роты Ф., пришедший, как и все замполиты, из пехоты. Он стал брать командира группы «на слабо» отклониться от маршрута и проехать через кишлачную зону. Самолюбие офицера спецназа возобладало над разумом и здравым смыслом. Как назло, в кишлаке заглохла одна из машин. Еще одна остановилась для буксировки. Две, впереди идущие, уже выехали из кишлака. В это время по двум остановившимся машинам был открыт перекрестный огонь из миномета, гранатомета и стрелкового оружия. Прямыми попаданиями в броню из миномета и гранатомета трех солдат сбросило на землю. Еще двое убитых и несколько раненых остались на броне. Раненному наводчику удалось зацепить трос и вывести БМП из зоны обстрела.

Для того, чтобы вытащить троих оставшихся в кишлаке, были задействованы все силы и средства отряда. К оставшемуся в живых сержанту Герасиму, раненному и контуженному, сознание вернулось в тот момент, когда «духи» расстреливали его товарищей. Откатившись в арык, он уничтожил «духов», не позволив глумиться над телами погибших. В течение полутора часов он мужественно вел бой один. Когда Герасима эвакуировали, в его магазине оставалось всего 3 патрона.

Если мне не изменяет память, в этом бою погибли 5 человек, и 7 получили ранения. Можно было бы написать о дальнейшей судьбе вышеупомянутых незадачливых офицеров, но хочется рассказать о солдате.

Сержант Герасим

Испытания сержанта Герасима на этом не закончились. Осенью 1986 года для эвакуации из группы тяжелораненого вылетел вертолет, в котором кроме экипажа, двух врачей, находился и сержант Герасим. Ночью, при посадке, вертолет врезался в землю. Командир погиб, все получили серьезные травмы. Герасим же отделался легким испугом и сломанным мизинцем на руке. Следующий случай для Герасима был не настолько удачным, но можно сказать, что он родился в «рубашке».

В 20-х числах марта 1986 года группа лейтенанта С.Столяра, в состав которой входил и Герасим, находилась на «дневке». Заметив идущую по пустыне машину, командир, взяв с собой пятерых солдат, выдвинулся на перехват. В условиях пересеченной местности встреча оказалась неожиданной. В результате скоротечного боя были уничтожены все «духи». Так думал лейтенант Столяр, так думал сержант Герасим. Тут Герасим вдруг понял, что он стреляет один. Посмотрев по сторонам, он увидел, что командир и трое его товарищей мертвы. В этот момент в него целился «дух». Первая очередь отсекла часть уха, вторая прошла спину. Герасим потерял сознание. После операции, подлечившись, вернулся в отряд, откуда по истечении срока службы вернулся домой героем, награжденным высокими правительственными наградами.

Хотелось бы отметить, что таких солдат было много, и благодаря их мужеству выполнялись все поставленные задачи.

Эпизод

В первое время попадалось очень много мелочевки — мотоциклисты, пустые трактора. Иногда не хватало выдержки у личного состава и поэтому не все шло так, как должно идти.

В один из первых выходов, я ходил вторым офицером в группе. Командиром шел замкомандира 3-й роты Сергей Кравец, прибывший к нам из Марьиной горки. У нас на двоих было четыре БТР.

Мы разделились. Он пошел в заброшенный кишлак, а я на дорогу — ставить мины. Ставлю две ОЗМ-72 на электрический способ взрывания. В этом варианте мины использовались просто как осколочные фугасы. Бойцы замечают следы. Все спокойно, и вдруг от ущелья, до которого метров триста, вспыхивает свет фары. Я растерялся и даже не поверил. Дошло, что это машина, только когда фары второй раз мигнули. Я рванул к группе. Подбегая, мне бойцы кричат, что едет мотоцикл. Кричу: «К бою!». Командую бойцу: «Подрывай!», а он от волнения не может подсоединить провода к подрывной машинке. Приходится бить так. Забили мотоцикл и машину ГАЗ-66. Взяли в плен двух иранских контрразведчиков. Когда прибыли в отряд, пленных сразу забрали наши офицеры особого отдела. Впоследствии я слышал, что они одают такую информацию по приграничному району Ирана, что просто обалдеть можно.

«Господин случай»

В октябре 1987 года группа под моим командованием была десантирована с вертолета на удалении 80 километров юго-западнее ППД, в район проведения поисково-засадных действий. При выдвижении в район разведки мы отчетливо слышали гул машин и тракторов.

По дороге мы обнаружили, что в одном из кишлаков шел какой-то праздник. На улице люди пели и танцевали. В это время я, наблюдая в бинокль ночного видения, заметил, что по другому берегу мандеха(овраг в предгорье), в сторону кишлака движется караван из трех тракторов с прицепами. Я выдвинулся с группой на перехват.

Но караван не дошел до кишлака, а повернул в сторону границы с Ираном. Предполагая, что здесь рабочая зона, я удалился от кишлака на 3—4 км. Взяв с собой 10 человек без рюкзаков, решил сходить на доразведку с целью выбора места засады. Подходящее место было найдено. Я планировал вернуться за оставшимися людьми. Но парадокс заключался в том, что я решил дать личному составу отдохнуть 5—10 минут.

Только присели, как в метрах тридцати от нас на дороге возник трактор с прицепом, в котором было полно «духов». Мгновенно даю команду: «Огонь!». «Духи» с криками посыпались на землю. Выстрел из РПГ отрезвил мое сознание, и я дал команду: «В укрытие!». Показались другие трактора, которые «достать» мы не могли. Бой затянулся до утра. «Духи» пытались отбить убитых и раненых, сбить нас с позиций. Нам же отступить было некуда, а главное, незачем. Противостояние закончилось с прилетом четырех МИ-24, которые методично отработали по указанным мною целям и направлениям. Высадка прилетевшей досмотровой группы не потребовалась. После досмотра тракторов стало ясно, из-за чего «духи» так долго дрались. Кроме 12 убитых, оружия и боеприпасов, их интересовали деньги.

В группе потерь не было. Но случай мог распорядиться и по-другому, так как огонь велся с неподготовленных позиций на дистанции 30—40 метров. Можно считать в данном случае, что удача улыбнулась нам еще раз.

Защита «дуканщиков»

За время ведения боевых действий разведгруппы совершили сотни боевых выходов, многие из которых заканчивались результативно. Особенно хотелось бы отметить впечатляющие результаты боевой деятельности групп под командованием таких офицеров, как Миша Мироненко и Миша Красильников. Но порой приходилось испытывать горечь поражений и неоправданных потерь.

29 февраля 1988 года две группы из состава 2-й роты находились на блокпосту 55 километра, что в 40 километров севернее ППД, готовясь вернуться в отряд после выхода. Около 10 часов утра на пост прибежали три мирных жителя, сказали, что они «дуканщики» и их грабит небольшая (5—7 человек) «духовская» банда. Не раздумывая, группа в составе трех БТР-70 и 20 человек личного состава под командованием старшего лейтенанта Чуряя отправилась на «разборку». Подъезжая к указанному «дуканщиками» месту, группа обнаружила три «барбухайки», стоявшие на обочине. В этот момент неожиданно с очень близкого расстояния по группе был открыт ураганный огонь из всех видов оружия. Все, кто был на броне, упали на землю. Эффект неожиданности на некоторое время парализовал группу. Сразу же были подбиты из гранатометов первая и третья машины. У второй был выведен из строя двигатель. Засаду «духи» провели по всем законам военной науки.

Первым пришел в себя сержант Бахрам Исмаилов. Перед его глазами предстала картина героической гибели его боевого командира старшего лейтенанта В.Гончара, который, будучи смертельно раненым, полз вперед на «духов», героически выполняя свой последний долг. Мужество командира вывело Бахрама из оцепенения и он, забравшись на БТР, открыл огонь из пулемета НСВС. Его примеру последовали все, кто мог держать оружие в руках. Бахрама дважды сбрасывало взрывной волной с БТРа. Первый раз — когда он стрелял из

пулемета, второй — когда пытался вытащить из горящего БТР уже убитого сержанта Яременко. В первые минуты боя были убиты трое и семеро тяжело ранены.

Командир бронегруппы Виталий Чурай, получив три тяжелых ранения, продолжал управлять боем, отдавая необходимые распоряжения сержанту Исмаилову. В этой сложной обстановке сержант Исмаилов смог организовать оборону, собрал раненых и убитых в оставшийся на ходу БТР и отправить их в ППД. Но, проехав 30 метров, БТР остановился. Раненые отказались от эвакуации и вместе со всеми продолжили бой, который продолжался около 3-х часов. Когда пришла помощь из отряда, «духи» покинули позиции, оставив на поле боя 40 убитых.

Это был последний боевой выход отряда, но не последние его потери...

Через некоторое время отряд был выведен в Союз и остался в составе 22 отдельной бригады специального назначения.

С. Козлов. Проходимец

При формировании 8-го отряда от «балласта» избавлялись не только в 5-й дивизии. Отряды 22-й бригады сплавляли и своих офицеров, не сумевших себя положительно проявить. Одним из таких был Александр Гурский. Кто воевал, знает, что отнюдь не все командиры групп стремились воевать и умели это делать. Были, и те, кто просто «отбывал номер», не проявляя никакой инициативы. Но были и те, кто избегал войны всячески. Вообще, по оценкам ветеранов, для того чтобы в Афганистане подразделение спецназ воевало успешно, достаточно всего 25-30% инициативных и желающих воевать офицеров.

В 1-й роте кандагарского отряда воевали трое из четырех командиров групп. Тем заметнее на их фоне был командир 4-й группы Александр Гурский. Как только нужно было идти в засаду, у него начинали болеть почки. Вскоре мы поставили вопрос о том, что бы его, «такого больного», куда-то пристроили. На нашу удачу была создана должность заместителя командира роты. Обычно на эту должность назначался самый опытный командир группы.

Чтобы избавиться от Гурского, командование 3-го отряда направило его «на повышение» в Шарджой. Незадолго до перевода его все-таки удалось отправить вторым офицером с группой Олега Шейко. Олегу повезло. Они обнаружили выдвижение двух тракторов с прицепами, полными духов. Сходу они развернулись и провели засаду.

За это и Олега, и Гурского представили к «Звезде». Правда, как рассказывали бойцы, участвовавшие в том бою, заслуги второго весьма сомнительны. Ротный, видимо, решил наградить его авансом. Но явно погорячился. После этого Гурского на войну было и метлой не выгнать. «Болезнь» прогрессировала.

В Шарджое, по отзывам офицеров, он вел себя также. Как им удалось его спровадить в Лашкаргах, остается загадкой. В «Лошкаревке» тоже скоро поняли, что это за «фрукт».

Но на их счастье, стали развертывать 8-й отряд, где нужны были опытные командиры. Гурский стал командиром 1-й роты. К тому времени он уже находился в Афганистане немногим менее двух лет. По свидетельству тех, кто с ним служил в Фарахруде, он нередко выезжал на броне, недалеко от расположения отряда разбивал лагерь, откуда давал связь и сообщал в штаб отряда, как он «воюет». К счастью для 8-го отряда, он скоро заменился.

Но самое удивительное, что за свое участие в засаде, которую провел Шейко, он и из Шарджоя, и из Лашкаргах умудрился отправить себе представления на «Красную Звезду». Не удивлюсь, если узнаю, что он все три ордена ухитрился получить. Одно слово — проходимец.

Часть IV. БЕЗВРЕМЯ

Е. Сергеев. Механизм урегулирования межнациональных конфликтов

Вывод войск из Афганистана для многих казался окончанием времени войны и наступлением времени мира. Однако «мудрое руководство» М.С.Горбачева в период перестройки уже подтолкнуло политические процессы на окраинах Советского Союза, которые в конце концов и довели Союз до краха.

Но развал Союза произошел не вдруг. Ему предшествовала череда межнациональных конфликтов. Началось все в Сумгаите. Если бы здесь беспорядки были сразу и жестко подавлены, а государство показало свою силу, могу с уверенностью утверждать, что последующих конфликтов просто не могло быть. Ни Осетино-Ингушского конфликта, ни Карабахского, ни Бакинского. И даже не было бы Чеченской войны. Нужно было лишь проявить политическую волю и смелость. То, что мои слова не пустой звук, подтверждает рассказ

подполковника Евгения Сергеева, который волею судьбы оказался в центре очередного межнационального конфликта, и благодаря которому конфликт не перерос в массовую резню.

Лагодехи

После Афганистана как я ни пытался заместиться в Прибалтику, но все-таки попал в Закавказье. Небольшой городок Лагодехи, где стояла 12 бригада спецназа, находится на границе Грузии и Азербайджана. Природа там изумительная, люди приветливые и к военным относились довольно хорошо. Если не знать местных обычаев, то можно иногда даже пострадать от их гостеприимства. Бытовые условия, конечно, оставляли желать лучшего. Но все-таки это был Союз, а не Афган.

Однако в соседнем Азербайджане потихоньку разгорались со межнациональные страсти. Районный центр Закаталы, где веками совместно проживали азербайджанцы и армяне, вдруг начал напоминать растревоженный улей. Люди, которые еще вчера жили в мире и согласии, которые любили друг друга и заключали смешанные браки, вдруг стали непримиримыми врагами. Безусловно, все это было неспроста. Основная часть населения не поддерживала националистов. Простые азербайджанцы укрывали армянские семьи в своих домах. Причём это было довольно массовым явлением. Но часть жителей, особенно молодежь, как наиболее радикальная и подверженная влиянию часть населения, участвовала в митингах и даже погромах.

Закаталы

В Закавказье я наконец получил под свое командование отряд. Причем он был самым большим в бригаде. В один из дней меня вызвал Масолитин, который оставался за командира части: «Сергеев, берешь с собой восемьдесят человек, саперные лопатки и едешь в Закаталы. Оружие не бери. Поступаешь в распоряжение первого секретаря райкома партии». Я ответил «Есть!», собрал бойцов и выехал в Закаталы. О том, насколько серьезная обстановка в городе, я не предполагал. Прибыли на центральную площадь. А там огромная толпа. Идут ветераны с орденами на груди. Народ встревожен. В воздухе чувствуется напряжение. Подъехав, я сразу распределил людей и направил по восемь—десять человек контролировать выходы с площади. Их там, по моему, двенадцать. Моих солдат явно недостаточно.

Наше появление отнюдь не разрядило обстановку, а скорее наоборот. Что происходит, не ясно. Подошел военный комиссар района, как-то прояснил ситуацию, и он же предложил вывести бойцов с площади. Что я и сделал. Снова сели на машины и выехали из города. Расположились на окраине. Вскоре подъехал Масолитин, а с ним остатки моего батальона и второй батальон бригады. Также доставили и выдали оружие и боеприпасы, но только офицерам. Прибыл начальник политотдела подполковник Скубак.

Лиц кавказской национальности с собой не брать!

Стоит сразу обратить внимание, что процентов восемьдесят—девяносто личного состава в лагодехской бригаде — это грузины, армяне, азербайджанцы. Русских и других некавказцев очень немного. Хотя бойцы в основном очень хорошие. И вот перед тем, как войти в Закаталы, нам доводят приказ какого-то высокого начальника: «Лиц кавказской национальности с собой не брать!». У всех глаза на лоб полезли, а кого же тогда брать? Пришлось приказ проигнорировать.

Разместили нас на небольшой турбазе. Здесь я сразу начал делить личный состав по десяткам и закреплять их за офицерами и прапорщиками. Так управлять намного легче. В группах количество людей разное, поэтому и пришлось создавать нештатные подразделения.

Командование бригады допустило одну серьезную ошибку. Оно не попыталось перехватить инициативу и взять ситуацию под контроль, хотя это можно было сделать. Наверное, стоило поговорить с местными властями и совместно выработать программу действий по восстановлению законности и порядка в городе. Однако вместо этого мы закрылись на турбазе и не показывались в городе.

Когда приходится применять оружие

Однако становилось только хуже, и вскоре ситуация достигла кульминации. Толпа, человек шестьсот, штурмом взяла наше КПП и ринулась на территорию турбазы, которую занимали мы. Услышав шум, я со своими бойцами выскочил на улицу. Разъяренная толпа стремительно надвигалась. Все решали секунды. И тут раздался выстрел. Увидев в толпе вооруженных людей, я, дав короткую предупредительную очередь над головами, открыл по ним огонь на поражение. Этого оказалось достаточно, чтобы толпа моментально

разбежалась. На асфальте осталось два трупа. Вскоре появилось и наше командование. Охи, ахи. Да, что ты наделал!

А начПО мигом оказался на узле связи и дал в бригаду радио, что мы тут ведем бой. После этого, конечно, прибыл и Масолитин. Меня он хорошо знал по Афганистану. Знал, что вопреки расхожему мнению, я никакой не авантюрист, а нормальный боезой офицер. Может быть, порой решения принимаю быстрее других, так в критических ситуациях это только плюс. Он понял, что если бы не я, неизвестно, что бы было. Трупы отдали родственникам.

Райкомовские иезуиты

Поехали к секретарю райкома договариваться, а заодно поставили у него в кабинете подслушивающую аппаратуру. Как потом ИЗ показали события, не напрасно.

Выяснилось, что незадолго до нашего прибытия на митинге выступали представитель ЦК компартии Азербайджана и секретарь райкома партии. Именно он сказал: «Мы здесь сами разберемся.

Нам никто не нужен. Ни один военный в город не войдет». И сразу после выступления в город приехали мы. Естественно, что реакция населения на это была крайне негативной.

В этот же день в Кировабаде были также массовые волнения, которые закончились гибелью нескольких десантников. Провокаторы специально направили на них автомобиль. Кавказ уже начинал бурлить. А в городе не было ни одного милиционера. Ситуация, на наш взгляд, была неуправляемой. Но это только на наш. Как потом стало ясно у тех, кто организовал эти беспорядки, она всегда была под контролем. Также выяснилось, что основным зачинщиком беспорядков в районе был председатель райисполкома.

Мы предложили руководителям города определить границы районов компактного проживания армян, для того, чтобы предотвратить погромы и грабежи. Но предложение было воспринято без энтузиазма.

Что творится в городе

Командование решило выяснить обстановку в городе. Для разведки направили меня и группу бойцов.

Прошли по армянским районам. Несколько машин было перевернуто. На улице валялась какая-то старая мебель и горела. Но больше это походило на инсценировку. Приглядевшись, можно было понять, что это не мебель, а старый хлам, подлежащий выбросу на свалку.

На площади митинг. Толпа около трех тысяч человек. К этому времени я уже голос сорвал и кричать не мог. Спокойно пытаемся призвать людей к порядку: «Братья-мусульмане! Расходитесь по домам!». В это время с памятника кто-то бросил в меня камень. Слегка чиркнув по голове, он вреда не причинил. Моя реакция была моментальной. Очередь прошла над трибуной. И снова это подействовало. К тому же к этому времени прибыл второй батальон и блокировал выходы на площадь. Нам удалось договориться с организаторами митинга о том, что во избежание кровопролития все спокойно расходится по домам. Я прибыл в здание райкома. Там уже находился начальник политотдела Скубак. Доложил, что в целом все спокойно, погромов в городе нет.

Сверху поступила команда — ввести комендантский час. Козуб, оставшийся за старшего, объявил об этом. Однако никаких реальных мер, обеспечивающих действие комендантского часа, предпринято не было. Город даже не патрулировался.

Отсутствие воли порождает погромы

Естественно, что скоро вновь поступило сообщение, что в армянских районах города погромы. Меня с бойцами срочно направили для пресечения беспорядков... пешком. Машины давать отказались наотрез. Понимая, что пешком мы не успеем, на свой страх и риск договорился с заместителем по ПДС и на трех автомобилях очень оперативно выехал в район. Погромщики не ожидали от нас такой прыти и стали разбегаться. Но несколько человек удалось задержать. Причем хочу отметить, что бойцы, сами азербайджанцы, крутили руки погромщикам. Никаких сомнений у них в правоте нашего дела не было. Когда бандиты попытались оказать сопротивление, они им еще и поддали. Одним из зачинщиков погрома, которого удалось задержать, оказался сын председателя райисполкома. Естественно, что он начал говорить, что задержаны они ни за что. Но найденные у них куски арматуры и заточки говорили сами за себя. Один даже был вооружен самодельным пистолетом. Всех пятерых передали милиции.

Больше в этот вечер никаких беспорядков не было. Но к нам поступила информация, что на завтра намечены похороны тех двоих, убитых мной. А что такое похороны? Это значит траурный митинг снова на площади, похоронная процессия на кладбище. Одним словом, снова скопление народа, а значит, не исключены

провокации. Чтобы не допустить этого, нужны какие-то превентивные меры. Козуб, взявший на себя функции коменданта, и начальник политотдела Скубак поставили мне задачу: взять дополнительно и второй батальон и общими усилиями перекрыть доступ народа на площадь, чтобы предотвратить несанкционированный митинг и возможные беспорядки. Но наученный горьким опытом, я задал вопрос: «А кто поедет со мной из управления бригады?». Посоветовавшись, они решили отправить начальника оперативно-разведывательного отделения штаба.

Ни один, ни второй не рискнули взять на себя труд, по организации мероприятий, направленных на пресечение массовых беспорядков, и ответственность за принятое решение. Хотя именно они должны были работать с местными партийными органами и местными органами КГБ. С их помощью можно было предотвратить массовые волнения. Нам с начальником ОРО (к сожалению, фамилию его забыл) пришлось эти вопросы решать самим. Очень помог его опыт. В Афганистане он был советником командира полка и научился налаживать отношения с мусульманами.

На площади

Когда мы прибыли на площадь, там уже находилось человек двести. Очевидно, что это были наиболее негативно настроенные жители. Именно с их стороны можно было ждать провокаций.

Проезжая мимо, я услышал злобные выкрики в наш адрес. Чтобы показать, кто здесь главный, я сразу же остановил машину и приказал бойцам взять недовольных. Все было исполнено в считанные секунды. На Востоке уважают силу, поэтому никто даже и не попытался освободить их. Все сразу поняли, что рассусоливать мы не станем.

Вскоре стали появляться сотрудники милиции. Мы сразу привлекли и их. Выходы на площадь перекрыли наши бойцы. Перед ними выставили милиционеров, а за ними ходили офицеры с оружием, на случай, если милиционеров и бойцов сомнут. Всех солдат строго настрого предупредили, чтобы не брали у населения ни воду, ни продукты, которые те зачастую приносят, чтобы угостить солдат. Мы всерьез опасались, что будут попытки отравлений.

Пока я ходил и организовывал наших бойцов и азербайджанских милиционеров, ко мне подошли местные, видимо, из тех, кто пытался штурмовать наше расположение. Они узнали меня и начали провоцировать конфликт криками: «Это вот этот маленький застрелил!». Выкрикивали и какие-то угрозы в мой адрес. Я почувствовал, что теряю контроль над собой. Понял это и начальник ОРО и очень дипломатично отвел меня в сторону.

«Надо искать муллу!»

На часах уже четырнадцать, время похорон. Мы поняли, что скоро понесут гробы, а значит и народ попытается пройти через наши кордоны. Это, безусловно, может спровоцировать бойню. Чтобы добиться какого-то решения от нашего командования, поехал к ним. Но ничего вразумительного от них так и не добился. Вернулся обратно. С начальником ОРО мы поняли, что кроме нас эту ситуацию никто не разрешит. Он посидел, подумал и сказал: «Надо искать муллу». Я выделил ему для сопровождения офицеров, бойцов для охраны, и они уехали. Муллу он нашел и смог договориться с ним о том, что мы свое оцепление снимем и даже покинем город, если они берутся своими силами обеспечить порядок во время похорон. Мулла заверил его, что ни погромов, ни каких-либо других беспорядков в городе не будет.

Мы прибыли в райком и доложили обстановку нашим руководителям и местным партократам. И те, и другие были очень напуганы и попросили скрытно оставить в здании райкома мой отряд. Второй батальон демонстративно вышел из города и расположился на окраине.

Вскоре начались похороны, после которых прошла процессия горожан. Проходя мимо здания райкома, где скрытно расположились мы, толпа что-то кричала по-азербайджански.

Всему виной отсутствие воли и спланированные провокации

Наши бойцы перевели слова, обращенные к секретарю райкома партии: «Ты нас позвал, мы пришли. Теперь мы хороним своих, а тебя нет среди нас!».

Когда же мы забрали подслушивающее устройство, которое было установлено нами в самом начале, а наши солдаты перевели запись, все встало на свои места. Все массовые беспорядки и все погромы были заранее спланированы в райкоме партии.

Конечно, впоследствии мы передали запись в соответствующие инстанции, но это уже вопросы большой политики. Интересна реакция главкома южной ставки. Зайцев прилетел на следующий день, заслушал доклад

о принятых мерах и удивился, почему так мало задолбили. В тот же день в Кировабаде и других районах Азербайджана прошли массовые беспорядки и снова погибли военнослужащие. В последующем мы сами вывозили армянские семьи на своих машинах, хотя, по большому счету, это — не наша задача. Отряды вывели из города. Мой еще какое-то время стоял на окраине в боевой готовности. То, что в самом начале конфликта мы очень жестко пресекли беспорядки, позволило избежать значительно больших смертей. Что это именно так, показали и Сумгаит, и Баку, и Кировабад, когда люди, наделенные властью, не смогли принять нужного решения и проявить политическую волю. Слабость власти провоцирует различных экстремистов на проявление силы с их стороны. Мы же сразу показали, что с нами шутить не стоит, не стоит также и преступать закон.

Охота на меня

Спустя месяца полтора я узнал от моих начальников, что азербайджанцы назначили за мою голову 50 000 рублей — сумма по тем временам не маленькая. В это время мы уже взяли наши дома под охрану. Охраняли также и детей, когда те ездили в школу. Дочь мою пытались похитить. Я и сам ходил, вооруженный пистолетом.

В это время велось следствие по беспорядкам в Азербайджане. Привлекли и меня. Как никак, а убиты люди. Мне предложили проехать в Закаталы, чтобы на месте показать, как все было. Я согласился, но надел на себя нагрудник с боеприпасами, с которым воевал еще в Афганистане, взял автомат и предупредил следователей, что в зависимости от ситуации я открываю огонь без предупреждения по своему усмотрению. В Закаталах я показал на месте, как все происходило, направление стрельбы и ответил на вопросы следователей. Слава Богу, стрелять мне не пришлось, и мы спокойно вернулись в Лагодехи. Но и здесь меня подстерегала опасность. Как-то я шел по дороге, ведущей во второй городок, и вдруг услышал крик: «Женя!». Инстинктивно прыгнул в кювет, и «Жигули» на большой скорости проехали мимо, едва меня не задев. Вдогонку я открыл огонь и ранил водителя. Его потом передали в милицию. В конце концов, мне предложили перевестись и самому выбрать место службы. Я выбрал Марьину Горку. Место моей дальнейшей службы держалось для всех в тайне. Но кроме перевода, наше командование обо мне и моей семье больше не проявило никакой заботы. Переезжать и отправлять вещи мне помогали грузины, жившие в Лагодехи. Достали билеты, предоставили машину и помогли отправить вещи. Они же довезли на своей машине до Тбилиси, а перед отъездом накрыли стол. Местные жители очень хорошо к нам относились. Уже в Белоруссии я узнал о трагических тбилисских событиях, где наша бригада тоже принимала участие. Откровенно говоря, военных там просто подставили политики, а в результате отношение к военнослужащим в Грузии в целом, и в Лагодехи, в частности, резко изменилось в худшую сторону.

*

С.Козлов. Эпilog

Не так давно приезжала сестра жены моего первого командира роты Якимовского Валерия Ивановича. Она до сих пор проживает в Лагодехи. С горечью она рассказывала о том, что теперь на месте 12 бригады стоит воинская часть национальной гвардии Грузии. Уровень дисциплины характеризует картина, которую ей пришлось наблюдать. По улице города идут два гвардейца. Оба пьяны до изумления. Тот, который побольше, поддерживает маленького. Автомат у маленького упал, и он тащит его за ремень по асфальту. За всем этим наблюдают два старика-грузина. Когда пара проходит мимо, один из стариков плюет им вслед и говорит: «Это разве военные? Вот раньше здесь стояла бригада. Там служили настоящие солдаты!».

С. Козлов. Метаморфозы

История вторая. Ничего не изменилось

В Кандагаре моя группа первая забила караван с оружием. В результате, я как-то внезапно перекочевал в разряд героев. И если в отряде командование к этой метаморфозе относилось по-разному, то в Лагодехи, куда слух мгновенно домчался, я стал национальным героем. Не без гордости скажу, что офицерские дети, играя в войну, до хрипоты спорили, кому быть лейтенантом Козловым. Приятно сознавать, что когда-то я, хоть и временно, конкурировал с Чапаевым.

Отвоевав почти год, я приехал в отпуск. В Лагодехи оставались мои вещи, которые мой друг Саня никак не мог отправить моим родителям. Мешала тоска по России, обильно заливаемая грузинской чачей.

В обед я зашел в местный ресторан перекусить. Перед самым отпуском я схватил желтушку, и алкоголь мне был противопоказан. За соседним столом сидел полковник Фисюк в компании каких-то грузинов и улущался. Видимо, приведя себя в барское благорасположение, он подозвал меня. Налив рюмку водки, предложил выпить и рассказать, «как там в Афгане». Он не пригласил меня за стол, а подозвал, как подзывают скрипача. Мол, любезный, сбацай нам что-нибудь, эдакое! Но все-таки сам он светился добротой и, наверное, внутренне гордился собственным демократизмом.

Понятное дело, раньше бы он такого себе не позволил. Я поставил рюмку на стол, сославшись на желтуху, и посоветовал ему самому прокатиться в Афган, чтобы потом можно было самостоятельно веселить своих собутыльников военными историями. Он был оскорблен и потом говорил в бригаде, что Козлов возгордился. Но меня это не трогало, и я бы об этом больше не вспоминал, если бы не одна история.

Вместе со мной прибыл в Лагодехи еще один офицер. Его терзали большие сомнения по поводу пуританского образа жизни его супруги в то время, пока он защищал «ридну Афганщину». По о агентурной информации, хранить супружескую верность мешал некто «К», недавно прибывший в часть из Бакинского ВОКУ.

Не могу судить о степени вины «К», однако у них состоялся мужской разговор, после которого у «К» челюсть была сломана в трех местах. Во время этого разговора я стоял на стреме, но не более.

Поселился я в той же «общаге», где и жил раньше. Утром в части была объявлена тревога. Мужики убежали в часть, а когда вернулись, рассказали про «К», который пришел в часть. Челюсть его была подвязана бинтом. Естественно, он не рассказал, кто сломал ему челюсть.

Вместо этого он «заплел» историю о том, что ночью, часа в три, он захотел покурить, но спичек в доме не было. Выйдя на улицу, он попросил проходившую мимо компанию подвыпивших грузин дать ему огонька. Вместо этого они его избили и сломали челюсть.

Тем не менее, начальник политического отдела подполковник Скубак сказал: «Я знаю, кто сломал «К» челюсть. Это никакие не грузины. Это вчера приехал Козлов, напился и из хулиганских побуждений избил «К»!».

Вот черт! Такого расклада я не ожидал. Меня в части не было почти год, а здесь продолжают при первой же возможности во всем винить Козлова. И никого не волнует, пил ли вчера Козлов и были ли у него причины травмировать человека, которого он никогда в жизни до этого не видел. Скажу по чести, меня это задело. Поэтому, когда спустя пару часов я встретил Скубака, то не поленился подойти к нему. Просто оправдываться не в моих правилах.

Поздоровавшись, я сказал:

— Я слышал, вы говорили, что я вчера избил некоего «К»?

— Да, — ничуть не смутившись, ответил Скубак.

— Это не я, — Скубак в ответ лишь скривил губы в улыбке.

— Но я знаю кто.

— Кто? — Скубак мгновенно преобразился. Мне даже показалось, что его уши увеличились в размерах.

— Это командир части полковник Фисюк, — у Скубака упала челюсть.

— Судите сами. Командира ведь на тревоге не было? Насколько мне известно, он уехал на охоту, — Скубак кивком головы подтвердил мои слова.

— Вот. «К» говорит, что ночью его избили неизвестные грузины, — Скубак подтвердил и это.

— А я вчера видел командира в ресторане в компании каких-то подозрительных типов грузинской наружности. Думаю, что это беглые абреки. В ресторане они начали, а закончили гулять у кого-то из местных дома. Потом, под покровом ночи, переодевшись в свои традиционные одежды (бурка, папаха, черкеска, кинжал), свои традиционные одежды (бурка, папаха, черкеска, кинжал), вместе с полковником Фисюком вскочили на своих коней и поскакали в горы. Но на выезде из города их остановил «К» и попросил прикурить. Чтобы не вызывать подозрений, они ему не отказали. Но когда чиркнули спичкой «К» узнал в одном из них командира и спросил: «Куда же вы, товарищ полковник? Ведь утром в части будет тревога!». И Фисюк, чтобы не откладывать побега с абреками, вынул ногу из стремени и как дал «К» в челюсть, и сломал ее в трех местах. Сами понимаете, рукой так не стукнуть! А после этого пришпорил своего верного вороного и ускакал вместе с абреками в горы. Теперь ищи ветра в поле! — закончил я и очень серьезно посмотрел на Скубака. Было видно, что он не знает, как реагировать. Идет внутренняя борьба. Когда она закончилась, он отчетливо сказал: «Пошел на х..!». Тут уже я, не скрывая улыбки, спросил: «А чем же ваша версия достовернее моей?».

А. Котов. Игрушечная война банановых республик

ГКЧП и вмешательство Яковлева

Конфликт в Приднестровье начался еще в августе 1991 года. И население, и правительство Приднестровской Молдавской республики поддерживали ГКЧП. По всему Приднестровью прокатились массовые митинги и народные гуляния. Но 22 августа выяснилось, что члены ГКЧП арестованы. Сотрудниками молдавского уголовного розыска в Киеве был арестован Смирнов, как сторонник ГКЧП. Особо активных его сторонников в Тирасполе также арестовали. Другие, опасаясь репрессий, покинули республику, выехав на Украину. В этот период молдавские националисты имели прекрасную возможность задавить Приднестровскую республику, которая и была создана, как противовес, националистическому руководству Кишинева. Силы в Молдавии в то время для этого уже имелись. Недавно сформированный отряд полиции особого назначения (ОПОН) был неплохо вооружен и насчитывал примерно полторы тысячи человек. Самое интересное то, что примерно сорок процентов личного состава этого формирования составляли русские. Определенную силу представляли подразделения милиции, а также добровольческие формирования черносотенного типа — «Барсуки» и «Бурундуки». Последние, правда, кроме металлических прутьев, оружия не имели. Общая численность этого войска насчитывала около восьми тысяч.

Силы вполне достаточные для того, чтобы занять ПМР и установить единую власть Кишинева. Однако этого не произошло. 24 августа командующий 14 ОА Яковлев, встречаясь со Снегуром, четко дал понять, что если в Приднестровье двинутся молдавские вооруженные формирования, то части 14 Армии в стороне от этого не останутся и вынуждены будут применить оружие. То, что это будет именно так, не давали сомневаться тридцать спецназовцев, сопровождавших командующего в Кишинев на двух бронетранспортерах. БТРы заняли позиции напротив здания правительства и недвусмысленно навели на него свои пулеметы. Тогда этого было более чем достаточно.

Спустя пару недель народ Приднестровья пришел в себя от первого шока и активно выразил недовольство арестом своего лидера. Снова начались массовые митинги, забастовки и сидение на рельсах в городе Бендеры, который является крупным железнодорожным узлом. Надо сказать, что волнения в Приднестровье возымели свое действие, и Смирнов спустя месяц был освобожден.

Создание Республиканской Гвардии

Возвратившись в Тирасполь, Смирнов, понимая, что для защиты интересов Приднестровья ему потребуется вооруженная сила, отдал распоряжение о создании Республиканской Гвардии. Она первоначально состояла из трех батальонов. Первый батальон формировался в Бендерах, второй — в Тирасполе и третий — в Рыбнице.

Батальон в Бендерах формировал Костенко. По одним сведениям, он был майором запаса, а по другим — подполковником. Видимо, в зависимости от ситуации он представлялся то так, то эдак. Тем не менее, доподлинно известно, что он командовал десантным батальоном в Афганистане, был награжден двумя боевыми орденами. Безусловно, он был неординарной, волевой и сильной личностью. Имея в октябре, в начале формирования, только печать и здание полуразрушенной школы для дислокации, он сумел собрать и подготовить четыреста человек к июню 1992 года. Этот батальон, безусловно, являлся наиболее боеспособной единицей вооруженных сил Приднестровья.

Республиканская Гвардия первоначально вооружалась охотничьими ружьями, да кусками арматуры. Но постепенно в части стало поступать нормальное стрелковое вооружение. Командующий 14 Армии Яковлев снабжал приднестровцев автоматами, пулеметами и боеприпасами к ним. Несколько позднее в Гвардии появились РПГ-18, РПГ-22 и другие модификации реактивной гранаты. По слухам, делал он это небескорыстно, однако уличить его в этом никто не смог.

Похищение

Вооружение республиканских гвардейцев не прошло незаметно для Москвы. Начальник особого отдела Армии подполковник Степыгин регулярно и подробно информировал свое начальство обо всем происходящем. В связи с этим руководство ПМР пошло на весьма некорректный шаг. Впоследствии оно от этой акции отказалось. Но, тем не менее, ряд источников подтверждает, что акция была проведена с ведома руководства Республики.

К тому времени уже была сформирована охрана Смирнова, в состав которой входило человек тридцать спортсменов, вооруженных автоматами АКС-74у и пистолетами Макарова. Ее начальник Гратов по поручению

своего подопечного и организовал похищение подполковника военной контрразведки. Оно напоминает пародию на плохой боевик. Среди бела дня группа захвата из четырех человек подъехала на микроавтобусе к зданию штаба 14 Армии. Дилетанты даже не догадались снять номера с машины. Когда из штаба вышел Степыгин, его попытались нейтрализовать струей газового баллончика, однако газ на контрразведчика не подействовал. Тогда один из охранников сбил подполковника ударом в плечо. На голову ему накинули мешок и, затолкав похищенного в автобус, похитители скрылись. Подполковника прятали на даче близ Тирасполя. Однако часовой запомнил номера их автобуса. Спустя минимальное время в контрразведке уже знали, кто украл их начальника. Информация быстро долетела до Москвы.

Гратова вызвали в штаб Армии и недвусмысленно намекнули, что если он не вернет Степыгина, то и ему, и его шефу, и всем защитникам «банановой» республики вскоре будет очень плохо. Под ружьем в Армии в то время находилось около 12000 человек. Для Армии это немного, но для Приднестровья более чем достаточно. Руководство Республики, видимо, осознало, что явно перегнуло палку. Поэтому вскоре был разыгран спектакль с возвратом Степыгина, якобы похищенного молдавскими террористами. Несмотря на то, что Яковлев к этой истории отношения не имел, его решили заменить. Новым командующим Армии стал Неткачев. Он был настроен крайне негативно как к руководству ПМР, так и к самой Республике. Поставки оружия в Гвардию прекратились.

Оружие и его первое применение

К апрелю 1992 года в городах Приднестровья, являвшихся промышленными центрами, были созданы Рабочие комитеты (Рабочкомы). В то время отделы милиции еще находились под юрисдикцией Молдавии и сепаратистские настроения ПМР не поддерживали. Рабочкомы организовывали массы, окружали горотделы милиции силами нескольких тысяч человек. А после этого приступали к переговорам с целью склонить милиционеров на свою сторону.

В результате, к народу сначала примкнул Рыбницкий горотдел, затем Тираспольский, а за ними и остальные. Это добавило в Гвардию еще около двухсот стволов.

Конфликт разрастался как снежная лавина. Сначала возникла стычка ОПОНа и населения в районе Дубосар. Молдавское руководство пыталось взять город под свой контроль и тем самым разделить узкую полосу Приднестровья на две части. О применении стрелкового оружия речи не шло. В дело были пущены дубинки и куски арматуры. Говоря проще, это были обыкновенные массовые потасовки. Люди не переступили еще внутренний порог, запрещающий стрелять в себе подобных. Переломным моментом стал случай, когда в Дубосарах подразделение ОПОНа разогнало толпу местных жителей. Тогда один из гвардейцев открыл огонь по ним из автомата. Кто-то из полицейских был ранен, и сотня полицейских пустилась наутек. И это несмотря на то, что у них имелось оружие и БТР.

В последующих стычках молдавская полиция уже не церемонилась. После столкновений оставалось по два-три убитых.

Пора решительных действий

В июне руководство Кишенева приняло решение провести войсковую операцию по захвату города Бендеры. Выбор пал на этот город потому, что только он находился на правом берегу Днестра. Для вторжения были собраны силы численностью около десяти тысяч человек. Многих молдаван для этого призвали из запаса. Большой процент в Молдавском войске составляли русские, и даже командовал силами вторжения полковник Карасев. В их составе имелось тридцать—сорок БМП и столько же БТР-70 и БТР-80. Даже имелось несколько танков Т-55. Наступление поддерживали две батареи противотанковых пушек «Рапира».

Вечером 19 июня 1992 года молдавские подразделения вошли в город тремя колоннами. Противостоял им батальон Костенко, вооруженный стрелковым оружием, РПГ-7, РПГ-26 и четыре ЗУ-23х2. Вспыхнули первые серьезные бои за Бендеры, которые длились три дня.

В Бендерах находились ракетная бригада 14 Армии и батальон химзащиты. Однако на начальном этапе они в столкновение не вмешивались. В Барканах стоял инженерный батальон, который понес первые серьезные потери. Шальной снаряд молдавской артиллерии попал в снаряженный минный заградитель. В результате взрыва погибло двадцать шесть человек. Но даже это не поколебало командующего армией Неткачева. Все просьбы руководства ПМР о помощи и о выдаче оружия он отклонял.

Из-за его несговорчивости ситуация стала выходить из-под контроля. Тирасполь ежедневно хоронил по тридцать—сорок человек.

На похороны выходил почти весь город. Толпы народа, впереди которых шли женщины, а за ними гвардейцы и казаки, стали врываться в части Армии и грабить склады оружия и боеприпасов. Военные, сочувствуя им,

смотрели на это сквозь пальцы. В результате захвата в Гвардии появились первые 10 танков, десять—двенадцать БМП и примерно столько же БТР и БРДМ. Но этого оружия ни Костенко, ни его бойцы в то время так и не получили, как не получили и никакого подкрепления.

После тяжелых боев в городе, чтобы сохранить батальон, Костенко 23—24 июня начал отступление. Когда батальон приблизился к мосту через Днестр, по нему открыли огонь из крепости, в которой находились подразделения 14 Армии. Били и с противоположной стороны дороги из расположения химбата. В результате огня батальон потерял около ста человек личного состава. Официально это считается ошибкой. Якобы гвардейцев приняли за молдаван. Но на самом деле история весьма темная. Поскольку произошло это на фоне усиливающегося конфликта Костенко и руководства ПМР, которое он ценил невысоко. Не исключено, что таким образом впервые хотели покончить с Костенко. Вслед за ним пытались увязаться молдаване, для того чтобы на плечах батальона войти в Тирасполь, но по ним вновь открыли огонь части 14 Армии. Потери молдаван, которых все тогда называли румынами, были настолько велики, что наступление захлебнулось.

Штурм Бендер и миротворец Лебедь

Правда, потом, в результате переговоров, им удалось вновь добиться нейтралитета от военных. На насыпи, возвышавшейся над Днестром, молдаване установили две батареи «Рапир».

Бои в городе еще продолжались. В горисполкоме оборонялось около сотни человек. Еще несколько очагов сопротивления оставались не сломлены. Там дрались казаки, гвардейцы, местные жители из «рабочкома», добровольцы из России. Костенко, получив подкрепление в Тирасполе, решил отбить Бендеры у захватчиков. В атаке приняли участие три танка. Но артиллерийские батареи на противоположной стороне Днестра имели идеальную позицию. Два танка было подбито, одному удалось отойти. Так провалилась первая атака. Такая же участь постигла и вторую, в которой приняла участие пехота при поддержке БМП и БТР.

Построение третьей атаки было весьма далеко от канонов военного искусства. Одна атакующая группа, состоящая из БМП и группы пехоты, под прикрытием насыпи вышла к железнодорожному мосту. А дальше, по рельсам, — на правый берег.

Но главную роль здесь сыграли казаки. Изрядно приняв внутрь горячительных напитков, они погрузились на три КАМАЗа и атаковали артиллеристов по мосту в лоб. Водители гнали машины со скоростью километров сто двадцать. Самое интересное то, что, увидев это, артиллеристы побросали орудия и разбежались. Тех, кто не успел уйти, ждала расправа. Казаки ворвались на позицию, которая в этом случае являлась ключевой. Вновь завязались бои. Спустя некоторое время уже у молдаван в городе оставалось несколько очагов сопротивления.

27 июня 14 Армию возглавил генерал-майор А. Лебедь. Он, долго не раздумывая, нанес по Барканскому плацдарму, где шли позиционные бои, два массированных артудара. Били САУ и, по-моему, БМ-21 «Град». В результате этого у молдаван погибло, по разным сведениям, от трехсот до четырехсот человек. Потери вынудили молдавское военное руководство умерить агрессивный пыл. Война пошла на убыль. Продолжались позиционные бои малой интенсивности, минометные обстрелы и отдельные вылазки разведгрупп в тыл противника.

В Тираспольскую комендатуру Лебедь посадил полсотни тульских десантников, которых привез с собой. Еще примерно столько же прибыло с ним спецназовцев из 45 полка.

Туляки занимались разоружением населения Тирасполя и добровольцев, прибывших из различных регионов России. Чем занимался спецназ, история умалчивает.

Погребальный венок вместо лаврового

Военное напряжение стало спадать, и руководство ПМР решило использовать это для того, чтобы нейтрализовать Костенко, который совсем уже вышел из подчинения. Он и раньше открыто игнорировал генерал-майора Штефана Кицака, который являлся чем-то вроде министра обороны. Несмотря на свою должность, он являл собой весьма серую посредственность, и Костенко, как талантливый и инициативный военный, ни в грош его за это не ставил. Лебедь тоже был настроен против Костенко — у них отношения не сложились еще в пору совместной службы в Афгане. Костенко инкриминировали мародерство и необоснованные расстрелы пленных. Слухов вокруг его личности ходило много, и сейчас трудно сказать, что было им в действительности содеяно, а что придумано. Можно только предположить, что он, как личность весьма неординарная и самостоятельная, действительно мог в какой-то ситуации преступить закон. Хотя неясно, закон какого государства.

Несколько засад, организованных на него, ничего не дали. Костенко просто не появлялся там, где его ждали. Он обладал хорошей сетью информаторов, да и интуиция его не подводила. В конце концов, руководство

ПМР сговорилось с Лебедем, и 16 июля первый батальон, находившийся в здании школы, был блокирован. Лебедь потом хвастался, что разоружил этот батальон без боя. Но главная причина в мирном разрешении этого вопроса кроется в том, что на фоне войны с молдаванами русские не пожелали стрелять в русских. Для Костенко был предоставлен коридор, по которому он ушел со своим окружением.

Спустя какое-то время его задержали на украинской границе. Он сидел в здании местного отделения милиции, когда туда подъехала 818 орСпН на БТР и БМП. Спецназовцы потребовали выдать Костенко, что и было сделано. Впоследствии, якобы при проведении следственного эксперимента, он погиб. Официальная версия, что они попали в засаду, но сгорел в машине почему-то только Костенко. По другой версии, его убил охранник, присутствовавший во время следственного эксперимента. Он, по трагической случайности, оказался родственником потерпевшего. Якобы для того, чтобы его не привлекать к ответственности, труп Костенко сожгли в машине. На самом деле, мне кажется, все намного проще. Костенко грохнули, как нежелательного свидетеля, а потом уже придумали версию его гибели.

Кто отстоял ПМР

30 июля было подписано мирное соглашение, и конфликт был завершен.

Кто же отстоял Приднестровье?

Ну, во-первых, Гвардия, которую можно расценивать, как регулярные формирования.

Во-вторых, казаки, которых было около тысячи человек.

В третьих, ТСО (территориально-спасательный отряд) — своеобразный аналог Российских подразделений МЧС. В структуре МВД был создан батальон «Днестр». Это нечто среднее между милицейским спецназом и спецназом внутренних войск. Он выполнял двойственные задачи. С одной стороны, его бойцы занимались патрулированием города, а с другой стороны, участвовали в боях. Ближе к лету 1992 года в МГБ был создан свой спецназ, который должен был заниматься разведывательно-диверсионной деятельностью в тылу врага. Несмотря на довольно громкое название — батальон СпН МГБ «Дельта», трудно сказать выполняли ли они ^ такие задачи. Кроме слухов, ходивших вокруг этого батальона, мне не доводилось слышать что-либо об их реальной деятельности. Можно считать вооруженным формированием и службу охраны Президента. Впоследствии их было уже около сотни.

На базе 2 батальона РГ была сформирована группа специального назначения, в которой мне довелось служить какое-то время. Нас было всего 14 человек, но вооружили нас, по сравнению со всеми, весьма прилично. Помимо автоматов, нам выдали по РПГ-26, а также по пистолету. На группу было два ящика гранат, не считая немерянного количества патронов. При этом на позиции человека могли отправить с АКС-74у и горстью патронов. Такая щедрость объяснялась просто — одной из главных наших задач была охота на Костенко. Примерно две тысячи из этого войска были такие же, как и я, добровольцы, прибывшие из России. Если говорить о взаимоотношениях, то следует отметить, что все это разношерстное войско весьма ревниво относилось к славе других. К примеру, если я спрашивал казаков, как они относятся к батальону Костенко, то в ответ можно было услышать, что все вокруг — ничто, а они — казаки, и завтра покажут, как воевать нужно. К чести сказать, воевали они довольно храбро, хоть и безголово. Дисциплина там практически отсутствовала. Но что не говори, а батареи «Рапир» захватили именно они. Хотя, если бы у орудий находились грамотные наводчики, то эти три КАМАЗа за считанные секунды превратили бы в три пылающих факела. Но... победителей не судят.

И в заключение. Какой бы игрушечной не казалась эта война, но она унесла не одну сотню человек. За политические амбиции, как правило, приходится расплачиваться тем, кто к политике не имеет никакого отношения.

В. Солоненко. Кто может стать Министром обороны Украины?

В бытность мою суворовцем со мной вместе обучался суворовец Радецкий. Надо сказать, силы он был необычайной. Уже перед окончанием Киевского суворовского училища у него и у его друга, такого же здорового мужика, было такое интеллектуальное развлечение. Два этих бугая выходили к проспекту Леси Украинки, брали в скверике скамейку и несли к забору. А надо сказать, что это не простая деревянная лавка, а парковая скамейка, у которой скамеечные профили по бокам изготовлены из бетона. Весит она, даже не берусь сказать сколько. Но эти два мальчонки умудрялись ее переносить с легкостью. Таким образом, они обеспечивали себе места в партере цирка, который сами потом и устраивали.

В этом месте по проспекту проходят трамвайные пути. «Хрупкие» юноши развлекались тем, что каждый брал каменную вазу, которая весила килограммов сто пятьдесят минимум, и ставили на пути. После этого шли смотреть, что будет дальше.

Водителей трамваев не тестируют при приеме на работу на предмет поднятия тяжестей. Поэтому один водитель сам сделать с этой вазой ничего не мог. Когда и сзади, и спереди собиралось штук десять трамваев, мужики, наматерившись от души, шли ворочать эти «вазочки». Но сами они небольшие, и взяться несколькими очень неудобно, а вдвоем-втроем никак было эту «дуру» не свернуть. Друзья от души забавлялись, наблюдая эту картину. Ибо ничто так не завораживает внимание, как наблюдение за тем, как течет вода, горит огонь и... работают люди. Наконец клумбы-вазы были водворены на место. Пассажиры занимали свои места, и трамваи разъезжались. Но не тут-то было. Наши друзья шли и снова ставили эти каменные клумбы на трамвайные пути. Можно представить, что говорили «водилы», пятнадцать минут назад только, с грехом пополам, утащившие «эти долбанные горшки», когда вновь видели их у себя на пути.

Радецкий этот впоследствии стал министром обороны независимой Украины.

(Записал С.Козлов)

В. Велиев. Спецназ в Приднестровье

Вопреки распоряжениям командования

19 июня 1992 года бронетехника молдавских вооруженных сил вошла в город Бендеры. Жители города и силы самообороны ПМР вступили с ними в уличные бои. Желание изгнать захватчиков и боевой дух у них были очень высоки. Но по огневой мощи «румыны» имели неоспоримое преимущество. В течение суток погибло несколько сот человек.

14 Армия, которой командовал в то время генерал Неткачев, в этот конфликт не вмешивалась, соблюдая нейтралитет. Несмотря на просьбы населения Тирасполя оказать помощь, Неткачев оставался непреклонным. Обстановка в городе вокруг военнослужащих 14 Армии накалялась с каждым днем. Водители троллейбусов отказывались перевозить офицеров. Просто останавливали троллейбус и отказывались ехать до тех пор, пока офицер не покинет салон. Некоторые офицеры, наиболее остро чувствовавшие стыд за невозможность защитить свой народ, а, значит, исполнить свой долг, игнорировали всяческие запреты и призывы не вмешиваться в конфликт и шли на позиции. Они там были необходимы.

При всем стремлении защитников Приднестровья сражаться их обученность оставляла желать лучшего. Захватывая оружие в частях и на складах 14 Армии, они не знали, как им правильно пользоваться. Были случаи, когда бойцы, выстреливая реактивную гранату РПГ-18, более известную как «Муха», упирали задний конец трубы себе в живот или «лихо» стреляли «от бедра». Естественно, что в лучшем случае они наносили себе увечья, а чаще просто гибли. Поэтому кто-то должен был их учить.

Что делал спецназ

Ситуация резко изменилась с прибытием А.Лебеда. Он прекратил пассивное созерцание конфликта и объявил, что Армия переходит к активной обороне. Вместе с ним прибыл 218 батальон спецназа ВДВ. Именно они и выполняли преимущественно специальные задачи.

818-я рота, находившаяся в составе Армии, также принимала участие на начальном этапе конфликта. Тем не менее, следует сказать, что личный состав роты был подготовлен очень хорошо.

Рота — это та единица, которая имеет в Армии приоритет при отборе личного состава. При прибытии призывников в Армию мы могли отбирать одного бойца из нескольких сот человек. В то время, когда я был заместителем командира роты, в группах было по несколько ребят с неоконченным высшим образованием. Среднетехническое тоже было не редкостью. Редкостью были простые выпускники десятилетки. Понятно, что обучаемость у таких парней была очень высокой. Таким же было и желание учиться.

Я тогда только прибыл из Афганистана. Опыт и знания у меня были. Вот я и решил передать свой опыт и знания этим ребятам. Правда, к моменту конфликта ни меня, ни тех бойцов в роте уже не было. Но, тем не менее, уровень подготовки, по-прежнему, оставался высоким.

Практически сразу с возникновением боевых столкновений на роту легла задача по охране и обороне Днестровской ГРЭС и ее плотины. Это был объект особой важности. Если бы удалось взорвать плотину, то часть Приднестровья оказалась бы затопленной.

В ходе конфликта офицеры иногда выезжали для борьбы со снайперами, но все это было весьма сумбурно. Группы роты периодически выходили в тыл молдаван, где вели разведку, однако плановой работы, как в Афганистане, не было. Специальных действий рота также не вела.

Вообще, в ходе конфликта творилась жуткая неразбериха, напоминавшая по описаниям очевидцев, бардак гражданской войны в России в начале века.

После того, как 218 батальон, отработав полтора месяца, возвратился в Медвежьи озера, роту, в основном, использовали для охраны высокопоставленных лиц и приезжающих генералов.

Спецподразделения ополчения

Однако офицеры, ранее служившие в роте, сыграли определенную роль в подготовке и руководстве ополченцами. Например, бывший командир 818-й роты Валерий Ефремов в отряде спецназ госбезопасности Приднестровья со звучным названием «Дельта» был заместителем командира. Насколько мне известно, результаты у них были неплохие.

Во время конфликта я уже командовал ротой в разведбате. Нам было поручено сформировать и подготовить три группы для действий в тылу молдаван. Военным комиссариатом было призвано шестьдесят человек бывших спортсменов и ранее служивших в элитных войсках. Мы разделили их на три группы, наскоро подготовили и стали применять. Мужики попались старательные и знания схватывали налету. Поэтому работали они в тылу у молдаван очень эффективно, правда, частенько «перевыполняя» задачу. Мы засылали их, в основном, для разведки. Они же, выполнив задачу и возвращаясь на базу, устраивали в тылу у «румын» маленькую войну. Уж очень у них после жертв начала конфликта руки чесались. Возвращались практически без боеприпасов.

С. Козлов. Сапер ошибается только раз

Нельзя сказать, что переводчика отряда — старшего лейтенанта Олега Золкина — вообще не интересовало военное дело. Как-то, еще находясь в трезвом состоянии, он стал свидетелем приготовлений своего соседа старшего лейтенанта Кабачного Паши к занятиям по минно-подрывному делу, которые тот собирался проводить со своей группой. Увидев взрыватели и имитационные запалы, он стал спрашивать Пашку, что это и как работает. Кабачный не просчитал, к чему это может привести, и подробно все рассказал. Он даже показал, как при помощи элементарного механического взрывателя МУВ и имитационного запала можно заминировать, в учебных целях конечно, буквально все.

Золкин попробовал заминировать дверь и позвал хозяйку, постучав в окно. Женщина, давно и тайно любившая своего постояльца, решила, что наконец свершилось, и ее страсть оказалась востребованной. Радостно войдя во времянку, она стремительно распахнула дверь и... «подорвалась» на «мине», установленной начинающим сапером. С перепугу она села на пороге, но когда поняла по заразительному смеху жестокосердного Золкина, чьих это рук дело, то резко встала...

Только глубокое чувство, которое она испытывала к нашему герою, спасло его от неминуемой гибели.

Поскольку объектов для очередных экспериментов больше не было, то очередной жертвой коварных «закладок» стал сам Учитель. «Подорвавшись» открывая шахматную доску, Пашка, не стесняясь в выражениях, пообещал в следующий раз набить Золкину морду и ушел на занятия.

Вечером этого дня Золкин должен был заступать в наряд. Золкин прекрасно понимал, что Пашка не упустит момента и, пользуясь его отсутствием, обязательно приведет на ночь какую-нибудь даму. В связи с этим он задумал коварнейшую подлость, решив заминировать место утех — единственную кровать, на которой спали по очереди (второй при этом обычно ютился на стареньком диванчике рядом с печкой). Надо отдать должное и сказать, что Золкин был отнюдь не глуп. Поэтому он заминировал кровать весьма хитроумным способом. На нее можно было сесть и даже лечь одному человеку и не «подорваться». Даже два тела, находящиеся на кровати в покое, не сценицировали бы «подрыв». Лишь раскачав кровать до определенной амплитуды, ложе достало бы шток, шток — Т-образную чеку, которая высвобождала ударник. Далее бы раздавался хлопок имитационного запала. Но этого Золкину показалось мало, и он, вынув из взрывпакета огнепроводный шнур, вставил в образовавшееся отверстие дульце запала.

Внезапный подрыв взрывпакета в замкнутом помещении может напугать и человека с весьма устойчивой психикой, даже такого, как Пашка, не говоря уже о даме. А подрыв во время совокупления чреват весьма тяжелыми последствиями. Однако Золкин об этом абсолютно не задумывался.

Довольный своей шуткой, он прибыл в часть для заступления в наряд. По дороге завернул в бар «Феодосия», где «улучшился» посредством принятия на грудь ста пятидесяти граммов коньяка. Однако времена были отнюдь не дореволюционные. Запах сего благородного напитка, учуянный начальником штаба, не мог быть

им воспринят благосклонно. В результате Золкина отстранили от заступления в наряд, а вместо него заступил случившийся рядом из по иронии судьбы Пашка Кабачный. Начштаба, пообещав сурово наказать переводчика, ушел в штаб. А Золкин, которого это нимало не заботило, отправился продолжить начатое, то есть сначала в бар, а потом и в ресторан «Одиссей».

Ближе к закрытию он познакомился с какой-то дамой и, заболтав ее вконец за десять минут, уговорил провести с ним сказочную ночь. По дороге домой он продолжал очаровывать свою спутницу, рассказывая всевозможные небылицы, а также вышибая слезу историей о неверной супруге. Все шло по обычному в таких случаях сценарию. Было это весной. Печку топить уже не было необходимости. Войдя в помещение, влюбленные сплелись в объятиях. Слившись в долгом и страстном поцелуе, они повалились на кровать. С кровати полетели вперемежку женская и мужская одежда, за ними и более интимные детали туалета обоих полов. Вскоре «станок» мерно заскрипел. Про установку «мины» пылкий любовник-подрывник забыл... Золкин был значительно легче Пашки, и поэтому ложе не доставало до штока. Критическая точка была достигнута только в момент кульминации совокупления...

Взрыв получился на славу. Комната наполнилась пороховыми газами. Олег перепугался так, что слетел с кровати. Мгновенно протрезвев, он даже не сразу понял, что случилось, а когда наконец до него дошло, что он стал жертвой собственного розыгрыша, то дико захохотал.

Дама, ошалело моргая глазами и полагая, что ее «любимый» тронулся рассудком, все же спросила: «Олежек, что это было?».

Сквозь смех он попытался объяснить, что собирался заступать в этот день в наряд, что это он сам установил мину-сюрприз... Зачем он это сделал, Золкин рассказать не успел, поскольку получил от подруги мощную оплеуху. После этого она быстро собралась и на прощание сказала, что такого извращенца еще в жизни не встречала. Золкин продолжал биться в безудержном хохоте...

Часть V. ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ

Е. Сергеев. Начало Чеченской кампании поражало своей неразберихой

Ни сна, ни отдыха измученной душе

После развала Союза я перевелся из Белоруссии в Чучково. Здесь принял батальон, который раньше стоял в Лашкаргахе. Батальон был отличным. Проблем — никаких. Правда, в академию не попал. Сначала не пускали, а потом уже и я сам перегорел. Бригадой командовал Саша Фомин, который был начальником штаба нашего Шарджойского отряда. Знал я его еще с училища.

И вот как-то однажды вызывает он меня к себе. Оказывается, что в Асбесте на базе 12 бригады, которую не так давно вывели из Грузии, формируется отряд, опять же для Грузии. Он в составе Российских миротворческих сил должен был стоять прямо в Тбилиси. Фомин сказал, что звонили из ГРУ и очень внятно намекнули на то, что этот отряд должен возглавить я. У меня от обиды даже ком к горлу подкатил. Даже вырвалось: «Ну почему опять я? Что в спецназе больше комбатов нет? Батальон миротворческий, дислоцироваться будет в соседнем государстве. Здесь и статус у комбата должен быть повыше — образование академическое требуется. А мы академиев не кончали!».

Фомин снял трубку и связался с ГРУ. Уже не помню, с кем я разговаривал. Но по всему выходит, что ехать мне. Обидно. Как в академию — так не я, как на должность выше — тоже мимо, а как в какую-нибудь горячую точку — так только Сергеев. Одним словом, уперся я. И было из-за чего. Батальон у меня уже два года отличный. Только-только спокойная жизнь началась. Слышу, в трубке меня спрашивают, что я хочу взамен того, что соглашусь в Грузию ехать. Ну я, не будь дурак, да и скажи: «Хочу в Псков на должность заместителя командира бригады по ВДП». В трубке сначала помолчали, потом началось: «Да вот понимаешь...».

Что же здесь непонятного? Предложили мне подумать. Ну что ж, подумать можно. А у самого даже слеза потекла. Сорвался...

В конце концов, наверное, я все-таки поехал бы, хотя начинать о все сначала не хотелось. Что за уровень бойцов и офицеров в формируемом батальоне, было ясно. Кто из части хорошего военного служащего отпустит? Мы сами туда недавно всех самых отъявленных сплавии.

Предложение, от которого нельзя отказаться

Трудно сказать, чем бы все закончилось, но тут началась Чечня. И снова вызвал меня Фомин: «Принято решение. Твой отряд едет в Чечню».

Тут уже деться некуда. Что же это за командир, который со своим батальоном отказывается выполнять боевые задачи?

Поскольку отряд был сводным, хоть и на основе моего, я принялся за разработку временного штата. За основу, конечно, взял штат афганского отряда. Но только за основу. Для того чтобы разведчики не занимались охраной своего ппд и несением службы, я создал взвод охраны и комендантский взвод. Начальниками служб шли, помимо моих штатных, начальники служб бригады. У командиров рот появились заместители. Ими были командиры соседних рот. Всего в отряде насчитывалось двести пятьдесят человек. Начальником штаба у меня был Эльдар Ахметшин. В штаб отряда вошли офицеры штаба бригады. Сразу нужно отметить, что штаб получился очень сильный.

Укомплектовав штат отряда, мы приступили к тренировкам. Но к выполнению каких задач нужно готовить наших бойцов, никто не знал. Одно дело, если мы будем выполнять свои, разведывательные задачи, другое дело, если на нас повесят выполнение несвойственных спецназу задач. На всякий случай отрабатывали все. Даже учились дома штурмовать. Для повышения физической выносливости все бойцы от подъема до отбоя ходили в бронежилетах. Постоянно проводились стрельбы. Примерно через месяц мы вылетели в Моздок. Сидели на самолеты в Дягилево.

Подогнали нам для посадки «Русланы». С нами вылетел и начальник разведки округа.

Моздок

Когда прибыли в Осетию было уже темно. Я решил дождаться остальных бортов, вытянуть технику и уже после этого выдвигаться к месту временного расположения. В Моздоке мы должны были получить и боевую технику, которую нам передали из пехоты. По опыту знаю, сколько требуется времени для того, чтобы принять технику. Поэтому я просто не мог поверить своим ушам, когда в 8-00 мне поставили задачу в 13.00 быть готовым к началу марша.

Начинаю знакомится с экипажами. Спрашиваю механика:

— Сколько БТР водил?

Отвечает:

— Три километра в учебке.

Спрашиваю башенного пулеметчика:

— Из КПВТ стрелял?

— Нет.

— А из ПКТ?

— Один раз.

Уровень подготовки ясен. Все оружие в смазке, которую еще только предстоит снять. Оружие не снаряжено, машины не заправлены. Стали распределять машины. Идем вдоль техники и подряд считаем: «Раз, два, три — это твои машины. Следующие три — твои». Машины распределили, начали колонну вытягивать. Тут прапор, который вместе с БТРами на МТО прибыл, напился и начал артачиться, что не встанет в указанном месте. Наш зампотех ему за это морду начистил.

Начали маршрут изучать. По приказу мы должны были идти через всю Осетию на Беслан, а оттуда уже через Ингушетию на Грозный через Самашки. В головном дозоре пошел начальник штаба. Начался марш, и начались проблемы. Опыта вождения у водителей никакого, а скорость нужно держать высокую — семьдесят—восемьдесят километров в час. Машины то ломаются, то кипят. В ходе марша и прошло наше боевое слаживание. С грехом пополам ночью доехали до Беслана.

Марш на Грозный

Здесь днем дополучили пайки и продукты, а рано утром — начало движения на Грозный. О том, где ехать личному составу — на броне или внутри БТРов — у меня с начальником разведки вышел о жаркий спор. Очень трудно было объяснить прописные истины афганской войны человеку, который ее не прошел. Он никак

не хотел понять, что достаточно одной гранаты РПГ, чтобы внутри весь десант превратился в покойников. В конце концов, пришлось поставить вопрос ребром: «Кто командует батальоном, Вы или я?».

Наконец тронулись. Предыдущий марш многому научил водителей. Было видно, что они почувствовали свои машины. У меня в отряде были бойцы, прослужившие по году и более, а водители — только что прибыли из учебного подразделения. Понимая, какая тяжесть на них ложится, я особо распорядился, чтобы водителей не обижали. Ингушетию мы проскочили утром.

По дороге поступила информация о том, что в районе Самашек боевики постоянно устраивают засады. Я приказал развернуть стволы елочкой вправо и влево и на подъезде к Самашкам дал превентивный залп. Недалеко от села в стороне от дороги находился пост подразделения МВД.

Они чуть не плачут:

— Ребята, не стреляйте. У нас с чеченами договоренность.

— А я спрашиваю, ребята, а почему вы здесь стоите? Дорога то вон где проходит.

Согласно приказу, мы перед Самашками должны были уйти с трассы на север и добираться до Грозного по хребтам. До нас здесь прошел не один десяток боевых машин. Целина превратилась в кашу. Как мы доехали до Грозного, одному Господу известно. Шли опять с утра до позднего вечера. При том, что по трассе до чеченской столицы оставалось не больше шестидесяти километров. Мне до сих пор не понятно, неужели, обладая такой мощностью, командование не могло взять под контроль всю трассу. Колонны можно было прикрыть с воздуха вертолетами. В засадоопасных местах можно было выставить наши посты, дорогу, если там были мины, разминировать. Не делалось это, скорее всего, из-за того, что обстановки в районе никто не знал.

В тыловом районе

Наконец, прибыли в тыловой район группировки, который располагался на окраине Заводского района. Бардак и неразбериха невообразимые. Никто нас не ждет и не встречает, а значит, место для расположения не назначает. Где смог, там и расположился. Нашел я место, где еще трава была. Здесь и встали. Тут же ночью поставили палатки, кухня начала готовить завтрак. Главное было создать людям максимально возможные удобства. Утром с начальником разведки округа нам выезжать в Грозный, для того чтобы представиться командованию и получить задачу. Еще вечером нам должны были дать проводника из 45 полка спецназа ВДВ. Когда утром я прибыл туда без знаков различия в нагруднике, меня попытался «построить» какой-то холеный полковник в фуражке и повседневной форме. Его не устраивал мой внешний вид. Меня же не устраивал его. Странно. После Афгана прошло всего шесть лет, а уже все забыто. Снова люди приезжают на войну, как на банкет.

Поступаем в распоряжение командующего

Въехали в Грозный. Снаряды рвутся. Где-то кто-то стреляет. Но добрались без приключений. Ресторан «Терек». Здесь располагался командующий. Мой отряд поступал в его непосредственное подчинение. Задачи мне хотели поставить сразу, но я выпросил сутки на обустройство и на то, чтобы привести в порядок личный состав, почистить оружие и немного отдохнуть перед предстоящей работой. Я по опыту понял, что ее будет много. Кстати людей имевших боевой опыт в отряде было шесть—семь человек, включая меня. Но, в целом, отряд был готов к выполнению задач. Люди были разбиты на группы и знали, с кем им предстоит работать. В сущности, можно было любой из них хоть сейчас ставить задачу.

Руководство разведкой

За разведку здесь отвечал бывший выпускник десантного училища, оканчивал он седьмую или восьмую роту. До этого работал в оперативном отделе. У него был план города. Когда я заглянул туда, то не увидел нанесенных разгранлиний. Какой дом кому принадлежал, было неясно. Даже свои войска на карте были отображены кое-как, не говоря уже о противнике. Когда он попытался поставить задачу моим разведчикам, я вообще загрустил. По его словам, мои разведчики ввиду отсутствия карт и планов города должны были пойти в указанном им направлении с чистым листком бумаги и по мере продвижения вперед записывать все, что увидят, а потом вернуться и доложить. То что обстановка может измениться, он как-то не думал. О том, что я могу вывести группы в город на несколько дней, где они смогут скрытно выдвинуться в тыл духов и вести наблюдение в течение этих дней, он даже не предполагал. Мысль о том, что нужно максимально сократить время от получения информации разведчиками до доведения ее старшему начальнику, а от него средствами поражения, его, видимо, не посещала. Через несколько дней он погиб. Организацией разведки,

планированием применения имевшихся в его распоряжении сил и средств разведки занялся старший офицер по спецработе из штаба Московского военного округа. Умнейший был полковник и смог все организовать грамотно.

Делимся

Поскольку мой отряд располагался в тыловом районе, а задачу ставил лично командующий, возникала проблема. От расположения отряда до ресторана «Терек» было сорок пять минут езды. Это было крайне неудобно. Поэтому было принято решение о делении отряда на два расположения. В тыловом районе я оставил Эльдара Ахметшина за старшего. Часть узла связи развернул у командующего. Там постоянно находился мой полковник. В его распоряжении также был БТР «Чайка», радист и три человека для охраны. Я взял с собой заместителя, двух офицеров штаба и одну роту разведки. Дом, который мы решили занять, находился в восьми минутах езды от гостиницы «Терек». Недалеко стоял чей-то разведбат. Здание находилось на территории какого-то промышленного предприятия и поэтому было огорожено бетонным забором с проходной. Это было очень удобно. Также недалеко находился единственный источник, где из трубы текла вода. Вообще же воду привозили из Беслана. Дом мы заняли 15 или 16 января, используя те сутки, которые нам выделил командующий на обустройство. Когда подъезжали, начался обстрел, откуда-то духи долбили «градом». В результате у десантников, находившихся рядом, погибли офицер и прапорщик. Мы забрали их тела с собой и немного позже передали в их часть. Я сразу выставил на охрану одну группу. На крышу дома отправил прапорщика Шмакова с бойцами и АГС-17. С крыши был прекрасный обзор. Перед тем как расположить в доме бойцов, все было проверено — и здание, и двор на предмет возможного минирования духами. Кроме того, мы сами опасные подступы к нашему расположению заминировали для того, чтобы отвлекать минимум личного состава на охрану.

Снабжение воюющих подразделений было организовано по о, следующему принципу. От части выделяется колонна автомобилей и направляется в Беслан. Там получает все необходимое и возвращается обратно. Наверное, не стоит объяснять, насколько это неудобно. Нам удалось, хотя и частично, решить эту проблему иначе. Дело в том, что заместителем командующего группировки «Юг» был бывший заместитель по тылу командира забайкальской бригады спецназ, где раньше служил и я, поэтому многие вопросы тылового обеспечения моего батальона были решены.

Первый выход

На следующий день Командующий поставил задачу передать три группы в распоряжение 19-й мед. Первый выход отряда. Естественно, что я пошел с ними. В каждой группе шло по два офицера, чтобы они могли, возвратившись, поделиться опытом с остальными. Мои группы должны были действовать вместе еще с двумя группами разведбата. Согласно информации о противнике, духи отходили и оставляли группы прикрытия, которые минировали свои пути отхода и организовывали засады. Мы должны были выдвинуться вперед и проверить здания на наличие боевиков, а после того, как здания нами будут заняты, передать их пехотному батальону, с расположения которого мы действовали.

Начал организовывать с комбатом взаимодействие. Оказалось, что у него на весь батальон одна единственная радиостанция. Стали уже определять зрительные сигналы ракетами.

Технику оставили и пошли вперед. Две группы стали перебегать через дорогу. Откуда стреляли и кто, в городе определить трудно. Но, под огнем, одного из моих бойцов уже ранили. Связываюсь с комбатом, чтобы забрали его. Отправляю двух своих, чтобы вынесли раненого. Они тащат его к пехоте снова под огнем, и возвращаются ко мне.

Достигли первой полосы зданий, начали зачистку. Слышим под землей какие-то звуки. Открыли — там дед сидит с бабкой. Зачистили дом, нашли гранатомет, выстрелы к нему. Видно духи, уходя, бросили. Нужно дом передавать пехоте. Нашли какого-то лейтенанта. Он без комбата вперед идти отказывается. Снова связались с комбатом, снова уточнили порядок взаимодействия. Сдали дом пехоте, двинулись дальше.

Чего стоят недочеты в боевой подготовке

Вышли к Сунже. Здесь к нам подошли две группы разведбата. Теперь нам поставили задачу выйти к цирку и «зачистить» его. Когда начали движение, по нам открыл огонь снайпер. Бил, по-моему, с цирка. Я, чтобы долго не мучаться, попросил артакорректировщика, которого нам придали, навести огонь артиллерии на здание цирка и подавить снайпера. И здесь мы на себе почувствовали последствия игнорирования боевой

подготовки в мирное время. Первые же снаряды разорвались примерно в двадцати метрах от нас. Тут же я попросил корректировщика сообщить на огневые, что больше ничего не нужно.

Начали просачиваться группами потихоньку к цирку. Вышли скрытно к зданию и начали «зачистку». Но нужно понимать, что это не просто дом, а специальное здание, имеющее огромное количество коммуникаций, каких-то специальных технических помещений и коридоров. Работали пятью группами, осторожно, продвигаясь шаг за шагом. Не хотелось подставлять своих людей. Но все было тихо. Боевики ушли. Мы нашли места их расположения, огневые позиции, но здание само было пусто. Связались с пехотой, чтобы они выдвигались к нам и заняли здание цирка. Но оказалось, что мы продвигаемся вперед слишком быстро, и пехота не успевает за нами. Пришлось ждать часа полтора-два. В конце концов, подошла пехота. Сдали им цирк.

Не все чеченцы - боевики

Пока ждали, обнаружили возле здания, недалеко от цирка, БМП КШ, и без видимых следов повреждений. Выйдя из цирка двинулись к этой группе домов. Огневого воздействия противника не было, и мы беспрепятственно добрались до намеченных зданий. По дороге обнаружили трупы боевиков. Один из них, судя по документам, был иорданец. Заняли дома и приступили к очередной «зачистке». Как выяснилось, в подвалах этих домов прятались местные жители. Среди них был и заместитель командира печально известной майкопской бригады со своим водителем. Это их машину мы обнаружили. Мирные чеченцы прятали их в подвале от боевиков. Как они там оказались, я не уточнял. Разведчики дивизии забрали их и позже передали своим. Мы же заняли круговую оборону в этих домах и удерживали их до утра. У пехоты не хватало людей, для того чтобы занять их. Эти дома были рубежом конечной задачи, которую поставило нам командование. Выполнив ее, мы вызвали свои бронетранспортеры и двинулись в расположение.

Как применяли и как награждали спецназ

Уже по дороге мы вдруг натолкнулись на один из бронетранспортеров нашего отряда. Как оказалось, в мое отсутствие отряд начали растаскивать направо и налево. Одна из групп действовала с морской пехотой. Когда группа возвратилась в батальон, командир рассказал, что несмотря на то, что у морской пехоты была своя разведка, вперед посылали спецназ. Он выбивал духов из дома, потом подходила разведка морпехов, а потом уже и сами морские пехотинцы. Командир группы доложил, что в ходе боестолкновений его группой были уничтожены снайпер и два гранатометчика.

Вскоре поступила задача двум моим группам и одной группе спецназа ВДВ выйти к Белому дому и захватить его. Спецназ снова выполнил всю черновую работу. Провел разминирование подходов и части здания, «зачистил» подвалы и этажи дудаевской резиденции, собрал трофейное оружие и в конце водрузил знамя над президентским дворцом. Для того, чтобы было понятно, кто это сделал, написали: «45 полк спецназа ВДВ и 370 ооСпН».

Однако на экранах телевизоров дикторы возвестили, что знамя над дудаевским дворцом водрузила морская пехота. Кажется, за это кто-то даже получил звание Героя России. А о разведке, о ^ спецназе, как всегда, забыли.

Когда левая рука не знает, что творит правая

Вскоре мне поставили задачу выслать одну разведгруппу для разведки аэродрома «Северный». Группа должна была выяснить группировку противника на аэродроме, порядок охраны и обороны. В качестве проводника взяли лейтенанта из комендатуры группировки «Юг». Он сам родом из Грозного, прекрасно ориентировался в городе. А недалеко от «Северного» у него жила мама, и он хотел ее провести. Группа вышла бронетранспортерами. С ними выехал заместитель командира отряда. Достигнув переднего края обороны морских пехотинцев, броня с заместителем командира отряда осталась. Он поддерживал радиосвязь с группой и был в готовности выдвинуться для оказания помощи или ее эвакуации. Разведчики выдвинулись аэродрому. Вскоре группа вернулась обратно и доложила, что на аэродроме приземляются российские военно-транспортные самолеты, что на аэродроме базируется группировка «Север», и что духов там и близко нет. Данный факт свидетельствует о полном отсутствии взаимодействия между силами, штурмовавшими город, если командующий «Южных» не знал, где штаб «Северных».

Когда где-то добыли и выдали нам двадцать планов Грозного, мы смогли нанести на мою рабочую карту обстановку, которую сами и вскрывали. Не без гордости скажу, что на моей карте обстановка была нанесена достовернее, чем у командующего.

Чей волос дороже ценит командующий

Командующий приказал провести в Черноречье батальон морской пехоты. Задача не из простых. Черноречье один из наиболее сложных районов Грозного. Для разведки маршрута выделяю шесть групп. С первой группой идет заместитель командира отряда. В группе восемь бойцов и два офицера. Итого десять. Задача первой группы выйти к мосту через Сунжу, провести разведку и заняв позиции у моста, в последующем обеспечить безопасное продвижение батальона морской пехоты. Остальным группам О также были выделены участки маршрута, которые они должны О были разведать, а в последующем удерживать, обеспечивая безопасное продвижение морской пехоты. Но к этому времени мои группы работали и на других участках, поэтому людей катастрофически не хватало. Пришлось формировать остальные группы, выделяя в них офицеров управления и штаба. В остальных группах было по пять-шесть человек. 23 января группы вышли и взяли под контроль намеченные участки. Я доложил об этом командующему.

Рядом находился командир полка морской пехоты. Командующий приказал ночью провести один из его батальонов в Черноречье. Но я возразил. Зачем дожидаться ночи. Можно выйти в назначенный район прямо сейчас, когда противник не ждет. Кроме того, мои группы днем способны контролировать свои участки, что ночью сделать будет сложнее. Я предложил вывести мою броню на маршрут и поставить по одному БТР у позиций моих групп. Это усилит их огневую мощь. После этого можно пускать морпехов. Командующий выслушал меня и спросил: «А ты гарантируешь безопасность выдвижения батальона? Смотри, если хоть волос упадет с головы морского пехотинца, я с тебя голову сниму». Мне до сих пор не ясно, чем волос морского пехотинца дороже моей головы или даже головы любого из моих солдат, которые рисковали своей жизнью, обеспечивая продвижение обычной и морской пехоты. Тем не менее, я взял на себя такую ответственность и попросил отдать распоряжение батальону о готовности к маршу.

«Я - пятьдесят второй! Веду бой!»

Прибыл к ним к 16.00, однако колонна не была готова к движению. Потеряли время. Пока суд да дело, слышу по радио: «Я пятьдесят второй, веду бой!». Я сразу даю команду тем, кто ближе, выдвинуться им на помощь и сам тоже мчусь туда. В горячке немного блуданули, свернув немного раньше. Попали под обстрел боевиков, сами тоже ответили им, развернулись и вскоре прибыли к мосту, где находилась группа. На лестнице, ведущей к мосту, я увидел трупы бойца и заместителя командира группы. В ходе боя радист с командиром группы отстреливались. Командира тяжело ранили, но радист успел со мной связаться. Забрали убитых и раненого и отправили на броне в расположение. Здесь я оставил для усиления три БТР-80.

А получилось вот что. Командир группы — инженер отряда, заместитель командира группы — сержант, в группе также радист, разведчик и еще один майор. Вышли к мосту и, находясь внизу, командир группы стал ставить задачу. Вся группа в это время располагалась открыто. Духи, обнаружив их, скрытно вышли на насыпь моста и сверху, метров с десяти, отрыли огонь. Замкомгруппы и один из солдат успели среагировать и дать в ответ несколько очередей. Их магазины были пусты наполовину. Командир группы и радист укрылись за бетонной стенкой. А второй офицер сбежал. Но в тот момент я еще не знал этого. Обследовав мост, мы обнаружили взрывчатку и один автомат, а также следы крови. Видимо, духам, которые шли минировать мост, тоже досталось. Группа, которая находилась недалеко от места боя, наблюдала автомобиль, на котором уехали боевики. Доложил об обстановке командующему и предложил не откладывать выдвижение морской пехоты в Черноречье. Он дал добро. Пошли вперед, но скоро выяснилось, что максимальная скорость, с которой могут двигаться морпехи — 5 километров в час. Ни водители, ни личный состав к бою оказались абсолютно не готовы, однако, батальон, несмотря на то, что «черная смерть» постоянно отставала, терялась, мы доставили в Черноречье без потерь в указанную им точку. Недалеко находилась удобная высотка, где можно было занять позиции, но комбат, несмотря на мои советы, отказался это сделать. В приказе было указано, где стоять, поэтому думать не обязательно. Насколько мне известно, эту высоту позже заняли духи, и морская пехота вынуждена была ее штурмовать.

Взрыв

Выполнив задачу, мы возвратились на базу в Грозном. Здесь подтвердилось, что офицер, входивший в состав группы, которая вела бой, позорно бежал. Сделал он это якобы для того, чтобы привести помощь. Но в эту сказку никто не верил. Налицо был позорный факт трусости. Было уже довольно поздно. Я собрал офицеров штаба и управления на ужин. Чтобы снять напряжение, выпили по сто граммов. Теперь нужно было обсудить, как дальше поступить с офицером, запятнавшим свою честь. Вопрос предстояло решить важный. Как ни крути, а в наших руках была судьба человека, которую неосторожными действиями можно поломать. Я предложил

вернуть его в бригаду, а там пусть с ним разбирается командование. Чтобы дать возможность офицерам обсудить мое предложение, я вышел на улицу по нужде. Когда проходил через расположение, где находились бойцы и офицеры, видел предмет наших раздумий лежащим на кровати лицом вниз. Приблизившись к БТрам я почувствовал сильный толчок почвы под ногами. Упал, что-то упало на меня. Потерял сознание. Когда пришел в себя почувствовал, что кто-то ходит по мне. Подал голос. Кто-то спросил: «Кто это?». Отвечаю: «Комбат». Потом меня тащили из под обломков строительного мусора. Кроссовки, в которые был обут, остались под ним. Хожу босиком. Собрал людей, организовал разбор завала и поиск тех, кто остался под обломками. Ничего не понятно. Ясно только то, что часть трехэтажного здания, где мы располагались, разрушена взрывом. Потерял сознание. Очнулся только в госпитале. Здесь и узнал, что всего погибло сорок восемь человек.

Версии

На самом деле, до сих пор никто не может точно сказать, что взорвалось тогда. Многие высокие начальники и пресса попытались во всем обвинить лично меня и моих подчиненных. Якобы мы не проверили здание, а оно было заминировано. Якобы даже нашли провода, которые вели от развалин дома к забору. Однако это чушь. Во-первых, я, воюя не первый год, прекрасно понимал, что в зданиях в захваченном городе могут быть сюрпризы. На книгах и опыте И.Г.Старинова мы воспитывались. Поэтому я еще раз подтверждаю, что здание было проверено нами на предмет минирования. Но все-таки если предположить, что мы не смогли найти фугас, управляемый по проводам, которые якобы нашли позже, то на это могу возразить. Двор здания был асфальтирован и для того, чтобы проложить кабель, нужно было снять асфальт в том месте, где кабель проходил. А это уж обязательно бросилось бы в глаза. Если же допустить, что здание было заминировано заблаговременно и провод проложен давно, а место его залегания заасфальтировано в расчете на то, что Грозный займут войска, а в пригодном для расположения здании поселятся военные, то надо полагать, что дом бы заминировали так, что обрушился не только один его угол. Думаю, что в этом случае работали бы профи и сделали о бы закладку, которая обрушила бы все здание. Иначе и огород городить незачем. Поэтому данная версия не выдерживает критики.

Вторая версия — это то, что у меня в комнате рядом со штабом хранилась взрывчатка, нужная нам для работы. Якобы офицер, судьбу которого мы решали, не выдержав позора, вошел туда и подорвал себя и всех гранатой. Но это не похоже на правду, поскольку за минуту до взрыва, я видел его лежащим на кровати лицом вниз.

Наиболее вероятная причина взрыва — попадание нашего же артиллерийского снаряда. То что в ту войну артиллерия была в белый свет и частенько попадала по своим, ни для кого не секрет. После я слышал об аналогичном случае с подразделением морской пехоты. Характер разрушений дома указывает на то, что это наиболее вероятная версия. Во всяком случае ее подтвердили артиллеристы, лежавшие со мной в госпитале. А кому, как не им, знать, что бывает при попадании их снарядов в здание.

Косвенно версию подтверждает то, как быстро ее поддержали высокие начальники. Выяснить, чей это был снаряд довольно трудно. Разбирательство будет свидетельствовать о бардаке, творящемся в Грозном. Пресса начнет голосить, что если армия без разбора бьет по своим, то что творится с населением, даже представить себе нельзя. Что, в сущности, было бы правдой, но очень не нужной командованию. А так, сами виноваты.

С.Козлов. Эпилог

Что же за взыскание было наложено на Сергеева? Наверное, он совершил что-то из ряда вон выходящее, что в последующем повлияло на всю его офицерскую судьбу. Так может думать читатель этих строк. Однако случилось вот что.

В самом начале афганской эпопеи решил Сергеев наладить контакты с советниками одной из афганских частей и пригласил их в гости. Помимо чисто человеческого фактора, здесь присутствовал профессиональный интерес. У афганцев можно было разжиться какой-то информацией о противнике. И вот, когда колонна афганской техники с флагами приблизилась к расположению отряда, ее остановили предупредительными выстрелами. Произошло недоразумение. Спецназовцы не разобрались, а афганцы не поняли и, обидевшись, уехали. Получалось, что вместо дружбы возник конфликт. Узнав об этом, Сергеев прыгнул в свой УАЗик и пустился вдогонку. Только немного позднее он понял, как рисковал тогда, пролетев на всех парах без охраны двадцать километров территории, где в любом месте его могла ждать засада моджахедов. Догнал колонну уже в их расположении, принес извинения. В конце концов, конфликт был исчерпан. Как водится, по- русски распили бутылку на всех за будущую дружбу. Вышло-то граммов по пятьдесят на брата. Водка в Афгане

дефицит, а в горбачевском 1985 — особый. Когда он возвратился в отряд, здесь уже был начальник политотдела подполковник Таран:

— Почему от капитана идет запах спиртного? И это в период борьбы за трезвость!

Никакие объяснения ситуации не помогали. В сердцах хлопнул он дверью и ушел. С этого все и пошло. Взыскания по партийной линии, а, значит, ни тебе наград, ни должностей. От начала до конца два года пробыл замкомбатом. Другие, и не воюя, карьеру за этот срок сделали, а Сергеев и с войны не вылезал, а батальон так и не получил.

А когда вернулся в Союз, через некоторое время вызвали его в прокуратуру в Ташкент давать объяснения по поводу кляузы, которую настроил ворюга-прапорщик. Был он в Афганистане уличен Сергеевым и уволен из армии и к моменту разбирательства спился. Но как в тридцать седьмом году, Сергееву предложили оправдываться. Делать этого он не стал, памятуя о презумпции невиновности. Посадить, конечно, не посадили, но дело было под контролем в ЦК. Поэтому и продвигался по службе с трудом, и в академию долго не пускали. Однако, когда требовался организаторский талант и воля командира, посылали вперед Сергеева. В чучковской бригаде открыли памятник погибшим. Сергеев же уволился по состоянию здоровья. И сразу же стал никому не нужен. В системе нашего государства ничего не меняется.

Тарас Зиков. Разведчики! В атаку?..

Начало моей командировки в Чечню было интригующим и многообещающим. На аэродроме вылета нам выдали новенькие бронезилеты в нетронутой заводской упаковке, но почему-то в каждом из них отсутствовало по несколько пластин. Еще интереснее стало, когда нам передали БТР-80, а водителей-пехотинцев, страстно желавших поехать с нами, отправили обратно в часть. Мы остались наедине с этими великолепными, но совершенно нам неизвестными машинами.

Отмечу, что особенностью армейского спецназа является то, что на вооружении у него нет никакой техники, а в подготовке офицеров имеется соответствующий пробел. Даже война в Афганистане, где большую роль в успешных действиях спецназа сыграли бронегруппы, не заставила поставить в каждую часть хотя бы несколько учебных БТР и БМП. Так что пришлось брать в руки «букварь» — инструкцию по эксплуатации и изучать ее.

Из-за этого не обошлось без приключений. Через день после прибытия в Моздок моя группа была отправлена на выполнение задачи в составе отряда специального назначения. До мелочей в устройстве машины и 14,5-мм пулемета КПВТ мы тогда еще не докопались, учебных стрельб не успели провести и пребывали в полной уверенности, что у нас все готово к бою. По счастью, в тот раз открывать огонь не пришлось, и мы благополучно вернулись. А на первых же учебных стрельбах оказалось, что через каждые 4 выстрела пулемет «ловит клин» из-за отсутствия лотка в системе отвода пустой ленты и, как следствие этого, невозможности ленты беспрепятственно проходить в звеньеотвод. Она собиралась у края звеньеотвода и не двигалась дальше. И так у всех БТРов.

Вот и пришлось наводчикам из-за отсутствия этих деталей на полевой ремонтной базе срочно учиться одной рукой нажимать на спуск, а другой протаскивать ленту. А что было бы с нами, попади мы под обстрел на первом задании? Конечно, мы учились воевать не только на своем печальном опыте, но и на примерах использования на этой войне других подразделений специального назначения. О них нам, новичкам, становилось известно от более опытных друзей, уже прошедших боевое крещение и успевших оценить противника. Уж боевики-то, как никто другой, умели использовать все преимущества обороны в городе, получаемые от хорошего знания ими места боевых действий и использования наступающими на узких улицах танков и БМП, которые становились «Братскими могилами пехоты».

Не удивительно, что на улицах Грозного было сожжено большое количество техники, ведь стрельба велась, как правило, с 30...40 метров сосредоточенным огнем нескольких РПГ по каждой медленно движущейся бронетели поочередно.

Зная об умении боевиков воевать, я не был удивлен, что в подавляющем большинстве подвалов домов на улицах, мало-мальски пригодных по ширине для движения техники, были сосредоточены запасы выстрелов к РПГ-7. Тактику оставления «зачек» с боеприпасами используют боевики по всему миру. Однако хотя опыт локальных конфликтов иногда и обобщается нашими военными специалистами, до доведения его до «подростающих» командиров дело все равно не доходит. Каких-либо учебных курсов или пособий по ведению контрпартизанских боевых действий в сухопутных войсках не существует. Вот и приходится учиться в каждом новом локальном конфликте «с нуля» на своем кровавом опыте.

Боевики применяли и засады, устраиваемые большими силами на перекрестках. При этом огонь велся одновременно из 5-20 гранатометов, большого количества пулеметов и снайперских винтовок. Именно в такую засаду попала 2 января 1995 года колонна российских войск из 16 боевых и 30 колесных машин, шедшая к железнодорожному вокзалу.

Задача вывезти с вокзала в тыл тяжело раненного командира соединения была поставлена общевойсковому подразделению, которому придали разведгруппу из состава батальона специального назначения. Разведчики размещались следующим образом: четверо на первой БМП и по двое на второй и третьей. В 100 метрах от места назначения голова колонны была обстреляна с трех сторон массированным огнем противотанковых средств и стрелкового оружия. Сразу загорелась первая БМП. Вскоре у нее сдетонировала боеукладка.

Однако спецназовцы сумели выбраться из машины и приняли неравный бой, ставший для них последним.

Начальник колонны, находившийся на второй БМП, приказал своему механику-водителю уводить машину по примыкающей улице и таким образом оставил колонну без управления. Два спецназовца, сидевшие в десантном отделении этой машины, из-за ограниченного обзора из бойниц, не увидели, что их товарищи попали в беду, и не смогли им помочь. Через 3-4 квартала БМП начальника колонны была подбита. И снова бой приняли разведчики, но, находясь одни в окружении и положив гору «духов», погибли. В живых остались лишь контуженные механик-водитель и начальник колонны, которых местные жители затащили в подвал дома и прятали 3 недели.

Третья машина из-за отсутствия управления колонной и боем также ушла с места засады, но заблудилась и упала в р.Сунжу. Все находившиеся в ней, в том числе спецназовцы рядовой-контрактник Согинов и рядовой срочной службы Кузнецов, спаслись. Лишь пехотный майор-медик не смог выбраться и застрелился.

Спецназовцы вышли в боевые порядки наших войск и еще десять дней воевали на передовой (командуя шестью солдатами-пехотинцами, захватили и удерживали здание библиотеки).

Только в одной этой засаде погибло около 40 российских военнослужащих. Это, к сожалению, не единственный пример эффективных действий «духов». К таким результатам приводила тактика нашего командования «водружения знамени на ключевых объектах».

Задачу сохранения жизни личного состава решали начальники всех степеней. Правда, иногда это делалось весьма странным образом. Некоторые командиры, заботясь о жизни своих подчиненных, а кое-кто боясь за свою «заднюю часть», доходили до того, что старались на наиболее опасный участок отправить чужих солдат и тем самым сберечь своих. Примерами могут быть случаи выполнения подразделениями, специального назначения задач, неспецифических для них, типа штурма зданий, их удержания, использование в качестве походного охранения общевойсковых колонн вместо ведения разведки в интересах группировки войск.

Это опасные задачи, и отдельные пехотные командиры, которым придавались подразделения спецназа использовали для их выполнения чужих бойцов.

А иногда спецназовцам приходилось выполнять и вообще мифические задачи. Так, 18 января 1995 года отряд разведчиков из 19 человек на 2-х БТРах был отправлен на командный пункт тыла, находившийся у населенного пункта Толстой Юрт. В задачу отряда входило обнаружение и захват агента боевиков «Ракеты», постоянно передававшего по радиосвязи о передвижениях наших войск на участке дорог Червленая–Грозный. Действовать было приказано с КП как с базы.

Замечу, что когда потребовалось найти старшего начальника на КП, то поступили очень просто — отыскиали среди 200 машин управления и связи теплый туалет. Сколоченный из свежеструганных досок, он возвышался над замаскированными автомобилями. А в 15 шагах от него стоял автомобиль с кунгом старшего начальника. Вот такая страусиная маскировка.

В последующие за приездом 10 дней отряд выезжал на дорогу в надежде засечь шпиона. Иначе как случайностью предполагавшуюся поимку было назвать нельзя, ведь у спецназовцев не было никакой связи с местными осведомителями, никаких средств радиотехнической разведки, да и вообще это работа других служб. Несолоно хлебавши они вернулись в Моздок. Зато избежали участия в наступлении по улицам города в качестве мотопехоты на БТРах.

О высокой эффективности применения подразделений специального назначения при их грамотном использовании свидетельствует следующий пример. 31 декабря 1994 года отряд спецназа из 4 офицеров, 17 прапорщиков и контрактников был в 10 часов утра переброшен вертолетами в предгорье Северного Кавказа в район населенного пункта Сержень-Юрт. Затем совершив 26-часовой пеший марш с полной экипировкой (до 20-30 кг вооружения, боеприпасов и минно-взрывных средств) по горам в условиях снегопада, отряд к 12 часам дня вышел в район, где командир и приказал устроить базу.

После тщательнейшей подготовки оружия к бою, а минно-взрывных средств — к подрыванию отряд разделился. Два офицера и 8 контрактников заняли круговую оборону на базе, а остальные, оставив часть

снаряжения, выдвинулись к дороге, которая проходила по дну неглубокого горного ущелья. Ширина ущелья у дна составила от 200 до 300 м, и, кроме дороги, в нем находились несколько бывших пионерлагерей. По сведениям разведки, полученным федеральными войсками ранее из агентурных источников и благодаря аэрофотосъемке, в одном из этих лагерей располагалась школа чеченских, диверсантов. Дорога усиленно патрулировалась бронетехникой, и по ней осуществлялась перевозка личного состава и грузов.

В 8-м часу утра следующего дня боевые позиции на середине склона ущелья заняла подгруппа обеспечения в составе заместителя командира отряда и трех солдат-контрактников, а чуть ниже расположилась подгруппа огневая и минирования в составе офицера Л. и шестерых контрактников. Они заложили управляемые по проводам фугасы: один под полотно дороги, а второй — под находившуюся в 100 м электротрансформаторную станцию.

Около 8 часов на дороге у места засады показалась БМП с боевиками на броне. Взрывом управляемого фугаса и огнем подгруппы огневой и минирования за считанные секунды с противником было покончено. Затем была подорвана трансформаторная станция. Не успели стихнуть выстрелы и осесть пыль от взрывов, как на дороге показалась еще одна БМП. Выстрелами из РПГ-22 ее удалось отогнать.

В результате засады была уничтожена боевая машина, 7 боевиков, на дороге образовалась огромная воронка, что в дальнейшем привело к скоплению техники противника в этом месте, была обесточена база диверсантов.

Разведчики установили мину направленного действия на месте засады и отошли (сначала огневики-минеры, затем подгруппа обеспечения). Еще находясь на хребте над местом засады, то есть в 500 м от него, спецназовцы услышали взрыв своей мины — это на подмогу боевикам, попавшим в засаду, подошли новые силы.

Началась многочасовая «гонка выживания». Следующую МОНку оставили в месте расположения своей базы, положив за ней сумку подрывника, которая обязательно должна была привлечь внимание боевиков. Эта мина сработала через 40 минут, когда отряд разворачивал радиостанцию, чтобы вызвать вертолеты для эвакуации. Командир решил временно отложить сеанс связи, так как удаление от бывшей базы составляло не более 1 км (разведчики за 40 минут только и успели пересечь еще одно ущелье).

Третью мину оставили на месте несостоявшегося сеанса связи. Она сработала через час. К месту эвакуации, которое находилось в 5 км от района засады, пришлось идти по тропе, проложенной днем раньше, потому что снежный покров был неглубокий, снег мокрый и на нем оставались черные следы спецназовцев.

Через 3 часа ускоренного марша по горам люди, не спавшие уже третьи сутки, стали «вырубаться». Всем было выдано по 2 таблетки сиднокарба, что привело разведчиков в чувство, и они смогли идти дальше.

К этому моменту 6 человек уже получили обморожение ног 2-й степени. Сеанс связи «продавить» все-таки удалось, и вертолеты, несмотря на совершенно нелетную погоду, вовремя были в районе эвакуации. Пришли три Ми-24 — вертолеты огневой поддержки, два Ми-8 под личный состав и один Ми-8 с подгруппой обеспечения эвакуации во главе с начальником штаба батальона спецназа.

Как потом рассказывали летчики, отряд преследовали около 40 человек в камуфлированной форме — боевики из центра подготовки диверсантов, около 20 из которых подорвались на четвертой mine, установленной на тропе отхода. А за ближайшим хребтом на окружение отряда шел КамАЗ с боевиками.

Вертолеты дали несколько залпов НУРСами по преследователям. Отряд занял круговую оборону на площадке эвакуации и вступил в бой. Забирали разведчиков под плотным огнем противника, однако среди наших потерь не было. А командир одной из групп отряда смог даже выскочить обратно из вертолета и подобрать меховые штаны товарища, отвязавшиеся от РД-54. Когда его потом спросили, зачем так рисковать, он ответил: чтобы не вычи за утерянное несписываемое имущество.

В общей сложности отряд уничтожил около 60 боевиков из состава разведшколы, боевую машину, электротрансформаторную станцию. В последующие 2 дня авиацией было совершено около 40 самолетовылетов, в результате чего было уничтожено еще до 14 единиц техники, скопившейся у воронки на дороге, и сама база подготовки диверсантов. С нашей стороны потерь не было.

Вот чего можно достичь при правильном использовании по прямому назначению высокой профессиональной подготовленности в сочетании с высоким боевым духом спецназа.

Д.Лимонов, И.Сирица. Возмездие (Документальная повесть)

В первой книге довольно подробно описана специальная операция в Первомайском по уничтожению банды Салмана Радуева, приведены свидетельства сотрудников спецподразделений различных ведомств.

Предлагаемый ниже материал интересен тем, что здесь приводятся свидетельства как с нашей, так и с другой стороны — тех, кто вместе с Радueвым участвовал в этой акции.

Здесь и далее авторы назвали свой труд документальной повестью. От себя добавлю, что повесть написана на основе реальных документов, материалов допросов и личных бесед с участниками событий. По понятным причинам фамилии сотрудников спецслужб изменены. Все остальное, включая содержание приводимых документов, подлинное. Окончание повести — в следующей части этой книги.

...Яркий свет настольной лампы неприятно слепит глаза. В небольшой комнате с жестко закрепленными к полу столом и табуретками, сидя напротив друг друга, беседуют два человека. Один из них — задержанный по имени Саид. Он — чеченский боевик, участник кизлярских и первомайских событий. Напротив него — офицер ФСБ, тоже участник тех событий.

Группа захвата взяла Саида прошлой ночью, когда он вернулся с гор домой для отдыха. Агентура не подвела, и он был захвачен без единого выстрела спящим в постели. Спецназовец, ворвавшийся первым, ловким движением сдернул его с кровати, щелкнул наручниками, и не успевший ничего понять молодой чеченец был доставлен в изолятор временного содержания Шелковского ВОВД (временного отдела внутренних дел). Сначала он отпирался, отрицая свою причастность к незаконным вооруженным формированиям. Затем несколько дней молчал, хмурия брови, слушал следователей. На некоторое время его оставили в покое. Через три дня он попросил ручку, бумагу и начал писать. Писал долго. Закончив писать и отодвинув от себя листки с ручкой, Саид тихо сказал:

— Это все. Теперь делайте со мной что хотите...

Часть I. ПОД ПЕРВОМАЙСКИМ

Станицу Шелковскую федеральная дорога разрезает пополам, словно каравай хлеба.

С одной стороны — небольшое озеро и больница, а с другой — здание администрации, окаймленное стройными тополями, площадь и небольшое кафе. А вокруг — обширный частный сектор. С юга от станицы находится небольшой лесной массив, который заканчивается на берегу Терека. С севера начинается полупустынная местность, которую местные жители называют «барханами». Она тянется до границы со Ставропольским краем. Когда-то в станице проездом был граф Л.Н.Толстой, есть даже музей в доме, где он останавливался. Других исторических достопримечательностей в станице нет. Жители занимались сельским хозяйством и воинственным нравом не отличались. Чеченцы с русскими уживались мирно.

Несмотря на то, что в Чечне уже год шла война, здесь было тихо. Любая новость с жадностью воспринималась не избалованными переменами людьми. Поэтому, узнав про митинг, проводимый на площади, возле административного здания, жители шли послушать последние новости, словно на деревенский сход. Выступало много приезжих. Слушали их с интересом, хотя и без особого энтузиазма.

Привыкшие к антироссийским лозунгам люди, явно скучая, внимали пламенным речам ораторов о большой политике, о чеченском самосознании и необходимости до последнего чеченца бороться с российской оккупацией.

Представителей правоохранительных органов на митинге не присутствовало, а если бы они и были, то все равно бы ничего не поняли: все выступавшие говорили по-чеченски.

Последним из выступавших был щуплый молодой человек, невысокого роста с мелкими чертами лица и горящими нездоровым блеском темными глазами. Черная шелковистая борода придавала внешнему облику некоторую выразительность. Одет он был в дорожную кожаную куртку, черные ботинки и брюки. Завершала его гардероб богатая норковая шапка. Он с воодушевлением говорил:

— Россия превратила нас в рабов. Нашей нефти хватило бы на богатую и счастливую жизнь для каждого чеченца, но мы были обворованы и унижены. Только из-за жадности и имперских амбиций российских политиков и генералов мы вместо процветания и счастливой жизни, имеем бедность, горе и смерть, пришедшие сюда вместе с российским солдатом. Это не их семьи терпят голод и нужду, не их родственники гибнут и увечатся от бомб и обстрелов. Но мы сделаем так, что в России узнают ужасы войны! Почувствовав их на себе, народ России потребуют прекратить оккупацию Чечни. Необходимо перенести войну на территорию России. Все, кому дорога честь нации, вступайте в ряды отрядов ополчения!

Много слов бородач сказал и о беспримерном «подвиге» Шамиля Басаева и его отряда в Буденновске. Возле трибуны записывали всех желающих выступить на священную войну. В толпе слушавших стоял девятнадцатилетний Саид, стройный, среднего роста, с темно-русыми волосами и по-детски наивными глазами. На нем была поношенная грязно-серая куртка и старые штаны темного цвета. Он внимательно слушал всех выступавших, ему нравилось то, что они говорили. Кому не хочется жить богато и счастливо? Отец

и мать Саида, люди небогатые, были не в состоянии обеспечить достойную жизнь сына. Кое-как окончив среднюю школу, молодой парень болтался по станице без дела. Работы не было, в лучшем случае приходилось перебиваться случайным заработком. Чувствуя, что жизнь проходит стороной, Саид решил совершить что-то такое, что коренным образом изменит его жизнь, наполнит тайным смыслом и интересными событиями. Не испытывая колебаний, он одним из первых подошел к трибуне и записался в отряд.

На подготовку и сборы отряда ушло немного времени. Обучать владению оружием было негде и небезопасно. Незнакомые инструкторы обучали в основном элементам конспирации и различным способам обмануть бдительность федеральных сил и милиции. Группа, в которую входил Саид, собиралась в просторном одноэтажном доме на окраине хутора Парабач. Место было безопасное. Сам хутор находился в стороне от федеральной дороги, недалеко от реки Терек. Со всех сторон его окружал лесной массив. Единственный путь, которым можно было сюда попасть, проходил - через лес, в котором было много удобных мест для засады. Поэтому представители федеральных сил здесь бывали редко. Зато боевики чувствовали себя здесь спокойно. Без риска быть обнаруженными, они практически отрабатывали различные способы спрятать оружие и пронести его через блокпост, тренировались рассредоточиваться и собираться в условленном месте, чтобы нанести удар. Как говорили инструктора, в скором времени это все может понадобиться. Лишние вопросы задавать было запрещено. Когда при- ^ Дет время действовать — было тайной, известной очень немногим.

*

...Посыльный пришел к Саиду рано утром и сказал условленную фразу: «Наш час пришел! Друзья тебя ждут». Это означало, что в течение часа необходимо прибыть в условленное место. Быстро собравшись, Саид отправился на опушку леса, возле Терека. Когда все собрались, подъехали два грузовика с оружием, которое вскоре начали выдавать прибывшим. Оружие было разное: от новых автоматов и гранатометов, до самодельных труб с прикрученными изолентой ручками и батареей. Это устройство применялось для стрельбы НУРСами (неуправляемые реактивные снаряды). Были и пулеметы. Разворованные несколько лет назад в шалинском танковом полку, ПКТ(пулемёт Калашникова танковый) были приспособлены подпольными слесарями для использования в пехотном варианте. Вместо крепления электроспусков, к ним были приделаны самодельные приклады. Кроме того, к стволам были приварены прицельные приспособления.

Получив старый автомат с треснутым прикладом, Саид отошел к своей группе. Все были в сборе и в хорошем настроении. Один из инструкторов был назначен командиром группы. Это был высокий ширококостный мужчина, лет тридцати, с крупными чертами лица и угрюмым волевым взглядом. На нем была черная куртка на меху, штаны от американского камуфляжа и новые ботинки с высокими берцами. Звали его Турпал. Поздоровавшись со всеми, он сказал:

— С этого момента вы выполняете мои приказы беспрекословно. Руководителями Ичкерии и Аллахом мне дано право казнить любого, кто осмелится мне не подчиниться!

Группа была поделена по два человека. Саид, как наиболее расторопный, оказался в паре с Турпалом и должен был носить чехол с гранатами для его гранатомета. Это одновременно огорчало и радовало. Не умея, как следует, пользоваться оружием, он не хотел таскать неудобный чехол. Однако то, что он будет рядом с командиром, ему нравилось.

С интервалом в полчаса подошли машины и группы, погрузившись в них, отправились в сторону границы с Дагестаном. Не доезжая блокпоста, грузовики остановились, и часть боевиков через лес в сумках перенесли оружие и боеприпасы. Пустые машины прошли проверку и, благополучно миновав блокпост, поехали в условленное место, где от основной дороги в лес отходила второстепенная, ведущая на заброшенную ферму. На ферме произошла посадка и, уже беспрепятственно, боевики двинулись в сторону Кизляра. Они были полны решимости взорвать тишину и покой мирного города. Уже сидя в тентованном кузове КАМАЗа, Турпал спокойно сказал:

— Наша цель — военный аэродром! Делайте все так, как вас учили.

Машина остановилась недалеко от аэродрома, в лесополосе. Скрытно покинув автомобиль, группа заняла позицию, указанную их командиром. Теперь все ждали, когда остальные боевики выйдут на исходные позиции.

Провинциальный дагестанский город жил спокойной мирной жизнью. По шоссе в обе стороны шло движение автомобилей. Из небольшого двора, окруженного трехэтажными зданиями, доносились детские голоса. Не верилось, что через несколько минут здесь начнется ад. Из задумчивости Саида вывел Турпал:

— Гранату! — тихо, но властно сказал он.

Саид, быстро прикрутив стартовый заряд к гранате, подал ее командиру. Раздался крик: «Аллах акбар!» и тишину мирного города разорвали автоматные и гранатометные выстрелы.

Залп из РПГ-7 (ручной противотанковый гранатомёт) показался сильнее раската грома: Турпал точным выстрелом попал в бак вертолета. Полный керосина бак взорвался, превратив вертолет в пылающий факел. Вскоре запылало еще два вертолета. Неожиданно для нападавших, с вышки часового по ним открыл огонь пулеметчик. Два боевика было убито сразу, еще двое — ранено. Надо было срочно отходить. Раненые кое-как передвигались сами, а убитых пришлось тащить на себе. Вместе с Ахмедом, длинным и худым жителем соседнего села, Саид тащил одного из погибших. Безжизненное тело было непривычно тяжелым. Несколько раз пули выбили фонтанчики возле ног тащивших. Это заставило их ускорить шаг. Сердце выскакивало из груди, холодный воздух обжигал легкие. Казалось, время замерло на месте.

— Лишь бы добежать до машины! — подумал Саид. Они подбежали к КАМАЗу и, из последних сил, забросили труп в кузов, после чего запрыгнули туда сами. Машина рванула, на большой скорости выходя из-под обстрела. По радиостанции кто-то пере-дал Турпалу, что бы они отходили к больнице. Во время этого маневра по пулеметной вышке открыли огонь другие группы, давая возможность боевикам Турпала отойти.

Когда подъехали к больнице, она уже была захвачена боевиками. Там творилось что-то невообразимое. По длинным коридорам, пахнущим медицинскими препаратами и хлоркой, бесцеремонно ходили вооруженные люди. Кто-то рыскал по палатам, выискивая военнослужащих и сотрудников милиции, кто-то занимался грабежом. Боевик небольшого роста с кривыми ногами, в камуфляже и черной шляпе с зеленой повязкой, пытался спорить с полной женщиной в белом халате, по-видимому врачом. Не скрывая своего возмущения, она говорила со свойственным южанкам темпераментом:

— Да разве вы мужчины! Пришли воевать в больницу! Под юбки бабы прятаться! Хочешь воевать, иди к себе в Чечню и вой. Мы вас сюда не звали. Сыновья ишаков вы, а не мужчины!

Боевик пытался возражать, но словарного запаса русских слов ему явно не хватало. Он повторял, как ему казалось, все объясняющую фразу:

— С вами мы ничего.

Рядом стоял, снимая происходящее на видеокамеру, совсем молодой чеченец. Делал это он достаточно профессионально, но видеоряда, который можно было бы потом использовать в пропагандистских целях, не получалось, и он, опустив видеокамеру, ткнул стволом автомата женщину в живот:

— Что раскудаhtалась, сука? А ну, живо пошла в палату!

Женщина-врач, которой он сгодился бы, по меньшей мере, в сыновья, попыталась схватить ствол автомата. Но вдвоем боевики быстро ее затолкали в открытую дверь, откуда еще некоторое время раздавалась ее ругань. Все оказалось не так, как говорили Саиду. Никто в городе не о обрадовался их приходу, не было даже малейшего намека на поддержку. Все призывы о помощи успеха не имели. Оказавшиеся заложниками люди открыто ругали боевиков. Происходящее напоминало обыкновенный бандитский налет, а не операцию по защите Родины. Двигаясь по коридору, Саид подошел к кабинету главного врача. Дверь была открыта. Внутри находились командиры, из которых он знал одного Турпала, и еще молодого бородача, выступавшего с трибуны на митинге. Сейчас он был одет в зимнюю полевую форму российской армии и черную вязаную шапку. Если бы не зеленая повязка с арабской вязью на шапке, то его можно было бы принять за молодого командира батальона. Бородач пытался объяснить кому-то из руководства больницы, что о их действия продиктованы жестокой необходимостью и не являются террористическим актом. Делал он это довольно убедительно, не давая оппоненту высказать свои доводы. Не решаясь войти внутрь, Саид остался ждать командира возле двери. Когда все стали расходиться, Саид спросил у Турпала:

— Кто это? Он что у нас главный?

— Да, главный. Это большой человек, — нехотя ответил Тур- пал. — Зять самого Джохара Дудаева, префект Гудермеса.

— Ого! Значит важное мы делаем дело. О нем скоро во всей Чечне узнают!

— Об этом уже знают во всем мире. Пошли к группе, надо готовить оборону, если не хочешь здесь сдохнуть, — прервал подчиненного Турпал.

Прошло около получаса. Все были на своих позициях, наблюдая подход милицейских и воинских подразделений. Напряжение все возрастало. Сухим щелчком раздался первый выстрел, затем небольшая пауза и... Шквал огня с одной и другой стороны наполнил все помещения больницы гулом. Если военнослужащие стреляли в воздух, боясь попасть в заложников, то находившиеся в больнице боевики старались уничтожить любого, кто окажется в зоне огня. У федералов по боевикам «работали» только снайпера.

К окнам подходить было опасно. У соседнего окна, находился односельчанин Саида, чуть старше его, отличавшийся бесцеремонным нравом и считавший себя самым опытным в военном деле, поскольку служил срочную службу в конвойных войсках. Высунувшись по грудь из окна, он дал одну длинную очередь из автомата, крикнув «Аллах акбар!». Затем начал целиться в кого-то и снова попытался закричать, но успел только выдохнуть «Ал-ла..». Неестественно перевернувшись, он упал на пол, дернулся и затих. Пуля снайпера попала ему в лоб, оставив маленькое входное отверстие и разворотив ползатылька на выходе. Еще дергающийся в предсмертных судорогах труп оттащили к стене и накрыли грязной простыней с выцветшим больничным штампом. Саид завороченно смотрел на небольшую красновато-белую кучку на полу, вывалившуюся из черепа трупа, и явственно ощущал во рту, поднимавшийся откуда-то снизу, соленовато-горький привкус.

В кизлярской больнице просидели сутки. Стрельба то стихала, то начиналась с новой силой. Боевики требовали коридор для выхода в Чечню. С ними вели переговоры, требовали отпустить заложников. Бывалые боевики говорили, что все идет как у Басаева в Буденновске. Слушали радио, где все программы новостей были прикованы к событиям, происходящим в Кизляре. Именно по радио Саид услышал имя и фамилию руководителя боевиков — Салман Радиев.

Во время затишья все молча сидели возле своих позиций, пытаясь узнать новости о результатах переговоров.

— Ну что, повоевали, пора и домой! — говорил кто-то в соседней комнате.

— Может у них жратвы попросить? — сказал сосед Саида, махнув рукой в сторону военных.

— Сейчас они тебе сало ломтиками нарежут, — ответили ему, и в комнате раздался дружный хохот.

— Автобусы пусть мягкие подают, а то у меня от езды в кузове задница болит, — не успокаивался сосед.

— Смотри, а то подадут артиллерийский залп, сразу вместо Чечни к Аллаху отправишься.

— Это вряд ли. Федералы по заложникам стрелять не будут, тем более по больнице. Получилось же у Басаева, а мы что, хуже?

В этот момент внимание всех находившихся в комнате привлекла Малика, единственная женщина в группе Турпала. Ее голову покрывал платок зеленого цвета, скрывавший молодое лицо так, что не было видно ничего, кроме черных бровей и пронзительно-темных глаз. Была она ниже среднего роста, в камуфлированной зимней форме и стоптанных черных полусапожках на низком каблучке. Снайперская винтовка СВД (снайперская винтовка Драгунова) в ее маленьких руках казалась непропорционально большой. Саид знал, что она из Гребенской, и что долгое время занималась стрелковым спортом. Малика привела четырех беременных женщин из родильного отделения и заставила их встать к окнам, махать руками и кричать, чтобы военные не стреляли. А сама, спрятавшись за спинами рожениц, делала выстрел из снайперской винтовки и перебегала к другому окну. Находившиеся рядом боевики заключали пари: будут федералы стрелять по заложницам, из-за спин которых стреляла Малика, или нет. Скоро всем это надоело и потянулось томительное ожидание.

*

Правы были те, кто говорил, что ситуация будет развиваться по буденновскому сценарию. Пока расчет Радиева оправдывался. Дагестанские власти и представители федерального центра, помня неудачную операцию по освобождению захваченной Басаевым больницы, согласия на штурм не дали: боевики получили автобусы и коридор для выезда в Чечню.

Какая именно договоренность была достигнута, Саид не знал, но вскоре к больнице подъехали автобусы и боевики с частью заложников погрузились в них. Колонна в сопровождении милицейских машин с «мигалками» двинулась в направлении границы с Чечней. Боевики, уверовав в свою удачу, были охвачены радостью. В автобусах царил веселье и не смолкал смех. Кто-то затянул песню.

Саиду почему-то вспомнилось, как несколько лет назад он ездил в пионерский лагерь, было также весело. Только одеты все были в белые рубашки и алые пионерские галстуки...

*

Автобусы шли быстро, вот уже осталось несколько километров до моста через Терек, а там и Чечня. Сначала никто не обратил внимания, как над колонной на бреющем полете прошли два МИ-24. Вертолеты сделали боевой разворот и ведущий ударил НУРСами прямо перед первым автобусом. Разрывы снарядов моментально вернули всех к действительности. Колонна остановилась. Двигаться дальше по дороге боевики опасались. Единственным местом, где можно было спрятаться от столкновения с федералами, оставалось дагестанское село Первомайское. Повинуясь инстинкту самосохранения, боевики повернули туда, надеясь вновь спрятаться за спины мирных жителей. Единственный, кто мог преградить путь банде в село, был блокпост новосибирских милиционеров, находившийся на въезде. Но тут стараниями одного из руководителей дагестанской милиции бандиты были допущены непосредственно на блокпост. Окажи охранявшие блокпост, сопротивление и дальнейшие события пошли бы по другому сценарию. К своему несчастью они оказались слишком покладистыми. Боевики предложили милиционерам разоружиться, что те и выполнили. Затем, заменив часового милиционеров своей охраной, сибирякам предложили побыть в заложниках. Новосибирцы, как и остальные заложники, превратились в рабочую силу для рытья окопов. Контролировать работу назначили Саида и еще двух человек из его группы. Применять к заложникам силу не пришлось. ^ Боевики закрепились в селе, заняв круговую оборону. Жители покинули село или пополнили число заложников. В это время федералы окружали Первомайское. Террористам ничего не оставалось делать, как готовиться к обороне. Теперь окопы рыли все, до кровавых мозолей на руках. Командиры распределили сектора обстрела, рубежи обороны и время дежурства и отдыха среди боевиков.

*

Командира батальона специального назначения, стройного, среднего роста молодого офицера с уставшим взглядом глаз, вокруг которых раньше времени появились легкие морщинки, срочно вызвал к себе начальник разведки.

В разведотделе офицеры, во главе с начальником разведки, склонившись над картой, что-то напряженно обсуждали. Наконец, подняв глаза от карты, начальник разведки сказал:

— От вас, товарищ майор, три группы для разведки и блокирования села Первомайское. Задача не совсем обычная. Боевое распоряжение получите через час.

Весть о нападении чеченских бандитов на Кизляр давно облетела группировку федеральных сил в Чеченской республике, поэтому команда начальника разведки не была неожиданностью для спецназовцев и они были готовы ее выполнить.

Комбат лично возглавил подготовку групп, объединив их в один отряд. Вскоре из состава 1-й, 2-й и 3-й роты было выделено по группе. Людей отбирали самых проверенных, провоевавших не менее полгода. Все знали, если говорят, что операция продлится три дня, надо готовиться как минимум на неделю.

Загрузились всем необходимым под завязку: продовольствие, боеприпасы, инженерное имущество и медикаменты были выданы согласно заявкам командиров. Для переброски отряда КП авиации предоставил три вертолета Ми-8.

Вечером одетых в белые маскхалаты спецназовцев десантировали посадочным способом два километра северо-восточнее села Первомайское. Группа капитана Грибова, невысокого роста, белобрысого с красным, обветренным лицом офицера, как наиболее подготовленная, получила самый опасный участок. В этом месте каналы и дамбы затрудняли обзор и позволяли скрытно подойти к позициям разведчиков. Две оставшиеся группы разместились правее.

С позиций разведчиков село было хорошо видно невооруженным глазом, а в оптику можно было видеть даже силуэты боевиков, мелькавшие в оконных проемах.

Боевики были в лучшем положении, чем федералы, так как находились в теплых домах. В первое время подача электричества в село прекращена не была и террористы смотрели программу «Время», узнавая последние новости и следя за развитием событий вокруг села. Тем не менее, подразделения федеральных сил готовились к штурму села. Периодически велся обстрел позиций боевиков и разведка подступов.

*

Когда наступила ночь, группа капитана Грибова в составе десяти человек выдвинулась на окраину села. Тихо подобравшись к ближайшим строениям, разбитые на тройки бойцы заняли удобные позиции и стали наблюдать за происходящим. Вскоре из дверей ближайшего дома вышли двое вооруженных людей, о чем-то

тихо переговариваясь. Тройка сержанта-контрактника Иняткина оказалась в пяти метрах от боевиков. Сержант принял решение захватить их в плен. Выйдя из-за забора, разведчики начали приближаться к боевикам, но под ногой одного из них предательски хрустнула ветка. Боевики обернулись и увидели возле себя разведчиков. Один из боевиков, державший в руках автомат, попытался выстрелить, другой только испуганно вскрикнул. Три почти одновременных автоматных очереди повалили их на землю.

— Всем отход! — передал по радиостанции Грибов. Разведчики, уже не маскируясь, побежали к своим позициям. В доме, из которого вышли бандиты, ожил пулемет, из соседних домов начали стрелять из автоматов. Ярким светом прорезала небо осветительная ракета.

Как только последний из разведчиков пробежал вдоль забора до спасительного угла кошары, забор был насквозь продырявлен пулеметными очередями. Щепки от него летели в разные стороны, « отчетливо видимые в дрожащем свете ракеты.

Дальше группа отходила по тройкам: одна тройка бежит, две — а ведут огонь. При этом один из разведчиков стрелял очередями, два — других — одиночными выстрелами. Сделав одну очередь или два одиночных выстрела, приходилось откатываться в сторону, так как на месте, откуда велся огонь, появлялись фонтанчики от пуль боевиков.

— Вызовите огонь минометов! — передал командиру отряда по радиостанции Грибов. Через полминуты засвистели мины, ложившиеся точно вдоль края села, отсекая боевиков от спецназовцев.

Открыли огонь две другие группы, находившиеся на позициях. Под прикрытием всей, свалившейся на боевиков, огневой мощи, разведчики продолжали отходить. На пути попался арык, который они ранее не заметили. По нему группа вышла к своим, никем не замеченная. Позже Грибов решил заминировать этот арык, чтобы террористы не смогли неожиданно подобраться к позициям отряда.

*

Салман Радугев очень нервничал, срывая зло на своих подчиненных. Хватался за трубку спутникового телефона и звонил Аслану Масхадову и Шамилю Басаеву. Требовал, чтобы его вытащили из окружения. Масхадов обещал помощь, но на это требовалось несколько дней.

Боевики устали от бессонных ночей и обстрелов, сказывалось и сильное нервное напряжение. Опасность исходила не только от федеральных сил, но и от заложников, за которыми требовался постоянный контроль. Никого из заложников не отпускали, за исключением двух. Со слов боевиков Саид узнал, что их отпустили за отличное рытье окопов.

Начался штурм села. Федералы шли цепью с восточной стороны. Это были лучшие спецподразделения. Одетые в специальные бронежилеты и каски с забралом, они были похожи скорее на космонавтов, чем на бойцов. Их бронежилеты автоматные пули не брали. Было видно, как спецназовцы падали от попаданий, но вставали и продолжали двигаться вперед. Вести огонь по наступающим было опасно: стрелявшего тут же засекали и, если он не менял позиции, то неминуемо был убит или ранен.

Боевики стали покидать позиции и отходить к центру села. Их состояние было близко к панике. Только самые отважные продолжали оставаться на позициях и вести огонь.

Радугев вышел по радиостанции на частоту федеральных сил и потребовал прекратить штурм, в противном случае пообещал начать расстреливать заложников. Он приказал подчиненным, чтобы на пути штурмующих поставили живую стенку из заложников. Был ли этот приказ выполнен, Саид не знал, но штурм вскоре прекратился. Когда начало темнеть, федералы отошли на исходные позиции.

Боевики тоже смогли перевести дух. Собравшись в домах, они отдыхали, кто-то готовил пищу. Пожилой низкорослый чеченец, пытаясь поднять боевой дух соплеменников, рассказывал, как они обороняли Грозный:

— Сейчас Иваны поумнели. А помню, в Грозном мы им хорошо дали. Наш отряд оборонял центр города. У нас все было продумано. Жители ушли из домов, оставив их открытыми. На столах были продукты, которые не портятся, и выпивка. Так что мы всегда были и сыты, и слегка пьяны. Нами были изучены все сквозные проходы в домах и переходы через дворы на соседние улицы, — он помолчал, прикуривая сигарету. — Так вот, когда армейская колонна, словно гусеница, вползла на улицу, где была подготовлена западня, мы поднялись на верхние этажи домов и как дали... Расстреляли из гранатометов бронетехнику, людей закидали гранатами и расстреляли в упор. Никто из российских солдат не смог оказать нам достойного сопротивления. Сидевшие на броне погибли от пуль и гранат, а те, кто был внутри боевых машин, сгорели в них.

Боевики слушали, затаив дыхание, а пожилой чеченец продолжал:

— Бронетехника была бессильна, потому что стволы пушек и пулеметов не могли подняться на достаточную высоту, чтобы стрелять по нам. Все машины пожгли с гранатометов.

Рассказчик глубоко затаился и медленно выпустил струю дыма под потолок:

— Знаете, как там пахло паленым человеческим мясом? Они громко кричали от страха. Сначала мы перестреляли офицеров. Без них солдаты сбивались в кучу, превращаясь в огромную живую мишень. Их или брали в плен, или расстреливали. Так мы перебили несколько колонн, — он снова затаился. — Но русские быстро научились воевать, поменяли тактику. Стали действовать ночью. Нас спасало знание всех проходов и возможность быстро отойти после атаки. Мы очень долго держали центр Грозного.

— Почему же тогда вы сдали город? — не удержался Саид.

— Трудно сказать... Иваны умнели день ото дня, нам становилось сложнее. Мы очень устали, многих поубивало. Началось дезертирство. Масхадов говорил, что если мы продержимся еще немного, то победа обеспечена — Россия ввела в бой свои последние резервы, спецназ и морскую пехоту. Все оказалось не так. Поэтому я здесь... — закончил свой рассказ старый боевик.

*

При свете керосиновой лампы Радиев собрал совещание. Настроение у всех было подавленное. Масхадов обещал только отвлекающие удары по блокпостам у Азамат-Юрта и моста через Терек. Басаев вообще не обещал ничего, а давал только советы начать расстрел заложников и тогда федералы сами выпустят боевиков, находящихся в окружении. Все это означало, что помощи не будет и выходить из окружения придется самим. В удачный исход акции уже мало кто верил.

Саид стоял у дверей на охране и слышал происходивший разговор. Когда совещание закончилось, он подошел к Турпалу и командиру по кличке «Батя»:

— Я знаю, как выйти из окружения. Я живу недалеко от этих мест, по ту сторону Терека и все здесь хорошо знаю.

— Говори, как? — выдохнул «Батя».

Саид рассказал, что от села в сторону Терека ведет небольшой арык, по которому можно пройти незамеченными почти до леса, примыкающего к реке. Лес укроет от огня федералов и позволит выйти к реке. Там через Терек проложена труба газопровода, по которой можно спокойно перейти на Чеченскую территорию. До войны по этой трубе спокойно проезжали на мотоциклах. На той стороне реки начинается большой лесной массив, который позволит рассредоточиться и мелкими группами вернуться по домам. «Батя» пошел докладывать это предложение Радиеву. Через некоторое время вызвали Саида. Салман Радиев и остальные командиры боевиков внимательно выслушали Саида и после короткого совещания Радиев сказал: «Аллах с нами! Будем выходить!».

*

Началась подготовка к прорыву. Решено было, что первыми пойдут смертники и заложники, для придания убедительности которым раздали оружие без боеприпасов. За ними — основная группа, в которой пойдет Радиев, также в окружении заложников. На участке прорыва специально сохраняли тишину. Наблюдатели все время осматривали этот участок и докладывали обстановку. Было установлено, что там примерно пятьдесят человек федералов, бронетехники у них нет. Шанс прорваться у боевиков был. К полуночи, соблюдая тишину и светомаскировку, все группы собрались на северо-западной окраине Первомайского. Сюда же согнали заложников.

Саиду пришлось идти в первой группе, так как он хорошо знал эту местность. Впереди пустили милиционеров, находившихся в заложниках, за ними пошли арабы и чеченцы-смертники. Ночь была темная и хорошо скрывала боевиков. До позиций федералов оставалось каких-то 50 метров. Турпал, находившийся среди смертников, вскинул гранатомет на плечо...

*

Чтобы обезопасить себя от неожиданного прорыва боевиков, спецназовцы каждую ночь выставляли засаду — при попытке подойти к позициям, боевики будут встречены неожиданным фланговым огнем.

В эту ночь в засаде была группа капитана Грибова. Все было спокойно, боевики активности не проявляли. Изредка доносились отдельные выстрелы с противоположной стороны села. Было холодно и около трех часов, командир отряда разрешил группе вернуться. Когда группа вернулась, минеры закрыли подходы к позиции двумя минами ОЗМ-72 (противопехотные осколочные мины). Уставшие бойцы грелись у костра и готовились к отдыху, раскладывая боеприпасы и снаряжение. В это время один из наблюдателей крикнул: — Там какое-то движение!

— Не может быть, смотри внимательно. Наши только что оттуда вернулись, — ответил ему кто-то из командиров.

Опять воцарилась тишина, но через минуту раздался гранатометный выстрел и крик «Аллах акбар!». Разведчики заняли свои позиции. Буквально из-под земли выростали тела боевиков, прямо перед разведчиками, и падали возле дамбы, сраженные пулями. Сработало две мины, уложив не менее десятка боевиков, раздались стоны. Кто-то из боевиков прокричал по-русски:

— Бери левее, здесь мины! — и основной поток боевиков пошел на позицию соседней группы. Бой почти перешел в рукопашную. Разведчики только успевали поворачивать стволы автоматов, стреляя от пояса, не целясь в выскакивавших на расстоянии трех-четырех метров из темноты бандитов. Потери были и у разведчиков: убило пулеметчика, ранило в голову командира группы Зипова. Сержанты Иняткин и Сайпушев чудом остались живы. Их автоматы были пробиты пулями в нескольких местах, но их не задело. Бойцы не успевали менять магазины автоматов, чтобы сдержать натиск боевиков. Преимущество последних было более чем десятикратным. Разведчики и боевики смешались, побеждал тот, у кого была лучше личная выучка. Находившиеся рядом десантники не могли помочь огнем. Не могла помочь и артиллерия с авиацией. Боевикам удалось вытеснить разведчиков с центра позиций. За ним, на удалении 50 метров, стояла палатка, возле которой горел костер. Это была хорошая мишень для боевиков.

*

Граната, выпущенная Турпалом, взорвалась на позициях федералов никого не задев. Находившиеся впереди боевики бросились в атаку, но падали перед позициями. Раздалось два взрыва, сразу уложивших почти всех арабов, от их предсмертных стонов Саида передернуло. Он почувствовал запах смерти и, обезумев от страха, что есть силы рванул за Турпалом. Они одними из первых оказались на позициях федералов. Здесь лежало только четыре неподвижных бойца. Проверять, живы они или нет, времени не было. Впереди виднелся костер и палатка, возле которой находилось три человека. Саид зарядил гранатомет Турпалу, который в это время передал Радую по радиостанции о прорыве обороны, после чего пустил осветительную ракету и взял у Саида гранатомет. Первая граната взорвалась возле костра, ранив одного из находившихся у палатки. Но два оставшихся не разбежались. Один из них бросился перевязывать раненого, другой продолжал работать на радиостанции. Вторая граната, выпущенная Турпалом, убила и этих двоих. Боевики не знали, что это были начальник разведки армии, доктор и связист отряда. Шедшие за Турпалом с Саидом боевики подожгли палатку и бросили тела федералов в костер. Но Саид этого уже не видел — он бежал в сторону спасительного леса. До него оставалось совсем близко, когда что-то больно ударило Саида в руку, а бежавший впереди Турпал упал и схватился за бедро. Рукав Саида стал мокрым от крови, но пуля прошла навылет, не задев кость. У Турпала дела были хуже. Пуля размозжила кость, и он не мог идти самостоятельно. Наскоро перевязав себе и командиру раны, Саид взвалил Турпала на себя и потащил его в лес.

Через пять минут в сторону леса ринулась основная группа боевиков. Она значительно поредела, многие были ранены. С двух сторон по ним вели огонь федералы, освещая местность осветительными ракетами. Те из боевиков, кому удалось добежать до леса, собирались на небольшой поляне. Командовал здесь почему-то «Батя». Он приказал всем, кто не может идти, остаться прикрывать отход остальных: «Скоро федералы начнут зачистку, а нам необходимо еще переправиться через Терек».

Снайпер Малика тоже осталась — осколок попал ей в правую стопу и она не могла идти самостоятельно. Когда все, кто мог двигаться, исчезли в лесу, оставшиеся начали готовиться к бою. По лесу гулко ударила артиллерия и минометы, а вскоре появились и федералы. Приближался рассвет...

*

Когда боевики повалили сплошной массой, спецназовцы разошлись влево и вправо, уничтожая бандитов фланговым огнем. Заложники разбежались в разные стороны, кто-то бежал к разведчикам и кричал: «Не стреляйте, я заложник!».

Это спасло жизнь многим боевикам, но много было и погибших. На позициях отряда остался и заместитель Радую с чемоданчиком спутникового телефона.

На рассвете, осмотрев место боя и подсчитав потери, командир батальона поставил задачу на проведение разведки в лесном массиве. В этом должны были помочь десантники. После артподготовки, разведчики по тройкам начали прочесывать лес. То и дело из кустов вытаскивали людей. Определить, боевик это или заложник, на месте было невозможно и их под конвоем отправляли в расположение отряда. На земле было много трупов: кто-то умер от ран, кто-то от артиллерийского огня. Группа старшего лейтенанта Рахина одной из первых подошла к поляне. Вдруг из кустарника раздался выстрел. Прапорщик Белов ойкнул и схватился за

ногу — пуля снайпера попала выше колена. Раздалась автоматная очередь. Две пули пробили ногу и руку Рахину. Он закричал:

— Ложись, отползай в сторону!

Разведчики выполнили команду командира, а четыре человека во главе с сержантом Сайпушевым обошли с тыла стрелявших.

— Приготовить гранаты. Огонь... — почти шепотом командовал сержант. Четыре взрыва прозвучали почти одновременно. Боевики были уничтожены. Пока разведчики перевязывала своих раненых, Сайпушев с товарищами осторожно подошел к трупам боевиков. Их было двое. Рядом с одним телом поблескивала оптикой снайперская винтовка, возле другого — лежал гранатомет.

— Смотри, это баба! Снайперша, мать ее... — сказал один из разведчиков.

— Наверное это она Белова в ногу ранила, — мрачно подвел итог другой. Разведчики извлекли у убитых документы на имя Малики Г. и Турпала Д., забрали оружие. В это время раздалась команда всем вернуться на позиции батальона.

Саид слышал, как за их спиной взрывались снаряды. Теперь он находился рядом с «Батей». Тот безжалостно подгонял всех вперед. Наконец добрались до берега Терека. Первыми перешли на спасительный берег командиры, за ними пошли все остальные. Кто-то падал с трубы в воду и их уносило течением. Упал и Саид, не удержавшись на трубе, но рядом был берег — не глубоко. Собрав последние силы, он выбрался на берег и на минуту потерял сознание. Здесь его и нашел Радуев. Тронув за плечо сказал:

— Спасибо тебе, воин! — и с пафосом добавил: — Ичкерия тебя не забудет!

К ним подъехал «уазик». Радуев с «Батей» сели в него и уехали. Кто-то погрузил Саида в грузовик. Очнулся он уже дома.

*

Войска покидали место операции: было снято оцепление, и в районе появилось множество подозрительных личностей, которые собирались в толпы и угрожающе смотрели в сторону разведчиков. У майора Рыбина, посланного узнать, что они здесь делают, налетевшая толпа отобрала магазины к автомат. Милиции, которая должна была действовать в этом случае, рядом не было, а применять по ним оружие толпе команду никто не давал. Поэтому комбат срочно вызвал вертолеты для эвакуации. Они прилетели быстро. Забрав убитых товарищей, трофеи и свое снаряжение отряд погрузился на вертолеты и убыл на Ханкалу...

Из выступления генерала армии Михаила Барсукова

Директор Федеральной службы безопасности России, руководивший операцией в Первомайском, после возвращения из села выступил на пресс-конференции. Сначала он рассказывал, как они блестяще подготовили эту операцию, а потом с запинками объяснил, почему боевикам удалось прорваться: «Мы только одного не могли рассчитать, что с такой скоростью можно ходить по заснеженному полю и по такой вот... пахоте. Я вот это встречаю впервые, особенно когда увидел, что боевики снимали сапоги и без обуви шли. Меня это даже как-то... потому что я не знал этого, что когда на карту, наверное, поставлена жизнь, готовы и ботинки снять, разуться и босиком, с голыми пятками по снегу бежать...».

...От занимаемой должности Ельцин генерала не отстранил.

Воспоминания рядового Мигулина

Утром перед атакой на село командир отряда приказал ничего не есть на случай ранения в живот. Сигнала о начале ждали около часа. Я услышал гул вертушек и вскоре они показались — это были Ми-24. Начались авианалет и артподготовка. Вертушки обрабатывали середину села, и только последний залп попал в крайние дома. В артподготовке участвовали установки «Град» и гаубицы Д-30. Общий обстрел длился полтора—два часа. После чего прозвучала команда «Вперед!». Наша группа под командованием капитана Грибова состояла из молодых солдат, но обучены мы были хорошо. Учеба сопровождалась ударами ног и рук, но впоследствии мы Нj сказали командиру только спасибо (когда обмывали ордена). Я входил в состав расчета АГС-17, тащить который было очень тяжело. Мы смогли пройти 400 метров, когда по нам открыли огонь из гранатометов и стрелкового оружия. У десантников тоже завязался бой. В первые пять минут у них была подбита БМП-1. Головной дозор нашей группы подошел к мосту за которым начинались дома. Мы, как могли, поддерживали их огнем из АГС. Командир все время кричал нам «Огонь». Когда у дозора закончились «Мухи», Грибов дал мне команду доставить их к ним. Схватив штук восемь РПГ-18 и РПГ-26, я рывком бросился к мосту.

Пули несколько раз выбили фонтанчики у моих ног, от чего я бежал еще быстрее. Доставив гранатометы, я остался с дозором.

Бой длился 5-6 часов, после чего последовал приказ отходить. Прикрывал отход пулеметчик Баранов. Через некоторое время возле проема, откуда он вел огонь, взорвалась граната от РПГ-7, пущенная кем-то из духов. С огромным трудом нам удалось вытащить из под огня Баранова, получившего многочисленные осколочные ранения. Через час его и еще нескольких раненых забрала вертушка. Ближайшие три дня перестрелки не прекращались. Было минус 18.

В этот день ничего не предвещало прорыва духов, стрельба утихла. Ночь была темная и спокойная, только артиллерия время от времени вывешивала «Люстры», стреляя в черное небо осветительными снарядами. Наша группа ушла в засаду, выдвинувшись на 500 метров вперед. Мой расчет АГС выдвинулся на 200 метров вперед возле стыка наших позиций с десантниками. После возвращения группы с засады мы еще оставались на своих позициях. Где-то через час мы заметили неясные очертания человеческих силуэтов и решили дать очередь из АГС, чтобы убедиться — кажется нам или нет. В ответ мы получили шквал огня из гранатометов и автоматов. К счастью для нас духи шли на прорыв несколько правее. Мы начали вести по ним огонь. Расстреляв все гранаты и спрятав АГС в кустах, начали выбираться к своим. Везде были слышны крики «Аллах акбар!», и казалось, что уже никого нет, кроме духов, но мы все равно шли и вышли на позиции группы. Наши были на месте.

ОТЧЕТ

командира отряда специального назначения №176

Согласно боевому распоряжению Командующего ОГВ № 0317 отряд в составе РзСпн № 311, 322 и 331, усиленный тремя расчетами АГС-17, на 4-х вертолетах Ми-8 10 января 1996г. десантировался посадочным способом в районе с. Первомайское с задачей не допустить прорыва находящихся в селе боевиков на Чеченскую территорию.

На участке, выделенном руководителем операции для блокирования, был организован опорный пункт отряда, определены позиции групп и сектора обстрела. За окраиной села установили постоянное наблюдение. Круглосуточно дежурными огневыми средствами велся беспокоящий огонь по местам вероятного нахождения боевиков.

12 января силами РзСпн №322 был проведен ночной поиск с целью захвата пленного и установления огневых точек боевиков, в результате которого уничтожено 3 боевика и вскрыта система организации обороны северо-западной окраины села. Результаты поиска доложены в штаб операции.

Для отвлечения сил боевиков при проведении штурма села 15 января РзСпн №311 и 331, имитируя атаку на позиции противника выдвинулись в район кошары, отвлекая на себя внимание боевиков. В связи с прицельным огнем боевиков и командой об отмене штурма группы вернулись на свои позиции.

Каждую ночь с целью недопущения вероятного прорыва боевиков из состава отряда выделялась группа в засаду, задачей которой являлось уничтожение противника фланговым огнем.

18 января в 3.00 наблюдателем РзСпн №322 было обнаружено появление боевиков. Мною была отдана команда на открытие огня и сообщено в штаб операции о нападении боевиков. Попытка атаки позиции РзСпн №322 была отбита огнем отряда и наличием минного поля перед позицией группы. Создав более чем десятикратное превосходство перед позициями РзСпн № 331, боевики прорвали оборону и стали уходить в сторону р. Терек. На удалении 30 метров от позиций группы была расположена палатка в которой находился начальник разведки 58 армии полковник А.Стыцина, начальник связи отряда капитан Козлов и начальник медслужбы капитан м/с Синичкин. Прорвавшимися боевиками они были уничтожены. Группы развернувшись в сторону боевиков уничтожали их фланговым огнем, на участках РзСпн №322 и РзСпн №331 бой переходил в рукопашную.

В 8.00 того же дня совместно с подразделениями 7-й ВДД и внутренними войсками отрядом была проведена зачистка лесного массива с целью обнаружения и уничтожения оставшихся боевиков.

...Февраля отряд на 4-х вертолетах Ми-8 убыл к месту постоянной дислокации.

За время проведения операции силами отряда уничтожено — 78 боевиков.

Захвачено — автоматов — 53, снайперских винтовок — 5, пулеметов ПКТ — 6, НСВТ — 1, гранатометов РПГ-7 — 2, приспособлений для стрельбы НУРСами — 5, радиостанций — 10, спутниковый телефон — 1.

Потери отряда — погибло — 2 человека, ранено — 7 человек, выведено из строя и требуют замены — 4 АКМС, радиостанции Р-392 — 5 шт, радиостанции Р-159 — 2 шт.; все зимнее обмундирование отряда приведено в негодность и подлежит списанию.

К

омандир РОСПн №176 майор В.В.Беглов «20» февраля 1996 г.

Часть II. ЗАСАДА КАПИТАНА ГРИБОВА

Война становилась затяжной и не было видно ей конца. Разведчики отряда специального назначения, находившегося в Ханкале, это понимали. Крупных боевых действий не велось: вся Чечня была разбита на зоны ответственности, в которых действовали отряды специального назначения. Регулярно в районы выходили группы для проведения поисково-засадных мероприятий. Временами фортуна не отворачивалась от спецназовцев: удавалось уничтожить легковой автомобиль с оружием или двух—трех боевиков. Обычно это происходило следующим образом: группа в количестве 10—12 человек на трех БМП или БТРах в вечернее время выдвигалась на место засады. Высадив разведчиков, боевые машины уходили в расположение части или укрывались на некотором удалении, в готовности по первой команде подъехать к разведчикам, чтобы поддержать их огнем и забрать с места засады.

*

...На любой войне есть враги. Но кроме общих врагов появились такие, с которыми у спецназовцев были личные счеты. В первую очередь таким был Салман Радугев. Усилиями оперативников ФСБ и ГРУ были установлены фамилии и других главарей, участвовавших в Кизлярских и Первомайских событиях. Охота за ними не прекращалась ни на минуту. Ходили слухи, что за поимку главарей бандитов Министерство обороны России готово выплатить огромное денежное вознаграждение. Но Радугев как в воду канул. Ни одной оперативно значимой информации о месте нахождения Радугева и его подручных не было уже несколько месяцев. Неожиданно пришла информация, что у Радугева умер отец. Это означало, что он обязательно будет на его похоронах. Разведчикам оставалось только перекрыть возможные маршруты движения террориста.

*

Дела у Радугева шли не очень хорошо. Он ожидал, что слава его нападения на Кизляр и Первомайское превзойдет славу Басаева. Но этого не произошло. Масхадов обвинил его в ухудшении отношений с дагестанцами. Басаев упрекал за многочисленные потери во время прорыва в Первомайском. Кроме того, многие обвинили его в гибели своих родственников и даже объявили кровную месть. Поэтому активных действий Радугев не вел, ограничиваясь заявлениями, перед камерами журналистов о том, что российские танки горели, словно спички во время его «беспримерной» акции. Масхадов даже хотел сместить Радугева с поста командующего одним из фронтов, но не посмел, поскольку тот был зятем Дудаева, к тому же у Радугева была очень хорошая финансовая поддержка: бывший комсомольский вождь умел доставать деньги.

...Радугев готовился заявить о себе новой громкой акцией. Но неожиданно к нему приехал «Батя» и сообщил печальную весть о смерти отца. Необходимо было срочно ехать на похороны.

«Батя» был известным полевым командиром из селения Гойты. Первый раз о нем заговорили, как о палаче, казнившем российского летчика, сбитого в районе Чечен-Аула. Неоднократное участие в боях с федеральными силами принесло ему «славу» в широких кругах боевиков, а после участия в терактах в Кизляре и Первомайском он был объявлен в розыск по линии Интерпола.

Радугев вызвал Саида, который, залечив рану, стал его личным водителем. Вместе с Саидом прибыли и двое молодых боевиков из охраны Радугева. Думая о чем-то своем, Радугев сквозь зубы отрывисто бросил: «Собирайтесь. Умер мой отец. Надо быть на похоронах».

Собрались за полчаса. УАЗик с Радугевым, «Батей», Саидом и двумя охранниками выехал по давно известному Саиду маршруту. Ехали в объезд блокпостов, почти не выезжая на шоссейные дороги.

На похоронах Радугев принял решение не задерживаться, так как был вынужден находиться среди недостаточно надежных людей. Выполнив обязательный в таких случаях ритуал и встретившись с некоторыми полевыми командирами, он засобиравшись в обратный путь. Ехать решил ночью.

Постановка задач группам, выходившим на «работу» происходила как обычно. Если бы не присутствие оперативного офицера ГРУ по координации действий спецподразделений и командиров групп Бердской

бригады, можно было бы все принять за плановое мероприятие. Бердской группе была поставлена задача использовать переносные установки ПТУР. Капитан Грибов, такса, же присутствовавший на этом совещании, обратил внимание на то, что командование перекрывает засадами все выезды в обход блокпостов. Каждая группа получала свою дорогу для проведения засадных мероприятий и уничтожения или захвата всех, кто будет

в ночное время передвигаться по ним на автомобилях.

К ночи все группы были готовы к действиям. Заурчав моторами, БТРы и БМП исчезали в ханкалинской пыли, увозя разведчиков на выполнение боевой задачи. Грибов был спокоен. За долгие месяцы боевых действий разведчики научились воевать. Все было отработано до автоматизма, на своих бойцов он мог положиться, как на самого себя. БТРы дойдя до указанного места слегка замедлили ход, чтобы разведчики могли спрыгнуть на землю.

Когда последний из них отбежав, залег в кювет, Грибов передал командиру бронегруппы по радиосвязи: «Жди нас в расположении 166-й бригады, будь постоянно на связи».

До этой бригады было километров семь—восемь, но более удобного места, чтобы оставить «броню», не было. Поэтому Грибов решил не рисковать броней, а если случится что-то непредвиденное, то попросить помощи в 166-й бригаде.

*

Кто хоть раз командовал подразделениями в бою, знает, как сложно иногда это бывает делать. Бойцов нельзя построить в одну шеренгу и ставить задачи, нельзя говорить командным голосом, а если это происходит еще и ночью, когда визуальный контакт отсутствует... Бывали случаи — терялись не только отдельные солдаты, но и целые взвода. Грибов это знал, поэтому все отработывалось во время тренировок и учебных занятий. Все команды были сведены до минимума, каждый боец знал, что он должен делать и свое место в боевом порядке.

— По местам! — передал по радиостанции Грибов и подгруппы а разошлись, занимая свои позиции. Через некоторое время в наушниках слышались доклады:

— «Фанта» на месте! — это докладывали наблюдатели левого фланга.

— «Кола» на месте! — доложил наблюдатель правого фланга. ^

— «Пепси» возле дороги, готовит сюрприз! — это подгруппа го минирования ставила несколько МОН-50 (осколочная мина направленного действия) на дистанционном управлении..

Сам Грибов находился на позиции «Спрайта» Это был позывной огневой подгруппы. Радист занял привычное место сзади командира группы. Кроме обеспечения связью группы с «центром», он имел задачу наблюдать за тем, что происходит в тылу группы.

Через полчаса на связь вышла бронегруппа. Ее командир докладывал, что прибыл в указанное место. Все шло по намеченному о плану. Теперь оставалось ждать, кто попадется в расставленные Разведчиками ловушки.

*

...Петрович был рабом. Когда-то он имел семью и дом. Умел работать и считался неплохим строителем, зарабатывая неплохие деньги на шашках.

Этому его научили еще во время первой ходки на зону по-малолетке. После освобождения он больше никогда не «сидел» и мог бы быть вполне уважаемым человеком. Но две вещи мешали ему в этом. Первая — это патологическая лень, вторая — пьянство. Заработав деньги, он бросал работу, пускаясь в пьяные разгулы.

Так бы жил Петрович и дальше, но однажды он попал на шашку к чеченцам, жившим в России. Они быстро подметили, что он может неплохо работать, подметили и его слабости. Кто именно предложил Петровичу поехать на заработки в Чечню, он не помнил, но условия были заманчивые: обещали кормить и поить, дать жилье, а по окончании работы — крупную сумму денег.

Первое время Петрович работал в селе Алхазурово на строительстве дома. Работать приходилось много, но кормили хорошо. Как-то Петрович напился, и сыновья хозяина избили его до беспомощности. Очнулся он в сарае с синяками и без документов. Документы обещали вернуть вместе с деньгами.

Время шло, но денег не давали, про документы не говорили. Он построил один дом, потом другой. Его вывезли в горы, где он пас скот. Петрович превратился в настоящего раба. Его это не устраивало, но убежать он не мог — без документов и денег далеко не уйдешь. К тому же, он видел, как забили до смерти одного из таких же, как он, пытавшегося убежать. Это было в 1989 году. Постепенно он смирился со своей судьбой, а в

1993 его опять привезли на равнину, где он строил дома. Жил он теперь в одной чеченской семье. Мужчины с ним общались редко, кормили его женщины.

Через два года началась война. Войска в их село не заходили не разу и о существовании Петровича никто не знал. Вскоре продуктов питания стало не хватать. Войска находились недалеко от села и Петрович решил сбежать.

В этот день в селе были похороны, на которые ушли все мужчины. Хоронили кого-то из многочисленных родственников Дудаева. Женщины были заняты по хозяйству, и Петрович спокойно проник на мужскую половину. Перерыл весь комод и нашел свой паспорт. Сказав женщинам, что пошел проверить скотину, он добрался до коровника, где отсиделся до темноты. Местонахождение постов отряда самообороны села он знал, как свои пять пальцев. Переждав еще несколько часов, Петрович двинулся в сторону ближайшего расположения российских войск. Сначала он пошел вдоль лесопосадки, обходя позиции отряда самообороны затем — по полю. Отойдя километра на три от села, он вышел на дорогу и смело зашагал в нужном направлении. Вскоре он услышал шум УАЗика, а потом из темноты появились люди с оружием. Кто-то сбил Петровича с ног и повалил на землю, а затем оттащил с дороги в кусты.

*

...Сначала доложила «Фанта»:

- Вижу человека, движущегося в нашу сторону.

В прибор ночного видения было хорошо видно, что человек без оружия.

- «Фанта»! Пропустите его, не обнаруживая себя.

— «Спрайт»! Захватить и доставить сюда.

Группа захвата во главе с Сайпушевым подобралась к дороге. Когда незнакомец поравнялся с ними, Сайпушев сбил его на землю и, сделав удушающий прием, потащил в кусты.

— Ты кто? — спросил Сайпушев слегка ослабив захват.

— Не убивайте, я — свой! Я — русский! Только что убежал из села... — запричитал задержаний.

Разведчики собрались возле него. На земле сидел уже немолодой, по виду русский, невысокого роста мужчина. При нем находился паспорт на имя Дятлова Сергея Петровича.

Пока выясняли личность незнакомца и цель его появления, на дороге из темноты выскочил УАЗик.

— По местам! Огонь! — закричал в радиостанцию Грибов, поняв, что подрывать мины поздно.

Зазвучали хлопки выстрелов бесшумного оружия, дырявя насквозь борта УАЗика. Машина резко остановилась. Из нее выскочило два человека с оружием, но выстрелить не успели, повалившись вперед.

Пули верно нашли цель.

УАЗик резко развернулся и рванул, исчезая в темноте. Вдогонку ему разведчики сделали несколько выстрелов из АКМС с ПББСом (автомат Калашникова модернизированный складывающийся с прибором для бесшумной и беспламенной стрельбы). Но это не остановило автомобиль, и через несколько секунд он окончательно скрылся из виду.

— Эх, упустили гадов, — Грибов поднялся и передал по радио-станции: — «Спрайт», досмотрите тех, что на дороге!

Со всеми предосторожностями тройка Сайпушева подошла к неподвижно лежавшим боевикам. Они были мертвы. Осмотрев тела убитых, документов разведчики не обнаружили. Забрав оружие боевиков, трупы оттащили в кювет.

Радист передал о случившемся в «центр» и вызвал броню. Группа быстро собралась и, захватив ночного гостя, отправилась в точку встречи с бронегруппой.

*

...Саид уверенно вел машину с выключенными фарами по проселочной дорогой. «Батя» дремал на переднем сиденье. На заднем сиденье сидел Радуев, по бокам — охранники. Что делал Радуев, с водительского места видно не было. Машина находилась на полпути между селениями, когда раздался какой-то стук, словно камень ударился о капот. Затем последовало еще несколько похожих ударов, затем треснуло лобовое стекло, и «Батя», дернувшись, завалился на Саида.

— Засада! — вскрикнул Саид, ударив по тормозам и разворачивая машину.

— Что расселись, уроды? К бою! — закричал Радуев на охранников. Те выскочили из машины, но тут же упали, сраженные пулями.

— Газу!!! — успел крикнуть Радуев и его лицо мгновенно залила кровь. Что-то стукнуло Саида в плечо, но УАЗик уже рванулся вперед, унося пассажиров от страшного места.

Доехав до ближайшего поста боевиков в предгорьях, Саид позвал на помощь. Сначала вынесли «Батю», он был мертв. Затем вынесли Радуюева, он был без сознания, глаз вытек, а вместо переносицы было кровавое месиво. Может от увиденного, а может от неудержимой боли в плече, Саид потерял сознание. Очнулся он в Урус-Мартановской районной больнице. Пулю ему достали, сделали переливание крови. — Где Салман? Он жив? — спросил Саид у окружавших его врачей. — Жив, но состояние очень тяжелое. Сейчас ему делают операцию, — ответили Саиду. Через несколько дней за Саидом приехали родственники и забрали домой. А Салман Радуюев на некоторое время бесследно исчез.

*

В разведотделе группировки царил необычное оживление. По оперативным данным ночью был ранен Радуюев и убит другой известный полевой командир и палач по кличке «Батя». Всеми средствами пытались подтвердить эту информацию и установить, кто причастен к данному событию. Сразу же нашлось множество подразделений из различных силовых ведомств и структур, заявивших, что операция была проведена ими. Летчики заявили, что авиация нанесла удар по автомашине с бандитами, артиллеристы говорили, что во время обстрела района один из снарядов взорвался возле места, где находились боевики, уничтожив, кроме того, еще с десятков бандитов. Представители МВД заявляли, что это их оперативно-боевая группа «работала» в этом районе. Даже группа Бердской бригады спецназа заявила о своей причастности к уничтожению боевиков. Командир группы в своем рапорте докладывал о пуске ПТУРа, поразившего легковой автомобиль. Наиболее достоверная информация была получена от источников ФСБ и ГРУ в масхадовском окружении. Было установлено, что ночью неизвестные обстреляли из бесшумного оружия автомобиль УАЗ-469 в котором находились известный полевой командир Салман Радуюев, возвращавшийся с похорон отца, и один из его ближайших соратников, некто «Батя». В результате «Батя» и двое охранников были убиты, а Радуюев с тяжелым ранением в голову доставлен в Урус-Мартановскую районную больницу. Все вышеназванные версии отпали. Окончательно прояснилось все после доклада о ночном происшествии с группой капитана Грибова. Совпадало место, время и способ, которым был атакован автомобиль Радуюева. Грибова срочно вызвали в разведотдел в надежде получить вещественные доказательства или документы, подтверждающие причастность группы Грибова к данному событию, но кроме двух автоматов, которые могли принадлежать кому угодно, Грибову представить было нечего. Задержанный группой Дятлов Сергей Петрович, 1950 года рождения, к данному происшествию отношения не имел и после месяца ударных строительных работ на благо отряда специального назначения, его вывезли в Ставропольский край, где с небольшой суммой денег отпустили на все четыре стороны. От награждения кого-либо из участников засады на Радуюева и «Батю» командование решило воздержаться. Прямых доказательств не было, а сами разведчики старались не распространяться о ночном происшествии. Радуюев от комментариев тоже воздерживался...

ОТЧЕТ

командира группы специального назначения № 322

".. " ... 1996 года. На основании боевого приказа Начальника РО ОГВ №0125 моя группа получила задачу на проведение поисково-засадных действий в районе.

Скрытно выдвинувшись в указанный район на З-х БТР-80, я принял решение на организацию засады на месте пересечения дороги с ручьем. Позиции подгруппам определил следующим образом: возле отдельного куста — наблюдатели левого фланга, рядовые Марчук и Лебедев; вдоль арыка у дороги — подгруппа захвата (она же минирования), сержант Сайпушев, рядовой Голданов и рядовой Сыч; в лесопосадке — огневая подгруппа, капитан Грибов, сержант Ветошкин, рядовой Сергеев, рядовой Мизулин и радист младший сержант Снегирев; в высоком кустарнике у отдельно стоящего дерева — наблюдатели правого фланга, старший сержант Кольченко и рядовой Иванов. Бронегруппа под командованием заместителя командира группы старшего прапорщика Соколова убыла в распоряжение 166 МСБр, постоянно имея одну радиостанцию в режиме дежурного приема. Место эвакуации группы определил у заброшенной МТФ. В 2.55 ... наблюдатель левого фланга доложил о приближении к месту засады человека. Я отдал распоряжение на его захват. Силами группы захвата без применения оружия он был захвачен и доставлен ко мне. В ходе беглого опроса было выяснено, что захваченный Дятлов Сергей Петрович, 1950 года

рождения, оружия при себе не имеет и, с его слов, сбежал из с. Алхазурово из-за жестокого обращения с ним людей, у которых он проживал.

В 3.04 также последовал доклад от наблюдателей левого фланга о приближении легкового автомобиля с выключенными фарами. Мною было принято решение об открытии огня из бесшумного оружия. Всеми видами бесшумного оружия автомобиль был обстрелян и резко остановился. Из него выскочили двое вооруженных людей, которых уничтожил снайпер-разведчик рядовой Сергеев. В этот момент автомобиль на максимально возможной в темноте скорости скрылся из зоны обстрела группы. У убитых документов при себе не оказалось. Было изъято 2 автомата АК-74.

О наличии пленного, уничтожении 2-х боевиков и захвате их оружия радист доложил в отряд, после чего вызвал бронегруппу в точку встречи. Группа, оставив место засады, ускоренным маршем выдвинулась к заброшенной МТФ, куда в 4.07 прибыла бронегруппа. Произведя погрузку, весь личный состав вернулся в расположение отряда.

Командир РзСпн № 322 капитан В.С.Грибов.

Часть VI. ВТОРАЯ ЧЕЧНЯ

А. Сухолесский. Вместо предисловия

Контртеррористическая операция по восстановлению конституционного порядка в Чечне началась намного успешнее предыдущей кампании. Без излишней помпы, но с неистребимым желанием победить, войска в октябре 1999 года вошли в Чечню. Действия командования группировки и подчиненных им войск были тщательно продуманы и обстоятельны. Армия, как хороший крестьянин, последовательно перепахивала давно запущенное поле.

Именно в силу этих обстоятельств, незаконные вооруженные формирования (НВФ) «Независимой Ичкерии» отступали, неся ощутимые потери в живой силе и технике, и не имея возможность каким-то образом остановить эту силу, надвигающуюся с неотвратимостью судьбы.

К началу 2000 года все равнинные районы, а также часть предгорных и даже горных районов, находились под полным контролем федеральных сил. Обстановка в равнинных районах была более стабильной, чем сейчас (весной 2001 года). Это было обусловлено, прежде всего, тем, что все боевики и их активные сторонники отошли с отступающими бандформированиями или оказались в положении беженцев*.

В начале января в Грозном были сконцентрированы основные силы чеченских НВФ общей численностью от четырех до пяти тысяч человек. Российские войска блокировали Грозный и так же, неспеша, но неумолимо, сжимали кольцо блокады, ведя уличные бои в пригороде. Отчаянно удерживая рубежи обороны, боевики несли колоссальные потери в живой силе, которые были несравнимы с потерями федеральных войск. Тем, кто находился в горах, тоже было не сладко. Еще в декабре 1999 года группировка федеральных войск под командованием генерала Мухриiddина Ашурова, ранее командовавшего 201 мсд, перерезала боевикам основную транспортную артерию. Важность этой операции трудно переоценить. Эта автодорога, построенная еще в 1996—1999 годах, проходила по Аргунскому ущелью и связывала Чечню с Грузией. По ней поступала военная помощь, присыпало пополнение из числа наемников, а также жителей Чечни, которых война застала за пределами их Республики. По ней же эвакуировали раненых боевиков для прохождения лечения в Грузии и других странах.

С юга и востока бандформирования чеченских сепаратистов теснила группировка ВДВ. В сложившейся обстановке НВФ приходилось вести сдерживающие действия на нескольких основных направлениях наступления Федеральных сил.

К началу января 2000 года боевики не провели ни одной сколько-нибудь заметной и успешной операции. Авторитет их в Республике, да и на международной арене стал стремительно падать.

В этих условиях командование НВФ приняло решение седьмого января, по окончании Рамазана, провести ряд вооруженных акций, имеющих военные, но в первую очередь, пропагандистские цели. Объектами этих акций были выбраны три наиболее крупных после Грозного, населенных пункта Чечни: Гудермес, Аргун и Шали. Захват этих населенных пунктов, с военной точки зрения, большого значения не имел и повлиять на ход кампании не мог. Нанести поражение федеральным войскам в уличных боях вряд ли удалось бы, поскольку они старались избегать такой формы столкновения. В то же время маловероятно, что боевики смогли бы успешно противостоять деблокированию захваченных населенных пунктов.

Главная цель этих действий была сугубо пропагандистская и, в случае успеха, предполагала вызвать широкий резонанс в зарубежных средствах массовой информации. «Защитники прав человека» из Вашингтона и Лондона получили бы прекрасную возможность упрекнуть Россию в проведении ошибочного курса на Кавказе.

* Подавляющее большинство беженцев составляли семьи боевиков и активные сторонники «независимой Ичкерии».

Н. Сухов. Шалинская осада

О том, как проходили бои в Шали, рассказывает один из участников обороны шалинской комендатуры. Фамилия его, по понятным причинам, изменена.

Друзья, мы вспоминаем эти дни
И неприветливый Шали.
Январь, девятое двухтысячного года...
Как все тревоги, трудности, невзгоды
Пришлось делить нам поровну на всех...

Командировочка начинается...

Седьмого января наша группа офицеров «миссии связи» прибыла для выполнения специального задания в комендатуру поселка Шали. Наше прибытие ознаменовалось активизацией боевых действий. Офицерам комендатуры стало известно, что в районе трубной базы находится группа боевиков, общей численностью семьдесят—восемьдесят человек. Операцию возглавил начальник штаба комендатуры. Силами трех БМП-2 и личного состава комендантской роты боевики были выбиты с базы, но и «комендачи» потеряли одну БМП с экипажем. Ее уничтожили комбинированным огнем РПГ и РПО. Этого можно было бы избежать, если бы НШ оценил правильно обстановку и принял верное решение. По имевшейся разведывательной информации основу вооружения бандгруппы составляли реактивные противотанковые гранаты РПГ-18 и РПО, стрелкового оружия почти не было.

Незванный гость, он же татарин

Утром 9 января Шали поразил пустынными улицами и тишиной на городском рынке. Это настораживало и, как выяснилось, не напрасно. В комендатуру прибыл Асламбек Арсаев, один из наиболее влиятельных полевых командиров незаконных вооруженных формирований, под ружьем у которого насчитывалось свыше трехсот боевиков. Арсаев, больше известный как "Большой Асланбек", в ультимативной форме предложил гарнизону комендатуры сложить оружие, гарантируя сохранение жизни. «В противном случае здесь будет море крови и огня», – заявил он.

Рассчитывать только на себя...

Но ни умирать, ни тем более сдаваться в чеченский плен мы не собирались. После предъявления ультиматума начали готовиться к отражению нападения. По коротковолновой радиостанции «Ангара-1» мы в открытом эфире связались с командованием группировки и вкратце доложили обстановку. Более подробная информация была отправлена шифротелеграммой по радиостанции космической связи. Несмотря на все приготовления к обороне, настроение было скверное, не обошлось и без прощальных слов в эфир...

Комендант Шали предпринял необходимые меры по отражению нападения и доложил обо всем в штаб группировки «Восток» своему старшему начальнику. Однако тот с принятием решения не торопился... целых два дня. И это несмотря на то, что штаб этот располагался всего в шести километрах от Шали в населенном пункте Автуры. В распоряжении старшего начальника находился отряд специального назначения Дальневосточного военного округа. Разведчики были готовы выдвинуться для деблокирования комендатуры в Шали, но такая команда не поступила. Все это время окруженные защитники шалинской комендатуры, отражая одну за другой атаки «чехов», могли рассчитывать только на свои силы.

Одним из требований, предъявляемых к разведке, является непрерывность. Соблюдая его, даже в состоянии осады нам удалось узнать о том, что перед началом штурма боевики с присущей им страстью к внешним

эффектам, а также чувствуя свое абсолютное превосходство в силах, решили устроить митинг. Время и координаты места проведения митинга были переданы шифротелеграммой в штаб Объединенной группировки войск на Северном Кавказе, который находился в Моздоке. Здесь нас опять выручила наша переносная станция космической связи.

Жирная "Точка"

Руководство группировкой в короткое время оценило обстановку и приняло решение о нанесении удара по скоплению боевиков оперативно-тактической ракетой «Точка-У». К счастью, не все ракеты «порезал» Горбачев. Точечный удар пришелся прямо в цель, и что самое главное – в разгар митинга. Большой Асланбек выбрал место для митинга вблизи комендатуры, до нее было всего двести пятьдесят метров. Такое расстояние гарантировало боевикам безопасность от нанесения ударов нашей ствольной артиллерией. Ракетного удара Арсаев явно не ожидал. В сущности, это был первый опыт нанесения ракетного удара такой мощности в непосредственной близости от своих войск. Мы, давая координаты противника, практически вызывали огонь на себя и молились, чтобы бог войны да и конструкторы ракеты, не подвели. Результаты удара для боевиков были ошеломляющими – двести семнадцать человек только убитых.

Штурм в состоянии агонии

Потеряв такое количество своих головорезов, Большой Асланбек понял, что его планы, связанные с втягиванием федералов в бои за Шали, провалились. Не будет ни горящих танков и БМП, ни трупов российских солдат на улицах Шали, ни разрушенных домов и жертв среди, может быть, ни в чем не повинных местных жителей. Не будет и той шумихи в международных СМИ, на которую возлагали большие надежды боевики.

Придя в себя после удара, Арсаев предпринял отчаянную попытку атаковать комендатуру силами оставшихся в живых боевиков. Пытаясь массированным огнем сломить наше сопротивление, «духи» использовали все огневые средства, имевшиеся в их распоряжении. Прямым попаданием гранаты АГС-17 или подствольного гранатомета была повреждена антенная мачта радиостанции Р-161А.

Нерв армии

Для поддержания связи с вышестоящим штабом мы развернули УКВ-радиостанцию Р-159 с блоком закрытия речевого сообщения «Историк». Работая на Р-159, мы навели огонь 152-мм самоходных гаубиц 2С3 «Акация». Используя дымовые снаряды, мы пристреляли подступы к комендатуре. Это очень помогало, особенно в ночное время. Как только боевики поднимались в очередную атаку, вокруг нас вставала стена заградительного огня, преодолеть которую решился бы только сумасшедший.

Все это время мы поддерживали устойчивую связь с командованием, используя наше второе средство – переносную станцию космической связи СКС. Для проведения сеанса «по космосу» кто-то из нас под прикрытием огня напарника выдвигался и устанавливал приемно-передающее устройство (ППУ) станции на подоконнике первого этажа комендатуры. Придерживая его одной рукой, второй манипулировал кнопками на блоке управления, установленном на полу. Все это надо было делать скрытно, чтобы не попасть под огонь снайперов. После сеанса нужно было так же скрытно покинуть место его проведения и переместиться в более безопасное место. На случай выведения из строя ППУ огнем снайперов у нас имелся запасной комплект СКС. Поэтому главной заботой в этих условиях была все же бесперебойная работа спутника в зоне приема сигнала, а также экономия питания аккумуляторных батарей. Имевшегося в нашем распоряжении комплекта при сохранении интенсивности радиообмена хватило бы на трое суток, потом пришлось бы возиться с автомобильным аккумулятором.

Работать по «Ангаре» мы не решались, так как данная радиостанция не обеспечивает скрытной связи. При наличии у боевиков достаточного количества сканирующих радиостанций японского и западноевропейского производства использование «Ангары» неминуемо привело бы к прослушиванию наших переговоров противником. К тому же нам пришлось бы выходить на третий этаж здания комендатуры, чтобы развернуть антенну этой станции. А он простреливался боевиками.

Вы что там, воевать собрались?

Что же касается нашего вооружения, то становилось обидно до глубины души за то, что наше командование отправило нас в командировку, вооружив лишь автоматами АКС-74У, оказавшимися малоэффективными в

сложившейся обстановке. Да и боекомплект наш, составлявший два снаряженных магазина, не отвечал требованиям обстановки. Естественно, что на вторые сутки осады у нас на руках оставались считанные патроны. В комендатуре, к сожалению, также не был создан запас боеприпасов.

Наша просьба перед отправкой о дополнительном вооружении группы была встречена словами: «Вы что, туда воевать едете?»

Гарнизон шалинской комендатуры выстоял лишь благодаря проявленному хладнокровию, выдержке, мужеству и стойкости. Все защитники комендатуры до конца остались верны своему долгу.

С. Козлов, А. Сухолесский. Грозный-2000. Удачи и просчеты

Сбор разведывательной информации

На начальном этапе операции по освобождению столицы Чечни руководство, видимо, попыталось повторить «подвиг» новогоднего штурма Первой кампании. Так же, в самом конце декабря, войска двинули на Грозный. Но, в отличие от Первой кампании, еще три недели до начала операции на выходе из Грозного были развернуты КПП, где проверялись жители Грозного, покидавшие его перед штурмом. Выходили и русские, и чеченцы, с пониманием относившиеся к задачам, которые решали войска. На этих КПП работали военные контрразведчики, оперативные группы разведывательных центров, а также офицеры бригад специального назначения. Путем опроса местных жителей они собирали разведывательную информацию об оборонительных сооружениях внутри Грозного и группировке боевиков, готовившихся к его обороне. Собранная информация систематизировалась и перепроверялась. Сделать это было нетрудно, поскольку людей выходило много, и один и тот же вопрос задавали разным людям. Таким образом, заведомая «деза» всплывала сама собой.

Кроме того, из лояльно настроенных чеченцев в город засылались разведчики под видом местных жителей, которые также добывали бесценную информацию. Работать им было несложно, поскольку город они прекрасно знали, в отличие от основной массы его защитников, прибывших из Урус-Мартана, Ачхой-Мартана и других сел, расположенных в горной части Чечни.

К началу штурма была собрана бесценная информация о группировке противника, расположении его оборонительных сооружений с указанием их емкости. Разведка сумела вскрыть все имевшиеся узлы обороны и знала, где и какие подвалы оборудованы как долговременные огневые точки, какие бомбоубежища и на каких предприятиях действительно используются.

Была даже получена информация о принадлежности боевиков к той или иной группе, а также из каких районов Чечни были ее члены. Это было отнюдь немаловажно. Поскольку Ачхой-Мартан и Урус-Мартан — это вотчины вахабитов, и договариваться с ними бесполезно. С жителями иных районов, в меньшей степени подверженных этой идеологии, было проще воевать, да и договориться было можно.

Сразу следует сказать, что степень достоверности собранной информации была довольно высокой и составляла порядка девяноста процентов. По мере занятия войсками Грозного она подтверждалась. Иногда, правда, из информации следовало, что в том или ином подвале находится группа боевиков, но при захвате его войсками указанная группа не обнаруживалась. Однако по следам, оставленным боевиками в результате их нахождения там, было ясно, что информация просто устаревала на данный момент.

Старые грабли

Собранная информация позволила спланировать операцию по освобождению г. Грозный. В силу того, что операция была названа «контртеррористической», решили проводить ее силами внутренних войск МВД. Главная роль в ней отводилась отдельным бригадам оперативного назначения (обрОН). Грозный решили брать по частям. Первым куском, который планировалось отсечь, был Старопромысловский район. Для осуществления этой задачи подразделения 21 обрОН, более известной читателям, как «Софринская бригада», должны были выдвинуться с Сунженского хребта от Карпинского кургана по улицам Алтайская, через поселок Ташкала, городок Иванова, перерезать Старопромысловское шоссе. Таким образом, планировалось локализовать первый очаг обороны Грозного и после этого, сломив сопротивление боевиков, освободить данный район. Казалось бы, это — идеальный маршрут для движения войск, которые таким образом могли беспрепятственно дойти от Сунженского до Терского хребта. Однако этот путь был насколько удобен, настолько и очевиден. Духи без труда разгадали замысел нашего командования. Поскольку, в отличие от Первой кампании, войска двигались по хребтам, то было понятно, что где-то им нужно будет

спускаться. А места, удобные для спуска, легко можно было просчитать. Неудобство, на которое, как всегда, не обратили внимания, состояло в том, что и справа, и слева от направления движения подразделений находилась жилая зона, которую и заняли боевики. Запустив беспрепятственно федеральные войска в парковую зону, они захлопнули мышеловку, подтянув ночью дополнительные силы. Из-за того, что войска входили в Грозный только в этом месте, боевики без особого риска сняли часть подразделений с других направлений и создали усиленную группировку в Старопромысловском районе. Одной из причин серьезных потерь, которые понесли «Софринцы», было и то, что, войдя в парковую зону, они остановились. Выполнив ближайшую задачу, они доложили об этом и получили приказ ждать дальнейших распоряжений. В этой ситуации необходимо было занять по всему периметру парковой зоны жилые дома для того, чтобы лишить боевиков возможности нанести удар с этих позиций.

Однако это сделано не было. Поэтому боевики нанесли поражение войскам всеми имевшимися в их распоряжении огневыми средствами. Били из минометов, автоматических гранатометов, спаренных зенитных установок.

«Софринцы» понесли потери, составившие более ста человек погибшими и без вести пропавшими. Труп лейтенанта и одного из бойцов был найден только месяц спустя.

Тактика «выжженной земли»

В дело включились 423 мсп и 205 «Буденновская» омсбр. «Софринцев» удалось вытащить, а Старопромысловский район был, в конце концов, взят. Духов выбили из района, захватили резиденцию Масхадова. Командира 21 обрОН представили к званию «Герой России», которое он спустя некоторое время получил. Можно было праздновать победу.

Но офицеры ГРУ, потратившие огромное количество времени и сил для сбора достоверной информации об обороне Грозного, для того, чтобы минимизировать наши потери, вполне естественно заинтересовались, почему «Софринцы» сунулись между двух узлов обороны Грозного. Когда они прибыли на КП «Софринцев» и увидели рабочую карту командира, стало все ясно. На карте синий цвет, обозначающий противника, отсутствовал начисто. Было все, что положено: ближайшая задача, дальнейшая, к какому времени требуется овладеть каким рубежом. Не было противника.

Это объяснило и огромные потери, и полтысячи пустых контейнеров от ПТУРов, стоящих безумных денег. Из-за их дороговизны даже в Афгане было очень трудно выклянчить у службы РАВ армии несколько ПТУР «Фагот» для выполнения какой-либо задачи. А здесь их расстреляли гору! Одним словом воевали, как и в Первую кампанию, на «авось». Все руководство боевыми действиями сводилось к тому, что танки и боевые машины долбили из всего, что есть. Работала огневая мощь, работал героизм подчиненных, не работала только голова командира бригады.

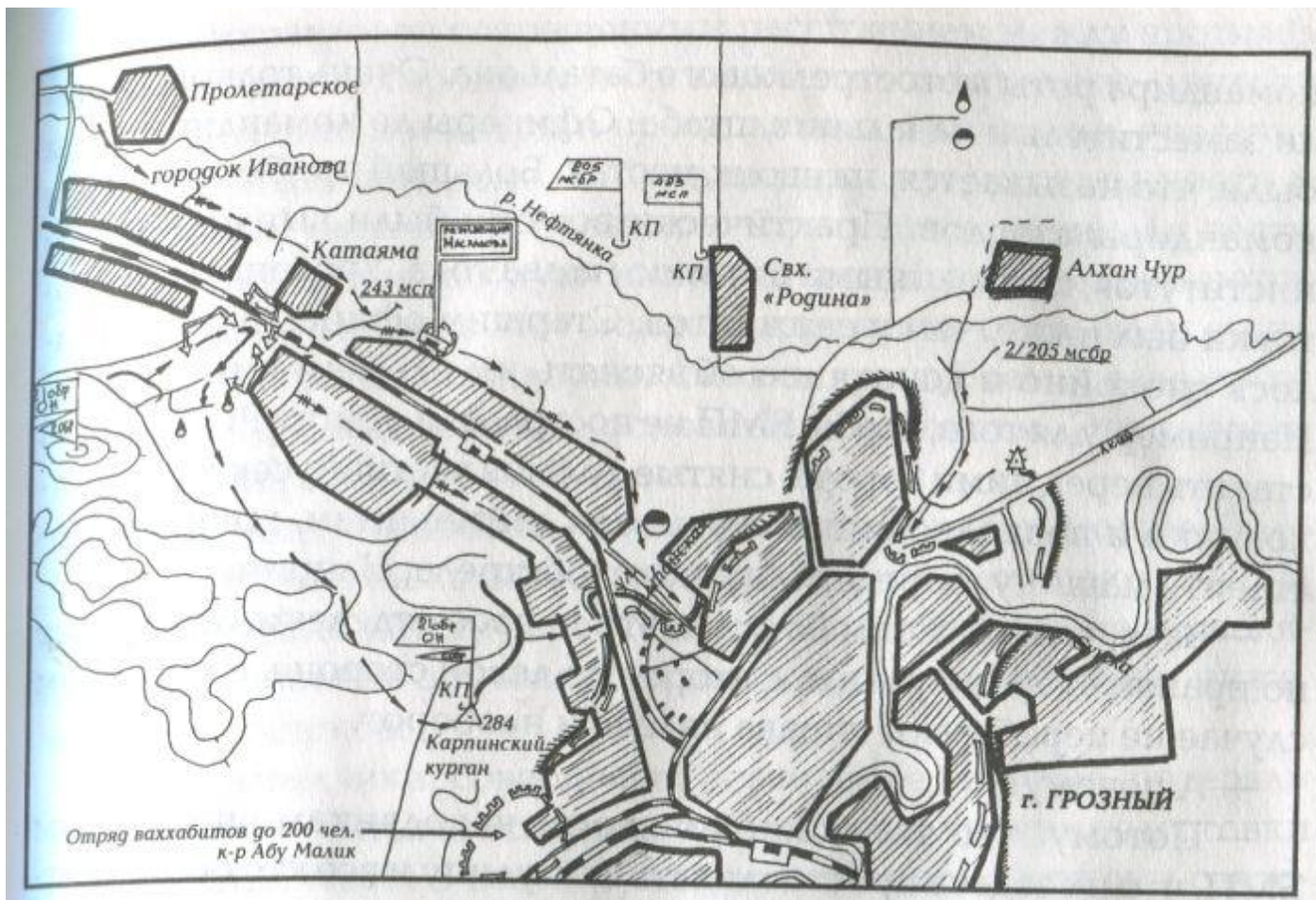

Схема 15. Операция в Грозном

В принципе схема боевых действий сводилась к следующему. Комбриг по УКВ радиостанции «Motorola» руководил действиями передовой группы. Группа, натолкнувшись на сопротивление духов, докладывала комбригу. Им давалась команда отойти, и начинала работать артиллерия. Однако вместе с нашими эту команду слышали и духи, поскольку комбриг не использовал закрытые каналы связи. Поэтому боевики так же расторопно выполняли его команду и покидали свои позиции. Начинала работать артиллерия, били танки, выстреливались сотни ПТУРов...

Путь «софринцев» и сейчас очень хорошо заметен. Там, где они прошли, остались одни руины.

В город вступает «царица полей»

Рядом наступал 423 мотострелковый полк 5 тд, оставляя за собой в основном неразрушенные жилые дома. Полоса наступления полка была намного шире, чем у бригады. Да и полком назывался мотострелковый батальон, усиленный разведротой и самоходным артдивизионом. Изначально их действия планировались как обеспечивающие действия бригады. Но вышло наоборот. Полк совместно с 205 бригадой выбивал духов и занимал их позиции. После этого подтягивались «солдаты правопорядка».

Тактика действий пехоты завидно отличалась от тактики действий внутренних войск. Это было обусловлено тем, что полком командовал бывший афганец. В Асадабаде он был заместителем командира роты мотострелкового батальона. Очень толковые были заместитель и начальник штаба. Офицеры до командира роты были, что называется, на своих местах. Большой проблемой были командиры взводов. Практически все они были выпускниками институтов, призванными в армию на два года. Уровень их подготовки был ниже, чем у сержантов. Старшим офицерам приходилось спокойно и доходчиво объяснять им элементарные вещи. Например, для того, чтобы БМП не пострадали от огня РПГ, можно ставить перед ними ворота, снятые с домов частного сектора. Полковники и подполковники указывали лейтенантам, где и как поставить машину, определяли сектор обстрела. Например:

— Вася, скажи своим бойцам, что первое отделение наступает по правой стороне улицы, а второе по левой стороне, и ни в коем случае не перебегают справа налево и наоборот.

— А почему?

— Потому, что ты скажешь своим наводчикам-операторам БМП, что их задача простреливать всю улицу и все кто попытаются ее пересечь должны быть уничтожены.

И далее все в том же духе. Но, в конце концов, отработали очень эффективную тактику действий. БМП ставили в конце улицы, прикрыв воротами. Вперед шла пехота до определенного рубежа под прикрытием огня боевой машины. Для того чтобы машина могла двигаться дальше, пехота прикрывала ее маневр дымовой завесой. БМП проскакивала вперед и, залетев в ближайший двор, сносила очередные ворота. После этого машину снова прикрывали воротами, и все повторялось. Духов просто выдавливали, как пасту из тюбика.

Как просачивалась разведка

Другим тактическим приемом, который применили опытные офицеры, было просачивание.

В его основу легло то, что духи были в полной уверенности, что войска ночью не воюют. Это, безусловно, соответствовало истине. Кстати сказать, сами духи тоже не были готовы к ночным действиям. Если бы войска были обеспечены приборами ночного видения хотя бы в соответствии со штатным расписанием и вдобавок имели мало-мальский опыт их использования, а также и опыт ночных действий, то Грозный можно было брать ночью намного проще и с много меньшими потерями, чем днем.

По опыту Первой кампании было известно, что боевики оставляют на ночь посты наблюдения из одного — двух человек, а основные силы отходят на отдых в ближайший бункер или подвал. Бой в городе характерен сокращенным расстоянием между противоборствующими сторонами и составляет около трехсот—двухсот метров. Именно эти метры и преодолевали разведчики, просачиваясь в ближайшие дома, соблюдая меры предосторожности и минуя посты охранения боевиков. С рассветом начинали вести наблюдение за тем, как духи выходят из укрытий и выдвигаются на позиции. Именно в этот момент разведчики открывали огонь и наводили огонь артиллерии. Сковав духов боем, разведчики обеспечивали выдвижение основных сил пехоты. Эта тактика оправдывала себя в полной мере.

Кто-то может возразить, что подобным образом можно было действовать не только разведчикам, но и всем наступающим. Однако применить тактику просачивания более широко не позволяло то, что уровень обученности пехотинцев значительно ниже, чем у разведчиков.

Даже разведчики, совершая просачивание впервые, потеряли двух человек убитыми вследствие невысокого уровня подготовки и недостатка опыта. Разведгруппа пошла не по «частному сектору», прикрываясь строениями, а по полю. Снайпер боевиков обнаружил их у недостроенного здания вблизи старого аэропорта и открыл огонь. Пуля ударила в железобетонный столбик. Видя это, боец, вместо того чтобы упасть и отползти в сторону, просто присел. Вторая пуля угодила прямо в голову, поскольку сержант находился в створе с этим столбиком. Снайпер просто взял поправку и нажал на спуск. Пока обходили открытый участок потеряли еще одного бойца, но духов, которые вели огонь, они уничтожили. Ночью, посоветовавшись, офицеры учли ошибки, разъяснили их солдатам и сержантам и в последующем работали без потерь.

Второе, что мешало широкому применению тактики просачивания — это наличие боевой техники. На первый взгляд это покажется странным но... Структура и менталитет современного пехотного командира таков, что без БМП он — никуда. Оставить боевые машины, сформировать из них бронегруппу под командованием одного из офицеров роты — это пока выше понимания, заложенного в училище. Однако опыт — дело наживное.

Тактика боевиков

Как и в Первую кампанию, боевики старались воевать небольшими мобильными группами. Узлы обороны создавались на перекрестках, где боевики располагались, по их же выражению, «паукообразно». Это означало, что командир находился в центре, а подразделения занимали оборону «крестом» или «звездой», в зависимости от перекрестка. Недостаток огневых средств крупного калибра компенсировался тем, что определенные участки местности, выгодные в тактическом отношении, были пристреляны. При их занятии нашими войсками наблюдатель оперативно сообщал на огневые и тут же открывался огонь.

Рассказывали, как БМП стремительно ворвалась в один из дворов и заняла позицию. Буквально несколько минут спустя, прямо перед ней разорвалась 120-мм минометная мина. Машину отбросило на полметра. Впечатление было такое, что произошел подрыв на фугасе. К счастью, никто не пострадал.

В начале операции боевики активно использовали автотранспорт для обеспечения мобильности боевых групп. Позднее, когда дома и дороги были разрушены, боевики отказались от машин и начали передвигаться по городу на велосипедах.

Разгильдяйство

Одной из наиболее распространенных ошибок, допускаемых нашими войсками, было отсутствие наблюдения за противником и в ходе боя, и во время расположения на местности. Во всех боевых уставах черным по белому записано, что наблюдение за противником должно быть непрерывным. Однако абсолютно никто это требование устава не исполнял. В результате духи свободно подходили к расположению наших войск и открывали огонь на поражение. Не надо никакого предательства. Гораздо страшнее наше российское разгильдяйство.

Как, например, тот же 423-й полк занимал девятиэтажное здание? БМП заняли свои позиции. На первом этаже находилось кафе. Подразделения добросовестно поднялись на его крышу, установили АГС-17, но... ни один человек не поднялся выше второго этажа. Когда офицер специальной разведки поднялся на девятый этаж, он был потрясен. Перед ним как на ладони открылась вся панорама Грозного. По улице Богдана Хмельницкого было видно, как передвигаются духи на машинах, велосипедах и просто пешком. Выдвигались на позиции подразделения от пяти до двадцати человек. Во дворах для боевиков готовился плов. Удаление до противника составляло всего полтора—два километра.

Отсутствие оперативности

1700 метров — предел дальности для АГС-17. Поэтому для большей уверенности решили у комбата попросить ПТУР. Как это обычно бывает, утром попросили — вечером дали. Никто даже не задумался, что обстановка меняется, что надо использовать момент. В конце концов, открыли огонь из снайперской винтовки В-96. Духи не могли сообразить, кто стреляет и откуда. Для начала они спрятались за будочку киоска. Но пуля калибра 12,7 мм прошивает его навывлет. Следующий выстрел, видимо, кого-то зацепил, поскольку духи вылетели из-за этого киоска, как пробка из бутылки шампанского, и укрылись в подвале. Далее уже наводили авиацию и артиллерию. Очень удачно отбомбились штурмовики и обрушили здание, в подвале которого прятались духи. Работали также приданные САУшки, но как-то вяло и неэффективно.

В Афгане, после сообщения на КП данных корректировки огня до следующего залпа проходило не более трех—пяти минут. Здесь же, несмотря на то, что вычисления теперь производятся на калькуляторе, времени на расчеты уходит больше, а результаты огня — намного хуже.

В связи с такой слабой подготовкой артиллеристов произошел даже курьезный случай. Разведчики сообщили на КП данные для нанесения удара. Пока производились расчеты, пока доводились исходные данные для стрельбы на огневые, прошло целых двадцать минут. За это время группа боевиков, по которой планировался удар, переместилась в другое место. Разведчики от обиды чуть не плакали. В это время производится залп и... накрывает духов на их новой позиции. Из группы двенадцать человек остался в живых только один, который очень резво умчался за медиками.

Видимо, Господу Богу надоело смотреть на неумелые потуги артиллеристов, и он внес свои коррективы в стрельбу.

Слабое взаимодействие

В ходе операции по освобождению Грозного выплыли все те же проблемы. «Софринцы» и 423-й полк наступали по одной улице. Их разделяла только дорога. Однако связь между ними отсутствовала. Командиры и начальники штабов, хотя и знали после Первой чеченской об отсутствии взаимодействия между соседними частями, в первую очередь обращали внимание на обеспечение устойчивой связи с вышестоящим штабом. Например, разведчики 423 полка случайно услышали переговоры боевиков в УКВ диапазоне, которые планировали нанести удар ПТУРом по танку, который «софринцы» выставили на прямую наводку. Так вот для того, чтобы предупредить их о грозящей опасности пришлось связываться через командование армейской группировки, выходить на командование группировки ВВ, а уж после этого на КП бригады. К счастью, в этот раз все прошло довольно оперативно, и танк удалось вывести из-под удара.

К чести командиров воюющих подразделений надо сказать, что они самостоятельно налаживали взаимодействие, прекрасно понимая, насколько от этого зависит эффективность их действий, да и жизнь их подчиненных.

Подводя итоги

Планирование операции по взятию Грозного во Второй кампании проводилось более грамотно. Налицо четкая работа разведывательных органов, которая привела к вскрытию обороны противника и позволила более четко планировать действия по освобождению города. Однако, несмотря на очевидный прогресс и успехи в подготовке линейных подразделений, а также правильное избрание тактики по освобождению города, налицо отсутствие разумной инициативы и грамотного тактического мышления отдельных командиров соединений и подразделений.

По-прежнему не отработаны вопросы взаимодействия и ведения постоянной разведки противника наблюдением. Большой бедой российской армии является отсутствие грамотных командиров взводного звена. Очевиден недостаток в выпускниках тех самых военных училищ, которые были расформированы в последние годы. Уровень подготовки современных выпускников также оставляет желать лучшего. Невысокая эффективность артиллерийского огня является следствием отсутствия огневой практики в данных подразделениях.

Остается только надеяться на то, что новый министр обороны сможет все-таки начать военную реформу, а не просто проводить планомерное сокращение Вооруженных сил, подгоняя расходы на их содержание под выделяемые бюджетные средства.

В. Александров. Была ли охота на волков?

Быть или не быть?

Находясь в Грозном, чеченские сепаратисты несли огромные потери. Войска лезть в лоб, как это было в печально известный новогодний штурм 1995 года, не собирались. Тактика постепенного выдавливания позволяла им хоть и медленно, но зато уверенно и с минимальными потерями освобождать Грозный, квартал за кварталом. Соппротивление духов подавлялось шквалом огня, а уж потом шла пехота. Уже были взяты Старые Промыслы и Минутка, в руках российских войск оказалось бандитское Черноречье. Группировка боевиков, насчитывавшая четыре—пять тысяч человек, была зажата на небольшой площади. В этих условиях практически любой артиллерийский удар достигал цели, пусть даже если в результате залпа погибал или был ранен хотя бы один дух. Снарядов не жалели, поскольку действия группировки поддерживались огнем 152-мм гаубиц «Акация», которые снимаются с вооружения. Им на смену идет другая система, для которой снаряды от «Акации» не подходят. Огромный запас снарядов, имевшийся еще с советских времен, можно было тратить от души. Латунные гильзы сдавались и вагонами отправлялись на переплавку.

Отряды защитников Грозного таяли день ото дня. Перед лидерами чеченских сепаратистов встал вопрос: любой ценой продолжать отстаивать столицу и спустя пару недель положить последнего боевика или оставить ее и сберечь силы для последующей партизанской войны, в которой у них было намного больше шансов победить. Выбор пал на последний вариант.

Коридор

Итак, боевики решили уходить. Но возникла проблема, как выйти из окруженного города? Для этого было решено организовать коридор на юго-западе Грозного. О том, что не было никакой заранее спланированной «Охоты», в частности, свидетельствует такой факт. Незадолго до известных событий генерал, сменивший недавно погибшего Малофеева, прибыв в одну из воинских частей, блокировавших Грозный, подробно рассказывал по сколько сотен мин нужно установить для предотвращения прорыва боевиков на... север. Офицер ГРУ возразил ему, что в этом месте прорыва не ожидается и, сославшись на свои источники, назвал предполагаемое место прорыва. Мало того, он сказал, что по его информации, на этом участке наши бойцы за деньги выпускали боевиков из Грозного не только пешком, но и на машинах. Генерал ответил, что этот факт ему тоже известен, и теперь эту роту перебросили в другое место¹. Также разведчик доложил, что по коридору Алды — пос. Кирова — Алхан-Кала — Закан-Юрт каждую ночь уходят небольшие группы боевиков, которые прощупывают надежность этого коридора для последующего массового прорыва. Эту же информацию подтверждали данные радиоперехвата. Однако каких-либо серьезных мер принято не было. Информация о действующем коридоре стала известна и командованию подразделений спецназа ФСБ в Чечне. Совместная группа «Альфы» и «Вымпела» вышла на этот участок и организовала засаду. Просидев три ночи и не дождавшись духов, спецназовцы, уходя, оставили им «гостинцы». Они заминировали проход.

Оторвали волку лапу...

Видимо, засаду обнаружили, поскольку, как только спецназовцы ушли, коридор снова заработал. По нему пошла группа Басаева. Он был первым из командиров подобного ранга, кто опробовал коридор. Со своим окружением он выходил примерно за неделю до нашествий, которые затем получили название «Охота на волков». Басаев шел для того, чтобы организовать взаимодействие с формированиями Хаттаба, которые сидели в горах в районе Дуба-Юрт, Чишки и Дачу-Борзой. Совместными усилиями они должны были обеспечить выход всей группировки из Грозного. Пройдя по указанному маршруту, они уверенно двинулись в подготовленный проход в минном поле, но тут их ждал сюрприз. Прогремел один взрыв, за ним второй. Басаев решил, что больше мин быть не должно, поскольку в этой войне никто сплошных минных полей не ставил. Это было его ошибкой. Прогремел очередной взрыв ПМН и Басаев лишился стопы. После этого духи послали «тралить» минное поле двух пленных российских офицеров. Но мин больше не было, и оставшиеся смогли беспрепятственно выйти, а в последующем соединиться с Хаттабом.

Охотничьи рассказы

Никакого огневого воздействия со стороны федеральных войск не было. Не было даже и наблюдения за этим участком, поскольку три подрыва подряд не привлекли никакого внимания.

Сказка о хитро спланированной операции, в результате которой духи выманили из Грозного, а затем «накрошили в мелкий винегрет», была придумана несколькими днями позже для того, чтобы прикрыть свой просчет. На самом деле, никто эту акцию, кроме духов, не планировал. Дня за три до прорыва они всех своих раненых передали Гантамирову для того, чтобы не обременять себя их переноской. Это демонстрировалось по российскому телевидению. Но самое интересное то, что из этой толпы «недобитых зверей» ни один не попал в органы. Их не то, что не допросили, а даже и не опросили. Все они, немного погодя, просто пропали из больницы, находившейся в Урус-Мартане. Говорят, что их выкупили всего за десять тысяч долларов США... Основная группировка духов, состоящая из четырех—пяти тысяч человек, выходила в ночь с ... на ...января 2000 года. Все тяжелое оружие и боеприпасы боевики заложили в тайники в Грозном. Туда же была сложена униформа, в которой они вели бои. Выходили они почти безоружные. Подавляющее большинство было в одетом в новенькие спортивные костюмы и чистую «гражданку». Шли в стык между 15-м полком и 752-м полком. Специально их никто не ждал, но обнаружить такую толпу было не трудно. Пехота открыла огонь. Пытаясь уклониться от него, боевики навались на минное поле. Началась паника, но, используя тактику людских волн, духам удалось преодолеть минное поле и выйти на берег Сунжи. Путь у них был только один — вперед, вдоль берега. Сзади лежали горы трупов их же товарищей и долбили пулеметы российской пехоты. Добавляли огоньку автоматические гранатометы. Под огнем и напором идущих сзади часть боевиков была сброшена в реку. Пытавшиеся достичь противоположного берега, в неглубокой, но бурной Сунже, тонули десятками.

Если бы это была запланированная акция, не ушел бы никто. Достаточно было отработать одному—двум дивизионам «Акаций» по данному квадрату, и все было бы кончено. Просто нашим повезло в этот раз, а духам нет...

«Это правда, что Ангел расстрелял Майсура?»

Молчавший до этого эфир взорвался множеством истеричных воплей. Полевые командиры докладывали об утонувших погибших и просто обмороженных. Гелаев (позывной Ангел) верещал в эфир "Я вышел в поле! Со мной тридцать человек! Все обморожены! Куда идти, мы не знаем. Впереди меня первое село. Часть моих людей осталась там. Они не смогли пройти».

Басаев вышел с ним на связь и успокоил, предложив в дальнейшем действовать по ранее разработанному плану. Выйти в село, обогреть людей, а тем временем разобраться с Мансуром.

Дело в том, что именно Мансуру, который был одним из лидеров обороны Грозного, было поручено организовать прибытие колонны КАМАЗов, «Уралов» и автобусов для того, чтобы вывезти в предгорье защитников Грозного. За то, что это сделано не было, Гелаев его расстрелял. Этот суровый поступок в отношении полевого командира высшего звена еще долго обсуждался в рядах боевиков. Многие в это отказывались верить. На самом деле, вины Мансура в том, что колонна не прибыла в указанное место, не было. Бакинское шоссе, по которому должна была подойти эта колонна из Урус-Мартана, была блокирована российскими войсками. Двигаться колонна могла только с боями и, наверняка бы, была уничтожена. Однако чувства возобладали над здравым смыслом, и Мансура не стало.

Никогда не откладывая на завтра...

По разным данным, из Грозного удалось прорваться от тысячи боевиков до трех. Остатки отрядов по сто, триста, а то и несколько десятков человек вышли в село Алхан-Кала. Здесь они подсчитывали потери, здесь они зализывали раны. Здесь их можно было брать голыми руками, но никто даже не попытался это сделать в течение трех дней. Но зато проводилась операция «Ночь шакала», в ходе которой артиллерия и авиация долбила по пустому Грозному почем зря. Разведка настойчиво докладывала, что противника в городе уже нет, но ее никто не слушал. В то же время команда на штурм Грозного не была дана. Если бы войска двинулись вперед, они бы увидели, что город пуст.

Вошли они только спустя три—четыре дня. При опросе местные жители подтвердили, что все боевики ушли три дня назад. Они рассказали, что уходили они почти без оружия, в чистой гражданской одежде. Лишь у некоторых были автоматы. Остальное вооружение было заложено в тайники.

.. В первые сутки после прорыва духи были всего в трех километрах от Грозного. Если бы весь этот огонь, который обрушился на столицу перенести на Алхан-Калу, не ушел бы никто. То, что этого не произошло, еще раз свидетельствует о спонтанности действий наших войск на этой «охоте».

На следующую ночь после прорыва отряды духов, видимо, оставленные в Грозном для прикрытия отхода основных сил, окончательно покинули Грозный, используя все тот же коридор. Новых мин там не поставили. Нельзя сказать, что боевики вышли абсолютно беспрепятственно. Их обстреляли, но серьезного ущерба не нанесли. Арьергард благополучно прибыл в Алхан-Калу.

Перед их выходом выпал снег. По следам, оставленным боевиками, можно было легко вычислить, куда отошла группировка и добить ее, но...

«Сделайте все, чтобы не было зачистки!»

Духи «первой волны» следующей ночью переместились в Закан-Юрт и задержались там еще на сутки. Только на второй день федеральные войска отреагировали на постоянно поступающую разведывательную информацию. Для блокирования села стали стягивать СОБРы и ОМОНы. Информация об этом сразу же просочилась к вырвавшимся духам. О том, насколько тяжелая ситуация возникла у боевиков, свидетельствуют данные радиоперехвата и то, что в эфире они работали уже открытым текстом, связываясь со своими командирами, находившимися в горах.

— Я Лорд, со мной семьдесят человек. Нахожусь в школе. Собаки³ планируют зачистку. Что мне делать?

— Свяжись со старейшинами, пусть сдадут мужикам³ двадцать автоматов.

— Где я их возьму? У нас нет оружия.

— Пусть старейшины сдадут свои, у них найдутся. Пусть сделают все, чтобы не было зачистки.

Закан-Юрт так никто и не блокировал, и боевики, собравшись на третий день все вместе, стали отходить в Самашкинский лес.

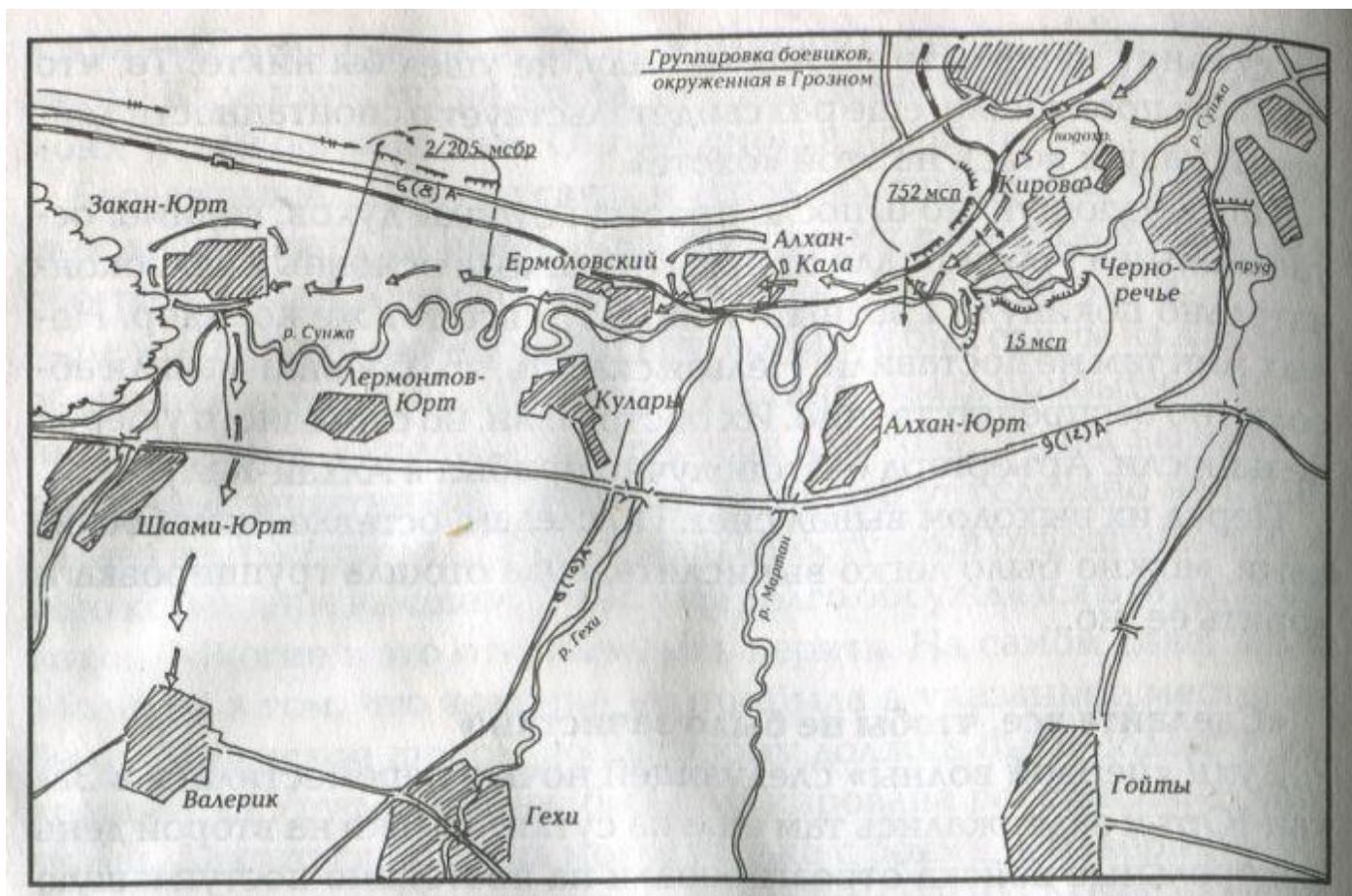

Схема 16. Выход боевиков из осажденного Грозного

Погоня

На третий день им вдогон все же бросили батальон 205 бригады, не имевший даже минометов. Против нескольких тысяч боевиков должны были воевать около трехсот российских мотострелков, действовавших не на БМП, и даже не на БТР. Батальон мчался вдогон духам на... МТЛБ (малый тягач, легко бронированный). Эта «грозная» техника имеет и такое же легкое вооружение — один 7,62-мм пулемет ПКТ. Мотострелки почти успели и... даже наблюдали отход части группировки, бредущей по огородам и дорогам в двух километрах от них. Но сунуться в зеленку, имея такое «мощное» вооружение они не могли. Артиллерия здесь уже не доставала. Единственное, на что они были способны, это — обстрелять отходящих из пулеметов. Но и те ответили автоматным огнем. На том и закончились погоня и блокирование.

В дальнейшем боевики отошли в предгорные села Шалажи и Гехи-Чу. Это, именно они, в начале марта под командованием Гелаева, сконцентрировались в Комсомольском. Читатель должен помнить, что там были довольно тяжелые бои. Их, по понятным причинам, можно было избежать. Но в январе 2000 года в Грозном было не до этого. Там праздновали победу.

1 Прошу заметить, что никого не арестовали и не судили за пособничество боевикам, а просто подразделение поставили в другое место, как не справившееся со своей задачей.

2 Духи для закрытия информации давали номера населенным пунктам в действовавшем коридоре. Первое село, это — Алхан-Кала.

3 «Собаками» и «мужиками» боевики называли российские войска. Первое — наверное, из-за того, что сами они — «волки», а второе — заимствовано из уголовного лексикона.

В. Александров, С. Козлов. Опыт - путь ошибок

О гибели роты десантников псковской дивизии в России, на-верное, знают все. Им возданы почести. Чтобы почтить их память в Псков приезжал сам Президент. Но о том, что погибло две группы специального назначения из бригады ЛенВО, и уж, тем более, при каких обстоятельствах это произошло, знают, наверняка,

немногие. А между тем, эти два события разделяет всего неделя, причем спецназовцы погибли раньше. К сожалению, в нашей стране, склонной к крайностям, «золотой середины» почти никогда не бывает. В частности, это касается и деятельности СМИ, и отношения к ней руководящих структур государства. Если в прошлую кампанию обывателя буквально заваливали информацией о войне, причем зачастую информацией искаженной и довольно тенденциозной, то в эту кампанию о войне говорят все меньше и многие факты стыдливо замалчивают, а если говорят, то только о фактах положительных или героических. Однако ничто так не учит, как опыт негативный. Отсутствие преемственности и передачи опыта недавних войн в Афганистане, Чечне, а также других вооруженных конфликтах, приводят к повторению прежних ошибок, цена у которых на любой войне — жизнь.

Наказать невиновных, наградить непричастных

После небезызвестного прорыва духов из Грозного, который наши генералы беззастенчиво назвали заранее спланированной акцией под названием «Охота на волков», нужно было кого-то наказать. Крайний у нас, как обычно, бывает исполнитель. Поэтому мотострелковый полк, через боевые порядки которого прорывалась грозненская группировка духов в январе 2000 года, в феврале бросили в горы. Полк имел задачу во взаимодействии с южной группировкой федеральных войск добить отряды под общим командованием Хаттаба. Ущелье Мартан-Чу, по которому двигался полк, находится западнее Аргунского и проходит параллельно ему. Как в Первую, так и во Вторую кампанию, группы спецназа и весьма широко применялись как обычная войсковая разведка.

Три группы были выброшены на вертолетах в районе населенного пункта Харсеной с задачей вести разведку противника и обеспечить продвижение 15 мсп. Его техника должна была двигаться по ущелью, а пехота идти по хребтам. Через двое суток, к десяти утра передовые части полка должны были выйти к позициям групп специального назначения и эвакуировать их.

Результат

Разведчики, наблюдая за селом, в ночь на вторые сутки обнаружили внутри его движение двух автомобилей КАМАЗ и ГАЗ-66. Спецназовцы скрытно выдвинулись в село и уничтожили обнаруженный транспорт. В сущности, работала только одна группа. Две других прикрывали ее действия, находясь одна на вершине горы, а другая на склоне. В случае активного противодействия боевиков, группа, находившаяся на склоне, должна была обеспечить огнем отход разведчиков, работавших в селе, и отвлечь противника на себя. В случае попытки боевиков обойти позиции спецназовцев, группа, которая находилась на вершине, прикрывала их, находясь в тылу на господствующей высоте.

Разведчики, спалив машины, отошли на позиции группы, находившейся на склоне. И те, и другие подниматься на вершину хребта просто поленились. Злую шутку с ними сыграло и то, что к 10.00 следующего утра к ним уже должна была подойти пехота. Настроение было прекрасное. Задача выполнена, да еще и результат в виде двух уничтоженных машин грел душу.

«Расслабуха» и ее плоды

Вступил в дело самый страшный враг, по имени... «расслабуха». Нет, охранение было выставлено, но все остальные сушили портянки и одежду, доедали сухпай, у кого остался, и просто «кемарили». Минометный обстрел начался внезапно. Первые же мины упали в расположение разведчиков. Опомниться им не дали. С неба падали мины еще и еще. Вот данные радиоперехвата переговоров боевиков во время того обстрела. Разговаривали, видимо, наблюдатель и огневики: «Ты «огурцы» по одному клади, экономь» — «А их нечего экономить. Они не заканчиваются».

Как потом выяснилось, разведчики уничтожили две последние машины, которые были в распоряжении Хаттаба. Его группировка в горах в результате голода и холода была доведена до отчаяния. С потерей транспорта их положение усугублялось. В село Хаттаб отправил машины для того, чтобы вывезти спрятанный там 120-мм миномет и довольно приличный (200—300 шт.) запас мин к нему. Когда машины были уничтожены разведчиками, духам, которые вычислили расположение спецназовцев, ничего не оставалось, как отплатить им «той же монетой». Мины экономить было уже бессмысленно, поскольку вывезти их было просто не на чем.

Еще не все было потеряно

Оставшиеся после минометного обстрела разведчики вышли на связь и сообщили, что у них четырнадцать убитых и большое количество раненых, которым требуется медицинская помощь. Передав это сообщение, они приступили к оказанию им помощи.

Духи, по всей видимости, это сообщение тоже приняли, по-скольку в дальнейшем, под прикрытием утреннего тумана, приблизились к расположению групп метров на триста и огнем подствольных гранатометов и автоматов, РПГ и РПО-А «Шмель» завершили уничтожение двух групп специального назначения.

Чудом оставшийся в живых разведчик рассказал, что раненых добивали подростки и... женщины. Добивали, не тратя патроны, прикладами разбивая головы.

Самое странное в этой истории то, что третья группа, которая должна была обеспечить их безопасность, осталась цела и невредима и свою задачу выполнить даже не попыталась, поскольку понятия не имела, что на самом деле происходит. Рассказывают, что у них не было связи с погибшими.

Пехота же, как это обычно случается, застряла в ущелье. Технику бросить они не решились и продолжали тягачами вытаскивать застрявшие машины. Пешком по хребтам никто на помощь разведчикам не вышел. 15-й мсп прибыл на место часам к тринадцати, когда уже все было кончено.

После драки нужно работать головой

Всегда трудно писать в сослагательном наклонении о том, что можно было сделать в ситуации, когда погибли люди. Трудно потому, что тебя там не было, да и людей не вернуть. Но делать это, наверное, все-таки нужно, дабы другие не повторяли подобных ошибок. Когда я узнал, насколько грубые ошибки были допущены командирами групп в звании капитана и старшего лейтенанта, я был крайне удивлен. В пору моей службы эта категория командиров групп, если они с самого начала служили в спецназе, была довольно опытной. Но потом понял, что всему виной — сокращение сроков прохождения службы в офицерских званиях. По сути, группами командовали еще совсем молодые офицеры.

Вот перечень ошибок, которые они допустили.

Четкое взаимодействие между группами организовано не было, связь не поддерживалась. Из-за лесистой местности разведчики обеспечивающей группы не могли видеть, что происходит внизу с их товарищами. Эту же ошибку допустил в Афганистане лейтенант О.Онишук. Ему и его бойцам она тоже стоила жизни.

Личный состав был сосредоточен, а этого делать нельзя до самой эвакуации, поскольку лучше лечить простуду из-за сырой одежды, чем уже ничего и никогда не лечить. Если бы группа занимала круговую оборону, когда разведчики находятся на позициях попарно, минометный обстрел им был бы не страшен, поскольку местность там лесистая и разлет осколков минимален. Я уже не говорю о том, что нельзя демаскировать позиции группы курением, хождением и, тем паче, разведением огня.

Группы обнаружили себя действием, однако наблюдение за противником не велось. Боевой расчет произведен не был. Если бы, даже находясь у костра, каждый разведчик знал, куда ему бежать в случае опасности, например, для того чтобы отразить нападение противника по команде наблюдателя, услышавшего хлопок выстрела миномета, группа могла бы мгновенно рассредоточиться и избежать столь тяжелых потерь. И последнее. Я понимаю растерянность командиров от столь высоких потерь после минометного обстрела, но забывать про безопасность своих бойцов на протяжении столь длительного периода нельзя. Зону минометного обстрела нужно покидать стремительно. Оставшись же на месте для оказания помощи раненым, разведчики подставились в очередной и уже в последний раз.

Эпилог

Духи же ушли по горам. Несмотря на следы, оставленные в глубоком снегу, их преследовать никто не попытался. А спустя неделю та же история повторилась с шестой ротой «скобарей». Банда Хаттаба потеряла в том бою, по разным оценкам, от двухсот до трехсот человек, но около тысячи боевиков смогли прорваться. Это был бой отчаяния. У духов не было другого выхода, как только вперед. И опять уходили они по глубокому снегу. Допустим, что авиация из-за сильного тумана летать не могла, но могла действовать пехота, должна была действовать разведка, спецназ, наконец. Они, обнаружив противника, тут же могли нанести ракетный удар, точность которого не зависит от погодных условий.

Врага, загнанного в горы, врага ослабленного, голодного и полубомороженного не добились, вопреки суворовским заветам: «Человек, любящий своих ближних, человек, ненавидящий войну, должен добить врага, чтобы вслед за одной войной не началась другая».

А она началась, эта другая, — война партизанская.

С. Козлов. Снайперы во Второй чеченской

Профи

В районе улицы Ипподромной работал снайпер, причем снайпер, что называется, «от Бога». Бил уверенно метров с пятисот-шестисот. Для снайперской стрельбы это расстояние — не маленькое. Сначала думали, что он работает в паре. Но потом, из разговоров с местными жителями, стало ясно, что он — одиночка. Его охраняла группа из пяти боевиков. Снайпер постоянно работал в маске, и лица его местные жители не видели. Но по осанке и походке можно было сделать вывод, что это мужчина. Ходил он с длинным чехлом или кейсом, где лежала винтовка. Его группа имела в своем распоряжении автомобиль «Волга», но на позиции чаще всего прибывали пешком. Работал снайпер, как правило, из полуразрушенных домов. Охрану оставлял внизу, а сам поднимался наверх и долбил. Во время стрельбы с ним рядом никого не было. Конечно, на него тоже охотились. В 245-м полку два снайпера из контрактников пытались его вычислить. Но совершенно очевидно, что уровень подготовки боевика и этих простых мужиков, решивших подзаработать на войне, был несопоставим.

Нашим парням было около тридцати — одному больше, другому меньше на пару лет. По лицу того, которому было «за тридцать» было видно, что «на гражданке» он «выпить был не дурак». Да и судя по жаргону, молодость ребята прожили бурную. Однако на войне они были трезвы и пытались учиться. А учиться было чему. То, что человек умеет хорошо стрелять, еще не означает, что он уже готовый снайпер.

Позиции у них находились на втором этаже промышленного здания. Окна комнаты они заложили шлакоблоками. Из бойниц на полметра торчали стволы их винтовок.

Духи только приехали на своей «Волге», поскольку она тут же стала возвращаться. Скорее всего, это была приманка для наших парней, на которую они тут же клюнули, открыв беглый огонь из винтовок по машине. Поскольку до «Волги» было метров шестьсот, они в нее не попали.

Наука наблюдать

В это время на позиции прибыл офицер специальной разведки, который попытался вразумить «вольных стрелков». Он им весьма доступно объяснил, что не стоит занимать позицию у бойниц в окнах. Лучше всего сесть в глубине комнаты, поставить стол и стул, а еще лучше — кресло. Удобство в этой ситуации дорогого стоит. Долгое сидение на корточках или на коленях сильно утомляет. Сектор стрельбы должен быть небольшим. Через полтора—два часа наблюдения можно сместиться в сторону, переставив кресло, и, тем самым, изменить сектор наблюдения и стрельбы. Такой способ позволяет обеспечить скрытность наблюдения и стрельбы. Звук выстрела, произведенный внутри комнаты, гасится и снаружи не слышен вообще или слышен слабо. Кроме всего прочего, разведчик им весьма популярно объяснил, для чего снайперы действуют парами. Дело тут не в том, чтобы нескучно было, и не в том, чтобы повысить плотность снайперского огня. Действуя в паре, лишь один из снайперов ведет огонь, второй наблюдает за противником и корректирует огонь. Это делается, поскольку сложно одновременно и стрелять, и наблюдать за тем, кто ведет огонь по тебе.

Двоечники

Только закончился урок по ликвидации снайперской безграмотности, и учитель вышел из дома, как раздалась сначала беспорядочная стрельба, а за ней отчетливо прозвучали подряд два выстрела со стороны противника. Из какой винтовки стрелял снайпер трудно сказать, но время между двумя выстрелами не превышало двух—трех секунд. Спустя минуту после выстрелов, оба «наследника Вильгельма Теля» стояли внизу с перепуганными физиономиями, сплошь запорошенными угольной пылью. В конце концов, из путанных рассказов этих «двоечников» стало ясно, что они, добросовестно выслушав урок, тут же его проигнорировали. Та же «Волга», видимо, снова дразня их, проехала в обратном направлении. Пехота снова открыла по ней огонь. Вместе со всеми по два-три выстрела сделали и снайперы. И тут же в ответ раздалась те самые два выстрела. Их спасло только то, что, стреляя из разных окон, они, закончив стрельбу, повернули головы друг к другу, видимо, желая поделиться впечатлениями. Пули попали в шлакоблоки, пробив их и засыпав лица горестрелков угольной пылью. В стенах за их спинами остались пулевые отметины. Посмеявшись над нерадивыми

учениками, спецназовец дал им еще пару дельных советов. Первое, не стоит умываться — лицо, засыпанное угольной пылью, лучше сливается с фоном окна. Второе — поднявшись наверх, нужно было сопоставить направление полета двух пуль и вычислить позицию снайпера. Хотя профессионал такого уровня наверняка уже покинул свою позицию.

Пуля, летящая кувырком

Вторая встреча офицера спецназа с этими контрактниками была трагической. Не успел он подъехать к дому, где спустя три дня все еще занимали позиции снайперы, как раздался мощный выстрел. Судя по звуку, стреляли из оружия крупного калибра. И тут же послышались крики: «Раненый! Скорее подгоняйте БМП!». Машину прикрыли дымами и вскоре вынесли раненого. Им оказался старший из снайперов. Белый, как смерть, но в сознании. Стали оказывать первую помощь. Вкололи два шприц-тюбика промедола, задрали свитер, а оттуда вывалился окровавленный кусок ребра, длиной 5—6 сантиметров. Пуля угодила в область печени, и из развороченной раны шла черная кровь. Любому, кто хоть чуть-чуть понимал в таких вещах, было ясно, что парень не жилец. Тем не менее, раненого успокоили, перебинтовали и, погрузив в БМП, отправили в медпункт. Спустя некоторое время, нашли и смятую пулю, которая прошла парня навылет. Это оказалась пуля калибра 14,5-мм от КПВТ, но... без следов нарезов.

Скорее всего, выстрел был произведен из какого-то самострела. Ствол для него, видимо, служила труба, подходящего диаметра. Поскольку позиции снайперы не меняли, духи видимо, решили поставить для охоты на них такой агрегат. Это подтверждается и характером ранения. Пуля, выпущенная из нарезного ствола, не сделала бы такой рваной раны. Ее могла причинить только пуля, летящая беспорядочно. Стреляли, видимо, из ближайшей девятиэтажки. Для пули патрона от КПВТ, даже летящей кувырком, пятьсот метров — нормальное расстояние...

Как рассказал оставшийся в живых, «старшой» решил сходить за водой, и только он побежал, раздался выстрел. Видимо, их оконный проем давно находился под прицелом. Судя по всему, профи не стал пачкаться об таких «лохов», решил, что с них будет достаточно и самострела, на спуск которого мог нажать любой боевик.

Описанный случай относится не к Первой, а уже ко Второй кампании. Он свидетельствует о том, что боевики и в этой кампании делали серьезную ставку на снайперов, однако...

Действие рождает противодействие

В отличие от Первой чеченской, когда снайперские группы боевиков наводили ужас на «федералов», во Второй войне им уже противостояли хорошо подготовленные снайперы российских войск. Откуда же они взялись? Во-первых, очень эффективно работали снайперы спецподразделений ФСБ. Профессионализм снайперов «Альфы» и «Вымпела» настолько превышал уровень подготовки снайперов боевиков, что это даже сыграло однажды со снайпером из управления «А» злую шутку. Преимущество в снайперских дуэлях было бесспорным, и парни расслабились. Как потом рассказывал «герой» истории, он с одной позиции сделал семь или восемь выстрелов. Рассказывая об этом, он и сам прекрасно понимал, какую грубую ошибку он совершил. Но это после «драки». А тогда просто увлекся и поленился сменить позицию. Как потом выяснилось, понеся потери среди снайперов, боевики попросили поработать на позициях того, кто у них готовил снайперов. Он-то не замедлил воспользоваться такой оплошностью. «Ашник» остался жив, но нервов это ему стоило немалых. Что положительно, в этой войне работали не только они, но и армейские снайперы. Нет, это были отнюдь не те, кого по старинке готовили на месячных сборах снайперов в частях.

Солнечногорский центр

По окончании Первой чеченской руководство вооруженными силами сделало вывод, что снайперская война была проиграна. Около полувека российские вооруженные силы не имели учебных подразделений снайперов, а вследствие этого, давно утрачен опыт их тактического применения. В войсках нет ни вооружения, отвечающего требованиям современности, ни какого-либо вообще снаряжения для войскового снайпера.

Исходя из столь плачевного положения снайпинга в российской армии, по инициативе заместителя министра обороны генерала Топорова в сентябре 1999 года в Солнечногорске была создана Школа подготовки снайперов. Для ее комплектования директивой Главкома сухопутных войск из округов в распоряжение школы должны были быть отобраны и направлены офицеры, наиболее подготовленные в вопросах снайпинга, а также те, кто занимался спортивной стрельбой, биатлоном и охотой. Однако на начальном этапе контингент в

школу был направлен весьма слабый. Войска, как обычно, просто отписались. Да и кто с легким сердцем отдаст хорошего офицера?

Но в последующем все же были отобраны достойные кандидаты, которые пошли шестимесячную подготовку, и по окончании Солнечногорской учебной роты снайперов получили специальные дипломы, которые позволяли им работать инструкторами.

Одновременно с их окончанием в Московском, Приволжском и Северокавказском военных округах были также созданы учебные роты по подготовке снайперов. Все они работают по программам, отработанным в Солнечногорске. Срок подготовки — также шесть месяцев. То, что готовить нужно именно полгода, подсказал опыт Великой Отечественной.

Оставшаяся здесь учебная рота занимается обобщением опыта, совершенствованием тактики применения и другими вопросами развития снайпинга в Российских вооруженных силах. Помимо подготовки инструкторов для других школ, Солнечногорск должен решать следующие задачи:

- отработать программы боевой подготовки снайперов для различных войсковых подразделений;
- выработать тактику применения снайперов, как одиночек и пар, так и целых снайперских групп в различных видах боя и различной местности;
- определить потребности в снайперском вооружении (это касалось как винтовок, так и прицелов, дневных и ночных);
- определить необходимое техническое оснащение снайпера (к нему относились приборы, позволяющие вести наблюдение в различных условиях, приборы определения дальности до цели, а также, необходимые средства связи);
- определить необходимое снаряжение снайпера, начиная от маскировочного костюма до средств ориентирования на местности и шанцевого инструмента.

Продолжая готовить снайперов, школа направляет повзводно своих курсантов для боевой стажировки в Чечню. Именно здесь мне и посчастливилось познакомиться с ними.

Служат в роте солдаты и сержанты срочной службы. Казалось бы, разумнее для этих целей набирать контрактников. Но опыт показал, что большой процент одного из выпусков школы, укомплектованный этим контингентом, попал при окончании контракта в криминальные структуры.

Исходя из этого, теперь набирают только «срочников». Чтобы попасть в роту, нужно пройти весьма серьезный отбор. Несмотря на свою молодость, парни эти весьма профессионально делают свою работу.

Обучение и обеспечение

Как они рассказали, их «готовили для фиксированной ликвидации и действий в составе пары или пары пар». Выполнение таких задач, помимо отличной стрельбы, требует уверенных навыков в топографии, четкого взаимодействия в паре, а также довольно высокой самостоятельности. Самое же главное в этом — отработанная и грамотная тактика действий.

Помимо всего прочего, снайперов готовят и по минно-подрывному делу для того, чтобы они могли уверенно использовать МВЗ при выполнении задачи и при обеспечении отхода с позиции. Каждый снайпер умеет пользоваться средствами связи, а также приборами наблюдения и определения дальности. Для определения дальности на группу снайперов имеется один ЛПР. Этого, конечно, недостаточно. Дальномер нужен в каждую пару. Есть и ночные прицелы, и приборы наблюдения.

Вооружены армейские снайперы 7,62-мм винтовками СВД и 12,7-мм В-94 «Взломщик». Это оружие, безусловно, нельзя сравнить с SM и AW Купера, которыми вооружены «Ашники» и «Вэшники».

Костюмы, чаще всего, используются кустарного изготовления. Каждый шьет себе сам. Гримы, правда, хорошие — НАТОвские. Они не так текут, как наши. Зимой ребята надевают шапочки и маски, на руки перчатки.

Для связи используются радиостанции с закрытым каналом связи... При выполнении индивидуальной задачи каждая пара радиофицируется. При организации взаимодействия в паре или группе снайперы чаще всего используют язык жестов, а в эфире пользуются установленными тоновыми сигналами. Уходя на задание, снайперы частенько работают с артиллерией или пехотой. В этом случае они пользуются радиостанциями тех, с кем взаимодействуют.

В грамотных действиях курсантов я смог убедиться лично. Глядя на этих молодых ребят, невольно вспоминались соревнования снайперов спецподразделений 1999 года, в ходе которых основная масса участников (в основном офицеров и прапорщиков) показала довольно низкие тактические навыки. По сравнению с ними передо мной сидели настоящие профи.

Применение

На войне солнечногорцы с первых дней. Нередко их работа заключалась в выходе на огневую позицию, уничтожении того или иного лидера боевиков и скрытном отходе на пункт сбора. Такие действия приходилось выполнять, действуя в составе разведывательных подразделений. Ссылаясь на секретность таких акций, подробнее об этом говорить они отказались. Но кое-что они все-таки рассказали.

Саша Большой (ребята просили не раскрывать их имён):

Первая наша командировка состоялась в начале ноября. Чет-ертого нас бросили под Бамут. Здесь нас придавали армейским подразделениям для поддержки. Работали на передке.

Против нас работала снайпер-женщина. Я ее долго вычислял. И однажды, когда она меняла позицию, я ее достал. Расстояние до нее было почти километр. СВД на таком расстоянии не эффективна, но для моей В-94 это нормально. Перебежав, она спряталась за дерево, но в тринадцатикратный прицел я отчетливо видел ее круп, торчащий из-за дерева. Снял первым же выстрелом. Пуля, попав, оторвала ей ногу. Крик ее слышен был и за километр. Потом разведчики спустились и ее добились.

Саша Маленький**:

30 ноября три пары выехали на позиции под Бамут. Выезжали через Аршты на позиции пехоты. Дорога была старая, по ней почти никто не ездил с прошлой кампании. Так вот, на ней в первый день подорвалась БМП, на следующий день почти в том же месте танк. А еще через сутки снова БМП. Когда саперы проверили дорогу, то сняли еще тринадцать фугасов.

Под Бамутом действовали с разведчиками пехоты. Выходили за передний край. Разведчики доводили нас до рубежа, где мы занимали позиции, а сами шли дальше на разведку. Но в сам Бамут они не совались, работали на окраине. Потом они возвращались, а мы оставались на сутки или на двое. Вели наблюдение. Днем движения почти никакого не было. Ночью духи действовали более активно. Их разведчики подползали к позициям пехоты, но мы себя раскрывать не имели права. В сумерках выходили на окраину Бамута и отстреливали боевиков у мечети. Также работали против снайперских групп. Их снайперы, как правило, действовали под прикрытием четырех-пяти человек. Как только в этой группе появлялся хотя бы один раненый, они применяли, видимо, давно отработанную тактику. Все оставшиеся в живых открывали интенсивный огонь, после чего хватили убитого или раненого и стремительно отходили, не вступая в бой. На все они тратили считанные секунды.

Потери и новые задачи

Не обошлось без потерь. Во время рекогносцировки под минометным обстрелом погибли командир роты, один лейтенант и Герой России полковник Касьянов, который преподавал разведку. Касьянов был еще некоторое время жив. Но «вертушка» никак не могла приземлиться из-за сильного тумана.

Потом их перебросили под Алхан-Калу. Через некоторое время снайперы вернулись в Москву, но отдых был коротким. Через две недели снова бросили под Грозный. Здесь их разделили на две группы. Одна группа шла в составе 276-го полка, наступавшего с севера. Вторая группа, которой командовал новый ротный, наступала с юга в составе 752-го полка. Задачи были в основном, по обеспечению их действий.

«Дэн»:

В январе работали парой в Заводском районе Грозного напротив стадиона. Стемнело. Мы выходили на позицию. По дороге был старый капонир от БМП. Вдруг смотрю — Макс пропал. Пригляделся, а он мне уже из капонира машет «Ложись!». Оказывается, пока мы шли, внизу «чех» пробежал. Включил я ночник и стал наблюдать. И вижу: пятеро арабов в повязках. Макса навел. Он одного завалить успел. Остальные сразу же, как уже рассказывали, стали бить из всего. Убитого схватили и моментально в темноте растворились. Самое интересное, что ушли они по тропе в зеленке, где все было заминировано растяжками. Утром ни одной растяжки не нашли. Как они их в темноте снимают, непонятно.

Однажды работали в Черноречье, в районе отметок 398 и 264. Удалось взять пленных чеченцев. Они рассказывали, как арабы умудряются изготавливать всевозможное оружие из подручных средств. Были у них и гранатометы, сделанные из обыкновенной трубы, установленной на треноге. Стреляли выстрелами от РПГ-7.

Пожарная команда

Саша Маленький:

В этой командировке (июль 2000 года) работаем в городе, хоть это и не наш профиль. Но такой опыт тоже нужен. Интенсивность боевых выходов довольно высокая. Почти каждый день кто-то вылетает со спецназом, который работает как ДШГ (десантно-штурмовые группы), ходим в засады. О борьбе со снайперами противника в настоящее время говорить не приходится, поскольку их просто нет. Была одна группа из четырех юнцов, вооруженных СВД и автоматами. Но действовали они весьма примитивно, каждый раз, выполняя один и тот же маневр. Против них мы сработали просто, как наблюдатели и, в конце концов, накрыли группу сосредоточенным с огнем подствольных гранатометов.

По ночам часто работаем как пожарная команда. Комендант комендатуры Октябрьского района, где обстановка наиболее неблагоприятная частенько обращается за помощью. К примеру, в ночь с 27 на 28 июня 2000 года мы прибыли в расположение этой комендатуры. Поступила информация, что через арку одного из пятиэтажных зданий каждую ночь на площадь «Минутка» выходят небольшие группы боевиков. Для обеспечения их безопасности и передачи информации о том, можно двигаться или нет, боевики, как и в Афгане, использовали трассера. Задачи разведки и подачи сигналов лежат на малолетках. Они, обкурившись наркоты, уже не первую ночь не давали покоя. Ночью при помощи станции ближней разведки (СБР) засекли движение боевиков. Организовали засаду, но она не удалась. Боевиков в эту ночь не было. Очевидно, что нас сдали. Для того, чтобы перекрыть проход боевикам, мы взорвали арку, заложив ящик тротила. На следующую ночь вышли на 61-й блокпост и, когда СБР отметила движение, открыли огонь. Били не только снайперы. В результате массированного огня стрелкового оружия и РПГ, боевиков потрепали здорово. То, что у них были покойники, подтверждали следы крови и то, что почти сразу их стали отпевать. Недели три никто там не появлялся.

Итог

Подводя итог, можно с удовлетворением отметить явный прогресс в развитии войскового снайпинга в России. Безусловно, есть много вопросов, решить которые еще только предстоит. Это и обеспечение снайперов качественным снаряжением, и их перевооружение, и оснащение необходимой техникой. Но главное, что есть люди, создавшие школу в широком понимании. При этом использован опыт Великой Отечественной, Афгана и Чечни. Отработана тактика действий снайперов. Изменена штатная структура мотострелковых подразделений. Например, в 42-й мотострелковой дивизии в каждой роте создано штатное отделение снайперов. Теперь главное — довести до сознания каждого командира роты, что снайперы — это бойцы высочайшей квалификации. Чтобы она совершенствовалась, им необходимо уделять особое внимание, а не заставлять вместе со всеми копать ямы. Наличие ювелирного инструмента в руках человека не означает, что он сможет изготовить шедевр. Необходимо учить командиров мотострелковых подразделений правильному применению снайперов на поле боя. Работы в этом направлении — немало, но дорогу осилит идущий.

Д.В. Лимонов, И.В. Сирица. Возмездие

Часть III. ОХОТА ЗА «ТИТАНИКОМ»

...Закончив писать и отодвинув от себя листки с ручкой, Саид тихо сказал:

— Это все. Теперь делайте со мной что хотите.... Он был слаб и разбит. Болели старые раны. Постоянное сидение в холодных и сырых окопах подорвало здоровье. Денег на жизнь взять было негде. Радуев в годы перемирия о своем помощнике не вспоминал, хотя Саид нуждался в помощи. Умерла мать из-за отсутствия лекарств. Дом обветшал, работы в условиях изоляции от России не было. Многие из знакомых Саида промышляли, угоняя скот из приграничных районов, некоторые воровали людей.

— Разве мы воевали ради этого? — задавал он сам себе вопрос.

Чувствуя себя обманутым, Саид с интересом слушал рассказы отца о жизни во времена Союза.

Когда началась антитеррористическая операция на территории Чеченской республики, Саид снова примкнул к Радуеву, но не по идейным соображениям, а испугавшись российских войск. В боевых действиях участия не принимал. Находился в горах вместе с Радуевым, нес охрану. Когда закончилась провизия и в Шелковском районе стало достаточно спокойно, решил вернуться домой отдохнуть, где и был задержан специальной группой ФСБ.

— Нет, теперь это уже другая война. Странная... На прошлой войне воевал весь народ, была идея и вера в независимую и свободную Чечню. Теперь воевать не за что. Я хочу, чтобы все быстрее закончилось. Хочу жить мирной жизнью.

- Ладно, Саид, мы тебе поможем. Но есть одно дело, в котором нам без твоей помощи не обойтись, — офицер ФСБ внимательно посмотрел в глаза Саиду.

*

Многие помнят горечь и сожаление когда федеральные силы уходили из Чеченской Республики в 1996 году. Уже тогда было ясно: возвращение неизбежно, и к нему надо готовиться. За три относительно мирных года на Чечню была накинута агентурная сеть, позволявшая получать достоверную информацию обо всем, что там происходит. Поэтому Вторая чеченская кампания была продуманна и удачна. После занятия вооруженными силами того или иного района в нем создавалась военная комендатура, временный отдел внутренних дел, отдел ФСБ и другие необходимые службы, которые после формирования приступали к строительству мирной жизни.

Перед Управлением ФСБ по Чеченской Республике стояло много задач, одна из которых заключалась в добывании информации местонахождении лидеров сепаратистов и главарей бандформирований, а также их поимке или уничтожении. Но, несмотря на удачное продвижение Вооруженных сил, ни один значимый террорист пойман не был. Москва требовала информацию и ее реализацию. Требовал ее и начальник Управления от начальников отделов, а те в свою очередь от своих оперативных сотрудников.

Подобраться к чеченским главарям было крайне сложно. Чужих людей они возле себя не терпят — только родственники и люди из своего тейпа, доказавшие преданность кровавыми делами. Деньги из-за границы на свои акции они получают от мусульманских организаций, тесно связанных с террористами во всем мире. По этому направлению к ним доступа тоже нет. Кроме того, своя агентура и безжалостная кара любому, при малейшем подозрении в измене, крайне затрудняют работу.

Если Басаев и Хаттаб были пока не достигаемы, то к Радуге небольшая зацепка была. В отличие от первой войны, у него не было денег. Похоже, мусульманские организации не слишком доверяли бывшему комсомольскому активисту. А без денег «армия Радуге» начала разбегаться. Ее финансист совершенно неожиданно засветился в Москве в поисках денег, и Департамент по борьбе с терроризмом ФСБ России установил за ним наблюдение. Постепенно вырисовывались каналы получения денег, банки, через которые они проходят, и счета, на которых они оседают. Все пути вели за границу в один из швейцарских банков. Это было интересно, но пока малоприспособно для захвата Радуге. Тем не менее, была заброшена информация, что некая исламская организация готова финансировать деятельность Радуге, но ее представители хотели бы встретиться с ним лично, например, на территории Югославии. При встрече планировался захват террориста и его доставка в Россию. Однако Радуге от встречи отказывался, хотя помощь был готов принять.

Не обескураженные таким развитием событий, сотрудники Департамента отправились в Чечню, где к ним в помощь подключилось Управление ФСБ по Чеченской Республике. В Гудермесе решено было организовать ложное подполье, готовящее восстание против федеральных сил и захват города. В результате титанических усилий оно было создано. Боевики буквально шли в руки к чекистам, но их не трогали. Подводили к тому, что восстание должен возглавить кто-то с большим авторитетом и имеющий известность не только в Чечне, но и за ее пределами. Эта роль отводилась Радуге. Управлением ФСБ по Чеченской Республике целенаправленно вбрасывалась дезинформация об ожидаемом нападении Радуге на город. Все федеральные силы приводились в повышенную боевую готовность, даже сотрудникам ФСБ, не посвященным в детали операции, не доводилось, что эта информация ложная. В целом, кроме основной задачи — доведение информации до Радуге и его банды, мероприятие давало и побочный, положительный эффект — повышало боеготовность войск, что в условиях ведения боевых действий было совсем не лишним.

*

Полковник Симонов и его подчиненный, майор Рахин, два года назад, перешедший служить из спецподразделения ГРУ в Департамент по борьбе с терроризмом ФСБ России, валились с ног от усталости. Месяцы напряженной работы, огромные средства, затраченные на подготовку операции — все это могло пойти насмарку. Кроме того, подвергалась опасности жизнь многих агентов, изображавших подполье, а создание на территории одного из европейских государств «исламской организации» могло привести к

международному скандалу. Во всей схеме не хватало надежного человека, который бы точно сообщил, что Радуев выполз из своей берлоги, и показал бы его местонахождение.

Неожиданно пришло сообщение о задержании в Шелковском районе человека из банды Радуева.

— Возможно, это наш шанс найти недостающее звено! — сказал Симонов Рахину. — Срочно поезжай в Шелковскую и пообщайся с задержанным. У вас с ним много общего по прошлой войне, тебе и карты в руки. Заодно определись на предмет его возможной вербовки.

- Командир, даже если для этого от меня потребуется сделать самому себе обрезание, я сделаю это! — пошутил в ответ Рахин.

Вернулся он через несколько дней, довольный проведенной работой.

- Могу доложить, что задержанный в Шелковской Саид Оздаев действительно находится в довольно близких отношениях с Радуевым. Более того, он из тейпа «Гордали», как и «Титаник» (Такое прозвище Салман Радуев получил в связи со слухами о том, что в ходе операции ему была вставлена в череп титановая пластина на место удаленных костных осколков). На контакт идет охотно, считаю целесообразным провести проверку на оперативных поручениях и вербовку Оздаева как агента. Полагаю, что будет целесообразней, если этим займется Аслан. Ему как чеченцу будет психологически легче войти с ним в контакт.

Прошло две недели, как Саид был выпущен из изолятора. Он добросовестно выполнял все даваемые Асланом поручения, обучаясь агентурной работе и исправно выходя на связь. Аслан, как опытный оперативник, понимал, что опасно доверять человеку, который долгое время был в окружении Радуева, но та искренность и открытость, с которой Саид относился к этой работе, заставляла проникнуться симпатией к нему. Было только не совсем понятно, как он мог все это время находиться рядом с «Титаником». Все проверки подтверждали, что Саид исправно выполняет порученное, и ему можно доверять.

Саид об этом не думал, ему нравилось находиться вместе с Асланом. Тот всегда мог грамотно и доходчиво объяснить любой вопрос. После общения с ним в голове была ясность и спокойствие. Такое же доверие внушал и Рахин: он должен был ненавидеть Саида как врага, но этого не было. Наоборот, ровное дружелюбное отношение вызывало симпатию. К тому же, как любой чеченец, Саид уважал силу, а в этих людях чувствовалась духовная и физическая сила, плюс к этому и сила спецслужбы, которую они представляют.

Через неделю, снабженный специальным передатчиком, вмонтированным в кассетную магнитоу, и радиомаяками, Саид отправился в горы к Радуеву.

*

— Надо начинать операцию, дальнейшее промедление нецелесообразно, — докладывал на Лубянке Симонов.

— А что ваш агент? На связь не выходит?

— Пока молчит, возможно, провалился, а может быть переметнулся на сторону бандитов. Тем более, надо спешить. В детали операции он не посвящен, а мы перекроем все предполагаемые маршруты движения Радуева. На каждом блокпосту будут сотрудники ФСБ с целью опознать «Титаника». Он не должен уйти!

— Начинайте. Но помните — Радуев нужен живой, — ответили в Москве.

Комбинация, разработанная чекистами, была запущена в действие. Деньги из «исламской организации» ушли на счет Радуева: требовалось начать восстание в самое ближайшее время. Финансист деньги получил и убыл в Чечню. Эмиссары Радуева появились на явочных квартирах «подполья». «Титаник» попал в клетку, двери которой за ним захлопнулись. В том, что он будет задержан, не сомневался никто. Вопрос только — какой кровью, ведь в окружении Радуева было около ста хорошо вооруженных и фанатично преданных боевиков.

— Как нам не хватает информации Саида, — сокрушался Аслан.

*

Оперативно-боевая группа (ОБГ) ФСБ, прикомандированная к Управлению, уже третьи сутки находилась на блокпостах, досматривая каждую машину, в которой мог находиться Радуев. Несколько раз ночью поднимали группу по тревоге, но информация оказывалась ложной. На все блокпосты раздали фоторобот Радуева. Все тропы были перекрыты силами военной разведки. Но результатов не было. Разработчики операции уже начали думать, что «Титанику» каким-то образом удалось пробраться в Гудермес и поэтому готовили полномасштабную зачистку города. Но к вечеру третьих суток на связь вышел Саид:

— «Астра», я — «Стена»! Объект в Новогрозненском, встречайте меня в запланированном месте!

— Я верил, что он не подведет! — обрадовался Аслан.

ОБГ вместе с разработчиками срочно выехала в Новогрозненский. Аслан с Рахиным отправились на «Жигулях» на встречу с Саидом.

— Аслан, а ты не боишься, что там засада? — спросил Рахин.

— Наша смерть — это вопрос времени... — философски заметил Аслан.

Засады не было. Забрав Саида в условленном месте, они отправились на ближайший блокпост, где их ожидала ОБГ.

Здесь Саид подробно рассказал, что Радугев прибыл в село на легковом автомобиле, переодевшись в женское платье. На блокпосту в таком одеянии его не узнали. Он сбрил бороду и подстригая, поэтому внешность его сильно изменилась. Вместе с ним прибыло около восьмидесяти человек из личной охраны и ближайшего окружения. Они в подавляющем большинстве вооружены автоматическим оружием, есть и гранатометы. Осела банда компактно, заняв несколько домов на одной из улиц. В небольшом одноэтажном доме остановился сам Радугев, начальник его охраны и финансист. Все остальные — в домах по соседству. Раньше Саид связаться не мог, так как постоянно находился вместе с кем-либо из боевиков. Только прибыв в Новогрозненский, он остался у родственников, где появилась возможность выйти на связь и назначить встречу.

*

Производить захват Радугева было решено ближе к утру, с началом утренней молитвы. Современные условия в Чечне были такими, что даже бывших атеистов скручивало в намазе на мусульманском коврике, лицом на восток. Можно было предположить, что Радугев в это время будет молиться — удобный момент, при котором можно застать бандитов не готовыми к отражению нападения.

Командир ОБГ подполковник Колдунов распределил своих людей на три группы. Снайперы на дальних подступах к дому прикрывают действия группы захвата, которая поделена на две подгруппы. Одна подгруппа входит на мужскую половину дома, другая — на женскую. За группой захвата шла группа блокирования, в задачу которой входило внутри двора блокировать все окна и двери, а при необходимости — поддержать огнем действия подгруппы захвата.

— На то, чтобы проникнуть во двор, нейтрализовать собак, выбить двери, захватить Радугева, его финансиста, начальника охраны и уйти — у нас 30 секунд, — довел до всех Колдунов.

Если мы не уложимся, велика вероятность ввязаться в огневой бой. С учетом численного превосходства боевиков, для нас это грозит потерями, — добавил заместитель Колдунова, майор Зурин.

— Мы уложимся! — сказал кто-то из бойцов. В глазах каждого читалась решимость выполнить поставленную перед ними задачу.

В четыре утра группа начала экипироваться: одели бронежилеты, разгрузки, на голову — черные маски и специальные титановые шлемы, которые защищают от пулевых пуль и осколков. Радиосвязь в группе доведена до каждого бойца. Теперь переговаривались в основном по радиосвязи, используя личные позывные.

Колдунов, понимая насколько опасно входить в дом, решил идти в группе захвата первым, о чем сообщил по радиостанции Зурину:

— «Таллинн», я — «Колдун»! Пойду первым. Это приказ!

Не хотелось заместителю, чтобы командир шел первым, но с приказом не поспоришь...

Время начала операции неумолимо приближалось.

— Машины вперед! — командовал в 4.55 Колдунов и два УАЗика двинулись в укрытое темнотой село. Ровно в 5.00 машины остановились в 50 метрах от дома. В это время мулла в мечети прокричал:

— Ал-л-а-а-ах акбар!

Это был сигнал к началу операции. Группы, покинув автомобили, быстро заняли свои места. Колдунов бежал первым, за ним — Зурин с остальными. Заскочив во двор, Колдунов вышиб дверь, да так, что в руке осталась дверная ручка, которую он тут же выбросил. За дверью — небольшой коридор. Здесь группа разделилась: командир со своей подгруппой забежал на мужскую половину, другая подгруппа — на женскую, где сразу же послышался визг испуганных женщин.

— На женской половине его нет!

В этот же миг Колдунов ворвался в крайнюю комнату. Здесь при свете тусклой лампы стояли на коленях, склонившись в намазе, трое мужчин. Один из них потянулся к стоявшему в углу автомату. Майор Саев перехватил ему руку и отработанным движением завернул за спину. Зурин схватил финансиста, которого Ц; видел раньше на фотографии. Самый хрупкий из чеченцев полез под диван. От волнения Колдунов даже не

почувствовал, как одной рукой выволок его из-под дивана и поднял перед собой. По всем приметам это был Салман Радиев.

— Есть «Титаник»! Отходим! — передал всем по радиостанции Колдунов.

Схватив в охапку захваченных, группа припустила к машине. Бросив чеченцев на пол машины и загрузившись сами, быстро двинулись на выезд из села. Следом за ними отправилась вторая машина, в которую загрузились снайперы и группа блокирования.

— Двадцать секунд! — удивился засекавший время по секундомеру Симонов, когда последний из состава ОБГ запрыгнул в машину. «Уазик» рванул, догоняя уже скрывшуюся из вида машину с тремя захваченными. Доехав до блокпоста, дали команду закончить комендантский час несколько раньше. Скопившиеся на блокпосту автомобили скрыли в своей массе УАЗики чекистов и позволили без происшествий добраться до границы с Дагестаном.

Все-таки небольшое сомнение у чекистов было.

— Вдруг это не Радиев? — терзался сомнениями Симонов. — уж больно не похож на «прославленного» террориста.

Через час пути молча лежавший под ногами Зурина тщедушный чеченец зашевелился и сказал по-русски:

— Отведите меня к старшему. Я хочу сделать заявление...

Поскольку группа уже находилась на территории Дагестана, машины остановили и его подвели к полковнику Симонову.

— Вы здесь старший? — спросил чеченец.

— Да, я, — ответил Симонов, внимательно всматриваясь в его лицо, похожее на маску.

— Вы разговариваете с бригадным генералом Республики Ичкерия Салманом Радиевым...

СПРАВКА

о проведении специальной операции по захвату С.Радиева

«12» марта 2000 г. согласно заданию Начальника Управления по Чеченской Республике № 15 и полученного агентурного сообщения весь личный состав оперативно-боевой группы на двух автомобилях УАЗ выдвинулся район блокпоста возле с. Новогрозненское с целью захвата С.Радиева и лиц его ближайшего окружения.

После проведения рекогносцировки, уточнения адреса возможного нахождения объекта операции и получения дополнительной информации от агентурного источника доложил руководителю операции о возможности осуществления захвата вышеуказанных лиц.

С получением разрешения на проведение операции распределил личный состав ОБГ на три подгруппы.

Первая подгруппа — четыре снайпера и два пулеметчика — осуществляют блокирование дома с задачей обеспечить безопасное проникновение групп захвата в адрес, предотвратить возможность выхода из помещения находящихся в нем лиц, в случае огневого контакта подавить огневые точки противника до выхода подгрупп захвата из зоны обстрела. Вторая подгруппа — четыре сотрудника — броском выдвигается к дому, выбивает дверь и проникает на мужскую половину с задачей захватить, а в случае сопротивления уничтожить С.Радиева и находящихся с ним и лиц. Третья подгруппа — четыре человека — проникает на женскую половину дома с целью блокирования находящихся там людей, а в случае нахождения Радиева и его подручных на женской половине их захвата или уничтожения.

В 4.55 скрытно мы выдвинулись на перекресток вблизи указанного дома и подгруппа блокирования заняла позиции. В 5.00 вторая и третья подгруппы ворвались в дом, и силами второй подгруппы были захвачены три вооруженных человека, один из которых похож на Радиева. Неожиданность появления подгрупп позволила произвести захват без применения оружия.

Одного из захваченных, похожего на Радиева, разместили в первом автомобиле, двух других — во втором.

После этого были сняты со своих позиций первая и третья подгруппы. Получив доклады командиров подгрупп о том, что все сотрудники в автотранспорте, колонной выдвинулись к административной границе с Республикой Дагестан. Время, потраченное на проведение захвата — 20 секунд. Личный состав использовал вооружение согласно штату, бронежилет «Армикс», шлем «Алтын», р/с «Стандарт».

Начальник ОБГ подполковник Е.Д.Колдунов

«4» марта 2000 г.

*

Радиев, его финансист и начальник охраны были доставлены в санаторий ФСБ «Дагестан» и после первичного допроса отправлены самолетом в Москву, где с ними сразу же начали работать следователи в Лефортово. Все каналы телевидения неоднократно показывали сюжет о первом допросе Радиева. Бывший террорист № 2

превратился в худого, испуганного заключенного и производил отталкивающее впечатление. Время от времени он жаловался, что его обижают соседи по камере. Пришло его время расплаты. В начале ноября 2001 года в Махачкале открылся судебный процесс над Радueвым и его нелюдьми. Опасаясь мести родственников людей, погибших от рук «Титаника», местные власти представили бронированные инкассационные автомобили для обеспечения безопасности и недопущения самосуда при доставках в суд боевиков. Придет время, и другие изуверы предстанут перед законом...

Все причастные к операции по захвату Радueва получили высокие государственные награды. Саид, как не совершивший тяжких преступлений, был амнистирован. Сейчас он учится в одном из российских вузов, после окончания которого мечтает вернуться работать в Чечню. Очень надеется, что к этому времени там будет мир и спокойствие.

С. Козлов. Проверка на дорогах

Зачем на трех границах шесть постов?

Дорога от Владикавказа до пограничного с Осетией Надтеречного района Чечни занимает два часа. Это если ехать на «Жигулях», а путь лежит через Кабарду и Моздок. Конечно, через Ингушетию ближе, но отнюдь не быстрее, поскольку в этой республике спецудостоверение при предъявлении сотрудникам милиции на блокпосту может скорее помешать, чем помочь. Таковы местные особенности. Это все мне объяснил сотрудник регионального отдела одной из спецслужб, который помогал мне добраться до Знаменской. Первый блокпост перед нами возник, когда кончилась территория Осетии. Милиционер на блокпосту внимательно проверил документы, улыбнулся и, отдав честь, показал жестом, что можно ехать. Мы тронулись в путь, но через несколько сот метров нас остановил другой блокпост, теперь уже кабардинский. Здесь, несмотря на предъявленное удостоверение, милиционер постарался всячески продемонстрировать, что хозяин положения все-таки он. Поэтому он задал дежурный вопрос о наличии оружия, а также о других пассажирах, находящихся в машине. Подозрительно взглянув на меня, в отличие от моих спутников одетого в камуфляж, он сурово спросил, кто я такой. Но, узнав, что журналист, сразу пропустил, даже не взглянув на редакционное удостоверение.

«Что это он?» — спросил я у Романа, сидевшего за рулем. Тот, усмехнувшись, ответил, что журналистов на блокпостах боятся больше, чем кого бы то ни было. Немного позже я узнал почему. Миновав часть Кабарды, мы снова приблизились к блокпосту и снова, как на государственной границе разных государств, а не на административной границе субъектов Российской Федерации нам предстояло преодолеть два поста. То же самое произошло и на границе с Чечней. Спрашиваю Романа: «Для чего на одной и той же административной границе два блокпоста?» Он, снова улыбнувшись, объясняет, что были попытки объединить их усилия, но не прошло и месяца, как снова вернулись к двум разным постам. Причина в том, что при их объединении становится не ясно, кому же тогда подчиняется объединенный блокпост. Но, на мой взгляд, эта проблема легко решается. Просто составляется график нарядов, согласно которому на дежурство заступают через день сотрудники милиции то одной, то другой сопредельной республики. Таким образом, освобождаются люди, которых, как всегда не хватает, ускоряется в два раза процедура преодоления административной границы и уменьшается мздоимство на постах. Однако, скорее всего именно последний факт и является камнем преткновения. Стоимость проезда через пост одной машины — пятьдесят рублей. К концу дня набегает солидная сумма, часть которой поступает вышестоящему начальству. Если сократить в два раза время дежурства, то и сумма сократится вдвое.

Роман рассказал, что когда еще не являлся сотрудником силовой структуры, он имел печальный опыт поездки в Чечню в период Первой чеченской кампании. На посту сотрудник милиции, вяло полистав паспорт, не останавливая внимания ни на одной из его страниц, сказал: «Давай пятьдесят рублей и проезжай». Когда Роман возмутился, сказав, что тот даже паспорт не посмотрел, милиционер ответил, что когда он откроет паспорт, то наверняка цена за проезд поднимется. Не имевший еще достаточного опыта преодоления милицейских кордонов, Роман решил проэкспериментировать, и скоро выяснилось, что в паспорт своевременно не вклеена очередная фотография. ГАИшник же, улыбаясь как Якубович, сказал: «Я тебе предлагал проехать за пятьдесят рублей, не заглядывая в паспорт? Теперь плати двести». К следующей поездке Роман подготовился тщательно, устранив все возможные изъяны в оформлении своего паспорта. На посту ситуация повторилась. Милиционер за проезд потребовал «полтинник», но Роман, зная, что у него все в норме, денег решил не давать. В результате документы забрали на пост и машину задержали на три с половиной часа. Причем, явно вымогая деньги, в данной ситуации сотрудники милиции закон не нарушили.

На задержание транспортного средства они имеют законное право. (А у нас еще хотели расширить властные полномочия сотрудников милиции и ГИБДД.)

Так ли на войне, как на войне?

Проехав через шесть пограничных постов, мы наконец въехали в Чечню. Здесь посты расположены на всех ключевых пунктах трассы. По оборудованным позициям, а также по выложенным на дорогу бетонным блокам, затрудняющим беспрепятственный проезд транспортного средства, по табличкам, требующим от водителя оставить автомобиль и подойти для предъявления документов, чувствовалось, что здесь ситуация намного серьезнее. Хотелось верить, что все предпринятые меры способны исключить несанкционированный проезд боевиков, да и вообще кого бы то ни было через расставленные на дорогах посты, а значит, и проникнуть, подобно Басаеву в мае девяносто пятого, в какой-нибудь очередной Буденновск. Однако скоро выяснилось, что блокпосты расположены только на асфальтированных дорогах. Двигаясь же по грунтовкам, можно совершенно беспрепятственно попасть в любую точку Чечни, да и не только. В настоящее время возобновилась тайная доставка в сопредельные с Чечней регионы «самопальных» горюче-смазочных материалов. А раз так, то и боевики запросто могут объехать имеющиеся посты. Помешать им в этом в настоящий момент некому.

Или объезжай или плати

Казалось бы ответственность тех, кто несет службу на блокпостах в Чечне, должна быть несоизмеримо выше, чем у тех, кто берет взятки за проезд через пост в России, даже не проверяя документы. Но это только так кажется. На самом деле, здесь просто повышаются тарифные ставки. Как рассказывали разведчики, организовавшие засаду в разрушенном здании в центре Грозного, когда у них кончились сигареты, они решили купить их у чеченцев, торгующих во множестве вблизи блокпостов. Оставив своим товарищам оружие и снаряжение и изобразив из себя «самовольщиков», которые удрали в город, они вышли на блокпост. Покупая сигареты, разговорились со словоохотливым ОМОНовцем. В «разгрузке» у того только в двух карманах находились магазины. Другие два были предназначены для денег. Один для «бумаги» (он был полным), а другой для мелочи. Говорливый милиционер, не стеснясь, рассказал, что за проезд берет по пятнадцать рублей с человека, если все документы в норме. И это, как он выразился, «по-Божески», мол, другие берут и больше. Разведчики задали вопрос, как быть, если документы не в порядке или их вообще нет. Постовой так же, не стеснясь, сказал, что просто ставка повышается в зависимости от сложности случая.

Кто больше отстегнет, тот и свой

Это означает, что через такой блокпост может проехать хоть сам Хаттаб, только денежки заплати. Защитник блокпоста признался, что службой он доволен, поскольку в разные дни удастся собрать от двадцати до тридцати тысяч рублей. Эти деньги стоят любого риска.

Историю, рассказанную разведчиками, подтвердил один из чеченцев, который в начале Второй кампании возвращался в родной Шелковской район. Свою родину он был вынужден оставить при Масхадове, поскольку активно сотрудничал с федеральными войсками. Стоя в очереди для проезда через блокпост, он увидел, как для проверки документов подъехала машина, за рулем которой сидел один из боевиков. С этим парнем наш собеседник, назовем его Гапур, воевал до девяносто шестого года. Радость, что сейчас этого «душегуба» арестуют наполнила душу. Однако она была преждевременной. Боевик вручил ОМОНовцу зеленую бумажку с портретом президента США Франклина и беспрепятственно миновал блокпост. Когда же очередь дошла до Гапура, его машину буквально перетряхнули. Глянув вяло в документы, милиционер поинтересовался, откуда и куда едет Гапур. Когда тот сказал, что возвращается домой после вынужденной отлучки, милиционер, пробурчав что-то вроде того, что «все чичи одним мирром мазаны», сказал: «Ну ладно, дай сколько-нибудь денег и проезжай». Гапур возмутился: «За что, ведь все документы в порядке?». Тогда милиционер ему резонно заметил, что раз он домой приехал, то теперь через этот пост будет часто ездить, поэтому лучше не портить отношения с самого начала. Гапур протянул вымогателю сто рублей. Тот скривил недовольную физиономию и поинтересовался, почему так мало? Тут уже не выдержал и возмутился Гапур. Побурчав что-то под нос, милиционер дал команду, чтобы подняли шлагбаум.

По словам знакомых сотрудников ФСБ, работающих сейчас в Чечне, незадолго до моего приезда ими был выявлен факт нелегального провоза боевиков через блокпосты в пустых цистернах. Боевиками через

посредников при содействии милиционеров был отлажен целый канал нелегального передвижения. В настоящее время ведется следствие, поэтому в интересах его я не указываю ни район, ни место.

Потому что достали...

Чего греха таить, даже в России из-за беззастенчивого взяточничества и вымогательства сотрудники ГИБДД, и милиции не пользуются любовью у населения. В Чечне же, где оружия и взрывчатки до сих пор более чем достаточно, участились случаи засад с использованием минно-взрывных средств именно на сотрудников этих структур.

Так в начале июля в Шелковском районе был произведен управляемый подрыв 120-миллиметрового снаряда. В результате одна из двух легковых машин, на которых ехали недавно прибывшие сотрудники ГИБДД, была разнесена в клочья. Милиционеры, находившиеся внутри, погибли, а одного из них пришлось буквально выскребать из машины. Судя по заряду, закладку делали на БМП или БТР, но увидев милицмейские машины, не пожалели фугаса, хотя им бы хватило и четырехсотграммовой шашки. Посоbничество боевикам в преодолении кордонов не спасает от терактов, поскольку «менты» для боевиков, в данном случае, не более чем инструмент, нужный на время для достижения своей цели.

Второй случай рассказали сами ГИБДДшники. Жертвой очередного управляемого фугаса в этот раз стала грузовая машина с милиционерами. Причем местные жители явно помогали в осуществлении акции. Как рассказали те, кто уцелел в результате подрыва, впереди их КАМАЗа ехал автобус. Внезапно он стал тормозить на дороге и тем самым вынудил остановиться и милицмейский грузовик. Сразу после этого автобус рванул с места, а под остановившейся машиной, в которой находились милиционеры, рванул фугас. Сотрудник ФСБ, участвовавший в разговоре, сказал, что причина кроется скорее всего в беспрецедентном взяточничестве милиции. Самое главное то, что рассказчики согласились с этой мыслью, сказав, что они теперь будут брать меньше.

Еще раз о дисциплине

Не лишним будет сказать, дисциплина на блокпостах хромает. Да иначе и быть не может, когда командир с бойцами «в доле». Как-то под вечер нам пришлось возвращаться из Грозного в Знаменскую. Торопились, чтобы успеть до начала комендантского часа. Машину периодически останавливали для проверки документов. Лица многих, подходивших для проверки, были красны не от загара, а «выхлоп», шедший от них, не позволял сомневаться в происхождении этой красноты. Один же был настолько пьян, что еле прочитал удостоверение сотрудника ФСБ. В Грозном на одном из постов, кстати, частенько обстреливаемых, милиционер всю ночь забавлялся с местной женщиной «облегченного» поведения.

Все факты мздоимства и далекое от образца поведение многих сотрудников милиции явно не способствуют установлению доверия и добрых взаимоотношений между освободителями и местным населением.

Блокпост - это важно

Нет, я ни в коем случае не собираюсь обвинить в мздоимстве и пьянстве всех подряд. Безусловно, есть подразделения добросовестно несущие службу. И уж, ни в коем случае, даже и не заикаюсь о ненужности блокпостов. Работа, которая возложена на них, безусловно необходима и совсем нелегка, если к ней относиться со всей долей ответственности. Досмотреть поток машин, проходящих через пост, и не допустить несанкционированный провоз оружия и проезд боевиков — задача архисложная. Ничего нет удивительного и в пробках, которые имеют место на блокпостах, где проверку осуществляют так, как надо. И здесь зачастую средства массовой информации оказывают нашим правоохранительным органам медвежью услугу, выискивая жареные факты и искаженно подавая их широкой публике.

Так, например, в середине июля совместная группа чеченского телевидения и ТВ-6 вела скрытую съемку скопления машин на Аргунском блокпосту, которая как раз и возникла из-за тщательно проводящегося досмотра транспортных средств. Данные же СМИ обвинили во всем сотрудников челябинского ОМОНа, несущего там службу.

Получается, что виноват тот, кто старается выполнить свою работу, как можно лучше. Видимо, именно из-за таких случаев необъективного освещения ситуации защитники блокпостов настороженно и с опаской относятся к представителям прессы.

Мне это чуть не стоило отснятой пленки, когда я на одном из постов решил заснять досмотр машин. Не помогло ни то, что я ехал в машине представителя Президента России, ни мои рассказы о том, что я снимаю

их работу для «Солдата удачи», хотя, к последнему прислушались. Все решил Господин Случай. Оказывается, на этом блокпосту служил бывший мой солдат, с которым мы воевали в Афганистане. Он рассказывал сослуживцам о том, как нас бросили вертолетчики, а спустя пару месяцев вышел номер журнала за 1995 год с моей статьей «Цена миномета». Вот этот факт и сыграл свою положительную роль. Несмотря на то, что моего бывшего подчиненного на месте не оказалось (как мне сказали, он где-то занимался разминированием), нас беспрепятственно отпустили. Хорошо, что «Солдат удачи» — весьма почитаемый и читаемый в силовых структурах журнал.

Блокпост — маленькая крепость

Контроль движения населения и транспортных средств на мятежной территории задача настолько важная, что ее трудно переоценить. Но проблемы, связанные с выполнением этой задачи, такие как борьба с мздоимством, организация быстрого и четкого досмотра транспортных средств в пунктах контроля для исключения пробок и недовольства населения, а также закрытие или хотя бы осложнение движения транспортных средств по грунтовым дорогам в объезд блокпостов необходимо решать срочно и радикально.

Необходимы срочные меры

Что необходимо, на мой взгляд, предпринять.

Первое. Силами ФСБ и других силовых ведомств, кроме МВД, осуществить массовые акции по выявлению и жестокому пресечению мздоимства. МВД в данной ситуации не сможет действовать эффективно и беспристрастно, поскольку все поборы производятся с неофициального согласия руководителей соответствующих органов. По свидетельству самих мздоимцев, для спокойной работы приходится «отстегивать наверх».

В настоящий момент чекисты относятся к этой идее без энтузиазма, считая не своей задачей и не желая обострять, и без того давнюю нелюбовь друг к другу этих двух ведомств. Как они заявляют, им эта проблема известна, но в конфликте «милиционер — местный житель» им ближе первый.

Однако суть проблемы давно уже вышла за пределы простого превышения власти сотрудниками правоохранительных органов. Продажность последних являет собой прямую угрозу безопасности России, а это самая что ни на есть задача органов государственной безопасности. Игнорирование этой проблемы может привести к трагедиям на территории России.

Второе. Руководству региональных органов внутренних дел следует улучшить организацию проведения досмотра транспорта. Для этого необходимо, в соответствии с потоком машин, требующих досмотра,

рассчитать численность личного состава на каждом конкретном блокпосту, выделяя для одновременного досмотра соответствующее количество сотрудников милиции. Для того, чтобы досматриваемые транспортные средства не создавали препятствий для других машин, целесообразно создать площадку досмотра, где бы проверялись машины. Для их оборудования привлечь технику инженерных армейских подразделений, оформив соответствующую заявку в адрес коменданта. Использовать для проверки машин собак, натасканных на поиск взрывчатых веществ, наркотиков, оружия и людей.

Следует понимать, что эта работа будет актуальна еще не один и даже не пять лет. Дай Бог разрешить чеченскую проблему хотя-бы в течение ближайшего десятилетия.

Третье. Следует максимально перекрыть наиболее активно используемые грунтовые дороги путем организации на них засад в ночное время. Эффективным средством в решении этой задачи могут быть технические средства, установленные на таких дорогах и работающие во взаимодействии со средствами огневого поражения, с наступлением комендантского часа. Просто же взять и заминировать эти дороги нельзя, поскольку по ним в разрешенное время двигаются машины, принимающие участие в уборке урожая. При наличии вертолетов, весьма полезным может быть воздушное патрулирование района.

Многие наивно полагают, что контрпартизанская борьба заключается только в «зачистках» и проведении силовых акций против боевиков. Однако это не более чем некоторые способы этой многогранной борьбы, в которой налаживание отношения с населением, а не противопоставление его вновь созданной государственной власти, осуществление контроля за перемещением населения и минимизация возможности несанкционированного движения в ночное время, кого бы то ни было, — задача не менее, а может быть, и более важная.

С. Козлов. Проблемы власти

В начале июля в Чечню прибыли недавно сформированные комендатуры. Находясь в командировке, я побывал в комендатуре Надтеречного района и Октябрьской комендатуре Грозного, которые уже отработали там две недели. О том, с какими трудностями они столкнулись, а также своими впечатлениями и размышлениями на этот счет я и хочу поделиться с читателями. К сожалению, мне не удалось попасть в Шатойскую комендатуру, но, по свидетельству комендантов, проблемы у всех одни и те же, несмотря на различную степень напряженности в подведомственных районах.

Первое, что я сделал, прибыв в Знаменское, — отправился на беседу к военному коменданту Надтеречного района полковнику Передеренко Вячеславу Васильевичу. Приятной наружности седой, но не старый полковник встретил меня радушно. Узнав же, что я — тоже в прошлом военный, стал общаться более открыто. Он рассказал, что до своей новой должности командовал танковым полком в ДальВО и даже не подозревал о том, что скоро придется принять на свои плечи такой груз ответственности.

Инструмент власти

В распоряжении комендантов — немалая военная сила. В Надтеречном районе, например, коменданту подчиняется полк внутренних войск, прибывший из Сибири.

Эмблема сибиряков — медведь. Их тут так и зовут — «медведи». Когда заходишь в расположение полка, сразу чувствуется, что это воинское подразделение, которое обосновалось здесь надолго.

Везде порядок, несмотря на то, что полк — сводный и состоит из батальонов различных подразделений внутренних войск сибирского округа. «Медведи» даже соорудили баню с очень неплохой для полевых условий парилкой. В основном они занимаются проводкой колонн через район. Но, на мой взгляд, их можно было бы более активно использовать, в частности, для организации в ночное время засад на проселочных дорогах, по которым везут «левый» бензин в Осетию и Ставрополье. Офицеры полка считают, что задачами по наведению порядка в районе должен профессионально заниматься офицер внутренних войск.

По большому счету, они, конечно, правы, но и не всякий офицер внутренних войск — профессионал в вопросах борьбы с боевиками. С перешедшими же на нелегальное положение бандитами, наверное, более эффективно можно бороться оперативными мерами. Для этого в распоряжении коменданта — районный отдел ФСБ. Кроме того, есть военный комиссариат, плюс ОМОН, несущий службу на блокпостах, и комендантская рота, численностью около ста шестидесяти человек. Однако координацией их деятельности комендант всерьез не занимался. На первых порах руки до всего не доходят. Для того, чтобы грамотно решать эту задачу, необходимо разобраться в обстановке и в специфике работы структур, о которой знаешь понаслышке. Знать же тонкости контрпартизанской борьбы на разных ее этапах коменданту просто необходимо.

Хоть и не отмечены активные действия боевиков в Надтеречном районе, но уже потянулись сомнительные личности в спокойные края. Отдохнут и снова за оружие.

И комендант, и офицеры комендатуры это прекрасно понимают. Понимают и то, что нужны какие-то меры против них, но какие, не всегда сразу сообразишь, если этим раньше никогда не занимался. Здание комендатуры и подступы к нему, конечно, укрепили, выставили посты. А дальше...

В Грозном обстановка сложнее. Комендатуру Октябрьского района частенько по ночам обстреливают. Бьют не прицельно, ведя, в основном, беспокоящий огонь. Скорее всего, это делают подростки, которым заплатили взрослые боевики и дали для этого какое-то оружие. Прекратить это не сложно. В сущности, проблема безопасности расположения комендатуры решается организацией ближнего патрулирования. Для этого от комендатуры должно выделяться несколько групп по пять—шесть человек, которым определяется маршрут и границы района патрулирования. Организуется взаимодействие, как с огневыми средствами расположения комендатуры и блокпостов, так и между патрульными группами. Двигаясь скрытно в своем районе, они должны выявлять, задерживать или уничтожать отдельных боевиков и их группы, передвигающиеся во время комендантского часа. При надобности, они же могут проводить засады. Действия эти должны иметь вид единой системы.

Рядом с расположением комендатуры базируется московский ОМОН, а далее — сводный милицейский батальон ППС из Ханты-Мансийска. Все три структуры, несмотря на то, что стоят бок о бок, практически действуют самостоятельно.

Нужны специалисты

Хорошо, что у полковника Передеренко сложились хорошие отношения с отделом ФСБ. Здесь мужики подобраны опытные. Хоть и командированные из различных управлений и отделов, но к делу относятся серьезно. Всегда подскажут и помогут. Поэтому по такому вопросу, как принятие мер, необходимых для укрепления правопорядка в районе, комендант в первую очередь советуется с ними.

Но если в Надтеречном районе коменданту есть к кому обратиться по подобным вопросам, то в Грозном комендант должен доходить до всего сам.

Уверен, что со временем и коменданты, и их подчиненные «врастут» в обстановку и будут не спрашивать совета, а ставить задачи подчиненным подразделениям. Время у них для этого есть. Как никак, прибыли на два года. Но главное — есть желание. Однако было бы лучше, если бы с вновь сформированными комендатурами специалисты по вопросам борьбы с повстанцами провели занятия по данной тематике в течение месяца—другого. Ну, сменили бы они своих предшественников чуть попозже, зато прибыли бы для выполнения задач более подготовленными.

А по большому счету, у коменданта должен быть заместитель по контрпартизанской борьбе из армейского спецназа, поскольку именно там этот вопрос наиболее изучен офицерами.

Кроме того, должен быть отдел психологической войны для влияния на сознание населения и проведения пропагандистских акций по дискредитации боевиков. Я уже не говорю о том, что в состав этого отдела должен входить штат редакции и типография, которая бы печатала местную газету на чеченском и русском языках, заполняя создавшийся информационный вакуум. В настоящее время в комендатурах этим занимается один человек — заместитель по воспитательной работе, который тоже отнюдь не дока в таких вопросах. Может быть, что-то стоит подправить в штатном расписании?

Работников финансовой службы в составе комендатуры по штату — целых семь человек. Офицеры финслужбы в перспективе будут отслеживать выплату зарплат и пенсий гражданским лицам и, само собой разумеется, производить начисление и выплаты зарплат военнослужащим. На них же со временем ляжет и ревизионная функция. Однако на конец июля, кроме выплат зарплаты сотрудникам комендатуры и личному составу комендантской роты, а также части задолженности по пенсиям, работы у них не было. На конец августа из семи штатных должностей шесть вакантны. Пока с задачами справляется и один человек, но с началом финансирования Республики федеральным центром потребуются специалисты. Не укомплектованы финансистами и другие комендатуры.

Больные места

Большая проблема комендатур — отсутствие перерегистрации местного населения. Эта ошибка была допущена в самом начале и не исправлена до сих пор. Готовясь год назад пересечь границу Чечни, руководителям контртеррористической операции необходимо было продумать комплекс мер не только

военного характера. По мере освобождения районов Чечни следовало проводить перерегистрацию населения и выдачу, например нового образца российского паспорта. Эта мера в условиях борьбы с партизанами наиглавнейшая. Она позволяет фиксировать население в районах проживания, регистрировать его перемещение, которое в условиях контрпартизанской борьбы должно быть ограничено и санкционироваться теми же комендатурами. При осуществлении этой меры комендатурам будет намного легче выявлять лиц, прибывших в их район незаконно. В таком сложном районе, как Грозный, где люди селятся на развалинах, это поможет более свободно применять оружие и минно-взрывные средства во время комендантского часа. Сейчас, не зная, где конкретно проживает население района, манипулировать этими средствами для пресечения несанкционированного движения боевиков в ночное время очень сложно и опасно. Однако не слышно, чтобы эту проблему планировали решать.

Одно из важнейших условий организации взаимодействия комендатур — наличие надежных, как закрытых, так и открытых каналов связи. Но организации связи, как правило, уделяют крайне мало внимания до той поры, пока «жареный петух» не клюнет в известное место.

В августе 1996 средства массовой информации панически сообщили, что связь с отдельными комендатурами утрачена. Я не думаю, что в то время связь была лучше, чем сейчас. А на конец июля устойчивая связь между комендатурами и без нападения боевиков отсутствовала. Полагаю, что пропала она и в тот горячий август не вдруг. Нет, конечно, существуют определенные цепочки в закрытых каналах ЗАС, по которым теоретически может связаться один корреспондент с другим. Но это — только теоретически. Дозвониться уже третьему корреспонденту практически невозможно. А открытых каналов и вовсе нет. Спрашиваю связистов, как же будет осуществляться связь в экстренном случае? Они лишь печально пожимают плечами и шутят, что, наверное, флажками или голубями.

Но все это, когда гром грянет...

Проблема проблем

Проблемы обученности, выделения материальных средств, регистрации населения, организации связи и взаимодействия — задачи безусловно важные, решать которые необходимо срочно. Но есть проблема, срочность решения которой превалирует даже над ними. Головная боль абсолютно всех комендантов — комендантские роты, имеющиеся в их ведении. Структура отдельной комендантской роты позволяет самостоятельно решать определенные задачи в интересах комендатуры. Но укомплектованы они так, что являются не помощниками, а бедой комендантов.

В ротах нет военнослужащих срочной службы. Но на войне сейчас контрактникам платят очень хорошо.

Восемьсот десять рублей в сутки составляют так называемые «боевые». В месяц это почти восемьсот долларов США — деньги весьма приличные даже в Москве, не говоря уже о Ставропольском крае, где вербовали личный состав. За такие деньги можно было набрать нормальных людей, которые бы добросовестно исполняли свои обязанности. Однако военкоматы к этой задаче отнеслись халатно.

Когда смотришь в «кирпичные» лица этого воинства создается такое впечатление, что для комплектования рот выгребли все «бомжатники» Ставрополя. В ротах служат люди, имеющие судимости, а некоторые — даже не одну. О том, что на девяносто процентов — это обыкновенная пьянь, и говорить не приходится. Те немногие, кто служит добросовестно, сами в ужасе от такого подбора их сослуживцев. Не многим лучше и офицеры.

В ротах процветает пьянство, причем с подчиненными частенько пьют и их командиры. В нетрезвом состоянии и люди, на руках у которых находится оружие и боеприпасы, причем постоянно. Ружейные комнаты не оборудованы.

Имелись неоднократные случаи открытия огня в населенном пункте. Так в Надтеречном районе пьяными бойцами комендантской роты было обстреляно расположение сводного полка внутренних войск. В Шелковском районе офицеры решили начать борьбу с несуществующими снайперами, и в результате один прострелил другому «пятую точку опоры». Причем пострадавший даже щеголяет полученным ранением перед теми, кто не знает подробностей.

И если ротные есть и плохие, и не очень плохие, то замполитов, сиречь замов по воспитательной работе, по моему, просто сбагрили из нормальных подразделений за пристрастие к «зеленому змию». Заместитель по воспитательной должен увлекать подчиненных личным примером. Поэтому стоит ли удивляться, что в ротах процветает пьянство.

Самое страшное то, что комендантские роты — подразделения, осуществляющие власть коменданта в районе. Они в первую очередь должны демонстрировать преимущество законной власти над боевиками, а получается наоборот. Местные жители, за «умы и сердца» которых должна бороться новая власть, говорят, что им нет разницы. Ушли одни бандиты, пришли другие.

Беспорядок проще не допустить, чем с ним бороться

Сложность поддержания твердой воинской дисциплины состоит еще и в том, что деньги контрактникам, как честно исполняющим свой долг, так и «не просыхающим от пьянства», «капают» одинаково. А в комендантской роте Октябрьского района случилось даже наоборот.

Как рассказали мне два рядовых, из числа добросовестных солдат, что когда пришло время первых выплат, им-то денег и не заплатили, в отличие от отъявленных нарушителей воинской дисциплины. Одного какой-то прапорщик в списки роты странным образом вписал между строк, второй тоже оказался не отданным приказом по роте. Удивительно, но до сих пор командир роты с ними даже контракт не подписал. Парни эти не скрывают, что приехали подзаработать. Однако при таком положении дел всякая охота служить пропадает даже у тех немногих, кто про себя говорит, что он «с пулей в голове» и повоевать ему «в охотку». Было бы разумно наделить командиров рот, при согласовании этой меры с комендантом района, правом лишать контрактников и офицеров «боевых» за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Однако сейчас, когда командование многих рот само погрязло в пьянстве, это может привести только к злоупотреблениям и присвоению денежных средств подчиненных.

Начать формирование рот надо было с офицеров. На должности назначать не кого попало, а наиболее дисциплинированных, поскольку все категории отдельной комендантской роты на ранг выше, чем в линейной. Командир роты — майор, и соответственно выше и все остальные должности. Деньги платят не малые. Выслуга идет день за три. Все эти стимулы могли бы привлечь достойных офицеров. А уже они должны были разъехаться по военкоматам и сами набирать себе в подразделения людей, отвечающих всем требованиям военнотружущего контрактной службы. Было бы не лишним, если бы в отборе приняли участие военные психологи. С ротой надо было провести интенсивные занятия по приведению оружия роты к нормальному бою, по одиночной подготовке, по слаживанию подразделения и по тактическому решению тех задач, которые ей предстоят. И только после этого роту вводить в Чечню и передавать в распоряжение той или иной комендатуры. Сейчас же, проверяя личные дела бойцов, работники комендатур находят явно подделанные, с липовыми послужными списками и неясной биографией. Оружие до сих пор не пристреляно. Сложилось ошибочное мнение, что контрактника готовить не надо. Мол, он и так все знает, в армии служил. Однако далеко не все, проходя «срочную», получили надлежащую подготовку. Некоторые даже не знают, как из автомата стрелять.

О том, что роты не способны в настоящий момент даже охранять самих себя, говорит такой случай. Когда «горе-воины» одной из них спяну открыли в своем расположении беспорядочную стрельбу, туда прибыли без оружия сотрудники расположенного рядом специального подразделения, численностью до десяти человек. Они перелезли через забор, отняли у стрелявших оружие, а наиболее активным надавали по шее.

Чем поможет комендант

Надтеречный район в настоящее время считается одним из наиболее благополучных. Здесь практически нет каких-либо столкновений с боевиками. Но на комендатуре лежит, пожалуй, не менее ответственная задача — налаживание нормальной жизни. А это — не просто. Начальник штаба его предшественника, бывший здесь несколько месяцев, уезжая, объявил всем местным жителям, что теперь со всеми своими бедами и заботами они могут обращаться к военному коменданту. Вот и идут люди каждый день. Хоть от войны район пострадал меньше, чем другие, но проблем хватает.

Зачастую приходят с жалобами друг на друга. И здесь нужна поистине Соломонова мудрость для того, чтобы развести враждующих, рассудить спорящих. Решить же множество бытовых и хозяйственных вопросов ни комендант, ни его подчиненные не в силах. При декларировании властных полномочий федеральный Центр комендантам не выделил никаких средств для решения проблем жителей.

На территории Знаменского находятся два лагеря беженцев.

Это — единственный район в Чечне, где есть такие лагеря. Вячеслав Васильевич говорит, что просто сердце кровью обливается, когда смотришь на людей, оставшихся без крова, без каких-либо средств к существованию. Особо нуждающимся под великим секретом комендант и его офицеры помогают, делясь своим личным имуществом. Делают это тайно, поскольку если узнают остальные, то в комендатуру ринется толпа, дать которой коменданту нечего.

У коменданта Октябрьской комендатуры Грозного полковника Евдокимова Николая Валентиновича, несмотря на более напряженную обстановку в городе, проблемы те же. Нет беженцев, но есть жители района, дома которого в основной массе разрушены. Жители приходят и просят как-то помочь.

Сложность работы с населением обусловлена еще и местными особенностями. «Восток — дело тонкое!» Вот один из примеров, который привел комендант. Приходит к нему человек и долго рассказывает, как он активно строил социализм, боролся с дудаевскими сепаратистами, ударно трудился, причем слова свои подтверждает почетными грамотами. Не сразу и поймешь, зачем он пришел. А в конце разговора посетитель дает на подпись им самим написанное распоряжение главе местной администрации от него, коменданта, о выдаче подателю сего какой-либо материальной помощи. Вот и думай, как отказать почетному ударнику коммунистического труда, чтобы не обидеть.

Утром приходит женщина из местной администрации. Она отвечает за вывоз груд щебенки, оставшейся от разрушенных зданий. Дома, которые не подлежали ремонту, а таких очень много в районе, просто подрывали саперы. Сейчас нужно расчистить площадки для возможного строительства. За техникой, за машинами идут к коменданту. А где их взять?

Вообще сложилось такое впечатление, что при создании местных комендатур многое просто не учли.

Главы администраций

Отношения военных комендантов с главами администраций районов в основном неплохие. Глава администрации Надтеречного районе Ахмед Гапурович Завгаев, брат бывшего президента Республики, вообще перебрался под крыло коменданта. Для него и его администрации выделили второй этаж здания комендатуры. Завгаев пользуется уважением и российских военных, и местных жителей. О том, что его стараниями и стараниями коменданта в районе устанавливается мир, говорит тот факт, что сыграна уже не одна свадьба. И комендант, и глава администрации там почетные гости.

Гораздо труднее мэру Грозного Мовчаеву Супьяну Адамовичу. Точные обстрелы, отдельные нападения на транспортные средства военнослужащих не способствуют нормализации обстановки. Город с юга не прикрыт, и боевики могут свободно проникать в Грозный. В личной беседе Мовчаев рассказал, что в настоящее время возлагает очень большие надежды по наведению конституционного порядка на вновь прибывшие комендатуры. В то же время он выразил недовольство тем, что на конец июля грозненским милиционерам, получившим не так давно удостоверения сотрудников милиции, до сих пор не выдано оружие. Отделения не обеспечены ни техникой, ни связью, им не оказана вообще какая-либо помощь материальными средствами. По его собственному выражению, одеты они, как бандиты. Супьян Адамович считает, что оснащение местных органов внутренних дел значительно бы ускорило наведение порядка в Грозном, поскольку они как местные жители, знают всех боевиков и пользуются большим доверием у населения.

Людей, получивших на настоящий момент удостоверения сотрудников милиции, более трехсот. При соответствующем оснащении они смогли бы стать реальной силой.

Есть мнение...

Но есть и другое мнение. Сотрудники милиции, находящиеся в командировке в Чечне, считают местных милиционеров пока профессионально непригодными. После выдачи удостоверений с ними были проведены собеседования, которые обнаружили крайне слабую подготовку вновь назначенных милиционеров. Некоторые из них утверждают, что ранее служили в милиции. Но, несмотря на это, они не знают элементарных вещей, не умеют составить протокол, да и вообще смутно представляют работу милиционера. Прикомандированные из других регионов сотрудники милиции провели с ними короткое обучение и поставили элементарные задачи своим подопечным, определив срок исполнения. Когда же срок истек, выяснилось, что ни одна из поставленных задач не выполнена. На вопрос, что делали сотрудники грозненской милиции в течение этого времени, те ответили, что ходили на работу. По их словам, задачи не были выполнены, поскольку очень сложны. Когда же был задан вопрос, какие конкретные меры предпринимались вновь испеченными сотрудниками милиции для выполнения поставленной задачи, ответ повис в воздухе. По свидетельству офицеров Ханты-Мансийского сводного батальона, они на «зачистку» Черноречья (наиболее бандитского района Грозного) отправляются, привлекая все огневые средства и технику, которые даже стараются заимствовать у соседей. Милиция Грозного прибывает на операцию на своих «жигулях», явно ничего не опасаясь.

В связи с этим имеются серьезные сомнения, не вооружим ли и не оснастим ли мы в очередной раз тех, кто потом будет стрелять нашим парням в спину.

Кому помогает Кадыров?

Опасения эти усиливаются также и поведением нового главы Чеченской Республики господина Кадырова.

В начале июля из чернокозовской тюрьмы были отпущены на свободу якобы случайно задержанные. Эту акцию демонстрировало телевидение. Однако на экраны ТВ не попал очень любопытный момент. Кадыров обратился к тем, кто должен был выйти на свободу, с вопросом, есть ли у них претензии и жалобы. Из группы освобождаемых поднялся молодой человек лет двадцати трех и очень эмоционально стал говорить с Кадыровым по-чеченски. Прокурор попросил его говорить по-русски, чтобы все поняли. И тогда освобождаемый, задрав штанину, стал показывать следы увечья на ноге, якобы нанесенные охранниками тюрьмы. Обращался он к главе Республики на «ты», без какого-либо почтения, а речь его содержала массу непечатных выражений. Этого оратора сменил такой же молодой человек, который, задрав рубашку, продемонстрировал могучий пресс и сказал, что ему «менты» сломали ребра. Очевидцы рассказывали, что при наличии такой мускулатуры ребра и ломом не сломать. Где получил травму первый, тоже не ясно, поскольку ее можно было получить и в бою. Злоба от обоих исходила такая, что казалось, будто между оскаленными зубами проскакивает электрическая искра. Одним словом — волки. И этих людей отпускали на свободу. Совершенно очевидно, что эти дудаевские выкормыши, которые ничего, кроме оружия, в руках не держали, и не подумают заниматься мирным трудом. Но самое странное было то, что сказал освобождаемым Кадыров: «Если вам не сможет помочь глава администрации, если вам не поможет комендант, обращайтесь ко мне. Я все для вас сделаю!»

Интересное заявление, не правда ли?

Что думает народ

Реакция населения на освобождение из тюрьмы этих «случайно о задержанных» была явно негативной. Жители сел Надтеречного района подходили к военным и спрашивали: «Что же вы делаете? Неужели вам недостаточно ошибок прошлой войны?». По их мнению, несмотря на довольно бодрое начало, эта война постепенно скатывается к сценарию, а, значит, и к ошибкам прошлой. Большие опасения у населения вызывает то, что российские войска, как в прошлую кампанию могут уйти из Чечни. «Если вы уйдете, мы уйдем вместе с вами», — говорят они.

Освобождение из тюрем и амнистия для боевиков, сдавших оружие, приведут к тому, что на легальном положении в довольно мирных районах окажутся целые боевые группы, которые будут действовать подпольно, используя оружие и боеприпасы, заложенные заблаговременно в тайники. О том, что народ, как всегда прав, свидетельствует тот факт, что в Шелковском районе уже отмечено действие очень грамотного подрывника, который явно действует не в одиночку. В целом, население с недоверием относится к Кадырову, проявляя больше симпатий к Гантамирову. Однако, по мнению местных жителей, разногласия Гантамирова и Кадырова — не более, чем борьба за власть.

По мнению многих, с кем пришлось разговаривать, лучше поставить во главе Республики представителя Москвы, а на все руководящие посты назначить русских. Чеченцы, заинтересованные в наведении порядка и восстановлении нормальной жизни, не доверяют своим соплеменникам именно из-за родственных связей, пронизывающих чеченское общество. К идее создать коллегиальный орган, в который бы вошли все главы тейпов, тоже относятся скептически. Они считают, что этот орган в настоящее время, когда между отдельными тейпами существует непримиримая вражда, окажется недееспособным.

Пример недееспособности

То, что недоверие к органам власти, укомплектованным местными жителями и работающим самостоятельно, имеет под собой реальную основу, косвенно подтверждают слова Супьяна Адамовича Мовчаева. На мой вопрос о работе министерства по чрезвычайным ситуациям он признал, что за четыре месяца Северо-Кавказское отделение МЧС проделало в Грозном, да и в других районах Республики колоссальную работу, однако с передачей полномочий местным органам этого министерства работа, по сути, прекратилась. Как сказал мэр Грозного: «Они еще не освоились». Лагерь беженцев в Знаменском также находится в ведении этой структуры. Но за первые три недели июля в лагерях не появился ни один местный сотрудник этого министерства, хотя проблем там, хоть отбавляй.

Расслабляться нельзя

Въезжая в Грозный рано утром 21 июля, я заметил, что ряд блокпостов пустуют. Как мне объяснили, Кадыров добился сокращения их числа. И здесь повторяется ситуация августа 1996 года.

Стоит ли говорить о том, насколько такие послабления негативно действуют на настроение жителей и на обстановку в городе в целом.

Во время моего пребывания в Грозном в районе Черноречье погиб начальник штаба комендатуры Заводского района и два его офицера. Их УАЗ был обстрелян из РПО-А «Шмель». По официальной версии, офицеры ехали на рекогносцировку нового блокпоста. На самом же деле, эта версия не выдерживает критики. Как можно выбирать место для поста Заводской комендатуры в районе Октябрьской? Можно предположить, что офицеры ехали просто искупаться в чернореченском водохранилище. Такая потеря бдительности более чем странна, поскольку по свидетельству его бывшего сослуживца, погибший начальник штаба — человек, прошедший Афганистан, и весьма грамотный офицер.

Подводя итог, хочется сказать, что, к сожалению, до сих пор руководители «на самом верху» не вполне понимают, что прекращение войны и нормализация обстановки в Чечне — это комплекс мер экономического, политического и военного характера. Все это должно быть увязано в единый план. План, который не позволял бы решать политические задачи в ущерб военным, а военные в ущерб, к примеру, экономическим. Все это должно работать в комплексе, иначе мы опять бьем растопыренными пальцами вместо того, чтобы стукнуть кулаком.

С. Козлов. Чеченские будни федеральной безопасности

Слаженный механизм

В условиях контрпартизанской борьбы, особенно в районах, где не ведется активных боевых действий, а лишь отмечается деятельность подпольных групп повстанцев, основное бремя борьбы с ними ложится на органы контрразведки и государственной безопасности. Именно они должны своевременно выявить и оперативно обезвредить любые проявления тайной деятельности боевиков.

В настоящее время в Чеченской республике нет постоянных отделов ФСБ. Как и другие, отдел Федеральной службы безопасности Надтеречного района укомплектован сотрудниками, прикомандированными из разных республик и регионов России. Но это не мешает его работе. За то недолгое время пребывания в районе и общения ребятами из этой структуры у меня сложилось впечатление об их работе, как о работе четко отлаженного механизма,

где каждый выполняет конкретную задачу, но при необходимости готов прийти на помощь товарищу. Такая машина не ломается.

Внешне размеренная, жизнь отдела не производит впечатления активной боевой работы. Даже на срочные мероприятия отдел собирается без излишней паники и суеты. Команды отдаются спокойно, без крика, но подгонять никого не надо. Подъехала машина, из здания отдела вышли вооруженные люди и куда то поехали.

Спустя некоторое время возвратились. Что тут необычного? В Чечне сейчас все с оружием и ходят, и ездят. То, что машина с сотрудниками ушла на задержание вдруг нелегально появившихся в районе боевиков, никому и в голову не придет.

Задержание

Однако это именно так. Днем в отдел от местных жителей поступила информация, что в кафе замечена компания бывших сотрудников Департамента Государственной безопасности Ичкерии. Стоит ли говорить о том, насколько опасны эти люди, до мозга костей преданные бандитскому режиму. Мешкать нельзя. Если сейчас они покинут кафе, то после ищи их по всему району. Один из заместителей начальника отдела на ходу определяет участников мероприятия и уже в машине уточняет детали предстоящего задержания. Каждый из оперативников имеет свою задачу. Начальник напоминает порядок действий в случае попытки бандитов оказать вооруженное сопротивление, а также порядок применения оружия сотрудниками отдела. Хотя это всего лишь формальность. Каждому и так ясно, что стрелять в столь людном месте можно только в случае крайней необходимости. Остается надеяться, что Господь милует, и этой необходимости не возникнет. Машина останавливается так, чтобы ее не было видно из кафе. Внешне также неторопливо, но на самом деле очень быстро и четко перекрываются все пути возможного побега. В помещение стремительно входят сотрудники отдела. Троица за столом в растерянности. Тот, кто попытался оказать сопротивление, тут же

обезврежен. В глазах боевиков, скованных наручниками, недоумение и испуг. Для них все кончено. Но работа оперативников еще только начинается. Впереди долгие и нудные допросы, в ходе которых задержанные будут пытаться доказать свою абсолютную невиновность и непричастность к печально известному департаменту.

За кого ты, прокурор?

Кстати, ждали сотрудников и долгие объяснения с военными юристами. Дело в том, что один из трех задержанных оказался главой администрации какого-то села. Как он оказался в столь «приятной» компании остается загадкой. Но пожаловаться в прокуратуру на грубое обращение с ним он не забыл. В результате один из заместителей отдела вынужден был давать письменные объяснения прокурору по поводу случившегося. То, что при задержании столь опасных преступников было весьма сложно, не подвергая опасности жизни находившихся рядом людей, выяснить, является ли в действительности один из этой компании случайным человеком, военных юристов не волнует. Довод Глеба Жеглова «Наказания без вины не бывает!» — для них не аргумент.

Слишком строгое следование букве закона военных юристов порой осложняет деятельность не только сотрудников правоохранительных органов, но и офицеров и солдат боевых подразделений. В условиях ведения боевых действий в населенных пунктах весьма сложно заставить пули облетать мирных жителей. Вот и получается, что те, кто борется с бандитами, вынуждены лавировать между их пулями и статьями законодательства, которые неукоснительно, и порой бездумно, пытаются применять законники в военной форме.

Не прячьте ваши денежки по банкам и углам

Спустя некоторое время, несколько человек, не спеша, выходят из отдела и так же, не торопясь, кладут в УАЗик «разгрузки» с боеприпасами, оружие и еще кое-какие принадлежности, которые могут пригодиться в предстоящей поездке. В этот раз у всех вид людей, решивших либо отдохнуть на природе, либо позаниматься спортом. Футболки, спортивные костюмы. В общем, ничего военного. Машина мчит в Гарогорское — место, наиболее спокойное во всем районе. По дороге, идущей в верх, между холмов, встречается кладбище. Над отдельными могилами возвышаются пики. Это знак того, что здесь покоится прах не отмщенного борца за веру. В самом начале войны такие знаки ставить опасались. Теперь же они все чаще появляются на кладбищах. «Нехороший признак», — говорит старший выездной группы.

Въезжаем в Гарагорское и останавливаемся у здания правления у «Горскнефть». Входим в здание. Мы прибыли под видом связистов, восстанавливающих телефонную связь. В руках у одного из сотрудников телефонный кабель. Оружие и боеприпасы остались в машине. На втором этаже нас ждет руководитель этой организации, которая уже возобновила добычу «черного золота» в районе и наладила его поставки на нефтеперегонные предприятия России. В коротком разговоре выясняется, что руководителю подбросили письмо, в котором некто требует от него под страхом смерти положить в специально приготовленный контейнер пять тысяч долларов США. Контейнер находится в трубе, непонятно для чего торчащей из земли, у входа в мужской туалет. «Удобства» находятся во дворе здания правления. Автор письма требует после вложения денег в контейнер и закладки его в трубу нарисовать на стене туалета знак, указывающий на то, что деньги находятся в тайнике.

Изъятие

Адресат, естественно, даже не заглядывая в трубу, обратился в органы ФСБ. Действия его, абсолютно разумны, поскольку в этой трубе может находиться не только контейнер для денег, но и хитроумное взрывное устройство. На этот счет мнения специалистов разделились. Одни считают, что тайник заминирован, другие несогласны. Спор может рассудить только практическое изъятие контейнера из тайника. Дмитрий заглядывает в трубу. Контейнер на месте. За специально изготовленное кольцо он цепляет крюк, а тонкий телефонный провод, подтверждающий легенду приезда, перебрасывает через крышу туалета. Мы все укрываемся в будто специально для этого отрытой яме. Провод натягивается. Все с напряжением ждут взрыва. Его нет. Через несколько мгновений контейнер с крыши падает на землю. Дмитрий осторожно открывает крышку. Чем черт не шутит. При наличии определенных навыков заминировать можно все, что угодно. Но, к счастью, контейнер пуст. Он представляет собой обрезок алюминиевой трубы, закрытый с обоих концов пластиковыми пробками. Одна из них снабжена кольцом для удобства изъятия. Видно, что человек постарался. «За пять тысяч баксов можно соорудить и не такое», — шутят ребята. Все возвращаются в кабинет

начальника. Здесь ему объясняют линию поведения и сообщают, что сегодня ночью контейнер вложат обратно в трубу, но к нему будет привязана сигнальная мина или еще какое-либо сигнальное средство, которое сработает, при попытке повторно извлечь контейнер. Сотрудники ФСБ договариваются с ним о связи и о том, чтобы милиционеры усилили бдительность и успели среагировать при срабатывании «сигналки». По дороге домой в машине ребята обсуждают, кто бы мог стать автором этого письма. Все сходятся на том, что это кто-то — из ближайшего окружения руководителя «Горскнепти». (Забегая вперед, скажу, что устроенная ребятами ловушка, спустя пару недель, сработала. В нее действительно попался человек из ближайшего окружения руководителя предприятия.)

«Слава нефтяникам! Целую!»

В отделе ребята наскоро перекусывают оставленным на их долю обедом, и через полчаса весь отдел, за исключением дежурных, вновь грузится в две машины. Теперь все одеты по-военному. Разгрузки, оружие — все, как положено. Помимо этого в вещмешке лежит несколько специально подготовленных удлиненных зарядов тротила. Зажигательные трубки, также заранее изготовленные, лежат отдельно. Едем подрывать не так давно обнаруженный минизавод. По правде говоря, акция в значительной степени «показушно-учебная». «Показушная» она для меня, как для журналиста, а учебная — для тех сотрудников, которые еще не имеют достаточные навыки в минно-подрывном деле. Завод этот недавно восстановили, заварив пробитую ранее дыру в корпусе, и еще не успели запустить. Под основной агрегат закладывается заряд шестьсот граммов тротила. По команде руководителя подрывных работ все отходят. Остаются только руководитель, подрывник и я, чтобы запечатлеть на пленку его действия. По команде «Огонь!» подрывник чиркает спичками о приложенную к срезу шнура спичку. Огнепроводный шнур с шипением задымил, и мы отходим. Укрывшись, все ждут взрыва. Спустя некоторое время раздается грохот. Из-за деревьев поднимается дым и столб пыли. На месте подрыва в основном агрегате зияет приличная дыра. Эту штуку восстановят нескоро. Для надежности подрывают и бак для готовых ГСМ. Один из контрразведчиков пишет на баке маркером: «Привет нефтяникам! Целую!», но не подписывается. Заряд, теперь расположенный с забивкой, выворотив приличный кусок днища, пробивает бак насквозь. Кто-то из сотрудников вспоминает, что если отъехать немного подальше, то можно обнаружить еще два завода. Причем оба активно действуют. Едем.

«Chechen oil production»

С этого момента акция перестает быть «учебно-показушной». То, что мы обнаруживаем примерно в километре от дороги, не идет ни в какое сравнение с предыдущим агрегатом. Самая натуральная цистерна примерно два метра в диаметре и метров семь-восемь длиной, под которой разведен огонь, активно действует.

Скорее всего, под ней горит нефть. Другая цистерна, предназначенная для готового продукта, почти полна. Здесь тонны три дизтоплива. Метрах в ста пятидесяти находим еще один агрегат. Этот, хоть и поменьше, но все равно весьма внушительный. И здесь

«полна коробочка» готовой «соляры». Ко второму заводу подведена газовая горелка от газопровода, проходящего недалеко. За процессом перегонки никто не следит. Во всяком случае, рядом никто не сидит. Возможно, за нами наблюдают издалека.

В районе идет уборка урожая. Топливо вполне бы пригодилось колхозникам. Но прошлый опыт говорит о том, что найденное топливо придется уничтожить, как и «самогонные» аппараты его производшие. Дело в том, что пару недель назад, найдя подобный «свечной заводик», ФСБшники передали топливо колхозникам. Но когда они уехали, в колхоз нагрянули «нефтяники» с требованием вернуть их солярку. Хуже было то, что они прихватили не только свое горючее, но и колхозное. После этого председатель отказывается от таких подарков.

К сожалению, сейчас ребята не готовы к подрыву таких мощных цистерн. Стенки их, судя по сварным швам, достигают двух-трех сантиметров, да и металл в Советском Союзе на цистерны шел весьма качественный. Все же пытаемся заложить и подорвать заряд в месте сварки в надежде на то, что шов разойдется. Но шестьсот граммов оставляют лишь вмятину с кулак величиной. Пулеметчик БЗшками стреляет в одну из цистерн, с готовой соляркой, пытаюсь зажечь ее, но только дырявит емкость. Через пулевые отверстия горючее потихоньку выливается на землю. Оставшимся зарядом подрываем цистерну с готовым топливом. Горя, оно разливается по канаве, где была установлена цистерна. Уезжаем с чувством невыполненной задачи. «В сущности, это не наша работа», — говорит один из заместителей начальника отдела. «Для того, чтобы завод прекратил свою деятельность навсегда, его надо разнести на молекулы или хотя бы рвануть так, чтобы

он стал неремонтопригодным. Но для этого необходимо большое количество ВВ, а у нас его нет, да и не предусмотрено оно никакими нормами. Столько взрывчатки есть только на армейских инженерных складах. А то, что мы делаем - это, укус комара. Смотри сам», — и он показывает рукой на такую же цистерну, лежащую рядом с колхозной ремонтной мастерской. На ее боку отчетливо видна свежая заплатка, приваренная каким-то умельцем. Причем в данный момент абсолютно невозможно доказать криминальное назначение этой емкости. «Мы рвем, они латают», — усмехнувшись, говорит мой собеседник. «Может взять в колхозе килограммов двести аммиачной селитры, да и рвануть ее с тротильным промежуточным детонатором?» — предлагаю я. «Можно и так, но это — задача милиции. У нас же нет для этого времени, поскольку этих заводов не два и не три, которые мы с тобой видели», — возражает «чекист». Разговор прекращается. Вечереет. Мы едем к заходящему солнцу, стараясь хоть в этот раз успеть на ужин. Мне же не дает покоя проблема минизаводов.

Чеченская логистика

То, что милиция самостоятельно не сможет эффективно бороться с вновь заработавшими минизаводами, ясно как Божий день. Причин для этого много, и одна из них — отсутствие специалистов минно-подрывного дела, а также взрывчатых веществ и средств взрыва. Если у ФСБ нет достаточного количества для эффективного разрушения производства суррогатного горючего, то у милиции его нет вообще. Даже ОМОНЫ, командированные в Чечню, добывают необходимые инженерные боеприпасы и ВВ у армейцев за N-е количество бутылок водки. Вторая причина, и отнюдь не маловажная, — это коррумпированность сотрудников органов внутренних дел. Как рассказывали армейские разведчики, они как-то прибыли к одному из активно действующих мини-заводов для его уничтожения, но к своему удивлению обнаружили возле него на охране бойцов одного из ОМОНов. Они объяснили там свое присутствие охраной скважины, из которой качают питьевую воду. Эта легенда не выдерживает никакой критики, поскольку в Чечне источникам воды никто не угрожает. Как показала агентура, с этим ОМОНОм была договоренность о том, что они осуществляют, так называемую «крышу», а за это имеют долю с продаж суррогатных ГСМ.

Проблема эта намного серьезнее, чем может показаться на первый взгляд.

Дело в том, что в Чечне находятся месторождения самой высококачественной в мире «голубой» нефти с самым низким содержанием парафина. Нефть залегает очень близко к поверхности и порой добывается открытым способом. Достаточно трактором вырыть небольшой котлован, и он заполнится нефтью. При высоком качестве нефти даже такое примитивное устройство, каким является минизавод (в сущности, это — большой самогонный аппарат), выдает довольно сносный семьдесят шестой бензин и такую же солянку. Сейчас уже восстановлены каналы реализации «левого» бензина и дизельного топлива, которое снова потекло в различные регионы России. Товарные потоки обращаются в финансовые и, спустя некоторое время, вновь становятся товарными. Роль товара в этом случае уже играют купленное оружие и боеприпасы, предметы снаряжения и продовольствие. На эти же денюжки оплачивается «работа» наемников, составляющих в настоящее время по разным оценкам от семидесяти до восьмидесяти процентов личного состава бандформирований, укрывшихся в горах. При таком раскладе война может идти до тех пор, пока не Иссякнут чеченские недра.

Как перекрыть нефтяной вентиль?

Мне кажется, командование группировки федеральных сил в Чечне должно отдавать себе отчет в том, насколько важна эта проблема, и предпринять все необходимое для ее решения.

Первым шагом может быть экстренное создание сводных отрядов, состоящих из взвода армейских разведчиков для поиска минизаводов и саперов, работающих под их охраной. В их состав также должен входить сотрудник милиции для того, чтобы при надобности иметь возможность проверить документы у лиц, задержанных вблизи работающих «агрегатов». Кроме того, в распоряжении отряда должен быть автозаправщик, при помощи которого «криминальное» топливо должно откачиваться и после этого доставляться в районный пункт сбора, находящийся на складе ГСМ. После оприходования изъятого топлива, оно может продаваться через пункты заправки, подведомственные коменданту, а также использоваться для других целей. Деньги, полученные от продажи такого топлива, могут быть направлены на социальные и иные нужды района. Сами же обнаруженные агрегаты силами саперов должны не выводиться из строя, а уничтожаться. Металлический лом, оставшийся от цистерн, следует вывозить в определенное место и после сбора отправлять на переплавку. Отряды эти должны быть переданы в оперативное подчинение районных органов ФСБ для работы по их информации и под их контролем во избежание всевозможных злоупотреблений.

Второй шаг, который следует предпринять даже раньше, чем первый — это организация засад на вероятных путях вывоза ГСМ в другие регионы России. Незадолго до моего отъезда в Москву сотрудники ФСБ получили информацию о топливозаправщике, двигающемся по ночам в сопровождении бронетранспортера в сторону границы с Осетией. То, что бронетранспортер принадлежит не боевикам, а какому-то подразделению, бойцы и командиры, которого вступили в преступный сговор с боевиками — очевидно. Как очевидно и то, что проданный бензин обернется пулями и гранатами, которые, в конечном итоге, полетят в недальновидных охранников.

Проблемы личной безопасности

Еще одна задача, которая лежит на сотрудниках отдела ФСБ, — это охрана первых лиц района во время их поездок за его пределы.

Как правило, это выезд на еженедельное совещание глав администраций, которое Кадыров проводит в Гудермесе по понедельникам. 24 июля 2000 года такое совещание должно было быть посвящено проблеме ваххабизма, и в связи с этим на нём должны были присутствовать и все муфтии районов. Чтобы успеть, надо выехать рано утром. Как ни уговаривали сотрудники ФСБ, отвечавшие за безопасность коменданта и главы администрации, сменить транспортное средство, Ахмед Гапурович Завгаев отказался, сказав, что все обойдется. И вот мы едем, как здесь говорят, в "Гудер". Микроавтобус действительно трудно спутать. На борту надпись: «Специальный представитель Президента Российской Федерации». Впереди идет автомобиль сопровождения. Машины поддерживают между собой постоянную радиосвязь. Маршрут выбран наиболее безопасный, но конечная его точка понятна тем, кто замыслил теракт. Проезжаем Аргун и на выезде, примерно в километре от города, нас останавливают военные. Впереди обнаружен фугас. Ждут саперов. Выходим из машины. Наши охранники зорко стерегут безопасность Завгаева и полковника Передеренко, бросая настороженные взгляды в близлежащие кусты, откуда может прозвучать роковой выстрел. Ведь при наличии фугаса на дороге логично предположить и существование засады. А где она, одному Богу известно. Постепенно за нами начинают накапливаться машины глав других администраций, также спешивших на совещание. Интересно наблюдать за тем, как каждый чиновник, наделенный властью, пробует на прочность свои права, пытаясь проехать там, где остановили остальных. Но информация о заложенном фугасе отрезвляет всех. Вот подъехал мэр Грозного С.А.Мовчаев. По количеству охраны, взявшей своего шефа в кольцо, чувствуется, что этого человека жизнь научила многому, и время глупой бравады у него прошло. Наконец, принято решение объехать злополучный фугас, и вся кавалькада устремляется обратно в Аргун и далее в объезд.

Засада

Но и здесь ждет разочарование. Впереди уже идет бой. Зачистка обнаружила засаду боевиков. На «жигуленке» провезли раненного в живот. Проверять свои полномочия у «костлявой госпожи с косой» никто не хочет, и поэтому решают переждать на Гантамировской базе в Аргунском ОМОНе.

В ожидании разговариваем с ребятами, охраняющими первых лиц района. Собственно в том, что на этом участке заложен фугас, Нет ничего удивительного. Именно здесь каждый понедельник проезжают главы администраций. Не использовать знание времени, места и объекта для совершения теракта мог только ленивый. Как показывает практика, боевики этим недостатком не страдают. Водителю, который нанес надпись на свой микроавтобус, шутя, рекомендую нарисовать и точку прицеливания для снайперов и гранатометчиков с учетом упреждения на скорость движения машины. Раз ему все равно, то хоть стреляющим будет легче целиться. Шутки эти довольно мрачные. На самом деле во избежание повторения подобных случаев нужно менять не только транспорт, на котором ездят главы администраций, а и место, и время совещаний, сообщая его сотрудникам охраны за пару часов до выезда. Для того, чтобы не подвергать жизнь своих подчиненных излишнему риску, господин Кадыров должен пойти на то, чтобы проводить совещания не только у себя в резиденции.

Спустя приблизительно час, становится ясно, что совещание сегодня сорвано и все разъезжаются по своим районам. В машине спрашиваю Ахмеда Гапуровича: «Не кажется ли вам, что фугас на дороге был установлен неслучайно? Сдается мне, что закладку сделали для террористического акта против глав администраций, а раз ехали первыми мы, то мы бы и нарвались». Но Завгаев до сих пор считает, что это — случайность. Однако когда прибываем в Знаменское, к автобусу подходит старший сотрудник ФСБ, отвечающий за его охрану. Тонем, не терпящим возражения, он говорит, что теперь надо однозначно сменить машину и задействовать

комплекс мероприятий, обеспечивающий безопасность в ходе передвижения. Глава администрации района, подумав, соглашается. Коменданта же уговаривать не надо. Он, как человек военный, прекрасно понимает степень опасности, которой подвергаются в пути и они, и ребята, их охраняющие.

Вместо эпилога

Нас ждет обед, после которого машина умчит меня в Осетию, а оттуда самолет доставит меня в Москву. Немного жалко расставаться с людьми, с которыми успел сблизиться и подружиться. Неожиданно накатывает чувство какой-то ностальгии по афганской молодости, по более чистым и простым взаимоотношениям между людьми на войне.

Я уеду, но останутся ребята, соорудившие из лестничного пролета миниспортзал, где постоянно кто-то, сопя, подтягивается на перекладине или качает пресс, стараясь поддерживать физическую форму. Останутся местные жители, которым сотрудники ФСБ искренне стараются помочь наладить нормальную мирную жизнь без бандитского беспредела.

Удачи им всем!

Июль 2000 г.

В. Александров. Шерди-Мохк

По данным воздушной разведки

Чечня. Начало ноября 2000 года. В горах по ночам уже не редки заморозки. Горный лес лишился последней пожелтевшей листвы и окутан тишиной, лишь изредка нарушаемой гулом пролетающего вертолета или ночной артиллерийской канонадой.

Летают вертолеты и ночью. Наконец-то армейская авиация получила на вооружение машины, оборудованные аппаратурой для ночных полетов и ведения разведки целей ночью. Установленный на вертолете тепловизор позволяет с высокой точностью определять координаты температурно-контрастных целей: людей, животных, автомобильной и бронетанковой техники и отапливаемых помещений (домов, палаток, землянок, шалашей и др.).

Данные воздушной и радиотехнической разведки позволили разведывательному отделу Объединенной группировки войск (сил) — ОГВ(с) на Северном Кавказе сделать вывод о наличии бандгруппы наемников, возглавляемой полевым командиром Абу-Джафаром (араб из бандформирования Э.Хаттаба), в районе населенного пункта Шерди-Мохк Ножай-Юртовского района Чеченской Республики. Командованию группировки было предложено провести спецоперацию по ликвидации банды.

На основе опыта Афгана

Разработка операции осуществлялась с использованием опыта проведения налета (захвата) подразделениями спецназа ГРУ в Афганистане в 1980-1988 годах.

Для проведения операции первоначально планировалось привлечь подразделения специального назначения, армейскую и фронтовую авиацию, а также артиллерию. Но, в конечном итоге, командованием группировки был навязан громоздкий план операции, имевший целью не только ликвидацию банды Абу-Джафара, но и проведение зачистки населенного пункта Шерди-Мохк силами сводного отряда, в состав которого входили подразделения МО, МВД и МЮ.

Замыслом операции предусматривалось блокирование района базирования бандгруппы НВФ подразделениями спецназ. В район проведения операции их доставляли вертолетами Ми-8 посадочным способом. В дальнейшем они должны были установить точное местонахождение противника и уничтожить его как огнем штатного оружия, так и путем наведения ударов артиллерии и авиации. Из-за отсутствия в группировке достаточного количества транспортно-боевых вертолетов десантирование разведывательных групп предусматривалось провести в два этапа — двумя волнами по три вертолета.

Для управления привлекаемыми для операции силами и средствами в распоряжении ее руководителя имелся телефон спутниковой связи и УКВ радиостанции, обеспечивающие надежное закрытие передаваемой информации.

Преодолеваю непредвиденные обстоятельства

10 ноября туман в районе проведения операции задержал ее начало на два часа. После десантирования первых двух групп блокирования района и третьей для ретрансляции УКВ радиосвязи в нескольких километрах от места проведения операции наблюдатели доложили об обнаружении противника на северо-западной окраине населенного пункта. Именно в этой части горного селения радиотехническая разведка запеленговала радиотелефон Абу-Джафара. Разведчики позволили боевикам беспрепятственно покинуть населенный пункт, как и предусматривалось замыслом операции. Боевые вертолеты Ми-24 и транспортно-боевая «восьмерка» с поисково-штурмовой группой на борту, согласно замыслу операции, должны были «мочить» все, что шевелится. Но, по непонятным причинам, вместо этого, они уходили за горизонт. После запроса с земли, стала ясна причина их экстренного ухода — запрет на полеты в зоне в связи с работой артиллерии.

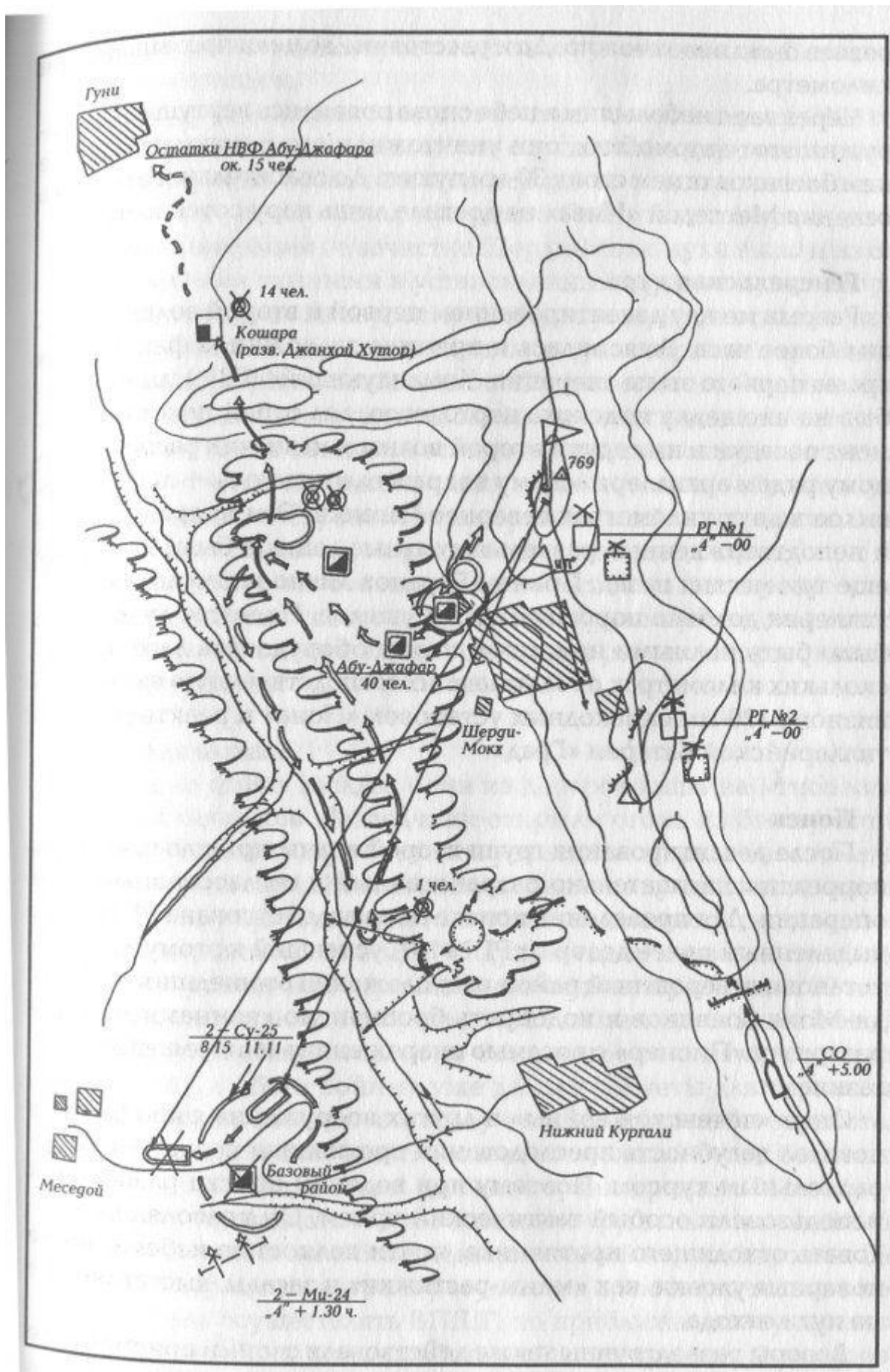

Схема 17. Операция под Шерди-Мокх

Естественно, на неопределенный период задерживалось и десантирование второй волны. В сложившейся ситуации, чтобы не потерять из виду «духов», в направлении их вероятного отхода выдвинулся дозор одной из десантировавшихся разведгрупп. На вершине хребта остались лишь расчет 12,7-мм пулемета «Утес» и

группа управления (всего 6 человек). Спустя несколько минут после того, как скрылись вертолеты, в лесу на противоположном склоне ущелья разведчики заметили по отблескам стекол автомобиль (см. схему 17). Машина выскочила из района, где, по предположению разведчиков, находился базовый лагерь боевиков. Несмотря на расстояние до автомобиля, превышающее почти в два раза прицельную дальность стрельбы «Утеса», разведчики открыли по машине огонь. К их удивлению, «Нива» остановилась, но что-либо разглядеть сквозь хоть и сбросившие листву ветки деревьев было невозможно. Да и расстояние до цели превышало три километра.

Через час с небольшим в небе снова появились вертушки. Обнаружив этот автомобиль, они уничтожили его и находившихся в нем боевиков огнем своих 30-мм пушек. До спасительного горного селения Месседой «Нива» не доехала лишь пару сотен метров.

Генеральская дурь

Разрыв между десантированием первой и второй волны составил более часа. Выяснилась и причина задержки, а фактически срыва первого этапа операции. Командующий ОГВ(с), лично прибыв на площадку подскока вертолетов, дал отбой полетам в момент посадки в них групп второй волны и назначил расположенному рядом артиллерийскому подразделению цель — лагерь боевиков в двух километрах севернее Чаганки. Эти непроверенные и неподтвержденные разведывательные данные были получены еще три месяца назад. Причем Баранов лично наблюдал, как артиллерия долбила поросшее лесом ущелье. На месте духов надо было быть полными идиотами, чтобы оборудовать лагерь в нескольких километрах от занимавших господствующую высоту дивизиона 120-мм самоходных установок «Нона» и реактивной артиллерийской батареи «Град».

Поиск

После десантирования групп второй волны пришлось вносить коррективы в тщательно разработанный и согласованный план операции. Для проведения поиска была задействована РГ №102 и выделенный ранее дозор от РГ №101, успевший к этому времени установить вероятный район расположения отошедших из Шерди-Мохк боевиков и подобрать брошенную «воинами Аллаха» разгрузку «Пионер» с восемью снаряженными автоматными магазинами.

Опыт «чеченской войны» и других вооруженных конфликтов показал пагубность преследования противника по следу или параллельным курсом. Поэтому при ведении поиска разведчики использовали особый тактический прием. Он позволял преследовать отходящего противника, почти полностью избегая такие коварные уловки, как «мины-растяжки» и засады, выставляемые по пути отхода.

Дозоры разведгрупп также действовали своими приемами, не подлежащими всеобщей огласке. Похожие приемы использовала легкая пехота Родезии для борьбы с партизанами на юге Африки.

Также они имеют некоторое сходство с русской облавной охотой на волков окладом.

Анализируя действия боевиков в летне-осенний период 2000 года, разведчики предположили, что спустя более двух часов после начала операции боевики находятся где-то рядом с населенным пунктом. Их расчет оказался верным. Посчитав, что проводится очередная операция по зачистке Шерди-Мохк, духи вышли из селения мелкими группами в установленный заранее пункт сбора, который находился на поросшем густым кустарником склоне ущелья. Медленно, но скрытно разведчики сужали район поиска, читая следы передвижения боевиков. Уйдя из селения, боевики двигались несколькими группами, самая многочисленная из которых состояла из 10—12 человек, а остальные несколько групп насчитывали по 3—7 человек. Одна из таких групп посетила заброшенную базу с блиндажом-схроном, на которой, по всей вероятности, боевики находились летом, но долго на ней не задержалась.

Надо отметить, что боевики даже не пытались маскировать следы и направление своего движения в случае преследования их «федералами», по всей видимости, делая расчет на прикрывающую отход засаду.

А засада была...

Выйдя во фланг засады, один из дозоров лишь на мгновение опередил боевиков. Разведчики открыли огонь из бесшумного оружия, но один из двух боевиков успел дать очередь из автомата. По счастливой случайности выпущенная им пуля лишь прострелила штанину брюк дозорного в области коленного сустава. Лес взорвался грохотом стрельбы. У «духов» сдали нервы, не зная, где находятся разведчики (прямая видимость не превышала 20 метров), они палили во все стороны. Не ввязываясь в ближний огневой бой, разведчики отошли на безопасное от огня артиллерии расстояние, а «боги войны» уже делали расчеты для стрельбы. Не

давая духам опомниться, сразу с началом стрельбы заработал крупнокалиберный пулемет, отсекая возможный отход боевиков вниз по склону. Надо отдать должное артиллеристам 74 омсбр — заказанные пятнадцать 152-мм осколочно-фугасных снарядов они положили точно в цель без предварительной корректировки. По замыслу операции, контроль результатов артиллеристского огня должна была осуществлять ВПШГ, но приближались сумерки, и армейская авиация уже не работала. Расчет времени был произведен верно, но разведчикам не хватало именно того времени, которое было впустую потрачено между десантированием групп. Да и утренний туман украл несколько часов. Соваться же дозорами в растревоженное осиное гнездо не имело смысла.

Сводный отряд

К этому времени к Шерди-Мохк подошла колонна сводного отряда, задержанная в ПВД (пункте временной дислокации) по той же причине, что и вертолеты второй волны. Колонна шла со скоростью двигающихся впереди ее саперов, обезвредивших по пути следования два фугаса. Еще один, управляемый по радио, фугас «духам» удалось взорвать, но никто серьезно не пострадал.

Из состава прибывшего сводного отряда было выделено две разведывательные группы с задачей — не допустить отхода боевиков из блокированного района, а отход они непременно попытаются осуществить. С наступлением темноты разведгруппы в двух местах перекрыли ущелье. Боевики нарвались таки на засаду, пытаясь выйти в базовый район, из которого днем выехала «Нива». На месте боестолкновения боевики оставили одного убитого и скрылись в ночи. Следы, оставленные боевиками, указывали, что среди них есть и раненые. Осколками ручной гранаты было легко ранено два разведчика. Спустя некоторое время после неудачной попытки боевиков выйти из окружения находящиеся на КП руководителя операции разведчики услышали злобный лай собаки. Он доносился из расположенной у подножия хребта кошары.

— На человека лает, — заключили разведчики.

— Вы что и собачий язык понимаете? — удивился экипаж БМД псковской дивизии, выставленной для охраны КП.

Их вопрос остался без ответа. Разведчики, определив координаты кошары, запросили артиллеристский огонь — «без фанатизма, всего три снаряда». Они надеялись, что снаряды не разнесут саму кошару, но отгонят от нее непрошенных гостей. Остальная часть ночи прошла спокойно.

Мастерская работа

Утром по базовому району НВФ пара штурмовиков Су-25 нанесла бомбовый удар, заказанный разведчиками в ходе проведения операции. После сопоставления всех фактов разведчики уже не сомневались, что основная база и, предположительно, полевой госпиталь боевиков, находятся именно там. На это указывали данные радиоперехвата, тепловизионной разведки. Кроме того, попытки разведчиков скрытно проникнуть в данный район вскрывались противником и встречали яростное сопротивление. Ясно было, что духи неспроста так усиленно охраняют район. И вчерашняя «Нива», и ночная попытка прорыва боевиков именно в этот район тоже указывали на это.

Авиация отработала на пять с плюсом. Высота и угол атаки летчиками были выбраны очень удачно. Даже разведчики, ожидавшие бомбоштурмовой удар, обнаружили его лишь после разрыва первых двух 250-кг бомб. Сделав три захода на цель, штурмовики накрыли цель шестью фугасными авиабомбами ФАБ-250 и, качнув крылом, приветствуя «пехоту», ушли на базу.

Результат

В ходе проведенного утром поиска противник обнаружен не был. Подтвердилась лишь общая численность бандгруппы 25-30 человек, наличие в ней раненых и возможно убитых, а также боевиков-арабов, на что указывали обрывки тетрадных листов арабско-русского разговорника. Как и следовало ожидать, зачистка Шерди-Мохк никаких существенных результатов не дала.

К 15 часам 11 ноября разведгруппы были эвакуированы вертолетами в ПВД. В докладе командованию об итогах операции сообщалось об уничтожении 7—10 боевиков, автомобиля «Нива», захвате двух РПГ-26 и оптического прицела ПСО-1, подобранных разведчиками на месте проведения засады, УКВ-радиостанции FT-8000 и шести комплектов маскировочных костюмов типа «Леший», обнаруженных в спешно брошенной боевиками базе на окраине селения. Всего разведчиками было обнаружено и заминировано два блиндажа-

схрона, один из которых, недостроенный, емкостью на 25—30 человек, располагался всего в трехстах метрах от крайних домов селения.

В ходе опроса местных жителей выяснилось, что никто из них боевиков не видел и ничего о них не слышал. И только наша гуманность не позволила уничтожить большой склад продовольствия у живших по соседству с заброшенным домом, куда перебрались с наступлением холодов «духи», стариков. Прослезившаяся старушка несмотря на то, что в доме на открытом месте были выставлены изъятые нами при осмотре дома фотографии мужчин с оружием, уверяла, что это — неизвестные ей люди. По ее словам, сотни бутылок с минеральной водой, коробки халвы и более сотни килограммов домашней колбасы — всего лишь диетическое питание для больного старика, довольно бравого на вид.

Подробности

Только через три дня разведчикам стали известны некоторые подробности операции. В районе Шерди-Мохк НВФ потеряли убитыми более 20 человек, причем большинство — арабы-наемники. Попав ночью в засаду, арабы потеряли местного боевика-чеченца и остались без проводника. В поисках дороги наткнулись на кошару. Устроив рядом с ней привал, они дождались одного из трех 152-мм осколочно-фугасных снарядов, который враз унес к Аллаху 14 моджахедов...

По месту пришелся и удар штурмовой авиации. К исходу 11 ноября на рынке в Ведено исчезли все кровезамещающие жидкости и перевязочные материалы... Можно только предполагать количество раненых и убитых, но начальство любит точные цифры, а не косвенные факты.

Выводы

Непременным требованием успешной борьбы с НВФ являются внезапность проводимых мероприятий, блокирование района действий и его изоляция с земли и с воздуха, а также незамедлительное поражение обнаруженного противника всеми имеющимися средствами. Список требований можно продолжать и продолжать, но перечисленные выше должны соблюдаться неукоснительно. 10 ноября 2000 года это и было выполнено, но:

- проводить спецоперации, по уничтожению выявленных НВФ, необходимо в более короткие сроки, максимум в течение светового дня или с переходом ночи в день;

- бандгруппы, укомплектованные по территориальному признаку, лучше ориентируются на местности.

Пользуясь ночной темнотой, даже, несмотря на известные «тройные кольца окружения», они, в большинстве случаев, хоть и с потерями, но выходят из окружения;

- спецоперации силовых структур могут проводиться на фоне каких-либо действий войск, но ни в коем случае не наоборот. «Расстрел» базы боевиков в районе Чаганки и зачистка Шерди-Мохк на фоне спецоперации — этому доказательство.

Перефразируя один из законов войны Мэрфи о том, что «Огонь своих батарей порой более губителен для войск, нежели огонь батарей неприятеля», можно сказать: «Действия своих генералов порой...».

С. Козлов. Прошло полгода...

После моей командировки в июле 2000 года прошло полгода. Изменилась ли ситуация?

Да, но отнюдь не в лучшую сторону.

Кому мешает блокпост?

Факты издоимства, описанные в статье «Проверка на дорогах», не только не прекратились, но и сопряжены в настоящее время с некоторыми особенностями, серьезно усугубляющими ситуацию. Сейчас службу на блокпостах несут и федералы, и чеченские милиционеры. Те самые, о которых рассказывали командированные из центральных районов России сотрудники милиции. Подтвердились их самые мрачные прогнозы. Многие из местных «блюстителей порядка» тесно связаны с боевиками, осевшими в Грозном.

При движении через блокпосты для встречи со своей агентурой и по другим рабочим вопросам сотрудникам спецслужб приходится предъявлять спецудостоверение. Как только это происходит, информация тут же уходит к боевикам. Вследствие этого, после проезда через блокпост данная машина либо попадает в засаду, либо подрывается на управляемой мине или фугасе. За последние месяцы таким образом российские спецслужбы потеряли немало сотрудников. Не исключено, что информацию боевикам «сливают» и сами федералы, купленные боевиками. Взятничество на блокпостах носит откровенный характер. В результате

по Чечне и, спокойно разъезжают Хаттаб и Басаев, Гелаев и Масхадов. Пропуск и пароль для них все тот же — деньги. Ситуацию иллюстрирует рассказ знакомых офицеров одной из спецслужб о том, как они проводили задержание полевого командира, перешедшего на нелегальное положение.

По информации, поступившей от агентуры, объект задержания должен был проследовать в указанное время через один из блок-постов. Группа захвата, переодетая в форму российских военных, проследовав через него, изобразила поломку и расположилась вблизи его позиций, якобы для ремонта. Свое нахождение они согласовали с командованием блокпоста, после чего его защитники перестали обращать на них внимание. Пользуясь их беспечностью, спецназовцы могли наблюдать, как беззастенчиво федералы брали взятки. По их словам, за полгода «тарифные ставки» не изменились.

В указанное агентом время на блокпосту остановилась машина с нужным человеком и, спустя несколько минут, беспрепятственно проследовала далее. Когда же в пятидесяти метрах от блокпоста машину вновь остановили для проверки документов, объект задержания, еще ничего не подозревающий, возмущенно сказал: «В чем дело? Я же уже заплатил на блокпосту!». Сотрудники спецслужбы улыбнулись и сказали, что заплатил он там, а здесь еще не платил, но — придется. Боевик сообразил, что спорить нет смысла, и попросил назвать сумму. Он был очень удивлен, когда выяснилось, что на самом деле нужны не деньги, а он сам.

Получается, что имеющиеся блокпосты осложняют жизнь лишь российским спецслужбам, а боевики по Чечне передвигаются беспрепятственно.

Упущенные возможности

Общая обстановка на январь 2001 года в Чечне по сравнению с летом прошлого года осложнилась тем, что практически все боевики перебрались в города и села Чечни. Те, кого выпускал из тюрем Кадыров летом, осели в населенных пунктах и приступили к активным действиям еще осенью.

Из-за продажности органов внутренних дел перерегистрация населения, о которой было написано выше, не имела результата. Новый российский паспорт с двуглавым орлом, который многие жители центральных регионов России, да и москвичи в том числе не могут официально получить из-за отсутствия чистых бланков паспортов в необходимом количестве, в Чечне также легко покупается, как покупается право беспрепятственного передвижения по дорогам Республики.

Население, еще полгода назад поддерживавшее федеральную власть и ожидавшее от нее конкретной помощи, не получив ее, вновь повернулись лицом к боевикам. Они являются реальной силой, от которой федералы защитить не способны. Особенно сложная обстановка в Урус-Мартане и Грозном (Урус-Мартан — родина Гантамирова, и в период активных действий войск практически не зачищался. Обстановка в Грозном, после того как Гантамиров возглавил администрацию города, стала резко ухудшаться). По оценкам российских военных, Грозный нужно брать снова. Не исключено повторение ситуации августа 1996 года. Во всяком случае, все предпосылки для этого имеются. По различным оценкам количество боевиков в Грозном колеблется от трехсот до пятисот человек.

Внедрившись в государственные структуры, боевики отслеживают тех, кто реально настроен на сотрудничество с федеральной властью. Применяя к этим людям различные меры устрашения, от обычных угроз до физического уничтожения, боевики лишают федеральный центр реальной опоры на местные органы власти. В ход идут также клевета и подлог. А то, что на данном пути боевиков ничто не остановит, подтверждает прокатившаяся по Чечне волна террористических актов, направленная на лидеров духовенства, отказывающихся от сотрудничества с ваххабитами. Прискорбно, что вновь благоприятная ситуация, сложившаяся в мятежной Республике весной и летом прошлого года благодаря усилиям военных, упущена политиками. Вновь ваххабитская зараза не уничтожена на корню.

Летом на мой вопрос одному из руководителей российских спецслужб, почему не проводятся активные действия против боевиков, находящихся в горах, он ответил, что не с кем этим заниматься. Слова его, произнесенные в центре лагеря группировки на Ханкале, звучали более чем странно. На мою просьбу прояснить о ситуации, он только махнул рукой. Было ясно, что говорить он просто не может. Но и без этого было понятно, что для того, чтобы возобновить активные действия необходимо политическое решение. Его же уже летом принимать никто не желал, поскольку снова декларировалась «полная победа над боевиками», и об этом всю трубили российские СМИ.

В тот период, да и сейчас, активно продолжают действовать в горах только спецподразделения Армии, ФСБ и МВД. Смена военного руководства и приход «к рулю» генерала Баранова вместо активных генералов:

Трошева, Шаманова и Казанцева, тоже не лучшим образом отражается на ситуации в Республике. Нерешительность в действиях военных, оглядка на политиков в Москве, заигрывание с Гантамировым и Кадыровым привели к тому, что с ними перестают считаться.

Кому помогает Гантамиров?

В середине ноября прошлого года подразделение федеральных сил проводило операцию по обезвреживанию сходки эмиров ваххабитского движения Чечни.

По тщательно собранной агентурной информации удалось установить место и время сбора главарей. Прекрасно спланированная операция позволила захватить несколько ценных пленных, а часть главарей уничтожить. К сожалению, несколько бандитов укрылись в здании и, стараясь оттянуть время, просили не стрелять. Себя они выдавали за чеченских ОМОНовцев. При попытке федералов войти в помещение, где они укрылись, те открывали огонь. Тем временем по радиостанции, имеющейся у них, ваххабиты на милицейской волне вышли на связь со сторонниками Гантамирова и вызвали их для оказания помощи.

В результате этого уже наше подразделение оказалось заблокировано как сторонниками Гантамирова, так и самыми настоящими духами, которые смешались с чеченской милицией. Прибывший Гантамиров вызвал для переговоров старшего начальника. В ^ ходе переговоров главе администрации Грозного было разъяснено, что это подразделение федеральных сил выполняющее задачу.

Для дальнейшего разъяснения ситуации вызвали военного коменданта Грозного. Но пока ждали его прибытия, Гантамиров запросил новой встречи с руководителями нашего подразделения. Когда четыре офицера приблизились к позициям чеченских милиционеров, их остановили окрики: «Стоять! Оружие на землю! Снять маски!». После выполнения этих команд офицеров обезоружили, а двоих стали жестоко избивать. Зверски избитых старших офицеров увели в неизвестном направлении. Взяв заложников, Гантамиров приказал нашим «не дергаться». Когда прибыл военный комендант, Гантамиров и его приспешники провели досмотр бронетранспортеров «федералов» и изъяли захваченные трофеи, а пленных боевиков освободили. А среди них были весьма авторитетные полевые командиры и казначей ваххабитов в Чечне приличной суммой «зеленых денег».

Один из захваченных в плен офицеров пытался бежать, когда его хотели вывезти из Грозного, и был тяжело ранен. Баранов же обеспечить безопасность выхода своего же подразделения из Старопромысловского района отказался. Выбирались на свой страх и риск. А после этого Гантамиров устроил шумиху в СМИ, сказав, что ГРУ его «заказало». Почему он решил, что это действовало ГРУ, — неизвестно. Однако он либо наивный, либо откровенно блефующий человек. Дело в том, что «заказывают» «братки». В ГРУ же, если бы приняли решение о его физическом устранении, он бы не успел бы даже позвонить домой маме, не говоря уже о заявлениях перед журналистами.

Очевидно, что данный руководитель, пойманный за руку на воровстве еще в Первую чеченскую, уже давно снюхался с боевиками и теперь использует свое служебное положение в корыстных целях. Я не удивлюсь, если узнаю, что за описанные действия Гантамирову неплохо заплатили в твердой валюте.

Откуда идет помощь бандитам

Не может не радовать, что Грузия, ранее активно помогавшая отрядам боевиков, поставляя со своих военных складов оружие и боеприпасы, заметно охладела к чеченским повстанцам. Причиной тому послужил факт расстрела боевиками с использованием ПТУР двух машин с боеприпасами, задержанных на грузинской границе, и направлявшихся первоначально к ним же.

Тем не менее, отряды наемников, воюющие в горах, пополняются новыми «дикими гусями», которые прибывают в горные районы Чечни из Азербайджана и Дагестана. Через республику, лишь год назад пережившую агрессию ваххабитов, вновь беспрепятственно двигаются в Чечню их эмиссары и бойцы будущих отрядов. Причина все та же — деньги. А денег, судя по всему, мусульманские спецслужбы и, в первую очередь, спецслужбы Саудовской Аравии не жалеют.

В этой ситуации говорить о нормализации обстановки в Чечне не только рано, но и просто глупо. Потерпев поражение в открытом столкновении, ваххабиты все более и более раскручивают маховик партизанской, диверсионной войны, а это, как показывает мировой, да и наш собственный опыт, надолго.

Март 2001 г.

С. Козлов. Начало положено.

Сообщение о физическом устранении полевого командира Арби Бараева в июне 2001 года, обошло, наверное, все СМИ России. Но в силу недостатка достоверной информации по данному вопросу или по иным причинам, ликвидация этого бандита была преподнесена, как случайная гибель полевого командира в бою. Видимо кому-то очень хочется представить ситуацию в отношении наиболее заметных фигур чеченских сепаратистов, как находящуюся вне контроля российских спецслужб. Однако это далеко не так.

О чеченских “долгожителях”

Надо сказать, что деятельность полевых командиров Чечни всегда находилась в поле зрения российских спецслужб. Мои друзья, служащие в одном из спецподразделений России, рассказывали, как еще в “первую чеченскую” держали в секторе прицела небезызвестного Хаттаба. К сожалению, команды нажать на спуск так и не поступило. Хаттаб благополучно уехал. Простому обывателю может быть такая ситуация непонятна. В результате этого начинают бродить слухи о том, что Хаттаб “наш человек” или, что спецслужбы с ним за одно. Однако ни то, ни другое. На самом деле, тот или иной террорист, понимая, что все мы смертны, а особенно те, на кого положили глаз спецслужбы, может предпринимать определенные меры предосторожности. Одна, из которых может быть сообщением о том, что если он погибнет, то в разных городах России взорвутся несколько жилых домов. Это может блеф, а может быть, и нет. В подобной ситуации можно и согласиться с тем, чтобы он временно остался жить, если “шалить” особо не будет.

Могут быть и другие причины, по которой террориста не трогают. Это может быть и предсказуемость его действий. Зачастую трудно представить, что начнет творить его приемник. В результате ситуация может только усугубиться. Как это случилось, например, в Алжире, когда наиболее умеренное крыло исламских фундаменталистов, победившее на выборах, бросили за решетку. Оставшиеся на свободе радикалы буквально утопили страну в крови.

Ну и последний вариант, почему какой-нибудь Басаев еще топчет землю, хоть и одной ногой. Это то, что он перестал быть влиятельной фигурой. Одним словом, он никому не страшен, потому и не нужен. Яркий пример - Аслан Масхадов, который и в пору своего президентства не являлся влиятельной фигурой на политической арене Чечни. Сейчас же его и вовсе нельзя рассматривать как реальную фигуру, имеющую вес в стане противника.

Команда получена

Антитеррористическая операция в Чечне перешла в новую стадию, когда бразды правления были отданы ФСБ. Именно после этого спецслужбы всерьез занялись разработкой наиболее одиозных полевых командиров Чечни. Первым стал Арби Бараев. Выбор на него пал не случайно. Я не зря рассказал, почему могут временно не трогать кого-то из бандитских главарей. Так вот, Бараев не попадал ни под одну из указанных причин. Во-первых, нельзя сказать, что он вел себя тихо. Бараев - самый, как говорят, “отмороженный” из всех чеченских полевых командиров. Он, не церемонясь, расстреливало малейшему подозрению в сотрудничестве с федеральными властями, не только жителей Чечни, но и даже своих боевиков. Число лично убитых давно перевалило за сотню. Бараев со своей бандой был главным похитителем людей в Чечне. Это он расстрелял двух англичан и новозеландца, а отрубленные головы потом выбросил на дорогу.

О предсказуемости в его отношении и речи не шло. Его не понимали даже сторонники. В 1998 году он организовал в Гудермесе ваххабитский мятеж. За это А. Масхадов лишил его наград и звания бригадного генерала, а также должности командира “Исламского полка особого назначения”, которым Бараев командовал с середины “первой чеченской компании”. В отместку Бараев организовал покушение на него, и открыто заявил о разрыве отношений с Масхадовым.

Разные источники указывают разные причины, но факт остается фактом. На Бараева также было совершено покушение, после которого ему удалили легкое и часть желудка. Врачи буквально вытащили бандита из могилы.

Что же касается влияния, то в настоящее время влияние полевого командира Чечни определяется наличием у него денег, которые он может платить своим боевикам. По не подтвержденным данным, Бараев был напрямую связан с турецкими спецслужбами. Поэтому денег у него было достаточно. Ни для кого не секрет, что за турками стоит ЦРУ. В финансовых возможностях этой организации сомневаться не приходится.

Единственная идеология и Бог, которому он поклонялся, были деньги. Их он не гнушался принимать ни от Масхадова, с которым официально порвал, ни от ваххабитов, которым он не был. Деньги брал за выполнение тех или иных заказов, сделанных плательщиками.

Именно поэтому в середине февраля 2001 года и поступила команда определенным структурам ФСБ разработать операцию по физическому устранению, в первую очередь, Арби Бараева.

Разработка

Работа по выявлению мест его базирования шла с одной стороны очень тяжело. Обладая, поистине звериным чутьем, Бараев довольно умело скрывался. Только тот факт, что для укрытия от федеральных сил и спецслужб он использовал порядка сорока схронов в разных районах и населенных пунктах Чечни, говорит сам за себя. Подозрительный изначально, с начала весны его недоверчивость перешла в паранойю. Он мог сидеть со своим ближайшим окружением за столом и ни с того, ни с сего, взять с собой одного или двух сподвижников или просто охранников и исчезнуть в неизвестном направлении. Или сказать, что вышел по нужде, и пропасть на какое-то время. Спустя несколько часов, или даже суток, он либо звонил, либо через посыльного сообщал, что находится там то. О времени сбора в том или ином месте, даже своему окружению, даже таким командирам, как Гелаев, Басаев или Хаттаб, он сообщал в самый последний момент. Он не верил никому, даже женщинам, с которыми спал. Часть своих друзей и сподвижников он казнил лично по одному только подозрению или по навету. Одного из своих старых соратников, когда ему “шепнули на ухо”, что тот продан федералам, Бараев повесил за ноги во дворе его дома и на глазах у жены лично отрезал его гениталии.

Рассказывают также такой случай. Женщина пришла просить его о финансовой помощи для лечения боевика, получившего ранение в его же банде. Бараев вместо помощи спросил, как она узнала, что он находится в этом доме. Женщина, не ожидавшая такого вопроса, замешкалась, но потом ответила, что люди сказали. Этого замешательства было достаточно, чтобы болезненно подозрительный Арби вынул АПС и застрелил ее на месте.

С другой стороны, именно из-за того, что его боялись абсолютно все и очень многие ненавидели, информация о его появлении в том или ином населенном пункте, поступала контрразведчикам весьма регулярно. Причем сообщали об этом отнюдь не агенты ФСБ, которых он так боялся. Рассказывали обычные жители Чечни, поскольку он им уже изрядно надоел.

Этот факт очень показателен, так как Чечня всегда была очень сложным районом для создания агентуры. Как правило, на контакт шли так называемые кровники, которые в момент вербовки все равно вспоминали про деньги. Здесь же информация поступала от инициативных источников.

Обложили

Очень многие считают оплошностью спецслужб то, что Бараева не взяли живым. Но дело в том, что с самого начала никто и не планировал брать его в плен. В этом качестве он никому не интересен. Как информатор, он вряд ли мог быть полезен. А возиться с захватом, рисковать людьми, для того, чтобы в последующем расстрелять, никому не нужно.

Беда была в том, что Бараев, практически, не находился в одном месте больше десяти часов. Именно из-за этого, операция по его ликвидации, назначенная на апрель, сорвалась. Почувствовав, что его обкладывают все плотнее и плотнее, Бараев попытался скрыться. Уходить он планировал через территорию Грузии. Там уже и Турция. Однако такую акцию, как переход границы в одиночку не спланируешь, да и не проведешь. К тому же, для ее осуществления тоже нужно время. Обо всех же, сколько-нибудь далеко идущих планах Бараева контрразведчики узнавали весьма оперативно. Две попытки перейти границу провалились. Правда и “подопечный” контрразведчиков не попался в ловушку. Но в сложившейся ситуации это уже был вопрос времени.

И все же в разработке операции был один момент, который серьезно облегчал жизнь сотрудникам ФСБ. Бараев постоянно возвращался в "свой колхоз". Алхан Кала оставалась основным селом его базирования. Несколько операций по его захвату в этом, довольно большом селе, ничего не дали. У боевиков был четкий план перемещения из еще не зачищенных районов села в те, где "зачистка" уже была закончена. Перемещаясь таким образом, Бараев абсолютно уверовал в свою неуловимость. Как-то он в течение более часа хвастливо рассказывал по мобильному телефону, как он обводит федералов вокруг пальца, ссылаясь при этом на то, что у него везде свои люди. Но от операции к операции все отчетливее вырисовывался перечень домов, где он периодически скрывался. Стало ясно, что для его поимки или уничтожения потребуется жесткая блокада всего села. В предыдущей, пятой по счету, операции принимало участие около двух тысяч бойцов спецназа различных ведомств. Но и здесь Бараеву удалось уйти. Было это так.

На одном из перекрестков стоял контрактник из армейского спецназа. Зачистка села шла полным ходом. Вдруг на дороге появилась группа молодых людей. Приближаясь, они явно демонстрировали свое дружелюбие и отсутствие оружия. На боевиков они похожи не были. Скорее всего - местные, решил контрактник и подпустил их. Дальше случилось следующее. Парни окружили спецназовца и, взяв за руки, сковали его движение, сказав при этом: "Если хочешь жить, не дергайся". В это время появился Бараев и перешел из непроверенной зоны села в уже зачищенную, и был таков.

24 июня от местных жителей поступила информация, что Арби Бараев и с ним порядка двадцати боевиков скрываются в селе Алхан Кала. Были даже указаны дома, где находятся боевики.

Ликвидация и первые плоды поиска

Поскольку разработка Бараева шла уже несколько месяцев, силы и средства, выделенные для проведения операции, находились в готовности. Для блокирования путей отхода из села на нескольких рубежах были привлечены спецподразделения ФСБ, МВД и ГРУ. Всего в операции участвовало около пятисот человек. Не было никакой плановой зачистки, о которой сообщило телевидение, искали именно Бараева. Хотя действительно, провели блокирование всего села и довольно демонстративно, пригнав даже танк. Функционально от него толку не было, но он демонстрировал силу. Расчет был на то, что Бараев и в этот раз не станет покидать родного села, надеясь на свою удачу. В этот раз тактика была несколько иной. Провели зачистку села, но по принципу "очищай и закрепляй". То есть, при проверке не просто проходила волна зачищающих подразделений, а в каждом доме оставалось по два-три спецназовца: для того, чтобы исключить возможность возвращения Бараева. Время операции никто не ограничивал. Получив четкую информацию, что Бараев в селе и заблокировав все выходы из него, решили "чесать" его до тех пор, пока не будет найден объект поисков. Первый день ничего не дал. На ночь спецназ из домов отошел к блокирующим подразделениям. На второй день все повторилось. Но в дома уже шли другие подразделения и люди, для того, чтобы свежим взглядом выявить какие-то следы или признаки, ускользнувшие от внимания предшественников. Второй день операции принес первые результаты. При перемещении из дома в дом подстрелили двоих боевиков. Потом еще одного завалили в доме. Но это был лишь признак, что действия ведутся верно и результат должен быть. С наступлением темноты войска вновь вышли из села. Третий день операции был настоящей удачей. Кроме того, что завалили еще пятерых, удалось взять пленного. Как потом выяснилось, он был ближайшим сподвижником Бараева. И хотя он сам про Бараева ничего существенного не рассказал, местные жители сказали, что этот человек был всегда рядом с Арби. А раз так, значит, что Бараев еще в селе и следует искать его в том районе, где был взят пленный.

Круг поиска сужается

Работа в селе велась различными спецподразделениями. Нужные дома находились в зоне зачистки отряда специального назначения ВВ МВД РФ "Русь". Один из руководителей этого ведомства, сославшись на то, что дополнительных сил не требуется, уехал на БТРе для личного руководства более тщательной проверкой.

Блокировали три дома, находившихся вблизи места пленения боевика. Один из домов и ранее указывался информаторами, как возможное место, где прячется Бараев. Когда вошли внутрь, никого не обнаружили. Более тщательная проверка тоже ничего не дала. Но поиск продолжался. Во время очередной проверки один из спецназовцев, проходя мимо шкафа, услышал подозрительный скрип. Отодвинув шкаф, увидели лаз, из которого сразу ударили из автоматов. Как потом выяснилось, под шкафом находился вход в схрон,

оборудованный под домом. Причем подготовлен он был еще в середине девяностых годов. У схрона был и второй выход.

Были ранены офицер и боец, а один спецназовец погиб. Проникнуть внутрь возможности не было. Спецназовцы ВВ выскочили из дома, отогнали БТР метров на сто пятьдесят и начали расстреливать дом из КПВТ. Одновременно по радио передали, что при зачистке натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Приняв информацию, на помощь поспешила группа спецназа ФСБ. Зайдя с левого фланга, они открыли огонь по боевикам, засевшим в доме, а после послали в дом двух "Шмелей". В результате огонь автоматов стих, адом загорелся. Его жители, стоявшие рядом, стали причитать. Их начали расспрашивать, что их так огорчает, поскольку рыдают они, как по погибшим. Но женщины ответили, что им просто жаль дома и вещей. Однако, в конце концов, они сознались, что в доме находятся боевики. Уже стемнело, и времени на досмотр пожара не было. Отошли.

Поспешишь, людей насмешишь

На четвертые сутки операции в подвале дома обнаружили три тела. Один из них по косвенным признакам (телосложение и т.д.) напоминал Бараева, но точно опознать было сложно, поскольку отсутствовала половина головы. Кто-то из понятых подтвердил, что это Бараев. Руководители подразделений спецназа МВД немедленно постарались натянуть одеяло на себя. Тело на броне было доставлено на КП, а прессе сообщили, что Бараев погиб. Но в последствии при более тщательном опознании удалось установить, что это не Бараев, а один из его боевиков. Вызванные родственники опознали его. Так возникла та пауза, когда никто толком не знал погиб или жив Бараев. Сотрудники ФСБ продолжали вести поиск. При более тщательном осмотре на заборе сгоревшего дома были обнаружены обильные следы крови, которые вели на берег Сунжи. Возникло предположение, что Бараев попытался уйти вплавь. Некоторые даже предлагали поискать на дне, на случай если он утонул. Судя по крови, ранен он был серьезно. Но потом решили поискать медика, который смог бы оказать Бараеву помощь.

Бараев мертв, но где труп?

В конце концов, удалось установить человека, который действительно пытался оказать помощь тяжело раненному Бараеву. Но, по его словам, несмотря на определенный перечень примененных препаратов, Бараев был уже не жилец. Куда делось тело, он не знал, лишь указал, где он пытался помочь раненому. Это был стол в саду соседского дома. Но и хозяин дома не говорил, куда делся Бараев. Беседы со старейшинами также ни к чему не привели, хотя они подтвердили, что Бараев действительно погиб. Даже мертвого он продолжали его бояться и отказывались выдать тело. Только спустя несколько часов мучительных переговоров, хозяин дома показал, где лежит тело бандита. На пятые сутки у забора в развалинах саманного кирпича был обнаружен труп Бараева. Тайник был сделан очень аккуратно. Сначала весь кирпич был вынут, потом положили тело, а уж потом снова заложил и кирпичом. Следы работ были замечены, а кирпич, для придания первоначального вида развалинам был присыпан пылью.

Собаке - собачья смерть

После опознания тело Бараева было отдано родственникам для того, чтобы они его похоронили по мусульманским законам. Однако жители села Алхан Кала не пустили похоронную процессию и не позволили хоронить Бараева на их кладбище. Они считали, что тело этого бандита осквернит могилы их предков. Кроме того, жители села были настроены так непримиримо еще и потому, что они постоянно страдали от периодических зачисток и проверок, проводившихся в Алхан Кале с целью поимки Бараева. В результате процессия развернулась и тело самого "отмороженного" из всех чеченских бандитов было предано земле в селе Гехи.

С. Козлов. Фатальный дубль террориста

Захват

Ранним летним утром 31 июля 2001 года, когда в первый рейсовый автобус Невинномысск-Ставрополь посадка уже заканчивалась, к нему быстрым решительным шагом направился мужчина "кавказской национальности" лет тридцати с небольшим. В руках у него был матерчатый сверток, который на подходе к

автобусу он развернул. В автобус вошел уже с автоматом Калашникова. Вошедший объявил, что зовут его Аслан, а также, что все 35 пассажиров автобуса являются его заложниками. Он сообщил, что автобус меняет маршрут и будет направляться теперь в аэропорт Кавказские Минеральные Воды. Требований никаких не выдвигал.

По первоначальным свидетельствам очевидцев, террористов было двое, и оба были вооружены. Однако куда впоследствии делся второй, никто сказать не мог.

Примерно в 8.30, уже на подъезде к Минеральным Водам автобус остановил пост ДПС. Видимо, его сотрудники пытались не дать террористу с заложниками прибыть в аэропорт. Большое скопление людей создает излишние сложности при проведении операции. При подрыве взрывного устройства могут быть дополнительные жертвы. На переговоры Аслан высла одного из пассажиров, который рассказал милиционерам, что террорист вооружен и настроен решительно, он требует немедленно пропустить автобус. Однако, по мнению бандита, переговоры проходили слишком медленно. Предполагая, что заложник успел вступить в сговор с милиционерами и может представлять для него опасность, он выстрелил ему в ногу, когда тот шел обратно. Продемонстрировав свою решимость в достижении намеченного, Аслан добился того, что автобус немедленно был отпущен.

В дальнейшем, до самых Минвод, на значительном удалении позади автобуса шла милицейская машина. По радиостанции она оповещала посты ДПС о приближении автобуса с заложниками, обеспечивая ему "зеленую улицу".

По всему было видно, что Аслан опытный террорист. Все его действия были четко спланированы и продуманы. К 9.30 автобус выехал на эстакаду и остановился в верхней ее точке в шестистах метрах от аэропорта Кавказские Минеральные Воды. Место это для автобуса террорист выбрал заранее и не случайно. Такое его расположение максимально осложняло наблюдение за автобусом и минимизировало подходы к нему для проведения штурма. Террорист же имел прекрасную возможность заранее обнаружить опасные для него приготовления. Поэтому, как ни просили его сотрудники ГИБДД, убрать автобус в другое место, чтобы он не мешал движению транспорта, Аслан оставался непреклонен. В конце концов, эстакаду перекрыли, поставив по два КАМАЗа на обоих ее концах. От них до автобуса было чуть больше двухсот метров.

Террорист

К этому времени сотрудникам ФСБ по описанию внешности террориста удалось установить, что под кличкой "Аслан" скрывается матерый боевик Султан Сайд Идиев, 1967 года рождения, ранее осужденный за аналогичный захват автобуса в 1994 году. Тогда он и шестеро его поделщиков потребовали за освобождение заложников восемь миллионов долларов и вертолет.

Требования террористов были выполнены. Вертолет совершил несколько посадок на территории Чечни, во время которых террористы разбежались, предварительно поделив деньги. Но часть их группы была сразу же задержана вместе с деньгами. Остальных задержали позднее. Все они были осуждены и получили различные сроки лишения свободы. Меньше всех получил Идиев. Первоначально, по приговору суда, он должен был отбыть восемь лет в местах лишения свободы. Однако его адвокат подал на пересуд, и ему скостили срок до шести лет. Несмотря на то, что его поделщики впоследствии единодушно указывали на Идиева, как на главного организатора террористического акта, он получил меньше всех. Будучи умнее других, он сумел меньше всех "засветиться" по делу и получил минимальное наказание.

В апреле 2000 года он был освобожден из-под стражи. Было также установлено, что 29 июля 2001 года он со своим братом Идиевым Саид-Хусейном совершили нападение на пост ДПС. А еще раньше ими был застрелен водитель автомобиля, занимавшийся частным извозом. Сотрудники ГИБДД, бросились в погоню за бандитами, но из машины по ним открыли огонь. Один из милиционеров был ранен. Ответный огонь сотрудников милиции вынудил преступников бросить автомобиль и уходить пешком. В результате Идиев Сайд-Хусейн был задержан и теперь находился под стражей. Полученная информация не позволяла сомневаться в серьезности намерений С.С.Идиева.

Переговоры

Прибыв на место, он освободил сразу пятерых заложников. Это были пожилые женщины и дети, которым стало плохо. Через освобожденных заложников он передал свои первые требования. В первую очередь террорист потребовал, чтобы ему передали радиоприемник для того, чтобы он мог следить за тем, как развиваются события. Он прекрасно понимал, что захват автобуса будут широко освещать российские СМИ. Именно благодаря радио приемнику он узнал о прибытии группы "А" в Минеральные Воды.

Во-вторых, он требовал, чтобы освободили его брата и доставили к нему. Также он хотел, чтобы были освобождены и четверо его подельников, отбывавших наказание за захват автобуса в 1994 году. Первым в переговоры с бандитом вступил начальник Управления ФСБ по Ставропольскому краю генерал-лейтенант П.Кондратов. Несмотря на то, что Идиев из автобуса кричал, что застрелит первого, кто приблизится к автобусу, он смело направился к нему. Первоначально Идиев не впускал его в автобус. Разговаривал из салона автобуса, по касательной наблюдая за Кондратовым. В правой руке у него был автомат, а в левой граната Ф-1. Кондратов представился, сказав, что он руководит операцией, и попросил, чтобы он не волновался. Пообещал, что требования его будут удовлетворены. Попросил освободить часть заложников.

В автобусе среди пассажиров находилась чеченка лет тридцати, которая с появлением Кондратова сразу начала комментировать его действия. Речи ее носили явно провокационный характер. Также на одном из ключевых мест находился молодой кавказец, способный контролировать ситуацию. Это на начальном этапе позволило предположить, что Идиев действует не один.

В последующем Кондратов еще несколько раз ходил на переговоры с террористом. Ему удалось уговорить его освободить еще десятерых заложников. Последним террорист отпустил юношу пятнадцати лет, которому от жары в автобусе стало плохо. К полудню автобус, стоявший на солнце, накалился, и находиться в нем было невмоготу. Кондратов уговорил бандита разрешить выбить два окна по правому и два окна по левому борту. До этого даже шторы были задернуты. Также Кондратов сообщил ему, что в полном объеме выполнить его требования не удастся, поскольку двое из тех, кого он требовал освободить, отбывали наказание в Якутии. Оперативно доставить их к Идиеву было физически невозможно. Однако Идиев настаивал на их освобождении и если не на немедленной доставке, то хотя бы спустя некоторое время.

Угрозы и новые требования

Идиев заявил, что на нем размещено самодельное взрывное устройство, которое он может привести в действие немедленно нажатием кнопки. Видимо, устав держать в руках гранату, он засунул ее в стеклянный стакан запалом вниз. Во время переговоров он держал стакан в руке, на случай, если на него будет совершено нападение. В этом случае, стакан с гранатой, упав, обязательно бы разбился, рычаг, удерживавший ударник, освободился и произошел бы взрыв. Закончив переговоры с Кондратовым, которого он теперь уже впускал в автобус, Идиев убрал гранату в стакане в карман импровизированного разгрузочного жилета.

К 17.00 были доставлены двое из тех, кого требовал освободить Идиев: его брат и один из подельников. Их планировалось обменять в случае ухудшения ситуации. Когда Кондратов предложил ему обменять брата на несколько человек, он ответил, что теперь менять заложников будет один на один. Идиев сказал, что человеческая жизнь для него одинаково ценна, поэтому обменять одного своего брата на несколько заложников он не может. Стало понятно, что даже после передачи ему тех, кого он просил освободить, часть заложников останется в автобусе в качестве живого щита. Вскоре Идиев затребовал, чтобы ему передали шесть пулеметов Калашникова и один "цинк" с патронами к нему, а также шесть маскхалатов, черные вязаные шапочки и кроссовки. Судя по всему, он хотел повторить отрыв 1994 года.

Террорист нервничает

Вскоре Идиев занервничал, заявив, что переговоры затягиваются, а ни одно из его серьезных требований до сих пор не выполнено. Высунувшись из двери автобуса, он дал несколько очередей из автомата. После этого крикнул, что прекращает выпускать заложников из автобуса для того, чтобы подышать воздухом или оправиться. В этот момент снайперы доложили, что наблюдают объект.

Нужно сказать, что Идиев был человеком с неустойчивой психикой. Настроение его могло моментально меняться. Бурная реакция на что-то и хорошее расположение духа могли моментально смениться полной апатией. Это было весьма опасно. Вдобавок, вскоре он сказал, что если руководители операции намеренно затягивают время, дожидаясь темноты для того, чтобы провести штурм, то он предупреждает, что им это не удастся сделать. По словам террориста, его явно недооценивали, но у него в запасе для руководителей операции есть такие сюрпризы, о которых они даже не догадываются. Но к ночи он обещал их продемонстрировать.

Оценка обстановки и принятие решения

Становилось очевидным, что больше ждать нельзя. Опасения вызывали взрывное устройство и граната в стакане. От их взрывов могли пострадать заложники. Идиев утверждал, что на нем два килограмма тротила. Взрыв такой мощности мог разнести весь автобус. Однако специалисты, наблюдая, пришли к выводу, что СВУ, размещенное на бандите не может быть мгновенно приведено в действие. Оставалась граната, при взрыве которой также могли пострадать люди. Но, попробовав экспериментальным путем вставить аналогичную гранату без чеки в стакан, сотрудники Центра специального назначения ФСБ сделать этого не смогли. Рычаг в стакане не удерживался. Стало очевидно, что Идиев как-то еще зафиксировал гранату в стакане, и может быть, даже не выдернул чеку. В такой ситуации граната была совершенно безопасна.

Вторым сдерживающим фактором было возможное наличие сообщников среди пассажиров автобуса. Однако визуальный осмотр пассажиров в ходе переговоров говорил о том, что даже если сообщники и были, то ни у кого из пассажиров оружия при себе быть не могло. Рубашки, легкие платья не позволяли скрыть оружие, а весь багаж находился в багажном отделении. В любом случае, оружие, даже если и было спрятано где-то в автобусе, не могло быть быстро приведено в готовность к бою. Штурм же обычно длится не более семи секунд. Исходя из этого, было принято решение проводить штурм, как можно скорее. Пока не стемнело, ибо именно в темноте Идиев и ожидал нападения. Основной упор в операции делался на снайперов. Поскольку абсолютно исключить возможность наличия сообщников среди заложников было нельзя, то было решено вслед за снайперским залпом провести обычный штурм. Оставалось только еще, хотя бы раз, снайперам зафиксировать террориста в прицеле.

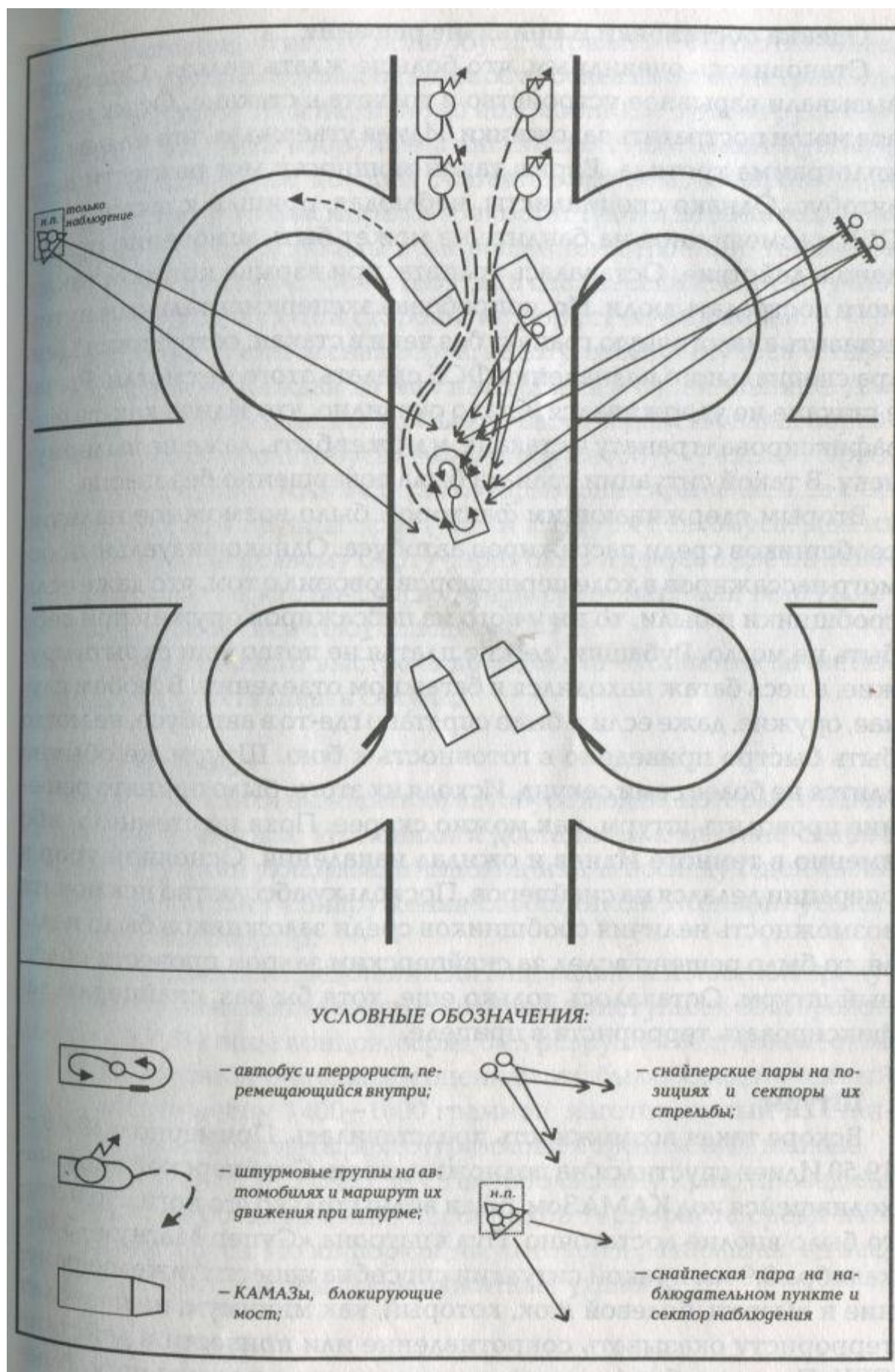

Схема 18. Схема операции по освобождению заложников. Аэропорт Кавказские Минеральные Воды. 31 июля 2011 г.

Штурм

Вскоре такая возможность представилась. Примерно в 19.40 — 19.50 Идиев спустился на подножку двери. Снайперской паре, находившейся под КАМАЗом, были видны только его ноги. Но и этого было вполне достаточно. Пуля патрона "Супер Магнум—338", калибра 8,9 мм в такой ситуации способна нанести тяжелое ранение и вызвать болевой шок, который, как минимум, не позволит террористу оказывать сопротивление или привести в действие СВУ. Пара отработала четко, всадив две пули в левую ногу. В результате попадания ее почти оторвало. Идиев вывалился из автобуса, и тут же отработала вторая пара, которая находилась на возвышенности напротив двери автобуса. Стрелять им было сложнее, поскольку находились они на дальности более пятисот метров. Однако и снайперы этой пары четко положили две пули в грудь террориста. Они были вооружены английской винтовкой Купера АW, калибра 7,62 мм, которая считается одним из лидеров среди снайперских винтовок мира по точности. Третья пара находилась с другой стороны эстакады в заброшенном строении, так же на расстоянии примерно 500 метров, но в снайперском залпе не участвовала, поскольку с той стороны террорист не был виден.

Вслед за выстрелами снайперов, на штурм выдвинулись четыре группы захвата. Каждая из них находилась в своей машине. Для скорейшего приближения к объекту были задействованы бортовой УАЗ, два микроавтобуса РАФ и микроавтобус "Газель". Преодолев 225 метров от КАМАЗА, за которым они скрывались, за считанные секунды группы приступили к штурму автобуса. Две из них работали по правому борту через окно и дверь, а две по левому через окна. Те, кто шел через дверь, сразу накрыли тело Идиева бронеодеялом, все-таки опасаясь СВУ.

С момента первого выстрела до момента окончания зачистки прошло всего пятнадцать секунд.

После штурма

После этого стали выводить из автобуса людей, которые в панике стали разбегаться. Их ловили и доставляли к машине скорой помощи. Мужчин укладывали лицом вниз для последующей фильтрации, на предмет обнаружения сообщников. Женщин усаживали рядом на бордюр.

Тут же подъехали представители Генеральной и местной прокуратуры и с ними взрывотехник, который приступил к обезвреживанию СВУ. В конце концов, заряд был разрушен гидравлической пушкой. По приблизительным оценкам это был сосредоточенный заряд общим весом 1400—1600 граммов, изготовленный из стандартных двухсот- и четырехсотграммовых тротильных шашек.

В течение августа УФСБ по Ставропольскому краю проводило мероприятия по выявлению пособников террориста среди пассажиров автобуса. По информации, которой я располагаю на настоящий момент, таковых обнаружить не удалось.

Еще раз о СМИ

В завершение хочется отметить такой факт. Многие СМИ с самого начала пытались освещать события 31 июля и даже комментировать их. Мне кажется, что подобные действия некорректны до той поры, пока операция не закончена. По понятным причинам сотрудники ФСБ минимизируют информацию о том, что в настоящее время происходит. Тогда в погоне за хоть какой то информацией начинаются домыслы, не отвечающие реальному положению вещей и только вредящие делу. Некоторые СМИ, радея за наш спецназ, даже написали, что сотрудники группы "А" своевременно получили санкцию прокурора на проведение операции. По их мнению, правом проводить операцию должны обладать командиры спецподразделений или силовых структур соответствующего ранга. Спешу их успокоить. Этими правами они наделены. Никакой санкции прокурора на проведение штурма не требовалось. Просто, раз уж он присутствовал, решили лишний раз подстраховаться, поскольку речь шла об уничтожении, хоть и террориста, но все же человека и гражданина России. Даже если бы прокурор не прибыл, штурм бы все равно состоялся, о чем бы его уведомили постфактум.

Сапоги должен тащить сапожник

Проведенная операция является уникальной в истории группы "А", поскольку впервые был применен снайперский залп и впервые главная роль в операции отводилась снайперам. Их высокое мастерство, давно известное в кругу профессионалов, теперь в полной мере было продемонстрировано широкой общественности и "отморозкам", стадающим болезнью под названием "терроризм". Данная операция —

яркий пример профессиональных и слаженных действий различных структур ФСБ, когда им не мешали никакие политики и правозащитники.

По-моему, так должно быть всегда. Ведь не странно же, когда горит дом, никто не зовет представителей администрации района, а просто вызывают пожарных.

Часть VII. ЧТО ДЕЛАТЬ?

С. Козлов. Лекарство от мятежей

То, что борьба с чеченскими боевиками перешла в фазу партизанской войны, по-моему, очевидно даже для последней домохозяйки. Для людей, более сведущих, ясно и то, что борьба эта продлится не один год и, скорее всего, станет внутренней проблемой России ближайшего десятилетия. Если же ей не будет уделяться соответствующее внимание на государственном уровне, то возможно и дольше. Что подразумевается под этим? Любое партизанское движение жизнеспособно, лишь когда имеет поддержку населения и реальную помощь извне. Это две опоры повстанчества, выбив которые, государство может рассчитывать на победу силовых акций в этой многотрудной борьбе.

Как лишить партизан поддержки населения?

Идейная подоплека притока населения в ряды партизан и поддержка их деятельности весьма неоднобразна. Одним близки идеи, за которые борются партизаны. Другие при слабой государственной власти и низкой социальной защищенности пытаются обрести поддержку реальной силы. Третьи, и это касается в большей степени молодежи, в условиях безработицы и низкого уровня жизни стремятся вступить в партизанский отряд для того, чтобы поправить свое материальное положение. Немало среди таких людей и просто уголовников. Для Чечни также характерен мотив, когда люди хотят отомстить за погибших родственников и близких. Мне лично были знакомы чеченцы, которые в начале первой войны на Кавказе были весьма негативно настроены в отношении Дудаева, но когда получили известие из Чечни о том, что их дом разрушен, и кто-то из родственников пострадал, бросили весь бизнес в Москве и уехали воевать, для того чтобы отомстить «федералам».

И если переубедить идейных борцов, которые тайно поддерживают боевиков, будет весьма трудно, то минимизировать приток населения, поддерживающего повстанцев по другим мотивам, вполне возможно, хотя и тоже не легко.

Для решения этих проблем необходим комплекс мер в различных сферах деятельности государства, направленный на восстановление конституционного порядка, а также повышения уровня жизни населения и его социальной защищенности. Для того чтобы это приняло реальные очертания, представитель президента со своим штатом администрации должен разработать программу, направленную на:

- реальное достижение конкретного улучшения в экономике Чеченской Республики;
- становление органов государственного управления Республики, а также повышение авторитета законной власти и доверия к ней.

Военные воспитатели всех уровней должны разработать правила поведения военнослужащих в регионе для установления нормальных взаимоотношений с населением.

Насколько известно, экономическая программа восстановления хозяйства Чечни уже разрабатывается. Теперь главное, чтобы деньги, выделенные на ее осуществление, не разворовали, как в Первую чеченскую кампанию.

Проводя же, пользуясь международным термином, «борьбу за умы и сердца», значительную часть выделенных средств следует направить на возвращение к родным домам русского населения Чечни и особенно терского казачества. Мне кажется, было бы разумно опираться в восстановлении законной государственной власти России в Чечне на институт казачества, который исторически был призван решать эту задачу. Вооружение казаков и формирование из них подразделений милицейского типа, наделение их определенными полномочиями в местах их компактного проживания позволило бы решить многие проблемы, связанные с усилением российской государственной власти в регионе. Возможность решения этой задачи есть, поскольку в пограничных районах Ставропольского края в настоящий момент скопилось достаточно большое количество казаков, вынужденных ранее оставить родные дома и выехать из Чечни под угрозами и силовым воздействием боевиков. Настроены они очень решительно.

Также следует оказать материальную помощь тем чеченцам, которые также были вынуждены покинуть Чечню в период правления Дудаева и Масхадова. Одним словом, надо постараться вернуть в Республику наиболее лояльную по отношению к России часть населения. В дальнейшем в значительной степени следует опираться на нее в наведении конституционного порядка на территории Чечни.

Местное население Чечни, постоянно проживавшее в Республике, в настоящее время также настроено более лояльно к федеральным войскам и мерам, предпринимаемым ими для борьбы с сепаратистами и наемниками. Очевидно, что на их настроение повлияла неуправляемая ситуация в период правления Масхадова и отсутствие единой сильной власти, которая так уважаема на Востоке.

Один из офицеров российских спецслужб, выполняя разведывательную задачу по выявлению связей местного населения с боевиками, вынужден был действовать с группой «гантамировцев», которые выдавали себя за боевиков. Он рассказывал, как однажды в одном из сел, где они остановились купить воды, пожилая чеченка бесстрашно отчитывала его и его спутников, обещая, что скоро придут федералы и вынесут их (то есть боевиков) вперед ногами. Причем это не единичный случай открытого осуждения боевиков населением. В значительной степени авторитет боевиков подорван связями с арабскими наемниками и террористами ваххабитского толка. Данное экстремистское течение ислама не пользуется популярностью в Чечне. В этих условиях конструктивный диалог с главами тейпов Республики становится реальностью. Приближает эту возможность и тот факт, что во главе Республики теперь стал муфтий Чечни Кадыров. А диалог этот необходим в первую очередь потому, что именно главы тейпов обладают реальной властью в Чечне. Игнорирование этого факта может привести к дальнейшей эскалации партизанской войны. В то же время установление контактов с главами тейпов и включение их в парламент Республики позволит решить многие проблемы, поскольку слово главы тейпа для любого чеченца этого родового сообщества — закон. Многие могут возразить, что в настоящее время это уже не совсем так и что имеются факты добровольного выхода отдельных чеченцев из состава тейпов. Случаи, ранее не имевшие прецедента. Бесспорно, это так, но и отрицать по-прежнему мощную власть родовой зависимости чеченского народа было бы глупо. Опираясь на совет глав тейпов можно было бы создать органы администрации, которые обладали бы реальной властью. Кстати, совет глав тейпов не собирался с момента включения Чечни в состав Российской Империи. Признание легитимности этого органа местного самоуправления в рамках законов Российской Федерации помогло бы разрешить чеченскую проблему.

Как лишить боевиков иностранной помощи?

Страны, оказывающие помощь чеченским сепаратистам, известны. Это, в первую очередь, Саудовская Аравия, Турция, Пакистан, в недавнем прошлом — афганские талибы, и ряд других, поддержка которых менее ощутима.

В вопросах международной политики России следует предпринять шаги, которые позволят минимизировать помощь повстанцам извне, как людьми, так и деньгами, оружием и боеприпасами. Не следует забывать, что у вышеперечисленных стран нет общих границ с Чечней, поэтому вся помощь может поступать либо через Грузию, либо через Азербайджан и Дагестан. Не исключено проникновение с других сопредельных Российских территорий. Известно, что правительства Грузии и Азербайджана больше на словах, чем на деле поддерживают Россию. На территории Грузии лечатся раненные боевики. В Азербайджане находятся официальные представительства экстремистских мусульманских организаций, которые активно помогают чеченским сепаратистам финансами и людьми. Однако у России есть весьма ощутимые экономические рычаги давления на правительства соседей. Также и у Азербайджана и у Грузии есть аналогичные Чечне болевые точки. У Азербайджана — Нагорный Карабах, у Грузии — Абхазия и Аджария. В этих регионах довольно сильны прорусские настроения, и спровоцировать там волнения, после которых ни Грузии, ни Азербайджану уже не будет дела до Чечни, ничего не стоит. Думаю, что это весомый аргумент, который может настроить южных соседей более лояльно к России, и к ее борьбе с чеченскими террористами. Этот же аргумент может помочь и в разговоре с Турцией, у которой больным местом является курдская проблема. С курдами советские спецслужбы связывала давняя дружба, которую при надобности можно возобновить.

Минимизировать помощь остальных вряд ли удастся, хотя, конечно, не стоит прекращать на международном уровне разоблачать подстрекательскую роль этих государств.

Но, даже решив на дипломатическом уровне вопрос с прикрытием южной границы Чечни, следует уже сейчас выявлять все возможные пути доставки на ее территорию оружия и боеприпасов. А, выявив, брать их под контроль, как подразделениями федеральных сил, так и техническими средствами разведки, которые должны работать в комплексе со средствами поражения. Совершенно очевидно, что если будут выделяться деньги на поддержку мятежников, то и пути для доставки военной помощи в районы их дислокации будут

найжены. Причем в борьбе с поставками вооружения, а также материально-технических средств, следует оценивать результативность не по числу захваченных трофеев, как это было в Афганистане. Там практически были известны все пути, по которым доставлялось оружие боеприпасы и другие МТС. Но для того, чтобы доложить о результативности своих действий, нужно было представить захваченный трофей. Поэтому на эти пути время от времени выходили группы спецназа для организации засад, которые позволяли захватить целиком или частично один из караванов, идущих к мятежникам. Однако если бы эти караванные маршруты были просто перекрыты небольшими мотострелковыми гарнизонами, численностью до роты, усиленной танками и артиллерией, то наверняка эта мера осложнила бы снабжение партизан в значительно большей степени.

Также надо вспомнить наш собственный опыт партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, когда связь с Большой Землей осуществлялась по воздуху. Перекрыв горные тропы, следует усилить ПВО на границе Чечни. Причем вероятнее всего доставка будет осуществляться вертолетами и самолетами типа АН-2, способными лететь на малых высотах и быть недоступными для радаров. В этих условиях повышается роль визуальной разведки, а также групп специального назначения, вооруженных ПЗРК и действующих вблизи районов базирования партизан.

Инструмент борьбы сейчас

Даже минимизируя внутреннюю и внешнюю помощь партизанам, так или иначе, а без силовых акций нельзя нейтрализовать партизанское движение. В рядах повстанцев все равно останутся иностранные наемники, фанатики и люди, запятнавшие себя преступлениями и у которых нет надежды на амнистию. Их победить может только вооруженная сила. Сейчас в значительной степени эта задача лежит на подразделениях Министерства обороны, однако армия имеет однозначную функцию по защите государства от внешних врагов. Тогда кто же должен заниматься этой проблемой внутри страны? Наверное, по определению внутренние войска, иначе для чего еще они у нас предназначены?

Но способны ли современные внутренние войска и иные силовые структуры Министерства внутренних дел справиться с этой задачей? Давайте посмотрим, как обстоят дела в Чечне сейчас, и кто осуществляет реальную власть в Республике.

Чечня поделена на районы, где власть принадлежит военным комендантам. Им подчиняются органы прокуратуры, милиции и армейские подразделения, расположенные на данной территории. К этой мере вынуждены были прийти в связи с беспорядком, который породило многовластие, когда районный представитель каждого ведомства действовал без согласования с другими силовыми структурами. В конце концов, разобрались, что руководитель должен быть один. Он и должен нести наряду с бременем власти бремя ответственности за наведение порядка на подконтрольной территории.

На въездах в населенные пункты и в иных ключевых пунктах коммуникаций расположены так называемые блокпосты, где службу несут ОМОНовцы, прибывшие из различных регионов России. Срок их пребывания в Чечне ограничен тремя месяцами.

Достаточно ли этого для того чтобы вникнуть в обстановку, наладить связи с населением, которое они прибыли защищать от бандитов? Возможно ли, за столь малый срок стать реальной силой, способной противостоять боевикам и победить? Судите сами.

Что такое ОМОН

В задачи ОМОНа изначально не входили задачи по борьбе с повстанцами. Как не предназначены они и для борьбы с терроризмом. По своему предназначению, а также по уровню подготовки ОМОН — структура, способная эффективно бороться с массовыми беспорядками гражданского населения.

Исключением, может быть, является ОМОН для работы на воздушном и водном транспорте, подготовка которого стараниями отставных спецназовцев ВМФ(Об этом см. статью А. Буднева в VIII части этой книги.) в последнее время заметно улучшилась. Но исключения не в счет.

После печально известных засад на Сергиево-Посадский и Пермский отряды руководство МВД зашевелилось и предприняло попытки по доподготовке людей, направляемых в Чечню.

Мне довелось ознакомиться с программой этой доподготовки. Могу сразу сказать, что люди, составлявшие ее, сами не представляют, что следует знать и уметь их подчиненным при выполнении задач в Чечне. И это несмотря на то, что в течение тех месяцев милиционеры особого назначения решают всего три задачи: несут службу на блокпостах, участвуют в зачистках и обеспечивают безопасность движения транспортных средств на своем участке. Читая программу, возникает естественный вопрос, а достаточно ли всего шести часов на

изучение тактики, из которых два отводится на лекцию, два на семинарское и два на полевое занятие? Причем в эти два часа входит буквально все. Здесь и действия дозорных при выдвижении группы, и действия в подгруппах в засаде, и прочая, прочая, прочая.

В тоже время надо ли бойцам, решающим такие задачи, в течение тридцати пяти часов тренироваться в осуществлении спусков с высотных зданий при помощи специального снаряжения?

В свете решаемых задач, это, скорее всего, не пригодится, тем более, что в настоящее время в Чечне вряд ли найдется подходящее здание, где можно было бы блеснуть приобретенными навыками. Я подчеркиваю, что приобретенными, а не усовершенствованными. Отправляясь на войну, ОМОНовцы не умеют даже привести оружие к нормальному бою, не знают что такое дальность прямого выстрела и прочих элементарных вещей. Как пример, характеризующий уровень их подготовки, приведу курьезный случай, рассказанный ими же. Отправляясь в Чечню, один из старейших и, значит, опытейших бойцов железнодорожного ОМОНа прикрепил при помощи изоленты к автомату детскую лазерную указку, решив, что это одно и то же, что и лазерный целеуказатель. На вопрос товарищей, зачем он это сделал, ветеран совершенно серьезно сказал, что он по ней пристрелял автомат. Глупость состоит уже в том, что даже если использовать настоящий целеуказатель, то он вряд ли сможет пригодиться в тех условиях, поскольку данный прибор эффективен в закрытом помещении и не более чем на пятьдесят метров.

Эффективность действий таких подразделений крайне мала, как мал и срок их пребывания там. В течение месяца—двух только проходит адаптация бойцов на новом месте. Выполняя такие задачи, ОМОН должен наладить взаимоотношения с местным населением и опираться на их информацию и поддержку. Однако за такой короткий срок это вряд ли возможно. В борьбе с партизанами знание местности, а также местных особенностей крайне важно, но за три месяца бойцы ОМОНа едва смогут толком изучить окрестности их блокпоста. Партизаны же имеют перед милиционерами неоспоримые преимущества. Во-первых, они местные и потому знают свой район, как свои пять пальцев, а во-вторых, их боевой опыт несравнимо богаче и длится непрерывно.

Обеспеченность отрядов милиции боеприпасами, в том числе и инженерными — мизерная. Как жаловались сами бойцы и офицеры отрядов, все это им приходилось выменивать у начальников соответствующих служб армейских подразделений за «стеклянную конвертируемую валюту». Взаимодействие даже между соседними отрядами не налажено, и по ночам ОМОНовцы зачастую обстреливают посты друг друга. Минно-взрывные заграждения применяются неумело и бестолково. О составлении карт и схем минных полей и речи не идет. Часто те, кто устанавливал мины, даже не помнят, где они это делали. Поэтому прибывшим к ним на смену достается «кот в мешке», причем не факт, что данный участок действительно заминирован надлежащим образом и представляет опасность для боевиков. Не редки случаи, когда именно они проделывают проход в этом минном заграждении и в результате неожиданно появляются у блокпоста.

Вопрос: способны ли краткосрочные командировки ОМОНа каким то образом стабилизировать обстановку в зонах их ответственности, или они, скорее, дискредитируют федеральную власть в глазах местных жителей, которых они должны защитить от бандитов?

С. Козлов. Милиция. Бей своих, чтоб чужие боялись

За несколько дней до свершившихся событий (речь идет о гибели Сергиево-Посадского Омона. — Ред.) возник конфликт у начальника Старопромысловского РОВД, где работали сторонники Б.Гантамирова, с начальником РОВД, в состав которого прибыли ОМОНовцы из Свердловска. Претензии заключались в том, что наши из БТР обстреляли чеченский блокпост. Гантамировцы обиделись. Разрядить ситуацию не удалось, конфликт на этой почве перешел в противостояние. В разговоре начальник Старопромысловского района сообщил, что скоро к нему прибудет усиление из Урус-Мартана и привезет с собой АГС-17. Свердловчане восприняли это, как попытку нарушить равновесие сил и АТС в этом играл решающую роль. К развитию описываемых событий заканчивался срок командировки у Подольского ОМОНа. Его должен был менять Сергиево-Посадский. На момент смены Комендант города Грозный поставил задачу выделить из состава Старопомысловской комендатуры огневую подгруппу, которая должна была обеспечить процедуру замены подразделений. В состав огневой подгруппы было дополнительно выделено два БТР-70, а старшим был назначен майор Дьяченко. Но перед выездом этой группы начальник РОВД провел еще и свой инструктаж, в свете конфликта с местной милицией. Группа майора Дьяченко должна была не допустить доставку автоматического гранатомета на позиции чеченского блокпоста. Личный состав при прохождении через позиции группы пропустить, а АГС-17 либо вернуть в Урус-Мартан, либо изъять. Вообще-то ставили

огневую группу для того, чтобы не допустить несанкционированного прорыва местных жителей через блокпост, который находился на дороге близ расположения Подольского ОМОНа.

Первого марта 2000 года был открыт доступ в город, и руководство опасалось, что толпа жителей сможет просто прорваться, а вместе с ними и боевики. Сейчас трудно сказать, от кого поступила информация о том, что под видом колонны, идущей на усиление гантамировцам, могут проехать и местные жители, и боевики.

Огневая группа прибыла на блокпост за 15—20 минут до подъезда колонны Сергиево-Посадского ОМОНа, идущего на смену Подольчанам. Дьяченко прибыл к начальнику штаба Подольского ОМОНа и сообщил, что получил задачу остановить и разоружить колонну гантамировцев. Начальник штаба ответил, что у него у самого на подходе колонна с заменой, которую уехал встречать командир. Они уже сообщили, что прошли село Побединское и скоро будут здесь. Поэтому ему заниматься проблемами Дьяченко некогда, пусть он решает их самостоятельно.

Дьяченко, долго не раздумывая, выезжает к дороге, где располагает на крышах двух ангаров и за забором, идущим вдоль дороги на расстоянии, от силы — метров десять, людей. Бронетранспортеры он поставил рядом с ангарами. Своим УАЗиком он перекрыл дорогу. На посту, который располагался на повороте, стояло два бойца из Подольского ОМОНа и пулеметчик-гантамировец. В этом месте гантамировцы должны были также выставить блок-пост, но не выставили, поскольку в городе в это время была торжественная церемония вручения им наград.

Спустя несколько минут, примерно в 10.00, на дороге показалась колонна. Из-за нее выехала белая «Нива» и быстро стала приближаться к блокпосту. Когда она подъехала, внутри оказалось трое гантамировцев. Их на блокпосту остановили и спросили: «Это ваши едут?», но пассажиры «Нивы» сказали, что это идет колонна федералов, и пожаловались, что в окно бросают пластиковые стаканчики. Один, при обгоне колонны, упал им на ветровое стекло, и они испугались, вдруг в окно выбросят бутылку.

Но Дьяченко проявил «бдительность» и не поверил словам чеченских милиционеров. Чеченские милиционеры свою машину никуда не убрали. Она стояла тут же. И если предположить, что это хитро спланированная провокация, то этот факт опровергает эту версию.

Дьяченко находился на блокпосту в будке, метрах в 100—150 от поворота. С того места дорога не просматривалась. Тут стали приближаться первые машины колонны. В это время прозвучала очередь, происхождение которой толком установить не удалось. По одним предположениям стреляли в частном секторе с дома муллы, по другим откуда-то сзади. Был даже арестован пулеметчик, который стоял на этом блокпосту. Но толком до сих пор ничего не известно. Очередь послужила сигналом для всей огневой группы на открытие огня. Били все, кроме бронетранспортеров (см. схему 19). Им было приказано без особой команды огонь не открывать. Огонь велся практически в упор. В колонне шло шесть "Уралов", за ним ГАЗ-53 гражданского цвета, дальше УАЗики. Обычно колонны федералов сопровождает «броня». С той колонной никого не было. Поэтому на первых порах колонну можно было принять за гантамировскую. В середине колонны двигалась машина с флагом ОМОНа. Но его тем, кто сидел на левом фланге засады, видно не было. Те же, кто сидел на правом ангаре, огонь по колонне не вели, поскольку все же флаг увидели. Но связи между элементами боевого порядка не было и поэтому, не смотря на активную жестикуляцию с ангара, огонь прекратился далеко не сразу. Первый «Урал», получив гранату РПГ, ушел влево, второй сгорел прямо на дороге, а третий сошел с дороги и уткнулся между домами в огороде и тоже сгорел. Остальные стояли на дороге.

Естественно, что, попав под огонь, люди, находившиеся в колонне, открыли ответный огонь. То, что они уже почти прибыли, им из-под тента не было видно. Завязалась перестрелка, в результате которой погибли бойцы Сергиево-Посадского ОМОНа и их командир. Услышав стрельбу, к месту пришествия поспешили подольчане. Во время перехода железной дороги были убиты один или двое из них. В конце концов, поняв, что это свои, огневая группа перенесла огонь в частный сектор, для отражения нападения духов, якобы засевших там. Оттягивали с дороги на себя, «прикрывая» огнем. Все основные потери были нанесены в первые десять—пятнадцать минут боя. Потом только, еще часа два, шла война с призраками.

Позже проводили и прокурорское, и не одно журналистское, и даже телевизионное расследование. В результате, слава Богу, подтвердили, что колонну мочили свои же, но вот ведь какой интересный момент. Для того, чтобы минимизировать негативный эффект, стали муссировать слух, что в это время и духи тоже стреляли по колонне. Якобы снайпер бил с элеватора из СВД. Но до него около двух километров. Как ни старайся, но попасть просто невозможно. Прибывший вскоре танк расстрелял элеватор. Уверения сотрудников чеченской милиции в том, что там сейчас нет никого, даже если кто и был, не имели результата. Элеватор разрушили без сожаления.

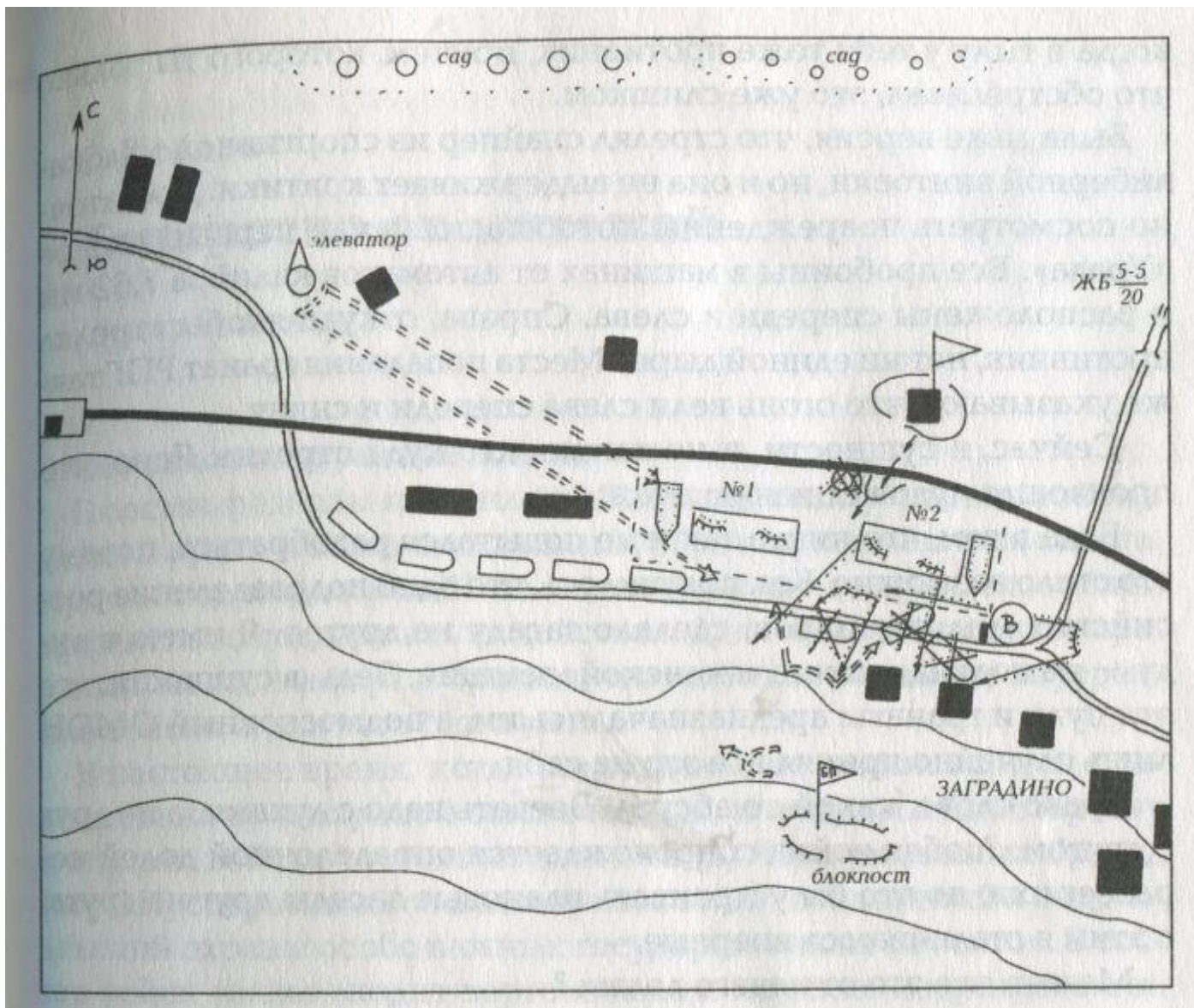

Схема 19. Разгром Сергиево-Посадского ОМОНа

Потом рассказывали, что били со стороны частного сектора и с поля. Но поле находится между дорогой и блокпостом, расположенном на горе. В это время на этот пост приезжал замполит мотострелкового полка в поисках пропавших солдат. Проезжал он и в тех местах, где якобы прятались духи, и... никого не видел. В частном секторе даже видели духов. Но в тот период прошел снег, который зафиксировал бы следы, оставленные бандитами. Район был оцеплен подразделениями СОБР. Но поиски следов боевиков в этом районе ни к чему не привели. Якобы стреляли из дома муллы, но ни внутри, ни снаружи ни единой гильзы найти не удалось.

Примыкающий район называется Собачевка. Он всегда отличался тем, что там жила дудаевская оппозиция. Жители прямо сказали, что если бы были духи, мы бы сообщили. Сразу после трагедии войска двинулись в частный сектор, где было убито два подростка, которых потом объявили группой отходящих боевиков. Но один из них был умственно неполноценным, он, увидев военных, испугался и побежал. Второй стал его догонять, что и спровоцировало огонь федералов. Также были заверения, что духи, находясь на поле между колонной и блокпостом, вели огонь и по нему. Якобы снайперы прижали блокпост огнем, а духи пытались атаковать. Но более бредовую идею трудно высказать. То, что приняли за огонь снайперов, были пули, летящие в места событий во все стороны и, в частности, залетающие и на блокпост. А насчет атаки в чистом поле, среди белого дня укрепленных позиций блокпоста, расположенных на господствующей высоте и в то время, когда в тылу у тебя тоже противник, причем, которого ты только что обстреливал, это уже слишком.

Была даже версия, что стрелял снайпер из спортивной малокалиберной винтовки, но и она не выдерживает критики. Достаточно посмотреть повреждения, которые получили первые четыре «Урала». Все пробоины в машинах от автоматов калибра 7,62-мм и расположены спереди и слева. Справа, откуда якобы стрелял противник, нет ни единой дыры. Места попадания гранат РПГ также указывают, что огонь вели слева спереди и снизу.

Сейчас, в сущности, и не важно, кто куда стрелял. Ясно, что произошла чудовищная ошибка.

Беда в том, что никто так и не попытался разобраться, почему это стало возможно. Как получилось, что одно подразделение российских милиционеров, сделало засаду на другое. Я имею в виду — на подразделение чеченской милиции. Ведь, в сущности, все эти пули и гранаты предназначались им, а подмосковный ОМОН лишь случайно принял все это на себя.

Право слово, какой-то абсурд. Воевать надо с духами, а не друг с другом. Любая война сопровождается определенной долей неразберихи, но что бы устраивать плановые засады друг на друга, с этим я сталкиваюсь впервые.

Может, все это от нечего делать?

С.Козлов Лекарство от мятежей (продолжение)

Что такое внутренние войска

В состав федеральных сил от МВД входят и внутренние войска. Однако применяются они, главным образом, как обычная пехота. Причем подразделения ВВ не имеют даже артиллерии, способной эффективно поддержать их действия. Для того, чтобы понять правильно ли это, надо разобраться, что такое современные внутренние войска, и для чего они нужны.

В настоящее время, когда подразделения, занимавшиеся конвоированием и охраной заключенных, переданы министерству юстиции, войска состоят из дивизий (ДОН) и отдельных бригад (обрОН) оперативного назначения, а также соединений и подразделений охраны особо важных государственных объектов. В состав войск также входят вертолетные и морские подразделения. Все эти части сведены в округа. ОДОН — бывшая дивизия имени Дзержинского находится в оперативном подчинении командующего войсками.

Одной из основных функций ВВ, помимо охраны объектов, является поддержание правопорядка и предотвращение массовых выступлений гражданского населения. В военное время они должны бороться с диверсантами противника. В современных условиях наиглавнейшей задачей внутренних войск должна стать контр-партизанская борьба, поскольку проблема это сугубо внутренняя.

Однако, в силу ряда причин, решение этой задачи в настоящее время на ВВ возложить нельзя. Одна из основных проблем — это некомпетентность руководства. На многих руководящих должностях находятся бывшие «конвойники». Люди, не имеющие отдаленного представления не только о том, как бороться с партизанами, но и об организации элементарной боевой подготовки. Это главная болезнь внутренних войск. Замкнутость системы породила широкий протекционизм, в результате которого служебный рост имеют не те, кто более профессионально подготовлен, а тот, кто более близок в личном отношении тому или иному начальнику. Хваленая подготовка подразделений внутренних войск не более, чем фикция. Даже лучшие из лучших — те, кто решил пройти испытание на право ношения главного символа спецназа внутренних войск, недостаточно обучены. В сущности, экзамен на «краповый берет» — скорее тест на психологическую устойчивость, а не на профессиональную пригодность. Такие тесты следует проводить при отборе бойца в спецназ, а не когда он, так или иначе, уже служит и служить останется. Боевая же выучка войск невысока, несмотря на высокое самомнение. Не хотелось бы обижать хорошо знакомых мне софринцев, но из песни слова не выкинешь. Серьезные потери этой, считающейся одной из лучших, бригады при штурме Грозного в районе Старых Промыслов — следствие неумелых действий как солдат, так и офицеров.

Обеспечены техникой и вооружением соединения оперативного назначения слабо. Техника старая, отслужившая свой срок в пехоте. Из артиллерии в бригаде только СПГ-9 и спаренные зенитки ЗУ 23х2.

О спецназе внутренних войск

Он состоит из полка специального назначения «Витязь», который входит в состав ОДОН и отрядов специального назначения (ОСН) «Русь», «Русич» и «Скиф». Безусловно, уровень подготовки в спецназе выше, чем в других частях.

Но далеко не всегда. Реорганизация и укрупнение «Витязя» отрицательно сказались на уровне его боевой выучки. Об этом открыто говорят офицеры, ранее служившие в этой знаменитой части. Не все ладно и в

отрядах. Бой на горе «Ретранслятор» показал слабую выучку и слабую психологическую подготовку армавирицев. Они без труда сняли часовых боевиков, которые дежурили на высоте и заняли на ней оборону. После этого, связались с колонной внутренних войск, находившейся от них в трех—четыре километрах и дали команду на ее выдвижение. По задумке они должны были обеспечить безопасность движения колонны. Но на таком расстоянии это просто не реально. Колонну, вошедшую в «зеленку», духи полностью разгромили, а после решили заняться непрошеными гостями. Они атаковали отряд, общей численностью около восьмидесяти человек, который имел в своем распоряжении пулеметы и другое тяжелое вооружение. Ваххабитов было приблизительно в три раза больше обороняющихся, но они были вооружены только стрелковым оружием. Гора, где оборонялись спецназовцы, была лысой, и подступы хорошо просматривались. При правильно организованной обороне можно было без труда отразить атаку. Но, тем не менее, этого не произошло. Как рассказывал командир минометной батареи мотострелков, который был готов поддержать спецназовцев огнем, вместо целеуказаний в эфир несло истерическое: «Нас предали!». Потом они побежали. Разные источники называют разные цифры потерь. Не стану их конкретизировать, но достаточно сказать, что потери велики. Бывший командир «Витязя» В.Никитенко в их оправдание сказал, что их только полгода как сформировали, и поэтому они не смогли хорошо подготовиться к войне. Но небезызвестный «мусульманский» батальон тоже был сформирован всего за шесть месяцев до штурма. В его состав входили на девяносто пять процентов солдаты и офицеры, набранные из пехоты и бронетанковых войск. Однако операцию по взятию дворца Тадж-Бек в Кабуле они осуществили блестяще, потеряв всего пять человек убитыми. Несмотря на насмешки «коренных» спецназовцев, 154 отдельный отряд специального назначения ГРУ ГШ исполнил свое предназначение.

Какие же задачи имеет спецназ внутренних войск?

Попробуем разобраться, в чем состоит их специальное назначение. Учебную роту специального назначения генерал А.Г.Сидоров формировал перед Олимпиадой 1980 года, в большей степени, как подразделение антитеррора. Позже рота была преобразована в учебный батальон. А на его основе был создан отряд специального назначения «Витязь», который теперь стал полком. Поскольку задачи антитеррора были возложены на «Альфу», а чуть позже и на СОБР, спецназ ВВ самостоятельно их ни разу не решал, хотя в операциях участвовал, но в основном на вторых ролях. В то время, когда в состав ВВ входили конвойные части и части по охране исправительно-трудовых учреждений, некоторые радители за спецназ ВВ говорили, что он нужен для подавления беспорядков в колониях. Однако сейчас в системе УИН есть свои спецподразделения, решающие такие задачи.

Так для чего же нужен спецназ ВВ? Ответа нет.

Нужна реорганизация

Предполагаю, какую негативную реакцию вызовет эта статья во внутренних войсках. Но цель ее не очернить их. Мне кажется, давно назрел вопрос об их реорганизации. Об этом говорил и новый командующий войсками. По его мнению, войска должны перейти на батальонную систему с достаточно высокой самостоятельностью этой единицы. Позволю себе высказать ряд мыслей на этот счет.

Исходя из задач, стоящих перед войсками, их необходимо разделить на части и соединения охраны, и Корпус полевой жандармерии. Именно о последнем и пойдет далее речь. Такие структуры в мировой практике не редкость. В ходе ведения войны они занимались наведением порядка, устанавливали власть военной, а в последующем и гражданской администрации на освобожденной или оккупированной территории. Полномочия в прифронтовой полосе их были довольно высоки. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что фельд-полицию в фашистской Германии боялись даже СС. Однако численность подразделений фельд-полиции не позволяла им решать задачи по борьбе с партизанами и советскими диверсантами в полном объеме.

Корпус же сможет стать основным инструментом контрпартизанской войны. В его задачи должно входить установление власти военной и гражданской администрации, осуществление гуманитарных акций на освобожденной территории, проведение операций психологической войны, а также ведение разведки и силовых акций против партизан. Исходя из задач, следует не децентрализовывать войска, а наоборот.

Организационная структура

Корпус должен состоять из штаба, дивизий и вертолетного соединения, которое должно обеспечивать действия полевой жандармерии. Дивизии же, как основная оперативная единица, должны состоять из

дивизионной основы (управление и штаб, тыл, подразделения боевого обеспечения, артиллерия дивизии, отдельные подразделения, а также штабы трех бригад) и боевых подразделений.

Не вникая в особенности организации штаба и управления, остановимся сначала на подразделениях боевого обеспечения.

Учитывая, что роль разведки в контрпартизанской борьбе очень велика, в состав дивизии должен входить отдельный разведывательный батальон, состоящий из штаба, роты связи и трех рот разведки.

Для обеспечения управления необходим батальон связи, состоящий из четырех рот связи, каждая из которых должна быть способна развернуть приемо-передающий узел.

Инженерно-саперный батальон также должен включать в себя помимо штаба три инженерно-саперные роты, способные действовать автономно.

Дивизион ПВО, состоящий из трех батарей установок «Тунгуска» и батарее ПЗРК «Игла». Средства ПВО предназначены для прикрытия соединений и подразделений дивизии от ударов с воздуха в условиях внешней агрессии. При решении задач по борьбе с партизанами, в их задачу будет входить локализация района базирования партизан и предотвращение их снабжения по воздуху.

Батальон радиоразведки и радиоэлектронной борьбы должен состоять из штаба и трех рот, которые также самостоятельно должны быть способны вести радиоразведку в своей зоне ответственности и подавлять работающие радиостанции противника.

Рота химической защиты и воздействия должна состоять из четырех взводов, каждый из которых должен иметь возможность самостоятельно вести химическую разведку, а также массировано применять полицейские отравляющие вещества в контрпартизанских операциях.

Артиллерия дивизии должна подчиняться начальнику артиллерии и состоять из трех отдельных дивизионов 122-мм гаубиц Д-30, а также дивизиона реактивных установок «Град -В» на базе ГАЗ-66.

Отдельные подразделения управления и воздействия должны включать в себя:

Отдельный батальон охраны и комендантской службы, в состав, которого должны входить комендантская рота, а также три роты охраны, обеспечивающие охрану объектов дивизии и исключая отвлечение для этих целей иных подразделений.

Отдельную роту временной администрации, состоящую из трех взводов администрации, каждый из которых должен включать в себя четыре отделения гражданской администрации. Каждое из отделений должно быть способно организовать работу гражданской администрации в районе.

Отдельную роту психологической войны, включающую в себя четыре взвода психологической войны, а также радиостанции, способной вещать на местных частотах и типографии для подготовки пропагандистской печатной продукции. Взвод должен состоять из отделения сбора и обобщения слухов и информации, отделения разработки концепции воздействия, а также отделения громкоговорящего вещания. Рота должна быть укомплектована специалистами, знающими национальные особенности региона применения, а также основной язык проживающего там населения.

Отдельные роты подразделений управления и воздействия должны состоять только из офицеров, прапорщиков, контрактников и гражданских специалистов в своих областях. Помимо задач по воздействию на население и противника, они должны вырабатывать рекомендации для всего личного состава дивизии по вопросам поведения на занимаемой территории для минимизации ошибок, которые могут негативно сказаться на отношении местного населения.

Три штаба бригад должны быть укомплектованы необходимым личным составом. Они предназначены для создания на их основе из боевых и других подразделений дивизии временных оперативно-тактических групп, ведущих борьбу с повстанцами в своей зоне ответственности. В зависимости от площади контролируемой территории, в бригаду может входить то или иное число отдельных боевых подразделений и подразделений обеспечения. Именно в связи с этим подразделения дивизионной основы имеют в основном троичное деление, а их подразделения должны уметь действовать самостоятельно в интересах бригады.

Подразделения тылового обеспечения. Помимо служб тыла сюда должен войти батальон материального обеспечения, включающий в себя три роты материального обеспечения, каждая из которых должна включать

в себя по три взвода. В задачи этого батальона входит обеспечение тыловых служб и складов личным составом, а также выполнение всех хозяйственных работ, включая несение службы в наряде по столовой.

Также задачи тылового обеспечения должны лечь на автомобильную и ремонтные роты. Боевые подразделения не должны отвлекаться от выполнения основной задачи.

Боевые подразделения должны состоять из десяти батальонов: девяти батальонов полевой жандармерии и одного батальона егерей.

Каждый батальон полевой жандармерии должен включать в себя:

- штаб;

- взвод связи, способный обеспечить связь штаба батальона со штабом бригады, а также с ротами полевой жандармерии.

- минометную батарею из 3-х взводов 82-мм минометов и взвода автоматических минометов «Василек».

- три роты жандармов. Каждая рота, в свою очередь, должна состоять из 3-х жандармских взводов, а также взвода оружия, состоящего из трех отделений АТС-17 и отделения огнеметов РПО-А «Шмель». Мобильность жандармских взводов должны обеспечивать девять бронетранспортеров, а взвода оружия — три БМП-2. В распоряжении управления и командира роты должна находиться БРМ-1.

Личный состав рот полевой жандармерии может действовать, как на боевой технике, так и в пешем порядке.

В последнем случае объединенную бронегруппу роты должен возглавить командир взвода оружия, распределивший свой личный состав по взводам. При усилении бронегруппы личным составом одного из взводов, бронегруппа способна действовать, как отдельное боевое подразделение роты.

В задачи боевых подразделений входит практически весь перечень силовых и гуманитарных акций контрпартизанской войны.

Батальон егерей необходимо создать взамен и на основе отрядов специального назначения внутренних войск, как наиболее боеготовых подразделений. Он должен включать в себя штаб батальона, три роты егерей, а также роту связи, инженерно-саперную роту и роту материального обеспечения. Рота егерей должна иметь ту же штатную структуру, что и рота полевой жандармерии, но помимо бронетранспортеров и боевых машин пехоты в распоряжении егерей должен быть гужевого транспорт. Егеря могут действовать в составе бригад, но исключительно по их основному предназначению. В задачу егерей входит формирование поисковых охотничьих команд, которые, действуя пешком или на лошадях в районах предположительного действия партизан должны выявлять районы их базирования и передавать информацию в штаб бригады или дивизии. Эти же задачи могут возлагаться и на разведчиков дивизии.

Применение

Для применения корпуса полевой жандармерии, помимо его создания, в настоящее время необходим закон о мятежной территории, проект которого уже давно находится на обсуждении в Государственной Думе. Его принятие позволит совершенно легитимно применять вооруженную силу там, где это необходимо, без боязни негативной реакции мировой общественности. Причем

количество дивизий корпуса может зависеть только от необходимости. При надобности корпус может применяться и в полном составе для установления контроля над мятежной территорией.

Каждая дивизия должна иметь свою зону ответственности, которая должна делиться на сектора бригад, районы батальонов и участки ответственности усиленных рот. Основная тактическая единица — батальон, который руководство бригады усиливает по своему усмотрению в зависимости от задач и обстановки в районе. Недопустимо распыление сил на большой территории, которое бы затруднило оперативную концентрацию сил для проведения операции по уничтожению партизан по плану старшего начальника.

В зависимости от сложности ситуации Корпус может либо самостоятельно решать задачу по освобождению мятежной территории, либо, если случай, как в Чечне, весьма запущенный, совместно с армейскими подразделениями освобождать, но индивидуально наводить порядок в освобожденном регионе.

В условиях внешней агрессии части и соединения должны поддерживать порядок в прифронтовой полосе, а также решать описанные выше задачи в освобожденных регионах, двигаясь вслед за армией.

Подготовка

Вопрос утряски нового штатного расписания — задача не из легких, но даже тогда, когда росчерком пера высокого начальства этот или примерно такой штат будет утвержден, возникнет основная проблема — подготовка офицеров и личного состава. Потребуется привлечь специалистов по контрпартизанской борьбе из других силовых ведомств и, в частности, из спецназа ГРУ для разработки руководящих документов,

программы боевой подготовки, наставлений и уставов по контрпартизанской борьбе. Нужно будет подготовить достаточное количество специалистов именно в этой области.

Я обратил внимание на специалистов из спецназа ГРУ поскольку, по-моему, это — единственная структура, где курсанты изучают данный вопрос. Также специалисты из этого ведомства смогли бы оказать помощь при подготовке подразделений егерей. Как бы то ни было, а в вопросах автономного ведения боевых действий у спецназа ГРУ самый богатый опыт в наших вооруженных силах.

Символика

Безусловно, что при разработке новой символики корпуса, дивизий и бригад следует использовать символику тех соединений и подразделений внутренних войск, на базе которых будут формироваться новые части. Это сыграло бы положительную роль в сохранении и преумножении славных боевых традиций.

Краповый берет, как символ высшей доблести внутренних войск также необходимо сохранить. Единственное, что следовало бы изменить, это — условия испытаний, которые необходимо пройти для его получения. Их нужно пересмотреть в свете новых задач, а проводить, наверное, более разумно по окончании отбора после курса молодого бойца. Хотя это — уже дело «краповых беретов».

Эпилог

Задача по осуществлению такого реформирования для многих скептиков наверняка покажется не бесспорной. Многие посчитают, что слишком «жирно» содержать такое число обеспечивающих подразделений. Однако надо понимать, что как корпус в полном составе, так и его соединения, должны действовать на мятежной территории абсолютно автономно. Они должны быть как бы государством в государстве. Конечно, времени, которое потребуется на такую реорганизацию, а также подготовку кадров, уйдет немало, однако хочу уверить, что и через четыре — пять лет надобность в полевой жандармерии не отпадет. И даже, когда наконец восстановится конституционный порядок на всей территории России, такой инструмент всегда необходимо иметь под рукой.

Как говорил древний китайский полководец Сунь Цзы: «Корми солдата хоть тысячу дней для того, чтобы использовать его один час в нужное время и в нужном месте».

С. Никитин. Верните в поле царицу полей

Афганская и две чеченские войны еще раз подтвердили: в отличие от глобальных войн в локальных конфликтах решающую роль играют не крупные военные соединения, а подразделения низового звена - взвод, рота. Именно на них ложится сегодня основная нагрузка в ходе проведения операций. Нагрузка, с которой общевойсковые подразделения не могут справиться в силу многих причин. Здесь и закостенелость мышления общевойсковых командиров, не способных отказаться от привычной тактики общевойскового боя и перейти к тактике борьбы с повстанцами, и наличие тяжелой техники, которая при традиционном ее использовании лишь уменьшает мобильность подразделений, и многое другое. На Западе уже давно извлекли уроки из локальных конфликтов и создали аэромобильные соединения, которые еще во Вьетнаме зарекомендовали себя с наилучшей стороны во многих операциях. Для борьбы с партизанами были разработаны полевые уставы, описывающие новые тактические приемы. Причем каждый род войск имеет свой устав, отображающий особенности боевых действий морской пехоты, армии и т.д.

В соответствии с концепцией воздушно-наземной операции, принятой на рубеже восьмидесятых - девяностых годов и предусматривающей резкое повышение на поле боя роли именно звена рота - взвод, были созданы дивизии легкой пехоты. Согласно названной концепции американцы и их союзники по НАТО планируют после нанесения огневого поражения противнику на всю глубину его оперативного построения рассекать его оборону глубокими клиньями и в дальнейшем силами малых подразделений перейти в тылу противника к действиям, схожим со спецназовскими. Для того, чтобы действия легкой пехоты были эффективными, в армии США для их подготовки разработана программа, отличающаяся от программы механизированных подразделений. Все это говорит о том, что американцы планируют применять легкую пехоту не только в локальных конфликтах, но и в глобальной войне.

Копировать Запад не обязательно. Но внимательно вникнуть в проблему просто необходимо. В контрпартизанской борьбе, которая ведется в Чечне не один год, трудно переоценить грамотные действия

пехоты. Сама жизнь подталкивает нас к созданию легких пехотных подразделений, способных действовать самостоятельно и в то же время эффективно.

Чужие задачи

Сейчас задачи ЛПП зачастую выполняет спецназ. Отсутствие подразделений, подготовленных для локальных конфликтов, вынуждает привлекать для этого «специалистов особого профиля», которых явно не хватает. Поэтому спецназ растет как на дрожжах. А спецназовец - довольно дорогой спец, использование которого взамен ЛПП сродни забиванию в стенку золотых гвоздей. Но ведь проще и экономнее перепрофилировать часть хорошо подготовленных мотострелковых подразделений в легкие пехотные. А спецназу дать выполнять свои задачи. Ведь его основная задача - разведка. Взять ту же САС. Она ведет разведку. Разведчик в тылу противника жив до первого выстрела. Поэтому от боя уклоняется. Оружие - только для самозащиты. Выстрел прозвучал - все, загоняют.

Особенно важно научить общевойсковых командиров правильно применять легкую пехоту, поскольку опыт применения спецназа показывает, что зачастую они не в курсе, что такое спецразведка и как она применяется. В Чечне бывало такое: у генерала дивизия за спиной, а боевую задачу решают 30 человек спецназовцев, которые называются «отрядом». А по численности - мотострелковый взвод. Задач же нарезают... Мол, вы же спецназ - можете. Да, можем. И людей положить точно также можем.

Был и в моей практике случай, когда ставил задачу некомпетентный командир. И вроде свой - полковник из разведотдела округа.

У них в разведотделе прошла информация, что боевики из Южной Осетии выходят через горы в Терское ущелье. Моей группе нужно было отследить их скопление и навести авиацию.

Я задал полковнику простые вопросы: как меня будут высаживать, как будет организована связь и как в случае провала меня оттуда будут забирать - у него не нашлось ответов. И разговор перешел в русло уголовного кодекса: «Товарищ старший лейтенант, вы отказываетесь выполнять приказ, вы трус». Хорошо, что я знал то, что мне положено, - четыре года бегал взводным.

Я ведь в том районе был - там связь то проходит, то нет. Горы...

Спрашиваю полковника:

- Вы повесите надо мной вертолет, чтобы я хотя бы через него давал вам информацию?

- Где я тебе вертолет возьму?

- А если меня там зажмут и начнут колошматить? (Со мной должны были идти радист и восемь бойцов.)

Он отвечает:

- Мы «броню» пошлем. Беру линейку, прикладываю к карте: 10 см - 10 км по прямой, коэффициент 3 - 30 км. А если учесть, что это горы и по прямой не получится, - все 50 км. В лучшем случае к «броню» я один приду...

Ну и пошло. Я старший лейтенант, он полковник. Звезд одинаково. Размеры разные. Пришлось напомнить, что согласно инструкции по боевому применению я действую на основании выписки из приказа. В двух экземплярах, с подписью и печатями. И все это дается мне на руки. Вмешался комбат. Не знаю, что он ему сказал, но приказ отменили.

Если в Афганистане и Дагестане такие случаи были редкими, то в первую чеченскую кампанию применение спецназа не по назначению вошло в систему. Помню, прибыли к нам ребята из Бердской бригады. 250 специалистов-контрактников. Ну и стали их использовать как мотострелков. Мужики посмотрели на все это и поувольнялись. А если проанализировать, кто сейчас воюет в Чечне из прошедших Дагестан и первую Чечню, - единицы наберутся. Остальные поняли, какие задачи их там ждут...

Но даже не это главное. Печально то, что, выполняя не свойственную ему работу, спецназ не делает свою. Именно поэтому в той же Чечне нет информации, где находится или передвигается противник. В данный момент бандформирования передвигаются по горам спокойно. Потому что знают, что русские от дорог не уйдут, что с блокпостов никто никуда не высунется, а спецназ всех троп в горах не перекроет.

Отдайте спецназу его работу. Создайте легкую пехоту, чтобы она вела патрулирующие и беспокоящие противника действия. Чтобы «моджахеды» в тех же горах, «зеленке» не чувствовали себя хозяевами.

Почему не успела пехота

Многие могут сказать: «Какая разница? Мотострелки, легкая пехота - это только термины». Так ли это? Давайте разберемся. Что собой представляет сегодня мотострелковый взвод? 3 отделения по 10 человек, 3 БМП или БТР. Подразделение, в той или иной мере привязанное к технике, за которую у командира взвода голова болит больше, чем за личный состав. У нас даже мобильные десантные подразделения имеют «броню» - структура-то похожая. Для проведения операции по захвату плацдарма в тылу противника и удержанию его до подхода главных сил - для этого техника нужна. Как нужна она и для крупных общевойсковых операций. Но в локальных конфликтах, когда основными способами ведения боевых действий являются пешее патрулирование и разведка местности, техника зачастую становится обузой.

Почему, когда в Чечне попали в засаду три группы псковских спецназовцев, к ним не успела подойти подмога? Потому что мотострелки шли к ним двое суток. Они технику с собой тащили. Не могли ее оставить.

К сожалению, приходится заметить, что современные мотострелки да и, чего греха таить, десантники не обучены самостоятельным действиям в отрыве от главных сил. Один из командиров группы кандагарского отряда спецназа рассказывал, как однажды перед началом войсковой операции по проческе «зеленки» встретил комбата дшб. Тот был явно огорчен. Из разговора выяснилось, что комбат уверен: комбриг бросает его ребят на верную гибель. Согласно задаче три его отряда по сорок человек в каждом со штатным вооружением (из тяжелого оружия: АГС-17 - 4 шт., миномет - 2 ед., НСВ 12,7-мм «Утес» - 3 шт.) должны расположиться на удалении 1 км друг от друга на предположительном маршруте отхода мятежников из «зеленой зоны». Как сказал комбат, без поддержки артиллерии и авиации им предстоит продержаться три или четыре часа. Он полагал, что их за это время «духи» просто сожрут, - и был в полном недоумении, когда не нашел сочувствия у спецназовца. Мало того, тот тоже не мог понять, что же тут сложного. У спецназовцев те же задачи выполняли группы по двадцать человек с одним АГС-17. Если же группу усиливали до тридцати человек и давали второй АГС-17, командир группы говорил, что теперь он имел в виду всех «духов» провинции.

Очевидна разница в психологии. Именно в силу устоявшегося в пехоте стереотипа командир взвода там - никто. Он примерно как ефрейтор в спецназе. Пехота начинает работать с батальона, полка. Ей требуется масштаб, простор.

В локальных же конфликтах основное «действующее лицо» - взвод, рота. Именно командир взвода должен решать основные вопросы боевой работы подразделения. А для этого он должен иметь соответствующий опыт и необходимые средства.

К сожалению, наш «ванька взводный» зачастую и карты-то с собой не имеет, а если и есть она у него, то не всегда он ею умеет пользоваться. Как работала пехота в Дагестане? Взводного привезли, сказали: «Вот тебе твой участок. Ты сидишь здесь, держишь оборону». Он и сидит, ни о чем не задумываясь. Пошли «бандюки» на участке обороны его взвода в прорыв. Он докладывает ротному. Ротный - комбату. Комбат выходит на дивизионную артиллерию: «Мне 3-му взводу нужна артиллерия». Артиллеристы стоят где-то в районе КП полка или КП дивизии. Дали залп. «Корректируй», - просят. А взводный и не знает как. Его этому не учили, как не учили наводить авиацию, выставять минное поле, маскироваться...

Командиру легкого пехотного подразделения все это необходимо знать. Соответственно и сама штатная структура ЛПП должна быть более гибкой.

Американский опыт: хорошо или плохо?

Взять, к примеру, морскую пехоту США. У них в отделении 13 человек. В каждой роте 3 стрелковых взвода и взвод огневой поддержки, в котором 3 расчета пулеметов типа наших ПК, 2-3 расчета минометов, расчет ПТУРов. В батальоне людей и вооружения побольше, калибр минометов покрупнее. Всем распоряжается комбат. У него даже имеется взвод пеших разведки и одно отделение (8 человек) - снайперы. Все они работают по указанию комбата, по заявкам командиров рот. В батальоне есть штатная рота, обеспечивающая связь. Переброску легких пехотных подразделений осуществляют вертолеты подразделения армейской авиации, находящегося в распоряжении комдива. Он решает, сколько и каких «вертушек» придать той или иной тактической группе в соответствии со стоящими перед ней задачами.

Эффективность такой схемы взаимодействия подтвердил Афганистан. Каждой из бригад специального назначения была придана отдельная эскадрилья, «Вертушки» были поделены между отрядами, стоящими отдельно. По восемь Ми-8 и Ми-24 в каждый. После этого командиру отряда не надо было выходить на командующего группировкой ВВС: «Дайте «вертушки» - у меня люди гибнут!»

Конечно, создание легких пехотных подразделений потребует, кроме изменения штатной структуры, иного подхода к боевой подготовке. И надо всего-навсего возродить полевую выучку пехотинца, поскольку отнюдь не всегда за пехотой клеилось обидное прозвище «бестолковая». Пора бы вспомнить, что пехота - это «царица полей». Некогда довольно высокую полевую выучку советской пехоты угробил послаблениями покойный маршал А.А. Гречко. Это в период его руководства батальонные учения с боевой стрельбой начали проводить на своих полигонах, где знаком каждый кустик. Чтобы механики-водители не перепутали маршрут движения машины, его отмечали метелками и вешками. Раньше обстановку для такого учения накрывала чужая часть. Растерять опыт всегда проще, чем его накопить и уж тем паче возродить. Но над этой задачей стоит потрудиться. Если учесть, что ЛПП - это нечто среднее между пехотой и спецназом, то психология здесь все же потребует спецназовская. Научить пехоту самостоятельности - это тоже довольно сложно, поскольку даже крылатая пехота болеет теми же болезнями, что и мотострелки.

Помню, в 1992 году моя группа работала вместе со сводным рязанским полком. Когда мы вышли к месту их привала, то пришли в недоумение. Представьте: на поляне сидит парашютно-десантная рота. Посередине - костер, вокруг которого в три кольца разместились бойцы в зависимости от сроков службы: дембеля - поближе, молодые - подальше.

У них на то время были хорошие спальные мешки, плащ-палатки «дождь» (прорезиненные, 2/3 которых надувается как матрас, а чехлы наполняются воздухом и пристегиваются как подушки). Были БМП-тенты. Рядом стог сена стоит. А они - сидят у костра.

Мы пришли - сделали навес, накидали сена, постелили спальники. Дождь пойдет - нам не страшно. Десантники могли обустроиться лучше нас. Но, наверное, лень было позаботиться о себе или их просто не научили. Для офицеров поставили палатку, а бойцы сидели и ждали тыловиков.

У спецназовцев, разведчиков в психике заложено - за тобой нет никого. Тебе никто ничего не привезет. Надейся на то, что у тебя под рукой. Эту психологию придется перенимать военнослужащим ЛПП. И воспитывается она по-разному. Например, почему у нас заглох тот же штыковой бой? Говорят, в современном бою до него не дойдет. Правильно, вряд ли придется, примкнув штыки, колоть противника. Но ведь штыковой тренаж придает солдату уверенности в своих силах, повышает ловкость, воспитывает агрессивность. Американцы штыковой бой отрабатывают. Им нужна агрессивность в бою. А нам, получается, нет? Посмотрите на наших десантников. На них надели голубые береты и внушили, что они «крутые». Телевидение сделало им рекламу: ломают кирпичи о свою голову, значит, смогут и об чужую. В них есть агрессивность. Пусть даже не хватает обученности, как в пехоте. Но в пехоте нет ни того, ни другого. Мотострелка привезли в БТРе на поле боя, он выскочил, крикнул «Ура!», добежал до окопа и сидит, ждет, что ему дальше скажут делать.

Есть и другой пример, куда более красноречивый - Чечня. Мотострелки расставили блокпосты и на этом успокоились:

«Мы контролируем обстановку». Засели за бетонные блоки и спят. И винить их вроде не за что: они просто не умеют по-другому. Не могут действовать без боевых машин, без поддержки артиллерии, танков.

Помните фильм «Взвод», рассказывающий о войне во Вьетнаме? Там очень хорошо раскрыт опыт действий легких пехотных подразделений. Американцы патрулируют местность: находят какие-то следы, ведут разведку, вступают в бой с противником. Они четко знают, что им делать. А наши сидят за бетоном и больше их ничего не волнует.

Один офицер рассказывал, как наша пехота в Чечне ездила неделю мимо замаскированного танка «бандюков» и не замечала его. Потому что села на «броню» - и хоть трава не расти.

Я уж не говорю о прогоне колонн. За многие годы войны в Афганистане, в Чечне не научиться гонять колонны - это просто уму непостижимо.

Ну ладно, не можем использовать свой опыт, давайте возьмем на вооружение чужой. Скажем, бельгийцев или французов. Как они, к примеру, сопровождают колонны? Во-первых, посадка на машины. Пехота у них сидит лицом к борту. Тент откинут. Поставили на кабину пулемет... А у нас? Крытый «Урал» - все сидят спиной к борту. Для того чтобы открыть огонь, необходимо развернуться, разрезать тент, высунуть ствол... 20 раз можно умереть.

Армии мира уже давно берут на вооружение опыт легких подразделений. В Англии, к примеру, не важно, кто ты: десант, пехота - все учатся пешему патрулированию. Морские пехотинцы, десантники техники не имеют. Давно ходят пешком. И те у них были проблемы во время Фолклендов, когда ЛПП не смогли совершить в установленное время 80-километровый марш и вступить в бой. А наша пехота? Очень сомневаюсь, что уже после 30-километрового марша она сможет вести бой...

Однако выучка - дело наживное. Главное, чтобы давали возможность учиться. Поэтому создание соединений легкой пехоты должно предполагать наличие мощного тылового обеспечения, позволяющего боевым подразделениям посвятить все учебное время боевой подготовке, а не хозяйственным работам.

Сейчас для создания таких подразделений есть и объективные и субъективные условия. Готовящееся сокращение Вооруженных Сил позволило бы оптимально использовать офицерские кадры для укомплектования легких пехотных подразделений. А освобождающихся средств с лихвой хватило бы на качественную подготовку и оснащение этих русских рейнджеров, за которыми, уверен, будущее Вооруженных Сил.

С. Козлов. "Партизаны" или резервисты?

Мастерство не пропьешь

К Советской Армии, как и к советской эпохе, можно относиться по-разному. Однако не секрет, что любое изображение имеет оттенки. Поэтому нельзя изображать и СА только черной или белой краской. Другими словами, проводя реформу Российских вооруженных сил, нельзя слепо подражать ей или, наоборот, полностью игнорировать опыт армии той поры. То, что опыт и, в том числе, боевой в Советской Армии был накоплен немалый, свидетельствует недавний факт. Американцы, планируя применение своих наземных сил в Афганистане и, в первую очередь, сил специальных операций, настойчиво пытались завербовать бывших афганцев, главным образом, из числа офицеров спецназа, уволенных в запас. Фиаско американских рейнджеров под Кандагаром в начале операции «Нерушимая свобода» заставили их спешно изучать опыт советского спецназа, который успешно громил базы моджахедов и уничтожал караваны с оружием. Один из бывших командиров бригады спецназ, воевавшей в Афганистане в советские времена, рассказывал, что к нему приезжали несколько раз, пытаясь выведать секреты воинского мастерства, предлагая при этом щедро оплатить услуги. Значит, ценят этот опыт за океаном.

А ценят ли его у нас? Пытаются ли как-то использовать?

Как вербуют в наемники

Как-то вечером, когда я уже два года как расстался с Вооруженными силами Украины, ко мне домой в Москве зашли мои товарищи по службе и учебе в Рязани. Выпили за встречу, и спустя некоторое время разговор перетек в неожиданное русло. Без обиняков меня спросили, остался ли еще порох в пороховницах и не желаю ли я немного повоевать. Я ответил, что все зависит от того, где воевать, против кого, и в чем конкретно состоит задача. Также я, будучи теперь совершенно штатским, задал и «шкурный» вопрос: «А что я с этого буду иметь?». Ребята рассказали, что Федеральная служба контрразведки формирует из бывших спецназовцев, имеющих боевой опыт, отряд общей численностью сорок человек. Этот отряд должен скрытно прибыть в Чечню, и не куда-нибудь, а в Грозный, где во время «Ч» произвести обстрел дворца Дудаева из реактивных огнеметов РПО-А, больше известного как «Шмель». После этого они должны скрыться. Больше мне о задаче ничего не сказали из соображений секретности. Понятно, что если бы я согласился, задачу бы довели более подробно. За сей подвиг каждому обещали по одной тысяче «зеленых денег».

Предложение, от которого лучше отказаться

Я вслух начал сопоставлять все плюсы и минусы предложенного мероприятия.

Проникновение на территорию Чечни русских без взаимодействия с агентурой, а также прибытие в Грозный сорока человек незаметно для ДГБ Дудаева мне показалось сразу маловероятным.

Мне было не ясно, а что давал обстрел дворца «Шмелями». Если в том была необходимость, то его можно было бы просто разбомбить авиацией без участия спецназа. И что больше всего меня волновало, а как собственно мы должны были выбираться из Грозного после такого шума? По моему разумению, для того, чтобы все это спланировать и провести операцию без потерь, надо было хотя бы недельку походить по городу и наметить основные и запасные пути подхода к дворцу и отхода от него, а также огневые позиции для стрельбы из огнеметов. Поскольку это все было «писано вилами по воде», я решил все, не имеющее в настоящий момент какого-то объяснения, отнести к минусам. Также в этот разряд попадало и то, что контрразведка вербует спецназовцев ГРУ из «бывших», от которых всегда можно отказаться.

Из плюсов была только тысяча долларов, которой как раз бы хватило на мои похороны. Я сказал, что это чистой воды «подстава», и я в такие игры играть не собираюсь. Прошло немного времени, и я узнал из СМИ о танковых колоннах, проданных духам, но не провел параллели между предложением, которое мне было сделано, и событиями осени 1994 года.

Лишь когда закончилась первая Чеченская кампания, судьба свела меня с одним из участников тех событий.

Что вышло из этой затеи

Если бы мне лично не предлагали принять участие в этой аванюре, я бы подумал, что человек этот просто «вешает мне лапшу на уши». Оказывается, этот отряд был сформирован, оснащен и прошел подготовку в одной из воинских частей Московского Военного округа. Руководила деятельностью отряда служба контрразведки. Отряд был разделен на две группы по двадцать человек.

В состав одной из этих групп и входил мой собеседник. Он рассказал, что предварительно они прошли по всему маршруту предполагаемого движения танкистов. Результаты разведки были не утешительными. Было совершенно очевидно, что боевиков кто-то предупредил о готовящейся акции и подробно ознакомил с маршрутом движения танковых колонн. Вблизи дорог, по которым должны были пройти танки, находились опорные пункты и засады. Дороги были заминированы управляемыми минами и фугасами. Зная по своему опыту, чем это может грозить танкам, спецназовцы провели разведку маршрута, где бы танки могли беспрепятственно достигнуть Грозного и прибыть к указанному сроку к дворцу. Результаты разведки были доложены руководству, но должного действия не возымели. Поняв, что все здесь повязано, «бывшие» решили хотя бы предупредить командира одной из танковых колонн. Рассказав, что его ждет на маршруте, они показали танкисту безопасный маршрут, разведанный ими. Однако информация на командира колонны не произвела должного впечатления. Судя по тому, как он реагировал на предупреждение, ему было строго-настрого указано, по какому именно маршруту вести танки. Спецназовцы в указанное время были у дворца и даже сделали несколько выстрелов по его окнам, однако не все из них попали в цель. Но и этого хватило, чтобы возник пожар в здании. Отстрелявшись, разведчики отошли на пункт сбора. К дворцу из всей колонны удалось прорваться только одному танку. Экипаж, обалдевший от мясорубки, из которой ему удалось вырваться, спецназовцы забрали с собой и вывели за пределы Чечни.

Если отбросить вопросы этики и морали

События, наступившие вскоре после неудавшегося штурма, всем известны. Но суть не в том. Описанный выше факт — первая попытка привлечения резерва спецназа ГРУ для выполнения специальных задач. Правда, попытку эту предприняла ФСК. В случае чего всегда можно свалить вину на «смежников с «Полежаевки». Но, оставив морально-этический фактор описанных событий, давайте задумаемся, а что в этом плохого? Опыт спецслужб других стран в этом вопросе свидетельствует, что применение специального резерва для выполнения различных, в том числе, весьма щекотливых заданий, бывает полезно государству.

В Великобритании всемирно известная SAS состоит из трех полков: 21-го, 22-го, и 23-го. Из них только 22-й полк действующий. Остальные полки — резерв. Причем их резервисты разительно отличаются от наших, российских. В 1995 году я познакомился с бывшим сержантом SAS, хотя применительно к сасовцам понятие, как «бывший» весьма условно. Хотя бы потому, что мой новый знакомый тогда только что вернулся из Боснии. В ходе своей службы, находясь в составе подразделения, специализирующегося на морском варианте вывода групп в тыл противника, Рон принимал активное участие в боевых действиях против Аргентины в ходе Фолклендской кампании. Службу закончил после операции «Буря в пустыне». Он не принимал участие в специальных действиях, которые, и довольно успешно, вели в пустыне его однопольчанин. Рон охранял кувейтского шейха. Уже тогда он планировал закончить службу и открыть свое частное охранное агентство. Кстати, первым его клиентом стал тот самый шейх, которого он охранял. Уровень подготовки сержанта, отдавшего спецназу двенадцать лет жизни, помог шейху сделать правильный выбор. За пять лет, с легкой руки и при хорошем финансовом вливании своего первого клиента, Рон превратился в преуспевающего бизнесмена.

Тем не менее, когда потребовалось, он оказался в составе резервистов SAS, действовавших в Боснии. Военное командование, осуществляющее планирование и руководство специальными операциями, бережно относится к опыту, накопленному их ветеранами, и активно использует в случае надобности. Сами же резервисты находятся в прекрасной физической форме. В этом я убедился, глядя на Рона — в свои 44 года выглядел он великолепно. Государство и Вооруженные силы Великобритании стимулируют высокий уровень боевой готовности своих резервистов. Их применение не ограничивается акциями, подобными Боснийской. Известно, что охранные агентства, которые, подобно Рону, возглавляют бывшие спецназовцы, и частично или полностью укомплектованные ими же, выполняют специальные акции в интересах правительства Великобритании в тех случаях, когда участие регулярного спецназа может скомпрометировать его. Правда, мой британский коллега молчал о подобных действиях как рыба.

Не стоит наступать на старые грабли

Сейчас, когда военные комиссариаты нашей страны вновь стали призывать для прохождения сборов приписной состав, который в военное время или угрожаемый период должны составить основу личного и офицерского состава подразделений и соединений резерва, мне кажется, стоит обратиться к зарубежному опыту, где во главу угла подготовки резервистов ставят не количественный, а качественный показатель. Резервисты армий таких стран, как США, Великобритания и ряда других, пользуются теми же социальными льготами, что и военнослужащие, подписавшие контракт. Также им выплачивается определенное денежное вознаграждение за службу в резерве. В то же время с них строго спрашивают за поддержание себя в высокой степени боевой готовности.

Речи о сравнении с нашими «партизанами» даже и быть не может. Главная разница в подходе. «За бугром» граждане страны вступают в резерв добровольно, у нас на сборы «приписников», буквально, отлавливают. Перед увольнением в запас я имел опыт командования сборами приписного состава Крымской бригады спецназ. Начальник штаба, на которого согласно приказу была возложена эта задача, сломал на прыжках ногу, чему был несказанно рад. Вся тяжесть командования этим сбродом легла на меня — его заместителя, назначенного на время сборов. Нет, конечно, жесткими мерами мне удалось привести это «войско» в относительный порядок. Но возникает вопрос, зачем? Считать, что этих людей в военное время можно использовать для комплектования групп специального назначения, которые смогут выполнить хоть какую-то задачу, значит быть человеком находящимся от реальности дальше, чем декабристы от народа.

Что предлагают ветераны

Требуется качественно другой подход к этой проблеме в армии и на флоте, вообще, и в спецназе, в частности. Например, руководитель одной из общественных организаций ветеранов спецназа ГРУ полковник запаса Бреславский Владимир Евгеньевич неоднократно обращался к руководству российской специальной

разведкой с инициативой о создании из ветеранов спецназа действующего резерва, который бы мог решать как боевые задачи, так и задачи по обучению нынешних спецназовцев, передавая тем самым накопленный боевой опыт. Не секрет, что в годы перестройки и откровенного развала Вооруженных сил из спецназа армии и флота ушла огромная масса офицеров. Это были наиболее подготовленные люди, с боевым опытом работы в Афганистане.

К сожалению, уровень подготовки нынешних спецназовцев, выпускников факультета спецразведки, оставляет желать лучшего. Эти пробелы могли бы восполнить старшие товарищи, которые готовы оказать помощь родному ведомству. Увы, инициатива В.Е.Бреславского пока так и остается только инициативой, непонятой и непринятой в этом ведомстве. Военкоматы же, судя по всему, снова будут призывать на сборы людей, для которых сборы — неприятная обязанность, определенная Конституцией, а не возможность поддерживать себя в высокой степени боевой готовности.

С. Козлов. Как защитить общество от «боевого стресса»

При подготовке материала использованы данные из статьи Сергея Й4 Панасенко «После войны в Англии» («Солдат удачи», 1997 г., №2).

Психически нормальный Болотин

Двадцать третьего января 2002 года «Московский комсомолец» опубликовал заметку о том, что некто Болотин, ветеран Первой чеченской кампании, осужден на пожизненное заключение за совершение зверского убийства. Приехав в 1998 году в Мытищи, Болотин поселился у своих знакомых, но с работой дело у него не заладилось. Болотин свел знакомство с местными бомжами. 16 августа 1998 года, пьянствуя в компании трех мужчин и двух женщин в одном из заброшенных домов, Болотин зверски убил своих собутыльников. Причиной к убийству послужил незначительный повод. Между собутыльниками произошла ссора из-за того, что Болотину не понравилось высказывание мужчин. Одного из них он забил табуреткой, двух других зарезал кухонным ножом. Не пощадил он и женщин. После ареста убийцу обследовали психиатры и признали абсолютно вменяемым, с некоторыми отклонениями психики, связанными со службой в Чечне.

Человек на войне

Обыватель, прочитав эти строки, может подумать: «Научили вас там на нашу голову». Психолог же сразу сможет выявить признаки поведения бойца «остервеневшего» на войне. Поведение таких людей отличается застойной злобностью. Они легко совершают поступки, отличающиеся повышенной агрессивностью к окружающим. Их жертвами могут стать, как товарищи по службе или мирные жители, так и их командиры. Агрессивность, усиливающаяся на войне, как бы дремлет в них вне боевых действий. Поводом для того, чтобы их поведение вышло из под контроля, может послужить все что угодно. Особенно в состоянии опьянения. Чаще всего, после совершения преступления, такие люди ничего не помнят.

Описанный случай проявления поствоенного синдрома наиболее страшен в социальном плане, но отнюдь не единственный. Попадая в обстановку длительного воздействия стресса, психика человека отрабатывает защиту от него. Первоначально, человек, попавший на войну, подсознательно ищет знакомство с опасностью, проявляя активность. Причем в бою они как бы абстрагируются от опасности. Их подсознание говорит, что убить могут кого угодно, кроме меня. У меня в группе был такой солдат. Пулеметчик Владимир Батаев в бою действовал настолько хладнокровно, игнорируя, порой, реальную опасность, что по спине пробежал холодок. Другой человек невольно пригибается, ищет укрытия, когда по нему ведут интенсивный огонь, он же мог идти в полный рост, меняя позицию. Сначала это казалось проявлением небывалой храбрости, но немного позднее он пристрастился к наркотикам.

Спустя годы, анализируя его поведение, я понял, что психологически он был надломлен. В специальной литературе описаны случаи, когда страх порождает равнодушие к жизни или смерти и преобразуется в безрассудную смелость. Людям в таком состоянии их довоенная жизнь кажется нереальной. В послевоенной жизни они себя не представляют.

Другие новички реагируют на стресс наоборот пассивно. Их реакции замедленны. На начальном этапе такие ребята малообщительны. Однако, спустя некоторое время, если не произошел надлом психики, как с рядовым Батаевым, люди постепенно адаптируются к боевым стрессам. Разница в поведении активных и пассивных сглаживается.

Опросы психологов в Чечне показали, что нарушение в психологии поведения наблюдаются у всех, кто хотя бы месяц участвовал в боевых действиях. Однако о психических сдвигах речи не идет. Напротив, такие люди начинают больше ценить жизнь, как свою, так и чужую. Их подсознание работает на приобретение навыков, способных сохранить их жизнь на поле боя и выполнить боевую задачу. Они, несмотря на подсознательную готовность к гибели, принимают все меры к тому, чтобы остаться в живых.

По свидетельству ветеранов вьетнамской войны, новички, которых называли «cherry» (вишня), таковыми переставали быть, если выживали в первом же бою.

В то же время они могут рискнуть или даже пожертвовать собой для спасения жизни товарища. Они вполне социальные. По отношению к мирным жителям они нейтральны или даже доброжелательны. На многие вещи они смотрят совсем иначе, нежели их сверстники.

«На гражданке вы никому не нужны»

Мой бывший сослуживец Д.Лютый рассказывал, как после вывода войск из Афганистана в его батальон попало дослуживать около двадцати человек, ранее служивших в ОКСВА. Их совершенно не интересовали условности взаимоотношений, принятые в подразделениях мирной армии. При столкновении со своими сверстниками они смогли их убедить прекратить враждебные действия без применения силы. Лютый рассказывал, что было очевидно, насколько они взрослее.

Главная проблема парней, прошедших Афган, начиналась потом, когда они понимали, что в Союзе они абсолютно никому не нужны.

Мой заместитель сержант Вадим Постников и пулеметчик Александр Осмак, когда разыскали меня после замены, рассказывали: «Ваши слова о том, что мы здесь никому не нужны, сразу пришли в голову, как только мы вышли на трап самолета, доставившего нас в Ташкент. Мы, даже не проходя таможенного досмотра и пограничного контроля, попытались договориться, чтобы нас отправили обратно. Но было поздно...». Дальше было хуже. Фраза: «Мы вас туда не посылали» — стала хрестоматийной.

В ходе афганской войны, да и после нее наше государство с тупым безразличием относилось и относится к тем, кто недавно с оружием в руках еще не давно защищал его интересы. Казалось бы, мы могли извлечь опыт из ошибок американцев, переживших «вьетнамский синдром».

В моей памяти сохранились документальные кадры, демонстрирующие призывников, сжигающих свои повестки и американский флаг в знак протеста против призыва на войну, и ветеранов этой войны, выбрасывающих свои награды через ограду «Белого дома», поскольку государство ничего не дало им за то, что они рисковали своими жизнями и здоровьем, а общество отторгло их. Однако чужой урок для нас прошел даром.

Что может усиливать стресс

Как бы то ни было, проблемы социальной адаптации военнослужащих, прошедших какую-либо войну существовали всегда. Но только во второй половине прошлого века психологи стали замечать и изучать отклонения в поведении людей, вернувшихся с войны. В Штатах на своих «вьетнамцев» они обратили внимание с большим опозданием. Серьезно изучать отклонения психологии поведения людей, переживших длительный военный стресс, в Америке начали, пожалуй, только после войны в Заливе.

Причем при изучении факторов, влияющих на стресс, наблюдаются такие особенности. У людей, попавших на войну из мест, где уровень бытовых условий высок, способность адаптироваться к боевым условиям, сопряженным с отказом от многих привычных в мирной жизни вещей, степень стресса выше, нежели, чем у тех, кто и в мирной жизни жил в отсутствии ряда бытовых удобств. У «плюшевых» американцев, несмотря на значительно отличавшееся в лучшую сторону тыловое обеспечение, после «Бури в пустыне» был выявлен довольно высокий процент лиц, подверженных поствоенному синдрому.

Переживания человека, попавшего на войну, могут усиливаться, если, как говорится, ему есть что терять. Материальные блага, семья и т.д. могут служить фактором, усиливающим стресс. В академии я обучался с бывшим командиром «пустынного батальона» 70 мотострелковой бригады. И хотя их боевая активность была невысокой, по воспоминаниям этого подполковника, переживания его были велики. Особенно он боялся оставить свою семью без кормильца, детей без отца и т. д.

Также, несмотря на парадокс, зачастую степень переживаемого стресса тем выше, чем ниже реальная опасность. Человеку свойственно запугивать себя. Причем, в природе не существует такой опасности, которую может нарисовать человеческое воображение. Не познакомившись реально с опасностью, человек вновь и вновь возвращается к переживаниям того, что может с ним произойти. Помню, как наш начальник службы ГСМ, однажды «прокатившись» в колонне, напился «до изумления» и плакал, рассказывая свои переживания

в то время, когда они проезжали через печально известную «кандагарскую зеленку». Причем, я узнавал, по ним не было сделано в тот раз ни единого выстрела.

Есть ли защита от стресса?

Возникает вопрос, можно ли защитить человека от воздействия стресса боевой ситуации, и, если можно, то как?

Наблюдая за своими бойцами, с которыми мне пришлось воевать, я отметил, что людей, у которых «съехала крыша» нам в отряд направили из пехоты на доукомплектование. Они не проходили той подготовки, которая была предусмотрена программой боевой подготовки частей и соединений специального назначения.

Некоторые из таких солдат, ломаясь психологически, начинали играть жизнями и получали, как бы страсть к убийству. Таким был сержант С., прибывший из пехоты. Другие же вообще не могли даже смотреть на убитого в бою врага. Солдаты и сержанты, психика которых была закалена, переживали тяготы и лишения проще, быстрее адаптировались к опасности, приобретали навыки избежать ее и выполнить задачу.

Психику солдата закалить можно и должно. Для этого необходимо искусственно модулировать стрессовые ситуации. Предварительно желательно отобрать людей, наиболее способных к этому. Способы могут быть самые разнообразные. Начиная от подъема среди ночи в дождь и совершения длительного марш-броска без объявления цели, времени и расстояния. Человек, способный после двух—трех часов непрерывного бега в таких условиях адекватно воспринимать команды и выполнять их — кандидат в вашу группу специального назначения. Другой пример. После совершения длительного марша в жаркую погоду бойцам дается команда набрать воду во фляги, но пить категорически запрещено. После этого дается команда вылить воду и продолжить марш. Есть и другие способы вызвать стресс. Мой товарищ Виктор Афонченко рассказывал, как перед выполнением зачетных стрельб на проверке проверяющий обругал их последними словами. Показатели в стрельбе тут же упали. После этого проверяющий объяснил, что сделал это намеренно, чтобы показать, как легко вывести из себя солдат этого взвода, и как от этого страдают боевые возможности всего подразделения.

Наверняка, активисты «Комитета солдатских матерей», прочитав эти способы, обвинят меня во всех смертных грехах. Однако воспитание воли, закалка психики солдата путем моделирования малых стрессов, поможет ему пережить продолжительный стресс в ходе боевых действий.

Особый менталитет элиты

Нередко в СМИ приходится слышать разглагольствования о том, что в криминальные группировки уходят бывшие спецназовцы, настоящие профессионалы, прошедшие войну, ничего, кроме убийства, не умеющие. Данное утверждение не имеет под собой основы. Я не стану утверждать, что в команде «Солнцевских» или «Измайловских» не может быть бывших спецов. В принципе может, но думаю, процент бывших спортсменов или бывших «ментов» в «криминале» выше. К слову сказать, я закончил факультет спецразведки в Рязанском воздушно-десантном училище. Из тех, кто учился со мной, а также на старших и младших курсах, я не могу припомнить ни одного, кто ушел в «братву». Причина в том, что люди эти — элита армии с особым менталитетом, который не позволяет преступить закон. То, что любой из нас, при наличии минимальных сил может организовать государственный переворот в какой-нибудь «банановой республике», совсем не означает, что мы этим занимаемся. То, что любой из нас может организовать покушение на государственного деятеля страны, с которой наша Родина ведет войну, совсем не означает, что цепь заказных убийств в нашей стране дело наших рук. Уметь и совершить — две разных вещи. Это все равно, как поставить на одну ступень снайпера антитеррора и киллера.

Генераторы социальной нестабильности

В действительности социальную опасность представляют люди вроде Дмитрия Болотина, социально неустроенные, психически надломленные. В условиях текущей войны их становится все больше и больше. «Люди, возвратившиеся с войны, научившиеся убивать, испытав свою жестокость и жестокость противника, перетерпев страх смерти и отчаяние поражений, часто становятся: одни непримиримыми борцами за справедливость, утверждая ее нередко с бесчеловечной жестокостью, другие пополняют преступные группировки. И первые, и вторые становятся генераторами социальной и политической нестабильности в России» — это слова из доклада на международной конференции «Общество, стресс, здоровье: стратегии в странах радикальных социальных реформ». Чтобы минимизировать растущую опасность, обществу и

государству давно пора обратить внимание на необходимость адаптации военнослужащих, вернувшихся с войны, к мирной жизни. Наверное, уже ясно, что сами они с этой проблемой справиться не смогут.

Зарубежный опыт

Поскольку опыта и специалистов в этом вопросе в нашей стране почти нет, примером может служить Великобритания, в прошлом веке являвшаяся одним из лидеров среди государств, которым приходилось вести войны. Уже около восьмидесяти лет существует «Общество по восстановлению душевного здоровья ветеранов вооруженных конфликтов», более известное, как «Combat stress». Это единственная в стране негосударственная организация, специализирующаяся именно на душевных, а не на физических расстройствах ветеранов, полученных в ходе боевых действий.

Сотрудники общества, имеющие сеть отделений по всей Великобритании, регулярно посещают своих подопечных дома или в медицинских учреждениях, если они там оказываются, самостоятельно или с помощью профильных специалистов помогают им в решении всех бытовых, психологических, семейных и других проблем. Они ведут переписку с Управлением по пенсиям для пострадавших в военных действиях. Иногда оказывается небольшая финансовая помощь. В трех пансионатах, имеющих в собственности Combat stress, пациенты отдыхают по две—четыре недели раз или два в году, проходя одновременно интенсивные курсы реабилитации. Обществу также принадлежит «Дом ветерана» для тех, кто не в состоянии работать или заботиться о себе. Годовой бюджет общества составляет 6,4 млн. долларов. Больше половины — поступления от системы медицинского страхования. Остальную сумму составляют пожертвования и завещания в пользу общества. На одного пациента ежегодно расходуется более тридцати тысяч долларов. Финансовая прозрачность этой организации — обязательное условие успеха благотворительной деятельности. Почувствуйте разницу с российскими «благотворительными фондами».

Думаю здесь есть над чем задуматься российским государственным деятелям, а также тем, кто ищет применения своим денежным средствам.

Часть VIII. ОБЕСПЕЧЕНИЕ, ВООРУЖЕНИЕ, ТЕХНИКА, СНАРЯЖЕНИЕ, ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

С. Козлов. Краткий обзор средств связи, применяемых в локальных конфликтах, и их возможностей

Устойчивая радиосвязь — одна из главнейших составляющих успеха действий разведывательных групп специального назначения. Она обеспечивается наличием надежных средств связи...

Спецрадиосвязь — это один из главных секретов спецназа. Принципы ее серьезно отличаются от правил установления обычной радиосвязи. Осуществляется она в телеграфном режиме. Одним из секретов является программа спецрадиосвязи. Однако я совсем не собираюсь раскрывать эти секреты.

Для связи с центром

В конфликтах последних десятилетий спецназ использовал специальные радиостанции только на начальном этапе Афганской войны. Невозможность оперативно связываться в ходе боя из-за того, что сообщение сначала необходимо зашифровать, а в центре также требуется время на его расшифровку, потребовало разработать специальные кодовые фразы, которые можно быстро передать в центр и таким образом сообщить о том, что в группе все нормально или, что группа ведет бой, и ей требуется помощь. Но с началом массового применения спецназа в Афганистане стало ясно, что для оперативного управления требуются обычные армейские радиостанции, способные работать в телефонном режиме. Радиостанции Р-159, работавшие в УКВ диапазоне, способны были обеспечить надежную радиосвязь на дальности до 40 километров при развертывании АБВ (антенны бегущей волны). На штыревую антенну Куликова эта дальность была меньше и зависела от рельефа и других условий. Коротковолновые радиостанции «Ангара» и Р-143 при развертывании антенны «симметричный диполь» позволяли связываться на дальности до пятисот километров и более. Однако радиус массового применения групп специального назначения не превышал ста двадцати километров. Отдельные факты работы групп на большем удалении не характерны. В конечном итоге, армейские КВ радиостанции вытеснили специальные, поскольку они позволяли в телеграфном режиме передавать зашифрованные радиোগраммы в то время, когда обстановка была спокойной. Тогда же, когда

группа вступала в бой, особой секретности уже не требовалось, и можно было работать в телефонном режиме. Однако в этом случае, моджахеды, имевшие на вооружении новейшие японские радиостанции, позволявшие сканировать работу наших и определять их рабочую частоту, частенько создавали на ней помехи. Для этого использовались как простейшие индикаторы случайных колебаний, забивающие нашу рабочую частоту, так и речевые помехи. Какой-нибудь дух «влезал» на нашу частоту и начинал без умолку болтать, постоянно произнося порой просто: «Бала-бала-бала». Переход в этом случае на запасную частоту был малоэффективен, поскольку и она скоро сканировалась и забивалась.

Также громоздкость радиостанций и источников питания к ним, создавали определенное неудобство. Во второй половине 80-х была создана радиостанция «Северок-К», имевшая малые размеры и вес. Однако в Афганистане она себя плохо зарекомендовала, поскольку была очень чувствительна к сложному рельефу.

Для управления группой

В конце восьмидесятых велась разработка новой радиостанции для связи внутри группы, позволявшей работать в закрытом режиме. Имевшаяся на вооружении УКВ радиостанция Р-392 не позволяла это сделать. Поэтому в условиях активной радиоразведки, которую вели моджахеды, особенно во время проводки своих караванов и автоколонн, разведчикам приходилось передавать установленные сигналы тональным вызовом. Для экономии батарей питания и возможности оперативного вызова разведоргана на связь были созданы специальные передатчики и приемники «Ляпис» и «Околыш». Это — что-то типа современных пейджеров, только во много раз больше. После вывода войск из Афганистана опыт его постарались забыть, как кошмарный сон, признав применение спецназа в таких условиях не характерным.

В конце восьмидесятых также разрабатывался новый центральный комплекс спецрадиосвязи, позволявший обеспечивать надежную связь с маломощными радиостанциями на дальностях 2000 километров и более. Однако с развалом Союза, надо полагать, что все новые разработки были заморожены из-за отсутствия финансирования. Именно поэтому в Чечне спецназ работал все с теми же Р-392 и Р-159. Малый радиус действия групп не требовал более мощных радиостанций. Однако он требовал работать в закрытых каналах связи, надежно обеспечивающих сокрытие передаваемой информации. Вспомните просчеты Буденновска, когда боевики Басаева вычислили время начала штурма, прослушивая эфир по радиостанции скорой помощи, имевшейся в их распоряжении. Вспомните Первомайское, когда абсолютно все распоряжения по проведению операции уходили в открытый эфир и прослушивались террористами Радиева. Это при том, что довольно давно создана приставка «Историк» к радиостанции Р-159, надежно закрывающая канал радиосвязи. При выполнении особенно ответственных задач, командир группы мог иметь сотовый телефон. И только совсем недавно в особо элитные части спецназа ГРУ поступили новые УКВ радиостанции, позволяющие работать в закрытом режиме, а также выполнять еще массу функций, так необходимых командиру группы для ее управления. При этом радиостанция не является секретной.

Для связи с авиацией

Для связи с авиацией в Афганистане сначала применялись радиостанции из аварийного комплекта летчиков «Комар». Небольшие по размеру, они были довольно удобны. Однако небольшое их количество, а также межведомственность не позволили получить их для обеспечения батальонов спецназначения. Вместо этого в группы выдавались милицейские радиостанции «Ромашка». Они имели совместимые частоты с радиостанциями, установленными на вертолетах. До этого на поддержку вылетал с боевым вертолетом кто-то из офицеров спецназа, имея с собой радио станцию Р-392.

В последующем, когда спецназу были приданы свои вертолеты, опытным путем было установлено, что частота 45200 соответствует, если не ошибаюсь, 8 кварцу на вертолетной радиостанции. Но техническая мысль простиралась все дальше. Конструкторы решили создать такое радиоизлучающее устройство, которое позволяло бы обозначать нахождение группы для авиации, не зажигая визуальных сигналов (пирофакелы — ночью, дымы — днем), которые демаскируют группу. Идея достойная, но воплощение было чудовищным. Осенью 1985 года я со своей группой этот прибор испытывал. Мало того, что пользоваться им могли только подготовленные операторы, так он еще и состоял из двух огромных блоков — блока питания и передающего блока. Каждый блок переносился одним человеком. Поскольку операторы не были спецназовцами, идти они далеко с таким весом не могли. Поэтому пришлось совершить учебно-тренировочный выход, десантировавшись всего в трех километрах от «северной» дороги. Понятно, что при таком обеспечении «скрытности» десантирования, о результате и думать было нечего. Главное, чтобы «местные пацаны» не пришли разбираться, кто и зачем к ним пожаловал. Но Бог миловал. Самое смешное началось тогда, когда нас

нужно было эвакуировать вертушками. По данному прибору они никак не могли нас обнаружить, крутясь в нашем квадрате. В конце концов, пришлось их сажать обычным, давно отработанным способом. Как оказалось, на вертолетах стояли небольшие экранчики, где через каждый сантиметр, равный в данном случае 1 километру на земле, загоралась лампочка. Одним словом точность определения координат группы ± 1 километр.

После испытаний я написал очень «ругательный» отчет, чем здорово обидел полковника-разработчика. Я указал, что подобное устройство необходимо, но оно должно весить не более пятисот граммов вместе с блоком питания, быть простым в обращении. Ну и самое главное, устройство должно позволять летчикам определять место группы на земле с точностью $\pm 5—10$ метров.

Не знаю, чем закончились изыскания в этой области. На конференцию в Ташкент, посвященную этой разработке, я ехать отказался.

С. Козлов. Нерв армии

Те, без кого спецназ не работает

Память о тех или иных событиях, с которыми связаны действия спецназа, объединяет многих людей, участвовавших в них. Память заставляет встречаться ветеранов. В память о погибших, произносят третий тост. Генералы любят говорить тост за рядового разведчика, но очень редко в застолье вспоминают о тех, без кого выполнение боевой задачи в тылу противника просто невозможно. Группа может выполнить все, что ей приказано и даже более того, но если об этом не узнает командование, то и результатам специальных мероприятий и добытым уникальным разведданным грош цена.

В училище полковник Митрофанов нас учил, что группа способна выполнять задачу до тех пор, пока живы командир и радист. Именно радист обеспечивает оперативное прохождение развед- информации от командира группы до его руководителей в Центре.

Когда надо качать связь?

Впервые я прочувствовал, что такое «нет связи», на своих первых учениях, когда мы с радистом по несколько часов пытались связаться с Центром. Работали на окружной узел связи. Я со старанием молодого лейтенанта добивался, чтобы мы выходили на все обязательные сеансы, потому, что «так положено». Мой же радист, который уже заканчивал служить, мудро сообщал, что во время завтрака связи не будет — «центровики» ушли есть. Потом у них построение, а вот после развода можно попробовать, но вероятнее всего связь появится примерно в половине одиннадцатого. И все случалось именно так, как он говорил. Это было выше моего понимания. А как же дежурная смена?

Этот вопрос повисал в воздухе. В бригаде «центровики» непосредственно общались с радистами, которые ходили с группами, но и они, бывало, спали по ночам, когда, сидя в какой-нибудь канаве, их собрат безуспешно пытался «прокачать радио».

Четко поняв зависимость от радиста еще на первых учениях, за которые моя группа (одна из четырех в бригаде) получила отличную оценку, эту зависимость я совершенно по-особому воспринял на войне.

Как зависит от радиста командир

В первый же наш выход с Лехой Рожковым в пустыню Регистан произошел казус. Виноваты в нем заместитель командира группы и радист, которые были приданы РГСПН №311 из кабульской роты. В группе кончилась вода, и прапорщик (заместитель командира группы) приказал радисту передавать в центр условный сигнал о том, что группа ведет бой и есть раненые. Требуется эвакуация. В батальоне все «встали на уши».

Информация докатилась даже до заместителя Министра обороны СССР маршала Соколова. Потом несчастного Леху драли долго и качественно, хотя он никакого распоряжения радисту не давал.

Первый мой караван мне пришлось беспрепятственно пропустить лишь потому, что радиостанция Р-143 вышла из строя. А для дублирующей Р-159 радист поленился взять АБВ (антенну бегущей волны), которая позволяла дотянуться до узла связи батальона. Я же поленился проверить содержимое его рюкзака перед выходом. Слава Богу, удалось восстановить связь через группу старшего лейтенанта Корнева. Но и его радисты безуспешно связывались с узлом связи отряда. Лишь в пять утра, когда оперативный дежурный пошел «отлить» и зашел к дежурным радистам, он разбудил их «незлым тихим словом». Только тогда у Корнева, а значит и у меня, появилась связь. Правда, к этому времени мы и сами «разобрались» с духами.

Когда мы пришли в отряд, мои разведчики лаконично, но весьма доходчиво объяснили радистам на УС, что спать во время дежурства нехорошо. После этого со связью проблем не было. Но случались и казусы.

Радист от Бога

С моей группой очень часто ходил радистом Азим Маматханов. Это был не радист, а чистое золото. Он был прирожденным бойцом, радистом группы специального назначения. Кроме своей специальности, которую он знал в совершенстве, он был прекрасно подготовлен физически, и голова у него работала, как у настоящего спецназовца. Мало того, он всячески стремился участвовать в бою, хотя это совсем не его дело. Радиста всегда берегут. Поэтому приходилось даже кричать на него, чтобы он не высовывался. Смелости он был редкой. Рассказывали, что когда он был еще «молодым», группу, в которой радистами был он и еще один опытный радист, окружили духи. Огонь был очень плотным. Гранатой РПГ снесло мачту симметричного диполя, а с земли «продавить связь» никак не удавалось. Тогда Азим встал под обстрелом и держал обломок мачты до тех пор, пока связь с отрядом не была восстановлена, и радист не передал нужную информацию.

С ошибкой в десантировании

Никогда не забуду случай, когда все мы, буквально всем, стали обязаны Азиму. Было это на дороге, что идет от Кандагарской «зеленки» на север. Все началось с того, что мой старый «друг», командир звена капитан Профит, десантировал нас с ошибкой километров в двадцать. Офицер, ответственный за десантирование, несмотря на мои возражения, дал команду покинуть борт. Матеря всех на свете, я дал команду бойцам, и вскоре мы остались лежать в каком-то мандехе.

Уточнив место своего стояния, я еще раз матюгнул и Профита, и ротного, давшего команду. Но делать было нечего. Нужно было выполнять задачу, а значит, идти к дороге, до которой было километров пятнадцать. Но нам пришлось идти вдоль гор по распадку, где вскоре мои дозорные натолкнулись на стадо, которое паслось в темноте. Это усложняло дело — пастухи в Афганистане исправно снабжали духов информацией. Мы попытались обойти стадо. Но хитрые пастухи так расположили его, что сделать это было довольно трудно. В конце концов, дозор натолкнулся на самих пастухов, их было двое. Группа была засвечена.

Пленные

Для того, чтобы все же выполнить задачу, я приказал взять обоих в плен и вести с собой. План у меня был такой. За ночь выйти к дороге, по которой двигались машины. Свет их фар мы периодически наблюдали. Успеть выйти до рассвета, ударить транспорт духов и утром эвакуироваться. Тогда можно будет и пастухов отпустить.

Пастухам за спину повесили ленты от АГС-17 и еще какую-то поклажу, разгрузив максимально головной дозор. Они шли в середине ядра группы. Но случилось непредвиденное.

Группа переходила песчаное русло реки. Видно было, как вода намывала какие-то островки, где росли кустики. Место было равнинное, но пересеченное. Разведчики, которым было поручено охранять духов, «прощелкали», и один из них, как потом выяснилось, сын старшего пастуха, сбросил поклажу и рванул в ближайшие кусты. Бесшумного оружия у «охранников» не было, а стрелять они не решились. Поиски в темноте ничего не дали, только потеряли время. К дороге вышли, когда уже почти светало.

Последняя машина где-то ворчала двигателем, но потом затихла, оставшись в каком-то кишлаке до вечера. Нам ничего не оставалось, как подумать об организации дневки. Прятались мы, отойдя от дороги километров на пять. Группа расположилась в мандехе между не очень высоких, но господствующих в этом месте сопок. Наверх мы выставили две пары наблюдателей, переодетых в национальную одежду. Вскоре они доложили, что сбежавший сынүля, в компании с вооруженными духами, усиленно разыскивает папашу. Круг их поиска сужался, и было ясно, что группу, скорее всего, обнаружат.

Без связи

Я попросил Маматханова связаться с Центром, для того, чтобы там были в готовности эвакуировать нас. Но Азим сообщил, что на "Ангаре" игольчатый разъем шнура, который соединяет диполь и радиостанцию, погнулся и не входит в паз. С Р-143 тоже творилось что-то неладное. В микротелефонной гарнитуре отходил контакт, и связь постоянно прерывалась. Я сказал, чтобы он постарался выпрямить разъем на «Ангаре». Пока он и его напарник занимались этим, духи нас все-таки обнаружили. Было уже часов семнадцать, когда они довольно демонстративно стали нас «обкладывать». То, что намерения у них серьезные, я понял по

количеству привлеченных сил и средств. В общей сложности наша судьба беспокоила человека сто пятьдесят. Вскоре приехал «Симург» с ДШК, установленным в кузове, и встал в мандехе, примерно метрах в семистах. Ситуация становилась критической. Дуки начали постреливать, провоцируя нас на ответный огонь. Я приказал всем занять господствующие высоты и организовать круговую оборону. Развернули АТС-17. А связи все не было. Заработал ДШК. Мы ответили из АТС. Наконец окончательно выяснив, где мы сидим, дуки пошли на штурм. Когда я в очередной раз спросил, что со связью, Азим ответил, что вряд ли удастся починить разъем.

Спасибо Азим!

Тогда я, в сердцах, сказал, что мне, пофиг как, хоть голубями, но связь нужна. Азим штык-ножом отвинтил винты на корпусе микротелефонной гарнитуры радиостанции Р-143, извлек микросхему. Не знаю как, но он обнаружил провода, замыкая которые, можно было выйти в эфир в телеграфном режиме. Тогда он оторвал один из них от платы и стал передавать телеграфом сигнал о том, что группа ведет бой и срочно требуется эвакуация. Когда я узнал, что связь восстановлена, я сказал, что патроны можно больше не экономить. От души направили из АТС по «Симургу» с ДШК. Поняв свою уязвимость, он поспешно ретировался и больше не появлялся до нашего отлета.

Через тридцать минут над нами были вертушки. Для начала «двадцатьчетверки» ввалили всем желающим пролить спецназовскую кровь, а потом подсели по очереди две «восьмерки». Я, садясь в вертолет последним, от всей души отвесил папаше-духу мощного пинка.

После этого я ходатайствовал перед командованием отряда о представлении радиста Маматханова к награде. Мы с ним еще долго ходили вместе на войну. Он же связывался с отрядом и тогда, когда наша группа взяла мой крайний караван. Из ущелья, где мы забили две машины с боеприпасами, нас вытаскивали двенадцать часов и все это время связь, организованная Азимом, была, как «колокольчик».

С. Козлов. Врач из армейского спецназа

О них вспоминают в последний момент

Сейчас я хочу рассказать о тех, кого в повседневной жизни спецназовцы часто забывают. Особенность психологии здорового человека такова, что он не вспоминает о врачах до той поры, пока не заболит. Но на войне, где воздух пронизывают пули, сделанные отнюдь не из пластилина, медицинская подготовка выходит в разряд основных предметов, а врачи пользуются особым уважением. До сих пор, собираясь иногда для празднования дня нашего отряда, мы частенько вспоминаем врача от Бога, хирурга кандагарского госпиталя по имени Аскер. Именно ему обязан жизнью наш боевой друг Василий Шараевский. Когда его вертолетчики привезли в Кандагар со «сквозняком в голове» медики, «видавшие виды», сказали: «Не жилец». Нужно обладать большим мужеством врача, чтобы начать оперировать такого раненого. Ведь если он умрет у тебя «под ножом», никому потом не расскажешь, что ты до последнего пытался спасти человека. Но Аскер это мужество имел. Я не знаю, сколько человек он вытащил из могилы. Знаю только, что наш друг «Васька Шарик» совсем не одинок. Когда его привезли в «Бурденко», со всего госпиталя сбежались хирурги посмотреть на живучего спецназовца и на дело «золотых рук» Аскера.

Нередко врачи на войне жертвовали своей жизнью для спасения жизни и здоровья раненого бойца. Пример тому — рассказ Евгения Сергеева о том, как погиб их врач батальона, до конца исполнивший клятву Гиппократова. Да, эти люди обладали мужеством. Но мужество это несколько иного свойства. Да, эти люди были высокими профессионалами, но профессионалами в своей области.

Я же расскажу о человеке, военном враче, которого ветераны спецназа давно и заслуженно почитают за своего, не выдавая при этом никаких авансов, не делая при этом никаких скидок на профессию врача. В любом спецназовском застолье он — просто равный среди равных, такой же «боец», как и все.

Путь к признанию

Фидаров Эльбрус Зелимханович — полковник медицинской службы, осетин по национальности, медик по образованию и профессии, спецназовец по своему духу. Закончив Северо-Осетинский медицинский институт, молодой специалист Фидаров попал по распределению в Вооруженные Силы. Он в их рядах и поныне, являясь сейчас главным хирургом 52-го диагностического центра МО РФ.

А в далеком октябре 1985 года он был направлен для прохождения дальнейшей службы в ТуркВО. Округ этот в ту пору был воюющий, и каждый понимал, что Афганистан для него — дело недалекой перспективы. В 1986

году Эльбрус прибыл в 664 ооСпН, дислоцированный в г. Лашкаргах, на должность медицинского специалиста. К этому времени в отряде обновился состав офицеров. Пришли новые перспективные ребята, такие, как Леша Панин, Андрей Перемитин, Сергей Бреславский и другие. Отряд уже вовсю практиковал тактику дальнего патрулирования, совершая рейды на штатной и трофейной колесной технике к южной границе Афганистана. Как и положено, в состав отряда входил и военный врач, готовый оказать первую помощь раненым.

Так прошел почти год. За свою деятельность Эльбрус уже был награжден орденом «Красной звезды». От боевых выходов он никогда не отлынивал, тяготы полевой жизни переносил, не жалуясь, дело свое знал, за что пользовался уважением у боевых офицеров. И солдаты, и офицеры, собираясь на войну, удовлетворенно улыбались, когда узнавали, что с отрядом нынче выходит Эльбрус Фидаров. Значит, доверяли ему, верили, что если случится, вытащит он их, не даст «склеить ласты». Но доктор, он, как ни крути, доктор. Медицинское обеспечение, оно и есть обеспечение. Главные задачи, все же, решали солдаты и офицеры спецназа. Им и лавры, и основной почет и уважение. Все изменил случай.

На южной границе

Отряд, которым командовал Сергей Бреславский, имел задачу вести поисково-засадные действия в районе перевала Мазари, что на южной границе с Пакистаном. Именно через этот перевал и проходила основная масса караванов в этом районе. Понятное дело, духи его охраняли как зеницу ока. Но место было очень перспективное, и на выход возлагались большие надежды. Отряд шел на «Уралах». Поскольку удаление от пункта постоянной дислокации до района предстоящих действий было немаленьким, для пополнения запасов топлива тащили с собой топливозаправщик.

Выйдя в район предстоящих действий, командир решил пойти на хитрость. Поскольку пыль от их колонны была видна за версту, Бреславский разделил силы отряда. Одну группу с «Уралом», на котором был установлен трофейный ДШК, он отправил для демонстрации. Она должна была проследовать мимо перевала и уйти в направлении колодца Набичах, где и оставаться до особых распоряжений, стараясь привлечь к себе внимание разведки моджахедов. Основные же силы командир укрыл в барханах, намереваясь с наступлением темноты организовать засаду на дороге, идущей от перевала Мазари в направлении переправы через реку Гельменд. Группой отвлечения командовал старший лейтенант Гончаров. Чем руководствовался Бреславский, когда в состав его группы включил единственного врача, трудно сказать. Тем не менее, возражения Фидарова по поводу того, что врач должен быть там, где решаются наиболее сложные задачи, Сергей отклонил. Видимо, он решил создать свою тыловую базу у колодца Набичах, поскольку туда же он отправил и топливозаправщик.

«Урал» с ДШК и бойцами в кузове и «наливник» с доктором в замыкании двинулись в путь, который проходил сначала вдоль горной гряды, по которой пролегала южная граница Афганистана.

С Эльбрусом на бензовозе ехали еще пятеро разведчиков, которые разместились между кабиной и баком и на сидении в кабине. Надо сразу сказать, что вход в ущелье перевала Мазари прикрывает гора Забра. Из-за нее ущелье с дороги не просматривается. Когда колонна приблизилась к перевалу, впереди идущий «Урал» внезапно увеличил скорость. На запрос Эльбруса командир по радио дал команду «Делай как я!» и рванул к ущелью. Двигаясь за командиром, Эльбрус увидел, как в глубь ущелья уходили одна за другой две «Тойоты». Внезапно впереди идущий «Урал» остановился, а затем стал разворачиваться. По корпусу кабины щелкнула пуля, а вскоре разлетелось вдребезги лобовое стекло. Видимо, били снайперы с дальней дистанции. Колонна отошла назад. Когда Эльбрус попытался объяснить Гончарову, что командир роты им поставил совсем иные задачи, тот лишь тупо повторил «Делай как я» и напомнил при этом, что здесь командует он. После короткой 1-ц перепалки Гончаров настоял на своем, мотивируя тем, что раз уже ввязались в бой, надо доводить дело до конца. Фидарову и его бойцам, которые сидели на бензовозе, он приказал обойти гору слева, сам он собирался сделать то же справа.

Век живи - век учись

Тактический смысл этих действий остается загадкой. Хорошо, что Эльбрус, общаясь со своими спецназовскими друзьями, внимательно слушал их рассказы о боевых выходах, споры о верности или ошибочности тех или иных действий и усвоил основные правила этой войны. Одно из них гласило: «Побеждает тот, кто выше». Поэтому, пройдя метров 50 в указанном направлении, он дал своим бойцам команду подняться на гору. И, как оказалось, вовремя. Не успели они подняться на плоскую вершину Забры, как с другого края показались духи, которые, видимо, тоже знали секрет победы. Но преимущество было уже

за спецназовцами, которыми, в этот раз, командовал... доктор. Завязался неравный бой. Духов было в 4—5 раз больше разведчиков. Однако те на полную катушку использовали свое преимущество в высоте и не давали духам выйти на вершину. Духам могло сильно не поздоровиться, если бы действия всей группы были согласованными. Однако, командуя боем, Эльбрус с удивлением увидел, как Гончаров со своими разведчиками развернулся в цепь и прочесывает ущелье. Это было более чем странно, когда половина его группы вела неравный бой. Духи с остервенением пытались овладеть высотой и неустанно атаковали уже со всех сторон. На их стороне были и опыт, и знание местности, и численное преимущество, но сделать они ничего не могли. Видимо, это добавляло им злости. Тем временем Гончаров со своими людьми вернулся из ущелья, отогнал «Урал» с ДШК метров на 800 от Забры и открыл огонь, пытаясь поддержать своих. Но на таком расстоянии трудно невооруженным глазом разглядеть, где кто. Поэтому кроме опасений, что можно сложить голову от рук своего же командира, его огонь разведчикам ничего не принес.

Время шло. А бой все не затихал. Патронов становилось все меньше, а помощи ждать было неоткуда. В такой ситуации и боевому офицеру не до смеха, казалось бы, что тут говорить о медике. Но спецназовский дух, который впитал Эльбрус за год службы в отряде, помог ему сохранять хладнокровие. Глядя на командира, и бойцы ни разу не дрогнули. По секрету Эльбрус рассказал, что одну гранату он припас для себя. «Спецназовцы в плен не сдаются!» — это второе правило, которое он четко помнил и не собирался нарушать. «Если бы пришлось, подорвал бы и себя, и ребят, и духов», — говорит он. Уже почти стемнело, когда от «Урала» в воздух поднялись ракеты, сигнализирующие основным силам, что группа ведет неравный бой и требуется помощь.

Снова к своим обязанностям

Видимо, поняв, что день сегодня не их, духи стали отходить. Бой стал потихоньку затихать и, в конце концов, сошел на нет. Эльбрус организовал круговую оборону. Так дождались рассвета, когда подошли основные силы роты. Группа под командованием доктора смогла спуститься к подножью. У них потеря, несмотря на тяжелый бой, не было. Этого нельзя было сказать о тех разведчиках, которые были с Гончаровым. Был ранен в руку сержант Ивах, заместитель командира группы. При ранении он выронил автомат, который теперь роте предстояло найти. Но в поисках Фидаров уже не участвовал. Он, как врач, улетел с раненым Ивахом для передачи его в госпиталь. Он не видел, сколько накрошили они духов. Об этом ему позже рассказали товарищи. Автомат нашли, и рота вернулась в отряд. Сразу по прибытии, Бреславский представил Фидарова ко второму ордену «Красной звезды», который, забегая вперед, скажу сразу, он не получил. Затерялся он где-то в бумажной переписке армейских канцелярий.

Спустя некоторое время Панин и его друзья перевелись в Кандагар в 173 отряд. Вскоре туда же прибыл и Эльбрус на должность начальника медицинского пункта. И вот в один из дней, сразу после обеда, вызвал его командир отряда майор Горатенков. В отряде, который действовал на броне, раненый. Задача доктора — лететь на вертушках и эвакуировать его. На вопрос, кто полетит с ним, комбат спросил: «Две «восьмерки», две «двадцатьчетверки», да еще фронтовая авиация тебя в случае надобности прикроет. Тебе что, этого мало?». Спорить в таких случаях бесполезно. Фидаров ответил «Есть!» и убыл на аэродром, захватив с собой фельдшера. Вертушки с Эльбрусом поднялись в воздух, а фельдшер остался и ждать прибытия своего начальника с раненым.

Сели у брони без каких-либо приключений. Боец получил ранение в результате неосторожного обращения с оружием. Перевязали, погрузили его в вертушку, взлетели и легли на обратный курс.

Результат, который дал начмед

Раненый в салоне, Эльбрус в кабине с летчиками. Не успели отлететь на два—три километра, как обнаружили четырех духов на двух мотоциклах, которые внезапно выскочили из «мандеха» прямо по курсу ведущего вертолета. Доктору и командиру вертолета хватило одного взгляда друг на друга, чтобы понять, что они будут делать дальше. Эльбрус молча встал и перешел в салон. Летчик прошел так, чтобы он мог работать в дверь. Гулко заработал АКМ Эльбруса, к которому он, ради выпендрежа приспособил круглый магазин от РПК. Мотоциклист, которого доктор снял из своего автомата, завалился на бок. Второй мотоцикл духи бросили сами и отошли в «мандех», откуда открыли огонь. Досмотровая группа в составе начальника медицинского пункта отряда спешила и вступила в бой. Несмотря на то, что на земле Эльбрус атаковал в одиночку трех духов, во взаимодействии с вертолетами огневой

поддержки противник был уничтожен. Доктор захватил документы, оружие и трофейные мотоциклы, которые совместными усилиями погрузили в вертолеты. На аэродроме одну «Ямаху» Эльбрус оставил летчикам, а на второй в отряд отправился фельдшер, который уже начал переживать за своего шефа. Летчики по радио передали на аэродром, что ведут бой. Эльбрус отвез раненого в госпиталь, сдал его и на машине вернулся в отряд.

Во время послеобеденного построения офицеров, когда комбат ставил очередные задачи, Эльбрус, как и положено, доложил о выполнении приказа и о том, что при возвращении на аэродром было уничтожено четыре мятежника, захвачены трофеи, в том числе два мотоцикла «Ямаха». Комбат обалдело посмотрел на Фидарова и попросил повторить доклад. Когда же до него дошло, что случилось, он вызвал замполита и отправил его на аэродром, чтобы тот выяснил подробности боевого эпизода.

После этого на карте, где фиксировались все результаты с указанием номера группы отряда, появилась отметка о результате, который дал медпункт. Эльбрус ходил гордый, и было от чего. Думаю, он — единственный доктор, который и лечил, и командовал в бою, и давал результаты, как заправский спецназовец.

«По сравнению с Чечней, Афган - веселая прогулка»

После Афганистана Эльбрус попал в клиническую ординатуру. Уже учась в Москве, довелось ему вылететь в Армению для оказания помощи жертвам спитакского землетрясения. Участвовал в событиях в Приднестровье и Абхазии. Окончив ординатуру, попал в Центральный авиационный госпиталь, где за пять лет прошел путь от младшего научного сотрудника до начальника отделения неотложной хирургии. Пришлось ему побывать и на родине во время осетино-ингушского конфликта. Принимал участие в развертывании полевого госпиталя на авиабазе в Моздоке.

В 1995 году, когда началась Первая чеченская кампания, работал начальником хирургического отделения ханкалинского госпиталя. Вспоминая об этом, он говорит: «Честно скажу, что по сравнению с Чечней афганская война показалась мне веселой прогулкой». Причиной тому, главным образом, то, как все здесь было организовано. Или не было организовано. То количество раненых, которое прошло через руки Эльбруса, сопоставимо с количеством раненых большой войны. Пять с половиной тысяч раненых прошло через ханкалинский госпиталь, четыре с половиной тысячи из них прооперировала бригада Эльбруса. Самое жуткое было то, что ни конца, ни края этому потоку не было видно.

Кровавый конвейер

По любым медицинским нормам, если в госпиталь одновременно попадает 30—40 человек, этот госпиталь парализуется. Здесь же в течение дня поступало до 100 человек постоянно, а в отдельные дни могло одновременно поступить от 150 до 300 человек. Пиком поступления раненых можно считать август 1996 года. Когда была снята блокада группировки внутренних войск в Грозном, в госпиталь поступило одновременно около 400 раненых. Привозили раненых и убитых вперемежку. Нужно было выявить живых, а потом отсортировать, кого из них в реанимацию, а кого в операционную. Начиная с 6 августа и до середины сентября, хирурги из бригады Эльбруса, если спали, то не более 1—2 часов в сутки. Бывали периоды, когда не спали вообще по 2—3 дня. Поддерживали тонус «курятиной» и крепким кофе. Раненые поступали обычно с наступлением темноты. Всю ночь шли операции, днем раненых сортировали, кого отправлять на эвакуацию, а к вечеру все начиналось сначала.

Сейчас многие говорят, что Первую Чечню мы проиграли. Может быть, это и так, но всегда и везде Эльбрус Зелимханович не перестает повторять: «Может, кто и проиграл в первую Чечню, но медицина Первую чеченскую кампанию выиграла!». Наверное, военные медики, это единственные военные, кто не растратил и не «похерил» опыт афганской войны. С началом чеченской мясорубки врачи работали, как отлаженный механизм, и сделали все, чтобы минимизировать потери российской армии. Конечно, если бы на Ханкале емкость госпиталя была не двести, а четыреста коек, было бы намного проще, но и в сложившихся условиях врачи и, особенно, хирурги этого госпиталя со своей задачей справились. В этом им, конечно, помогали и военно-медицинское управление Северо-Кавказского военного округа, и Главное военно-медицинское управление. Все работали на этот госпиталь и снабжали его всем необходимым. Отказа не было ни в медикаментах, ни в инструментарии. Во всем чувствовался афганский опыт.

Эпилог

После Чечни Эльбрус защитил диссертацию по теме «Специализированная медицинская помощь раненым и пострадавшим в локальных конфликтах». Работает в Москве. В его кабинете периодически появляются его старые друзья и сослуживцы. И тогда оживают фотографии на стенах небольшого кабинета, где афганский ветер треплет волосы совсем молодого спецназовского врача, одетого в горную штормовку с китайским нагрудником на груди и автоматом с круглым магазином за плечами.

Г. Кузнецов. Карающая десница

В середине 60-х годов все армии мира искали способ нейтрализации бронетанковых полчищ в условиях современной глобальной войны. Старые противотанковые схемы не работали. Требовалась новая боевая система, которая обладала бы высокими мобильными возможностями и высокоточными эффективными средствами поражения. И она была найдена. Над полем боя появился боевой ударный вертолет: «Tank killer», как его окрестили на Западе. Карающая десница для танков.

Шло время. Сегодня боевой вертолет — это гораздо больше, чем только истребитель танков. Он решает задачи огневой поддержки наземных войск на поле боя, сопровождения колонн и десантов, борьбы с десантами и малоскоростными воздушными целями противника. Сейчас без вертолетов боевая операция сухопутных войск имеет мало шансов на успех.

Боевые вертолеты стали основой армейской авиации во многих странах. Армия, оснащенная винтокрылыми штурмовиками, получила безусловное преимущество перед противником, подобной техники лишенным.

Афганский полигон

В 1961 году в СССР первый полет совершил боевой корабельный вертолет Ка-25ПЛ, предназначенный для уничтожения атомных подводных лодок. В 1969 году в воздух поднялся боевой армейский Ми-24А. Каждая последующая его модификация — Ми-24Д (1972 г.), Ми-24В (1973 г.), Ми-24П (1975 г.) — превосходила предыдущую по эффективности оружия.

В части боевого опыта применения вертолетов к этому моменту у американцев было определенное преимущество. Но ни по одному из ключевых параметров ТТХ советские машины не уступали американским АН-1Г «Хью-Кобра» (1965 г.) и АН-1S «Кобра-Тоу» (1974 г.).

Вертолет Ми-24 создавался для Европейского ТВД. Однако судьбе было угодно, чтобы воевать он начал в Афганистане: в совершенно других, новых для него, условиях. Чтобы четче представить разницу физико-географических условий Афганского и Европейского ТВД, достаточно сказать, что средняя высота в Европе составляет примерно 500 м над уровнем моря, а в Афганистане — более 2000 м, средняя плюсовая температура воздуха в Европе — 15—20 градусов, а в Афганистане — 30—35 градусов. Ми-24 потребовались срочные доработки, направленные на повышение мощности двигателей на взлете и посадке.

Убирающееся шасси способствовало уменьшению радиолокационной заметности вертолета. Заметность в инфракрасном диапазоне снижалась за счет экранирования выхлопов двигателей. Для защиты от ПЗРК типа «Стрела» и «Стингер» на Ми-24 установили систему отстрела ложных тепловых целей и генератор инфракрасного излучения «Испанка».

В ходе боевых операций стало ясно, что НАР С-5 недостаточно эффективны. В связи с этим были испытаны Ми-24 с НАР калибра 80 и 122 мм, освоено их применение в горизонтальном полете и на пологом пикировании, а также с кабрирования для поражения целей, удаленных от рубежа атаки на 3—5 км. В состав вооружения дополнительно ввели две гондолы с шестью пулеметами калибра 7,62 и 12,7 мм и общим боекомплектом 8300 патронов, а также гондолы с четырьмя 40-мм гранатометами «Пламя». Вооружение также пополнилось двумя унифицированными пушечными контейнерами У ПК-23-250 с пушками ГШ-23 калибра 23 мм и боекомплектом 500 патронов. Теперь по мощи вооружения Ми-24 существенно превосходили американские «Кобры».

Все не по учебникам

В этой странной войне задачи боевым вертолетам приходилось решать, как правило, самостоятельно. Часто Ми-24 вынуждены были вести разведку боем, вскрывать огневые точки и поражать выявленные цели, расчищая путь наземным подразделениям войск. Штурмовики Су-25, проносящиеся в голубой выси, и наземные войска, карабкающиеся по горным склонам, мало чем могли помочь «вертушкам».

На начальном этапе боевых действий экипажи Ми-24 применяли наработанные тактические приемы и маневры, освоенные в ходе многочисленных учений. Их основу составлял скрытный выход вертолетов в заданный район на предельно малых высотах, подскок и внезапная атака целей с последующим уходом на малую высоту. Во время таких рейдов противник нес ощутимые потери.

Потери вертолетов были незначительны и часто вызваны не огневым поражением, а отсутствием навыков у пилотов работать в высокогорной местности, ущельях и теснинах. Но появившиеся у противника иностранные советники быстро внесли коррективы в тактику борьбы с вертолетами.

Дело в том, что в гористой местности полет на предельно малой высоте в заданный район может быть осуществлен в большинстве случаев по единственному маршруту. Это известно как атакующей, так и обороняющейся стороне. Маршрут группы вертолетов пролегает над низменностью, ограниченной с двух сторон горными склонами. По его ходу между склонами гор имеются сужения. Именно в этих местах на подступах к лагерям базирования душманам было рекомендовано организовывать засады. Результат не замедлил сказаться. Боевые потери вертолетов стали расти в геометрической прогрессии.

Командованию ВВС пришлось срочно поднять высоту полетов на маршруте до 2000—2500 м над рельефом местности. Рекомендовалось также держаться по возможности дальше от склонов гор, где могут находиться огневые точки противника. Однако теперь группы вертолетов, уходящие на задание, были издалека видны наблюдателям, которые заблаговременно оповещали о приближающейся опасности.

По подсказке советников места базирования противник стал выбирать с учетом наилучшей организации ПВО. Она носила круговой характер и была многоярусной. Тактика ее действий сводилась к достаточно простому и надежному приему. Пока вертолеты кружили на большой высоте и не представляли опасности для лагеря, ПВО молчала, не демаскируя себя, давая вертолетам снизиться. Затем по команде со всех сторон открывался шквальный огонь на поражение.

Разведать систему ПВО конкретного объекта заблаговременно практически никогда не удавалось. Поэтому Ми-24 выявляли ее огневые точки разведкой боем. Для этого несколько пар боевых вертолетов последовательно снижались и вызывали огонь на себя. После этого, применяя весь арсенал средств поражения и прикрывая друг друга, они спешили вырваться из огненного кольца (по существу, это были экипажи-смертники). Тем временем другие вертолеты из группы прикрывали засекали огневые точки для нанесения последующего удара.

Однако Ми-24 оказался достаточно живучим даже в таких условиях. Некоторые машины возвращались на базу буквально изрешеченными. Распределение пуль на боковой поверхности планера, которое постоянно регистрировалось, свидетельствовало о совершенствовании огневого противодействия со стороны противника. Сначала попадания концентрировались в основном в носовой части фюзеляжа, кабинах экипажа и в районе главного редуктора. Однако, за редким исключением, это не выводило из строя бронированные вертолеты. Вскоре распределение попаданий пуль резко сместилось в сторону хвостовой части планера. Постепенно стали вырисовываться зоны сосредоточения пробоев в районах нагруженных стыков килевой балки с хвостовой и последней — с фюзеляжем, отсека приборного оборудования и промежуточного редуктора, а также хвостового редуктора и рулевого винта.

Наставления опытных советников не пропали даром. Им хорошо было известно, что ахиллесова пята одновинтового вертолета — нагруженная хвостовая часть планера, рулевой винт, не дублированные длинные трансмиссионные валы и редукторы.

«Кобры» и «Апачи» в этом также не являются исключением. Наши боевые потери возросли. Для защиты задней полусферы вертолетов Ми-24 и Ми-8 ОКБ Миля и ГК НИИ ВВС попробовали размещать в кормовых частях фюзеляжей стрелков с крупнокалиберными пулеметами. На Ми-8 это удалось, а на Ми-24 из-за конструктивных трудностей от данной идеи пришлось отказаться.

Ми-24 выдержали экзамен по успешному ведению боевых действий в тяжелейших условиях войны в Афганистане. Уверен, что даже новые боевые вертолеты США АН-64А «Апач» и его модификации АН-64D, и АН-64D «Лонгбоу» вряд ли в тех условиях смогли бы превзойти Ми-24. Ведь они не предназначены и не способны выявлять на поле боя отдельные огневые точки — замаскированных пехотинцев со стрелковым оружием или с ПЗРК. Борьбу с ними должна вести пехота, которую они поддерживают с воздуха. Для пилотов «Апачей» — участников операции «Буря в пустыне», где огневое противодействие практически отсутствовало, Афганистан показался бы сущим адом.

«Черная акула» показывает зубы

В 1982 году на фирме КАМОВ совершил первый полет боевой ударный одноместный вертолет нового поколения: Ка-50 «Черная Уг акула». Он — преемник легендарного Ми-24 и вобрал в себя все лучшее своего предшественника.

Главная особенность «Черной акулы» — соосная схема. При равной мощности двигателей вертолеты соосной схемы по сравнению с одновинтовыми с рулевым винтом имеют тягу примерно на 20% выше на висении и скоростях до 80 км/ч. Именно этот диапазон скоростей чаще всего используется для маневрирования вблизи земли, осуществления засад и атак из-за преград и укрытий. При выполнении разворотов на соосном Ка-50 не требуется дополнительной мощности двигателей для вращения рулевого винта. Благодаря этому Ка-50 превосходит вертолеты традиционной схемы при боевом маневрировании, особенно в горных условиях и при высокой температуре воздуха.

Лучшим маневром для быстрого изменения направления движения на малой высоте в целях занятия выгодной атакующей позиции или ухода за укрытие является плоский (педальный) разворот. Вертолеты соосной схемы выполняют его эффективно и безопасно. У машин одновинтовой схемы при определенном сочетании скорости вращения, скорости и направления ветра возможно попадание рулевого винта в режим «вихревого кольца». По этой причине произошло несколько аварий вертолетов Ми-8 и Ми-24. Не застрахован от этого и американский АН-64А.

При максимальной взлетной массе 10 800 кг Ка-50 имеет длину 15,6 м, а АН-64А — 9525 кг и 17,6 м. Более компактной «Черной акуле» для разворотов требуется меньше пространства. Когда читатели на фотографиях видят, как «Апачи», прячась за деревьями и укрытиями, демонстрируют свои маневренные возможности, необходимо иметь в виду, что Ка-50 делает это лучше.

Рулевой винт накладывает значительные ограничения на боевое маневрирование АН-64А. У этого вертолета на скоростях более 120—150 км/ч по условиям прочности рулевого винта и хвостовой балки скольжение ограничено или вообще не допускается. Ка-50 способен выполнять плоский разворот во всем диапазоне скоростей полета. Это позволяет ему в кратчайшее время занять выгодную для атаки позицию и выиграть воздушную дуэль у противника.

Не менее важным качеством Ка-50 является его аэродинамическая симметрия. Поведение Ка-50 при выполнении пространственных фигур с разворотами влево и вправо предсказуемое и одинаковое. Перекрестные связи в каналах управления практически отсутствуют — еще одно преимущество Ка-50 в маневренном бою.

Особо следует отметить низкий уровень вибраций, присущий вертолетам соосной схемы. У Ка-50 отсутствуют колебания планера по курсу, подобные тем, которые вносит рулевой винт на одновинтовом вертолете. Низкий уровень вибраций благоприятно сказывается на работе радиоэлектронного оборудования и комфортных условиях выполнения пилотом своих функциональных обязанностей. Простая техника пилотирования «Черной акулы» в сочетании с низким уровнем вибраций уменьшает ошибки прицеливания и рассеивание при стрельбе. Точностные характеристики оружия значительно улучшаются. Это подтверждено результатами испытаний Ми-24 и корабельного Ка-29, имеющих одинаковые прицелы, стрелково-пушечное и неуправляемое ракетное оружие. Точность попадания НАР на Ка-29 оказалась примерно вдвое лучше. Еще более впечатляющие успехи достигнуты на Ка-50.

Основным средством борьбы с танками и БМП является управляемое ракетное оружие. На двух подвижных пусковых установках под консолями крыльев Ка-50 устанавливается до 12 сверхзвуковых ПТУР «Вихрь» с дальностью пуска до 10 км. Прицельный комплекс обеспечивает вертолету возможность атаковать наземные цели с рубежей, расположенных вне пределов эффективных зон поражения ПВО противника. Ни одному другому вертолету это недоступно.

После пуска наведение ракеты на цель производится автоматически по лазерному лучу. Попадание ПТУР в танк на дальностях до 8 км происходит с вероятностью 0,9. После пуска пилоту нет необходимости выдерживать определенную траекторию движения, вертолет может совершать маневр по курсу, высоте и скорости полета. Боевая часть ПТУР унифицирована для поражения наземных и воздушных целей, движущихся со скоростью до 800 километров в час. Управляемое противотанковое вооружение обладает высокой помехозащищенностью и не имеет мировых аналогов. Как по отдельным характеристикам, так и по боевой эффективности оно превосходит вооружение других машин аналогичного назначения.

Чтобы не утомлять читателя перечислением разнообразного арсенала средств поражения Ка-50, отметим еще только наличие у него ракет «Игла-В» и Р-73 для ведения воздушного боя, а также НАР калибра 80 и 122 мм.

Голыми руками не взять

Большое внимание создатели «Черной акулы» уделили достижению высокого уровня боевой живучести. Двигатели и трансмиссии сохраняют работоспособность в течение некоторого времени после полной потери масла в маслобаках. В конструкции широко использованы силовые элементы из композитных полимерных материалов, стойких к поражению пулями и осколками. Предусмотрена защита от ракет с тепловыми головками наведения.

Кабина пилота полностью защищена высокостойкой разнесенной двойной стальной и алюминиевой броней. Она выдерживает многократное воздействие пуль стрелкового оружия и осколков пушечных снарядов калибра 23 мм. Фонарь из бронестекол по типу брони Ми-24. Лопасті несущего винта — один из наиболее ответственных элементов конструкции — даже при наличии 30 пробоин от стрелкового оружия сохраняют работоспособность, достаточную для завершения полета. Масса броневой защиты кабины пилота превышает 300 кг. Для сравнения: броневая защита АН-64А на двух пилотов составляет всего около 130 кг.

Единственный недублированный агрегат Ка-50 — главный редуктор, но он экранируется элементами конструкции двигателя и крыла. На АН-64А недублированных агрегатов много. В их числе главный, промежуточный и хвостовой редукторы, валы трансмиссии и рулевой винт. Все они не имеют экранирования от поражения. Американский вертолет нового поколения в части уязвимости ничем не отличается от Ми-24.

Летает без хвоста

Повреждение или разрушение руля направления и «шайб» на концах стабилизатора Ка-50 не приводит к катастрофической ситуации. Для сохранения путевой управляемости в данном случае достаточно уменьшить скорость полета до 200 км/ч или менее, и тогда управляемость обеспечивается за счет изменения реактивных крутящих моментов на верхнем и нижнем несущих винтах. Это было подтверждено в испытательном полете с полностью снятым вертикальным оперением.

Сохранение жизни пилота в аварийной и катастрофической ситуациях гарантировано системой аварийного покидания (САП). При срабатывании САП сперва отстреливаются лопасти несущих винтов, затем открываются верхние створки кабины и срабатывают реактивные двигатели, вытягивающие кресло с пилотом с помощью капроновых фал. Спасение летчика обеспечивается в управляемом и неуправляемом полете во всем диапазоне скоростей и высот, в том числе и с уровня земли.

На «Апачах» спасение летчиков в аварийной ситуации возможно только в управляемом полете, который завершается грубой посадкой. Чтобы эффективно сработала амортизация стоек шасси и кресел, приземление машины необходимо осуществить на три точки с креном не более ± 5 градусов. Уже при 10 градусах амортизация практически не работает. Статистика же аварийных посадок вертолетов показывает, что приземление происходит с углами вплоть до 20 градусов. А как спастись летчикам, если вертолет окажется неуправляемым? Что делать, если не удалось в полете погасить пожар? Положительных ответов на АН-64А не существует.

Вот вам и «умопомрачительная» боевая живучесть «Апачей», о которой только в превосходной степени говорят зарубежные авторы.

И днем, и ночью

Фирма КАМОВ продолжает совершенствовать винтокрылый штурмовик. В 1997 году появился ночной вариант «Черной акулы». Обзорно-поисковая система (ОПС) пассивно-активного типа обеспечивает ему возможность применения всех средств поражения днем и ночью. Дневные и ночные Ка-50 будут применяться совместно в зависимости от конкретно складывающейся боевой обстановки.

Успех операции по поддержке наземных войск в значительной степени зависит от слаженности действий ударных вертолетов в группе. Вертолет руководителя группы должен иметь более насыщенный бортовой комплекс, обеспечивая лучшую видимость поля боя и связь с командным пунктом. Им стал Ка-52 «Аллигатор» (1997 г.) — многоцелевой двухместный вертолет. ОПС пассивно-активного типа позволяет искать и атаковать цели днем и ночью в любую погоду. Ка-52 не предназначен для замены Ка-50. Они должны действовать совместно, достигая тем самым наилучшего боевого эффекта.

Г. Кузнецов. Боевой, а не десантный

Вопрос: Вертолеты с соосной схемой некоторыми специалистами считаются более сложными в пилотировании и склонными к так называемому «схлопыванию винтов», что однажды уже привело к катастрофе?

— К сожалению, даже пилоты-асы допускают иногда ошибки. В свое время в процессе выполнения показательных полетов потерпели катастрофу опытные Ми-24 и Ка-50, пилотируемые летчиками-испытателями. ОКБ Камова совместно с ЦАГИ, ЛИИ и институтами ВВС с тех пор внесли определенные изменения в конструкцию и наставления по пилотированию Ка-50. Катастрофа, происшедшая 13 лет назад, не повлияла на судьбу боевого вертолета нового поколения.

Вопрос: Насколько «привязан» Ка-50 к тыловым ремонтным базам, как сложен и капризен он в обслуживании?

— Ка-50 с его насыщенным бортовым радиоэлектронным комплексом и разнообразным вооружением требует, естественно, для технического обслуживания различных специалистов. Тем не менее, он может выполнять боевые вылеты с заданной интенсивностью в течение 12 суток в отрыве от основной базы. При этом необходимые виды предполетных подготовок способен осуществить пилот с помощью бортовых систем встроенного контроля. В части ремонтпригодности к Ка-50, создававшемуся в соответствии с общими техническими требованиями ВВС нового десятилетия, были предъявлены более высокие требования, чем к его предшественнику Ми-24. 35 процентов деталей, панелей и обшивки изготовлены из композиционных полимерных материалов. Ремонту в полевых условиях подлежат хвостовое оперение, обшивка планера, лопасти несущих винтов. В полевых условиях подлежат замене, например, все вышедшие из строя блоки аппаратуры, лопасти винтов, агрегаты силовой установки, системы управления.

Вопрос: Как быстро вертолет можно подготовить к повторному вылету?

— «Черной акуле» для повторного вылета требуется внешний осмотр на отсутствие боевых повреждений и просмотр металлизированной ленты системы встроенного контроля «Экран» на отсутствие зарегистрированных отказов систем и оборудования. Если все в порядке, остается лишь заправить вертолет топливом и снарядить средствами поражения. Подготовка Ка-50 к повторному вылету в основном варианте вооружения с ПТУР, пушкой и НАР составляет 20 минут.

Вопрос: Для выполнения каких главных боевых задач создавался Ка-50?

— Ударный боевой вертолет Ка-50 предназначен для уничтожения современной бронетанковой и мотомеханизированной техники, борьбы с воздушными целями и поражения живой силы на поле боя.

Вопрос: Предполагается, что они будут входить в состав армейской авиации, или у них самостоятельные боевые задачи в рамках отдельных подразделений (например, специального назначения)?

— Ка-50 и Ка-52 по замыслу входят в состав армейской авиации, которая является неотъемлемой частью сухопутных войск. Боевые вертолеты действуют над полем боя в интересах подразделений и частей наземных войск. В соответствии с уставом АА они также могут выполнять ряд конкретных задач самостоятельно. В первом варианте будет лучше организовано взаимодействие между боевыми вертолетами и другими участниками операции. Однако оторванность пилотов Ка-50 и Ка-52 от АА скажется на их профессиональном уровне. Непременно возникнет проблема у пилотов с продвижением по службе. Возможен вариант, когда в составе АА создается отдельное подразделение, которое, помимо общей подготовки, проходит также и специальную тренировку.

Вопрос: Прорабатывались ли варианты использования вертолетов совместно с частями СпН?

— У Ка-50 и Ка-52 отсутствуют какие-либо противопоказания по ведению боевых операций с войсками специального назначения. Эффективность их применения зависит от совершенства организации планируемой операции и умелого руководства их действиями в полете.

Вопрос: Но, как вы говорили, Ми-24 оказался менее удобен для спецназа, чем старый Ми-8, поскольку доставка десанта на нем была крайне затруднена?

— Действительно, Ми-24 оказался менее эффективным, чем Ми-8МТ, по доставке десанта. Кроме того, грузовая кабина массой около тонны значительно ухудшила его маневренные и взлетно- посадочные характеристики. Проведенные исследования и опыт боевых действий в Афганистане привели к пониманию того, что АА должна иметь как чисто боевые ударные, так и вооруженные вертолеты по доставке десанта и эвакуации раненых с поля боя, тесно взаимодействующие друг с другом. Фирма КАМОВ завершает в интересах АА постройку скоростного малозаметного вертолета Ка-60 с взлетной массой 6500 кг, рассчитанного на перевозку 14 полностью экипированных десантников или 6 раненых на носилках с тремя сопровождающими медицинскими работниками. Функция эвакуации раненых или доставки десанта боевым Ка-50 и Ка-52 в ТТЗ не была задана.

Вопрос: Чеченская война показала необходимость использования вертолетов на малых высотах, но в этом случае они подвергаются интенсивному обстрелу всеми средствами ПВО, вплоть до гранатометов и автоматов. Насколько это учтено в Ка-50?

— Ка-50 оборудован системой оповещения пилота об облучении аппарата лазерными и радиолокационными станциями ПВО противника для принятия своевременных мер маскировки путем ухода на предельно малые высоты (10—25 м) с использованием экранирующего эффекта местности.

Для уменьшения инфракрасной заметности на выходе из двигателей установлены экранно-выхлопные устройства, а для постановки помех ракетам с тепловыми головками самонаведения имеется система отстрела ложных тепловых целей.

Уменьшению радиолокационной заметности способствует убирающееся шасси, а оптической — камуфлирующая окраска под цвет местности с малым отражающим эффектом. В зависимости от рельефа местности, высоты полета и конкретно складывающейся боевой обстановки пилот может использовать весь диапазон скоростей горизонтального полета от 0 до 310 км/ч, а с учетом возможности пикирования — до 390 км/ч.

Что касается стрелкового оружия, то Ка-50 имеет мощную круговую броню кабины пилота, стойкую к разрушению конструкции силовых элементов, экранирование жизненно важных агрегатов менее важными, эффективные систему пожаротушения и предотвращения взрыва топлива в баках.

Вопрос: Насколько придирчив Ка-50 к качеству площадки для взлета и посадки?

— Высокий коэффициент полезного действия соосных несущих винтов и отсутствие потерь мощности на привод отсутствующего рулевого винта обеспечили Ка-50 самый большой среди существующих вертолетов статический потолок: 4000 м. В условиях высокогорья он может успешно выполнять посадку и взлет с площадок, расположенных на высотах до 4000 м, используя зависание вне влияния экрана поверхности земли (15 м и более).

При высоте зависания 3—5 м с использованием экрана поверхности взлет и посадка могут производиться и на больших высотах, в том числе и с большей взлетной массой.

Колесное шасси рассчитано на эксплуатацию аппарата на грунте или покрытии прочностью от 6 кг/кв. см, — то есть на утопанных земляных площадках. Для эксплуатации на площадках с более мягким грунтом применяются дополнительно устанавливаемые лыжи. С точки зрения характера поверхности площадки, Ка-50 менее прихотлив по сравнению с вертолетами традиционной схемы благодаря отсутствию рулевого винта, который может повреждаться камнями, галькой, кусками льда, поднятыми потоком воздуха от несущего винта. По величине уклонов площадок, он не отличается от Ми-24.

Вопросы задавал С.Козлов.

А. Сухолесский. Спецназовская артиллерия

Как повысить огневую мощь разведгрупп?

Небольшие по численности разведывательно-диверсионные группы, вооруженные легким стрелковым оружием и гранатометами, действующие в тылу противника на значительном удалении от основных сил, не всегда могут рассчитывать на эффективную огневую поддержку авиации и артиллерии. Даже в Афганистане, с

относительно примитивной противовоздушной обороной моджахедов, советские подразделения специального назначения не всегда могли рассчитывать на армейскую и штурмовую авиацию, отдавая предпочтение артиллерийской огневой поддержке. Но ее возможности ограничивались дальностью стрельбы артсистем.

Вопрос повышения огневой мощи спецназа решается очень просто. На вооружении армий почти всех государств находится значительное количество минометов малого калибра: 51, 60 и 81 мм, которые по своим тактико-техническим характеристикам наиболее полно соответствуют решению диверсионных задач подразделениями специального назначения.

Из опыта боевого применения спецподразделений вооруженных сил таких государств как США, Великобритания и Франция мы видим, что минометы играют не последнюю роль в огневом поражении противника этими подразделениями. Поэтому можно сделать предположение, что при решении специальных задач и в российском спецназе миномет будет совсем не лишним.

Достоинства мортиры

Какими же достоинствами обладает миномет и чем именно может быть полезен спецназу?

Во-первых, достаточно высокая точность и дальность стрельбы, обеспечивающая надежное поражение живой силы и техники (в т.ч. легкобронированной), авиации на стоянках (аэродромах), уничтожение запасов материально-технических средств на полевых складах.

Во-вторых, возможность «скрытого» ведения огня. Закрытая огневая позиция и малая сила звука при выстреле затрудняют обнаружение противником огневой позиции миномета.

В-третьих, высокая скорострельность от десяти до двадцати выстрелов в минуту.

В-четвертых, сравнительно малый вес оружия и боеприпасов, что позволяет десантировать оружие на парашютах и переносить его на значительные расстояния, а также использовать тактику кочующих огневых средств.

Вес 60-мм минометов колеблется от 8,2 кг (М224, США), до 20 кг. 81-мм миномет, разбираемый на три основные части: ствол, сошки и опорную плиту весит от 35,4 кг (М252, США) до 45 кг (72-мм, Швейцария). Средний вес минометов этого калибра около 40 кг. Вес 60-мм осколочной мины колеблется в пределах 0,75—1,78 кг, а 81-мм - 3,2-4,4 кг.

В-пятых, наличие нескольких типов боеприпасов — осколочно- фугасные, зажигательно-дымовые, управляемые (81-мм самонаводящаяся противотанковая мина «Мерлин» производства Великобритании) и их универсальность под любой миномет данного калибра, что позволяет широко использовать трофейные боеприпасы. В Афганистане моджахеды с успехом применяли к 82-мм китайским минометам английские и американские 81-мм мины.

Применение

Рассматривая далее особенности боевого применения минометов подразделениями спецназ, следует отметить простоту в обучении личного состава обращения с ними, что является немаловажным фактором в связи с отсутствием в штате частей и соединений спецназ минометных подразделений.

Минометный огонь в тылу противника, как никакой другой (за исключением огня снайперов) сильнейшим образом влияет на моральный дух личного состава противоборствующей стороны.

Разведывательно-диверсионным группам, имеющим на вооружении миномет, наилучшим образом подходит тактика кочующих огневых средств (КОС).

В Таджикистане (в октябре 1992 — августе 1994 гг.) наша разведывательная группа специального назначения успешно применяла тактику КОС (см. схему 20), используя югославский 81-мм миномет М081 LC, неизвестно каким образом оказавшийся в Афганистане и захваченный у моджахедов в 1987 году подразделениями 15-й отдельной бригады спецназ. Пропылившись на складе ракетно-артиллерийского вооружения бригады в течение четырех лет в качестве предполагаемого экспоната музея боевой славы, миномет по нашей заявке был специально доставлен в Таджикистан. При изучении миномета приятной неожиданностью стала закрепленная двумя хомутами в верхней части ствола таблица стрельбы на персидском языке. Возможно, миномет был в эксклюзивном исполнении или производился по югославской лицензии каким-то восточным государством. Конструкция миномета также позволяла крепить отечественный минометный прицел, а сам миномет был легче на 11 килограммов отечественного 82-мм миномета.

Используя тактику КОС, свой миномет мы привозили в район боевых действий на автомобиле УАЗ-469. Затем расчетом из 3—5 человек переносили на огневую позицию, располагавшуюся на расстоянии от нескольких десятков до пятисот метров от транспортного средства. Дальность до цели, как правило, составляла от полутора до двух с половиной тысяч метров. Возимый нами боекомплект миномета насчитывал от десяти до сорока мин отечественного производства. Вот она минометная «всеядность».

Тактика КОС, применяемая нашей РГСпН в интересах вооруженных формирований Народного Фронта, а затем и подразделений правительственных войск, разделялась на несколько этапов:

1. Доразведка целей наблюдением с земли и воздуха после опроса местных жителей и допроса пленных;
2. Рекогносцировка местности с целью выбора скрытой огневой позиции, как основной, так и запасной, маршрута выдвижения к ней и отхода, а также места укрытия автомобиля и проч.;
3. Выдвижение на занятие огневой позиции, с привлечением бойцов НФ и правительственных войск для подноса боеприпасов и охраны;
4. Огневой налет. После пристрелки целей одной—тремя минами, следовало выжидание с целью снижения бдительности противника. Нужно было уловить момент, когда он максимально подставится под огонь, и после этого произвести непосредственно огневой налет. Выстреливались три—четыре мины с паузой для возобновления наводки. Иногда огневой налет заменялся ведением беспокоящего огня или огневой подготовкой и поддержкой наступающих подразделений;
5. Отход или смена огневой позиции. Последнее, как правило, происходило в случае обнаружения противником. Это — в условиях отсутствия сплошной линии соприкосновения и наличия больших буферных зон иногда случалось.

Лишь в одном из нескольких десятков случаев применения тактики КОС мы понесли потери в личном составе. От огня, по-моему, пулемета Калашникова, с которого велся огонь на расстоянии 1700 метров (!), погиб один боец Народного фронта.

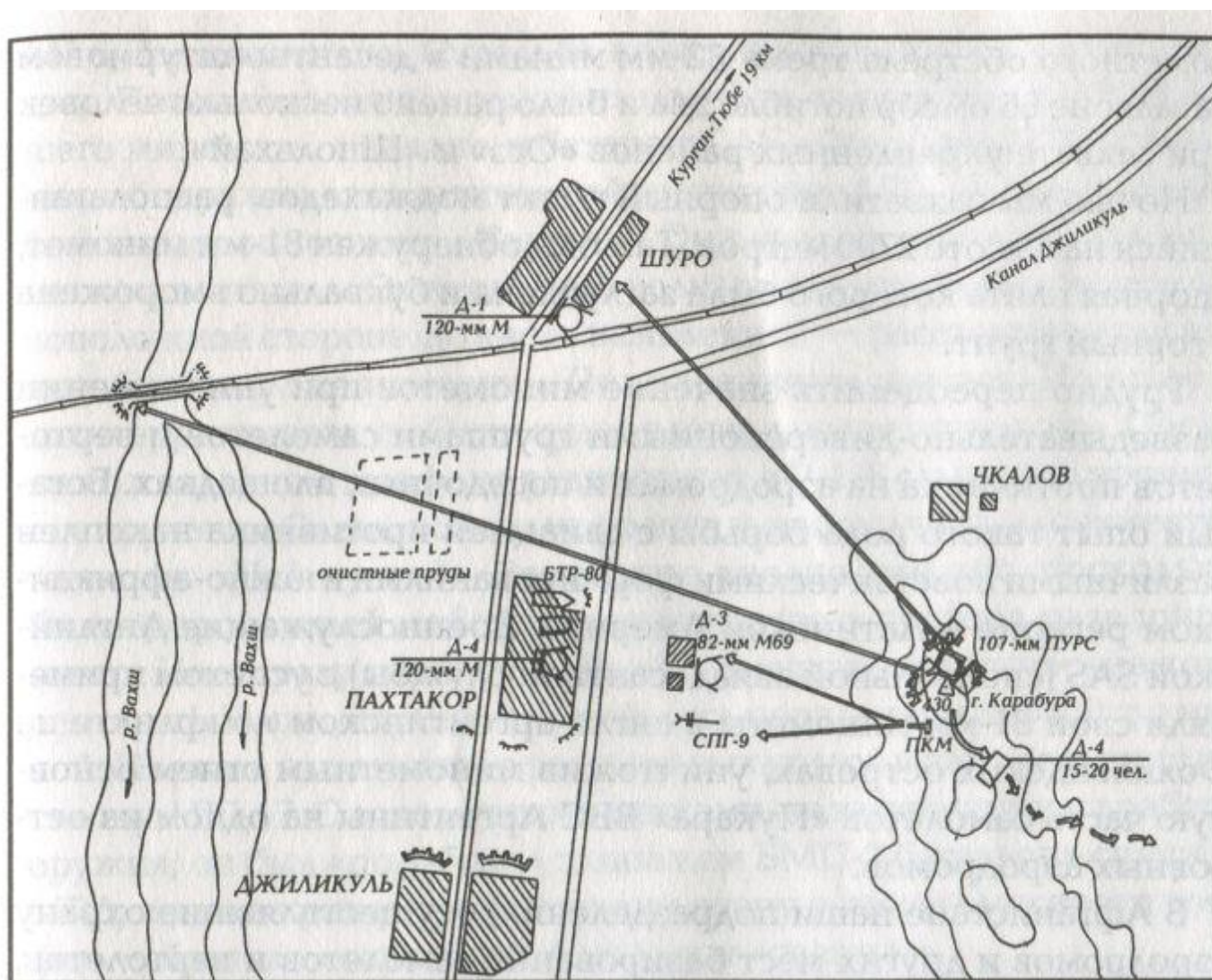

Схема 20. Схема тактики кочующих огневых средств (КОС), примененная в Таджикистане группой СпН 15 обрСпН

Афганские моджахеды, применяя тактику КОС, перевозили свои 81-мм минометы на вьючных животных и автомобилях. Для переноски 81-мм минометов использовали универсальные вьючные устройства из комплекта миномета. Универсальность вьюков достигалась наличием стандартной наспинной подушки, плечевых лямок с наплечниками и специальных кронштейнов и ремней, с помощью которых можно было переносить любые виды тяжелого оружия и боеприпасы к ним, состоящие на вооружении НОАК (75-мм и 82-мм безоткатные орудия «Тип 56» и DKZ-82, 12,7-мм пулеметы ДШК).

Чеченские боевики свои 82-мм минометы умудрялись доставлять на огневые позиции на мотоциклах и даже велосипедах.

При боевом применении миномета немаловажным моментом является правильность установки миномета, обеспечивающая ведение интенсивного огня сериями по три—пять мин без восстановления наводки. После предварительной пристрелки именно такой способ ведения огня обеспечивает максимальный эффект поражения открыто расположенной живой силы, не успевающей укрыться от огня. Так второго декабря 1986 года в результате минометного обстрела тремя 82-мм минами в десантно-штурмовом батальоне 66 омсбр погибло два и было ранено несколько человек при захвате укрепленных районов «Огз» и «Шпольхай». Ночью мы захватили опорный пункт моджахедов, располагавшийся на высоте 2700 метров. Там был обнаружен 81-мм миномет, опорная плита которого была заглублена и буквально вморожена в горный грунт. Трудно переоценить значение минометов при уничтожении разведывательно-диверсионными группами самолетов и вертолетов противника на аэродромах и посадочных площадках. Богатый опыт такого рода борьбы с авиацией противника накоплен различными повстанческими формированиями в южно-африканском регионе и Латинской Америке. Военнослужащие Английской SAS (специальной авиадесантной службы) с успехом применяли свои 81-мм минометы в англо-аргентинском конфликте на Фолклендских островах, уничтожив минометным огнем основную часть самолетов «Пукара» ВВС Аргентины на одном из островных аэродромов.

В Афганистане наши подразделения, осуществлявшие охрану аэродромов и других мест базирования самолетов и вертолетов, создавали разветвленную сеть застав, минных полей и инженерных заграждений вокруг них. О том, какую опасность представляли кочующие минометы афганских партизан для авиации на стоянках можно судить по тому, что для их нейтрализации высылались группы специального назначения. Эффективен огонь минометов калибра свыше 81 мм и по легкобронированной технике (БТР, БМП, САУ, ЗСУ). Печальный опыт такой эффективности имеется в 45-м отдельном полку специального назначения ВДВ, где в результате попадания минометной мины в самоходно-артиллерийскую установку, в ходе грозненских боев в январе 1995 года и подрыва боекомплекта САУ погибла случайно оказавшаяся поблизости разведгруппа полка.

«Кулак вправо!»

Высокая точность стрельбы из миномета достигается профессиональным опытом расчета и корректировщика огня при стрельбе с закрытой огневой позиции.

Довольно курьезный случай произошел в Таджикистане с нашей РГСпН 22 февраля 1993 года при штурме УР «Ромин» в 10 км северо-восточнее Душанбе. К этому времени мы уже освоили более мощные 120-мм минометы, находящиеся на вооружении подшефной отдельной мотострелковой бригады особого назначения МВД Таджикистана. Стрельба велась с закрытой огневой позиции. После подавления одной из целей, я, корректируя огонь нашего миномета, а заодно и батареи САУ «Гвоздика» 201-й дивизии, обнаружил автоматический гранатомет АГС-17, называемый боевиками оппозиции «Самсон». Он изрядно досаждал нам уже несколько недель. От последней цели, располагавшейся на противоположной стороне, до вновь выявленной — расстояние в тысячах биноклем не измерить. Поля зрения не хватает. Поэтому я даю корректировку: «Один кулак влево, дальше пятьдесят». После этого в головном телефоне радиостанции Р-148 слышится ироничное ворчание Олега, командира расчета и наводчика по совместительству: «Чей кулак?». Замечание вполне уместно, поскольку Олег здоровенный майор, кулак которого в полтора раза шире моего. Но я сразу парирую: «Твой, я внес физиологические коррективы». Наши «шутки» закончились попаданием первой же миной. Из дыма и пламени ее разрыва выкатился и загремел вниз по склону АГС-17. С осколочными метками, не влияющими на работу оружия, он был «подобран» экипажем БМП-2 батальона спецназ МВД, и даже привел к небольшому спору о принадлежности трофея — бригаде «осназ» или батальону «спецназ».

Мины всякие нужны...

На вооружении армий некоторых государств находятся 81-мм зажигательно-дымовые («пристрелочные») мины. Они успешно могут использоваться разведывательно-диверсионными подразделениями для обозначения полевых складов военно-технического имущества и горюче-смазочных материалов при наведении на них авиации. Их также, в случае надобности, можно применять для постановки дымовой завесы с целью ослепления противника и маскировки своих действий.

Несколько слов об упомянутых выше 60-мм минометах. Данный калибр в настоящий момент отсутствует на вооружении российской армии. Они, имея малый калибр, обладают меньшим весом, как боеприпаса, так и самого миномета в целом, что для спецназа, безусловно, является серьезным преимуществом. Но в то же время минометы малого калибра имеют небольшую дальность стрельбы, да и боеприпас у них слабенький.

В декабре 1985 года личным составом РОСПН №130 в ходе налета на перевалочную базу караванов в провинции Нангархар Республики Афганистан был захвачен 60-мм миномет М57, производимый по лицензии Пакистаном, и около 40 мин. Разведгруппы третьей роты джелалабадского отряда спецназ временно использовали его при выполнении задач. Но из-за ограниченного количества боеприпасов к весне следующего года он попал на склад артвооружения отряда, а в последующем в трофейный арсенал. Минометы, в основном, китайского производства, иногда применялись в качестве усиления бронегрупп отрядов специального назначения и перевозились на БТР-70. Разведывательные группы применяли в качестве «пехотной артиллерии» автоматические гранатометы АТС-17. «Пламя» — прекрасная машина, но уступает 82-мм миномету в дальности стрельбы, да и боеприпас у миномета помощнее.

Чтобы уметь надо иметь

Предвидя возражения многих читателей по поводу вооружения частей и соединений специального назначения минометами и другим «тяжелым» оружием: ПТУР, станковыми гранатометами, крупнокалиберными пулеметами и автоматическими гранатометами, я отчасти разделяю их мнение. Но опыт боевого применения этих частей в локальных вооруженных конфликтах неоднократно подтверждает необходимость освоения личным составом спецназа такого оружия.

Обучение владению «тяжелым» оружием должно предполагать хотя бы наличие такого оружия на складах частей специального назначения. Так, к примеру, обстоят дела с основным стрелковым оружием иностранных армий, которое может быть использовано по заявкам командиров подразделений в ходе боевой подготовки разведчиков. В проигрыше от такого, на первый взгляд, расточительства никто не остается.

С. Козлов. Миномет? Почему бы и нет?

Действительно можно много спорить о необходимости использования спецназом минометов и другого тяжелого оружия пехоты. И ведение огня из миномета, а главное, его грамотная корректировка — дело отнюдь не элементарное. В частности скажу, что автор предыдущего материала, скорее всего, корректировал огонь своего миномета, который вел огонь полупрямой наводкой. Это когда огневые позиции, место наблюдателя-корректировщика и цель находятся на одной прямой. Именно в этом случае возможна корректировка «два лаптя ближе, кулак правее». Если же эти три точки представляют собой любой треугольник, то управление огнем даже одного миномета требуют специальных знаний.

Принцип корректирования огня артиллерии с закрытых позиций

Не вдаваясь в дебри теоретических построений, постараюсь коротко изложить, какие данные нужно выдавать на огневые позиции для производства расчетов при ведении огня артиллерии с закрытых позиций.

Для начала напомним, что в артиллерии для определения направления используется не азимут магнитный (Ам), а дирекционный угол (Ду). О разнице между ними можно прочесть в любом учебнике топографии.

Данные для расчета разницы между Ам и Ду имеются в легенде карты, с которой вы работаете.

Для удобства работы на НП вам потребуется дальномер ЛПР-1 (о том, что необходима радиостанция, я даже не говорю). Установив его (обязательно на треногу), нужно сначала добиться, чтобы прибор стоял строго горизонтально. Проверить это легко при помощи простого устройства, называемого уровнем. Пузырек воздуха, находящийся в жидкости, укажет на завершение этих действий, как только будет находиться строго посередине.

После этого ЛПР следует сразу сориентировать так, чтобы он вам выдавал при наведении на цель Ду. Для этого лучше всего подходит буссоль, но можно ввести поправки к Ам, определенному при помощи компаса. Компас в этом случае лучше иметь с градуировкой не через три градуса, а через один. Для ориентирования прибора положите на него компас и сориентируйте его на север. После этого наведите визир компаса и перекрестье прибора на один и тот же ориентир.

После расчета поправки к Ду, введите ее. Теперь ваш ЛПР будет автоматически показывать на шкале значения Ду. После этого следует определить прямоугольные координаты точки вашего НП. Географическими координатами в артиллерии также не пользуются. Самый простой способ — по дальности и направлению на хорошо заметный ориентир, имеющийся на вашей карте. Способ также описан в учебниках топографии.

Координаты следует сообщить на огневые позиции. После этого вы легко сможете корректировать огонь артиллерии. Вычислитель на огневой позиции, получая ваши сообщения о направлении и дальности до цели, а после первого выстрела — до разрыва (дальность указывается в метрах), легко сможет ввести поправки при стрельбе и доложить их командиру огневых средств.

Польза несомненна

А.Сухолесский безусловно прав в том, что использование минометов зачастую облегчает выполнение специальных задач. Разведчикам для нанесения поражения объекта, если цель налета заключается только в этом, нет необходимости проникать на хорошо охраняемый объект. Можно заблаговременно создать необходимый запас мин вблизи предполагаемой огневой позиции и в назначенное время прибыть туда, доставив на себе только необходимое количество минометов.

Весьма полезным может оказаться миномет и в контрпартизанской борьбе. Вооружив «охотничьи команды», ведущие дальнейшее патрулирование с целью выявления отрядов повстанцев, можно серьезно повысить их огневую мощь. Это позволит им в случае надобности самостоятельно и высокоэффективно наносить огневое поражение небольшим отрядам партизан. Мобильность таких групп можно повысить, используя гужевой транспорт.

Оружие должно соответствовать задаче

Совершенно очевидно, что вооружение и оснащение группы должно зависеть от поставленной задачи. Как-то мне довелось посмотреть учебный фильм о подготовке рейнджеров в Форте Бенин. Командир группы перед выполнением зачетной задачи в конце курса обучения составлял заявку на получение вооружения со склада согласно предстоящей задаче. И никто при этом не навязывал ему своего мнения. Было бы неплохо, если бы и склады ракетно-артиллерийского вооружения бригад специального назначения имели на хранении самое разнообразное тяжелое вооружение, которое может потребоваться спецназу для выполнения поставленных задач.

Новое - хорошо забытое старое

Однако возникает естественный вопрос, а кто будет применять это оружие?

Как уже сказано выше, грамотное его использование требует специальных знаний и навыков. Однако и автор вышеизложенного материала, и нынешние руководители спецназа, наверное, забыли, что ранее в штат отдельной бригады специального назначения входил отряд спецоружия. Вооружен он был ПТУРами. А в штат рот СпН отдельных отрядов специального назначения, воевавших в Афганистане, входил взвод оружия, оснащенный автоматическими гранатометами и реактивными огнеметами. Почему бы не реанимировать отряд спецоружия, сведенный по сокращенному штату во взвод, исполняющий в разных бригадах функции бригадного оркестра или внештатной пожарной команды. Можно было бы значительно расширить перечень вооружения, которым должны уметь пользоваться специалисты отряда. Использовать для этого трофейное вооружение и боеприпасы, которые во множестве захватываются в последние годы, а также некоторые наши системы, которыми в настоящее время вооружено полмира.

Чем шире будет спектр средств, применяемых спецназом, тем выше станет эффективность его действий.

А. Сухолесский. Артиллерия партизан в локальных вооруженных конфликтах

Наряду с хорошо известным во всем мире автоматом Калашникова не меньшей популярностью пользуется, относящийся к другому виду оружия, ручной противотанковый гранатомёт РПГ-7. Широкая география его

боевого применения на Ближнем и Среднем Востоке, Африканском континенте, в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке указывает на надёжность этого гранатомёта в любой географической зоне. Он безотказен в джунглях, высокогорной, горно-пустынной и пустынной местностях – в условиях значительного влияния неблагоприятных факторов окружающей среды. Принятый на вооружение ВС СССР в 1961 году, он применяется в вооружённых силах более чем 40 государств, причем в некоторых странах налажено его серийное производство.

Конструкция РПГ-7 настолько проста и надёжна, что с момента его серийного производства совершенствуются лишь применяемые боеприпасы. Отечественной промышленностью производятся только противотанковые кумулятивные гранаты ПГ-7В, ПГ-7ВМ, ПГ-7ВЛ, ПГ-7ВР (боевая часть танدمного типа). Но существуют и осколочные гранаты (надкалиберная и калиберная) арабского и китайского производства.

Как наиболее приемлемое противотанковое средство для большинства НВФ (нерегулярных вооружённых формирований), РПГ-7 в условиях локальных военных конфликтов оказал значительное влияние на развитие их тактики действий. Причём в Афганистане и других горячих точках, где в вооружённом конфликте участвуют формирования АМФ – All Mojahedeen Force (Объединённые силы моджахедов), накоплен огромный опыт и выработана чёткая система его боевого применения.

С вводом в Афганистан в декабре 1979 года советских войск вооружённым отрядам оппозиции пришлось столкнуться со значительным количеством бронетехники – особенно БТР и БМП, противопоставляя ей лишь незначительное количество противотанковых средств. Рассматривая организационно-штатную структуру различных групп, отрядов и фронтов вооружённой афганской оппозиции с 1979 по 1989 год, легко обнаружить тенденцию к увеличению насыщенности формирований гранатомётами. Так, в 1983–1985 годах один гранатомёт приходился на 10–12 боевиков, а к 1987 году на такое же количество личного состава было уже два гранатомёта РПГ-7.

Отдельные противотанковые и специальные группы вооружались РПГ из расчёта на 50–80% личного состава и насчитывали до 15 гранатомётов. В условиях недостатка артиллерии или невозможности её применения, на РПГ-7 возлагалась дополнительная задача по «артиллерийской» поддержке боевых действий, которая в некоторых эпизодах боя осуществлялась более эффективно, чем огнём артиллерии. Именно этим объясняется то, что в пехотном отделении ВС Ирана (11 чел.) со времён войны с Ираком состоит на вооружении два РПГ-7.

При ведении боя на закрытой местности (горы, лес, джунгли, населённые пункты) противоборствующие стороны, как правило, отделяют лишь несколько десятков метров. В таких условиях, когда огонь артиллерии и авиации представляет угрозу и для своих войск, РПГ становится незаменимым огневым средством, а наличие оптического прицела делает стрельбу из него особо точной и безопасной для своих подразделений.

Тактику связывания противника ближним боем вьетнамцы называли термином «захват за пояс», афганские моджахеды применяли её повсеместно, особенно эффективно и часто в «зелёной зоне» и высокогорье. Благодаря подобной тактике в обоих случаях противник (американские и советские войска соответственно) лишался своего главного преимущества – огня артиллерии и авиации. Незнание и игнорирование этой тактики привело к решению не включать гранатомётчиков (РПГ-7, РПГ-16) в штат подразделений войск специального назначения ОКСВ в РА (ограниченного контингента советских войск в Республике Афганистан).

Для подавления огневых точек моджахедов в условиях высокогорья применялась маленькая хитрость – ведение огня несколько выше укрытий, расположенных на склонах гор, с учётом поражения противника осколками и взрывной волной разорвавшейся гранаты

Их отсутствие отчасти компенсировалось наличием в ротах спецназа огнемётчиков, вооружённых РПО-А «Шмель» – высокоэффективных по боевым возможностям, но слишком тяжёлых для автономных действий групп спецназа в горах, а также применением реактивных гранат РПГ-18 и РПГ-22.

Хочется вспомнить 53-мм РПГ-16 «Удар» (прицельная дальность стрельбы – 800 метров), состоявший в 1970-80-х годах на вооружении десантируемых подразделений Советской Армии и считающийся большинством ветеранов войны в Афганистане незаслуженно снятым с вооружения. Мне по личной инициативе удалось вооружить свою группу спецназа имеющимся в роте нештатным РПГ-16 и эффективно его применять в 1985–1987 годах в ходе боевых действий в провинциях Нангархар, Кунар, Лагман (восток Афганистана). Причём, для

подавления огневых точек моджахедов в условиях высокогорья применялась маленькая хитрость – ведение огня несколько выше укрытий, расположенных на склонах гор, с учетом поражения противника осколками и взрывной волной разорвавшейся гранаты. Кстати сказать, многие подразделения ОКСВ в РА широко применяли и трофейные РПГ-7 китайского («Тип 69»), а также арабского производства, более лёгкие, чем отечественные, оснащённые сошками и ручкой для переноски.

Широкое применение афганскими моджахедами РПГ-7 неминуемо вело к увеличению потерь в личном составе ОКСВ от огня гранатомётов, в том числе и при действиях в пешем порядке. Так, 13.03.87 г. в провинции Лагман, кишлак Алишанг, одним выстрелом из противотанкового гранатомёта было ранено 7 человек при эвакуации из-под огня смертельно раненого командира группы, 4.09.87 г. в провинции Кунар в результате попадания двух гранат РПГ в плоскую крышу дома (стрельба велась сверху) 11 человек, находящихся внутри дома, получили осколочные ранения и контузию.

Огонь из противотанкового гранатомёта по открыто расположенной живой силе с использованием кумулятивных боеприпасов даёт удовлетворительный результат поражения осколками и взрывной волной личного состава в радиусе до 4 метров и оказывает дополнительное деморализующее воздействие. Примером достижения высокого психического эффекта от массированного применения огня РПГ-7 по живой силе можно считать падение так называемого «Пянджского фронта» (Таджикистан), когда в ходе деблокирования 22 ноября 1992 года вооружёнными отрядами таджикской оппозиции совместно с афганскими моджахедами автодороги Пяндж–Курган-Тюбе на каждый выстрел из стрелкового оружия с противоположной стороны следовало 2–3 выстрела из РПГ (в большинстве случаев неприцельных).

Говоря о массировании огня РПГ, следует упомянуть о специальных группах гранатомётчиков, с которыми мне впервые пришлось столкнуться в Таджикистане осенью 1992 года (подобные группы применялись и в Афганистане и в Чечне). В Таджикистане так называемая «наманганская» группа из числа религиозных фанатиков в количестве 25–30 человек имела на вооружении до 12 гранатомётов РПГ-7 и реактивных гранат РПГ-18 и РПГ-26.

Особенностью тактики действий группы являлось уничтожение бронетанковой техники Народного Фронта Таджикистана последовательным сосредоточением огня двух-трёх РПГ по одному бронеобъекту с расстояния 20–50 м., причём столкнувшись с танками Т-72, оборудованными элементами динамической защиты (ДЗ) – первый гранатомётчик (действия парами) сбивал выстрелом ДЗ, а второй поражал танк в незащищенную часть брони. Характер поражения танков указывал на то, что стрельба кроме кумулятивных гранат велась и осколочными, в лобовую часть, для вывода из строя оптических приборов наблюдения (прицелов) с целью «ослепления» экипажа.

Ведя огонь с очень близкого расстояния гранатометчик при надёжном огневом прикрытии его от огня пехоты противника, способен произвести точный прицельный выстрел в наиболее уязвимое место бронеобъекта. Именно этим объясняется поражение в Таджикистане танков Т-72 в заднюю часть башни после сбивания первым выстрелом короба с имуществом, поражения кумулятивной струёй ствола пушки, прямое попадание осколочной гранаты в прибор наблюдения механика-водителя (определено по остаткам взрывателя в стекле триплекса) с последующим поражением осколками приборов, расположенных на башне.

Во всех случаях поражения танка Т-72 из ручного гранатомёта экипажи оставались невредимыми, за исключением случая попадания гранаты в заднюю часть башни (наводчик и командир танка тяжело ранены), но танки выводились из боя, так как нуждались в восстановлении, что свидетельствует об эффективности огня РПГ-7 по современным танкам, а с появлением на вооружении гранаты РПГ-7ВР «Резюме» с боевой частью тандемного типа можно надёжно поражать все современные типы бронетанковой техники.

При поражении бронеобъекта кумулятивной гранатой поражающими экипаж факторами являются избыточное давление, осколки брони и кумулятивная струя. Но с учётом принятия экипажами мер, исключающих образование избыточного давления внутри машины, таких, как приоткрытие люков и бойниц, поражающими личный состав факторами остаются осколки брони и кумулятивная струя. На человека поражающее действие кумулятивной струи внутри бронемашины оказывается на расстоянии до двух с половиной метров, а осколков – на всю длину внутреннего пространства.

Хорошую защиту от огня РПГ с обычными кумулятивными боеприпасами (гранаты типа ПГ-7В, -7ВЛ) на современной бронетехнике обеспечивают разнесённое бронирование, противокумулятивные экраны и элементы динамической защиты. Вот почему необходимо сосредоточивать огонь нескольких РПГ и других противотанковых средств по одному бронееквиваленту для его надёжного поражения, что и подтверждается тактикой действий формирований АМФ в ходе локальных вооружённых конфликтов последних десятилетий.

В большинстве случаев точному выстрелу из РПГ способствует интенсивное ведение огня из автоматического стрелкового оружия помощником гранатомётчика и другими стрелками с целью вынудить пехоту противника прекратить наблюдение за полем боя и ведение прицельного огня, а также с целью поражения оптических прицелов боевых машин противника. Это позволяет гранатомётчику без лишней суеты и с меньшей вероятностью быть поражённым занять выгодную огневую позицию, определить точку прицеливания, а после выстрела быстро и незаметно сменить огневую позицию.

При ведении огня по одной цели из двух-трёх РПГ стрельба иногда производится без обязательной смены после каждого выстрела огневой позиции, особенно при поражении цели первыми выстрелами. Очень часто в таких ситуациях гранатомётчики входят в нездоровый азарт и, забывая о мерах предосторожности, дорого за это расплачиваются. Например, «наманганская» группа в течение октября-декабря 1992 года была полностью уничтожена ценой двух сгоревших БТР-70, а также трёх поврежденных Т-72 и одного БТР-80.

При устройстве засад, одного из основных способов ведения боевых действий нерегулярных формирований, для уменьшения пылеобразования и демаскировки огневой позиции в момент выстрела из РПГ и другого реактивного оружия, очень важен выбор выгодной огневой позиции. При наличии времени и условий она, как правило, специально подготавливалась – грунт поливали водой. Достаточно хорошо маскируют огневую позицию гранатомёта заросли высокого кустарника, камышей, посевов кукурузы и других травянистых растений высотой более двух метров. При этом необходимо помнить, что по направлению стрельбы не должно быть растительности, препятствующей полету гранаты (в целях недопущения подрыва гранаты при задевании веток и травы, предохранительный колпачок со взрывателя не снимают).

Несмотря на соблюдение мер, снижающих пылеобразование, огневая позиция гранатомётчика в момент выстрела демаскируется характерной вспышкой и бело-сизым дымом. Если вы на поле боя с противоположной стороны заметили такую вспышку, то наиболее рациональным вашим действием будет предупредительный окрик «вспышка» («ложись», «выстрел») при условии, что сослуживцы знают, что делать по этой команде – лечь на землю (за укрытие) и закрыть уши руками.

В моей практике был случай, когда заметив на расстоянии 350–400 метров вспышку выстрела РПГ-7, я подал команду «ложись» находившимся рядом подчиненным и разорвавшаяся в 4-х метрах граната (на ровной площадке) никому из выполнивших команду не принесла вреда. А вот гранатомётчику не повезло, второго выстрела он так и не сделал, так как «забыл» сменить огневую позицию...

Серьёзную угрозу огонь РПГ-7 представляет для вертолётов, особенно в момент десантирования посадочным способом личного состава и грузов, эвакуации раненых и других случаях, связанных с посадкой на контролируемой противником территории. В январе 1986 года два из шести десантирующих личный состав вертолётов, при проведении налёта отрядом специального назначения на укреплённый район «Команд» севернее г. Джелалабада (Афганистан) получили повреждение от огня РПГ-7. Из-за плотности огня десантировать весь отряд не удалось, так как помимо двух поврежденных в момент посадки вертолётов огонь из РПГ вёлся и по находящимся в воздухе.

По летящему вертолёту РПГ эффективен лишь при фронтальном ведении огня с расстояния до 100 метров, а также при стрельбе на дальность срабатывания самоликвидатора кумулятивной гранаты – 700–800 метров. Последний вид огня, несмотря на низкую вероятность поражения вертолёта, все же представляет для него опасность и вынуждает экипаж предпринимать дополнительные меры предосторожности. В том числе и набирать большую высоту, что во всех случаях исключает фактор внезапности при нанесении вертолётных огневых ударов и десантирования личного состава, затрудняет ведение воздушной разведки. Причём взрывы в воздухе от самоликвидатора гранаты ПГ-7 и ракеты переносного зенитно-ракетного комплекса по внешнему виду идентичны, что затрудняет оценку противника и выбор правильного решения экипажами вертолётов (пилотами самолётов-штурмовиков) и командирами действующих на земле подразделений.

Ещё одним нестандартным способом ведения огня из противотанкового гранатомёта РПГ-7 в локальных конфликтах является огонь навесной траекторией с использованием как осколочных так и кумулятивных гранат. За исключением использования осколочных гранат, он не столь эффективен, как стрельба прямой наводкой, и применяется в основном для ведения беспокоящего огня по площадным целям. «Неприятность» от такого вида стрельбы, как и при обстреле из миномёта, заключается в сложности определения огневой позиции гранатомётчика, особенно на закрытой местности.

Между специалистами не утихают споры о величине носимого боекомплекта к РПГ-7. В комплект гранатомёта входят две сумки для переноски выстрелов на две и три гранаты для стрелка-гранатомётчика и его помощника соответственно, что подразумевает наличие в носимом боекомплекте пяти выстрелов. Я считаю, что именно это количество и является той золотой серединой, которую нужно брать за основу при ведении боевой операции.

У афганских моджахедов наблюдалось, что лишь в редких случаях один гранатомётчик использовал в бою более двух-трёх гранат, предпочитая носить одну в стволе, а вторую на плече с помощью приспособления из верёвочного ремня (так переносились гранаты помощником гранатомётчика или подносчиками боеприпасов).

Способ переноски гранат на ремне непригоден в районах с влажным климатом, так как бумажная изоляция порохового заряда легко повреждается, что приводит к ухудшению точности стрельбы вследствие отсыревания пороха, а чаще всего к полной непригодности порохового заряда. Переносные сумки для выстрелов у афганцев популярностью не пользовались, да и мы предпочитали другую «тару».

Применяя в Афганистане РПГ-7 и РПГ-16 в качестве усиления групп спецназа, носимый боекомплект к гранатомётам состоял из 6–12 выстрелов, в зависимости от условий выполнения боевой задачи, причём по примеру моджахедов, гранатомёты всегда были заранее заряжены, а для переноски выстрелов использовались более приемлемые десантные рюкзаки РД-54, гранаты в которых переносились в боковых карманах головной частью вниз. Иногда для маскировки выстрелы укладывались попарно в специально изготовленные для этих целей матерчатые чехлы (обрезанные рукава или штанины старого полевого обмундирования) и крепились к рюкзакам с помощью завязок.

После всего сказанного о гранатомёте-ветеране остается лишь посоветовать, что существенным недостатком отечественного РПГ-7 остается отсутствие к нему осколочных, зажигательно-дымовых, осветительных и других специальных боеприпасов. С ними существенно расширился бы диапазон возможностей подразделений Российской Армии.

С. Козлов. Новые разработки Ижевского завода

Удачный союз

В сентябре 1999 года мне довелось побывать на соревнованиях снайперских пар спецподразделений СНГ, проходивших в Краснодарском крае. В них принимала участие и команда УФСБ Российской Федерации по Удмуртской Республике. Общий интерес участников вызвало оружие, которое она с собой привезла. Ижевские снайперы были вооружены новыми винтовками СВ-98, производства ОАО «Ижмаш», находящимися в процессе доработки, и пистолетами «Грач» и «Викинг» того же завода, созданными по заказу Российской Армии.

Снайперская магазинная винтовка СВ-98

Премьера СВ-98 состоялась еще в прошлом году на этих же соревнованиях. Этой осенью, как и год назад, винтовка составила достойную конкуренцию не только вполне приличной финской снайперской винтовке TRG-21, но и признанному мировому лидеру среди винтовок калибра 7,62 мм — английской AWS. История создания ижевской винтовки являет собой пример чуткого реагирования конструкторов-оружейников на запросы спецподразделений и грамотного взаимодействия производителя и потребителя. Руководитель подразделения антитеррора УФСБ по УР Олег (По вполне понятным причинам называем только его имя), имеющий хорошие личные контакты с конструкторами завода, как-то незадолго до соревнований 1998 года, посетовал в разговоре с ними на отсутствие в арсенале Российских ВС приличной и недорогой

снайперской винтовки. То, что СВД не отвечает требованиям основного оружия снайпера, профессионалам ясно давно. Конструкторы задумались над проблемой и разработали к соревнованиям 1998 года винтовку СВ-98. Участие винтовки в соревнованиях, где проверяются не только ее стрелковые характеристики при выполнении статичных упражнений, но и приспособленность к боевой работе, позволило конструкторам оперативно выявить недостатки оружия и усовершенствовать его, подгоняя под требования заказчика.

При конструировании нового снайперского оружия за основу была взята спортивная винтовка «Рекорд-CISM». Из-за недостатка времени у разработчиков для доработки винтовки, ижевцы в прошлом году выступали в соревнованиях с оружием, имеющим только общие очертания снайперской винтовки, наступающего столетия. К высокоточному, массивному стволу спортивной винтовки, надежному затвору с симметричным расположением трех боевых упоров, а также спортивному спусковому механизму, обеспечивающему стабильные характеристики спуска, добавились пламягаситель и телескопические сошки. На винтовку установили предохранитель, который в положении «П» блокирует ход спускового крючка и стопорит затвор от отпирания. Перезарядка винтовки осуществляется вручную из магазина, который был несколько изменен. Помимо механического открытого прицела, винтовку оснастили оптикой. Но и в таком виде винтовка показала себя очень неплохо.

К соревнованиям нынешнего года ижевская команда привезла уже более доведенный вариант, но, как они сами неоднократно говорили, винтовка, по-прежнему, находится в стадии доработки. Вариант винтовки нынешнего года отличается более удобная конструкция съемных сошек, которые крепятся теперь на штыре, выступающем из передней части ложи, а не при помощи винта снизу, как это было на винтовке образца прошлого года. Это придает большую жесткость конструкции, а значит, способствует более однообразному прицеливанию. В нынешнем варианте сошки складываются, как вперед, так и назад. При складывании назад они убираются в специальный паз на ложе, не выходя за ее габариты. Сама ложа приобрела более сглаженную форму по сравнению со спортивной. Оптимальные ее размеры, в совокупности с регулировкой длины приклада, положений его затылка и гребня, как по вертикали, так и по горизонтали, при наличии телескопических сошек, обеспечивают удобную изготовку для ведения огня стрелка любого телосложения. Винтовка оснащена противомиражной лентой, устраняющей марево, поднимающееся от нагретого ствола и мешающее прицеливанию.

Ложа окрашена в защитный цвет, что улучшает маскировочные свойства оружия.

Нет пределов совершенству

Для стрельбы из винтовки используются 7,62-мм спортивные винтовочные патроны «Экстра» и 7,62-мм снайперские патроны 7Н1. Кучность стрельбы из винтовки на дальности триста метров снайперским патроном составляет в поперечнике не более пятнадцати сантиметров, что соответствует показателям кучности лучшего в мире спортивного оружия. Конструкторы утверждают, что винтовка может выпускаться и в варианте, позволяющем применять патрон 7,62x51 (308 Win), что в последующем даст возможность представить винтовку на международный рынок оружия.

То, что винтовка все же еще «сыровата», подтверждает «неродной» магазин. В последний момент, перед отъездом на соревнования к винтовке приспособили магазин от СВД. В результате, в присоединенном положении он выступает за габариты ложи на два—три сантиметра. После разработки нового магазина, он выступать не будет.

Как мне кажется, конструкторам стоит поработать над регулировкой затылка и гребня винтовки. В настоящее время она осуществляется путем дополнения или изъятия специальных сменных прокладок, которые входят в комплект винтовки. У той же TRG-21 эта операция выполняется за считанные секунды поворотом специального ключа. Кроме того, гребень приклада регулируется не только по высоте, но и по направлению, что делает и финскую и английскую винтовку более эргономичной. По этой характеристике наша винтовка и выглядит, и ощущается пока довольно «дубовато». Ложа и TRG, и AWS изготовлена из армированного капрона и более прикладиста. Может, и нашим конструкторам стоит поработать с пластмассами и тому подобными материалами, или хотя бы сделать более удобной деревянную ложу.

Большую проблему представляет снайперский калиматорный прицел ПКС-07 Ленинградского оптико-механического объединения. Прицел очень неудобен в работе и чрезвычайно капризен, В связи с этим назвать его снайперским можно с большой натяжкой. Применение же красной прицельной марки мешает прицеливанию, когда точка в объективе превышает размеры цели или равна ей. Качество изображения невысокое и, даже семикратное увеличение, не делает этот прицел приемлемым для очень неплохой, хоть

еще и не «доведенной до ума» винтовки. Возможно, пока наша промышленность не создала для новой винтовки соответствующего ее характеристикам прицела, стоит попробовать использовать японскую или немецкую оптику.

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ СВ-98	
Длина ствола, мм	650
Шаг нарезов, мм	320
Начальная скорость пули	815
Усилие спуска, регулируемое, кгс	1,5-2,0
Емкость магазина, штук патронов	10
Масса без оптического прицела, кг	6,2
Длина винтовки, мм	1270
Величина регулировки : длины приклада, мм	20
гребня приклада, мм по вертикали	+9 / -6
по горизонтали	+4 / -4
затылка приклада от нейтрального положения, мм вверх и вниз	30
вправо, влево	7
Боевая скорострельность, выстрелов в минуту	10

Пистолет МР-443 9-мм «Грач»

Не меньший, а, может быть, даже и больший, интерес участников соревнований вызвали пистолеты «Грач» (МР-443 9-мм) и «Викинг» (МР-446 9-мм), которыми были вооружены снайперы ижевской команды. Разработанный по заказу Российской Армии «Грач», является принципиально новым оружием среди российских пистолетов, за последние сорок лет.

Во-первых, конструкторы пистолета создали его под патрон Люгер 9х19 мм, что серьезно повысило мощность оружия. Выпуск этих патронов налажен в России.

Во-вторых, они вернулись к старому принципу, на котором основана работа автоматики — принципу отдачи и короткого хода ствола. Он был использован в простом и надежном ТТ, а также в наиболее известных в мире пистолетах, таких как «Кольт», «Браунинг», «Беретта» и ряде других.

Пистолет имеет классическую конструкцию со стальной рамкой и курковым ударным механизмом с самовзводом. Предохранитель пистолета — неавтоматический. При включении, он блокирует шептало, спусковой крючок, курок и затвор, причем курок может блокироваться, как во взведенном, так и в спущенном положении.

Это, безусловно, очень удобно, когда патрон находится в патроннике и возникает необходимость быстро открыть огонь, поскольку усилие спуска самовзводом превышает более чем в два раза усилие спуска при взведенном курке. Любой стрелок знает, как это влияет на точность огня.

Пистолет имеет защелку магазина, аналогичную защелке ТТ, что значительно ускоряет и упрощает процесс перезарядки магазина. А тот факт, что она может переустанавливаться на обе стороны, позволяет вести огонь как с правой, так и с левой руки. Этому же способствует наличие у предохранителя двустороннего управляющего рычага. Длина ствола, составляющая сто сорок четыре с половиной миллиметров и четырехдистанционный прицел, изменяемый от двадцати пяти до ста метров, позволяет вести эффективный прицельный огонь на этих дальностях. Емкость магазина, которая превышает емкость стоящего на вооружении ПМ, более чем в два раза, дает возможность вести ближний бой, создавая большую плотность огня и не опасаясь слишком частой перезарядки, порой в самый неподходящий момент. Функцию указателя патрона в патроннике выполняет выбрасыватель.

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ МР-443 9ММ «ГРАЧ»	
Калибр	9х19мм Luger
Габаритные размеры, мм	190х140х38
Масса без патронов, кг	1,0
Емкость магазина, штук патронов	17
Усилие спуска при взведенном ударно-спусковом механизме, Н, не более	24,5
при стрельбе с самовзводом, Н, не более	58,9
Прицел	четырёхдистанционный 25-100м

Сравнивая разные модели

Взяв в руки этот пистолет, я ощутил, как он удобен и хорошо сбалансирован. Массивные прицельные приспособления упрощают прицеливание. На мой взгляд, пистолет прекрасно подходит для ведения огня «Флэш», а, значит, и выполнения упражнений по скоростной и специальной стрельбе.

Практическое ведение огня из «Грача» подтвердило мою догадку. Отдача, на первый взгляд, оказалась непривычно сильной. Сказался длительный перерыв в практике ведения огня из иностранного оружия. Как никак, а патрон «Люгер» более мощный, чем наш. Но после нескольких выстрелов навык восстановился. Тогда же мне удалось пострелять из израильского «Jericho» и из всемирно известного «Глока», которые разработаны под тот же патрон. Показатели были примерно одинаковы, однако справедливости ради, стоит отметить, что «Глок» сбалансирован получше.

В то же время, сотрудники спецподразделения антитеррора «Алмаз» МВД Республики Беларусь, вооруженные западным оружием, отмечают капризность «Глока» при длительном действии «в поле», когда не всегда имеется возможность для чистки.

Впервые за долгое время обращения с отечественным оружием я держал в руках пистолет, сделанный специально для того, чтобы им было удобно пользоваться в различных боевых ситуациях.

«Макаров» при всей своей простоте неудобен при перезаряджании, а для того, чтобы начать попадать из него в цель, необходим навык, который вырабатывается часами постоянных тренировок. Многие офицеры, умея прекрасно стрелять из автомата, даже к увольнению в запас не могут освоить стрельбу из ПМ.

ТТ при массе достоинств имеет один серьезный недостаток — несовершенный предохранитель, который однажды чуть не стоил жизни моему приятелю.

АПС всем хорош, но сложен в разборке. ПСМ имеет лишь одно достоинство — удобство скрытого ношения.

«Грач» и «Викинг», на мой взгляд, лишены перечисленных недостатков. Кстати, «Викинг» отличается от «Грача» лишь тем, что имеет рамку из высокопрочной литевой термопластмассы, а значит и вес его на сто граммов меньше. Однако, судя по отзывам ребят из Ижевска, пластмассовая рамка оказалась менее износостойкой. В связи с этим фактом, думаю, что с «Викингом» конструкторам еще придется поработать.

Поступит ли оружие в войска

Частые сетования сотрудников спецподразделений различных ведомств на отсутствие оружия, достойного наших спецназовцев, кажется, услышаны Господом. «Ижмаш» выполнил заказ Министерства обороны России, создав МР-443, идя навстречу пожеланиям сотрудников УФСБ по УР, доводит до ума СВ-98.

Возникает вопрос, а будут ли приняты на вооружение описанные выше пистолеты и винтовка? И если будут, то когда? Плач о том, что денег нет, тоже дошел до ушей Всевышнего и бюджет 2000 года предусматривает увеличение ассигнований на оборону. Остается одно препятствие — инертность генералов силовых ведомств. Преодолев ее, нам не придется закупать у англичан винтовки, стоимостью 7000-8000 долларов США. Да, это — отличные винтовки, но наши то ненамного хуже, притом что намного дешевле.

P.S. В настоящее время винтовка СВ-98 принята на вооружение, однако это не значит, что в войска она начала поступать. По-прежнему наши снайперы стреляют из СВД, а кто покруче, из отечественных спортивных винтовок, переделанных под снайперское оружие. Самые крутые выполняют задачи из «вражеских» стволов. Проблема та же — нет денег.

К. Конев. Автомат, как оружие снайпера?

Среди снайперов, оружейников и других приверженцев стрельбы часто возникает спор на тему выбора между магазинной винтовкой и самозарядной. Эта тема еще не поднималась на страницах журнала, поэтому будет интересно к ней обратиться.

Сторонники систем с ручным перезаряжением мотивируют преимущество таких винтовок более высокой кучностью боя. Приверженцы самозарядок — возможностью быстро произвести повторный выстрел в случае промаха. В качестве контраргумента им приводят способность опытного стрелка произвести серию выстрелов из магазинной винтовки в достаточно короткий промежуток времени. К примеру, из винтовки с болтовым запирающим механизмом калибра 308 Win (7,62x51 NATO) стрелки уверенно делают серию из 5 выстрелов за 10 секунд (а иногда и меньше), при этом поперечник рассеивания на дальности 100 м остается в пределах 1 угловой минуты (25 мм на 100 м). Впрочем, здесь есть некоторое лукавство, поскольку такая скорострельность демонстрируется в тире или на стрельбище, при стрельбе по одной мишени, без переноса огня.

Попытаемся рассмотреть, из чего складывается реальная скорострельность при снайперской стрельбе. Так, время, затрачиваемое на производство повторного выстрела, зависит от двух параллельно протекающих процессов. Условно назовем их техническим и практическим.

Технический промежуток, после которого может быть произведен повторный выстрел, представляет собой следующую последовательность: выстрел — процесс перезарядки (0,1 с для самозарядных винтовок, 0,5-1 с при ручном зарядании) — повторный выстрел. В практической деятельности последовательность несколько иная. Выстрел — смещение картинки в прицеле под действием отдачи — восстановление изображения — наблюдение за результатами выстрела (поражение / промах) — принятие решения о повторном выстреле — прицеливание — повторный выстрел. Во всех случаях «практический» промежуток значительно больше «технического». Таким образом, процесс перезарядки не является определяющим и производится опытным стрелком параллельно, в пределах «практической» последовательности.

Следует отметить, что больше всего времени тратится на наблюдение за результатом выстрела и принятие решения на повторный выстрел. Понятно, что наблюдать результаты выстрела до того, как пуля достигнет цели, невозможно. А при стрельбе на большие дальности после восстановления изображения в прицеле еще некоторое время стрелок ждет попадания пули. При стрельбе из бесшумных систем типа ВСС («Винторез») и ВСК-94 («Взломщик») подлетное время будет относительно большим и на средних дальностях. Время, затрачиваемое на восстановление изображения в прицеле, в большой степени зависит от величины отдачи и соответственно от применяемого боеприпаса.

Для практической оценки приведу результаты проводимого мной эксперимента, в котором сравнивались СВД и АК-74 с оптическим прицелом.

Тактическая легенда — подавление огневой сопротивляемости противника при выдвижении или эвакуации своих сил в населенном пункте. Эту задачу частенько приходилось решать военнослужащим федеральных сил в Грозном как в первую, так и в нынешнюю кампанию. Цели — пять головных и грудных мишеней, разнесенных по фронту и высоте на дальностях 100-150 м. Расстояние между мишенями не менее 5 м. Порядок разброса — хаотический. Количество выстрелов — 10 (по 2 на мишень). Оценивалось время и вероятность поражения целей.

Упражнение выполнялось десятью стрелками с разным уровнем подготовки. Лучший результат — 9 сек для АК-74 и 14 сек для СВД. Худший результат — 19 сек для АК, 28 сек для СВД. Все цели были поражены.

Исключение составил один стрелок (не снайпер), допустивший два промаха при стрельбе из СВД.

Кто-то может возразить, что 150 м — не снайперская дальность. Но именно на таких дальностях и приходилось работать снайперам в городе, когда от них требовалась высокая скорострельность. При стрельбе на 500-700 м характер действий другой. Промежутки между выстрелами значительные и порой связаны даже со сменой позиции.

Таким образом, при стрельбе на малые дальности системы с малым импульсом отдачи, такие, как АК-74, более предпочтительны, чем СВД. А при стрельбе на большие дальности СВД уступает магазинным винтовкам с ручным перезаряданием.

Поскольку использование АК-74 в снайперских целях наверняка вызовет у многих скептическую оценку, следует рассмотреть этот вопрос более детально. Среди аргументов, которые могут быть выдвинуты, скорее

всего будут более низкая кучность стрельбы из АКМ-74 по сравнению с СВД и низкие пробивные свойства пули.

Что касается кучности боя, то снайперу следует отбирать наилучший автомат из числа находящихся в подразделении. В моей практике такой отбор позволял получить поперечник порядка 3-5 см на дальности 100 м. По баллистическим характеристикам (настильность, величина боковых поправок) автомат сравним с СВД на дальностях до 400-500 м. Реальные дальности огневых поединков составляют 100-200 м в городе, до 400 м на равнине. Можно, конечно, найти участки, где местность будет просматриваться и на большие расстояния, однако ведение боя на таких дальностях, как правило, большая редкость. Горы же диктуют другие условия, тактику и вооружение, это тема отдельного разговора.

Что касается пробивных свойств пули, то вовсе не обязательно уповать на редкий сейчас патрон 7Н22. Традиционные 7Н6 с 1986 года выпускаются с термоупрочненным сердечником и обладают большим пробивным действием, чем 7,62-мм снайперские 7Н1 с обычным сердечником. Не так уж редко встречаются и 5,45-мм патроны 7Н10. Однако большинство не только стрелков, но и представителей службы вооружения не могут распознать эти патроны, которые не имеют специальной окраски и отличаются только надписями на ящиках и применением фиолетового лака-герметизатора вместо красного, как на 7Н6.

Несомненно, что винтовки с болтовым запирающим механизмом имеют более высокую кучность, чем АК-74. Но это, я бы сказал, разные весовые категории, и задачи у них соответственно разные. С точки зрения военной, а не спортивной, критерием оценки выдвигается вероятность поражения цели, а не количество очков. То есть не так уж важно, в какую часть головной фигуры попадет пуля, главное, чтобы цель была уничтожена. Исходя из этого, поперечник рассеивания рассматривается в несколько ином контексте. А именно, до какой дальности рассеивание не превышает заданных габаритов. При этом условии вероятность поражения цели принимается равной 100%.

Так, если на дальности 150 м поперечник рассеивания отобранного АК-74 составит 8 см, а магазинная винтовка обеспечивает 3 см, то при стрельбе по цели с габаритом 15х20 см вероятность поражения у обоих — 100%. И если в этих условиях требуется меньшая масса оружия и большая скорострельность, то преимущество за АК. При стрельбе на большие дальности приоритеты меняются, и винтовки с болтовым запирающим механизмом неоспоримо лидируют. А абсолютно универсального оружия, как известно, не бывает.

А. Буднев. Путь «Сатурна»

По просьбе руководства МВД

Перед нами стояла задача — доработать и провести в жизнь программу подготовки ОМОН и сводных отрядов милиции применительно к задачам и имеющемуся у них уровню подготовки.

Мы — это три человека — Сергей С. (позывной «Бэтмен»), Константин К-в («Чарли») и автор.

Сергей и я — бывшие военнослужащие 17-й бригады спецназ ВМФ, Костя — специалист в области снайпинга.

К нам обратился один из офицеров Управления МВД московской области — «Сан Саныч» — с просьбой оказать методическую помощь. Во многом, благодаря именно его энергии и настойчивости, удалась эта затея. Занятия проводились на безвозмездной основе. Между собой в шутку мы называли эту школу «Сатурн», по аналогии со школой диверсантов из известного фильма. Название прижилось и стало жить самостоятельной жизнью, обрастая слухами и легендами.

Наш дебют состоялся 27 января 2000 года в Сергиево-Посадском ОМОНе, незадолго трагической командировки этого отряда. К сожалению, тогда удалось провести только два занятия теории в классе. Да и то, что успели рассказать, без отработки осталось чистой теорией. Надо отдать должное сергиево-посадцам — они сделали соответствующие выводы и впоследствии принимали самое активное участие в проведении занятий. Некоторые ездили в свое свободное время на занятия из Сергиева Посада в Видное.

«Сатурн» почти не виден

Программа составлялась очень обширная, а времени — меньше чем в обрез. Попытка прочитать и показать, как можно больше, себя не оправдала. Слабые теоретические знания создавали определенную проблему. Пришлось возвращаться к самому началу.

Очень плотно изучали огневую, топографическую и тактико-специальную подготовку, отрабатывали основы горной подготовки, инженерной и радио-подготовки. Особое внимание уделяли военно-медицинской

подготовке. Попутно подтягивали уровень физической подготовки и давали необходимые в условиях командировки правовые знания.

Костя занимался со снайперами, мы с Сергеем с остальными. В силу определенных обстоятельств, основная нагрузка легла на Сергея. Он безотказно и бесценно участвовал в обучении и подготовке подавляющего числа отрядов, проводя своего рода «ликбез» за период от трех дней, до плановой подготовки в течении двух недель. Чего это ему стоило — знает только он сам.

Методика

Занятия проводились методом лекций, тактико-строевых занятий и тренировок. Лекции проводились в классе, практические занятия на полигоне (стрельбище) под руководством офицерского состава, где мы выполняли роль консультантов. На полигоне обучаемым доводили тему и цель занятия, метод проведения, учебные вопросы, время, отведенное на занятие. После этого повторяли ранее изученный материал, относящийся к теме — незакрепленный материал легко забывается.

На следующем этапе приступали к отработке учебных вопросов. Сначала подробно объясняли, что делаем, зачем и как. После этого обучаемые пытались выполнить упражнение. Мы же, в свою очередь фиксировали ошибки, указывали на них и объясняли в чем их причина. Далее вновь повторяли упражнение.

Из-за дефицита времени, большого количества личного состава и малого числа инструкторов, больше двух раз повторять упражнение не удавалось, хотя повторять надо бы до полного усвоения и в разных вариантах. По завершении практической части занятия следовала проверка оружия и снаряжения, подведение итогов, где отмечались лучшие, разбирались ошибки и недостатки. Обязательно давали задание на самоподготовку, а в конце отвечали на вопросы.

Методика довольно известная, однако, как показал наш опыт, далеко не всем.

С каким прицелом стрелять?

Зачастую оружие выдавалось только перед отправкой подразделения. Тренировки проходили с одним, а на поездку закреплялось и выдавалось другое, которое не успевали привести к нормальному бою. Для устранения этой беды совершенно необходимо наличие корректора мушки, хотя бы одного на подразделение. Тем не менее, по прибытию на место может не быть времени и подходящего места для приведения оружия к нормальному бою, поэтому тренировки необходимо проводить с тем оружием, с которым предстоит командировка. Нам удалось добиться этого только к концу второго года занятий.

Проверку уровня базовых знаний выявила слабое понимание практического значения и применения правил внешней баллистики. Например, такая распространенная ошибка. Автомат АК-74 приводится к нормальному бою на дистанции 100 м с прицелом «П», то есть до 400 м. При этом средняя точка попадания должна быть выше точки прицеливания на 24 сантиметра. Подразумевается, что на дальности 400 м точка прицеливания и СТП совпадут. Это, в принципе, помнит большинство. Но бой происходит на дистанциях 200—300 м, размер цели — не грудная и, уж тем более не ростовая фигура, а часть головы, показавшейся из-за укрытия, то есть 14—16 см. Но стреляя прицелом «П» (а именно большинство так и стреляет) и целясь под цель, как учили, мы имеем превышение траектории над линией прицеливания на 200-х метрах 38 см (!), 37 см - на 250 м, 32 см - на 300 м.

Пуля весит 3,4 граммов, скорость ее полета — 900 м/с. Добавьте сюда техническое рассеивание, ошибки при производстве выстрела, затрудненность определения точки попадания и, как следствие, корректировки огня. По-моему, результат очевиден!

Другая крайность — некоторые пристреливают оружие в «0» на 100 м, то есть СТП совпадает с точкой прицеливания на 100 м, при этом прицел остается «П»! При этих условиях на тех же 200 м попадание будет на 10 см ниже точки прицеливания. Это прописные истины. Но есть подозрение, что в милиции не только рядовой, но и офицерский состав слабо разбирается в этом вопросе.

Статистика дает такие данные. На одного раненного или убитого противника приходится до 200 000 выстрелов стрелкового оружия, не считая остальной огневой мощи, поэтому и компенсируют слабую стрелковую подготовку количеством расстрелянных боеприпасов. Невеселая арифметика. В группе из 10 человек каждый берет с собой до 500 патронов. И из этих 5 000 патронов на группу хорошо, если 3—5 достигнут цели.

В сложившейся ситуации пришлось подробно объяснять обучаемым необходимость определения дальности и выставления о соответствующего прицела. Тут же мы приводили простейший способ определения дальности до цели. Мушка автомата закрывает угол 2 тысячных, если ширина ее равна силуэту человека, то

до него приблизительно 200 — 250 м. Тут нужно оговориться, что с силуэтами на поле боя плоховато, однако достаточно других линейных ориентиров, размеры которых известны. Поэтому личный состав должен усвоить, что такое «тысячная» и как этим углом пользоваться.

«Учить тому, что необходимо на войне» — был в брежневскую эпоху такой лозунг, выдвинутый комиссарами той поры. Мы его украли и беззастенчиво использовали в своей работе.

Для контроля за расходом боеприпасов в ходе боя, мы рекомендовали при снаряжении магазина 15-м патроном (полмагазина), 26-м и 27-м использовать трассеры. Забивать в магазин последний патрон с трассирующей пулей — не самый удачный вариант. Лучше перезаряжать оружие, имея в патроннике патрон, на случай внезапного появления противника. Опыт войны показывает, что времени для замены магазина обычно достаточно. Но если уж вам приспичило сматывать магазины вместе, то не надо использовать красную или голубую изоленту. Кроме того, приматывайте их через прокладку (коробку от кассеты для магнитофона) патронами вверх, во избежание загрязнения при упоре магазина в землю во время стрельбы. В этом случае вы вообще не сможете перезарядить автомат.

Личный состав необходимо обучать открытию огня, не глядя на оружие. Типичная ситуация: боец находится на внешнем посту, оружие на предохранителе. Появляется цель — сразу взгляд вниз, в поисках, чего там переключать, затем опять на цель, точнее туда, где она была. Перезаряжать оружие необходимо обучать так же, не глядя, продолжая наблюдать за обстановкой. Не менее характерная ошибка — задираание головы и локтя.

Подсумки, как и разгрузки, не всегда (особенно лежа) позволяют запихнуть пустой магазин на место, (их надо дорабатывать вставками). Если нет времени с этим возиться — запихните его за пазуху (только не забудьте заправить перед этим куртку).

Та же беда — устранение задержек. Добавление в общую кучу россыпных патронов десятков выхолощенных позволит отработать этот элемент.

Не забывайте разбирать и чистить магазины, периодически переснаряжайте магазины, чтоб не держать пружины в них в сжатом состоянии. Недосыл патрона из магазина — не такое уж и редкое явление. Один неисправный учебный магазин на занятиях - совсем не лишний.

Упражнения, которых нет в наставлении

Большую трудность вызвало поражение целей в «зеленке». Приведу такой пример. В кустах были установлены четыре грудных мишени. Разнесены они были не только по фронту, но и в глубину, а также пользуясь тем, что это был холм, мы поставили мишени и на разной высоте. Упражнение выполнялось группой из пяти человек. Вооружение специально было усиленное: ПКМ — 1 ед., боеприпасов — 50 шт., РПК - 2 ед., боеприпасов по 45 шт., РГ- 6 (ручной гранатомет шестизарядный) - 2 ед., боеприпасов по 6 ВОГ-25. Дистанция до целей колебалась от 50 до 70 метров. Предварительно, для упрощения задачи мы показывали стреляющим, где расположены мишени, после этого отводили группу на огневой рубеж, где они выстраивались в походный порядок и начинали движение. По команде «Обстрел группы справа (слева)!» бойцы : занимали оборону и открывали огонь, стараясь поразить цели в зеленке, которых не видели. Море огня. Деревья валятся, щепки летят, кажется, что все цели будут как решето, а попаданий - ноль! НС После этого объясняем, что стреляя по закрытым целям, нужно целиться ниже, так как под огнем все залегают. Даже если пуля срикошетит на такой дистанции, она поразит человека так же, как и при прямом попадании. Стрельбу следует вести короткими очередями с последовательным переносом точки прицеливания по фронту, с таким расчетом, чтобы площади рассеивания пуль пересекались. Командир должен управлять огнем ПКМ, используя его для поражения или подавления наиболее важных целей, направляя его огонь в те места, где как-то проявили себя снайперы, гранатометчики и пулеметчики. Гранатометчики должны работать в глубину с рассеиванием по фронту от флангов к центру предполагаемой позиции засады противника. Гранаты, взрываясь в кронах деревьев или ветвях кустарника, обеспечивают поражение целей в открытых окопах, поражая его сверху на всей площади.

После объяснения упражнение повторяли, но лишь с третьего раза было поражено 3 из 4 целей. Обратите внимание: мишени были грудными, дистанция — короткая, а огневая мощь — выше обычной. Есть над чем задуматься. Подобного упражнения в наших программах нет, но его вводит сама жизнь.

Обучение должно быть систематическим, а не эпизодическим

В процессе подготовки в сжатое время бойцы получали большой объем информации, на который в обычных условиях уходит минимум полгода. Из-за этого личный состав был не в состоянии сразу контролировать все аспекты — просто не хватало внимания. Именно поэтому необходимо плановое, последовательное обучение, для отработки и закрепления необходимых на войне навыков. Время обучения, такой же важный фактор достижения результата, как материально-техническое обеспечение. Крайне порочным является заблуждение, что достаточно дать человеку автомат, побольше патронов, косынку на голову — и готов воин.

Также ошибочно считать, что «на месте доучатся...». Боевые действия - это экзамен, где двойку лучше не получать, а учиться лучше на чужих ошибках.

ТАКТИКА И ПРАКТИКА

Перемещение на поле боя

Вид передвижения определяется характером местности, плотностью огня, расстоянием между укрытиями, физическим состоянием бойца и т. д. Проведя в начале курса контрольные занятия, мы убедились, что обучаемые совсем разучились ползать, да и снаряжение, когда все на животе, не позволяет. Боец при перемещении, буквально, вспахивает землю разгрузкой. Большинство из этих изделий создавались для патрулирования, и позволяют манипулировать со снаряжением в положении «стоя-сидя». Они мало удобны для положения «лежа».

Часто обучаемые ленятся и стараются пробежать как можно дальше, чтобы реже падать. Однако время перебежки не должно превышать 3 секунд. «И раз, и два, и...» — пора падать. После падения лучше не перекатываться, а смещаться в сторону плашмя, опираясь попеременно на руки — ноги и корпус. Если кто-то все же перекатывается — не надо при этом задира́ть ствол и сгибать в колене ногу — скрытность от такого перекатывания будет только в очень высокой траве.

Прежде чем бежать, найдите взглядом укрытие. Не путайте укрытие от огня с укрытием от наблюдения. Заняв позицию, не торопитесь сразу открывать огонь (если только этого не требует обстановка) — осмотритесь. Пока вы перемещались, противник мог сделать тоже. Помните, как только вы начнете стрелять — через 3—5 выстрелов вам придется опять перемещаться, т. к. вас обнаружат и начнут «окучивать». Поэтому лучше это сделать до того, как вас заметили.

После того, как теория изучена и отдельные элементы передвижения на поле боя закреплены практически, мы приступали к очень эффективному практическому занятию. Перед его началом мы обязательно убеждались, что оружие разряжено и поставлено на предохранитель. Магазины обязательно пустые или не присоединяются вообще!

Обучаемые делятся на две группы — одна занимает оборону, другая начинает выдвижение с рубежа атаки. Задача «обороняющихся» — выцеливать атакующих. Атакующие отрабатывают передвижение и целеуказания. Подгруппы меняются местами минимум два раза. Результат этого упражнения впечатляет. Личный состав перестает играть в Рембо и, буквально, роет землю носом.

Отрабатывая перемещение, мы уделяли внимание не только наступлению, но и правильной организации отхода, эвакуации раненых и убитых. Боевые «тройки» именно по этой причине предпочтительнее «двоек». Если одного ранят, вытащить его в одиночку весьма не простая задача, не говоря уже о необходимости при этом вести огонь.

Целеуказание

Личный состав должен уметь определять дальность до цели и грамотно давать целеуказания относительно ориентиров, назначенных заранее, или хорошо различаемых на поле боя (опушка леса, одиночное дерево, здание и т.д.). Ориентиров должно быть несколько, (они назначаются, по возможности, заранее) справа налево и от себя к противнику, названия ориентиров, назначенных старшим начальником, не изменяются. Умение грамотно давать целеуказания позволяет эффективно управлять огнем подразделения, сокращая время между обнаружением цели и ее поражением. Истощенный крик «Вон он побежал!» мало помогает - тому же пулеметчику в обнаружении цели в условиях боя. Целеуказание можно осуществлять несколькими способами.

Трассирующими пулями или сигнальными ракетами указывается направление или сектор.

Если ориентиры заранее намечены, то проще работать от ориентира: «Ориентир 2, влево 20, ближе 100 — за кустом пулемет».

В обычных условиях направление на цель относительно линии «наблюдатель — ориентир» указывается в тысячных, но неподготовленность личного состава и отсутствие достаточного количества оптических приборов не позволяют это осуществлять на практике, поэтому обе цифры можно давать в метрах, предварительно оговорив это.

Точность целеуказания зависит от тренированности личного состава в определении расстояния на местности. Также можно давать целеуказания от себя по направлению и дальности. Удобно использовать условный циферблат часов, где 12 — общее направление на противника, а остальным цифрам будет соответствовать определенное направление на конкретную цель. Например: «На 2 часа, 250 метров, пулемет за завалом».

Даже эти простейшие способы требуют обязательной отработки на практике. Мы отрабатывали целеуказания в процессе тех же стрельб, когда огонь с мишени на мишень переносился по выдаваемому целеуказанию. Мишени при этом были расставлены не только по фронту, но и в глубину, не менее 200—250 метров. Хотя бы одна из них была закрыта от наблюдения, то есть, находилась в кустах, за щитом, обозначающим стену и т. д.

Маскировка

Личный состав обучался грамотно применять три принципа маскировки: «укрыться, слиться, обмануть». Мы практически показывали, как за несколько минут, используя подручные средства, можно уменьшить заметность бойца на поле боя. Уже после первых занятий исчезли черные шапочки — «мечта снайпера». Постепенно до обучаемых начало доходить, что не стоит носить одежду светло-серых тонов, пусть даже и камуфляжную, действуя в зеленке. И наоборот, самый модный камуфляж мало помогает на снегу. Мы терпеливо объясняли, что для того, чтобы камуфляж «заработал», «ломая» ваш силуэт, необходимо, чтобы хотя бы часть пятен соответствовала основным цветам местности, на которой вам предстоит действовать. В противном случае — вы просто контрастная цель. Выбирая позицию, будьте как можно ниже, старайтесь располагаться в тени и не забудьте оглянуться, на каком фоне вы проецируетесь. Не все и не всегда доходило быстро, поскольку знать и уметь применять — не всегда одно и то же. Так на полевых занятиях один из разведдозоров, несмотря на предыдущие объяснения, неудачно занял позицию на фоне неба, в то время как противник был внизу, в карьере.

Несколько слов о снаряжении

При обучении сразу предупреждали, что используя перчатки, не стоит спешить отрезать на них пальцы. Помимо защиты от грязи, микротравм и порезов, они еще и предохраняют от ожогов о раскаленный ствол, за который, особенно пулеметчик, умудряются рано или поздно схватиться. В экипировку полезно включить моток веревки, метров 10—15, для безопасного стаскивания подозрительных предметов, эвакуации раненых из под огня в безопасное место волоком. Ботинки должны иметь усиленный подносок и, по возможности, подошву устойчивую к протыканию. Многие оценили достоинства наколенников и налокотников, когда были вынуждены падать на каменную крошку. Осколки битого стекла ранят не хуже осколков гранат.

На что следует обратить внимание при организации блокпоста

Проводя занятие, мы добивались от личного состава четкого понимания, что подразумевает организация системы огня.

Строится она основываясь на сведениях о противнике и определении основных направлений возможной атаки, положении соседей, их задачах. Исходя из этого определяются основные и запасные, а также ложные позиции огневых средств, полосы огня, участки сосредоточенного огня, дополнительные сектора обстрела, основные и дополнительные ориентиры, дальности до них, задачу снайперам, инженерное оборудование, меры маскировки. В процессе обучения мы рекомендовали командирам подразделений, направляемых в Чечню, на месте создавать макет местности или хотя бы изготовить подробную схему, на которой отражать ориентиры, сектора огня, инженерные заграждения, установленные предшественниками и ими самими, позиции соседей и их секторы огня, фиксировать места, из которых по посту велся обстрел, места обнаружения фугасов, изменение обстановки, поступающую информацию. На нем же удобнее ставить задачу. Необходимо вести журнал наблюдения на постах. Это позволяет обнаружить интересные закономерности. Так, при анализе журнала наблюдателей всего за три дня был выявлен и задержан разведчик боевиков. Накопление, анализ и систематизация информации — важный фактор боевой устойчивости подразделения.

Организация движения

Большое внимание при подготовке уделялось действиям при попадании подразделения в засаду в пешем порядке и на машине.

Вот лишь основные моменты, на которых мы заостряли внимание обучаемых. Перед началом движения в пешем порядке или на машинах обязательно отдается приказ на марш, в котором, помимо прочего, указываются опасные участки, варианты их прохождения, определяются действия личного состава при внезапном нападении на подразделение. Кто ставит дымы, кто ведет огонь, кто эвакуирует и оказывает помощь раненым, кто совершает маневр. Предвидеть надо разные варианты, будь то нападение на голову колонны, ядро, или тыл. Все действия должны быть отработаны практически с разными вводными, включая выбывание из строя командира.

В отличие от расхожего представления об организации движения колонн техники: «Что тут сложного? Сели и поехали», планирование движения автомобильной колонны, на самом деле — сложная задача.

Начать хотя бы с того, что при следовании на машине, она должна быть переоборудована. Следует снять тент, нарастить и усилить борта с бойницами. По возможности бронируется и дно кузова — от взрыва 50 кг тротила под днищем это не спасет, но от осколков — вполне. Борта открываются изнутри, личный состав должен сидеть в центре, лицом к борту, снаряжение и груз лежит вдоль бортов. На крышу кабины — противоосколочный козырек (от мин на деревьях), на капот — скат или мешки с песком. Обзор сужается, но и водитель более защищен.

Командир с радиостанцией должен находиться в кузове, с личным составом. Наблюдатели — каждый в своем секторе. Дымы в готовности к немедленному применению. Почему-то не используется система быстрой постановки дымовой завесы, имеющаяся на танках и БМП, хотя она могла бы быть очень кстати.

Определяется порядок открытия огня, очередность спешивания. Например, если у вас есть РГ-6 и ПКМ, то именно они в первые секунды боя открывают огонь по засаде, давая возможность личному составу спешиться и занять оборону. Спешившись, не торопитесь стрелять, сначала разберитесь в ситуации и оцените обстановку.

На тренировках мы стремились к тому, чтобы большинство обучаемых побывало в роли командира, управляя подразделением. Отрабатывались различные вводные — спешивание, занятие обороны, маневр огнем и силами, целеуказания, оказание помощи раненым. Даже однократная практическая тренировка позволяет подразделению увереннее действовать в сложной обстановке.

Характерный случай: машина с 23 сотрудниками, прошедшими эту подготовку, попала в подготовленную засаду. После взрыва всех выбросило из машины. При этом один погиб сразу, трое получили тяжелые ранения. Остальные, имея контузии, организовали оборону, оказали помощь раненым и, отбив нападение, больше не потеряли в бою ни одного человека.

Некоторые итоги

В результате нашей совместной с Сан Санычем деятельности за два года через «Сатурн» прошло более двух с половиной тысяч человек (конечно, некоторые ОМОНовцы не по одному разу). Потери в боевых столкновениях сократились более чем в десять (!) раз, хотя от минно-взрывных средств всего в полтора раза, поскольку инженерная подготовка давалась лишь в основах.

Подготовлено более тридцати снайперов в системе МВД и четверо из другого ведомства.

Стараниями «Чарли» люди, взяв СВД в руки в декабре, сумели уже в феврале занять на межведомственных соревнованиях снайперов 5, 12 и 21 места из 30 команд.

Это говорит о том, что даже то, что есть в подразделениях надо уметь использовать на 100 процентов, а не ждать нового супероружия, с которым не придется работать до седьмого пота. Те же высокоточные винтовки должны попадать в руки подготовленных специалистов, иначе говоря, стрелок должен дорасти до такого оружия. Тот же «Чарли», участвуя в соревнованиях, был единственным, кто поразил из СВД мишень на 900 м. Удалось преодолеть межведомственность и самоуспокоенность — «мы уже три командировки оттрубили, чему нас можно научить?».

Отдельная благодарность психологам МВД Московской области, за их самоотверженность при подготовке отрядов.

Вопросы, освещаемые в данной статье, даны в сильно сжатом виде, некоторые сознательно не отражены вообще. Это же не учебник. Если у кого-то возникнет потребность в учебных материалах, он может через автора-составителя связаться с Сан Санычем, обладателем и хранителем всех материалов и результатов работы за этот период.

С. Козлов. Невкусное печенье

То, что в спецназ попадали самые обычные парни, а не какие-то супермены, я уже писал. Просто раньше к их подготовке перед отправкой в Афганистан относились более серьезно, да и то не всегда. Мой приятель и сослуживец Леха Рожков рассказывал такую историю. Как-то на привале он вдруг случайно услышал сетования молодого солдата: «Плохо в армии. Печенье невкусное. Сахар несладкий». В ходе марша Леха не придавал особого значения словам недавно прибывшего в отряд воина. Когда группа под твоим руководством скрытно выходит к охраняемой духами дороге, чтобы внезапно ударить по транспорту с оружием, не до этого. «Да и что собственно нового сказал солдат. Эка новость. В армии плохо. Понятно, что не у родной мамы. Печенье невкусное. Ну, в общем, тоже не открытие Америки. Галеты из сухого пайка действительно по вкусу напоминают картон. Но и тут все объяснимо. Галеты в пайке вместо хлеба, а не печенье к чаю, — так машинально размышлял Леха, карабкаясь на очередную скалу. — Но почему сахар не сладкий? Это утверждение весьма странно».

На следующем привале Леха даже достал кусок «рафинада» и разжевал его вместе с галетиной. Употребление в пищу углеводистых продуктов позволяет частично удовлетворять потребность организма в воде за счет внутренних ресурсов. Сделал маленький глоток, чтобы смыть сладкий вкус от сахара. — Странно. Нормальный сахар. Вполне сладкий.

Группа поднялась и вновь двинулась в путь, но вопрос, засевший в Лехиной голове, не давал теперь ему покоя. Нет, конечно, выбирая место засады и располагая огневые средства так, чтобы ни одна гадина из засады не уползла, Леха забывал сетования солдата. Но как только садился перекусить сам или замечал, как кто-то из бойцов на дневке выскребает банку куском галеты, вопрос занозой возникал в мозгу. Наконец, Леха решил просто понаблюдать за бойцом с феноменальными вкусовыми ощущениями. И вот тут то все и встало на свои места. Солдат, по недоученности, (видимо, в Чирчике им из экономии не выдавали сухие пайки «эталон №5») принял за сахар кубики сухого топлива, упакованного в целлофан, и с тоской в глазах грыз его, поминая недобрым словом армию.

К. Никитин. Мелочей не бывает

Вопросы выживания были актуальны для человечества во все времена истории его существования. В наше время с такой необходимостью сталкиваются путешественники, люди потерпевшие крушение или просто заблудившиеся в лесу, ну и, конечно, солдаты на войне. Именно о проблемах последних и способах их преодоления, я и хочу рассказать.

Будь готов

Стоит ли говорить, что условия войны сами по себе экстремальны. Поэтому главнейшим аспектом выживания солдата в ходе ведения боевых действий является его боевой дух. От того, насколько он психологически готов к тяготам военной службы, к стрессам и лишениям в условиях боевых действий, да просто к отсутствию бытовых удобств, зависит, будет ли он жить или погибнет, останется в строю или у него «съедет крыша».

Любая экстремальная ситуация требует от человека огромного напряжения душевных и физических сил. Американцы считают, что для успешного преодоления критической ситуации необходимо уметь:

- концентрировать разум;
- импровизировать;
- жить в одиночестве;
- адаптироваться к ситуации;
- сохранять спокойствие;
- оставаясь оптимистом, в то же время быть готовым к худшему;
- понять собственные страхи, укротить их и преодолеть.

В любой экстремальной ситуации главное — помнить, что это временные обстоятельства. Пройдет время, пройдут и они. Надо научиться верить в себя. Есть вечная мудрость царя Соломона: «Все проходит. Пройдет и это». Однако вопрос, касающийся психологической готовности человека, закалки его воли к выживанию и победе, очень сложен и обширен. Он требует отдельного и более детального рассмотрения. Я лишь обращаю внимание читателя на то, что именно он лежит в основе основ. В данной статье я попытаюсь коснуться некоторых прикладных аспектов выживания человека в условиях войны. Но прежде, чем перейти к рассмотрению проблем выживания, хочу сказать, что мелочей в этих вопросах не бывает.

Чтобы автомат стрелял...

Независимо от того, где находится солдат — в казарме или в поле, вопрос ухода за оружием является первостепенным и стоит отдельно. Вряд ли кто-то станет оспаривать тот факт, что для выживания и победы на поле боя необходимо, в первую очередь, иметь оружие в рабочем состоянии. Поэтому напомним нестареющую истину: «Оружие любит ласку, чистоту и смазку». Запомните также, что вы нуждаетесь в оружии, а не оно в вас. Не изменяйте ему, и оно вас не подведет. И хотя автомат Калашникова — самое надежное и неприхотливое оружие в мире, но и его необходимо чистить. В моей практике были случаи, когда затвор АКС-74 можно было передернуть лишь ногой, уперев приклад в землю. Стоит ли объяснять, что будет в бою, если автомат «прикипит»? Если из автомата не стреляли, его достаточно чистить раз в три-четыре дня. Но если из него вели огонь, то необходимо почистить оружие при первой возможности! На войне оружейное масло может отсутствовать в достаточном количестве, но это еще не повод просто потерять автомат тряпкой и считать свою задачу выполненной. Пороховой нагар надо счищать полностью! В журнале «Спецназ» были даны рекомендации по уходу за оружием в полевых условиях. В статье предлагалось при отсутствии оружейного масла использовать растворенный в теплой воде «Посудомой», который есть в столовой. Предложенные рекомендации я опробовал практически. За неимением «Посудомой» в ход пошел стиральный порошок. Опыт показал, что обычной зубной щеткой можно добела вычистить весь автомат в течение 20-ти минут. Исключением были лишь раковины на газовом поршне. После этого необходимо насухо вытереть орудие и смазать тонким слоем масла. При уходе за оружием не стоит забывать о чистке магазинов и подавателей. Также необходимо периодически слегка растягивать их пружины. Это позволит избежать неподачи патрона и других задержек, связанных с работой магазина.

Кстати, о смазке. Как рассказали ветераны Афгана, там оружие в условиях высокой запыленности сначала чистили, затем смазывали тонким слоем масла, а после этого сухой тряпкой стирали это масло. В результате этого оставался тончайший слой смазки, который позволял работать частям и механизмам при стрельбе и не собирал на себе пыль. Поскольку в Чечне, как и в Афгане, частенько приходится ездить на броне, этот опыт может быть полезен. Кроме этого, для того, чтобы в ствол не попадала пыль, наиболее старательные бойцы надевали на дульный тормоз небольшой целлофановый пакет, обматывали его вокруг и крепили тесемкой. При необходимости срочно открыть ответный огонь пуля легко пробивала целлофан, что не создавало помех при стрельбе. По прибытии на место пакет снимали. Может возникнуть необходимость почистить оружие и в ходе боевого выхода. Естественно, что в этих условиях организовывать чистку оружия в составе подразделения глупо. В боевых условиях оружие лучше чистить в парах. Один чистит, другой — прикрывает, и наоборот.

Теперь о частоте приведения оружия к нормальному бою. Поскольку орудие не лежит в футляре, а находится в руках человека, которые ходит, прыгает, ездит на бронетехнике и десантируется из вертолета, его следует приводить к нормальному бою или проверять, как оно бьет, не реже раза в две недели. Один мой товарищ рассказывал, что в Афганистане охранение группы «прошляпило» трех «духов». Афганцы, ничего не подозревая, вышли на вершину горы, на склонах которой прятались разведчики. Командиру, имевшему второй разряд по стрельбе, необходимо было сделать три метких выстрела. Дальность до противника была в пределах ста-ста пятидесяти метров, но он не смог завалить даже одного душмана, хотя стрелял трижды. Как потом оказалось, несмотря на то, что автомат пристреливался месяц назад, он бил с отклонением влево порядка 50 см на 10 метров. По-моему, комментарии излишни.

Рассматривая вопросы выживания, я бы разделил их на два основных раздела:

1. Обеспечение повседневной жизнедеятельности подразделений в полевых условиях;
2. Правила выживания, актуальные для каждого солдата, действующего автономно или в составе группы, выполняющей боевую задачу.

По К.Чуковскому

В сущности, содержание пункта первого относится к налаживанию максимально приемлемых бытовых условий для личного состава, живущего долгое время «в поле». По большому счету эта задача лежит на подразделениях тыла либо просто на старшине роты. Но нередки случаи, когда разведчикам приходится действовать не в составе подразделения, а лишь частью его. В этой ситуации командиру совсем не лишне подумать о гигиене личного состава, каким бы кратковременным не казалось пребывание в этих условиях. Ибо нет ничего более постоянного, чем временное.

Из личного опыта приведу пример, как соорудить походно-полевой умывальник. Изготавливать его лучше всего заранее и иметь в подразделении. Для этого нужна двухсотлитровая бочка, в которой срезается верхняя крышка. В днище проделывается отверстие, к которому крепится кран и длинная труба, заваренная с

противоположного конца. В трубе сверлится несколько отверстий. Изнутри бочку лучше всего покрасить, а снаружи нанести камуфлированную окраску. Так место для умывания будет меньше демаскировать расположение вашего подразделения. Бочка устанавливается на каркасе на высоте около полутора метров. Вот и вся премудрость. Этой емкости с лихвой хватало для того, чтобы помылось шестьдесят человек. Но бывает, когда «в поле» выезжает всего одна группа. В этой ситуации возить с собой описанное ранее сооружение явно излишне. В таком случае выручает «солдатская смекалка». Для сооружения походного умывальника требуется одна или несколько (в зависимости от численного состава группы) пустых пластиковых бутылок, доска и несколько гвоздей. У бутылок срезается дно, и они прибиваются к доске горловиной к земле. Доска в свою очередь крепится к деревьям (столбам), и умывальник готов. Вода наливается сверху, а регулировать струю можно, закручивая или откручивая пробку бутылки. «Дешево и сердито!». Все по Чуковскому: «Надо, надо умываться по утрам и вечерам!». При этом совсем не лишне и побриться. Не говоря о том, что лицо от этого будет приятнее выглядеть, это имеет еще и могучий дисциплинирующий фактор, очень сказывающийся на моральном духе солдат, о котором уже упоминалось выше.

Если на солдата, переставшего сначала бриться, затем умываться, не обращает внимания командир, то скоро он и сам перестает обращать на себя внимание, ощущая себя абсолютно никому не нужным. Особенно это характерно для солдат первых месяцев службы. Первая чеченская кампания это наглядно показала...

Чтобы не ходить в лохмотьях...

Помимо соблюдения правил личной гигиены, необходимо осуществлять уход за обмундированием и снаряжением. Это особенно важно, поскольку у наших солдат нет дополнительного комплекта обмундирования. При отработке даже учебных задач в поле форма рвется. И если ее вовремя не починить, то скоро она может превратиться в лохмотья. Понятно, что, устав после трудов ратных, нет сил и желания этим заниматься, но нужно приучить себя к этой процедуре.

Как пример приведу воспоминания одного из фронтовиков, который действовал в тылу у немцев, начиная со второго дня войны. Он рассказывал, что после Сталинграда, когда в наших лагерях появилось достаточно большое количество пленных, ему было поручено сформировать из них группу. Это было необходимо для выполнения особо важных заданий, когда разведчики действовали, переодевшись в немецкую форму. наших, как ни переодевай, они все равно отличались от немцев. Сложность состояла в том, что сам он был евреем. Но как бы то ни было, группа численностью около сорока человек была создана и успешно действовала. Так вот, нашего командира поразило то, как немцы вели себя на привале. Независимо от того, насколько разведчики устали, перед отдыхом обязательно чистили оружие. Наши же, с которыми он действовал ранее, сразу же заваливались отдыхать. Но и среди немцев был один солдат, который вел себя особенно. Ранее он воевал в корпусе Роммеля, а когда на Восточном фронте стало жарко, часть личного состава из Африки перебросили под Сталинград. Так вот. Этот солдат никогда не ложился отдыхать до того, пока не отремонтирует свою обувь, обмундирование, не помоемся и не побреемся. Иными словами, не подготовит себя к дальнейшим действиям. Об оружии не говорю, поскольку его он чистил в первую очередь. По-моему, достойный пример для подражания.

Девиз «зеленых беретов» гласит: «Если ты живешь жизнью животного, совсем необязательно им становиться». В полевых условиях не всегда имеется возможность подшивать свежие подворотнички. Вместо этого можно использовать шейный платок. Такую же косынку многие носят на голове. Она же может при ранении служить кровоостанавливающим жгутом, а также поддерживающей повязкой. При снятии часовых косынка может служить удавкой, да мало ли еще какое применение ей можно найти.

Обувь

Вопрос не менее серьезный — во что вы обуты. Разбитые в кровь ноги — это результат не только тяжелых условий, а и неправильно подобранной обуви. Нужно ли испытывать это на себе для того, чтобы убедиться в том, что лучшая обувь в походно-полевых условиях — ботинки с высоким берцем? Ни кроссовки, ни что другое их не заменит. Временное обманчивое ощущение легкости сменяется, в лучшем случае, кровавыми мозолями и вывихом голеностопа. Ваша обувь, как и все остальное, нуждается в уходе. С собой всегда необходимо иметь сапожный крем и щетку. Сушить сырую обувь необходимо предварительно набив ее газетами и обильно смазав кремом — это не позволит коже сохнуть. Для того чтобы обувь меньше намокала, полезно опустить ее в растопленный гусиный жир и подержать ее там минут двадцать-тридцать. После этого ботинки поставить на фанерку и дать остыть. Когда они покроются жировым слоем, сапожной щеткой втереть его в кожу. Эта операция особенно полезна для обычных армейских ботинок и сапог. По мере

использования обуви процедуру следует повторять. Для того чтобы мокрые шнурки ботинок в зимнее время не смерзались, их нужно заблаговременно натереть воском или силиконом. Обувь надо подбирать такого размера, чтобы можно было надеть две-три пары обычных носок или одну шерстяных. Кстати, американские рейнджеры носят обувь и летом, и зимой только на шерстяной носок. Если носки намокли или вспотели, необходимо срочно их сменить. Для этого нужно всегда иметь запасные. Кроме того, следует знать, что если при движении вы почувствовали, что носок натирает ногу, то надо просто снять ботинки, вывернуть носки наизнанку и снова надеть. Проблема будет решена.

Как выбрать рюкзак и как его носить

Поскольку обозначенные в начале пункта неразрывно связаны, мы постепенно перешли ко второму вопросу, касающемуся выживания в ходе выполнения боевой задачи.

В этом деле отнюдь не последнюю роль играет снаряжение солдата, и в частности, рюкзак. Наверное, не сообщу ничего нового, если скажу, что РД-54 и тем более армейский вещмешок давно и безнадежно устарели. Поэтому тот, кто всерьез заинтересован в удобстве переноски боеприпасов и других предметов, необходимых для выполнения задачи, должен сам подобрать себе рюкзак. Выбирая его, следует обращать внимание на наличие:

- боковых карманов, где удобно размещать боеприпасы и вещи, к которым нужен быстрый доступ;
- нижнего отделения рюкзака, которое позволяет распределить груз по вертикали и также облегчает доступ к нему;
- разворачиваемой горловины с надежным регулируемым клапаном, что позволяет изменить емкость рюкзака;
- боковых регулировочных лент, которые не дают рюкзаку провиснуть при малом количестве груза.

Однако мало иметь хороший рюкзак, надо еще умело им пользоваться. Во время короткого привала рюкзак лучше не снимать, а использовать его в качестве опоры для спины в полулежачем или сидячем положении. При движении по пересеченной местности необходимо сочетать плечевые и поясные лямки. На равнине надо затягивать поясные и ослаблять плечевые лямки, тем самым нагружая ноги и разгружая плечи. В горах надо подтягивать плечевые и распускать поясные лямки, нагружая плечи и разгружая ноги.

В экстренной ситуации (побег из плена и т.д.), когда нет рюкзака, но есть необходимость нести каким-то образом заготовленные продукты и что-либо еще, можно сделать импровизированный рюкзак-скатку. Он, кстати, может быть полезным и при совершении непродолжительных маршей, и в более спокойных ситуациях. Изготавливается он просто. На земле расстилается обычная армейская плащ-палатка (одеяло и т.п.). С края в линию размещается груз. Затем плащ-палатка скатывается от груза к противоположному краю. Концы связываются веревкой, кроме того, скатку необходимо обвязать еще как минимум в двух местах. После чего она складывается пополам, а концы связываются между собой. Получается весьма удобный для переноски рюкзак, который в течение пути можно перебрасывать с плеча на плечо. Так вьетнамские партизаны переносили боеприпасы и продукты питания во время войны с американцами.

Как собрать рюкзак

Собирая рюкзак, помните: нужно все, а вот необходимо немного. Ваш рюкзак — не кузов грузовика, и нести его придется вам. Поэтому в дорогу берется минимум веса. Для того, чтобы вы не потеряли мобильность, минимальный вес снаряжения не должен превышать одну треть собственного веса человека.

Безусловно, методом проб и ошибок вы в конце концов придете к оптимальному варианту, но пока хотелось поделиться простыми правилами. Вот они: при переноске груз необходимо поднимать как можно выше; рюкзак должен плотно прилегать к спине, но при этом лямки не должны препятствовать кровообращению в руках; внутри рюкзака нагрузка должна быть распределена равномерно, твердые предметы не должны упираться в спину; прежде чем уложить вещи в рюкзак, их необходимо упаковать в водонепроницаемую тару.

Если остался без рюкзака

К сожалению, ситуация не всегда складывается в нашу пользу. Увы! Иногда, чтобы выжить самому, приходится пожертвовать рюкзаком. И это мы тоже можем и должны предусмотреть. Чтобы ни случилось, при вас всегда должны находиться неприкосновенный аварийный запас (НАЗ) и комплект для выживания. По размерам и НАЗ, и комплект для выживания должны быть небольшими и носить их необходимо на поясе, не снимая.

Особенно хочу подчеркнуть — НАЗ и комплект для выживания необходимо носить отдельно друг от друга. По размеру НАЗ должен быть таким, чтобы поместился в сумку для магазинов или другую похожую, лучше всего, водонепроницаемую сумку с надежной застежкой. В сумку необходимо вложить котелок или другую алюминиевую емкость для приготовления пищи. В него же уложить весь комплект аварийного снаряжения. НАЗ должен включать в себя: высококалорийные продукты, имеющие малый вес и объем, но большой срок хранения (галеты, обезвоженное мясо, шоколад, сгущенка, мультивитамины), спички в герметичной упаковке, раскладную металлическую спиртовку для приготовления пищи (она выручит, если развести костер невозможно), таблетки сухого горючего (они прекрасно помещаются в сложенной спиртовке), мини-фонарь (батареи хранить внутри, изменив полярность), набор для чая (заварка, сахар).

Если возможности аварийного запаса уже исчерпаны, а ситуация по-прежнему работает против вас, воспользуйтесь комплектом для выживания. Лучше всего его располагать в водонепроницаемой жестяной коробочке, внутренняя поверхность которой отшлифована так, что позволит вам подавать сигналы как зеркальцем. В комплект должны входить: восковая свеча-плотка (в чрезвычайной ситуации ее можно съесть), кремь с кресалом, швейные принадлежности, таблетки для обеззараживания воды, компас, несколько английских булавок, рыболовный набор (моток лески, несколько крючков и грузил), пила «коммандос», крепкий полиэтиленовый пакет или несколько презервативов (резервуар для воды), пузырек марганцево-кислого калия для дезинфекции и профилактики кишечных расстройств, моток суровой (сапожной) нити для изготовления силков на мелких животных.

Мало иметь, важно уметь

Необходимо отметить, что недостаточно просто иметь и НАЗ, и комплект для выживания. Нужно уметь ими пользоваться! Мало знать, какую живность или растение можно съесть, их еще нужно будет найти или поймать. Теоретические знания необходимо обращать в навыки, отрабатывая все вопросы практически. По своему опыту могу сказать, что до сих пор прекрасно помню то, что делал еще курсантом на практических занятиях по выживанию. Безусловно, все эти рекомендации в первую очередь касаются подразделений разведки и спецназа, хот на войне вопросы выживания вряд ли для кого-то могут оказаться лишними.

С. Козлов. На вкус и цвет...

Как-то я, оставаясь в очередной раз за командира роты, готовил группу Лехи Рожкова, а потом и высаживал ее для ведения засадных действий. Уже на аэродроме Леха по пути к вертолету попросил меня поднести его рюкзак к ведущей вертушке, где мы с ним должны были лететь. Сам он направился к ведомому борту, чтобы уточнить порядок действий при покидании бойцами вертолета. Приняв на плечо Лехин рюкзак, я чуть по колено не ушел в бетон аэродрома. Кряхтя, я дотащил его альпийский рюкзак до вертушки, где с облегчением передал его бойцам.

- Странно, что же у Лехи там лежит? – подумал я.

Но времени для расспросов не было. Когда прибежал Леха, над нами заходили ходуном лопасти вертушки, и мы, сделав пробный подскок, покатались на взлет. Однако интерес к тому, что же за тяжести таскает с собой Леха, у меня не пропал. Говорить же в лоб, что его рюкзак намного тяжелее моего, как-то не хотелось. Это значило бы, что я хоть в чем-то уступаю Лехе. Поэтому, когда он вернулся, я как бы невзначай спросил:

- Лех! А сколько ты с собой патронов берешь?

- Полтора БК, - ответил Леха.

- Странно, - подумал я. Я тоже беру с собой шестьсот пятьдесят.

- Леш, а гранат сколько? – не отставал я.

Леха удивленно покосился и сказал, что четыре.

«Блин», - ругнулся я про себя, я-то беру шесть. Да еще двадцать к «подствольнику», который Леха с собой не носит.

Продолжая выведывать, что же такого тяжелого лежит у Лехи в мешке, я узнал, что сигнальных средств у него столько же, да и всех остальных прикрас так же.

Озадаченный, я отступился. Но все равно было очень странно. Лехин альпийский мешок весил почти в полтора раза, а то и больше, моего РД.

Случай открыл этот секрет. Спустя пару месяцев, когда я уже и забыл про Лехин мешок, случайно я стал свидетелем того, как он его готовит к выходу. Было это в нашей каптерке, где у Лехи хранились его личные, неприкосновенные, стратегические запасы еды. Потомственный казак, Леха не мог жить без сала. Его привозил аккурат столько, чтобы хватило до следующего отпуска. При этом он никогда не жадничал и охотно

угощал нас предметом своего вожделения. Кроме того, у Лехи там хранились запасы всевозможных консервов. Где он их раздобыл, оставалось секретом.

Уложив в свой мешок патроны, гранаты и прочие предметы военной амуниции, Рожков приступил к основному, как я понял, моменту подготовки к выходу. На столе перед ним стояли ряды консервных банок: «Картофель полевой с мясом», «Каша гречневая полевая с мясом», «Говядина тушеная», «Свинина тушеная» и что-то еще, чего я впотымах не разглядел. Там же лежало несколько буханок хлеба и стратегический шмат сала, размером с прикроватный коврик. Вдохновенный вид моего соратника говорил значительности момента. Наверное, так выглядел Наполеон в момент принятия решения перед своими сражениями. Подумав немного, Леха могучей дланью отделил добрую треть всех консервов и сгреб их в мешок. Встряхнул в руках, подумал, бросил туда еще пару банок. До этого в мешке уже лежали три нераспечатанные коробки сухого пайка «эталон №5». За консервами в мешок полетели пять фляг с водой емкостью 1,7 литра, несколько буханок хлеба. В конце священнодействия Леха точным ударом ножа отсек фрагмент от пласта сала и, завернув в газету, положил в альпийский мешок. Подумав немного, Леха вышел из палатки дать какие-то указания. Пока его не было, я на руках прикинул вес Лехино мешка и ощутил уже знакомую тяжесть. Все было ясно.

При том, что боеприпасов мы носили примерно одинаковое количество, а в чем-то я даже лидировал, продуктов мы брали совершенно разное количество. Из трех сутодач пятого эталона я брал только три пачки галет, весь сахар, сгущенку, шоколад, паштет и говяжью тушенку. Свиную не брал из-за того, что в жару ее жир плавился и есть это было невозможно, кроме того, она усиливала жажду. Супы я тоже оставлял в ППД. Все это потом могло пригодиться, но на войне было лишним грузом, хоть и небольшим.

Леха со своим богатырским здоровьем не ленился таскать всю вышеперечисленную снедь.

Заслуживает внимание процесс приема им пищи. Его разведчики рассказывали, что Рожков, придя на место, выставлял наблюдение, организовывал боевой порядок в засаде, а после этого начинал трапезу. Обычно до рассвета после длительного марша оставалось не больше часа. Леха ел много и разнообразно, непременно сдабривая пищу изрядной дозой «украинского наркотика», уминал при этом примерно полбуханки хлеба. После этого пил воду. По свидетельстве тех же бойцов, пил он сразу много, как верблюд. Потом ложился спать, предварительно оставив за себя своего заместителя. Спал тоже по-богатырски. От жары обильно потел так, что в глазных впадинах пот стоял небольшими озерами, но это ему не мешало. Днем Леха не ел и не пил никогда.

Второй прием пищи у него наступал, когда садилось солнце, после чего он занимал позиции и ждал караван.

*

Все, описанное здесь, идет вразрез с общепринятым мнением о том, как надо правильно питаться и расходовать воду на жаре, но факт остается фактом.

Это лишь еще раз подтверждает, что «на вкус и цвет товарищей нет». Поэтому, собираясь на войну (или просто в дорогу), следует в первую очередь руководствоваться своими привычками, а также особенностями организма и психики.

Желаю удачи!

С. Козлов. ...В двадцать лет быть солдату отцом

Человеческие отношения — вещь сложная. В обычной мирной жизни, где нет экстремальных ситуаций, можно общаться с человеком долгие годы и так и не понять, что он из себя представляет. Незабвенной памяти Владимир Семенович Высоцкий был стократ прав, написав: «Парня в горы тяни... Там поймешь, кто такой...». Война еще более экстремальна, а война в горах... Одним словом, вы меня, конечно, поняли.

Что-то случилось...

Никогда не забуду утро 10 февраля 1984 года, когда мы пересекли границу с Афганистаном и встали в 2—3 километрах от нее для того, чтобы зарядить боеприпасы. Казалось бы, ничего особенного не произошло. И здесь, в Афганистане, и на Кушке было одинаково промозгло, одинаково дул противный ветер. Дел то всего — проехали три километра, а все изменилось и, в первую очередь, изменились мы сами. Бойцы, которым в Союзе можно втолковывать в голову требования воинской дисциплины веками и иметь нулевой результат, здесь ловили каждое слово командира. Помню, как во время снаряжения патронов, я сказал своим: «Если хотите живыми вернуться домой и увидеть свою маму, выполняйте все мои распоряжения. Будете выполнять, даю девяносто девять процентов, что вернетесь домой живыми и здоровыми. Сто не обещаю, поскольку

здесь война, а я не Господь Бог. За того, кто будет нарушать мои требования, я не дам и копейки». Сказано было красиво и правильно, но еще три километра назад я мог повторять это хоть целый день, без надежды на эффект, здесь же повторять не пришлось. Я сначала даже растерялся от неожиданного роста исполнительности. Потом понял: бойцу в условиях опасности хочется за кого-то спрятаться, в кого-то верить, на кого-то надеяться, кроме себя самого. Этот кто-то — командир. К сожалению, не всегда он оправдывает солдатские надежды. Как рассказывал сержант группы минирования Владимир Налетов, его командир снял с него бронезилет, натянул на свой и забился в БТР, где и сидел от стоянки до стоянки. Его же выгнал на броню с автоматом для того, «чтобы своевременно уничтожать гранатометчиков». Впоследствии он сделал все, чтобы перейти в штаб, хоть и с понижением.

«Шакалы»

Отношения на войне у солдата с офицером могут складываться по-разному. В пехоте солдаты офицеров за глаза называли «шакалами». Впервые это обидное прозвище я услышал от двух сержантов 70-й мотострелковой бригады. К тому времени я уже успел отличиться на войне и, видимо, солдатами оценивался положительно. Эти двое пришли ко мне проситься на боевой выход. Главный мотив, как мне удалось выяснить, заключался в том, что они хотели убедиться лично в том, что бывают не только «шакалы», но и офицеры. Конечно, мне пришлось их разочаровать, в засаду с собой я их не взял. Но от разговора остался неприятный осадок — было обидно за пехотных собратьев. «Странно, за что они так о своих офицерах?» — думал я. Но спустя некоторое время я смог понять причины. Перед очередным выходом я столкнулся со знакомыми офицерами из пехоты.

— Серега! Ты куда это собрался? — удивленно окликнули они меня, увидев навьюченным моим рюкзаком и прочими «причиндалами».

— На войну. Не видите, что ли? — буркнул я.

— Видим. Ты что — офигел что ли, таскать такие тяжести? У тебя что — солдат нет? — говорили они, явно пытаясь наставить меня на путь истинный.

Тут то мне и стало ясно, что к чему. И вспомнил я, как те двое рассказывали, как они, изнывая от тяжести своего груза, перли в зеленке на себе офицерские шмотки, патроны и прочее, а офицер в это время шел в кроссовках и нагруднике с автоматом на плече. Я тогда думал, что врут.

Цена ошибки

В спецназе отношения солдата и офицера совсем иные. Я не стану писать бред про то, что они братские и т. д. Тот, кто это пишет, видимо, никогда на войне не был. Для того, чтобы проиллюстрировать эти отношения, приведу такой пример.

Кто служил, помнит солдатские записные книжки, изобилующие солдатскими афоризмами. Большею частью, избитыми и банальными. Сетовать на их содержание занятие неблагодарное.

Всему виной издержки воспитания и полученного образования. Тем не менее, содержание этих записных книжек периодически проверяли замполиты. «Инженеры человеческих душ» должны были быть уверены, что солдат туда, кроме воздыханий о «гражданке», не написал чего-нибудь крамольного. И вот однажды, проверяя солдатское творчество, замполит нашей роты Мишка Манучарян нашел одно четверостишие. Не помню этот бред дословно, но суть его сводилась примерно к следующему, мол, не переживайте пацаны, пройдет немного времени, и будут нам с вами «светить не звезды на погонах у «шакалов», а звезды на бутылках коньяка».

Мишка собрал всех офицеров и построил роту. После этого он вывел владельца записной книжки и зачитал «любимое стихотворение». Далее он обратился к солдатам, пояснив, что «шакалы», если кто-то не понимает, это офицеры, стоящие перед ними. Те, кто вытаскивает лично их, раненных, с ничейной земли, кто, в случае надобности, оттуда же вытаскивает на себе и трупы их товарищей, для того чтобы не посылать их, молодых и неопытных, и не рисковать их жизнями. Это те, кто выводит их на караваны и проводит с ними удачные засады. Мишка имел полное моральное право обобщать, имея в виду и себя. На войну с группами он выходил исправно.

— По утверждению этого военного, «шакалы» — это мы, — сказал Манучарян. После этого мы ушли, оставив незадачливого солдата перед строем роты.

Солдата того больше никогда не брали на войну. До самого «дембеля» вся самая грязная работа в роте была его. Тогда он только прибыл из Союза и, по его же словам, переписал это злосчастное четверостишие у кого-то в учебном полку, не задумываясь. В общем-то, и вся вина его была только в этом. В других условиях к этому и отнеслись бы совсем иначе. Но на войне все по-другому.

Особые отношения

Не было равенства и братства между офицерами и солдатами, к которым так стремились большевики. За разгильдяйство или нарушение правил маскировки могли мы, не имея времени в засаде на партийно-политическую работу, и просто дать солдату в морду. И он не обижался, понимая, что дали за дело. Могли за пьянку в ППД заставить на солнцепеке копать окопы полного профиля. Но и они, и мы знали, что если понадобится, то рисковать жизнью мы будем в равной степени, чтобы выполнить задачу. А офицер даже больше, поскольку, раз у него прав больше, то, значит, и обязанностей и ответственности у него тоже больше. Это порождало особые отношения, которые поддерживаются и по сей день.

До сих пор вспоминаю, как, буквально, плакала рота, когда я с ней прощался перед отлетом в Союз. Как у меня, человека не сентиментального, глаза наполнились слезами, а к горлу подкатил непонятно откуда взявшийся ком. Подобные моменты хранит память многих моих друзей и сослуживцев и многих других настоящих офицеров, которых я, к сожалению, не имел чести знать.

Еще при издании первой книги издатели предлагали подготовить и поместить в книгу рассказ о себе. Но как-то не срослось. И не от того, что я такой скромный. Просто не получилось. Идя навстречу пожеланиям издателей, я помещаю интервью, которое у меня брал журнал «Спецназ» летом 2000 года, без купюр и правок.

Вместо послесловия. С. Козлов. «В «женихи» для командования не гожусь...»

Журнал «Спецназ»: Сергей Владиславович, в спецназовских кругах Вы — человек достаточно известный и по высокой результативности Вашей работы в Афганистане, и по Вашим публикациям в течение последних пяти лет в «Солдате Удачи» и «Братишке». Многие идеи, высказываемые Вами, достаточно конструктивны и революционны. В то же время, насколько нам известно, Вы закончили службу всего лишь майором в должности начальника штаба отряда. Как Вы это объясняете?

На самом деле, все и очень сложно, и в то же время просто. Ответ частично заключается в вашем вопросе. Людей, высказывающих революционные идеи, не любили никогда. Ко мне это относится дважды, поскольку я еще никогда не был человеком, удобным для общения с руководством. Мало того, раз уж пошел такой откровенный разговор, скажу, что я никогда не был примером дисциплины. Наверное, все оттого, что я напрочь лишен чинопочитания.

Ко всему, в молодости был весьма задиристым. Исключением, может быть, является период детского сада и начальной школы, когда моя мать и бабушка, пользуясь авторитетом старших, в два голоса внушали мне, что драться нехорошо, что надо быть примерным мальчиком, слушаться старших и прочую чушь. Получив несколько раз во дворе, я осознал, что между их словами и правдой жизни огромная разница. Как результат, я стал критически относиться к каким-либо авторитетам. В шестом классе занялся боксом и перестал быть битым во дворе. Напротив, для достижения лидерства сам стал первым забиякой. С тех пор так и пошло. И в школе, и в армии, и в училище, и уже будучи офицером, я всегда был достаточно независим, за словом в карман не лазил и, тем самым, был особенно неудобен. При необходимости мог и в глаз засветить, если было за что. Одним словом, в глазах начальства — «диссидент» и хулиган. Но, в то же время профессию свою любил и люблю до сих пор и знаю неплохо. Даже был лучшим офицером разведки округа. Штатная группа моего отряда, а не сборная бригады, как заведено везде, заняла первое место в Вооруженных Силах. И это несмотря на то, что все призовые места были поделены без нас.

Но служба закончилась также по причине нарушения воинской дисциплины, которое другому бы сошло с рук. Во всяком случае, наказание не было бы столь суровым. Для меня это вылилось в то, что несмотря ни на какие успехи в боевой подготовке, командование бригады решило отозвать документы из академии. Не помогло и ходатайство, направленное из академии командованию части о выдвижении меня на вышестоящую должность за отличную учебу. А начальник разведки Одесского Военного Округа полковник Ващило откровенно сказал, что делает это, пользуясь случаем. По его словам, я — офицер грамотный и, безусловно, способный занять в будущем руководящие посты в специальной разведке, но тогда таким как он придет конец. Заявление мое о том, что в этом случае я подам рапорт об увольнении, его скорее обрадовало, чем огорчило.

Ж-л «СН»: А почему вы решили прекратить службу? Служат же люди и без академии.

Дело в том, что я — потомственный офицер. Я затрудняюсь даже сказать, сколько поколений моих предков служило в армии. Смысл всей моей жизни, а, значит, и службы в армии, заключался в военной карьере, цель которой — стать руководителем спецназа и добиться его реорганизации. Цель, как вы видите не из легких, а без академии она просто становилась несбыточной мечтой. Поэтому дальнейшую службу я посчитал бесперспективной.

Спустя полгода после конфликта начался дележ Вооруженных Сил. Это уже была не служба, а какой-то сумасшедший дом.

Ж-л «СН»: Вы сказали о реорганизации спецназа. По Вашему мнению, есть в этом необходимость?

К этой мысли я впервые пришел еще в звании старшего лейтенанта, когда вернулся из Афганистана. Война, несмотря ни на какие ее минусы, имеет один, но очень большой плюс. Она позволяет увидеть многое в истинном свете. Конечно, это происходит, если человек этого хочет. Когда я стал старшим помощником нач. опера бригады, я получил возможность ознакомиться и с планом ее боевой подготовки. Также контролируя организацию боевой подготовки, удалось посмотреть на проблему как бы со стороны. В результате понял, что многое и в программе и в планировании БП — «липа». Время было перестроечное, и многие офицеры высказывали интересные мысли. Спустя некоторое время ОПО возглавил подполковник Езерский, недавно прибывший из академии, — офицер очень грамотный. В ту пору модно было советоваться с народом. В части и соединения специальной разведки было разослано распоряжение подготовить и подать предложения по необходимому изменению штатной структуры. Езерский, зная, что у меня масса новаторских идей, предложил мне заняться этим вопросом. В результате за десять дней я подготовил концепцию реорганизации войск в целом. Она включала не только мои конструктивные идеи, касавшиеся не только изменения штатной структуры, но и принципов комплектования, программы боевой подготовки, а также всей системы подготовки офицеров спецназа. Об этом я вкратце писал в «Солдате Удачи» № 7 за 1995 год, а также в «Братишке» № 4 за этот год. Если читателям «Спецназа» интересна идея, я специально для вашего журнала могу ее отдельно изложить.

Ж-л «СН»: Не кажется ли Вам, что столь коренное реформирование в настоящее время не вполне уместно? Например, Вы, сказав об изменении принципов комплектования, наверняка имели в виду службу по контракту.

Отнюдь. Я предложил смешанный принцип, где должности, требующие более высокого профессионализма, по возможности должны занимать контрактники. Но не те контрактники, которыми на начальном этапе чеченской войны «прославилась» армия. Контракт на службу надо заключать с теми, кто прошел срочную службу в спецназе и хорошо зарекомендовал себя. Остальные должны проходить жесточайший отбор. Кстати, это касалось и «срочников». Программа их подготовки была рассчитана на годичный цикл, а служба в спецназе увеличивалась бы на год. К сожалению, в интервью я не могу в полной мере осветить все идеи, входящие в концепцию. Но о том, что эти идеи вполне здравы, свидетельствует тот факт, что недавний руководитель спецназа, полковник Манченко, многие из них реализовал после того, как я их изложил письменно специально для него. Тем не менее, внедрено не более пяти процентов замысла. В настоящий момент задачи спецназа те же, что были и двадцать лет назад, хотя я предлагал в соответствии с велением времени расширить и разделить их на задачи мирного и военного времени. К задачам мирного времени я предлагал отнести, в частности, борьбу с повстанцами, миссии спасения, силовые акции против наркомафии и многое другое. Реформу же я предлагал провести в течение пяти—шести лет. Если бы ее начали постепенно осуществлять в 1988 году, когда идея была впервые доложена руководителям спецназа, то в Вооруженных Силах России давно был бы спецназ, уровень боеготовности которого превышал бы нынешний в несколько раз.

Ж-л «СН»: Чувствуется, что за спецназ Вы болеете до сих пор. А как Вы попали служить в специальную разведку?

Мысль о том, что я буду офицером, как и все мои предки, мне внушалась родителями с детства. Военную профессию предлагалось выбрать самому. Кем я только не мечтал стать, но лет в четырнадцать посмотрел фильм о югославских диверсантах «По следу тигра» и заболел идеей стать таким же. А где у нас готовят «диверсов»? Конечно в Рязани. Решил стать десантником, поскольку о спецназе даже не слышал.

В училище поступал трижды. Первый раз на общий — десантный факультет сразу после школы. А потом из воздушно-десантных войск уже в девятую роту. Окончив училище, попросился в Лагодехи, где в восьмидесятом был сформирован 173 отряд специально для Афганистана. В Афган мечтал попасть с училища. Но судьба постепенно все расставляет на свои места. Мечта осуществилась в феврале 1984 года, когда отряд был введен в ДРА.

Ж-л «СН»: Известно, что Вы один из наиболее результативных командиров групп специального назначения, воевавших в Афганистане. Как Вы оцениваете действия спецназа в Афганистане, а также, что из Вашего боевого опыта Вам наиболее запомнилось и, что Вы оцениваете, как самый, самый из Ваших результатов?

Действия спецназа в ДРА нельзя иначе оценивать, кроме как положительно. По образному выражению одного из армейских бардов, Михаила Калинин, написавшего о спецназе: «Мы были стайей волкодавов и для замков любых ключом». Говоря же прозой, следует отметить, что спецназ в Афганистане блестяще выполнил поставленные перед ним задачи. Жаль только, что их, по большому счету, следовало бы решать другим.

Афган породил порочную практику использования частей специальной разведки по принципу «в каждой бочке...». Но в тоже время, оказавшись в таких условиях, спецназ смог выработать новую тактику, которая, к сожалению, не описана в соответствующих инструкциях и наставлениях. Кстати сказать, я решил исправить это упущение и к пятидесятилетию спецназа должна выйти книга, где с использованием боевых примеров описана тактика действий спецназа не только в Афганистане, но и в Таджикистане, Чечне и Дагестане. Рабочее название книги: «Спецназ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны». Кому интересны мои результаты, они там подробно описаны. Оценивая же их, я не могу выделить только один.

Наиболее показательным и крупным, наверное, можно считать самый первый результат, когда мы забили колонну из пяти автомашин и без всякой поддержки вели бой с иранскими наемниками, превышавшими нас по численности более чем в пять раз. Тогда мы не потеряли ни одного разведчика даже раненым, духов же «накрошили» изрядно.

Самым драматическим был, на мой взгляд, момент, когда меня с Леонидом Рожковым и половиной моей группы бросили вертолетчики в районе, полностью контролируемом мятежниками. Из-за этого мы были вынуждены вместе с захваченными трофеями отрываться от преследования.

Наиболее же интересным в тактическом отношении я считаю эпизод, когда нам удалось уничтожить засаду «черных аистов», которую они организовали против нас недалеко от границы с Пакистаном. Было и еще несколько результативных выходов, но они вполне обычны и ничем особенным не выделяются. Все по схеме: скрытно вышел, внезапно ударил, захватил и эвакуировался. Еще считаю своей заслугой то, что, оставшись за командира роты, убившего в отпуск, смог организовать боевую деятельность роты так, что за полтора месяца рота дала четыре серьезных результата без каких-либо потерь. Когда в армии подводили итоги, выяснилось, что за этот период наш батальон захватил трофеев больше, чем вся армия. Но в батальоне в тот период, кроме нашей роты, никто ничего серьезного не брал.

Кстати, возвращаясь к началу разговора, и здесь у меня был серьезный конфликт с командиром батальона майором Сьюлгиным. Поэтому меня, по обыкновению, не только не наградили, а чуть не отправили служить в пехоту «за профессиональную непригодность». Благо, что в разведотделе армии старшие офицеры, зная меня как результативного офицера, не дали «сожрать».

Вообще Афганистан вспоминаю, как самое яркое время моей жизни. За двадцать восемь месяцев мне посчастливилось попробовать практически все, что положено уметь спецназовцу, а также реализовать кое-какие свои идеи. Именно тогда я впервые начал писать, обобщая боевой опыт отряда за два с лишним года. Об этом меня попросил командир батальона майор Бохан С.К. — один из о немногих моих командиров, с которым у меня сложились хорошие взаимоотношения. Он смог оценить меня как профессионала, а не как женщина, оценивающая потенциального жениха. В женихи для командования я никогда не годился.

Ж-л «СН»: Вы сейчас обмолвились о том, как впервые стали писать, а как Вы вообще попали в журналистику?

Да случайно. Увидел на развалах № 12 журнала «Солдат удачи» за 1994 год, купил, а там материал про меня. Я сначала обрадовался: «Слава нашла героя». Пил два дня. А потом жена моя обратила внимание на то, что материал был «содран» с моей курсовой работы в академии, которую я написал на основании опыта работы нашего отряда. Работа эта ходила по рукам, поскольку начались локальные конфликты на территории

бывшего СССР. Те, кто был вовлечен в эти малые войны, по ней учились. А некто Пиков и некто Шведов беззастенчиво передавали материалы из нее в редакцию как свои. Когда я это понял, то обратился к главному редактору журнала Сергею Панасенко, а он для того, чтобы компенсировать моральный ущерб, предложил что-нибудь написать для журнала. Так потихоньку стал печататься в «Солдате».

А в январе—феврале 1996 года главный предложил мне стать редактором отдела специальных операций. Поскольку мне тогда же предложили более денежную и перспективную должность в компании «Спортмастер», я согласился работать, но только по совместительству. С тех пор так и работаю. Правда, в октябре прошлого года из журнала пришлось уйти. Тогда я предложил свои услуги «Братишке», и их приняли. Но сейчас, когда Кузьминова, с которым у меня был конфликт, самого выгнали из «Солдата», меня пригласили обратно. Однако связей с «Братишкой» не теряю.

Ж-л «СН»: Мы знаем, что Вы балуетесь прозой и пишете байки о спецназе. Не могли бы Вы сейчас вкратце рассказать одну из них.

Прозой я именно балуюсь. Байки, несмотря на некую забавность и порой колкость, пока далеки от совершенства. Но если вы просите, расскажу одну из них.

Назовем ее «ЦУ и ЕБЦУ», что сокращенно означает «Ценные Указания и Еще Более Ценные Указания».

Как я уже говорил, авторитетов я никогда не признавал. Для того чтобы я поверил начальнику, он должен доказать свой профессионализм, так же как и я. Думаю, это — вполне разумно, а в нашей работе — особенно. К сожалению, с этим постулатом согласны далеко не все и, в первую очередь, начальники. Об одном из таких, считающих, что с должностью приходят и профессионализм, и авторитет, я и хочу рассказать.

Заместитель начальника штаба Сороковой Армии полковник Симонов прибыл на эту должность из Союза, где, по слухам, из-за за какого-то ЧП его «прокатали» с генеральским званием. Первая наша встреча состоялась, когда он прилетел в Кандагар для того, чтобы «разобраться» с командиром первой роты Сергеем Габовым. Драть Серегу было за что. За три месяца его командования в роте случилось несколько серьезных происшествий, повлекших за собой травмы и даже гибель подчиненных. Причем все случилось в тот период, пока я, командир второй группы, был в отпуске. Ко всему прочему, сгорела казарма, которую нам в период моего временного командования, удалось достроить. Но Симонову не повезло. Теперь уже Серега уехал в отпуск, а исполнять обязанности опять пришлось мне, недавно назначенному его заместителем. Мы с офицерами быстренько «закрутили гайки», и жизнь в роте снова потекла без каких-либо ЧП.

С приездом Симонова, на самом деле, больше всех не повезло мне, ибо ему на ком-то надо было отыграться. Что он и сделал. Но «казнить» меня за проступки ротного, совершенные в период, когда я отсутствовал и даже его замом не был, глупо. Симонов думал иначе. Неудачно попытавшись придраться к порядку в роте, полковник решил выявить мародеров. По мнению штабных, в спецназе только такие и служат. Для осуществления замысла он сделал «коварный» ход — спросил у солдат, находящихся в палатке, который час. Боец сказал, что у него нет часов. Надеясь увидеть трофейные «Seiko», полковник повторил вопрос другому солдату и, не удержавшись, задрал ему рукав кителя, думая, что бойцы его обманывают. Но там тоже ничего не оказалось. Тогда медленно и угрожающе он повернулся ко мне. Я понял все и, улыбаясь во весь рот, показал ему «Командирские» в золотом корпусе, которые мне подарили сослуживцы на день рождения. После этого Симонов, озверев, водил меня по всему батальону и «драл» за всяческие недостатки, будто бы я — комбат. Напоминания о моей должности на него не действовали.

Во второй раз, когда мы с ним встретились, проявился в полной мере и «полководческий талант» полковника Симонова. Мы проводили операцию по захвату укрепрайона «Горы Хадигар». Комбат оставил меня на передовом КП руководить действиями наших групп, высадившихся на вершинах ущелья. Сам он уехал непосредственно в укрепрайон, который к этому моменту был уже взят. И тут в эфире возник знакомый голос Симонова, который зачем-то хотел, чтобы группа Лехи Рожкова переместилась на несколько километров южнее по хребту. Причем познания полковника в топографии, как оказалось, были минимальными. Потрясая весь эфир своей «одаренностью», он требовал: «Передайте командиру триста тридцать первой группы, пусть дойдет до названия (!!), повернет направо и пройдет вдоль него четыре километра!».

Если перевести этот бред, то получится, что полковник требовал от Лехи, чтобы он дошел до названия «Горы Хадигар», напечатанного на карте, и далее следовал вдоль него.

Не буду говорить, что для указания направления движения и конечного пункта существуют азимуты магнитные, а также полные и сокращенные прямоугольные координаты. Если уж забыл, как их снимать, то можно было воспользоваться для обозначения места так называемым методом «улитки». Названия же на картах разного масштаба написаны в разных местах. Я знал, что этот горе-полководец командует по

пятидесятитысячной карте, а Леха работает по «сотке». Не желая восполнять пробелы образования в двух академиях, а также, понимая, что, выполняя эту блажь, Лехе придется перебираться через глубокое ущелье, я включил на полную мощность «систему дурак». Делая вид, что у меня вдруг пропадает связь, я стал просить повторить указание несколько раз, а потом и вовсе перестал отзываться. И Леха, и те, кто слышал этот «цирк в эфире», по достоинству оценили его. Оценил его и Симонов. Все представления к наградам и внеочередному воинскому званию на мое имя возвращались назад с его пометкой: «Представляемый уже достаточно отмечен наградами Родины».

Ж-л «СН»: Сергей Владиславович, создается такое впечатление, что Вы вполне критически подходите к своим поступкам. Не сожалеете ли Вы о своем, довольно вызывающем, поведении?

Нет, поскольку все это время я оставался самим собой, а для меня вопрос внутреннего согласия со своей совестью намного важнее того, что обо мне подумают начальники. Тем более, что так я себя вел только с людьми, которых не уважал.

Если бы сейчас мне предложили карьеру взамен на «пушистость», то я бы отказался.

Оглавление:

Предисловие

Часть I. ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СПЕЦНАЗА

Армейский спецназ

И.Н. Щелоков. У истоков армейского спецназа

С. Козлов. Подстава

С. Козлов. Судьба офицера

С.М. Тарасов. На смену ротам приходили батальоны

И.Н. Щелоков. Соединения спецназ в действии

В. Бреславский. Развивая лучшие традиции

С. Козлов. Гребец

Спецназ ВМФ

В. Афонченко. Человек из легенды

В.С. Авинкин. Опробовано на себе

В.П. Трошин (беседу вел В.Афонченко). Ихтионавт - обитатель Гидросферы будущего

Часть II. МИРНЫЕ БУДНИ

В.Е. Бреславский. Опыт - критерий истины

С. Козлов. Бывает...

С. Галаев, И. Ивлев. Штурм по заказу КГБ

И. Ивлев. На затонувшем "Нахимове".

С. Галаев. Палыч

С. Галаев. Пешком по советским тылам

С. Денисов. Чурка-чуркой

С. Галаев. С неба под воду с высоты 80 метров

Часть III. АФГАНИСТАН - ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС СПЕЦНАЗА

С. Козлов. Вместо предисловия

Кабул. 459 орСПН

Ян Кушкис. Засада в карьере

Ян Кушкис. Суровый урок

С. Козлов. Спасибо за чай

Джелалабад. 154 ооСПН

А. Лебедев. "Мусульманин" с орденом Ленина

В.С. Шарипов, П. Легкий. Операция «Шторм»

Д. Лютый. Мне было с чем сравнить

С. Козлов. Беркут

Д. Лютый. Мне было с чем сравнить (продолжение)

Д. Лютый. Взаимодействуя с пехотой

С. Козлов. Как правильно пользоваться гранатой

Д. Лютый. Новогодний результат

Д. Лютый. Захват укрепленного района "Гошта"

Д. Лютый. Когда налёт превращается в операцию спасения

Г. Удовиченко. Засада, проведенная сходу

Газни. 177 ооСпН

Карен Таривердиев. Зима в Газни

Кандагар. 143 ооСпН

С. Козлов. Зелёный берет

С. Козлов. Мины на обочине

С. Козлов. В каждом деле главное не перестараться

А. Хамзин, Г. Должиков. Охота за спецназом

Д. Подушков. Война под занавес

Бараки. 668 ооСпН

Сергей Баракинский. Баграм. Становление отряда

Сергей Баракинский. Караван у стенки

С. Козлов. Тропа разведчика им. тов. Золкина

С. Шепелев. Трудный путь к результату

С. Козлов. Награда нашла героя

В.Ф. Воробьёв, Е.С. Барышев. Абчаканский караван

Е. Барышев. Ошибки, на которых стоит учиться

Асадабад. 334 ооСпН

А. Кистень. "Маравары"

Д. Лютый. Вторая часть мараварского «балета»

С. Козлов. Резюме

А. Зюбин. Суруби

Лашкаргах. 370 ооСпН

С. Козлов. Метаморфозы

В. Мельник. Под Гиришом

В. Мельник. Урок ценой пятнадцать миллионов

С. Козлов. Ордена как показатель женственности

Г. Должиков. Помощь приходит с неба

Шарджой. 186 ооСпН

В. Сергеев. От формирования до начала боевых действий

В. Ковтун. Ледящий зной Шарджоя

Е. Сергеев. По агентурным данным

В. Ковтун. Налёт на Шинкай

В. Ковтун, Е. Сергеев. Как взяли первые "Стингеры"

В. Ковтун. Как награждали политрабочих

В. Ковтун. Героизм - всегда следствие чей-то глупости (ненапечатанное письмо)

С. Козлов. Ордена по сроку и "Герои" по разрядке

Фарахруд. 411 ооСпН

Владислав Велиев. Я был всего лишь переводчиком

С. Козлов. Проходимец

Часть IV. БЕЗВРЕМЯ

Е. Сергеев. Механизм урегулирования межнациональных конфликтов

С. Козлов. Метаморфозы

А. Котов. Игрушечная война банановых республик

В. Солоненко. Кто может стать Министром обороны Украины?

В. Велиев. Спецназ в Приднестровье

С. Козлов. Сапер ошибается только раз

Часть V. ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ

Е. Сергеев. Начало Чеченской кампании поражало своей неразберихой

Тарас Зиков. Разведчики! В атаку?..

Д. Лимонов, И. Сирица. Возмездие (Документальная повесть)

Часть VI. ВТОРАЯ ЧЕЧНЯ

А. Сухолесский. Вместо предисловия

Н. Сухов. Шалинская осада

С. Козлов, А. Сухолесский. Грозный-2000. Удачи и просчеты

В. Александров. Была ли охота на волков?

В. Александров, С. Козлов. Опыт - путь ошибок
С. Козлов. Снайперы во Второй чеченской
Д.В. Лимонов, И.В. Сирица. Возмездие
С. Козлов. Проверка на дорогах
С. Козлов. Проблемы власти
С. Козлов. Чеченские будни федеральной безопасности
В. Александров. Шерди-Мохк
С. Козлов. Прошло полгода...
С. Козлов. Начало положено.
С. Козлов. Фатальный дубль террориста

Часть VII. ЧТО ДЕЛАТЬ?

С. Козлов. Лекарство от мятежей
С. Козлов. Милиция. Бей своих, чтоб чужие боялись
С. Козлов. Лекарство от мятежей (продолжение)
С. Никитин. Верните в поле царицу полей
С. Козлов. "Партизаны" или резервисты?
С. Козлов. Как защитить общество от «боевого стресса»

Часть VIII. ОБЕСПЕЧЕНИЕ, ВООРУЖЕНИЕ, ТЕХНИКА, СНАРЯЖЕНИЕ, ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

С. Козлов. Краткий обзор средств связи, применяемых в локальных конфликтах, и их возможностей
С. Козлов. Нерв армии
С. Козлов. Врач из армейского спецназа
Г. Кузнецов. Карающая десница
Г. Кузнецов. Боевой, а не десантный
А. Сухолесский. Спецназовская артиллерия
С. Козлов. Миномет? Почему бы и нет?
А. Сухолесский. Артиллерия партизан в локальных вооруженных конфликтах
С. Козлов. Новые разработки Ижевского завода
К. Конев. Автомат, как оружие снайпера?
А. Буднев. Путь «Сатурна»
С. Козлов. Невкусное печенье
К. Никитин. Мелочей не бывает
С. Козлов. На вкус и цвет...
С. Козлов. ...В двадцать лет быть солдату отцом
Вместо послесловия. С. Козлов. «В «женихи» для командования не гожусь...»